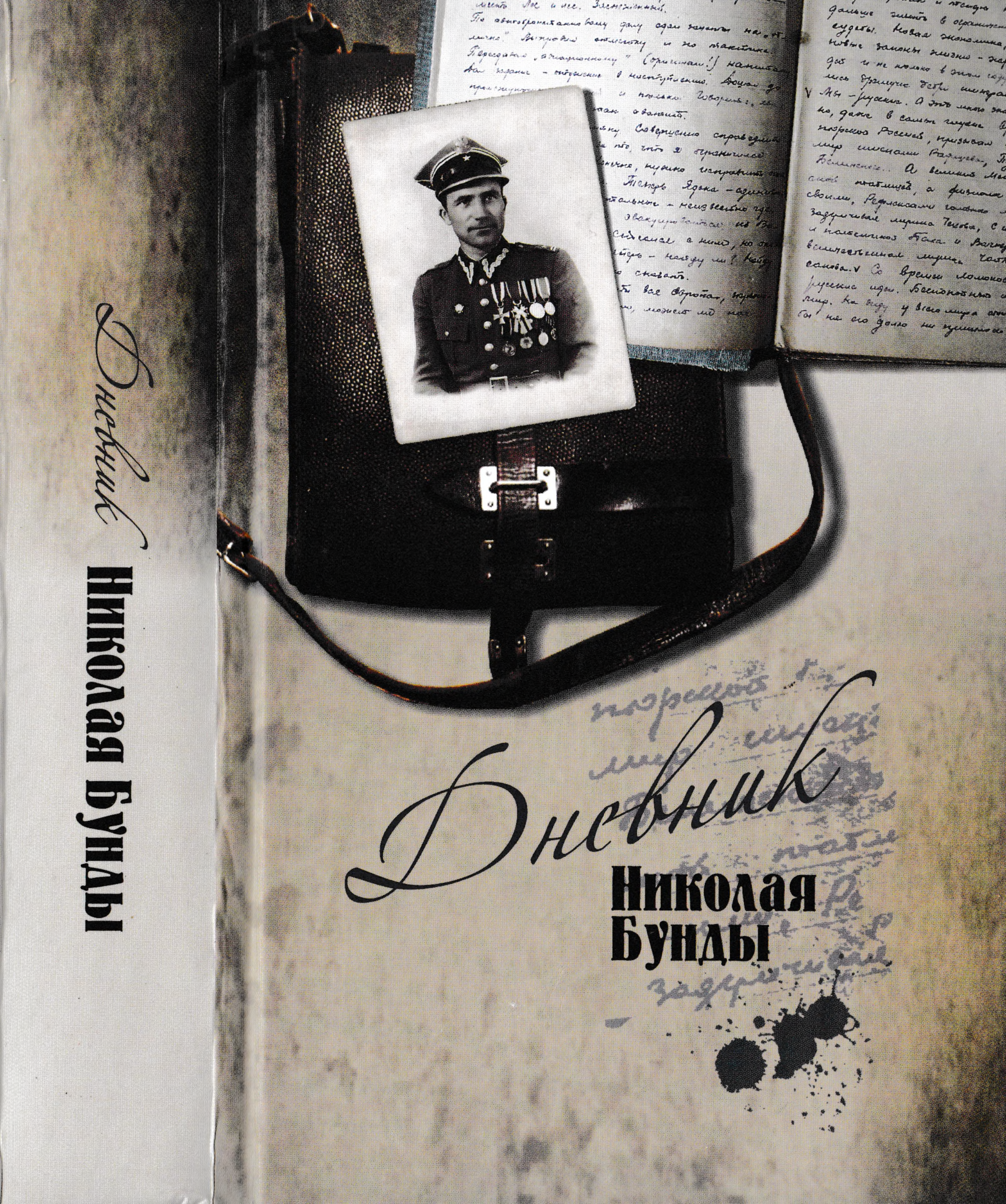

Дневник
Николая Бунды
Дневник
Николая
Бунды

Николай Бунда

Дневники
(1941—1948 годы)

Санкт-Петербург 2010

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622
Б 91

Книга издана при финансовой поддержке

Консульского отдела Посольства Республики Польши
в Российской Федерации, г. Москва

Фонда «Помощь полякам на Востоке»

Министерства культуры, молодежной политики
и массовых коммуникаций Пермского края
к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне

Управления общественных отношений
аппарата Пермской городской Думы и главы г. Перми.
Городская целевая программа
«Общественное участие, 2005–2009 гг.»

Дневники Н. В. Бунды
подготовили к публикации:

А. В. Черных, *д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН;*

М. В. Старцева*, председатель правления Пермского центра польской культуры, член правления «Конгресса поляков в России»;*

Т. Г. Голева, *канд. ист. наук, старший научный сотрудник Пермского краевого института повышения квалификации работников образования.*

ISBN 978-5-91076-036-7

Дневники Николая Бунды[1]

Уважаемые читатели! Вы держите в руках удивительную книгу.

Она издана в год 65-летия Великой Победы. За этот солидный, по длительности равный человеческой жизни срок вышли в свет многие художественные произведения, мемуары военачальников, монографии, документальные и научные сборники. Но предлагаемая вам книга — не воспоминания. Это — дневники, записи ежедневных событий в режиме реального времени, а значит — не переосмысленные и оцененные позже, с высоты прошедших лет. Особо важными являются страницы, связанные с временем Великой Отечественной войны. Они хранят мысли и чувства человека именно тех далеких дней, каждый из которых мог стать последним... К тому же у автора дневников своя история, свое место и в Великой Отечественной, и во Второй мировой войне.

В людских судьбах порою отражена вся история страны. Разговорился с человеком — и внезапно все, о чем читал в учебниках и книгах, что видел в документальных фильмах и изучал в архивах, предстает перед тобой в совершенно ином виде. А если рассказы сопровождаются еще документами, письмами, дневниками... Именно такой оказалась для нас встреча с Николаем Власовичем Бундой.

Первые записи в дневниках были сделаны им еще в 1941 году, но идея публикации книги появилась недавно,

---

[1] Вступительная статья подготовлена на основе личных воспоминаний Н. В. Бунды и документов его личного архива. Подготовка вступительной статьи, а также подготовка рукописи к изданию выполнены в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых. Проект № МД-590.2009.6.

в 2008-м, когда мы познакомились с этим человеком, военным журналистом, с 1943 года служившим офицером-разведчиком в Войске Польском.

У Дневников тоже есть своя история. Личные записи офицера Н. Бунды вместе с хозяином прошли от Узбекистана до Берлина, побывали в Варшаве и Кракове и, наконец, попали в Пермь, куда Н. В. Бунда переехал в 1960 году. Не раз возникали ситуации, когда дневники могли погибнуть, но, однако, сохранились. Николай Власович вспоминает: «Однажды я уж подумал, что навсегда потерял дневники. Это было на фронте. Но 2 сентября 1944 года на передовую В. Ярузельский приносит записку: "Товарищ Бунда, явитесь в зенитную роту 240-го полка за своими трудами". А получилось так. Неподалеку от наших разведчиков в тылу ночью остановились артиллеристы. Сделали несколько залпов — и сразу убрались. Кто-то успел стащить мои вещи, лежащие в наволочке. По дороге ценное, конечно, забрали, а наволочку с тетрадями бросили. Ее и подобрал политрук. Ярузельский и Новаковский поехали, разыскали роту и, к моей радости, вернули дневники». Бывали ситуации, когда Николай Власович сам должен был отказаться от своих записей и оставить их: «На фронте запрещалось вести дневник, но я все равно вел. Перед выездом из Польши спросил у советского консула в Кракове, как быть с дневниками, можно ли их взять с собой. Он ответил: "Нет, нельзя. Нужно их сдать, а потом в Москве решат, как поступить". Я все же отважился, решил увезти и взял с собой. Позднее дневники были переплетены, и теперь я с удовольствием вспоминаю свою боевую молодость».

Сегодня дневники, когда-то представлявшие разрозненные тетради, собраны в 5 больших томов. Однако и под одинаковыми обложками легко узнаются тетради, которые велись непосредственно на фронте: здесь чаще меняются карандаши и чернила, менее ровный почерк, различен формат тетради. Записи с апреля 1945 года ведутся в немецком еженедельнике небольшого формата, поэтому именно эта часть дневников оказалась непереплетенной. Несколько месяцев заняла подготовка дневников к публикации. Требовалась расшифровка записей, перевод польского и украинского текстов. Однако редакторы старались достаточно бережно и с уважением подойти к оригинальному тексту, сохранить дух той эпохи.

Обычные анкетные данные: «Бунда Николай Власович, дата рождения — 9 мая 1914 года, место рождения — с. Ровенская Слобода Речицкого района Полесской [Гомельской] области БССР. Служащий. Отец — белорус. Мать — полька. Владеет языками: русским, украинским и польским свободно. С сентября 1943 года по сентябрь 1945 года — правительственная командировка в Войско Польское». В автобиографии Николай Власович подробнее описывает основные события своей жизни: «Родился... в семье сельского фельдшера. Мать умерла, когда мне было 6 лет. На воспитание взяла ее сестра. Затем в 1925 году забрал дядя в г. Городня Черниговской области. В 1927 году отец переехал в с. Федорки Волочисского района [Каменец-Подольская, затем Хмельницкая область, Украина], откуда он сам был родом. Там отец продолжал работать на медпункте, а мачеха работала в хозяйстве. В 1928 году я переехал к своему отцу в с. Федорки. До вступления в колхоз хозяйство считалось бедняцким, единого сельхозналога платили около 5 рублей. Отец был членом комбеда [комитета бедноты].

Самостоятельную жизнь я начал в 1929 году, когда мне было 15 лет. В октябре 1929 года был мобилизован Волочисским РК ЛКСМУ в счет «50 000 комсомольцев» на учительскую работу. После краткосрочных педкурсов учительствовал до июня 1932 года в Яхновецкой средней школе Волочисского района Каменец-Подольской области УССР.

В июне 1932 года еду учиться в Черниговский пединститут, на исторический факультет. Там избираюсь культпропом [культпропагандистом] комсомольской организации факультета и института.

В июле 1934 года по решению Черниговского горкома ЛКСМУ отозван на работу в аппарат горкома. Здесь работал до февраля 1936 года в должности инструктора орготдела штатпропом [штатным пропагандистом].

В феврале 1936 года решением Черниговского обкома ЛКСМУ переведен зав. отделом политучебы в Середино-Будский РК ЛКСМУ той же области. Здесь работал до призыва в РККА в октябре 1936 года. С октября 1936 года по июль 1938 года служил на действительной службе в 232-м конвойном полку НКВД. После двухмесячного прохождения начального обучения солдата был назначен секретарем редакции многотиражной газеты «На посту». Все время избирался членом бюро ВЛКСМ подразделения. После демобилизации в июле

1938 года там же, в Ташкенте, работал инструктором отдела боевой подготовки окружной красноармейской газеты САВО «Фрунзевец» до сентября 1939 года.

После этого по август 1940 года работал зав. военно-физкультурным отделом республиканской газеты «Комсомолец Узбекистана» (Ташкент), а с августа 1940 года — спецкорреспондентом газеты «На страже» (орган ЦС Осоавиахима СССР) по Узбекской и Киргизской республикам.

На этой работе меня и застала Великая Отечественная война. По моей просьбе военком Узбекской республики направил меня в ноябре 1941 года во Фрунзенское пехотное училище, где я проучился по март 1942 года и был выпущен лейтенантом.

С марта 1942-го по август 1942 года работаю командиром взвода автоматчиков в 39-м запасном полку, а затем перевожусь в 8-й отдельный учебный полк командиром взвода, где в сентябре 1942 года назначаюсь командиром роты.

В августе 1943 года с группой других офицеров был направлен в Москву, в распоряжение Главного управления кадров РККА. Оттуда в сентябре 1943 года направлен в формирующуюся 1-ю армию Войска Польского. С этой поры считался в спецкомандировке. Сначала назначен командиром роты автоматчиков в 5-й стрелковый полк 2-й дивизии им. Домбровского. Затем, в декабре 1943 года, — помначштаба по разведке этого же полка. В этой должности я пробыл до апреля 1945 года. С 1944 года в составе 5-го стрелкового полка 2-й армии Войска Польского участвовал в боях под Пулавами, на Сандомирском плацдарме, в Силезии, в Померании, [участвовал] в Варшавской операции, в штурме Берлина. После окончания войны в составе 2-й Варшавской дивизии стоял на охране границы, а затем в августе 1945 года [назначен] помощником начальника оперативного отдела штаба Краковского военного округа. С марта 1947 года переведен на должность начальника разведотдела этого же штаба. В июле 1948 года откомандировываюсь в Советский Союз...».

За скупыми строками автобиографии — непростая судьба человека, молодые годы которого пришлись на военное лихолетье. Многие события этого периода отразились в дневниковых записях, которые дополняются воспоминаниями Николая Власовича. Начало войны Николай Бунда, постоянный корреспондент газеты «На страже», встретил в Узбекистане. «В апреле 1941 года я еще съездил в Москву, отчитался в редакции,

получил соответствующие указания, отказался от командировки в Литву и вернулся в Ташкент — я был корреспондентом газеты по Узбекистану. Весть о начале войны я услышал в воскресенье, отдыхал на Комсомольском озере. В тот же день слушал выступление Молотова. В первый же день войны позвонил в редакцию, в Москву, с просьбой направить на фронт, но заведующий корреспондентским отделом ответил: мол, наша газета все время занималась подготовкой населения к войне и будет и впредь работать в этом направлении... Значит, нужно оставаться, ехать в Киргизию и делать материалы для газеты». Однако с началом войны связи с редакцией усложнялись, а вскоре и сама редакция переехала в Тюмень. Тогда Николай Власович обратился к военкому республики с просьбой отправить его в армию.

С октября 1941 года по март 1942 года Н. В. Бунда находился в г. Фрунзе, уже как курсант пехотного училища, в котором не раз бывал в качестве военного корреспондента. Теперь уже, как отмечает Николай Власович, «ходил в строю и был ротным запевалой». Закончив учебу, только что получивший звание молодой лейтенант назначен в г. Акмолинск командиром взвода в 232-й запасной полк. В июне 1942 года его взвод отправлен в действующую армию, а Николая Власовича командир полка определил воспитывать очередную смену. Пришлось отправиться из Акмолинска в Фергану, где формировался учебный полк, и готовить для фронта младших командиров.

Одно событие, один день изменили личную военную историю Н. В. Бунды: «1 сентября 1943 года меня вызвали к начальнику гарнизона. Генерал поинтересовался, знаю ли я польский язык, задал два простых вопроса по-польски. Через пять дней вызвали меня в штаб, велели сдавать роту и ехать в Москву в распоряжение Главного управления кадров. Но зачем — никто не объяснил. В Москву, в резервный полк офицеров ГУК, я прибыл 9 сентября и пробыл там до 14-го. В Москве нас подробно расспрашивали авторитетные комиссии, что-то записывали. И 14 сентября наш старший, капитан, собрал группу и повез поездом до станции Дивово. Высадились в сосняке. Кругом военные в конфедератках. Понял: значит, мы в Войске Польском...». С этого времени Николай Власович Бунда «находился в правительственной командировке в Войске Польском» и с боями прошел до предместий Берлина. После окончания войны еще три года нес службу в Кракове.

Польские военные формирования в Советском Союзе, в которых и пришлось служить Николаю Бунде,— одна из страниц российской и польской истории Второй мировой войны. Образовавшийся в марте 1943 года по инициативе польских коммунистов В. Василевской, А. Лямпе, А. Завадского и др. Союз польских патриотов (Związek Patriotów Polskich) в апреле 1943 года обратился к правительству СССР с предложением о создании польских соединений, которые бы сражались против Германии вместе с Красной Армией[2]. На территории СССР к осени 1943 года была сформирована 1-я пехотная дивизия им. Т. Костюшко, которая в октябре того же года выступила на линию фронта. А в Рязанской области формировалась 2-я пехотная дивизия им. Г. Домбровского[3], в 5-м полку которой и служил Н. Бунда. С 30 апреля 1944 года части дивизии вместе с войсками Красной Армии воевали на фронте.

Николай Власович вспоминает, что «полк вел бои на плацдарме Вислы под Пулавами, потом до 12 сентября — на Варецко-Магнушевском плацдарме под Сандомиром, затем в боях по освобождению Варшавы, в Висло-Одерской операции, вел ожесточенные бои на Поморском вале, пробивался к Балтийскому морю, овладели Колобжегом (по-немецки Кольберг). 12 марта мы увидели Балтийское море, вышли на побережье. Но оставался еще у врага Колобжег. Здесь собрались остатки многих фашистских частей, моряков, немцев. Каменные дома превратили в крепости. Одним словом, «Орешек». Комендант города от предложения сдаться отказался. Тогда начался штурм. Затем полк продолжал активно участвовать в боях на Одере и Альт-Одере. 4 мая 1945 года полк вышел к Эльбе. Там встретили окончание войны».

Большую часть своего пребывания на фронте Н. В. Бунда служил помощником начальника штаба полка по разведке. «В подчинении начальника разведки полка находились взводы пеших и конных разведчиков, кроме того, я координировал действия по разведке, осуществлявшиеся нештатными взводами разведки батальонов. Кроме того, я собирал разведданные от

---

[2] *Юрга Т.* Освободительная борьба польского народа 1939—1945 гг. [электронный ресурс]//http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00055/92500.htm

[3] *Радзиванович В. А.* Под польским орлом. — М.: Воениздат, 1959. С. 5–17.

приданных и поддерживающих средств: артиллеристов, танкистов, саперов. Обобщал сведения, анализировал их и докладывал командиру. В мои задачи входило организовывать наблюдения за противником, подслушивание, допрос пленных и самое сложное — организация и проведение поиска “языка"». Одним из взводов конной разведки полка командовал Войцех Ярузельский — будущий министр обороны и первый Президент Республики Польши.

Рассказывать о Н. Бунде можно много. Следует добавить, что Н. В. Бунда имеет правительственные награды: советские — два ордена и пять медалей; польские — четыре ордена и шесть медалей. Награды получил на фронте, за безупречную службу в Советской Армии и Войске Польском. Полный список знаков отличия помещен в одной из последних записей дневников.

Далекие военные годы Николай Власович вспоминает, листая пожелтевшие страницы дневника, который он вел на протяжении всех военных лет и после войны, с 1941-го по 1948 год. Фиксировал в тетрадках хроники боев, рассказывал о бытовой стороне жизни солдат и офицеров, переписывал письма, полученные из дома,— и осталось на страницах все, чем была наполнена его фронтовая жизнь.

Дневники Николая Власовича — исторический документ особого рода. В отличие от многих из опубликованных военных документов, этот дневник — личный. Главное в нем — мысли, чувства, реакция на события в общем-то молодого человека, его воспоминания, его надежды и тревоги за будущее. Они дают прекрасный материал по истории повседневности того времени, их ценность в некоей «энциклопедичности быта». Из дневников мы узнаем, как жилось в 1940-е годы военному собкору среднеазиатских республик, да и многим приехавшим в те края людям. Перед нами предстают особенности проживания в съемных комнатах, обычаи проведения досуга, любимые места отдыха, зафиксирована даже фамилия инструктора, ведущего по утрам на радио физзарядку для всей страны. Мы узнаем, как готовили бойцов, младших офицеров в далеком тылу, какие учения проводили, какие предметы изучали, какие книги в то время читали. Автор дневников не только упоминает или прямо цитирует прочитанное в книгах

или газетах. Он «вплетает» понравившиеся ему фрагменты в ткань собственных записей. Вот, например, новогодняя Москва. Вряд ли в те годы город был иллюминирован так пышно: описание электричества, низведенного до положения дрессированного животного, заимствовано у И. Ильфа и Е. Петрова из «Одноэтажной Америки». Вот фраза об особом уюте комнат с лампой под зеленым абажуром — это из К. Паустовского. Попали в дневник врезавшиеся в память автора фрагменты газетной публицистики. Любопытны записи стихов и песен, как советских, так и польских, бытовавших в военное и послевоенное время. Упоминает автор и пристрастие молодых полячек к танцам (и особо отмечает неведомый ему до того времени куявяк).

Опыт работы журналистом во многом определил стилистические особенности повествования: дневники легко читаются, от некоторых страниц просто невозможно оторваться. Этим же можно объяснить кажущийся нам теперь излишним пафос и лозунговость повествования, без которых в те годы не мог обойтись корреспондент военной газеты, а затем офицер действующей армии, командир и воспитатель личного состава.

Дневники раскрывают еще одну особенность той эпохи. Молодой Н. В. Бунда воспитан убежденно советским человеком, это чувствуется на протяжении всего повествования. Однако жизнь сложнее той, которую представляет советская пропаганда. И, оказавшись уже в послевоенной Польше, автор Дневников встает перед необходимостью узнавания другого мира. Он искренне не понимает, как можно думать не о будущем в масштабах всего государства, а о «своем интересе». Как можно заниматься перепродажей продуктов, одежды, обуви. Как можно в радиопередачах для воинов Войска Польского посылать в эфир песенки про любовь, а не зовущие на подвиг марши. Но меняется ситуация, меняются условия казенного содержания и снабжения — и автор, как большинство вокруг, так же отсылает трофейные посылки любимой женщине, и покупает, восстанавливает и перепродает списанный автомобиль, чтобы получить какие-то деньги. И, как всякий нормальный человек, не комплексует по этому поводу. Он ни в чем не стремится показать себя образцовым, безгрешным, хотя изредка позволяет себе осуж-

дать и любвеобильность знакомых, и их способы делать карьеру, и подхалимство перед начальством. Но он — живой. Он молодой, здоровый, обычный человек, которому после Победы уже не надо организовывать разведку и считать часы до возвращения «своих ребят», и потому охотно предается «цалоноцным забавам», ухаживает за женщинами, ездит на охоту.

Все есть в Дневниках. В них — личность человека, его будни и праздники, мысли и поступки. В них — война, трудный быт, тревоги и смерть товарищей. В них — целая эпоха, Советский Союз и послевоенная Польша. В этом и есть ценность повествования, прежде всего, ценность для нашего современника, желающего понять непростую и противоречивую эпоху из истории родины.

Как же складывалась послевоенная судьба Николая Власовича? После возвращения из Польши он был назначен заместителем начальника штаба 20-й Пушкинской бригады Западно-Сибирского Военного округа в г. Омске. С 1950 года работал корреспондентом-организатором красноармейской газеты Западно-Сибирского Военного округа «Советский воин» (г. Новосибирск), затем, с сентября 1952-го по ноябрь 1953 года, был слушателем курсов для политработников Советской Армии в Ленинграде. С декабря 1953-го по октябрь 1955 года Н. В. Бунда работает заместителем начальника гарнизонного госпиталя по политической части в г. Кирове. С 1955 по 1960 год он — корреспондент газеты «На страже» Уральской армии ПВО (г. Свердловск). Позднее, с 1960 года,— командир-инструктор школы ПВО (г. Пермь). Николай Власович вспоминает: «После госпиталя меня опять забрали в окружную газету. Куда теперь меня отправят постоянным корреспондентом, в Магнитогорск, в Пермь? Я приехал в Пермь, тут и прослужил... Потом меня взяли в «Звезду» [областная газета], потом работал в областном комитете Гражданской обороны, позднее 12 лет отработал начальником пионерского лагеря в Речном пароходстве...».

Так случилось, что Пермь стала тем городом, где после долгих и трудных дорог молодости Н. В. Бунда живет больше полувека.

9 мая 2009 года Николай Власович отметил свой 95-летний юбилей. Он удивительный рассказчик, беседовать с ним можно бесконечно. В год выхода книги, в год 65-летия Победы и 96-летия автора пожелаем Николаю Власовичу крепкого здоровья и долгих лет жизни. Пусть публикация дневников станет ему подарком к этим датам. А читателям мы желаем интересного знакомства с дневниками этого человека, с нашей общей далекой и близкой историей.

Александр Черных,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Пермского филиала Института
истории и археологии УрО РАН

К читателям

Вы держите в руках еще одно издание о поляках, живущих на территории Пермского края. Судьба героя повествования и автора книги в одном лице, география повествования изложены очень широко: описан путь. от Узбекистана, Таджикистана через Польшу до Германии, до Берлина.

Николай Бунда родился в Белоруссии, жил на Украине, мать – полька, поэтому у автора свободное владение белорусским, украинским и польским языками.

Жизнь порой нам преподносит разные сюрпризы, но то, что выпало на долю героя повествования, автор этой книги сам не ожидал. В годы войны советский журналист, а потом и офицер оказался волею судеб в Войске Польском.

Повествование периода с 1941-го по 1948-й, интересно еще и тем, что это дневник. Человек живет в этом времени и пишет о событиях этого времени, о своем отношении к ним, о своих чувствах, тревогах. Эти дневниковые записи очень интересны и богаты лирическими, поэтическими, философскими дополнениями. Они очень субъективны, но тем и интересен текст и человек, писавший его.

Николай Власович получает специальную премию, утвержденную премьером Республики Польши, как ветеран II Мировой войны. В 2005 году награжден памятной медалью «Pro Memoria», которая была вручена ему в католическом храме нашего города. В год 65-летия Победы Н. Бунда встречает свое 96-летие, он активен и бодр, интересный собеседник и великолепный рассказчик. Мы желаем ему здоровья и такой же активной жизненной позиции.

Читателю, заинтересовавшемуся судьбами поляков в Пермском крае, мы советуем книгу «Поляки в Пермском крае: очер-

ки истории и этнографии», где также размещены материалы о Н. В. Бунде и изложены особенности этнокультурных процессов у поляков в Пермском крае на протяжении XIX – начала XXI века.

Выражаем благодарность учёному-этнографу, доктору исторических наук А. В. Черных и кандидату исторических наук Т. Г. Голевой за неоценимую помощь в публикации дневника.

Мария Старцева,
председатель правления
Пермского центра польской культуры,
член правления «Конгресса поляков в России»

Тетрадь I

**Начата
3 января 1941 года
в г. Ташкенте**

3 января.

Откровенно говоря, я не любитель мемуаров: ведь гораздо интереснее жить, нежели вспоминать пережитое. Но все же следует вести дневник. Может быть, через некоторые годы все эти листки мне многое подскажут. Хорошо сказал Козьма Прутков: «Что есть лучшего — сравнив прошедшее, свести с настоящим». Пожалуй, это так!

Мы редко оглядываемся на очередной пройденный коротенький путь, лишь изредка задумываемся над тем, что давно прошло. Но бывают все же дни, когда невольно задерживаешь шаг, и набегает на лицо легкое облачко задумчивости. И хорошо будет заглянуть в дневник, подвести некоторые итоги...

Но довольно лирики! Итак, день рождения моего дневника — 3 января. Третьего дня встретили Новый 1941 год. Хорошо встретили. Знаменательная дата. Каждый раз в Новый год острее чувствуешь, что взрослеешь, что открывается новая страница в личной жизни. Мысли летят в будущее: что принесет мне 1941 год, как развернется дальнейшая жизнь?

Вспоминаю рассказ русского писателя Владимира Короленко. Он наполнен чудесным ароматом. Короленко пишет о том, как однажды темным осенним вечером он плыл по угрюмой сибирской реке. Вдруг на повороте, у подножья гор, мелькнул огонек. Писатель обрадовался близкому ночлегу, но гребец, обернувшись, сказал: «Далече». Гребец оказался прав. Долго еще плыли они по реке, а огонек все манил и манил к себе. Замечательной мыслью заканчивает рассказ Короленко: «Много огней и раньше и после манило не одного меня своей близостью. Но жизнь течет все в тех же угрюмых берегах, а огни еще далеко. И опять приходится **налегать на весла...** Но все-таки... все-таки — впереди огни!..»

Робкие огни есть в жизни каждого из нас. И если бы их не было, было бы, вероятно, очень неинтересно! Нам, советским людям, светят впереди огни, яркие огни настоящего общечеловеческого счастья. Я верю в это. Верю и в свои яркие, замечательные огни 1941 года. «Будущее светло и прекрасно,— еще в свое время писал революционер-демократ, великий просветитель Чернышевский. — Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его...» Сейчас это счастье, эта «заря пленительного счастья» взошла. Этот год, хочется верить, будет радостным и счастливым, интересным и замечательным.

Днем ходил к своим «старым друзьям» в [газету] «Комсомолец Узбекистана». Встретил Киладзе. Случилось с ним то, о чем я и предупреждал перед его отъездом в Москву: он растратился и возвратился восвояси. Впрочем, так бывает всегда, когда предварительно не подготовишь почвы.

Вечером смотрел «Хозяйку гостиницы». Это первая вещь Гольдони, увиденная мной. Впрочем, может быть, у него больше ничего и нет? Вещь довольно-таки пустяковая. Сюжет избитый. Но коллектив театра оставляет приятное впечатление. Особенно хороша Загурская в роли Мирандолины. Плутовка — обворожительная женщина — у нее получилась хорошо. И все же спектакль в целом неинтересен. Так уж бывает: и то есть, и все как будто на месте, а вот в целом чего-то не хватает.

4 января.

Прошел еще один день 1941 года. Часы показывают далеко за полночь. Умолкла уже и радиостанция RB-II. С вечера шел крупный снег. В трамвае попутчики-старожилы говорили, что в Ташкенте такое обилие снега в диковинку. Ну, что ж, как говорят: на безрыбье и рак рыба. Посмотрели бы ташкентцы нашу украинскую зиму, когда белым саваном искрится снег, и лихой вороной мчит тебя в санях. Мороз облипает кожу, комья снега взлетают от копыт... Эх, красота!.. Хороша ты, матушка-зима!

День прошел как обычно. Написал статьи от имени тов. Валявко и председателя Самаркандского облсовета тов. Кошелева. Первая — о распределении рабочего дня, а вторая — о партийной помощи Осоавиахиму. Прав тов. Валявко, что у нас не умеют ценить фактор времени, многие работают вразвалочку, по-маниловски. Впрочем, говоря откровенно, последнее время сей грех случается и со мной. Пройдет день, а дел-то и не

видно. Нужно будет подтянуться. Решительно подтянуться. Времени хватит на все, стоит только обходиться с ним бережливо, считать его секундами. Ну, пускай минутами, но никак не днями, как это делают некоторые «потомки Обломова». Счет времени — большое дело. Правы американцы со своей пресловутой «Time is money». Пройдет время — его снова не поймаешь. К старому возврата больше нет!

Получил задание от Лебедева провести до 10-го числа два совещания. Не было ни гроша, да вдруг алтын. Молчат-молчат, а потом вдруг сразу приспичит.

Вечером писал письма. Нелюбимое дело. Правильно мне еще в детстве кто-то сказал, что у меня болезнь «неписючая». Вот она и перешла в хроническую. Оно как-то и удивляет: журналист, и вдруг такая нелюбовь к письмам. Но что ж поделаешь, ведь ходят парикмахеры обросшими, сапожники без подошв! Даже в пословицу это вошло. Кто знает, может быть, и про нашего брата сочинят нечто подобное.

Утром думаю ехать на Чирчикстрой. Каков-то он теперь, красавец под снежным покровом? Белый-белый!.. А горы попрежнему стоят в синей дымке. На Чирчике следует зайти к Ире. Это будет ответ на ее визит в мое отсутствие в Самарканде. Заодно прихвачу там парочку информаций. Важно — о лыжном кроссе им. XXIII годовщины РККА. А пока до утра писать, писать... С самаркандскими материалами нужно скорее расправиться. Иначе они меня захлестнут. Устареют. Время стремительно идет. Нет, не идет — мчится, летит...

5 января.

Вместо утра до Чирчика добрался только днем. Уж больно утром не хотелось вставать. А вовремя не вставши, так и не удалось поехать.

Ирина сообщила новость. Оказывается, во время ее приезда в Самарканд (в мое отсутствие) «разлюбезнейшая хозяюшка» поспешила сфабриковать на меня целое дело и перечислила «состав преступления». Наговорила, что у меня бывают девушки и т. п. Одним словом, философия проста: если нет преступления, его надо выдумать. Приемчики сухаревских торгашек. А мне наплевать: мели, Емеля, твоя неделя!

В Центральном Совете видел Еременко из Ферганы. Хороший он человек. Скромный, без зазнайства. А это — замечательные черты. Обещал завтра пойти вместе с ним на «Свадьбу

в Малиновке». Он спектакля еще не видел, пусть немного повеселится.

Вечером по радио слушал выступление секретаря ЦК комсомола тов. Попова. Даже здесь он не обошелся без рисовки, напустил на себя важность. Бахвал первейшей марки. Невольно вспоминается его недавнишнее выступление на II Самаркандской областной конференции комсомола. Уж там он блеснул — что там звезды первой величины! Одна только поза достойна быть увековеченной на скрижалях истории. Недаром потом долго смеялись ребята из самаркандского «Ленинского пути». Нет, плохо, когда у человека нет ни грамма скромности.

И снова день прошел, а материал в Москву не отправил. Получается совсем плохо. Так, в конце концов, мне попадет. И здорово попадет. И лучше предупредить это дело. Решено: завтра встаю на зарядку и потом усаживаюсь на целый день — писать. Иначе нельзя. Довольно дурака валять. Делу — время, а потехе — час. И завтра же следует написать автобиографию в военкомат. А то меня там тоже стругают. До какого времени можно тянуть?

6 января.

Сегодня трудился над статьей о проверке исполнения решений и приказов. Раскритиковал Самаркандский облсовет. До сих пор люди не понимают всей важности систематического контроля за исполнением принятых решений. А ведь Ленин учил, что «проверять людей и проверять фактическое исполнение дела — в этом, еще раз в этом и только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики...». Золотые слова. Проверка исполнения позволяет точно определить качество людей, гарантирует от ошибок и путаницы. Иные этого и не понимают. Они следуют правилу грибоедовского Фамусова: «Подписано, так с плеч долой». Они забывают, что каждый руководитель, командир (тем более!) должен упорно добиваться выполнения приказа, организовать его исполнение. Именно организовать!

Вечером снова (в который раз) смотрел «Свадьбу в Малиновке». Пришел Еременко и вытащил меня. Как было не пойти с человеком! А после — за автобиографию. Она нужна в военкомат для переаттестации. Выйдет ли что-нибудь, не выйдет, а отнести завтра нужно. Обязательно. Написал все начистую. Про всю свою бескорыстную жизнь.

В «Литературной газете» понравилась статья Абрамова. Замечательно написал о зарубежном Глупове. Оказывается, он жив и посейчас, этот неумирающий город. Живы еще в своем зарубежном обличье и Бородавкины, и Прыщи, и Брудастые. Оказывается, Мервин Харт, член ученого совета Бингемского колледжа (США), хотя и не рискнул упразднить все науки, но зато упразднил и сжег хрестоматию Рэгта за то, что в ней содержались отрывки, в которых положительно отзывалось о Советском Союзе. И тем самым вошел в Историю. Каждый по-своему входит в историю.

...На столе часы, стрелка ползет к трем после полуночи. Безвозвратно ушло 6 января 1941 года. Невидимая граница времени осталась позади. В Москве в этот миг бьют кремлевские куранты. Бьют на весь мир. Мерные, торжественные, как поступь истории, удары колокола Спасской башни плывут над миром...

7 и 8 января.

Описываю два дня сразу. Не потому, что они так уж бедны событиями. Нет. Просто 7-го не успел записать в свою «кладовую». Кажется, так назвал Михаил Пришвин свои дневники? Посмотрю — проверю. Да, именно так: «драгоценная словесная кладовая». Неплохо сказано!

Кстати, о «не успел». Нужно будет вообще немножко подтянуться. Сам ведь ратовал за то, чтобы научиться считать время. Обязательно следует отменить систематические полуночные «бодрствования», а лучше — вставать раньше и под радио (Лелякова замечательно командует!) делать индивидуальную гимнастику, которой принадлежит почетное место в арсенале средств физической культуры. Ведь гимнастика оказывает огромное влияние на повышение тонуса нервной системы, благотворно влияет на закаливание организма, увеличивает сопротивляемость простудным заболеваниям. Для меня это очень важно. Нужно будет «вхождение в трудовой день» начинать именно с гимнастики.

Отправил материал о «дельцах» из Снаба. Следует их поругать основательно. Уж больно велики у них торгашеские тенденции. За лесом и дров не видят. На этот раз, кажется, написал не холодные резонерские рассуждения, а интересную статью. С душой. Статья, конечно, не отвечает на все вопросы работы Снаба, но главное, основное, она дает. А в этом и гвоздь всей и всякой работы. Найти главное, смотреть в корень.

9 и 10 января.

«Пальцем в небо, а не в газету!..» Так вчера мне по телефону передал Лебедев. И это по поводу моего запаздывания с материалами. Материалы запаздывают в очередной номер, и получается — «пальцем в небо». И, надо признать, сказано справедливо. Не соглашаться с этим — значит, себе врать. А в моем возрасте это вообще неприлично.

Замечание Лебедева лишний раз подтверждает, что надо больше заниматься корреспонденциями. Собрать свой организм, заставить его работать. Все равно человек живет один раз, так стоит ли сохранять себя для другой жизни? Ее все равно не будет. Один раз слышал артиста Москвина. Он рассказывал, что играл в спектакле «На дне» роль странника Луки 800 раз. «Это страшно надоело,— говорил Москвин,— но это нужно, а стало быть, следует заставить себя».

Надо научиться находить интересным не только то, что развлекает и легко дается, а нужно, чтобы увлекал в первую очередь такой труд, который имеет смысл, полезен для коллектива и для себя. Решающим моментом в трудовом усилии должна быть не его занимательность, а его **польза**, его **необходимость.** Вот тогда, если это понятие войдет в плоть и в кровь, не будешь «попадать пальцем в небо».

Вечером получил огромное удовольствие: смотрел фильм «Яков Свердлов». Волнующий, сердечный фильм о пламенном революционере-большевике. Революционная романтика насыщает фильм, делает закономерным внесение многих поэтических моментов. А какие замечательные грузинские стихи прочитаны Сталиным! «Человек должен иметь сердце из стали, тогда у него может быть кольчуга из дерева, и он не испугается в бою». Какой глубокий смысл в этих простых словах.

Сегодня утром пришлось двинуться на розыски Терехова. У него фотографии Гениса, а их нужно во что бы то ни стало отослать в Москву. Иначе могут задержать очерк Сомовой. А мне этого не хочется.

Нашел Терехова и отослал фотографии. Целый вечер убил на статью Сбитякова. Пришлось за него писать. Черт возьми! Директор техникума, а как следует изложить свои мысли на бумаге не может. Оказывается, ремесло журналиста не такое уж легкое. Многие грамотные люди и простенькой статьи не напишут.

В полночь — сцена. Борис снова «шумел». Напился пьяным, ну и, как всегда, эксцесс. Нет! Нужно как следует его проучить. Парень большой, и пусть отвечает за свои «чудачества».

Надеялся, что вечером придет Руня. Но нет! После Нового года — резкая перемена. Видимо, ложный женский стыд не позволяет прийти. Это хорошо, когда человек (особенно женщина) стесняется. Конечно, не как кисейная барышня, а в меру. Скромность украшает человека, заставляет других относиться к нему с уважением. Вот так и Руня. То, что она без моего приглашения не приходит, еще больше поднимает ее в моих глазах. Правильно поступает. Совершенно правильно.

Сегодня засиделся порядочно. Уже половина четвертого. По существу, уже 11 января. А, кажется, только позавчера было 1-е.

Опять съехал на лирику. Спать!

26 января.

После долгого перерыва снова взялся за «летопись» своих дней. Как старый Пимен. Прошедшие дни были интенсивные. Материалы посылал в Москву почти каждый день. Зато и печатался в двух номерах подряд. Статья о Снабе произвела неплохое впечатление. Здесь уже получилось не «пальцем» и не «в небо», а в самую точку.

С 18 по 23 января был с бригадой в Мирзачульском районе. Сначала поехали в Янгиюльский, но там ничего сельского не оказалось. Тем более типичного. Пришлось перекочевать в Мирзачуль. Перетерпели много мытарств. Потому как никаких «житейских» удобств там нет. А тут еще, как назло, испортилась погода. Грязь непролазная. Ездили в Октябрьский сельсовет, еле вылезли. И все-таки теперь Голодная Степь, как называется этот район, нс та. Осталось только название. Волею большевиков пустынная земля стала добрее и щедрей. Здесь полным ходом идет новая, созидательная жизнь. В колхозе «Октябрь» колхозники получили на трудодни более 10 000 рублей одними только деньгами.

Но с оборонной работой дела в районе обстоят неважно. Перестройку военного обучения членов общества райсовет проводит крайне медленно и совершенно неудовлетворительно. Задачи перестройки военного обучения и значение новых программ до сих пор в районе не поняты. Райсовет должен немедленно перестроиться, иначе неизбежен полный провал. Райпарткомом, в частности зав. военным отделом тов. Романенко, во мно-

гом повинен в плохой работе Осоавиахима. Он не помогает райсовету по существу, дельно. Разговоров много, а дела нет. «Шумим, братцы, шумим».

Оформил все материалы и 25-го отправил их в Москву. Итак, по селу есть. Остался городской Куйбышевский район. Завтра нужно проверить, как они выполняют мое задание. Характерно, что Мирзачульский райсовет всю перестройку решил осуществить силами командиров запаса, которых, кстати, даже не проинструктировал как следует. Есть еще на свете чудаки.

Дома получил письмо от Ядьки из Харькова и от Жени из Федорок. С отцом не переписывался почти 6 лет. И вот письмо. Прочитывал их по нескольку раз. Неожиданно эти простые строки напомнили мне очень многое. То, о чем в сутолоке будничной жизни забываешь. Как быстро, однако, летит время. Кажется, будто совсем недавно ходил по привольной украинской степи, гонял утей на озеро (а одна даже в обрыв сорвалась), ездил с кооператором в Вийтовцы. И вот, оказывается, что все это далеко, и нет ему больше возврата. Много пришлось за это время пережить. Много хлебнуть горя. Настоящего, во всей своей неприглядности. Вообще, я прихожу к убеждению, что жизнь меня не особенно-то решила баловать. Праздников бывает мало, а то все больше обычные, суровые будни.

Женя пишет, что у нее дочка, а у Оли — сын. Ну что ж, пускай заботятся о продолжении, так сказать, нашей родословной. Я пока перед стрелами Амура устоял. Вроде как бы запасся «быстродействующими огнетушителями».

Сколько столетий живут люди на земле, и вечно у них беспорядки в любви. Взять хотя бы Ромео и Джульетту, Отелло и Дездемону, Онегина и Татьяну. А вот у меня как будто все в порядке. Оно так и лучше. Спокойней.

Жене и Яде написал, что судить о правильности выбора ими профессии отказываюсь. Уж больно щепетильное дело. Выбирать профессию лучше каждому на свой риск и страх, полагаясь на свой собственный разум. Один поэт хорошо сказал: «Не все равно, товарищ, кем ты будешь: философом, хирургом, кузнецом?» Лишь бы быть честным, достойным гражданином. Вот самое главное, самое основное.

Ядя обиделась за то, что я назвал ее «Ядькой». Пожалуй, она права. Теперь ведь она совсем большая. Когда я писал письмо, упустил один «пустячок» — время. Не учел, что оно делает свое дело: с каждым днем люди все старше. Не успеешь огля-

нуться, а бывшие «пацаны» стали уже настоящими взрослыми мужами.

В последнем номере «Красноармейца» понравились стихи молодого поэта М. Спирова. Для выражения своих мыслей и чувств он умеет находить оригинальные образы. «Дымок, словно парус, повис над костром». Очень хорошо сказано. Чтобы показать жаркий полдень, Спирин пишет: «Идешь — короче ногтя тень». Нашел интересную художественную деталь.

Вчера звонил в Москву. Просился в Бухару. Не пускают. Лебедев сказал, чтобы готовился в Москву. После Пленума ЦС придется ехать. Хотя бы не перевели в другую республику. Обжился в Узбекистане. Неохота выезжать. Но поживем — увидим, как говаривали в старину.

А с временем все-таки ничего не выходит. Никак не научишься его планировать как нужно, по-ленински. Недавно читал, что Владимир Ильич, находясь в ссылке в Шушенском («Шу-шу-шу», как, шутя, он называл село), вел огромную работу и все же находил время и для прогулок, и для отдыха, и для охоты, и для шахмат, и для развлечений. Его день был заполнен с утра до вечера, до поздней ночи, и каждый час, каждая минута этого дня были распланированы с предельной экономией, рациональностью и очень разнообразно. Вот научиться бы так.

31 января.

Был на пленуме ЦС Осоавиахима Узбекистана. Уходил утречком, домой являлся глубокой ночью. Кроме всего, на Пленуме занимался выпуском бюллетеня. Удачный получился бюллетень. Маленькие, читабельные заметки.

Выступил и крепко «разделал» председателя Бухарского облсовета капитана Лилиенталя. Кто бьет справедливо, тот должен бить крепко. Делегатам понравилось мое выступление. Лилиенталь заслуживает. Но вот зав. военным отделом ЦК КП(б)Уз тов. Гогсадзе, видимо, настроен несколько иначе. Так было понятно из его выступления. Может получиться карусель. Завтра нужно в ЦС подобрать все материалы, снять копии и отослать в редакцию. На всякий случай. Да, и пусть знают. Нельзя же, в конце концов, дать возможность восторжествовать неправде. Приуныл и полковник. Вчера, когда ехал с ним в машине, он рассказал, что чувствует себя тоже в неприятном положении. Ведь именно он отсылал материалы на увольнение Лилиенталя. Поживем — увидим!..

На пленуме обратил внимание на одну машинистку. Симпатичная девушка. Отдал ей печатать материалы. И теперь жалею. Сегодня вечером ездил по указанному ею адресу, но не нашел. Неприятно. Шут ее знает, что она за человек. Как все-таки неосторожно поступил: едва знакомой отдал печатать серьезный материал. Завтра нужно предпринять все меры, но ее разыскать или, в крайнем случае, обратиться в НКВД. Шут ее знает. Чем черт не шутит. Время теперь такое, что гляди в оба. Впредь нужно быть более осторожным, соблюдать золотое правило бдительности во всем.

На пленуме еще больше подружился с Еремеевым и Кошелевым.

В последнем номере снова напечатали материал. Молодцы! Последнее время в редакции «подтянулись». Чаще печатают, хочется больше работать. Больше появляется интереса.

6 февраля.

У меня получается не дневник, а скорее еженедельник или что-то в этом роде. Дни бегут с необычайной быстротой. Вроде и дел мало совершишь, а дня уж нет. Поминай, как звали.

«Сомнительную» машинистку разыскал. Напрасны были все волнения. Наоборот, она оказалась прекрасным человеком. У нее — горе. Семейное несчастье. Но разве с каждым из нас не может случиться беды. Чего-чего, а она частенько подкатывается то под одного, то под другого. Как бильярдные шары к бортам.

Эти дни подготавливаем с ней материал по Бухарскому облсовету. Дела интересные, стоящие внимания, и самого пристального. Днями придется все отправлять в Москву. Пускай и там узнают о проделках удальца-председателя. Да, и для дела это нужно. А это — главное, основное.

Сегодня был в военкомате на аттестационной комиссии. Пока как будто все идет хорошо. Главное, приятно сознавать, что люди тебя правильно понимают. Не ищут «блох» там, где их совсем нет. И не пытаются искать! Во всяком случае, сведения об аресте моего дяди не производят такого «ошеломляющего» впечатления, как это было несколько раньше. Это значит, что уже не биологический подход (мол, одна кровь), а правильный, справедливый. И для пользы дела он самый верный, хороший. Но посмотрим дальше. Я еще и теперь не уверен, что не найдется еще в «дальних инстанциях» какой-нибудь «сверх-

бдительный» страж закона, который обязательно посчитает своим долгом прицепиться, хоть за что-нибудь, но прицепиться. И не на шутку, а хваткой английского бульдога. На белом свете были и, видимо, всегда будут разные люди, с разными понятиями, с разными точками зрения на одни и те же понятия, события.

Получил письмо от собкора из Харькова тов. Кондратенко. Вызывает всех нас, коллег, на социалистическое соревнование. Дело хорошее, заслуживает всемерной поддержки. Завтра же телеграфирую, что предложение поддерживаю. Будем соревноваться. Только вот кого же вызвать мне? А что, если «подключиться» к самому Кондратенко? Пожалуй, неплохо!

Руня упорно решила отмалчиваться. Почему? Шут ее знает. Что за обиды? Ничего плохого за собой не чувствую. Приглашал ее раза два — не идет. Ну, и пускай себе. Говорят, что существует такая категория женщин — «капризные». Ну, и пускай себе находят Дон Жуанов, которые бы вздыхали под окнами, пели серенады — «Накинув плащ...» или что-нибудь в этом роде... А я не привык к таким чудачествам, не по нутру мне они. Не стоит себя понуждать к тому, к чему душа не лежит.

Понравился прочитанный роман Ивана Лажечникова «Новобранец 1812 года». Впрочем, что мне не нравилось в Наполеоне? Ведь он занимал мои думы еще в детстве, так сказать, на заре туманной юности... И был у меня перед глазами образ не какой-то девицы, а этого замечательного полководца. Теперь, правда, романтика немного рассеялась исторической правдой о том, что Наполеон все же был порядочный деспот и много чего худого сделал французским труженикам. Особенно это видно из последнего романа. Писатель здесь подходит здраво, объективно. Это уже хорошо! Во всяком деле должно быть ясное, объективное суждение. И дело от этого только выигрывает.

В третий раз просмотрел «Кремлевские куранты». Значительное явление в современной советской драматургии (пьеса, конечно, а не то, что я смотрел ее в третий раз). Погодин сумел проникнуть в процесс возникновения и развития ленинских идей. «Куранты» вызывают большие мысли, горячее чувство гордости за свой народ, за его вождей. Ленинские черты — его человечность, любовь к народу, глубокая вера в его силу — хорошо показаны. А ленинская мечта — мечта, неотделимая от действия, опирающаяся на точное знание глубочайших жизненных процессов! В пьесе представлены разнообразные люди,

глубоко романтичные по своим характерам. Бой курантов в финале звучит символом осуществления ленинских идей.

8 февраля.

Размышления о профессии. Над этим стоит подумать. В сентябре 1835 года, оканчивая в своем родном Трире гимназию, Карл Маркс во время выпускных экзаменов написал «Размышления юноши при выборе профессии».

В этом сочинении есть глубокие мысли. Они заставляют откликнуться, замолвить пару слов и о своей профессии. Хоть о журналистах мало произносится спичей и тостов, профессия наша не особенно громкая, но все же хорошая. И не такая уж простая. «Чтобы быть литератором,— говорил Одоевский,— надобно: во-первых, быть человеком, второе — уметь управляться с выражением так, чтобы оно было действительно выражением мыслей, третье — иметь самые мысли».

Я бы, пожалуй, считал, что последнее — самое главное. Журналист должен уметь правильно мыслить, правильно нащупывать новые вопросы, находить новые формы, методы, делать газету, показывать крупицы *живого*, будничного опыта.

Мы — посредники между читателем и жизнью. Вот и нужно быть всегда в курсе всех событий, излагать их точно и кратко. «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат» (А. Пушкин). Это особенно я ощущаю последнее время в газете «На страже». Печатают самое главное, самое основное. Мысли, а не трескучие фразы, не общие рассуждения.

В деловых статьях это совершенно правильно. Этого и требовал на совещании майор Забелинский. Поменьше «лирики», поменьше «облаков снежной пыли», за которыми не видно подлинной жизни, учебы, ценного опыта, недостатка.

Впредь нужно будет строить свои статьи так, чтобы не увлекаться описанием мелких деталей и простых фотографий событий, а освещать опыт работы, существо дела. Это значит — нужно учиться. Только тогда будет возможность говорить с читателем, как с равным. Почему я не учусь? Почему не посещаю командирской учебы? Трудно ответить. А ответить надо. Придется. А, главное, надо ходить на учебу. Завтра же договорюсь в Центральном Совете.

Мало в учебе помогает и редакция. Оторванность от коллектива сказывается, безусловно, отрицательно. Любой работ-

ник аппарата находится в более выгодных условиях: его рост, его работа поддается воспитательному влиянию коллектива. А мы, работающие на периферии, очень часто вынуждены действовать самостоятельно. Это ставит перед нами повышенные требования, стало быть, и помогать нам должны больше.

Что же должен сделать я сам и что потребовать от редакции для того, чтобы быть не только «слухоумовливателем», а настоящим большевистским корреспондентом, оправдывать заработную плату.

САМ: 1. Не прикрываться «фиговым листком псевдоучености и всезнайства». Энциклопедичность любого человека всегда относительна. Поэтому нужно всегда и постоянно учиться, прибегать к советам других, не пренебрегать этими советами. Пока что похвалиться связями со специалистами, передовыми людьми Осоавиахима я не могу. Это плохо.

2. Нужно немедленно завязать деловую связь с активом, советоваться с ним. Это даст возможность не выступать в роли поверхностного наблюдателя, описывать не сам факт, но, прежде всего, проникать в сущность факта. Беседовать с рядовыми работниками. Обычная беседа может натолкнуть на интересную тему. Так, из беседы с летчиками аэроклуба родилась мысль выступить с материалом об их стенной газете. И они сами подсказали, что отдел «Кому что снится» — ненужный, и [редактор стенгазеты] Пенькова после этого его выбросила. Хоть со скрипом, но выбросила.

3. Привлекать больше активистов. Потом они помогут, крепко помогут. Ведь после того, как напечатали статью майора Хожайнова, он стал моим хорошим помощником. Когда понадобились факты о дублировании приказов, он их разыскал сам по первому моему требованию.

Но не надо писать за активистов! Добиваться, чтобы они писали самостоятельно. Другое дело, помочь, оформить литературно, посоветовать, рассказать. Так я поступил с Анкудиновым. И правильно. Нужно подбирать авторов из числа активистов, которые чувствуют потребность в газете, понимают необходимость с помощью печати пропагандировать и продвигать свои мысли и начинания. Это уже заметно, такие люди, которые чувствуют необходимость в газете, есть. К примеру, Турбин настаивает, чтобы я отправил материал о Бухаре в Москву, в редакцию. Значит, в его представлении — газета окажет ему помощь. И как можно не сделать этого? Нужно послать материал.

4. Для знакомства нужно больше ездить. К Ташкенту уже привык. Когда обживаешься, мало замечаешь, глаз притупляется. Поездка в Самарканд была непродолжительной, но она дала много интересных мыслей. Но для редакции нужно больше материалов о поездках. Вот почему после каждой поездки нужно составлять точный отчет с указанием, что мной сделано, какие результаты достигнуты.

При поездках в район следует предварительно в области хорошенько присмотреться к району, поговорить с работниками, просмотреть материалы. Тогда не понадобится много времени «на разведочную кампанию». Как получилось с выбором *типичного сельского района?* Приехал в Янгиюль, и потом пришлось переезжать, потому что как следует не ознакомился с районом предварительно. Это хороший урок.

5. Побольше давать информации. «Тяжеловесные» материалы не идут. Практика это показала. Наоборот, информации проскакивают скорее.

6. Правильно информировать редакцию. А для того быть всегда в курсе событий. Углубленно, осторожно изучать обстоятельства, создающие ту или иную обстановку в районе, в организации. Выдерживать объективность. Не допускать как инертности, так и перехлестывания через край, излишней крикливости. Были возможности обрушиться на местный ЦС за отсутствие подготовки планеристов, но я этого не сделал, т. к. можно готовить людей, если нет даже программы. Поучителен пример также по Мирзачулю.

ОТ РЕДАКЦИИ. 1. Выполнять постановление ЦК ВКП(б) от 2 июля 1938 года «О работе собкоров Ярославской областной газеты». Там обязали редакции посылать обзоры, указывать причины неиспользования материалов. А мне до сих пор не сообщили, почему не идут материалы Сомовой, Кошелева, а уж о своих и не говорю. Нужно редакции выпускать бюллетень для собкоров, в котором публиковать критические рецензии на забракованные материалы, статьи зав. отделами, письма самих корреспондентов, статьи об опыте их работы.

2. Присылать мне планы отделов редакции. А то я не могу предусмотреть намеченные темы у себя в плане. А мы не можем «вне редакционного плана».

3. Доверять собкору. Ведь он лучше осведомлен, что сейчас важное в республике. А поступают наоборот. Материал о

злоупотреблениях в мотоклубе замутновали. А выступить надо было, безусловно.

4. Отвечать на письма личного характера. Вот, например, об обмундировании. Почему до сих пор нет ответа?

Вот, пожалуй, наиболее интересные вопросы, о которых следует поставить в известность редакцию. Обязательно.

15 февраля.

Собкор по Украинской ССР тов. Кондратенко обратился с призывом ко всем нам, собкорам, продолжить социалистическое соревнование за лучшее освещение жизни общества. Хорошее дело. Толковое!

Написал Никитину письмо, что включаюсь, и взял на себя обязательства. Большие, но ничего. Соревнование — замечательный, испытанный метод работы. Многое будет зависеть от того, как редакция сумеет «завернуть» этим делом. Организовать проверку. Полковник Михайлов сердится. Говорит, что о дублировании приказов написано неправильно. Откуда в ЦС Узбекистана могут знать о получении областями приказов из Москвы, если есть приказ тов. Кобелева, воспрещающий отделам ЦС СССР вести переписку непосредственно с облсоветами, минуя ЦС республик! Значит, и в ЦС СССР путают людей, вводят в неприятности.

Бухарские дела направил редактору. Думаю, что он должен заинтересоваться этими своеобразными порядками. Между прочим, в ЦС — нашем, местном — проявляют большую заинтересованность: послал ли я материалы. Что, впрочем, вполне понятно. Им просто интересно заиметь поддержку со стороны редакции. Все закономерно. Было бы, разумеется, смешно и глупо ожидать чего-либо иного. Они ведь не стоят на позиции толстовства. «Непротивление злу» давно не в моде.

Сегодня был на сборе командиров-инструкторов военного обучения Ташкентской области. Занимались приемами штыкового боя: длинным и основным уколом. Добрая половина нуждается в большой тренировке. Причем, с хорошим руководителем.

Совершенно очевидно, что из командирской учебы на месте ничего не выходит. Следует ее организовывать объединенно. Куда полезней, когда люди занимаются вместе. Конечно, есть смысл систематически проводить сборы областные. С отрывом от районов. В конечном счете, овчинка будет стоить выделки.

Была Ира. Кажется, она решила осаждать меня всерьез. А муж? Правда, она заявила, что разошлась. «Разошлась» — вот так просто, обыденно. По ее рассказам, он стал циничен, нетерпим. Впрочем, кто знает, кто кому насолил. Она, как видно, тоже «молодец». На супружескую жизнь смотрит легко. И кто знает, кто кого надувал, обманывал?

А, в общем,— беда, трагедия, драма.

Я считаю, что к браку следует относиться серьезно. Конечно, не впадая в другую крайность, в премудрое арифметическое отношение. Арифметика в этих вопросах не нужна, не пригодна. Пригодны чувства, уважение, любовь. Без этого отношения нельзя назвать браком. Тем браком, о котором так много и хорошо сказано в художественной литературе.

С выездом во Фрунзе происходит задержка. Нужно сначала провести совещание. Воспользоваться случаем, когда начнутся областные сборы командиров.

16 февраля.

Весна надвигается по-настоящему. Все ярче светит солнце, а небо становится голубей. Цепко ухватившись ветвистыми корнями за почву, молчаливо стоят под окнами стройные тополя. Утром солнце крупными лучами врывается в окно. Весна!.. Красавица весна!.. В Узбекистане она ранняя гостья.

Впрочем, тут вообще свои особенности, свои правила. В Москве еще кружатся в пляске снежинки, скрипит под ногами утоптанный снег. А здесь горячее дыхание солнца обжигает землю. Приближающаяся весна звенит в синевато-прозрачных просторах, в гомоне птиц, отражается в ярком, праздничном убранстве деревьев...

Впрочем, особенности в Узбекистане не только эти. Как много особенностей в работе, в условиях работы.

Взять, к примеру, наше общество. Его работникам здесь приходится куда труднее, чем, скажем, в центральной части Союза.

Вчера один командир рассказывал, что испытывает большие затруднения, т. к. не знает узбекского языка. Приходится очень туго. Приезжает в кишлак, а объясниться не может.

Товарищ поднял также интересный вопрос о командировочных. Вот в Чиназском районе Ташкентской области работникам райсоветов часто приходится ехать за 35–50 километров. А командировочных не платят. Тов. Микула решил, было, на

свой риск ввести оплату командировочных, но ему запретили. Как быть? Этот вопрос заслуживает внимательного отношения, нужно запросить разъяснений.

Из беседы всплыл вопрос и о взаимоотношениях военруков с райсоветами. Кое-где есть тенденция подчинить военруков райсоветам. Неправильно это. Ненужное дело. Другой разговор, что райсоветы должны помогать военрукам, поправлять их. Тов. Матвиенко из Мирзачуля рассказывал, что присутствовал на одном занятии у военрука, который умудрился за 1 час «пройти» уставы, материальную часть винтовки, пушку и штурмовую авиацию. Конечно, в таких случаях нужно поправить товарища.

А в Янгиюле и того интересней. Один военрук все время проходил Устав артиллерии. Брошюра у него такая была. Так на всех занятиях его и проходили. Больше ничего. Занятия со специальным уклоном!..

За один день дважды посмотрел кинофильм «Суворов». Последние годы боевой жизни великого русского полководца и гениального военного мыслителя 18-го столетия показаны замечательно. Непревзойденный мастер военного искусства, прошедший путь от рядового солдата до генералиссимуса, побеждал потому, что умел воевать, верил в народ, в силу русского штыка.

Суворовская любовь к солдату, любовь не фальшивая, а настоящая, делала чудеса. Полководец-патриот жил, сражался и умер с мыслью о родине. Гонимый царем, тяжело больной, незадолго до своей смерти он писал в дневнике: «Мне недолго жить. Умираю, как раб, за отечество».

Суворовская «Наука побеждать» — замечательный памятник в русской военной литературе. В краткой, предельно сжатой форме в ней изложена суть боевого воспитания и обучения армии.

«Ученье — свет, а не ученье — тьма. Дело мастера боится. И крестьянин (когда) не умеет сохой владеть, (так) хлеб не родится. За ученого трех неученых дают; нам мало трех, давай шесть, нам мало шести, давай нам десять на одного: всех побьем, повалим, в полон возьмем». Так учил Суворов. Правильно учил!

19 февраля.

Ночью приехал во Фрунзе [старое название Пишкек, ныне Бишкек, столица Киргызстана]. Темень непроглядная — оказывается, остановилась электростанция.

Днем прибыл в ЦС Осоавиахима Киргизии. Председатель тов. Цыганков производит хорошее впечатление. До ЦС он работал зам. наркома просвещения. Признался откровенно, что недоволен новой должностью, морально подавлен бесперспективностью в работе. До сих пор его не оформляют в кадры. Пожалуй, следует поднять вопрос о том, чтобы ЦС СССР заботился о командном составе Осоавиахима больше, чем это делается до сих пор. А то получается, что ЦК КП(б)К проявляет заботу, но не встречает поддержки (должной) в Москве. Интересно также распределение кадровых командиров. Здесь пограничная республика, и куда в большей мере, чем Узбекистан. Однако на 5 областей, 56 районов всего 17 кадровых командиров-инструкторов. Ни в одной области нет председателем кадрового командира, в то время как в Узбекистане их два. Прав тов. Цыганков, говоря о том, что его обидели кадровыми командирами.

Когда мог думать, что буду жить совсем по соседству с домиком, в котором родился и жил Михаил Васильевич Фрунзе. А вот пришлось. Буквально следующий дом от ЦС — это домик Фрунзе. Только что возвратился оттуда. Видел кухню, столовую, спальню, вещи семьи Фрунзе. В углу — скромная деревянная кроватка Миши. Здесь все напоминает об этом величайшем полководце. Много лет тому назад под этими деревянными сводами, в эти узенькие оконца смотрел Миша, в будущем — прославленный Михаил Васильевич Фрунзе. Неизгладимое впечатление произвели личные вещи Фрунзе: брюки, фуражка, золотая шашка — награда от Совета.

Свидетельство Вернской гимназии [г. Верный — название г. Алма-Ата, ныне Алматы, до 1921 г.] говорит о больших способностях Михаила Васильевича. Круглые пятерки по всем предметам. Интересен также кондуит, прошение матери о выдаче ей пособия после смерти мужа — отца Михаила Васильевича. Музей скромен, но интересен. А самое главное — он подкупает своей естественностью. Одно осознание того, что именно здесь, в этом доме родился в 1885 году полководец, стоит многого.

Рядом сидят бухгалтера из Джалалабадской области. Все составляют балансы, отчет за 1940 год. Страшно запутанное дело. Если только не проведут кустования, значит, никогда не вылезут из прорыва. Совершенно очевидно, что им вместо

7 счетоводов на 12 районов нужно иметь 4 квалифицированных бухгалтера, которые сумеют составлять отчеты. Счетоводы, которых они находят на оклад в 250 рублей, не различают даже разницы между дебетом и кредитом. Какие же это счетные работники? Какой от них толк?

О командировках. ЦС Осоавиахима не учитывает особенностей Казахстана. Ассигнует, например, на командировки 600 рублей Чаткальскому району. От области он находится за 350 километров. Командированный должен ехать до Чуста через перевал 3 дня верхом, затем в Наманган и в Андижан поездом еще сутки. Стоит один конец 300 рублей. Итак, он сумеет приехать в область за год один-единственный раз, и все командировочные закончатся.

Фрунзе

22 февраля.

Тащимся, как на волах. Хотел, было, писать о поездке из Фрунзе в Ташкент. Но в ручке не оказалось чернил. Итак, приходится дописывать дома, уже 25 февраля. Дома застал пачку писем. Ответили из Середина-Буды. Эти дни оформил фрунзенские материалы и отослал в редакцию. Пока сам выеду в Москву, пускай они уходят. Собираться мне нужно 28 февраля. Сегодня получил деньги. Там, видимо, придется отчитываться. Это значит, нужно подготовиться, написать и перепечатать доклад целиком.

Новостей как будто особенных нет. Все идет своим чередом. Впрочем, новости, наверняка, есть. Но вся беда в том, что в осоавиахимовских организациях (имею в виду руководящие) их не знают. Они видят только цифирки. Так и следует прозвать: «господа Цифиркины». Чуть ли не по Куприну.

Дальше сводок дело не идет. Как будто в сводках все заключается.

Немного неудобно, но пришлось отправить тов. Лебедеву «донос» на Добкина. Оказывается, он, будучи в командировке во Фрунзе, натворил там «художеств». И, кроме того, за целый месяц дал всего одну статью, и ту с позапрошлогодними фактами. А ведь в честь этого Добкина редакция не так давно распевала кантаты. Хвалебные, не какие-нибудь. И напрасно.

Не знаю, как посмотрят на это дело в редакции, но у меня твердое мнение, что не годится так поступать, не к лицу журналисту-большевику.

Ночью взялся и ответил на все письма. Теперь ни у кого не в долгу. Приятно самому. Кажется, вообще-то последнее время начинаю излечиваться от «неписючей» болезни. Это и к лучшему. Нужное дело.

Ташкент

26 февраля.

Почти весь день прошел в хлопотах за билетами. Оказывается, выехать в Москву — дело-таки довольно сложное. Спас Саша Гамаюнов. Дал бронь КП(б)Уз. Без блата не обошлось, даже тут пришлось к нему прибегнуть. Не люблю страшно просить у кого-нибудь для себя. Хуже ножа. Но что сделаешь? Раз надо — приходится. Не сидеть же и ждать у моря погоды. Вот и приспосабливаемся, хочешь-не хочешь.

Увы, как часто все, ну, по крайней мере, многое зависит от сноровки, от того, как сумеешь изловчиться, приспособиться.

В ЦС сообщили интересную новость. Приехал в аэроклуб какой-то «особо уполномоченный» из отдела авиации ЦС СССР, имеет разные удостоверения за «семью печатями». Но ходит в еле вменяемом состоянии — перепил. Каким все-таки надо быть прощелыгой, пропащим человеком, чтобы так поступать. Правильно решил майор Забелинский: телеграфировать генерал-майору Кобелеву, а сего «уполномоченного» откомандировать восвояси. С пьяницами и забулдыгами нечего миндальничать.

Кошелев так-таки ответ редакции и не написал. А обещался. Нужно, чтобы и редакция действовала в таких случаях более решительно, понуждала «молчальников» напоминаниями и, наконец, даже через вышестоящие организации диктовала им. Нужно заставить уважать газету.

Видел Марусю. Разговорились мельком о Руне. Она в обиде на меня. За что? Никак не пойму. Мне кажется, что по отношению к ней я был тактичен, не переступал границы «запретной зоны». Так почему же все-таки обиды? Чудны дела твои, господи! Или я очень мало разбираюсь в капризах женщин, причудах их характера, или что-нибудь другое. Во всяком случае, мне непонятно.

Возвращается из Бухары Кикин. Оказывается, кое-какие документы, изобличающие махинации Маевского, уже уплыли. Он, Маевский, пытался, было, саботировать составление годо-

вого отчета. Составим без него! Открылись еще новые «художества». Тов. Лилиенталь, оказывается, одни и те же цифры созданных учебных подразделений дублировал в отчетах перед ЦС по нескольку раз. Чтобы больше казалось. Это классический пример очковтирательства. А что может быть позорней? Впрочем, кажется, ложь, фарисейство прочно вошли в натуру тов. Лилиенталя. Совершенно очевидно, что ему не место на посту председателя облсовета. Но вот полковник Михайлов сдрейфил. Пошел на попятную. Пытается объяснить это тем, что его якобы «изнасиловали». Но как можно отказываться от своих убеждений! Только беспринципный человек, которому дороги только своя шкура, свое мещанское благополучие, способен играть своими убеждениями, как жонглер шариками, менять их ежеминутно. Не к лицу это серьезному деловому человеку. Не к лицу!

1 марта.

Был свидетелем интересной беседы, которая проливает свет на некоторые детали «бухарских» дел. Ефонов, Михайлов, Турбин и Швецов уточняли вопросы с Лилиенталем. Оказывается, в четвертом квартале Бухарский облсовет собрал всего 25% членских взносов, но в отчете тов. Лилиенталь показал на 16 000 рублей больше. Впрочем, этому удивляться не стоит, т. к. есть еще более разительные примеры. Сурхандарьинский окрсовет прислал сведения, что взносы собраны на 105%, а бухгалтер окрсовета пишет — на 50%. Кому верить?

Совершенно очевидно и бесспорно, что тов. Лилиенталь мягкосердечен, беспринципен. Поэтому Маевский и К° его опутали здорово.

Поражает все-таки то обстоятельство, что тов. Швецов защищает тов. Лилиенталя изо всех сил. Принимает на себя даже вину за неверную выдачу продуктов. Кроме того, оказывается, что Трипольца-то выдвинул не кто иной, как Швецов. Напрасно выдвинул. Михайлов крутит. Говорит неискренне. Спасая собственный мундир, он пошел на компромисс. А ведь недавно сам признавался, что согласился на утверждение только потому, что, как он выразился, его «вымучили».

Тот факт, что из редакции мне даже не ответили, не поддержали, отбивает всякую охоту предпринимать что-либо дальше.

Извещение о вручении материалов прибыло давно, но что же все-таки с ними сделают, неизвестно. Полное неведение хуже

всего. Знать положение дела, его исход, пускай даже самый печальный, и то куда легче, чем пребывать в неведении.

Из республиканского совещания работников Осоавиахима напрашиваются выводы:

1. С членскими взносами по старой привычке запаздывают. За 2 первых месяца Калининский райсовет Таш[кентской] области собрал всего 15 рублей. Райсоветы все откладывают «на потом». И получится, как в прошлом году с Хорезмом. В четвертом квартале там собрали 360% квартального задания, зато и не работали целый год. Вот такая штурмовщина.

2. Секции по-прежнему недооцениваются. УС второй месяц занят улучшением работы на Текстилькомбинате, но секций там и не думают создавать. В Бухарской области созданы всего 7 секций (Карши, Шахрисабз).

3. Укомплектование стрелковых подразделений однобоко. Нет укомплектованных групп стрелков высшей квалификации: снайперов, бойцов-парашютистов, инструкторов. Укомплектование радистов по Ташобласти вместо 200 всего 35 человек. До сих пор облсоветы считают, что группы ВС-II можно комплектовать только из окончивших учебу на ВС-I. А военнообязанных первой категории, подготовленных лагерями, растеряли. Безусловно, что в сельских местностях вопрос комплектования групп стрелков высшей квалификации стоит остро.

4. Вопросы работы по ПВХО игнорируются, рассматриваются как второстепенные. В Хорезме до сих пор не учили и не распределили по организациям инструкторов ПВХО. Учеба во многих кружках ПВХО затягивается. Вместо положенных 10 дней учебу растягивают на несколько месяцев, что отрицательно сказывается. С органами МПВО райсоветы действуют разобщенно. Плана совместной подготовки и распределения кадров ПВХО не имеют. Значкисты ПВХО не готовятся на стройках, где большое скопление людей, и, стало быть, есть возможность отработать большие контингенты.

5. Государственные средства не научились беречь, как зеницу ока. Особенно остро встает вопрос об учете 30%-ных отчислений от членских взносов. Сумма немалая, по республике — 264 000 рублей. Есть серьезное опасение, что эти суммы в результате плохого учета уплывут на сторону. Все это нужно будет учесть в своей дальнейшей работе.

Дело мы совершаем огромное. Главное — необходимое для обороны Родины. И тот, кто любит Родину не ура-патриоти-

чески, а по-настоящему, тот всегда должен заботиться о ее благе, должен приумножать ее могущество. Отсюда и вся мораль.

Чертовски все-таки плохо не любить и не быть любимым. Любовь — большое, замечательное чувство. Почему же все-таки у меня не клеится? Видимо, все же основной виновник — я сам. Не кто иной. Не с излишней ли арифметической премудростью подхожу я к вопросу любви?

Но, с другой стороны, ведь любовь только тогда хороша, когда любишь по-настоящему, от чистого сердца, от всей души. А «экспериментировать» (пока опыт окажется удачным) никуда не годится. В советском обществе нет места проповедникам «любви без черемухи», всевозможным «кукушкам», завязывающим мимоходом и так же оканчивающим «романы». Нет! Древнее, как мир, чувство любви приобретает в нашей стране особую силу, особую красоту и глубину. Любим мы не только себе на утеху. Ведь интересы государства и семьи у нас должны совпадать. И совершенно прав Ленин, который в беседе с Кларой Цеткин говорил: «...в любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу». После этого можно ли легкомысленно относиться к любви?

Может быть, мое долгое «холостяцтво» следует объяснить желанием освободиться от излишних тревог, стремлением к легкой жизни, не отягощенной никакими заботами, кроме заботы о себе? Но тогда это уже никуда не годится. Не по-современному. Смахивает на позиции квасного мещанина, который боится себя отягощать семьей, детишками.

Впрочем, вопрос довольно-таки сложный. Ясно одно: любить нужно, любить по-настоящему, горячо, как любили Ромео и Джульетта, Отелло и Дездемона. Примеров настоящей, подлинной любви в классической литературе бесчисленное множество.

4 марта.

Был на совещании в облсовете. Слушали отчеты работников облсовета, возвратившихся из командировок по районам. Совершенно очевидно, что поездки гастрольные. Товарищи на месте не изучают глубоко положение дел. Собирают и привозят факты, которые и без них давно известны. Больше того, уезжая из района, «уполномоченные» не оставляют никаких следов. Председатель райсовета не знает, какого же мнения осталось «начальство», где он ошибается, в чем именно.

Хорошо сделал, что послал материалы нашей проверки в Мирзачульский район. Судя по заявлению майора Хожайнова, положение дел там значительно улучшилось. Очень хорошо! Так и должно быть. Всякая поездка в район должна приносить пользу.

А секций по-прежнему нет. Характерно, что никто из докладчиков даже не счел нужным остановиться на секциях. Все думают жить по-старинке. По-прадедовски. На волнах самотека.

Один только Борохов из Сталинского райсовета сумел коечто рассказать о работе секций. Их секции вообще заслуживают внимания. Через некоторое время нужно будет внимательно присмотреться к их работе. Может быть, появится что-то особо интересное.

Видел Тарычева. Он возмущался тем, что до сих пор (с ноября) не имеет ответа из редакции на его статью о пересмотре программы подготовки стендовиков. В редакции, видимо, считают, что раз материал писал и отсылал я, значит, отвечать не следует. А ведь на самом-то деле материал я автору показывал, стало быть, это уже его статья. Как можно так не уважать активистов-осоавиахимовцев! Не отвечают и мне. Просил тов. Никитина сообщить мне, с кем я все-таки буду соревноваться,— никакого ответа. Нет желания после этого и писать. А зачем?

6 марта.

В колхозе им. Димитрова, в котором вчера побывал и я, все — от стара до мала — знают девушку Зумрат Каримову. Она примечательна своим усердием, своим трудом, активной общественной работой.

В холодные январские дни на строительстве трассы железной дороги Ташкент — «Ангренуголь» Зумрат работала не покладая рук. Одна из немногих женщин, она высоко держала честь своего колхоза. Любо, рассказывали колхозники, было глядеть, как ловко орудовала Зумрат кайменем. Первые дни только выполняла норму, а затем счет пошел десятками, сотнями процентов. Опытные мастера кайменного труда, звеньевой Расулов и седовласый Сабиров, и те еле-еле успевали угнаться за Зумрат.

Вечерами, не замечая устали, Зумрат кропотливо и настойчиво учила колхозников противовоздушной и противохимической обороне. И здесь оказалась на месте. Ее доходчивые и убедительные объяснения, ровное и спокойное обращение, твердость в требованиях нравились обучаемым.

Теперь Зумрат в кишлаке. На общем собрании недавно подбирали лучших из лучших в стахановское звено. В числе их назвали имя Зумрат.

«Золотые руки у Зумрат, — говорили колхозницы,— за что ни возьмется, все ей по плечу».

И Зумрат оправдывает доверие. С любовью, как ласковая мать, лелеет рассаду. Председатель колхоза не нахвалится ею. Но не только производственными успехами сыскала себе авторитет Зумрат. Она — активная общественница. Не случайно комсомольцы избрали ее своим секретарем, посылали делегатом на областную конференцию. Зумрат первой в колхозе сдала нормы ГТО, имеет грамоту за успехи в легкой атлетике, и в числе лучших физкультурников Узбекистана ездила в Москву на Всесоюзный парад. На празднествах, на гуляниях Зумрат — заводила веселых песен и танцев. И как же после всего этого не замечать такой девушки! Простой, жизнерадостной, отличной труженицы, в которой гармонично развиты замечательные черты советской женщины, в которой есть упорство и дерзание, трудолюбие и высокий подлинный патриотизм.

Вот о ней и решил записать в дневник. Тем более, эта девушка — одна из тех, кто в недалеком прошлом по неписаному закону — шариату — Туркестана всю свою жизнь проводили под черной сеткой чачвана, были низведены до положения рабынь, вьючных животных.

Иные времена, иные дела, иные люди!!!

Кто не позавидует такой замечательной молодой жизни, кто не порадуется, глядя на нее, любуясь ею!..

В одном из номеров журнала «Смена» заспорили школьники. З. сказал, что только влюбленный имеет право на звание человека (это не его слова, а слова А. Блока из стихотворения «Когда вы стоите на моем пути...»). Кто-то ему ответил на это: «Ерунда!». Некоторые его поддержали.

— Слушайте, вы, — заявил З. — Не понимайте этого буквально: влюбленный — не только в кого-нибудь, но влюбленный в жизнь, влюбленный в свою мечту, влюбленный в человека.

С этим нельзя не согласиться. Но кто-то сказал язвительно:

— А влюбленный в самого себя — тоже человек?

— Это низкий человек, потому что он, кроме себя, ничего не видит, — ответил З.

Он прав. В спорах рождается истина. Это сказано не без основания. Спор спору рознь, разумеется. Бывают споры, похожие на бенгальские огни, холодные огни, которые не греют и ничего не могут зажечь. Участники подобных споров обычно больше всего заботятся о том, чтобы поразить оппонента звонкой цитатой, блеснуть эрудицией, ошеломить красноречием...

Но не такой спор рождает истину. Истину рождает хороший, горячий, товарищеский спор, который по-настоящему волнует и может обжечь неожиданным открытием, истиной, доселе ускользавшей. Нужен прямой, искренний спор, который заставляет работать мысль, делает человека умней, приводит его к книжной полке, заставляет больше узнавать, шире думать, толкает его на живое, хорошее дело. В таком споре не может быть места ложному самолюбию, которое мешает человеку, заставляет его упорствовать в своей неправоте.

10 марта.

В техническом прогрессе кинематографа есть нечто головокружительное. Кино родилось на свет немым, серым и плоским. Совсем недавно обрело дар речи, затем стало цветным и ярким, как сама природа. А теперь решена еще одна задача: кино стало объемным, трехмерным. Обязательно нужно будет сходить в Москве на стереоскопический фильм.

Читаю: очень интересно, когда на экране ощущается объемность, где нет больше плоских движущихся фотографий, где чувствуется воздух, глубина пространства, где каждый предмет реален, ощутим.

Писал отчет. Первая часть — о положении дел в организации — получилась лучше. А вот о работе своей — хуже. Придется на месте досказать. Признаться в том, что не везде, не во всех своих статьях я одинаково добросовестен, не с одинаковым старанием их обрабатывал.

Будут ругать за лирику. Согласен, что нужно избегать «героической» позы, напыщенности. Но нельзя же слишком «приземляться», не давать простора своим мыслям. Кроме того, нельзя не идти дальше внешней стороны явления, факта, события, о котором пишешь.

Статья не должна походить на путеводитель по городу, в котором указаны — но только указаны! — все местные предме-

ты, достопримечательности. Это — аргумент на тот случай, если будут ругать за «пространные» рассуждения.

О Добкине нужно рассказать, что он излишне положился только на то, что ему рассказали. А сам не потрудился заинтересоваться положением дел. При таком отношении, безусловно, факты будут грешить против правды, искажать их. К этому приведет легкомысленное, по существу, дилетантское отношение к теме, грубый компиляторский метод работы.

Хорошо освещать события! Этому сама жизнь нас учит. Но нельзя же удовлетворяться тем, что всесильная жизнь творит за нас, мы ведь должны уточнить, яснее и четче выразить общую мысль. А этому нужно серьезно учиться.

За последнее время произошло событие, вернее, два события, обогатившие общественно-политическую жизнь советского народа. Это XVIII политконференция и VIII сессия Верховного Совета. Какие выводы нужно сделать для себя?

Первый — нужно лучше трудиться, любить свой труд. Самокритика, острота, с которой отнеслась конференция к любителям досуга и санаторной тишины, учит нас многому. Мало мечтать о хороших делах, нужно трудиться. Есть же прекрасный афоризм: «Труд думает, лень мечтает». Мечтать, хорошо мечтать способен каждый лодырь. Надо жить трудом, уметь мечту соединять с творческим усилием, трудом воспитывать мысли и таланты.

Лишь тот свободной жизни властелин,
Кто дни свои в борьбе проводит трудной.

Эти слова принадлежат Гёте, всю жизнь писавшему «Фауста»! Вот детище его мечты и труда.

Говоря об антиморальном поведении командиров Осоавиахима, мне нужно будет исходить из того, что близость коммунизма обязывает быть морально чистым. В коммунизм нельзя войти, не освободившись от накипи мещанства, собственничества, не очистившись от пыли прошлого, оставшейся на старом и передающейся новым поколениям.

Утром еду в Москву. В столицу Советского Союза. В Москву, к которой прикованы мысли миллионов людей. В Москву, где ярко сияют Кремлевские звезды, и куранты Спасской башни разносят по всему миру мерные удары и звуки пролетарского гимна. Москва, красавица Москва!

12 марта.

Идет...
И ночь прогрохотала.
На тихой станции одни
Сквозь белый пар глядят сигналы —
Разнообразные огни.

Стоим в Казалинске. Прошли 870 километров от Ташкента. Ночью подзамерз. Дело идет к холоду. Вечером, говорят, будет еще холодней.

Соседи по купе — приятный народ. Один — Введенский из Совнаркома, другой — из Комитета по кинематографии. Вчера составили «ансамбль» и целый вечер пели песни: классические, арии, современные. Репертуар — колоссальный!

Утром расползлась весть: ночью один пассажир-узбек приставал к 12-летней девушке. Какой все-таки хам. Большой хам!

Хорошо все-таки, что доклад написал дома. Здесь, в вагоне, конечно, ничего бы не получилось. Трясет. Да и сама обстановка совершенно не располагает к этому.

Все время однообразный, унылый ландшафт. Степь. Казахская великая равнина.

Итак, тронулись ... Поезд набирает скорость.

В Голодной Степи на вокзале встретили меня Мария Павловна и Любовь Павловна. Как крепко они изменились. Впрочем, удивляться нечему: ведь время делает свое дело. Да, и пережить им пришлось много. За время недолгой стоянки поезда ничего не сумел им сказать. После долгих лет разлуки — и ничего не нашлось. Бывает же так.

Все время дуемся в «козла». Пьяненький «чапаевец» оказался не таким уж плохим человеком. Компанейский парень. Кроме того, бывалый и рассуждает весьма интересно. Целый вечер хохотали над его анекдотами.

Все чаще и чаще идут сплошные снега. Настоящая российская зима. А дальше, видимо, будет еще строже. В Ак-Булаке купил на всякий случай перчатки. Не помешают.

Все едем. Завтра последние километры — и Москва. Прошли Оренбург, Куйбышев, Сызрань, Инзу и только что — Рузаевку. Настоящая русская зима. Русские избы, сани. Давно уже не видел таких пейзажей.

Все время новые пассажиры. Одни приходят, другие сходят. Куда-то спешат, торопятся.

Казалинск

15 марта.

Сегодня суббота. В 2 часа дня прибыли в Москву. Расстался со своими друзьями по вагону. За время поездки успеваешь со многими сдружиться. Особенно понравился тов. Карпухин из Управления кинофикации. Обещал позвонить в редакцию.

Итак, снова все в разные стороны. Липинский — в Одессу, Майзлик — (непревзойденный анекдотист) к себе домой, а я — в поиски Ново-Рязанской. По советам москвичей проехал в метро до Киевской станции. Оказалось, совсем не туда. Ново-Рязанская улица близко от Рязанского вокзала. Добрался. Редакция оставляет приятное впечатление. Аккуратненько, солидно. Лебедев совсем не такой, как мне представлялся: солидным, седеньким мужчиной. Оказалось, совсем еще не пожилой. Ко мне отнесся приветливо. Представил тов. Чудновскому. Тот тоже как будто держится без официальщины.

Не успел опомниться, как пришлось троллейбусом добираться до Неглинной, 4, в бюро распределений. Думал, что скоро получу направление в гостиницу, но не тут-то было. Очередь, очередь... В одном только окошечке (это на всю столицу!) выдавались направления. Вместе со многими (куйбышевцами, харьковчанами) добиваюсь к заветному окошечку, но все приходят «записанные». Это те, кто еще вчера, позавчера записался на очередь, но не получил места. По телефону сообщаю тов. Лебедеву, что надежды на получение ордера нет, и прошу, чтобы устроили переночевать в редакции. Договорились. Но тут подвезло: вместе с одним рязанцем заполучили места в Центральной гостинице. Прекрасное дело. Первушинский переулок — в центре города. Гостиница скромная. Но номер 13 прекрасный. Главное — близко к центру, к метро. Едем со своим новым знакомым рязанцем за вещами в редакцию. Метро — прекрасное сооружение. Какое огромное удовлетворение получил, наслаждаясь прекрасными станциями, их отделкой. Скромно, просто, изящно.

Домой ехали в такси. Шофер, как опытный экскурсовод, рассказывал дорогой, где что. Проехали площадь Кирова, Дзержинского, Орликовский переулок. Видели скачущую четверку на Большом театре. Ночью решил идти в бани. Попал в Сандуновскую. Удобства, комфорт. Особенно хорош бассейн. В чистой, прозрачной воде с удовольствием поплавал. Бассейн сделан хорошо. Получаешь истинное наслаждение.

Завтра день должен пойти на то, чтобы осмотреть достопримечательности. Во что бы то ни стало нужно побывать в Третьяковской галерее. Обязательно.

Москва

16 марта.

День начался с парикмахерской. Привел себя «в надлежащий вид». Затем — странствовать. «Рязанский сосед» по комнате оказался прекрасным парнем. Его осведомленность обо всех адресах, обо всех «путях-дороженьках» Москвы пришлась как нельзя кстати. Сегодня почти весь день провел «без отрыва» от площади Свердлова. Днем в кино «Восток» смотрели цветной кинофильм «Майская ночь». Новинка! Пока она дойдет к нам в Ташкент...

Затем достали билет на «Богдана Хмельницкого» в Государственный ордена Ленина Академический Малый театр. Нужно будет побывать во всех, хотя бы наиболее значительных театрах. Достать билет удалось без труда. Оказывается, все разговоры о каких-то «нечеловеческих усилиях», которые-де приходится испытывать для того, чтобы попасть в театры, не имеют никаких оснований.

На 11-м номере добрались до Третьяковской галереи. О ней так много слышал. Еще в детстве мечтал о том, когда попаду туда. И вот попал. Посетителей очень много. Люди разных возрастов, разных профессий. Осмотрел галерею быстро. Но разве можно в один присест основательно познакомиться с таким множеством картин, залов.

После присоединился к нескончаемому потоку людей, текущему к могиле любимого Ильича. Второй раз в жизни увидел дорогое лицо. Сама обстановка в Мавзолее соответствует переживаемым минутам глубокого траура. Сколько людей, из скольких стран, каких национальностей прошли через этот памятник незабываемому человеку.

В 3 часа ровными ударами прозвенели куранты. Их бой слышал не по радио, а вживую, здесь, на Красной площади.

Осмотрел церковь Василия Блаженного. Здесь много собрано материалов, в которых хорошо видна история Красной площади. Лобное место. Отсюда читались все важнейшие приказы и повеления властителей «всея Руси». Здесь сложил свою голову Степан Разин и многие другие. Кого и чего только не видела Красная площадь, этот немой свидетель многих времен и многих событий.

Долго рассматривал Никольские ворота. Это через них бежал Наполеон из России. Это он приказал взорвать Никольские ворота. И теперь видны места, где реставрировалось сооружение.

Снова был в Музее Ленина. Личные вещи Владимира Ильича прекрасно остаются в памяти. Какой замечательный, великий человек!!

Вечером — Малый театр. Пожалуй, впервые в жизни был в таком хорошем театре. Артисты играли прекрасно. Особенно народный артист РСФСР тов. Ланин — играл Богдана Хмельницкого. Отличная постановка, слов нет. И театр хороший. Есть на что посмотреть.

Мороз не отпускает целый день. А к вечеру, вернее, к ночи, разыгрался основательно.

Возвратились домой в час ночи. День прошел с толком. За день впечатлений больше, чем за иные месяцы.

Москва — прекрасный город. Хорошо здесь жить. Все устроено так, чтобы как можно лучше обслужить нас, трудящихся, чтобы мы могли гордиться, законно гордиться своей социалистической столицей — красной Москвой.

Москва

19 марта.

Время идет незаметно. Начинаю совсем осваиваться в столичной жизни. Утречком встаю и направляюсь в редакцию. Позавчера вечер провел у Мстиславского. Старый друг по «Комсомольцу Узбекистана». Теперь живет на Станиславской. Встретил хорошо. Думает устраиваться в «Московском комсомольце». Вчера день прошел в подготовке к отчету. Признаться по совести, немного смущался. Как бы там ни было, но перед редакционным коллективом выступал впервые. В 6 часов слушался мой доклад. Судя по выступлениям тов. Теофипольского, Рутмана, Лебедева и Лихачева, работаю я неплохо. Редактор заметил, что «пришелся ко двору». Для меня это высокая похвала. Критиковали поделом, справедливо. А главное — без подсиживания, по-товарищески. Коллектив у нас в редакции неплохой. Обстановка для работы хорошая, здоровая. Галя и Клава — девушки интересные. Первая, видимо, немного развитей. А, в общем, хороши обе.

В Москве все есть. Чего только нельзя найти в магазинах? Все есть! Все, что только необходимо. Нужно будет запастись кое-какими вещами. Особенно летней одеждой.

После доклада ездил в Центральный театр Красной Армии. На спектакль «Пархоменко» успел только ко второму акту. Театр замечательно устроен. Сцена громадная. Но спектакль не понравился. Может быть, потому, что не видел первого действия.

Сегодня днем беседовал в отделах. Они предъявили ряд законных требований. Нужно будет их, безусловно, выполнить. Включить в план работы и затем выполнить. Особенно серьезно следует взяться за отдел военного обучения. Организовать и дать ряд квалифицированных статей. В них нуждается газета.

Лебедев — исключительно внимательный, дельный человек. Сам даже напомнил мне, что нужно в авансовом отчете указать мягкий вагон.

С подпиской на газету по республике дело обстоит плохо. Даже тех незначительных лимитов, которые спущены областям, они не выбрали. А жалуются, что вот-де мы не имеем возможности выписывать, не хватает и т. д. Пустые разговоры!

Вечером был в цирке. Мало чем разнится от нашего. Номера, конечно, сильнее. «Теплоход "Веселый"» поставлен хорошо, по-современному.

В номере не застал «рязанского». Уже уехал домой. Мой первый знакомый по Москве. Скоро уеду и я. Незачем засиживаться, мозолить глаза. 22-го нужно выезжать.

Мороз основательный. Особенно ночью, когда возвращаюсь домой, прижимает крепко.

Москва

21 марта.

Вчера вечером сумел попасть в Государственный ордена Ленина Академический Большой театр. Шла опера «Князь Игорь». Какие декорации! Какое исполнение! Князя Галицкого пел народный артист СССР Пирогов, а Кончака — народный артист Михайлов. Замечательно пели. Театр сам по себе замечателен. Оборудован со вкусом, богато.

Вечером беседовал с Чудковским. Он напирал на то, чтобы поменьше выступать на всевозможных совещаниях, заседаниях. Иначе могут на месте всякое выступление использовать в невыгодном для нас, редакций, положении. Чудковский прав! Доводы совершенно справедливые.

Сегодня день прошел в магазинах и проездах. Произвел коекакие закупки. Как будто мелочи, а денег истратил много. До-

роговизна все же большая. Несомненно, что жителям Москвы нужно иметь много денег. Иначе совсем ерунда получится.

Клава чуть ли не совсем понравилась. Девушка хоть куда. Хороша собой, скромна! И значительно проще Галины.

Итак, сегодня последний вечер в Москве. Завтра в дорогу. Снова в Ташкент. После Москвы там, видать, скучновато будет. Но ничего!

Написал письмо отцу, Куку и Яде. Плохо, что не поговорил с Ядей по телефону. Тем более что обещал в письме.

Завтра снова по магазинам. Нужно будет купить кое-чего Броне. Пускай будут и для нее радостные минуты.

Итак, последние дни в Москве. Время прошло незаметно. И так вся жизнь. Не успеешь толком разглядеть.

Москва

6 апреля.

Прошло столько времени. Сегодня воскресенье. 27-го возвратился в Ташкент. После Москвы показался маленьким городишкой. Контраст и в природе. Там — зимняя стужа, здесь — весна.

«Рабочее настроение» возвращается медленно. На раскачку потребовалось слишком много времени. Даже за дневник не брался. Нужно будет поднажимать. Основательно! Иначе подведу Лебедева. Изменится мнение.

Получил письма от отца, Фени Шатной и Корнилова. Аркадий пишет совсем в дружеском тоне. Хороший он парень. Прямолинейный и к тому же толковый. Обязательно нужно с ним держать крепкую, товарищескую связь. С хорошим другом никакие расстояния не должны разлучать.

Лутовинов из отдела тиражного — чудак. Обещал увеличить лимит, а теперь на попятную. Ну, и пускай себе. Хотел товарищам помочь, а они чураются этого.

В клубе технической связи хорошие ребята. Инициативные. Беда только в одном: им никто не помогает. И все их начинания могут заглохнуть. Как это уже не раз случалось раньше с коротковолновиками. Нужно будет заняться клубом серьезно. Подмогнуть им.

Вчера приходила товарищ из журнала «Санитарная оборона». Лебедев ей рекомендовал завербовать меня. Но вчера она меня не застала, а теперь ее нельзя разыскать. Завтра же нужно позвонить в ЦК «Красного Полумесяца». Может быть, разыщу.

После Москвы у меня «финансовый кризис». Видимо, нескоро удастся войти в нормальную колею. Не следовало все-таки так тратиться. Жить всегда нужно, думая о завтрашнем дне. Это необходимое условие. Помнить о нем следует всегда.

Ребята поправили приемник. Вечерами, вернее ночами, странствую в эфире. Беда только, что теперь отрываюсь от работы. Приемник — как алкоголь для старого пьяницы. Никак не отвяжешься.

Совещание в облсовете прошло плохо. Речи выступающих звучали бесстрастно и спокойно. А ведь прошел квартал работы по-новому. Следовало ожидать, что разгорятся прения, что председатели поделятся опытом, расскажут, какие трудности, как привлекается актив. Увы! Выступали с цифровыми выкладками — и только. По существу никто толкового не рассказал, как же идет перестройка, какие есть трудности, какие уже выявились ошибки. А они ведь есть. Да еще сколько их!

Ташкент

9 апреля.

На областном совещании по подведению итогов первого квартала выступали многие. Но речи ораторов звучали бесстрастно, спокойно. Прошло три месяца. Можно было ожидать, что разгорятся прения, что председатели райсоветов расскажут о живых делах, поделятся опытом. Увы! Выступали с цифровыми выкладками, говорили об абсолютных величинах и процентах. Но вот о секциях, о привлечении активистов никто не сказал. Никто толково не рассказал, как же идет перестройка.

Не привыкли наши люди думать по существу, за «средними» цифирками не видят живого, конкретного дела, людей.

Облсовет доволен: показатели выполнения плановых заданий неплохие. Но облсовет не хочет видеть одной особенности выполнения: план выполнен в отдельных районах и наиболее «надежными» организациями. А где же выполнение решений XVIII партконференции — работать планово, без рывков, выполнять задания всеми звеньями?

Не добивался этого облсовет. Решения XVIII партконференции он встретил, конечно, всеобщим одобрением. Однако одних одобрений, как известно, мало. Задача состоит в том, чтобы обеспечить большевистское выполнение постановлений, работать (именно работать!) планомерно, без рывков.

Напрашивается тема о поездках в районы. Облсоветовцы ездят в большинстве в районы с налета. «Накачивают». А ведь не «накачки» ждут райсоветы, а практической, деловой помощи, хороших деловых советов. В облсовете много говорят об отстающих. Тов. Микула и его помощники едко высмеивают расхлябанность, Но кто в этом виноват? Сам же облсовет. Его стиль работы таков, что никак не способствует тому, чтобы райсоветы работали организованно, дисциплинированно, точно.

Обо всем этом сегодня написал большую статью. Отправлю через тов. Гольденберг из журнала «Санитарная оборона».

17 апреля.

Живешь, и как будто ничего нового. Оно, может быть, и есть, но не замечаешь. Все кажется обычным, обыкновенным. И так всю жизнь. Дни сменяют ночи, ночи сменяют дни. Кавалерийским галопом (аллюр «три креста»!) проходит время.

А думы, думы, как пчелы!..

Последнее время я, кажется, начинаю много мечтать. То ли потому, что время весеннее (говорят, весной все мечтательны), то ли потому, что некому погонять хорошенько и заставить напористей работать?.. Почему?

Основательно начинаю заниматься УзТАГом. Необходимо поправить финансовую брешь, которая образовалась в связи с поездкой в Москву. Вообще получается черт знает что: получаю как будто не так уж и мало, а вот финансовые затруднения — неотступные спутники. И все, видимо, потому, что не научились мы считать деньги. Вести счет копейкам. Именно копейкам, которые берегут рубли, десятки рублей. Не раз в печати ставился этот вопрос. Принципиальных возражений против этого ни у кого нет. И в то же время за копейками мы все-таки не следим.

Снова радиокомитет передает программу передач на завтра. И снова ерунда. Все лекции, беседы. Почему мало музыки? Ведь в наши дни никто уже не смотрит на музыку как на предмет роскоши или средство забавы. Музыка стала глубокой потребностью. Ни одна сторона нашего быта не обходится в наше время без музыки: родной песни, частушки, знакомого романса, гармоники, балалайки и т. д., и т. п. Словом, всюду музыка, часто даже незаметно для нас, слушателей, выполняет какую-либо важную общественную функцию, отвечает на ту или иную социальную потребность. Она — организатор досуга, она са-

ма — культурный отдых, источник художественных наслаждений, политический агитатор и т. д., и т. д.

Тем более непонятно, почему радиокомитет недооценивает этого. Если и дает, то больше в стиле *марша фунебре (Funebre)* — похоронную музыку. Хотелось бы услышать ажитато, дивертисмент, т. е. то, что возбуждает, веселит, а не нудные, монотонные пьесы. Впрочем, из ничего трудно сделать что-то. Раз у них нет соответствующих сил, то с кем споешь, кем разнообразишь!

С погодой никакого постоянства. То дождь и холод, то жарища. Какая-то вакханалия. Видимо, перепуталось все на свете.

Добкин упорно молчит. Можно подумать, что не желает соревноваться. А может быть, никак не соберется ответить. И кто его знает, чего это значит?

21 апреля.

В Транспортном институте хорошая, действенная осоавиахимовская стенная газета «Оборона родины». Любит ее народ за злободневность, за умелую постановку вопросов, за хорошее художественное оформление.

Дельные, лаконичные заметки правильно отражают и направляют борьбу осоавиахимовцев и всех других общественных организаций на высокое качество подготовки, выполнение социалистических обязательств.

Сегодня посвятил день этой газете. Нужно будет писать обзор. Ко Дню печати он для газеты, безусловно, будет нужен.

Развитие альпинизма имеет огромное значение для обороны родины. Особенно это важно для бойцов Среднеазиатского театра военных действий. И совершенно права редколлегия, помещая много материалов о работе, учебе альпинистов. Как раз это и нужно. На трудностях горных походов воспитывать молодежь! Ведь правильно говорят альпинисты: «Кто не растерялся в горах, тот не растеряется в бою». И главное, что не красоты горных пейзажей нужно описывать, а трудности горной жизни.

Во многих кинокартинах показаны великие битвы. Мы помним изумительную сцену боя в «Чапаеве» братьев Васильевых, суворовский переход через альпийский Чертов мост у Вс. Пудовкина. И картины суровой войны, войны, где умирают, но где воля к победе побеждает все препятствия, в кинокартине «Богдан Хмельницкий» — замечательны. Это выдающийся фильм о могучей силе украинского народа, об его патриотизме, воле, мужестве.

Говорит бандуристам Богун: «Поднимайте народ на бой с панами, чтобы крылья выросли у каждого, кто не хочет в холопах помирать, чтоб запылали замки, и путь войску нашему освещали в ночи».

Многое привлекательно в картине. Многое!

25 апреля.

Работал над статьей «Для боя и как в бою». Показать нужно было радистов на практическом занятии в поле.

Пришлось перечитать много материалов: дело ведь незнакомое. Теперь узнал, что это за штука — радиотень, как нужно развернуть и настроить рацию малой мощности. Вчера передавал статью по телефону. Она, по-моему, должна удовлетворить редакцию. Если нет, то шут его знает, как же все-таки писать.

Добкин на вызов не отвечает. Что случилось? Во всяком случае, так или иначе, но ответить он должен был обязательно. Молчание — это пренебрежительное отношение к другим.

Вот Феня Шатная аккуратна. Ответила быстро. Может быть, еще потому, что когда-то мы с ней были не совсем равнодушны друг к другу. Старый друг, как говорят старики, лучше новых двух. И то правда!

А вообще приятно почитать письма от старых друзей, знакомых. Каждое письмо воскрешает старые воспоминания, события «давно минувших дней, преданья старины глубокой». Хоть не особенно глубокой, но все же старины. Впрочем, в жизни каждого смертного особенно «глубокой» и не может быть. Ведь что значат наши какие-нибудь 60 лет жизни (это в лучшем случае!) против веков, тысячелетий? Ничто! Как какой-нибудь донник против степных просторов. Такое сравнение, кажись, привел комиссар, «политичный комиссар» Кочубею. И правильно привел.

«Комсомолец Узбекистана» напечатал статью «На уроке военного дела». Сплошная чушь. Проводят огромную разницу между теорией и практикой военного дела. Чудаки! Ведь прохождение всей программы военной подготовки есть сплошная практическая работа. Ведь и проведение «теоретических» занятий есть тоже нечто иное, как **практическая** работа. И в самом деле, как можно «теоретически» проходить, скажем, топографию, те же уставы. Их изучение нужно проводить практически. Всякое иное понимание, толкование задач военной подготовки

приводит к забракованному методу работы, к условностям. А указания наркома обороны тов. Тимошенко целиком сводятся к тому, чтобы все делать не условно, а безусловно. Теоретические вопросы нельзя усваивать отвлеченно. Их необходимо усваивать в сочетании с практикой, усваивать на материальной части, на приборах.

В заметке указано, что «сведение часов дало возможность выходить для разбора практических вопросов (?!) на улицы и площади города». Какой абсурд!

Вместо того чтобы практически заниматься проведением подготовки учащихся по элементам тактических занятий: наблюдение, выбор позиции для стрельбы, ведение огня и т. п. — занимались рассказами. В то время как весь процесс подготовки бойца, будь то в обороне, в наступлении, да и в любой теме, в основном, организуется и проводится практически и попутным объяснением.

Военрук проводит тактические занятия на улицах города... Чему же здесь восторгаться? Плакать надо. Подготовленные таким образом бойцы будут неспособны вести бой.

Одним словом, запутались окончательно. И когда я на это указал, еще полезли в амбицию. Особенно Уваров. Нужно написать в «Правду Востока».

26 апреля.

Какая все-таки есть сила, красота в музыке. Сейчас только слушал 3-ю часть симфонии Берлиоза. Инструменты передавали грусть, трель пастушка. Раскаты грома, как в грозу. И снова грусть. Безысходность.

Скрипки говорили что-то звучное, нежное. Им ответили деревянные инструменты, вступили медные, наконец, проложила свою теплую дорожку простая и теплая фраза рояля — и вот зазвучал и загремел весь оркестр, все полнее, глубже, все вдохновенней. И замолчал...

Многие представляют музыку как нечто, порожденное свободной фантазией художника, плод его так называемого вдохновения, в котором видят главный и чуть ли не единственный источник художественного творчества.

Музыку, в силу особенностей ее художественного языка, быть может, труднее, чем какое-либо другое искусство, увязать с явлениями общественной жизни. Но, однако, все же у всех народов существовала и существует глубокая связь меж-

ду музыкой и общественной жизнью. И это сильно возвышает музыку в ее художественном и общественном значении. Музыка выросла из самых основных потребностей человека. Она всюду и всегда была необходимейшим спутником нашей жизни. Она глубоко влияла на психологию и быт человека, помогала выполнять общественные обязанности и т. д. Такой взгляд на музыку, сводящий ее с заоблачных высот необъяснимого вдохновения в гущу человеческой жизни, способен только возвысить музыку и в глазах ее служителей, и в сознании широких слушательских масс.

Научиться слушать музыку можно легко. Особенно тем, кто ее по-настоящему любит и кто глубоко интересуется ею. Нужно интересоваться не только звуками, но еще и тем, что скрывается за ними, какие чувства и мысли владели ее творцом, композитором.

20 мая.

Если бы кто-то спросил: «Почему не писал дневник?» — то, пожалуй, трудно было бы что-нибудь ответить. Черт знает, почему. Потому что было какое-то нерабочее настроение. Первая десятидневка мая прошла весьма непродуктивно. И прав тов. Лебедев, который предупредил меня, что нужно подтянуться. Учтя замечание, кажется, за вторую десятидневку подтянулся. Посылал материалы каждый день. Все авиапочтой. Благо, хоть она открылась. По телефону ничего нельзя сделать. Никак не дозвонишься.

В Киргизском ЦС молодцы. Цыганков — замечательный человек. Стоило только заказать материалы, и он прислал. Правда, неважные, но беда невелика: не «испытанный» же он журналист. Знаменательно то, что выполнил. Телеграммой поблагодарил его.

Наши цеэсовцы все больше и больше наглеют. Турбин — хитер, коварен. На президиуме попытался посадить меня, и удачно. Номер прошел. Нужно учесть и держать ухо востро.

Ревизор из ЦС СССР тов. Борисов открыл для меня новости. Оказывается, полковник Михайлов и иже с ним Турбин занимались обдирательством общественной кассы. Получали сполна все, что когда-нибудь полагалось и даже не полагалось. Следует этим делом заняться всерьез и действовать с тов. Борисовым сообща, иначе быть не может. Это рискованный путь, но правильный, принципиальный.

Друзья на письма не ответили. В чем дело? Неужели не найдут времени? Нехорошо! Оказывается, все скоропреходяще, и друзья — то же самое. Редакция напрасно не дала материала о Ташкентском облсовете. Посылая статью, впредь нужно писать такие стихи:

Я вам пишу, чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь я знаю, в вашей воле
Мою статью мариновать.

Пушкин на редакционный лад. Александр Сергеевич, на какие только лады тебя не переделывают!

Еще Владимир Владимирович в свое время писал:

Вы б смогли –
У вас
Хороший слог.
Все смогли бы! Не так ли, африканец!

Тетрадь II

**Начата
22 мая 1941 года
в г. Ташкенте**

22 мая.

Утро началось с мотоклуба. Нужно же все-таки овладеть мотоциклом. Давно начинал, а теперь нужно закончить. Кажется, Наполеон сказал, что начать дело, но не закончить, — лучше совсем не начинать.

Тарчинская из аэроклуба рассказала много интересных вещей. Оказывается, с подготовкой бойцов-парашютистов дело совсем дрянь. Никто этому участку не уделяет внимания. И это в то время, как воздушные десанты (парашютные и посадочные) приобретают первостепенное значение. Период, предшествовавший нынешней империалистической войне, характерен усиленным развитием военной техники, и в особенности техники самолетостроения. Резкое увеличение скорости самолетов, их грузоподъемности, дальности и высоты полета дали возможность широко и в больших масштабах применять воздушные десанты.

Вот и поражает то обстоятельство, что «солидные» люди, сами не раз ратовавшие за необходимость подготовки, палец о палец не ударят, чтобы помочь Тарчинской. У нее есть желание работать, но оно гаснет, как гаснет светильник без масла.

Как часто такое случается с молодыми людьми. Не встречая должной поддержки со стороны окружающих, повсюду натыкаясь на рутинеров, они перестают верить в свои силы, сдают позиции. Много еще у нас несправедливости, черной неблагодарности, оценки того или иного работника не по его личным качествам, а, прежде всего, по слухам, по мнению «начальства». Достаточно иногда одного «начальственного» слова, как самого хорошего человека, работника могут смешать с грязью, растоптать все его заслуги. Все-таки несправедливость есть, и много ее.

Как не стыдно майору Забелинскому, полковнику Михайлову, виновником всех бед «назначать» тов. Тарчинскую, а самим спасать свою далеко не чистую честь. Вместо того чтобы помочь ей, оказать поддержку, они отделываются никому не нужной перепиской, бумагомаранием. Изводить бумагу всякий сумеет. А вот какой из этого толк? Кому польза? Сегодня в газете «На страже» из заметки Турбина сделали отбивную. Слишком выжали, выплеснули вместе с водой и ребенка. Даже Сурхандарьинскую область назвали по-старому — округом. Справочники устарели, а поправок новых не вносят. Вот и получается: все без изменений. Главное, зачем было отправлять меня?

Вечером футбол. Лил дождь, но болельщики держались стойко, до последнего свистка. Алмаатинцы выиграли у наших. Выиграли с крупным счетом. Так им и следует. До тех пор, пока не найдут хорошего тренера, пока не заменят стариков молодыми, энергичными футболистами, до тех пор им напрасно мудрствовать на поле, до тех пор терпеть поражения, ловить голы.

Кстати, голкипер у ташкентцев сегодня держался достойно. Но за всю команду ведь не сыграешь. Один в поле не воин, будь у тебя семь пядей во лбу. Старая, как мир, истина.

6 июня.

Редко берусь за дневник. Нехорошо! Впрочем, сколько раз уже говорил об этом, а положение остается *дондеже* таким. Каждый день просится в дневник, отличается от своего «собрата», чем-то знаменателен. Ясно одно: дневник, безусловно, нужно вести аккуратнее.

Леонид оказался хорошим другом. Дельный парень, содержательный. А, главное, у нас с ним есть какие-то общие черты, похожие. Товарищ он хороший. Искренний.

Замечательная семья Таричевых. Сегодня после кино пригласили нас с Леонидом к себе домой на вареники. На лоне природы, в садочке («садок вишневый коло хаты», совсем как у Шевченко!), при полноликой луне приятно провели время. Между прочим, тов. Таричев рассказал интересные вещи о выходе взвода студентов на два месяца в горы. Здесь в снайперской школе они будут совершенствовать свои знания. Следует договориться с Лебедевым и поехать с ними. Хорошее дело. Интересное. Совершенно прав Таричев в том, что Осоавиахим не умеет ценить своих активистов. Вот пример: Французов. Он

много сделал полезного для общества, но нигде его не отметят. Нужно будет обязательно поговорить с полковником Михайловым и устроить у него специальную беседу с участниками и организаторами предстоящего горного похода. Тем паче, этот поход — дело не только университета. Почему бы эту инициативу не подхватить другим организациям? Редакция «На страже» хранит молчание. На днях написал Лебедеву письмо, в котором упрекал его за невнимательное отношение к нам, собкорам. Нас только считают «пишущими единицами», требуют материалов, и все. Отделы редакции, по существу, чураются собкоров, ни разу не написали мне толкового, подробного письма.

Завтра — в Янгиюль на учения по борьбе с воздушными десантами. Выезжаю с бригадой журналистов. На совещание в «Правде Востока» сошлись многие даже «большие» газетные «тузы». Так, стало быть, и завтра соберутся все. Блиндер, собкор газеты «Труд», сегодня обзвонил все телефоны, все договаривался, когда и как поехать. Учения обещают (по всем признакам!) быть интересными. Как будто и готовили их неплохо. Но стоит ли давать оценки заранее? Завтра все будет видно.

14 июня.

Учения на тему «Борьба с парашютными десантами», проходившие 7–8 июня в Янгиюльском районе, значительно повысили тактическую выучку осоавиахимовцев, углубили заинтересованность всего района. Действия отрядов и мелких подразделений были в основном тактически грамотны. Хорошо работали пункты медицинской помощи и санитарные звенья, организованные «Красным Полумесяцем». Бригада из корреспондентов оправдала себя. После учений все партийные и комсомольские газеты Ташкента (республиканские) напечатали хорошие статьи, поместили много снимков. Одним словом, недаром я беспокоился, потратил время на организацию выезда бригады. Дело стоящее. Характерно, что после этого к майору Хожаинову и Мархиевскому приходили из радиокомитета и просили дать материал. Центральные газеты «Правда» и «Известия» ничего не дали: из соображений цензурных.

На учениях было много интересных эпизодов. На пути движения отряда кирпичного завода — глубоководный арык. Стремительное течение затрудняет переправу вплавь. Но нельзя терять ни минуты. И командир решает переправляться. Движе-

ние вперед продолжалось безостановочно. Интересная тема для газеты «На страже». Нужно будет сделать статью.

Последние дни много новостей. Последняя статья «Мытарства инструктора Тарчинской» окончательно нарушила равновесие полковника. Он вышел из себя. На моей статье начертал: «Вот яркая картина того, как тов. Бунда защищает бездельников. Тов. Тарчинской нужно было не писать, а работать». Резолюция бойкая. Что и говорить. Да! Правильно! Только это ему нужно было не писать бессмысленные резолюции на докладных Тарчинской, а работать. Руководить по-большевистски. Тогда бы не было такого положения с подготовкой парашютистов.

Ревизор ЦС СССР тов. Борисов — способный человек. Он выведет на чистую воду все «закулисные» дела, самоснабжение «сильных мира сего». Воображаю, что будет на заседании Президиума ЦС 17 июня! Содом и Гоморра! Начальство, конечно, будет пытаться возражать. Понятно: как может оно признать свои ошибки! Очень хорошо, что «Правда Востока» крепко стеганула за секции. Все идет к одному. Полковнику есть от чего волноваться. Положение у него весьма незавидное.

Ерунда все-таки получается с гонораром. В мае печатался в трех номерах, причем последняя статья, «Одно заседание»,— крупная, а получил всего 280 рублей. Вот и выходит — с гулькин нос. А Лебедев еще предупреждает, что моих собственных материалов, дескать, слишком много, нужно давать организованные.

Что значит организованные? По существу, это те же самые свои, только за чужой подписью. Приходится писать все самому. Вот послал организованные из Киргизии, почему же их не поместили? Не пошли по качеству. То-то и оно! Сам не написал, вот и получилась ерунда. Несправедливо получается все-таки. Пиши за другого, а он потом будет считать материал своим, получит гонорар.

Написал Крысину в ЦС Осоавиахима СССР письмо, послал заметки из «Правды Востока». Пускай. Может быть, покажет их тов. Кобелеву. Все будет хорошо. Тем более что вскоре Борисов привезет и акт о безобразиях в ЦС Узбекистана. Полная картина! С Мстиславским скандал. До сих пор не может устроиться в Москве. Оказывается, это довольно-таки сложное дело. Собирается в Литву, к Корнилову.

15 июня.

Возле окна застыли тополя. Высокие, стройные, совсем как на той улице, где жила в Чернигове Тамара Бадай. Стоят, не шелохнутся. Будто часовые в почетном карауле.

Напоминают прошлое, Украину. О, если бы возвращалось прошлое! Недаром за молодость Фауст отдавал Мефистофелю душу.

Давно желал написать Тамаре письмо. Но куда напишешь — на деревню дедушке? А вчера получил из горнаробраза ее адрес: г. Чернигов, школа № 16. Нашел. Сегодня написал письмо. Ответит ли? Теперь она вышла замуж, стала матерью семейства. Захочет ли вспоминать прошлое?

А я вот перебрал в памяти прошедшие дни. Многое кажется смешным. Как мы с ней впервые смотрели «Чапаева». Хорошие дни. Невозвратимое прошлое. Сколько бы отдал сейчас, чтобы снова возвратить Тому. Хорошую, скромную Тамару. Правильно говорят: «Что имеем — не храним, потерявши — плачем...»

Где теперь мой идеал любви?

С тех «древних времен», как покинул Чернигов, много воды утекло. Но Тамара осталась в сердце. Воспоминания хорошие, радостные, теплые. Счастливое время, безудержные мечтания, фантастические проекты. Прекрасное время! А теперь? Все больше и больше наваливается презренных житейских мелочей, житейской прозы.

Написал Тамаре: пусть нить нашей дружбы никогда не рвется. Уходит время, как свеча, как ночь. Но дружба настоящая, большая, великая дружба не должна пропадать. Она должна не ржаветь, не вянуть. Кто из нас не мечтает о такой нержавеющей дружбе? Кто? Написал Тамаре все чистосердечно, откровенно — так, как говорит человек сам с собой: не таясь, не хитря, не стараясь показать себя лучше, чем он есть на самом деле.

Работы много. Волнуюсь, тороплюсь. Вообще, какое-то «смятенное» сердце. Делаю глупости, ошибки, поправляю их, делаю новые... Но при всем этом знаю, что работаю и буду стараться твердо стоять на ногах.

Слов нет — трудно. Но ничего. Ведь Чкалову было, вероятно, легко летать в яркую погоду, в тихий солнечный день, по проторенной трассе. Но он выбирал ночь потемней, погоду потуманней, он искал препятствий. И поэтому стал Чкаловым, таким, какого не забудет история.

Самый легкий путь далеко не всегда самый правильный!

Вспоминаю Вольтера. Великий Вольтер, предсказавший и подготовивший в умах людей Французскую Революцию, никогда не отступал от трудностей, не мирился с пороками, не заключал сделок с человеческим ничтожеством. Чтобы избежать нападения, он нападал первым. И — «нога всегда удержит опасность на расстоянии». Для льстецов и низкопоклонников Вольтер — постоянный упрек. Вот человек, одетый в броню, и человек во плоти. Расстояние во времени нисколько не стирает обаяния этого великого мыслителя.

В мастерской погоды последние дни происходит какая-то вакханалия. Непонятные вещи. То дождь, то холод. То жара, как в Термезе. Одним словом, крайности.

16 июня.

Турбин получает в месяц 2300 рублей. Тем не менее, когда уходил в отпуск, то не побрезговал взять из социально-бытового фонда 230 рублей на «усиленное питание». Какая мелочность!

И как часто это бывает. Из-за копеечного веника, полена дров или не совсем точно распределенной оплаты за электричество соседи начинают хитрые выяснения дипломатических отношений и ведут затяжные словесные битвы.

Мелочность! Пятак! А ведь из-за него происходят часто неурядицы, раздоры, неприятности. Сколько ссор возникло из-за случайной обиды, ничтожной зависти, комариной мести!

Охваченный мелочностью иной человек забывает о принципиальности или возводит «в принцип» какую-нибудь ерунду. Все это принижает человека, умаляет его достоинство.

Чудновский написал письмо. Ругает нас, собкоров, и за то, что уменьшили количество присылаемых организованных материалов, и за порочные методы организации материалов, когда на собственных материалах только ставим чужую подпись.

Рассуждать — оно, конечно, можно. А вот практически попробуй не напиши сам материал за Банникова, и ничего от него не получишь. Народ уж больно неграмотный. Куда дальше. Ведь из присланных мне из Киргизии материалов не прошел в газете ни один. А писали их работники ЦС. Что уж говорить о районных сотрудниках! Особенно в Узбекистане.

Вот пишет Кошелев статью. К ней приписка: «Посылаю небольшую статейку, верно, немного не доделанную, но ты в ней

разберешься...». А в конце: «Мою статью откорректируй...». Хорошо сказать. Как же «откорректируй», когда нужно подбирать новые факты, новые имена, фамилии. Где их наберешь?

18 июня.

Сегодня передавали «Старуху Изергиль». Замечательная вещь. Горький развенчал индивидуализм, хищничество, идеал ницшеанского «сверхчеловека» в образе Ларры. Зато он увидел образ Человека с большой буквы, воплощенный в юноше Данко, непримиримом борце за счастье людей. Романтика подвига и мужественной любви к людям, наступление на все темное, душное, тесное, враждебное человеку.

Горький – великий гуманист, воинствующий гуманист. **Всю свою жизнь он страстно хотел воспитать в каждом трудящемся человеке сознание своего достоинства, вызвать в нем «силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе». Он утверждал идеал** наступательного **человека.**

Однако еще и теперь есть люди далеко не такие. Сколько еще тех, которые следуют не горьковскому принципу «восстающего поддержи», а ницшеанскому – «падающего подтолкни».

Много еще «механических граждан», которые, подобно купцу Якову Малкину, кичатся своей хваткой за жизнь и, подобно ему, всю свою философию выражают в словах: «жизнь ... очень просто поставлена: или всех грызи, иль лежи в грязи». Все это индивидуалисты «средней стоимости», у которых за внешним благообразием скрывается подлое, мещанское существо себялюбца, способного красивыми фразами прикрывать гнусные дела.

«Красная звезда» нажимает на широкое развертывание летней физкультуры. Особенно соревнования по рукопашному бою, плаванию и марш-броску с преодолением вплавь водной преграды. Хорошо, что вчера я, посылая беседу с майором из Казахстана, сделал упор на плохую работу осоавиахимовских организаций Узбекистана по обучению бойцов плаванию. Очень хорошо.

Снова о литераторах. О Белинском. В нем есть сходство с Горьким. Могучий духом Прометей. Активный, действенный литератор, который однажды сам сказал: «Я рожден, чтобы называть вещи своими именами, я – в мире боец». И не случайно Герцен называл его гладиатором. Страстный боец. А ведь еще Гегель утверждал, что без страсти не делается ничего великого.

Белинский прошел поистине великий и сложный путь, мучительно-драматический, путь увлечений и разочарований. Все это, конечно, не платонические поиски «философского камня», не холодная игра. Нет! Он умел прислушиваться к голосу жизни. И это помогло ему, правда, с немалыми издержками, в конце концов, выбраться на исторически правильную, столбовую дорогу.

23 июня.

Сегодня понедельник. А вчерашний день — 22 июня 1941 года — **войдет в историю. Потомки будут с волнением вспоминать о нем. Свершилось то, чего собственно, и следовало давно ожидать. Неслыханное в истории вероломство. Фашистская клика Германии бросила свои войска на нашу Родину. Вчера в 4 часа утра немецкие войска перешли наши границы, немецкая авиация бомбила советские города.**

Днем по радио выступал Вячеслав Михайлович Молотов. Как и тогда, в момент наступления на Польшу. Да! Действительно — наше дело правое, и мы победим! Нет и не может быть сомнений!

Теперь только и разговоров об этом. В трамвае, на улице, в парках — везде и всюду народ толкует об одном: о войне. Советскому народу дороги судьбы, интересы Родины.

Ночью возле моего окна собралась группа школьниц: слушали последние известия из Москвы, указы правительства.

Утром послал в Москву телеграмму: «Любой ценой устройте посылку меня в действующую армию, выеду без минуты промедления».

Завтра должны обязательно ответить. Что только ответят? Завтра получу ответ. Какой?

Впрочем, только ли от меня телеграмма! По-моему, весь советский народ посылает такие телеграммы. Других никто не пошлет!

Время очень напряженное. У нас в Ташкенте жизнь идет своим чередом. Все, как и было. По-старому. Ничто не нарушает нормального течения жизни.

Как будет вести себя Англия? Это очень существенно. Ее позиция, видимо, определится в ближайшие два-три дня.

25 июня.

Прошло три дня Великой Отечественной войны советского народа против германского фашизма. На границах гремят орудия.

Народ до глубины души потрясен и возмущен вероломством наглых бандитов из гитлеровской своры. Вчера в Куйбышевский райсовет Осоавиахима пришел ученик ташкентской 44-й школы Винницкий. Он хорошо помнит ужасы немецкой оккупации Западной Украины. В то памятное время он был там, а затем, после освобождения Красной Армией, приехал в Ташкент. Обрел новую родину. И вот теперь фашисты хотят у него ее отнять.

— Не бывать этому никогда! — заявил с сердцем Винницкий.

Не бывать! Будем бить проклятый фашизм. Каждый из нас, не щадя своей жизни, будет стараться бить бандитов.

Гитлер забыл, что русские дважды были в Берлине, что ключи от города хранятся у нас, в Артиллерийском музее.

Какой большой подъем народного гнева. Каждый раз, когда в 3 часа ночи по радио слушаю последние известия, у окна собирается группа людей. Каждый интересуется последними сообщениями. Особенно утром — оперативной сводкой.

По телефону разговаривал с Москвой. Лебедев ничего не обещает. Говорит, что на фронт можно ехать только через военкомат. Как видно, скоро возьмут. И надо бы. Я ведь в душе — истый украинец. Мое место там, на Украине, где идут бои за родину, за честь, за свободу.

27 июня.

Прошло еще два дня. Томительное ожидание хуже всего. Получил московские газеты. Они еще «довоенные» — за 21 июня. В «На страже» моя статья о подготовке к призыву в Казахстане и Узбекистане. Сейчас даже странно ее читать. Отстала. На много отстала. Все говорится: мол, если грянут бои... А они уже грянули. Гремят. Трудно себе представить, какие жестокие схватки происходят там, на Западе. В одной из сводок передали, что наши части подожгли 300 танков. Сколько же их было всего? Огромное количество. Конечно, значительно больше, чем во всем нашем Средне-Азиатском военном округе.

Почему я не танкист или не летчик? Жалко. Очень жалко. Давно бы был на фронте.

А вообще война — препаршивая вещь.

Несмотря на то, что нас в Ташкенте не бомбят и жизнь идет своим чередом, все же больно, во всем, даже в самом маленьком, чувствуется какое-то непередаваемое напряжение, натянутость.

Сегодня призвали Пятакова. Уходят в действующую армию знакомые. Нужно собираться и мне. Быть готовым в любую минуту.

Ходил в военкомат. Сказали – ждать. Добровольцев уйма. Но их пока не берут. Все идет по старому мобилизационному плану. И для меня придет свое время.

Каждый день хожу на Комсомольское озеро. И каждый раз думаю, что в последний раз. Мали ли что может случиться! Ко всему надо быть готовым.

С Леней окончательно подружились. Вот и сейчас он спит у меня. Ждем последних известий из Москвы. Что будет нового? Осталось 5 минут. Вот она заговорила, Москва. Гремит авиационный марш.

...И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ!

Майор Никулин храбро сражался с врагом. Младший политрук Грачев захватил много пленных. Не Алеша Грачев ли? Тот самый, из Чернигова? Мой старый приятель...

По радио выступал брат Николая Щорса Борис Щорс. Мой старый знакомый по Чернигову. Жили Щорсы на улице Коцюбинского. Вместе со Свердловым ходили к Борису на квартиру. Теперь этот Борис, оказывается, лейтенант, артиллерист, едет на фронт.

Счастливого пути, товарищ! Будь таким, как твой брат Николай – украинский Чапаев. Был человеком большого порыва.

28 июня.

Московские газеты снова опаздывают. Как видно, нарушилась нормальная связь. «Прелести» войны. То ли еще будет! Ягодки, видимо, впереди.

В разные времена, разные люди говорили умные речи. Вот некоторые из них:

1. Люди ищут пути на небо по той простой причине, что они сбились с дороги на Земле (Г. Плеханов).

2. Все жанры хороши, кроме скучного (Вольтер).

3. – Ванька, премия идет!..

– А ты бери ее.

– В ней человек.

– Вытряхивай его, чего смотришь!

4. Все гениальное – просто.

5. Удивительно: есть такие люди, которые вечно что-то ищут и находят то, чего никогда не искали.

6. Сколько раз мы, отгорая,
Начинали вновь пылать,
Сколько раз вконец ломали
Нашу старую кровать (П. Ж. Беранже).

7. Самая прекрасная девушка в мире может дать только то, что имеет.

8. Работа корреспондента — не баловство. Корреспондент пишет на досуге, на отдыхе, но, конечно, не шутя и играя, не торопясь и не «от нечего делать».

9. Дни ожидания всегда тянутся долго.

10. На трибуне оратор:

– Приведу, товарищи, пример. Вот, например, такой пример, а таких примеров много...

11. Где в колхозе пруд хорош,
Там и рыбка ловится.
— Что посеешь — то пожнешь, —
Говорит пословица.

12. Любовь зла — полюбишь и козла.

13. В воспитании собственного таланта надо идти самым трудным путем, ибо этот путь самый правильный.

14. Необходимо очень долго и усердно учиться для того, чтобы получить право осторожно советовать (М. Горький).

15. И только одному нельзя не подивиться,
Как люди до сих пор имеют дух жениться (А. Грибоедов).

16. Судьба-проказница, шалунья
Определила так сама:
Всем глупым — счастье от безумья,
Всем умным — горе от ума.

17. Лишь силой можно силу превозмочь, число людей — числом событий (Ш. Руставели).

18. Редактора лишили доходного места. Его «ушли» за безграничную любовь к государственным деньгам.

19. Всякое начало трудно,— эта истина справедлива для каждой науки (К. Маркс)

20. Лень губит великий талант.

21. Простота человека раскрывает его значительность.

22. Мне иногда представляется, что жизнь человека подобна истоку реки. Вот и сейчас что-то делаю, что-то думаю —

и верно, что все это не может пропасть бесследно, что когда-нибудь, где-нибудь оно отзовется!

23. Его старческое сердце молодцевато екнуло.

24. Журналист должен и обязан учиться и учиться, где и как угодно: в университете, в школе жизни, у людей, располагающих более обширными знаниями и опытом, нежели его собственные.

25. О таланте.

– Да что такое, в самом деле, талант?— говорит В. Короленко.— И может ли глупец быть талантливым человеком? Несомненно, может. Талант, по чьему-то выражению, часто похож на драгоценный груз, который судьба возложила на спину осла.

26. Многообещающе: все всегда начинается с малого!

27. Рубят лес за Уралом, а в Сибири щепки летят.

30 июня.

Понедельник – день тяжелый. Сегодня вызывали в горком КП(б)Уз к тов. Кривобокову. Оказывается, кто-то состряпал на меня донос. Обвиняют в том, что я сказал на собрании в школе ПВХО, что русские много разговаривают, но мало делают. Какая ложь! Никогда, нигде и никому не заявлял ничего подобного. Я родился и жил в Белоруссии, и кивать на братский великий русский народ, конечно, не позволю ни себе, ни другому.

Откуда происходит эта грязная стряпня? Дело было так. 23 июня получил из редакции телеграфом задание организовать статью о том, как осоавиахимовцы делом отвечают на наглое нападение фашистов, как в передовом крупном домоуправлении организована подготовка населения по системе ПВХО. В тот же день обратился в ЦС с просьбой указать такое домоуправление или район. Тут (как это вообще часто бывает в ЦС) ничего определенного, конкретного не сказали. Сам организовал статью от бойцов САГУ. Во вторник, по предложению тов. Дружинина, пошел в школу ПВХО: там собирались инструкторы. Собралась первая группа. Ничего не удалось выяснить. Никто из инструкторов занятиями не руководит. Группа пошла на практические занятия. О том, как они прошли, свидетельствует тот факт, что затем на разборе сам Дружинин назвал эти занятия «детской забавой».

Не состоялись занятия и во второй группе. Скороходов вместо того, чтобы проводить практические занятия, начал рассуждения «вообче» о пользе занятий ПВХО.

После, когда в 8 часов возвратилась с «детской забавы» первая группа, началась беседа. Задавались вопросы, причем давно известные. Например, один товарищ, женщина, упорно добивалась, какой свет нужно включать при воздушной тревоге: красный или синий? И это называется — командир ПВХО! Некоторым надоели пустые разговоры. Они намекали, что пора кончать занятия. К тому же и время подходило к 11 ночи.

Но не тут-то было. Одна, довольно пожилая женщина (помоему, больше похожа на базарную кумушку!) упорно добивалась, что можно сделать с одним жильцом, который не потушил свет. Два раза тов. Дружинин толково объяснял ей, и каждый раз она снова задавала тот же вопрос. Просто хотела поговорить и занимала время пустыми разговорами.

Я не стерпел. Выступил. Сказал, что незачем толочь воду в ступе, смешно дебатировать вопрос «а что же все-таки делать с одним, кто не погасил свет». Это равносильно тому, что пуститься в рассуждения: почему, скажем, неделя имеет семь дней, а не восемь. Куда лучше, чем тратить время попусту, идти в домоуправление и организовать там настоящие занятия.

Тут и поднялось: как это де так, мы активистки — и вдруг толчем воду, и т.д.? Набросились на меня. А я возьми да и скажи: «У нас есть еще такие, у которых живуча расейская привычка — болтать много, а делать мало».

Принципиально, ошибки нет. Ведь даже прошедший вечер — яркая иллюстрация тому, что болтунов много. После отчитал хорошенько инструктора, не подготовившего занятия. Поступил правильно. Но вот, оказывается, чем это обернулось. «Оскорбленные» написали жалобу. Причем расчет тонкий: обвинить меня в клевете на русский народ, тем более сейчас, в военное время. Твердо убежден, что это дело рук инструктора. Без него не обошлось. Для «большего веса», видимо, использовал «обиженных» кумушек.

Но ничего! Неприятно, но правда остается правдой. Пришлось писать объяснение в горком. Все изложил подробно. Вообще-то история поучительная. Нужно извлекать необходимые уроки, особенно — держаться настороже. Жить нужно с оглядкой!

7 июля.

Очередной понедельник. Ровно неделя прошла. Но какая неделя! Каждый день богат событиями. Весь мир живет, внимательно следит за ходом Великой Отечественной войны.

Теперь сводки читаю только в «Правде Востока». Радиоприемник Леня отнес на склад. Теперь вместо него осталась квитанция уполномоченного НКС при СНК УзССР за № 12171. Привык к приемнику, а теперь скучновато. Тем более, сейчас, когда передают оперативные сводки.

В обществе небывалый подъем. Везде хотят заниматься военным делом. Вот нужно было так поступать значительно раньше. Годик тому назад!

В «Комсомольце Узбекистана» организована военная учеба. Сказали: посещать и мне. Теперь приходится в 8 утра ездить заниматься. Вот сегодня руководитель спросил «пустяки» по гранате РГД, а я и то запутался. Плохо. Нужно было серьезно учиться, тем более, возможности были огромные.

Бессемейным бобылем живу в свои годы. А ведь человек не растение, и процветать ему долго нельзя. Хорошо сказал Тургенев: «Молодость ест пряники золоченые, да и думает, что это-то и есть хлеб насущный, а придет время, и хлебца напросишься».

На озере в прошлый выходной встретил Ларису. Бывает же так, что человек понравится с первого взгляда. Есть на свете такие счастливые лица: глядеть на них любо, точно они греют. У Ларисы милое, славное лицо, почти детское, с большими глазами. Прекрасно сложена, вполне развита. Но только это не главное. Особо привлекает ее умение держать себя скромно и вместе с тем непринужденно.

Одним словом, девушка понравилась по-настоящему. На неделе встречались несколько раз. Мне показалось (или я уверен?), что Лариса относится ко мне тоже не так, как ко всем остальным. Несколько раз заговаривал с ней о ее прошедшем, но она неохотно отвечает на мои вопросы. Что бы это значило?

Обескуражил вчерашний ее поступок. Целый час прождал ее у общежития, а ее не было. Нина сказала, что она пошла к тете и задержалась. Минут через 15 появилась Лариса. Глаза заплаканы. Как мог, старался успокоить.

Но что-то случилось. Что-то такое, что настроило ее против меня. Во всяком случае, Лариса стала еще более замкнутой. Неужели это прием? Но тогда зачем меня дурачить?

Теперь, когда все более чувствуешь, сознаешь, что Лариса дорога тебе, возможность ее утраты по-настоящему пугает. Неужели она встретилась для того, чтобы так же скоро уйти? Это будет тяжело для меня. Недобрый у меня гений. Завтра нужно увидеться. Обязательно.

Уезжает и Борис Маркович — в Сызрань, начальником электростанции. Жалко, что уезжает. Хороший он парень. Жизнерадостный. Как-то раньше, вроде, и не замечал, а теперь жалко. Очень жалко. Придется оставаться одному с хозяйкой. Этой редкостной, сугубо «практичной», вечно недовольной кумушкой, для которой деньги — весь смысл, эликсир жизни. Деньги и еще раз деньги — вот ее девиз.

Писать есть сейчас много о чем. Строительного материала много. Но вот какое-то «неписючее» настроение. Смешно, но факт: не выберу темы. Не хочется писать неаппетитные заметки. Может получиться, как сказал Л. Н. Толстой: «...Попадется такой кусок мяса — жуешь, жуешь его и все никак не прожуешь, и, наконец, потихоньку выплюнешь под стол».

А тем много. Сейчас, как никогда, видишь вокруг такое, что никогда больше не увидишь. Сейчас, когда пробил грозный для Родины час, советские люди раскрываются во всей своей духовной красоте, во всем величии настоящего Человека. Сжимают кулаки миллионы советских тружеников, готовых к бою в любую минуту, полных решимости до конца уничтожить фашистских извергов. Мы — свидетели величайших событий, о которых потом с волнением будут читать наши потомки.

В клубе КОР была лекция о донорах. Переливание крови творит чудеса. Кровь алая, спасительная, ликующая, бурно стучащая в сердца, возвращает к жизни больных. Оказывается, «дарителями крови» могут быть и худенькие (жирный петух никогда боевым не бывает!). И в донорстве мы видим могучее проявление советского патриотизма.

Интересно ведет себя Италия. Высказывания Муссолини и его сподвижников граничат с высказываниями психически ненормальных. Они мечтают о «мировом господстве», которое принадлежало «предкам» — древним римлянам.

Шутовство и безумие сплелись воедино. Муссолини рассыпает пустозвонные угрозы, надеется на «молниеносную войну» (так же, как и его собрат по разбою Гитлер!).

Но как далеки мечты от действительности. Ведь итальянская армия отличилась пока только своими поражениями. Германские фашисты не подпускают своих итальянских собратьев на пушечный выстрел к «доходным местам», оставляя им жалкие крохи, вроде Далматинского побережья.

Но Муссолини вопит о «походе на мир». До сих пор, к сожалению, в сумасшедший дом не помещен. Жалко. А, вообще-

то, следует вспомнить о синице, которая хвалилась зажечь море. Море, как известно, она не зажгла, а людей насмешила.

8 июля.

Безденежье закончилось. Пришлось немного «отстрадать» с пустым карманом. Неприятное это дело. Но хорошо то, что хорошо кончается. Старая, как мир, пословица.

Беспорядков все-таки еще много. Вот зачем ЦС понадобились через день оперативные сводки? Нагрузили облсовет непомерной кипой бумаг, всевозможных сведений. Кому и когда заниматься подведением этих цифирек, «балансов». Подполковник Хожаинов (наконец-то дождался нового звания!) сидит и не знает, что предпринимать, откуда брать сведения для очередной сводки. Остается потолок. Единственный выход. Да и затем сводки придут в Москву через две недели. Кому они там нужны? Да! Сильна еще вера в магическую силу бумажки. Подчас (да и очень часто) ее считают основным показателем «кипучей деятельности» некоторых «департаментов». Взгляды земских канцеляристов. Эх, нет старика Салтыкова-Щедрина, а то бы несдобровать некоторым современным чернильным душам.

Борис Маркович, или официально (по всей форме!) инженер Стрельцов, все празднует, ознаменовывает окончание института. Эх, загулял, загулял парень молодой!..

А парень он плутовой. Врожденный Чехов, Антон Палыч. Не иначе. Какой подход, какая развязность. Изумительная. Но уезжает... в Европу, в Сызрань. Жаль.

Вечером с Борисом были в техникуме. Надеялся увидеть Ларису. Но ее дома не оказалось. К великому сожалению. Теперь придется ждать до 10-го. Так ведь условились. Раньше идти, значит, не выдержать марку. Стоит ли? Не стоит, конечно. Чем меньше барышень мы любим, тем легче нравимся мы им — можно перефразировать Пушкина. Молодец, Александр Сергеевич. Очень понимающий человек.

Каждую ночь, точнее, в полночь, мимо окна проходит лирически настроенный парень. Поет романсы. Последний крик моды, новинка любовного рынка. Одним словом, юноша настроен весьма лирически, по-весеннему. И поет. Пускай себе. В золотую пору малолетства все живое счастливо живет. У нас жить — это значит петь, радоваться, веселиться. «Под счастливой советской звездою хорошо и работать, и жить». Замечательно сказано!

9 июля.

Только возвратился с вокзала. Провожали Бориса. Пришел домой, и на душе неприятно: уехал хороший товарищ. Веселый жизнерадостный парень. Час тому назад был здесь, шутил, отпускал свои остроты, а вот теперь осталось только его письмо «Ларисе — Вере — Клаве». По его выражению — «Москва – Одесса – Киев».

Уехал хороший друг. Когда он был, как-то не замечал, а вот теперь — жалко-жалко. Через несколько дней уезжает и Леня. В Термез, на работу. И так всю жизнь. Приезжают, уезжают, а человек остается один-одинешенек.

Сегодня послал Ларисе письмо. Завтра обязательно должен ее увидеть. Интересно, как встретит. Если холодно, то надо заканчивать встречи. Сказать, что «сюда я больше не ездок», и все. Пережить все, но виду не показать. Не стоит.

10 июля.

Ночь не пропала даром: написал статью за Богданова. Утром подправил и затем разыскивал «автора». Передать не удалось. На переговорном пункте старшая, тов. Крепак, как ни помогала, но Москву получить не удалось. Время работы с Ташкентом еще сократилось, а количество правительственных разговоров увеличилось. Не помогло и вмешательство дежурного по наркомату Госконтроля. Москву я не получил.

Как вообще теперь быть с пересылкой материалов? Дело довольно сложное. Небось, сегодня Лебедев ругает, а я-то, по существу, не виноват. Что сделаешь с почтарями. Завтра нужно передать во что бы то ни стало. Но это уже будет, как мертвому припарки. Будь, что будет, но передам завтра. Иного выхода нет.

Ларисы дома не оказалось. Уехала на практические занятия в поле, как будто в Кибрай. Что, если завтра верхом мотануть туда? Одновременно заехать в колхоз, посмотреть, что там делается по оборонной работе. Стоящее дело. Вечерком нужно поехать.

Смотрел «Щорса». Увидел родную Черниговщину, родную Украину. Замечательно мечтал Щорс о будущем времени, замечательно его добивался. Хороша Украина. Как ни говори, а родное место, родная Украина глубоко волнует душу. Чернигов. Для меня — пройденный этап. Остались лишь одни воспо-

минания. Все прошло. Так пройдет вся жизнь, незаметно, неожиданно, как курьерский поезд-стрела. Не успеешь оглянуться. Паршиво, все-таки, устроено, неумно: живет-живет человек, и все потом для него кончается. Бессмыслица.

14 июля.

Замечательное событие — Советский Союз и правительство Великобритании заключили договор о совместных действиях против изверга, людоеда Гитлера. Рейхсканцлер, по утверждению шведского журналиста, возбужден, мечется по своему дворцу. Он чувствует близкую гибель, в ночной тишине он слышит голоса погубленных им пяти миллионов человеческих душ, он слышит голос мести.

Народы мира за нас, за мою страну. Стиснув зубы, ждут они возможности расплатиться сполна с негодяями. Победы нам желает все человечество, за исключением, разве, самих гитлеровцев и пресмыкающихся перед ними наемников. Но по отношению к ним хорошо вспомнить французскую поговорку, излюбленную Виктором Гюго: «На свете есть только один человек, который подлее палача, это — лакей палача».

Вчера ночь прошла в поле. Верхом ездил на тактические занятия. С непривычки устал чертовски. Учения прошли слабее прошлогодних, без надлежащего подъема. Его значительно хуже организовало командование. Отсутствие поучительности отрицательно сказалось на заинтересованности бойцов. Одним словом учения — так себе.

В кавалерийской группе ребята распущены, держатся слишком развязно. Причем, воспитаны так, что развязность почитается за признак «хорошего тона». Нужно обязательно поговорить с Вальке и Банниковым. Где же командирская требовательность, сознательная железная дисциплина — краеугольный камень всех успехов? Равнодушие к разгильдяйству, панибратство с подчиненными чреваты плохими последствиями.

Вчера вечером вместе с Ларисой был в Мюзик-холле. Слушали львовский джаз. Весьма посредственный. Наши (коренные русские!) лучше.

Лариса замечательна. Она не красится, и это куда лучше. Держится с некоторой грациозностью, знает себе цену. Есть у нее и гордость, которая чувствуется в ее глазах, в постановке головы, в завитках волос, в линии подбородка. Да, гордость!

А смеется!.. Невольно вспоминается строка из соломоновской «Песни песен»: «Услыхав ее смех во мраке, я горячо полюбил ее». По-гимназически. Но ведет она себя холодно. Я испытываю особенную радость от ее присутствия и близости, а она, как видно, не особенно... Впрочем, может быть, это прием. Ведь в любви всегда охотится и преследует женщина.

Как она иногда смотрит! А ведь от длительных взглядов и прикосновений руки к руке недалеко до дозволенных ласк.

Все способны любить больше, чем один раз, в каждом старая любовь может умереть, а новая — родиться.

Образ Ларисы стоит неотступно, как наваждение. Он возвращается вновь и вновь. А как она? Ну, что ж, чтобы меня ни ждало, придется принять. Куда денешься. Завтра попытаюсь узнать побольше. Только нужно смелее, решительней. Чтобы ей не казалось, что к моим очкам еще следует прибавить лысину, ходить сгорбившись. К нежному розовому листку не стоит бояться прикоснуться. От этого он нисколько не увянет, не потеряет своего аромата.

15 июля.

Городская школа ПВХО перестраивается на новый лад. Теперь это бойкое место. Беспрерывные телефоны, посещения. Народ взялся за подготовку к ПВХО всерьез. Вот так нужно было браться раньше. Тогда не было бы такого положения, что из многих подготовленных инструкторов большинство не обладают достаточными знаниями для того, чтобы руководить кружками, учить население.

Лариса ведет себя нехорошо. Сегодня опять номер — она, видите ли, не может никуда идти. Причем сказано так небрежно, чтобы показать подругам, что она совсем чувствует себя «свободно». Ну, и пускай ее! Больше к ней ходить не надо. Ниже моего достоинства. Я предложил ей свою дружбу, от чистого сердца, искренне, она решила оттолкнуть ее. Ну, что ж! Пускай! Нужно сделать усилие и покончить. Угар скоро пройдет. Может быть, стоит дней на пять-шесть сделать передышку, показать ей, что мы тоже умеем вести себя безразлично, а затем прийти? И тогда, может быть, в последний раз?

Вообще-то такого свинского отношения к себе я не заслужил. Жалко. Очень жалко. Снова остаюсь один. Комета промелькнула, оставила после себя хвост и исчезла. Эх, был бы

рядом Борис Маркович. Этот невозмутимый оптимист, вечный шутник. Небось, сказал бы — пускай знаются с *батрыками*. Ну, и пускай! Пускай.

16 июля.

Вчера провожали Таричева. На фронт, на фронт!.. Сказал, что будет ждать нас там. Авось, и дождется. Ведь рано или поздно буду там и я. Скорее бы! А то живешь, как на вокзале, на пересадке. Прав Таричев, когда говорит, что потом тем, кто отсиживается дома, будет стыдно показаться на люди. Правильно это! Молодым людям место там, где решается судьба дорогой матери-Родины.

Горячая работа кипит сейчас в школе ПВХО. «Жизнь начинается с боя!» Так закончил свою поэму Леонид Первомайский. Да. Новая, интересная, боевая жизнь началась именно сейчас, с боя, с Великой Отечественной войны. Фронт проходит везде, через всю нашу жизнь. Вся страна — на фронте. От мирного благодушия народ отрешился.

«Все силы на разгром врага!» — эти слова Сталина вызвали небывалый подъем воли, энергии, инициативы. Ничтожных дел больше нет — всякое дело большое, важное.

В школу целый день звонят, приходят сотни людей за советом, за помощью. При мне пришел начальник объекта Радиокомитета тов. Беме. Он интересуется, как занимаются, каковы успехи командиров звеньев его группы самозащиты. Учатся, еще как учатся!

Не хватает учебников. Все-таки Редиздат оказался неподготовленным. Сейчас учебники нарасхват, но их нет. Не хватает. Нужно было подготовить значительно раньше. Занятия по ПВХО в «Комсомольце Узбекистана» не состоялись. Даром ездил. Напрасно. Будут завтра.

Дни идут. Тоскливо на душе. Не радостно. Писем ни от кого нет. Из Чернигова, из Яхновец получил уведомления о вручении писем, но ответов нет. Будут ли вообще? Когда будут?

Хорошую статью написал сегодня в «Красной Звезде» Алексей Толстой. Хорошим, крепким народным словом бичует Гитлера вместе с его угрюмой шайкой погромщиков. «За святыню — русскую Землю — наш народ не щадил жизни своей. Жизнь нам дорога, мы — народ веселый, но дороже нам жизни Родина, склад наш и обычай, язык наш, стать наша, твердая уверенность, что сил у нас хватит и оборонить СССР, и устроить у себя свою осо-

бенную, изобильную, богатую всеми дарами земли и ума человеческую свободную жизнь... Плечи у русского народа крепкие, руки золотые. Ума нам не занимать».

Придется сидеть ночь. Москву дадут только в 2 часа ночи. Хорошо, что устроился с телефоном в клубе КОР, а то пришлось бы идти из города на Тезикову дачу. Топать порядочно. Трамваи в два ночи не ходят. Половина четвертого. Поют петухи. Притащился домой из клуба КОР. Положеньице аховское. Статья «Все для победы» притухла. На несколько минут телефонистка соединила с Лебедевым. Похоже, я поднял его с постели. Говорит, что есть новый редактор. Вообще, много новых. Как передавать материал? Чем и когда? На телефон теперь нет надежд, авиапочты давно нет. Остается почта. Но ведь это месячный срок. Лебедев говорит: «Действуйте самостоятельно». На свой страх и риск. Придется делать так. Я же, в конце концов, не виноват, что так складываются обстоятельства.

22 июля.

Сегодня месяц. Месяц, как началась Отечественная война. Живем одной мыслью, одними настроениями. Враг будут разбит! Все для фронта — вот популярнейший лозунг. Пока враг прилагает все усилия, чтобы двигаться вперед. И ему, видимо, это удается. Даже ценой огромных потерь.

Сталин — нарком обороны. Народ встретил его назначение ликованием. Так и должно быть. Сталин — это символ всего лучшего, это надежда.

Наконец-то дозвонился в Москву. Слышимость плохая. Лебедев сказал, чтобы я прислал объяснение по поводу жалобы на меня в горком. Все-таки послали. Подлый народ. Надо же как-то «реагнуть», ну, вот и послали. Пошлю копию объяснительной записки, и все.

Получил гонорар. С гулькин нос. Совершенно очевидно, что нужно как-то подкреплять свою финансовую базу. Устроился по совместительству в «Комсомолец Узбекистана» зав. отделом руководящих комсомольских органов. Работенки теперь прибавилось. Только не прямо пропорционально заработку. Получаются «ножницы».

С Запада идут беженцы. Видел на вокзале семью из Пинска. Какой ужас — потерять дом, «насиженное место». Легко сказать, эвакуируйся. А пережить такое?

Немцы бомбили Москву. Это неожиданность. И большая. Надо думать, что больше этот номер не пройдет. No pasaran!

Проводил Леню. Жалко друга. Теперь чего-то не хватает. Чувствуется какое-то одиночество. Нехорошо.

Писем ниоткуда нет. Никто не пишет. Да и не до них теперь. Есть более важные дела.

С Ларисой все по-прежнему — на далеком расстоянии.

24 июля.

Давно так не работал. День загружен был по-настоящему. Главный инженер (или, как назвала телефонистка,— главинж) завода Ильича — хороший человек, но о рационализаторах и изобретателях ничего не сумел рассказать. Дайте, говорит, подумать, пораскинуть мозгами.

Вообще рационализаторская мысль на заводах, предприятиях прет, как вешние воды, но поддержки ей маловато. Разве не показательно — главинж завода, а чтобы рассказать о рационализации — «надо подумать». Ничего определенного не сказал и «старшой» по рационализации на Текстилькомбинате. Все отсылает к другим, на фабрики. В низах, мол, видней. А мы — организации общедирективные.

При помощи старшего диспетчера кое-как удалось вызвать из прядильно-ткацкой фабрики тов. Лукину. Инженер. Сама кротость. И факты нужно вытаскивать цепью. Просто нудно. «Ах, это писательское ремесло! — воскликнул раз Щедрин.— Это не только мука, а целый душевный ад». Трудно писать, когда рассказывают тебе не как о живых людях, ставших на заводе «человеками известными», а как о восковых куклах, людях на одно лицо, по одной мерке. Но если в природе нет и двух совершенно одинаковых листочков на дереве, то как же можно людей изображать так однообразно? Нет дыхания жизни, жизненной правды.

Нужны правдивые, простые слова. Не нужно аллилуйщины. Сахары Медовичи, расточающие восторги, улыбки и сладкие напевы, приторны читателю, не по нутру.

Сегодня не вышла Лариса. И не выйдет. Оказывается, уехала... к мужу. Мне не призналась, что замужем. Зачем скрывала? А, впрочем, зачем было и открываться? Но так было бы лучше. Теперь горькая обида и жалость. Уехала на границу, к брачному очагу. А рисовалась суровой. Если бы не уехала, то и до сих пор, пожалуй, водила бы меня за нос. Верно говорят:

«Век живи, век учись, а дураком помрешь». И все-таки жаль. Жаль Леню, до боли жаль Ларису. Так и не пришлось мне с ней объясниться. Но и к чему бы это все привело? Все попусту. Как могла она питать ко мне хоть капельку чувств, если там, возле мужа, возле ее «кумира» были и мысли, и сердце. Наивный парень! Теперь понятно, почему она старалась быть всегда «при подругах», избегала оставаться сам-на-сам.

Теперь снова один. Иллюзии рассеялись, остались факты. С ними и надо жить. Куда денешься. Но пройдет время и поглотит все воспоминания. Скажешь тогда «путь добрый!» и вспомнишь, как о мимолетном увлечении.

Послать нужно Лене — «Термезскому коммивояжеру» — телеграмму, что Лариса нас объегорила, выдавала себя за ходячую невинность, а оказалось вон что! Бог с ней. Благословим ее на добрый путь. Благословим на новые «подвиги», новые встречи. Пускай и не на озере. (Не везде же озеро будет служить соответствующим фоном!)

Из тройки остались Клава и Вера. Но Клава — это «ФД», гаубица. Стрелять только по закрытым целям. Вслепую. И только. Кругозор весьма ограничен, запросы тоже.

25 июля.

Ушел на фронт Уваров. Теперь я заведую военно-физкультурным отделом «Комсомольца Узбекистана». Из совместительства получается целый рабочий день, полная нагрузка. Зато работать приходится по-настоящему, так, как «в молодости».

Каждый день, когда иду домой, ожидаю на письменном столе увидеть повестку из военкомата. Не заколдованный же я, в самом деле!

Все живут фронтом. Сегодня в кино даже малыши вели разговор:

– Муссолини — это страна? — спросил один.

– Да нет, что-то другое,— ответил приятель.

Мысли и думы у всех одни. Коричневая вошь ползет всюду. Она хочет сожрать нас. И надо раздавить, уничтожить гадину.

Гитлер, он же Шикльгрубер, бывший маляр и баварский ефрейтор, чуть-чуть не ослепший при одной из газовых атак в 1919 году (как жаль!). Этот безумный шаман возмечтал о кисельных берегах на Украине. Не бывать этому! Не бывать. Скорее рак свистнет. *Не доведется свині на небо дивиться, а Гітлеру*

в радяньскому огороді рыться. Хорошая украинская народная пословица на новый лад.

Ночью написал Лебедеву письмо. Дойдет ли? Давно не писал, давно и не получал. Война остается войной. Нужно забывать о «мирном комфорте», удобствах. Все для фронта! А мы здесь можем и потерпеть. Когда решаются судьбы человечества, что значит личное горе? Пустяки.

27 июля.

Носился на прядильно-ткацкой фабрике № 2 Текстилькомбината. Все надо найти изобретателей и рационализаторов. Подсовывают мне старичков, а надо молодых. И надо обязательно. Запланировали ведь в очередной номер.

Муки творчества. Хуже всего, когда надо писать потому, что приходится, согласно плану. Берешься за материал по обязанности. И получается заметка со скрипом, вымученная, неаппетитная. Самый способный архитектор ничего не построит без строительных материалов. Так и у нас. Голословная, из пальца высосанная корреспонденция никого не заинтересует. Как на песке здание, получается.

У нас все-таки неправильно понимают пресловутую «газетную оперативность». Это не быстрота и натиск. Ничего подобного. Поверхностная заметка, пускающая пыль в глаза общими фразами и трескотней — не оперативная заметка, а хлопушка.

Был в кавалерийском клубе. Вальке уехал в армию. Остались так, дети. Чему только они научат остальных? Несерьезно все-таки у нас подходят к военному обучению. Играют в солдатики. А из этого известно, какой может быть и будет результат. Одна видимость! Иллюзии.

Германец на фронтах напирает. Смертельным боем бьется наш народ. Сломить и изничтожить врага — вот единая дума. Изничтожим! Как некогда разгромили русские Фридриха Прусского под стенами Берлина. Живы в русском народе славные боевые традиции. Никогда не померкнут.

29 июля.

Какие все-таки бывают превратности судьбы. Сегодня в УзТАГе меня встретил Альперович. Тот самый, которого я мельком видел в Москве, в редакции. Тогда он выезжал в Каунас. А теперь приехал из Каунаса. Как беженец. Война есть война.

Сколько горя, несчастья приносит людям. Вот яркий пример. Работал человек, трудился, жил, строил планы на будущее, и все вверх тормашками. Приехал в Ташкент. Живет на станции, куда поедет завтра — не знает. Предложил ему приехать пока ко мне. Не оставлять же человека в беде. Говорит, что с ним жена. Пускай приходит с женой. Ничего!

Обещал прийти в 9 вечера. Уже 10, а их нет. Видимо, стесняются. Верно, не весьма удобно идти к незнакомому человеку (почти незнакомому). А к тому же еще этот ложный этикет. Чего стесняются! Кому из нас не приходилось попадать в беду? Так что же, разве нам товарищи не должны помочь? А где же простой гражданский долг, чувство товарищества, чувство взаимной поддержки? Тот, кто бросит товарища, просто знакомого в беде — огромная свинья, не может претендовать на звание человека. Тем более советского, современного.

Вчера говорил с Москвой. Быстро включили, и слышимость прекрасная. Даже Клава это специально отметила. А все получается потому, что подружился со старшей на телефонной станции. Оказывается, простые маленькие винтики зачастую бывают куда полезнее большого сильного начальства. Уполномоченный наркомсвязи по Узбекистану однажды не мог (вернее, не захотел) помочь соединиться с Москвой, а вот старшая помогает. Правильно заметил недавно Тимофеев, начальник междугородной: лучше знайтесь с нами, с «маленькими» людьми. Истина!

В «Комсомольце Узбекистана» неважный порядок. Особенно скандалит Маруся Кузовенко. Дрянной характер. То-то она несколько раз выходила замуж и расходилась. Воображаю, попадись такая женушка, проклянешь всю вселенную, Адама и Еву, всех живых и мертвых. Кроме того, ей подпевает во всем Тамара. Двойственный союз. А делу от этого только худо.

Куда смотрит редактор? Кто его знает, куда смотрит. В небо, в звезды, только ничего не видит у себя под носом.

Леня как в воду канул. Борис Маркович — тоже. А я еще ходил, искал профессора, чтобы оттащить ему книги, забытые Борисом. Поживем, дождемся. Напишет. Время-то теперь такое — не до писем.

6 августа.

Долго не писал. В комнату нельзя было «пробраться»: жил Альперович с женой. Хороший народ. Она сама — жительница Гродно. Так сказать, бывшая иностранка. Толя — замечательный

парень. Коллега. Долго не мог определиться. Наши организации не особенно-то обеспокоены устройством переселенцев. Чем мог, помог. Звонил в Андижан, Наманган и Термез. Устроится в Андижане. Получил назначение в андижанскую газету. Уехали четвертого. Провожал на вокзале. За эти несколько дней привык к ним крепко.

На вокзале много переселенцев. Проклятый Гитлер, скольким людям принес горе, разорение. Оставил без крова, без семьи. Скоро ли придет час возмездия? Скоро, скоро!

Информсводки пока не радостные. Германцы бросают последние силы, но движутся на восток. Скорее бы их поперли на запад. Молниеносное наступление по линии Киев–Москва–Ленинград явно срывается, Но, тем не менее, давно бы пора гитлеровское «воинство» проучить как следует, отбросить вон с нашей родной земли.

Советские люди создают народный фонд обороны. Каждый чем может помогает Родине, помогает фронту.

В «Комсомольце Узбекистана» дел много. Порядку мало. Народа нет. Кому же делать газету? Толя Стажило больше занят благоустройством своего кабинета (все перетаскивает столы), чем серьезным улучшением газеты.

Два дня копался в Узбекистанском филиале Академии наук СССР. Военное обучение здесь организовано намного лучше других. Серьезный народ, и работают серьезно. И рассказать об этой работе могут. Плохо только одно: им мало помогает райсовет. Впрочем, кто там поможет? Народ там (в райсовете) «жиденький», не весьма грамотный. А отсюда и все результаты.

С телефонной связью с Москвой — беда. Очередь, очередь и еще очередь. Не помогает и дружба с телефонистками. Как передавать материал? Дни уходят на проживание у телефона, и все напрасно. Впустую. Никакого толку. Хоть отправляйся пешком. Сегодня сказал старшей, что, если еще так будет продолжаться, то меня скоро отвезут прямо с переговорной в психиатрическую больницу. Смеется!

8 августа.

Все ждем. Бесплодно прождал и вчера целый день. Причем отсидел на почте 6 часов. Добраться до телефона — невозможное дело. Единственное утешение — я не один. Таких много. Вот так Альперович — он утешается тем, что есть еще другие в таком же положении.

Интересно, что директор междугородной станции тоже согласен со мной, что так нельзя, что мне как корреспонденту давно нужно дать Москву, но — есть высшие категории. Формальная логика. «Думать и рассуждать не велено».

Стажило «ведет» себя явно неприлично. Забраковал статью об УзФАНе явно безо всяких на то оснований. Из-за глупого принципа. Нет-де опыта? Так откуда же его, в конце концов, взять? Идеального-то опыта? Выше головы не прыгнешь. На самом деле, серьезной, деловитой военной подготовкой комсомольские организации занимаются очень плохо. Больше шумят, разговаривают, топчутся вокруг да около, а в корень не смотрят. Вот вся беда. Во всем городе не могут найти приличной военно-физкультурной комиссии райкома. Обком порекомендовал взять комиссию Октябрьского райкома. Вчера был там, беседовал с членами комиссии. Далеко еще здесь до хорошей работы. Да и комиссия-то организовалась всего полмесяца назад. Вот и показывай ее как лучшую. Трудная задача! Материал вымучил и сегодня сдал. Предварительный «осмотр» прошел, как будто приняли к печати.

Из Москвы приехал Мстиславский. Жену оставил в Риддере, а сам прикатил снова сюда. Недавно еще виделись в Москве, а теперь снова здесь. Все меняется. И времена, и люди, и события. Какой-то водоворот. Прописался, будет работать в «Комсомольце». Погулял немного по Москве, а теперь возвратился в старое лоно.

Звонил во Фрунзе. Цыганкова не было, ответил майор Пиерсонже. Обещал организовать материалы. Судя по тому, как обещал, можно надеяться, что пришлет.

С фронта по-прежнему поступают неважные информсводки. Больно за Украину, с которой столько связано. Но нет! Еще никогда наш народ не был побежден. Он будет победителем и в этой битве. В мужестве советских воинов снова воскреснут подвиги предков, доблесть Кармелюка и Наливайко, твердость Кривоноса, патриотизм Богдана Хмельницкого, гнев Тараса Бульбы.

Мы победим!

Миша Сувинский давно не пишет ничего в «Известиях». Неужели настигла шальная пуля? Все может быть. На войне, как на войне! Без жертв невозможно.

У Михаила Шолохова есть хорошая статья. В ней приводится рассказ старика: «...Дед мой с Наполеоном воевал и мне, мальчонке, рассказывал. Перед тем, как войной на нас идти,

собрал Наполеон ясным днем в чистом поле своих мюратов и генералов и говорит: “Думаю Россию покорять, что вы на это скажете, господа генералы?” А те в один голос: “Никак невозможно, ваше императорское величество, держава дуже серьезная, не покорим”. Наполеон на небо показывает, спрашивает: “Видите вы в небе звезду?” – “Нет,– говорят,– не видим, днем их невозможно узрить”.– “А я,– говорит,– вижу. Она нам победу предсказывает”. И с тем тронул на нас свое войско. В широкие ворота вошел, а выходил через узкие, насилушки проскочил. И провожали его наши до самой парижской столицы. Думаю своим стариковским умом, что такая же глупая звезда и этому германскому начальнику привиделась, и к выходу его наладят, узкие ему будут ворота сделаны, ох, узкие! Проскочит, нет ли? Дай бог, чтобы не проскочил! Чтобы другим отныне и до веку неповадно было!»

Не проскочит, дедушка кубанский, не проскочит Гитлер обратно довеку!

9 августа.

Суббота. В клубе КОР, что по соседству, каждый вечер танцульки. Безобразие. Какие могут быть танцы, когда наши братья на Украине, в Белоруссии, десятки стариков, женщин и детей в районах, захваченных гитлеровским зверьем, подвержены мученической смерти. Гитлеровские бандиты упиваются кровью беззащитных людей. Но близок час расплаты. Я видел сегодня, как сжимались кулаки у каждого, кто слушал по радио сводки Совинформбюро. Мы знаем обо всем. И никогда не забудем. Фашисты жестоко расплатятся за все свои ужасающие злодеяния.

Был в музее истории. Директор Афанасьев любезно показал мне выставку «Отечественная война русского народа».

Не было коварнее врагов, чем немцы, которые в стремлении захватить чужое добро издревле стремились на Восток. Стремились захватить Литву, Польшу и русскую землю. И всегда были биты. В исторической справке музея говорится о том, как неоднократны были эти нападения и какой отпор враги получали.

Еще рыцари-крестоносцы протянули свои хищные руки на земли Государя великого Новгорода. Призвал тогда «родимый Новгород, буйный Волхов» Александра Невского. На Чудском озере встретил он немецкую «свинью» и, зажав могучими кле-

щами, разбил. Чудское озеро находится на нынешнем Псковском направлении.

Были немцы биты неоднократно. В 1492 году они разбиты, как говорит летопись: «Москвичи и татарове биша поганых немцев, а не саблями секоша, но биша их москвичи и татарова аки свиней шестопоры».

Поляки, шведы, Лжедмитрий I, польская панна Марина Мнишек или Лжедмитрий II, «тушинский вор»,— какую только сволочь не били русские. И не только ратные люди, а ополченцы, выходцы из народа, как древний былинный Микула Селянинович — первый партизан от земли. Борьба родила замечательных героев — Минина, Пожарского, Ивана Сусанина, Дениса Давыдова, старостиху Василису Кожину.

Партизаны, ополченцы, русские патриоты поражали тыл и фланг армии Наполеона, армии «двунадесяти языков».

После Березины Наполеон произнес свою знаменитую фразу: «От великого до смешного — один шаг». Так будет и Гитлеру. Он уже и теперь смешон со своим химерическим планом создания «великой Германской империи».

Память о прошлом для нас, русских, всегда служит тем эликсиром, который заставляет сильнее ненавидеть врага, верить в его скорую погибель. Неисчислимы наши силы. У нас есть что защищать, есть чем защищать и есть кому защищать.

Эта последняя мысль завершает выставку.

Днем был в управлении милиции. У помнача узнавал, как помогают трудящиеся города охранять социалистический порядок и революционную законность в Ташкенте. Помогают хорошо. В военное время народ особенно бдителен, насторожен.

Граждане Рындин и Буханцев сидели в ресторане. Услыхали, что за соседним столиком какой-то гражданин распространяет всяческие слухи. Не долго думая, его задержали и доставили в отделение. И поделом!

В парке им. Горького граждане помогли милиционеру Акименко задержать хулиганов. Такие примеры многочисленны. Каждый советский гражданин должен и содействует органам милиции в охране порядка.

Получил от Бориса письмо. Его, оказывается, из Сызрани «перенарядили» в Уфу. Изменили маршрут. Раз надо — куда денешься. Будет жить и работать там. Какая разница. Прошел ровно месяц, как он уехал. Ровно месяц. Сегодня получил в «Комсомольце» зарплату. Как раз кстати. А то от денег из «На

страже» остался гулькин нос. Дороговатая стала жизнь. Куда ни сунешься, нужно уйму денег. На базаре торгаши за овощи и фрукты цены дуют крепкие. Что им? Не хочешь — не покупай.

Хорошо, что устроился по совместительству. А то бы сидел совсем без денег. А без денег — ерунда. Никто ничего не дает. Испытал на себе «прелести» существования, когда денег нет ни гроша.

10 августа.

День прошел впустую. Занимался хозяйственными делами: сушил постель, купал Букета, затем поехал на озеро, на футбол. И закончилось «Марицей». Говорят, в Ташкент приехал гроссмейстер Сало Флор. Дает сеанс одновременной игры. Обязательно нужно посмотреть. Помню, еще в Городне с Маркусом мечтали увидеть Алехина или Капабланку. Так Флор тоже игрок, пожалуй, не хуже этих звезд шахматного мира. В парке Горького выступает цыганский театр «Ромэн». Тоже моя мечта — Ляля Черная. В Москве проходил мимо их театра, мечтал пойти, но не удалось. Думаю, нужно сходить здесь. Благо приехали в Ташкент.

Статью о военно-физкультурной комиссии не поместили, а ведь гнали меня за ней в шею! Вообще, «начальство» такое, что советов не дает. Тратишь труд, тратишь время, а потом тебе говорят: «Не пойдет». Плывем без компаса, вслепую.

11 августа.

Дорвался. Спал с вечера до утра. Хоть одну ночь поспал основательно.

Приехал Киладзе. Теперь, надо полагать, с моими материалами будет легче. Вот вчера уже планировал в очередной номер аж три моих материала. Все, оказывается, зависит от воли случая!

Снилась Речица. И купался я в Днепре, как когда-то, маленьким. Даже обрыв к Днепру приснился. К чему бы это?

С «блицкригом» у Гитлера явно не выходит. Проваливается. Все планы германского генерального штаба лопаются, как мыльный пузырь. Это им не Польша и не Франция. Это — великая Россия, ставшая могилой для многих любителей легкой поживы. Так-то оно!

Идет зима. Перед немцами встает грозный призрак гибели «Великой Армии двунадесяти языков» в 1812 году.

13 августа.

Война принимает явно затяжной характер. Силен и грозен враг. Правда, все даты, назначенные Гитлером для «въезда в Москву», давно миновали. Личный астролог Гитлера предрек ему полную победу в течение трех недель. Явно поторопился.

Но все же враг лют и жесток. Сегодня в редакции была девушка из «Комсомольской правды». Рассказывала ужасные вещи. Борьба идет не на жизнь, а на смерть. Пощады нет... И те, кто думает тихонько пережить это время, жестоко ошибаются. «Теперь не время покоя, теперь час войны, страшной войны, войны за то, чтобы был возможен мир»,— правильно заявил чешский ученый Зденек Неедлы на всеславянском митинге 10 августа.

Да, славяне! Наступил самый важный исторический момент. Речь идет о будущности всех нас.

Палач бомбит, свирепо бомбит Москву. Сотни бомб он сбросил на Красную площадь, на манеж. Этого нет в Информсводках. Там и не должно такого быть. Но это есть на самом деле, рассказывают очевидцы.

Палач не знает милосердия. Поэтому и наша борьба должна быть жестокой. Не бояться врагов, поганых немцев, не считать их, а бить, уничтожать беспощадно, без сожаления.

Свобода или смерть! В бой, славяне!

Один из фашистских теоретиков — Эвальд Банзе писал, что «тотальная война» будет иметь характер «борьбы за полное уничтожение целых народов». О ком идет речь, нам известно. Но не бывать этому, никогда не бывать!

Совершенно правильно, что газета всегда спешит. Корреспонденция хороша вовремя, а опоздай она, и это уже, как горчица после обеда. Но не всегда нужны «быстрота и натиск». А вот наше начальство из «Комсомольца Узбекистана» вечно «напирает», торопит. Вот торопили меня со статьей о выставках в музее. И результат — поторопился, немного напутал, а директор музея в тот же день прислал опровержение. Правда, не особенно существенное, но от этого не легче.

Чтобы наносить правильные удары, писать солидно, а не выпускать очередные «заметки-хлопушки», нужно знать дело, глубоко изучить обстановку. Этого-то и не дают делать. Вот почему так позорно проваливается Мария Кузовенко. Сегодня Абрам рассказывал, как возмущались на фабрике «Красная заря» ее методами сочинения статей, высасыванием сведений из пальца.

На поиски, изучение, проверку материалов дается у нас мало времени. Говорят, газетная статья — не ученый труд. Так-то оно так, но нельзя же оправдывать «газетной оперативностью» невежество, расхождение фактов. Снова сижу без денег. Дело дрянь. Впрочем, не один только я в таком положении. У ребят запасов маловато. Всегда привыкли жить от получки до получки. А выходит, нужно иметь запас. На первый случай.

Конечно, не так, как это делают некоторые паникеры, о которых рассказывал в беседе помнач 1-го отделения милиции города. Вот случай.

Домохозяйка Еремина обратила внимание, что одна гражданка шесть раз кряду подходила к кассе магазина № 4 и уплачивала деньги за мыло.

– Зачем вам столько мыла? — спросила Еремина.

– А вам какое дело!— услышала в ответ.

Еремина привела «заготовительницу» в отделение, и здесь установили, что задержанная не впервые покупала мыло с целью перепродажи.

Народ наш в последнее время особенно бдителен, настороженен.

В «Красной звезде» читал статью — дневник ст. политрука Полякова. Хорошо пишет дневник. Каждая запись похожа на рассказ. Со всеми подробностями.

Ночью сегодня дежурил по редакции. В 3 часа звонил на Чирчик, на квартиру к Бедрицкому. Не было дома. Старый кавалер поздно разгуливает. Однако там сама природа располагает к «лунным ваннам». В прошлом году и я просиживал изрядно в «тени деревьев», под луной. Всему своя дань.

14 августа.

Сдали Смоленск... Почему?! Смоленск, который неоднократно выдерживал осады поляков и их ставленников, Смоленск, который два года выдерживал осаду и, только дотла сожженный, с трупами последних его защитников, взорвавших себя, достался полякам... Теперь там хозяйничают фашистские головорезы. Как горько! Смоленск не раз уничтожался пожарами и снова восставал из пепла. Так будет и теперь. Недаром на старинном гербе его изображена пушка с сидящей на ней птицей. Может, эта птица — не Гамаюн, а Феникс, вечно возникающий из пепла? Эх, и нелегко достанется нам победа над поганым немцем. Ценой огромных жертв.

Сегодня в редакцию отправил телеграмму. Вот она: «Вчера Ташкентском аэроклубе большое событие читали газету Правда постановлением награждении орденом Ленина воспитанника клуба ныне младшего лейтенанта командира эскадрильи истребителей Константина Кобызева тчк Полученная также фронтовая газета сообщает Кобызев ринулся на четырех фашистских бомбардировщиков двоих сбил двоими бросился преследование пятый мессершмитт подкрался отрубил Кобызеву хвост истребитель пошел земле осталось 60 метров Кобызев раскрыл парашют который вытащил из самолета тчк Кобызев курсант первого набора Аэроклуба тчк Закончил отлично 1935 году затем работал здесь командиром парашютной службы подготовил много парашютистов тчк прислал письмо друзьям жене тоже инструктору аэроклуба Бунда».

Война рождает новых героев. Улетел на фронт и Генис. Тоже из аэроклуба. Помню, зимой он говорил, что мечтает отличиться. Мечта исполняется. Кто знает, может быть, скоро услышим о нем. Все может быть. Русский народ — героический народ.

Ташкент

15 августа.

Материал о военно-физкультурной комиссии все же в «Комсомольце Узбекистана» поместили. Тянули-тянули — и поместили.

День провел на республиканском совещании председателей облсоветов Осоавиахима. Большинство из них — новые. Старые кадры ушли на фронт. Уехали Лилиенталь, Новокорпусов, уехал из Каракалпакии Рязанцев. Суждено ли увидеться с ними? Кто знает.

Положение с военным обучением, судя по выступлениям с мест, не весьма военное. Народ валом повалил, но райсоветы растерялись, не в состоянии возглавить и хорошо организовать эту большую работу. На ходу выправляются. Звонил Бедрицкому, но он так ничего и не узнал насчет Иры. Обещал узнать завтра. Посмотрим. Было бы очень хорошо узнать, где она работает. Обязательно.

Севастьянов осваивается с работой. Теперь это один из лучших председателей облсовета. Толковый, рассудительный.

17 августа.

Какое свинство! Нет все-таки справедливости. Вернее, многие люди — большие свиньи. Как оказывается, у Лебедева донос совсем не о «событии» в школе ПВХО. Нет! Донос о том, что я брал у председателя облсовета деньги и бензин. Накапал Ачилов. Осел — и тот лягнул. Это не человек, а пресмыкающееся. Хамелеон. Нужно будет отчитать его при встрече. Тем более что с бензином — наглая ложь. Совершенно очевидно: он обижается за то, что его сняли. Видимо, считает, что этому поспособствовала статья и потом «втирание» в ЦК за председателя Мирзачульского райсовета. Если дело примет скверный

оборот, то нужно будет пожаловаться Мухолову. Не иначе. Следует позвонить Лебедеву, сообщить об этом. Посылаю завтра телеграмму «Требование объяснение письмом обкома получили только вчера оказывается новое дело нет отдаленного сходства действительностью тчк объяснение также фото высылаю».

20 августа.

Мои предположения оправдались. Подложил свинью Ачилов. Судя по рассказам Севастьянова, он не раз приходил в обком с жалобами на меня. Несколько раз Мирзаиров предлагал ему написать в редакцию, и вот он написал. Главное, не проверив факты. А зачем проверять? Оплевать, освистать человека — это ничего не стоит. Зато можем красиво говорить о чуткости, о внимании к людям и прочих вещах.

Но есть светлые моменты. Ищущий да обрящет! С Таней все-таки познакомился. Давно ее замечал, но никак не познакомился. А вот вчера она заходила ко мне. Чувствую, что симпатизирует. Девушка простая, без высоких требований. Учится в пединституте на факультете иностранных языков. Но большой эрудицией не отличается. Одним словом, все посредственно.

Из Москвы денег нет. Хорошо, что получили немного из «Комсомольца Узбекистана». Лебедев, может быть, будет ругаться, что я устроился по совместительству, но что делать. Иного выхода нет. Не пойдешь же по миру. А жизнь стала очень дорога.

Народ попросил правительство не проводить розыгрыш 15-й лотереи Осоавиахима. Правильно решил. Пускай деньги идут в Фонд обороны. Пускай на эти средства строятся новые пушки, самолеты, танки, пусть умножается сила советского оружия.

Это очень важно. Враг наступает упорно. Фашистские гунны захватили Кривой Рог, Николаев. Сегодня в сообщении ТАСС читал, что идут ожесточенные бои за Гомель. Там ведь рукой подать до Речицы. Моя родина, там начинались первые дни моей жизни. Эх! Когда все-таки попрут этих проклятых садистов, когда же, наконец, рассчитаются с ними за всю кровь, за надругательство над нашими людьми. Когда?!! Сотни замученных людей, развалины городов, сел взывают к мщению. Ненависть, жгучая ненависть царит в сердце каждого из нас. Придет час расплаты.

С мобилизацией реально пока еще ничего нет. Сижу дома. Поговаривают о всеобщей мобилизации, но пока только одни

разговоры. Вообще, надо сказать, что поговорить у нас любят. Тем более что пища для «трудолюбивых» языков есть. Вот и говорят.

24 августа.

Что ни день, то новости! Немцы на подступах к Ленинграду, заняли Гомель. Когда же кончится продвижение вперед проклятого врага?

В Ташкенте, хоть и не объявлена мобилизация, но каждый день, и в эти дни особенно, все больше и больше людей уходит на фронт. Машина истребления людей — война — требует все новые и новые жертвы. Каждую ночь жду повестки из военкомата. И, надо полагать, не сегодня-завтра ее дождусь. Иначе не может быть. Завтра же нужно достать рюкзак, собрать туда вещички.

В «Комсомольце Узбекистана» два последних дня — ликвидационные. Нас сократили. Собрал всех редактор и объявил: отныне можете быть свободными. Неприятно остаться безработными. Ребята крепятся, но чувствую, что у каждого на душе кошки скребут. Мне еще ничего — вроде как бы работаю еще и в «На страже». Но вот уже десять дней, как не получаю оттуда ни копейки. Раньше хоть спасался «Комсомольцем Узбекистана». Но завтра расчет — и все. Что дальше? Положение не из интересных. Не из чего расплатиться с хозяйкой. А что будет, если закроют и «На страже»? Одна мысль уже пугает. Сейчас устроиться куда-нибудь довольно сложно.

Итак, я был последним дежурным выпускающим последнего номера «Комсомольца Узбекистана». Исторический факт. Из «На страже» получил ругательное письмо. Требуют материалов. Но на что, за какие деньги их посылать? Предупреждение Лебедева нужно учесть. Иначе будет очень худо. Совсем плохо.

С Таней не встречаюсь. Время уж больно теперь неподходящее для любви. Правильно заметила Маруся Хребтова: так вообще я прозеваю все на свете. Поздно хватился. Совсем поздно.

25 августа.

В клубе КОР смолкли танцы. По ночам то и дело слышно призывное ржание — во дворе клуба устроили сборный пункт для лошадей. Тоже готовят на фронт, в красную конницу. Тем более что сейчас открылись военные действия с Ираном, а там конница будет в ходу.

Как видно, не суждено мне побывать на Украинском фронте: придется драться в Иране или Афганистане, в песках. Кто-то сегодня заметил, что занесут могилу вечные пески, и никогда на ней даже не вырастут цветы. Не придут парубки с девчатами лунной ночи *воркувать*, любиться, миловаться.

В «Правде Востока» получил окончательный расчет. Теперь туда больше не ходок. А жалко все-таки старую обитель. Человек привыкает, оказывается, не только к людям, а и к месту.

В городе чувствуется какая-то особая напряженность. Возле военкомата, мимо которого всегда проезжаю, толпы народа: провожают на фронт сыновей, братьев, отцов. Кто проводит меня? Друзей нет — поразъехались, подруг тоже нет. Одним словом, некому. Очень обидно. Но ничего! Провожать меня будут все. Провожая своих сыновей, заодно проводят и меня. Сегодня всей бывшей редакцией, всей старой братией зашли в пивную и выпили. Распрощались. И разлетимся теперь все в разные стороны. Семен и Тамара — в Наманган, Маруся — кто его знает, куда, Борис Ковальчук — на Чирчик. Сойдутся ли снова когда-нибудь наши пути-дороженьки? Когда и где именно?

Проходит все. Друзья, время, годы, события. Остается только человек сам с собой. Оглянется назад, задумается — и жалко-жалко становится прошедшего, хорошего прошедшего, которого не воротишь.

Прочитал выдержки из иностранных журналов о войне. Некоторые довольно интересные.

Перед трудящимися воюющих стран встала новая проблема — проблема сна. В магазинах Лондона продается особое изобретение «противовоздушные ушные закладки», но они не спасают. Газета «Пичкур пост» упрекает жителей Лондона в том, что они привыкли много спать, и ставит в пример Наполеона, который сокращал ночной сон за счет дня, когда он спал несколько раз по 5–10 минут. Расставаясь, жители Лондона теперь говорят друг другу не «Спокойной ночи», а «Ночи без сирен».

Газета «Юнайтед пресс» пишет: «В Лондоне ад. Ужаснейший ураганный огонь во время мировой войны не может быть сравним с потрясающим грохотом взрывов. Железо и камень стен обрушиваются. Если бы сегодня был жив Данте, он бы в реальности увидел свой ад».

«Однажды, когда английский король раздавал в торжественной обстановке знаки отличия, была объявлена воздуш-

ная тревога. Король оставил все и убежал в бомбоубежище». (Оно в подземелье Букингемского дворца.)

Надо полагать, что потом не один историк испишет много томов, описывая события, свидетелями которых мы сейчас являемся.

26 августа.

Беседовал с полковником по поводу доноса Ачилова. Говорит, что в обкоме по этому поводу ничего не говорили. С бензином перетрусил он и сам: как бы чего ни вышло! Главное здесь, конечно, то, что испугался; как бы ему не всыпали за то, что давал бензин для корреспондентской бригады. Чудак. Разве здесь есть что-нибудь плохое: выезд себя оправдал.

Интересно обком поступил с Ачиловым. Сначала снимали за бездеятельность. Михайлов и приказ вынес. Затем в этом же обкоме перерешили: снимать в связи с переходом на другую работу. И пришлось Михайлову переделывать приказ. Вот как бывает у Мирзаирова. Семь пятниц на неделе, и все разные.

В редакцию отправил статью о группе самозащиты и авансовый отчет. Получат ли? Центральный Совет Осоавиахима СССР уже переехал из Москвы. Где теперь будет редакция, если она вообще будет?

Днем был в городе в институте им. Семашко, у зубного врача. Нужно привести в порядок зубы, чтобы потом на фронте не заниматься этим делом. Под вечер, хоть и не надо было, но все же заехал домой, надеялся застать повестку или телеграмму. Нет ни того, ни другого. Хуже всего неизвестность.

В столовой видел много приезжих из районов, где сейчас идут бои. Не удивительно, что приехали женщины, дети, но совсем странно, что вместе с ними (или порознь — но это не важно!) приехали молодые здоровые мужчины. Это уже стыд. Чего им было приезжать сюда, когда их место там, где решаются судьбы отечества, каждого из нас в отдельности. Вот когда, именно в трудную минуту, каждый показывает, чего он стоит. Весь, как говорят, налицо, во всем блеске.

И все-таки война нас особенно не коснулась. Много еще чувствуется штатского, не военного. Много благодушия, излишнего спокойствия.

В сообщении об итогах двухмесячной войны список разгромленных немецких дивизий довольно внушительный. Легко Гитлеру сосчитать живых фельдмаршалов, труднее — уби-

тых немецких солдат. И все же припадочный ефрейтор вопит: «Двину в бой новые дивизии». Что ж, вспомним ему стихи Пушкина:

Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов.
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов...

Видал вечером Лялю Черную в театре «Ромэн». Недаром мы еще юношами в Чернигове восторгались ею и «Бродягой». Хороша собой. И все же лучше ее поет Черкасова, особенно «Ночь светла». В общем же, ансамбль не весьма, ожидали чего-то большего.

В театре встретил одну девушку из почтамта, взялся ее проводить. Дорогой она рассказала кое-чего о Майоровой. Оказывается, она была замужем, развелась. Кроме того, зашел откровенный разговор об отношениях мужчин и женщин. Оказывается, женщины смотрят на эти отношения весьма легко. Мои «строгие» взгляды показались ей просто «чудаковатыми». И это мать, женщина не «вольного пошиба». У нее все, оказывается, весьма просто. Может быть, она в отдельных вопросах и права, смотрит на вещи проще, более реально? Рассуждай я так, у меня давно была бы своя половинка. Во всяком случае, наверняка, не приходилось бы «мотаться» одному и засматриваться на чужих жен. В жизни очень много непонятных вещей. Очень много! Трудно постичь всю житейскую премудрость.

27 августа.

Из Москвы ничего нет. Ни писем, ни телеграммы. Хуже всего неведение. Живешь, как будто над тобой занесен дамоклов меч.

На квартиры вселяют жильцов, из тех, кто эвакуирован сюда, в Ташкент. Сегодня приходил и к нам. Мужчина сам из Днепропетровска, с паровозовагоноремонтного завода. Говорит, что там имел прекрасную квартиру, а теперь все пришлось бросить. Стоит ли сожалеть, когда разрушаются и не такие ценности. Разрушается то, что создавалось десятками лет, усилиями тысяч людей. Но война есть война, и все, как на войне.

Звонил домой Майоровой. Просила позвонить днем, когда выяснит насчет квартиры. Судя по всему, она — женщина, «видавшая виды», испытанная и искушенная во всех житейских делах. Как видно, на такую «крупную дичь» нужен и крупный

ловец. Впрочем, часто и неопытному охотнику попадается крупная добыча. На все воля случая!

Каждый день Великой Отечественной войны поднимает на щит славы тысячи новых людей. На советской земле выросло поколение бесстрашных людей — смелых, неукротимых, готовых не щадить и самой жизни, если речь идет о благе отечества. Сегодня в «Красной звезде» напечатана передовая «Герой Советского Союза зам. политрука Мери». Замечательная статья, рассказывает о молодом сыне эстонского народа, недавно вошедшего в семью народов СССР. Мери не отступил в бою, не дрогнул, смело смотрел в лицо опасности, не убоялся ее, добился победы любой ценой, и громкая воинская слава осенила его своим знаменем, его имя с гордостью повторяют миллионы.

«Страхов много, а смерть одна». «Кто смел — тот наперед поспел»,— говорит русская пословица, рожденная на поле брани. Так оно и есть! Отважный скорее выйдет живым и невредимым из боя, чем малодушный трус.

Вечная, неделимая, свободолюбивая, исполинская Россия приняла на свои плечи — в который раз! — всю силу удара коварного врага, цепного пса, который сорвался с привязи и пытается вонзить свои кровавые клыки в тело России. Россия богата такими людьми, как Мери. Таких у нас — миллионы. Источник их героизма — это ясность цели, настойчивость в деле достижения цели и твердость характера, ломающая все и всяческие препятствия.

31 августа.

Последний летний день. Завтра осень. Неприятно: уже и теперь дает чувствовать себя ревматизм. Обложился всякими ментоло-салициловыми бальзамами по типу Бом-Бенге и втираю. Что будет осенью, когда день и ночь моросит дождик?

Сняли газеты. Теперь совсем ерунда. Без газет, как без рук. Почему все-таки экономят на газетах? Ненужное это дело. Тем более, сейчас, газету ждут, с жадностью читают.

С Майоровой познакомился основательно. Умная женщина. Судя по всему, ей пришлось многое пережить, и у нее богатый жизненный опыт. Может быть хорошей собеседницей. Договаривались, было, идти на какое-нибудь зрелище, но я отвертелся. По совести признаться, приходится экономить. Пойти с девушкой — это значит, истратить 25–30 рублей. А где их теперь возьмешь? Приходится туго.

Вчера — новое знакомство. Вера Николаевна, оказывается, хоть и замужняя, но погулять не прочь. Мужа проводила в армию, а сама готова крутить амуры. Впрочем, кто на свете без греха. Кажется, так пел Возный из «Наталки-полтавки».

По всему чувствуется, что женщина она весьма темпераментная. Один взгляд чего стоит. «Пуще солнца, сильнее огня»!

Сегодня утром слыхал, как у окна разносчик повесток спрашивал 8-й номер. Совсем по соседству. Еще взяли кого-то на фронт. Когда же моя очередь?

Из «Фрунзевца» на фронт уехала целая бригада — 9 человек. Будут там выпускать фронтовую газету. Как видно, поехали в Иран. Это не так интересно, но куда лучше, чем сидеть на Тезиковой даче, встречать утро и провожать день. Скучно, однотонно.

Быданова назначили зав. военным отделом горкома КП(б)Уз. Рахматуллина перевели в ЦК. Жалко, что Быданов ушел из Осоавиахима. Толковый он человек. Хоть один был действительно хороший председатель горсовета. Куда лучше, чем все его предшественники.

Наконец-то вчера послал в «На страже» объяснение. Как гора свалилась с плеч. Написал много. Быданов говорит, что не стоило столько распространяться из-за каких-то пустяковых 50 рублей. Но что поделаешь. Из пустяков раздувают большую склоку, а повод-то, в общей сложности, не стоит выеденного яйца.

Немцы взяли Днепропетровск. Каждый день содрогается сердце. Когда это кончится, когда же, наконец, они заплатят за все?

Особым приказом германское командование разъясняет солдатам, что в России вовсе не такая суровая зима, как это кажется. Предлагают отбирать у русских валенки и полушубки. Но где они их наберут? Ведь города и села население оставляет пустыми. Говорят, что и теперь все эти обер-ефрейторы ежатся — их уже пробирает холод. Они не согласны мерзнуть, они предпочитают Ниццу или побережье Греции. А, главное, они не любят, чтобы в них стреляли. Вот, например, обер-ефрейтор Иоганн Крайтер пишет: «Русская артиллерия не щадит нас... Вот она, война!..» Конечно, приходится туго. Лучше было в Югославии убивать безоружных пастухов. По мнению гитлеровских выкормышей, честная война — это, когда немцы стреляют, а их противники сдаются. Ничего себе поня-

тие. Но теперь, кажется, после восточного фронта они начнут думать по-другому.

Стоят прекрасные лунные, почти украинские ночи. Темно-синим бархатом выложена чаша неба. Блещут звезды. По садику пляшут тени. Хорошо! Жить бы только да радоваться.

6 сентября.

Бешеная неделя. Вся в мытарствах по устройству двух ленинградок. Эвакуированных. В воскресенье они вселились к нам, и в ту же ночь райсовет привез еще 6 человек из Днепропетровска. Да еще каких людей! Самая молодая прожила во дворе только один день, и то хотела меня выселять. Не будет такого! Пришлось пустить в ход все знакомства. Помог военком республики тов. Шелоумов. Благородный человек. В горисполкоме — ни проехать, ни пройти. Очереди невероятные. Все за пропиской и за квартирами. Помогли сноровка и «блат». Добился выселения этих «свирепых» квартирантов. С боем, но добился. Остались ленинградки. Симпатичные женщины. С ними трое ребятишек: Наташа, Валя и Вова. Теперь у нас весело. Тишина нарушилась. После вселения одних и выселения других встала не менее важная проблема — прописка. Дело весьма сложное. Снова хождения от одного начальства к другому. Какая-то бестолочь, сплошная вакханалия. И это даже при том, что почти везде нажимаю, ссылаюсь на «большие» фамилии. А что же делать «простым смертным»?

Сегодня, наконец-то, после недельного мытарства Тамара через военкомат получила талончик на прописку. А Ляле не дают: нет удостоверения, что муж — военнослужащий. Новая загвоздка. И завтра предстоят хождения, мольбы, упрашивания. Надоело чертовски.

Так же, как надоело напрасно околачиваться по целым дням на почте в ожидании телефонного разговора с Москвой.

Переживаем огромные события. Переживаем с болью. С каждым днем и здесь, в глубоком тылу, все сильнее чувствуем дыхание войны. Тяжело. Совсем не похоже на то, что было несколько недель тому назад. Вот оно, горе людское. В очередях многого насмотрелся. Никогда не забуду. Такие вещи сохраняются в памяти на всю жизнь.

Третью неделю из редакции ничего нет. Дал телеграмму: «Что случилось?» Денег нет. Получил по почте подтверждение, что выслан телеграфный перевод еще 10 дней тому назад, а сам

перевод где-то гуляет. Почта работает плохо. Как видно, не были готовы к серьезным испытаниям. С Майоровой иногда только перезваниваемся по телефону. И только. Дальше того вечера дела и не пошло. А напрасно. Она явно заигрывает и не прочь пофлиртовать. Но не время!

7 сентября.

Море чувств и переживаний. Сегодня воскресенье, был на концерте в летнем парке, в театре им. М. Горького. Встретил знакомых по «Фрунзевцу». Какие изменения произошли за это время! Ребята получили звания и уехали на фронт. А я сижу. Завидую им. Стало очень обидно. Даже Петя Копустянский получил звание. А ведь меня не сравнить с ним. Все потому, что жизнь надо строить, а не сидеть, сложа руки, и ждать, пока галушки начнут с неба падать.

Завтра же нужно бросить все посторонние дела и идти к Агамирову. Он теперь остался редактором «Фрунзевца», хорошо меня знает и, может быть, поможет устроиться. С редакцией «На страже» сейчас мертвое дело. Сиди и жди у моря погоды. Ни заданий, ни писем, ни денег. Кое-кто, например Вайнерман, сегодня сказал: что, мол, тебе, сиди спокойно. Но не интересное это дело. Не сидится! Разве можно усидеть. А в армию идти у меня большая охота, большое желание. Нужно добиваться. И чем быстрее, тем лучше. Время не ждет, ни капельки. Завтра обязательно к Агамирову. Там же теперь и мой старый приятель Хлебников. Должны помочь! Только смелее, решительнее настаивать. И тогда снова окажусь в родном «Фрунзевце». Там ведь рос, мужал, выковался как журналист.

10 сентября.

Ничего не вышло. Агамиров отправил меня в штаб САВО. А там Жданов сказал подождать. Сколько же все-таки ждать? Чего ждать, когда не ждется? Сиди в тылу и жди. Хуже всего. Особенно, когда все твои товарищи уехали.

Деньги на почтовые расходы прислали только сегодня. Вернее, выслали их телеграфом из Москвы 28-го, а пришли они только сегодня. Быстрота... исключительная! Больше недели ничего не посылаю в редакцию. Никуда не годится. Все ходил по «всевозможным инстанциям» (сколько их придумали — ужас!) насчет прописки ленинградок. Они — замечательный

народ. Жизнь моя похожа теперь на семейную: обедаю дома, вечерами выхожу «в свет». Но везде скука.

Сегодня, наконец-то, Тамара получила разрешение на прописку. Еще одна инстанция, и все закончено. Она шутит: «Будет скучно: привыкла ходить по очередям!»

Еще раз убедился, что военком республики — замечательный человек. Исключительно прост, а это еще больше подчеркивает его значительность.

На всех фронтах идут жаркие бои. Сейчас за Одессу. Жалко Одессу: разрушают такой красавец-город!

Было заседание облсовета. Совершенно очевидно, что постановление СНК о подготовке населения по ПВХО не выполняется. Особенно отстает Средне-Чирчикский райсовет. Плохо с обучение групп самозащиты. Штабы МПВО недопустимо медленно затягивают формирование групп.

С военным обучением дело чрезвычайно осложнилось тем, что забрали в воинские части всю материальную часть. Единственно правильный выход для райсоветов — это создавать что-то вроде учебных пунктов, на которых концентрировать учебные пособия, подключать командный состав. Другого ничего не придумаешь. Вообще следует сказать, что организационные формы по последней перестройке не весьма себя оправдывают. Как видно, строить военное обучение населения только на сугубо общественных, добровольных началах не стоило. Нужно было значительно раньше принять ряд решительных мер, причем обязать проходить минимум военных знаний. Именно обязать — так, как теперь сделали с ПВХО.

В ЦК и ЦС хотели совершить одну «сделку»: дом, где находилась противогазовая мастерская, отдать под квартиру Гогсадзе. Полковник, конечно, как всегда, сдрейфил и уже готов был уступить. Хорошо, Севастьянов — парень принципиальный. Пошел к секретарю горкома Емцову и отвоевал помещение. Как все-таки получается: работники ЦК, вместо того чтобы сейчас особенно помогать оборонному обществу, сами же готовы были забрать дом. Потом, конечно, Осоавиахим не увидел бы его, как своих ушей. Все это делалось втихую, без решений.

12 сентября.

Камешек, сорвавшийся с вершины, иногда влечет за собой горный обвал. Вот так же получается и у нас. Не успели подружить как следует с соседками по квартире, как уже пошли

раздоры. Все из-за ребят. Воспитывают они их в весьма тепличных условиях: оттого ребята и капризны. Особенно Лялин сын Валя. Тошно глядеть. Они, пожалуй, вообще-то могут стать «яблоком раздора». Как золотое яблоко на свадебном пире греческого царя Пелея с морской богиней Фетидой. По мифологии, на этот пир были приглашены все боги и богини, кроме Эриды, богини раздора. Опасались, что она может возбудить какую-либо ссору и тем омрачить общее веселье. Но оскорбленная Эрида решила отомстить за невнимание к ней. В разгаре пира богов она приотворила дверь залы и вложила в нее золотое яблоко, на котором было написано «прекраснейшей», но и этого стало достаточно для начала раздора. Отсюда и произошло так часто упоминаемое выражение «яблоко раздора». Увидели богини яблоко, прочитали надпись и стали спорить, кому принадлежит яблоко, кто красивее всех. Наибольшее право имели на яблоко три главные богини — Гера, Афина и Афродита. Чтобы разрешить свой спор, они обратились к Зевсу, тот проводил их к царевичу Парису, сыну царя Трои. Каждая старалась привлечь его на свою сторону каким-либо обещанием. Парис отдал яблоко Афродите. С тех пор Гера и Афина стали злейшими врагами Трои.

Но кто рассудит нас? Какой Парис?

Вообще-то жизнь теперь изменилась. Нужно будет все повернуть в обычную колею. Так дальше продолжаться не может. Смешно ведь и глупо из-за двух вселившихся (правда, интересных) соседок нарушать нормальный образ жизни. Ни к чему все это.

Вчера был в Союзе советских писателей. У Светланы Сомовой (приятный товарищ) взял стихи народной артистки СССР Халимы Насыровой и белорусского поэта Якуба Коласа. Послал в «На страже». Стихи-песни Насыровой должны бы напечатать. Ведь интересен сам факт: артистка, депутат Верховного Совета СССР, сочиняет патриотические песни и поет их народу. Сейчас воюют не только армии. Нет. Воюет весь народ, кто как может. Одни сражаются в окопах, другие помогают фронту и тылу добиваться победы звонким словом, песней, зовущей на борьбу.

Поднялся народ на священную Отечественную войну. Весь народ, от мала до стара. Как в 1812 году против Наполеона. Его призрак неотступно стоит перед германцами. Только Германия видит Наполеона не в расцвете его славы, не на победоносном

марше через Европу, а в момент его падения и гибели. Фашистские полчища истекают кровью. А наша сила народная, великая сила растет и крепнет час от часу, изо дня в день. Близок час возмездия.

Наши летчики, танкисты, балтийские и черноморские моряки, красноармейцы, партизаны состязаются в славе. Снова, как много-много раз, поднялся на великое ратное дело весь народ, как в былые времена, но уже не с топорами и рогатинами, а закованный в сталь, ощетинившийся грозными штыками, крылатый и грозный. Ведомый Сталиным советский человек вышел на решающий бой с омерзительным врагом.

Горят очи его соколиные...
Боевые рукавицы натягивает,
Могучие плечи распрямливает:
— Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, бусурманский сын,
Вышел я на страшный бой, на последний бой...

Русский солдат ходил за Суворовым через Альпы, за Румянцевым — в Париж, за Скобелевым — на неприступные высоты Плевны. И всегда побеждал. И победит!

Слов нет, война — страшное дело. Никому нет охоты умирать. Но что ж поделаешь. Вышел на бранное поле не для того, чтобы песни петь, а для того, чтобы биться, и биться жестоко. Держава наша великая, и не годится русскому человеку, если пришел его черед оборонять честь державы от лихих супостатов, пятиться ради своего живота.

Издавна наши воины славились своею храбростью, не раз вызволяли из беды, смертельной опасности свое государство, свою независимость. Богатырские народные плечи все вынесут. Защитим свое Отечество, его нерушимость, честь и славу.

13 сентября.

Какое горе... В ЦС мне сказали: по радио сообщили о взятии немцами Чернигова. Очень опечалился. Родной город! Там учился, там начиналась самостоятельная, сознательная жизнь. Там остались лучшие друзья — Шура Флеризяк, Тамара Бадай. Да разве только они! И где они сейчас? Куда уехали? Обидно, горько обидно за то, что до сих пор взбесившихся головорезов не попрут обратно, туда, откуда они пришли.

На республиканском совещании по вопросу о выполнении постановления Совнаркома о всеобщем обучении населения

ПВХО выяснилось, что осоавиахимовские организации республики в этом направлении провели большую работу. Особенно выгодно выглядят Ферганская, Самаркандская и Ташкентская областные организации. Правда, работники этих облсоветов толком не могли рассказать о своих делах. Не учитывают их, как правильно заметил тов. Яковкин.

До сих пор у работников облсоветов недопонимание, где начинаются функции штабов МПВО и где кончаются их, осоавиахимовские. «Иван кивает на Петра», а «возу все нет ходу». С большими потугами идет подготовка населения в кишлаках. Сложности райсоветы испытывают везде еще и потому, что растеряли кадры инструкторов, не хватает учебных пособий и оснащений. И в самом деле: в Фергане, областном центре, не могли найти ни одного ВДП. Где уж тут говорить о качестве подготовки групп СЗ (самозащиты). Совершенно очевидно, что учебных пособий и снаряжения, конечно, в свое время нужно было больше завести и областям, и районам.

Плохо также, что в районах руководители зачастую не осмысливают всей полноты того или иного мероприятия. Вот и здесь. Ни один облсовет, не говоря уже о райсоветах, не имел оперативного плана подготовки населения. Охватили всех сразу, не обеспечили инструкторским составом, и получилось, конечно, плохо. По подготовке кадров начсостава для групп СЗ в Катта-Кургане (да и не только здесь) ударились в крайность: укомплектовали группы для обучения из учащихся и служащих. А где жилой сектор, домоуправления?

Из всех работников областей наилучшее впечатление осталось о тов. Брагиной. Серьезно ставит вопросы, чувствуется, что работает добросовестно. Завтра нужно написать статью от ее имени.

Лифшица из ТАСС тоже взяли в армию. Каждый день уходит народ. На фронт, на фронт. А я как заколдованный. Сижу дома, как осужденный на томительное бездействие. Сижу, как некогда греки в гавани Авлида. Но тогда на них разгневалась богиня Артемида и заперла все ветры в пещере Эола. А мне какая мешает богиня?

16 сентября.

Кажется, есть смысл подвести некоторые итоги прошедших дней. Хотя, вообще-то, пишу я мало. Так же, как в свое время Леонид Андреев, могу сказать: «Перо кажется мне неудобным,

процесс письма слишком медленным. Мысли мечутся, словно галки на пожаре, я их не могу ловить и приводить в порядок».

Все мечется. Один философ говорил: «Истинная мудрость — спокойна». К черту это! Хочется метаться всю жизнь, волноваться. Но где метаться, куда и как?

Вообще чувствую, что на белом листе бумаги у меня плохо выходит, словесная ловкость значительно лучше вытанцовывается в разговоре.

Плохо жить спокойно, по-мышиному. Чем более разнообразны потребности человека, чем более он жаден до жизни, хотя бы и маленькой, тем быстрее развивается культура тела и духа.

Последние дни настроение у меня не весьма утешительное. Посылал в Москву несколько телеграмм, ответа никакого. Получается что-то вроде хождения по тропе над пустотой. Настроение не весьма приятное, но факт. Противно и оскорбительно так думать, но факт.

В последнее время особенно остро ощущаю одиночество. Порой это мучительно. Чертовски. Дьявольски.

Единственное утешение — соседки. Особенно Ляля. Маленькая, гибкая, она изящна, а подчас забавно, по-детски важна. Всегда моторная. И ее возбуждение приятно. По-моему, наши отношения быстро принимают характер дружбы. А у меня и того больше. Вообще-то человеку необходима любовь, как младенцу молоко матери. Отними малютку от матери, и он весь иссохнет. Несколько раз сидел с Лялей вплотную к ней и чувствовал это приятным. А вообще-то это — все равно что кататься на льду только что замерзшего пруда. Опасно.

Но, с другой стороны, лучше быть законченным грешником, чем праведником, который не может дойти до полной святости.

Но все это может быть только игрой. Тонкое, дерзкое кокетство женщины, которая привыкла к поклонению многих «горячих юношей». Как правило, такой легкий флирт заканчивается «божественной комедией», и часто бывает так, что опытная женщина играет с «пылким юношей», а затем отменяет, уничтожает праздник, которого тот так долго ждал. И все одним махом, или, говоря на нашем профессиональном языке, одним росчерком пера. Зачем все это? Зачем?

Мне кажется, я более чем уверен, что вчерашние ласки — просто так себе, от скуки, для разнообразия. И стоит ли им придавать значение!

19 сентября – 21 сентября.

Ездил в колхоз им. Коминтерна. Беседовал с парторгом о сборе теплых вещей для Красной Армии, о военном обучении колхозников. Совершенно ясно, что последнее время отношение к военным занятиям совершенно изменилось. Не то, что было раньше, пару месяцев назад. А теперь, после решения Совета обороны о всеобщем обязательном военном обучении, заниматься будут еще старательнее.

У Гуревича встретил Лешу Мстиславского. Оказывается, он устроился во «Фрунзевце» литературным секретарем. Правит материалы. Сегодня взял денег: достанет что-нибудь у себя в ларьке. Говорят, там есть кое-что съестное.

Каждую ночь у нас с Тамарой и Лялей интересные беседы, больше всего на житейские темы. Оказывается, в этих вопросах я большой профан. Нет никакого опыта, все теория. А без опыта — «ни туды и ни сюды».

В доме теперь весело. Ребятишки шумят. Особенно балованный Валька. Мне кажется, что Ляля воспитывает его не всегда правильно. Она не прививает ему уважения к старшим, к которым дети должны относиться предупредительно. Она то умудряется не замечать неорганизованность Вальки, то вдруг становится взыскательной. А чаще всего снисходительна к тому, что ребята разбрасывают вещи, не слушаются, грубят.

Теперь о себе. Безграничного доверия у ребят не завоевал. Видимо, мало проявляю серьезного внимания к их играм, мечтам, к их радостям и горестям. Нельзя безрассудно потворствовать капризам ребят, но в то же время нужно понимать детей, играть с ними, жить их жизнью. Сестры В. И. Ленина вспоминают, что их родители принимали живое участие в детских затеях. И дети это глубоко ценили. Мои соседки также мало поощряют ребят. А ведь дети очень восприимчивы к поощрениям, которые являются сильной мерой воздействия. Конечно, при этом не следует никогда захваливать. Захваливание развивает в детях эгоизм, самоуверенность, самомнение.

Плохо делают мамаши, что иногда шлепают ребят. Это одна из вреднейших и недопустимых мер. Никуда не годится взрослому, сильному человеку колотить неокрепшего, еще нежного ребенка.

Воспитание организованности, дисциплинированности детей требует большого терпения и упорства, педагогического искусства.

Получил командировочное удостоверение. Нужно ехать во Фрунзе. Кстати, и удостоверение-то просрочено — не рассчитали в Москве. Завтрашний день на сборы, послезавтра выезжать. Лебедев требует во время поездки заняться, главным образом, организацией материалов с разбором тактических учений (по топографии, стрельбе, гранатометанию, тренировке в противогазах и т. д.). К авторству привлечь солидных, знающих дело специалистов. Все это, конечно, хорошо и правильно. Но ведь где эти хорошие специалисты? Львиная доля давно в армии. Сделал также замечание, что я много посылаю телеграмм, не имеющих непосредственного отношения к материалу. Рекомендует пользоваться телеграфом только в случаях крайней необходимости. Хорошее дело! А как же еще связываться? По телефону — гиблое дело, а по почте — слишком долго. Остается телеграф. И то телеграммы подолгу задерживаются.

Сегодня ночью нужно написать Лебедеву письмо. Подробное. Напомнить и о подписке на газеты. В свое время я поднимал этот вопрос, но они тогда не захотели поддержать, а сейчас вспомнили.

В Ташкенте Киевская киностудия снимает исторический фильм «Александр Пархоменко». Наши осоавиахимовские кавалеристы там отличаются, принимают участие в съемках. Банников уже снимался несколько раз. Участвует и конный состав.

Апполун рассказал интересную вещь. Оказывается, Пятакова убрало «начальство» из Снаба потому, что он отказался снабжать их без расписок. Вот такие делишки обделывают...

23 сентября.

Вчерашний и сегодняшний дни прошли в хлопотах. Доставал уголь, ж.-д. билет до Фрунзе, звонил туда. Углем надо запасаться, утрами основательно холодно.

Между Лялей и Тамарой Николаевской разлад. Сейчас он еще не окончательно оформился, но намечается. Два совершенно противоположных характера. Ляля поговаривает о том, чтобы уйти к своим родным. Говорит, что там ей с детьми будет лучше.

Сегодня получил от Лебедева телеграмму. Настаивает на освещении, главным образом, вопросов ПВХО. Требует очерки об активистах и фото. Во Фрунзе нужно будет связаться с местными писательскими силами и попросить сделать очерки. Но вся беда в том, что писатели плохо знают специфику осоавиахимовской работы, и их очерки, рассказы не подходят для

нашей газеты. Итак, сегодня ночью буду во Фрунзе. Думаю, встретят так же хорошо, как и прошлый раз.

Хоть раз уезжаю с проводами. Вечером полковник прислал машину, и все мы: я, Ляля и Тамара выехали на вокзал. Они зашли в мое купе и пробыли до самого отхода поезда. Прощание с Лялей получилось горячим, совсем похоже на семейное. Со стороны можно было предположить, что прощаются крепко влюбленные. Впрочем, почему бы не так.

Ночью замерз. Вагоны еще не отапливают, и перед утром холодно. Ночью прошли Арысь, Чимкент, скоро должны приехать в Тюлькубас. До Фрунзе останется 406 километров. Почти половина. Ведь от Ташкента до Фрунзе 728 километров. Совсем как от Москвы до Нежина (732 км), как от Москвы до Минска (751 км), как от Харькова до Севастополя. Стоим в Сас-Тобе. Маленькая станция, кругом степь, а вдалеке подступают горы. Соседи по купе спят и спят. Проводница рассказала, что их бригада из Новосибирска в поезде занимается по ПВХО. Хорошая тема. Интересная.

Стоим долго на станциях. Дважды какие-то чудаки срывали стоп-кран. Даже, несмотря на новый закон.

На вокзалах, как обычно, народ куда-то торопится, куда-то спешит. По старой, веками установившейся традиции покупают пироги, хотя у них, по чьему-то меткому определению, ни вкуса, ни питания. Сосед по купе, тот который едет в Новосибирск, все время уничтожает арбуз, ожесточенно сопит. Прикончит один арбуз и принимается за другой. Пассажиры спорят. Один в Тюлькубасе устроился к нам в мягкий вагон. Устроившись, он теперь добивается, как бы втащить и другого.

Стоим в Джамбуле. Первый раз был здесь со своими ребятами из полка в 1937 году. На путях стоят эшелоны: из Поволжья переезжают немцы.

Дописываю дневник во Фрунзе. Разговорился с поездной бригадой. Охотно рассказали о том, как учатся военному делу в поезде. Старались, конечно, похвалиться. Как водится.

В Луговой пришлось понервничать. Трудно было с компостером на билет. Единственный поезд, да и тот «овечка», без света. В купе случайно познакомился с военкомом республики Дьяком. Оказался хорошим человеком.

На станции встречал сам Цыганков. Ночевать устроился у него в кабинете. По старой украинской привычке. Плащом прикрылся и отоспал. Стоит ли ездить по гостиницам!

Встретили во Фрунзе хорошо. Вот что значит зарекомендовать себя при первой встрече, в первый приезд.

Фрунзе

25 сентября.

Уборщица разбудила рано. Хочешь, не хочешь – пришлось подниматься, идти в поиски парикмахерской и столовой. Нашел, конечно. Город, вся обстановка напомнили (вообще я склонен к воспоминаниям) о прошлом приезде. Тогда это было в мирное время, перед поездкой в Москву. А теперь времена изменились. Другая жизнь.

День ушел на размещение материалов. В «Советской Киргизии» договорился с Ефановым о двух статьях. Разыскал бывшего спецкора «Социалистической связи» тов. Осипова и уговорил написать о радистах-коротковолновиках. Согласились. Но выполнят ли?

Цыганков и майор Пиерсанже тоже взялись за «писательство». Думаю, что чего-нибудь выйдет.

Фрунзе – городок компактный, зеленый. Правда, много еще здесь провинциального. Напротив красивого массивного здания правительства расположились хибарки, маленькие, с садиками, с коровками. Совсем, как в деревенские хаты в Яхновцах.

С продуктами питания намного лучше, чем в Ташкенте. Особенно с молочными.

Вечером состоялось заседание президиума ЦС. Повестка длиннющая. После двухмесячного перерыва решили «возместить убытки». Совершенно очевидно, что здесь любят длинные резолюции. Справедливо заметил зам. заведующего военным отделом ЦК КП(б)К, не привыкли писать лаконично, по-военному.

С выполнением Постановления СНК СССР о всеобщей обязательной подготовке по ПВХО явно отстают от Узбекистана. Подготовили всего 25%. Особенно низок процент в Джелалабадской области. Ошибки с всеобщим обязательным военным обучением такие же (в основном), как и в Узбекистане. Типичные. ЦК КП(б)К принял в решении хороший пункт, обязывающий местные организации не ломать, оставить учебные осоавиахимовские подразделения. Это очень правильно и хорошо. Надо дать людям закончить учебу.

В КирТАГе заказал фотоснимки. Обещали сделать.

26 сентября.

Совсем тоскливая погода. С утра хмурилось, а затем пошел дождь. Не унимался целый день. Сыро, серо, грустно.

Днем был в Комитете физкультуры и спорта. Председатель Савельев обещал написать статью о взаимодействии с Осоавиахимом. Встретился с мастером спорта Рацеком. Прекрасный парень. Известный альпинист. Договорился, что напишет статью о последнем альпинистском походе. Очень хорошо. Тем более что в Киргизии альпинизм — это изюминка.

Вечером встретил председателя Тяньшанского облсовета. Интересные вещи рассказывает. Их областной центр Нарын — в горах, всего 3000 жителей. Нет совершенно электричества. Киргизы — народ весьма гостеприимный, но в их жилищах много нужно сделать для приведения в надлежащий порядок. Едят всеми пятью пальцами: без ложек и вилок. Любят мясо с лапшой. Главным образом, скотоводы. Теперь выводят тонкорунных овец и породистых лошадей.

Но и здесь учатся войне. Даже здесь, по меткому выражению кого-то, «на краю географии».

В антологии «Русские поэты XVIII—XIX столетия» читал стихи поэта-революционера Кондратия Федоровича Рылеева, который 13 июля 1826 года, после семимесячного заключения, в числе пяти декабристов, «кои по тяжести злодеяний поставлены вне разрядов и вне сравнений с другими», был повешен в Петропавловской крепости.

Стихи Рылеева замечательны. Своих героев (Иван Сусанин, Богдан Хмельницкий, Волынский и др.) Рылеев идеализировал, присваивал им черты тираноборцев и народных вождей. Он, Рылеев, написал мою любимую «Смерть Ермака».

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии блистали;
Беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

А какие замечательные слова вложил Рылеев в уста Ивана Сусанина:

Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на Русской земли!
В ней каждый отчизну с младенчества любит
И душу изменой свою не погубит.

Хороши также и басни Ивана Андреевича Крылова. Вот из «Вороны и лисицы»:

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть вредна; но только все не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Или вот из «Волка на псарне»:

И волчью вашу я натуру знаю;
А потому обычай мой такой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой.

А в «Две собаки»:

Как счастье многие находят
Лишь тем, что хорошо на задних лапках ходят!

29 сентября.

Хожу по «подрядчикам». Кое-кто добросовестно взялся выполнять задания. Рацек сегодня показывал свои труды. Написал он статью Савельева неплохо. Правда, много напыщенности, высокопарных слов.

С Лаут ездил в клуб технической связи. Лаут — страшно разговорчивая женщина. Все время спешит, торопится. Этак, впопыхах, можно и часы проглотить, как случилось с одним киевским молодцом, о котором она писала в «Советской Украине» (сама похвалилась!). Недаром же ее конек — информация. В этом жанре могут подвизаться только «неспокойные» люди.

Были в «Союзпечати». Конечно, и здесь ЦС совсем не следит за распространением наших редиздатовских изданий. Дело доходит до анекдотов: когда ЦС нужно было выписать 2 экз. «На страже», он писал в Москву в Редиздат. Зачем это? Договорились с директором республиканской конторы «Союзпечать», что впредь командовать распространением наших изданий будет Осоавиахим.

Вчера вечером сражались с зам. зав. военным отделом ЦК КП(б)К в шахматы. Он оказался компанейским человеком. После долгих шахматных битв вышли в парк. С нами Лидия Павловна и Аня. А затем — неслыханные вещи: развернулся целый «амур». И так все просто. Дело закончилось тем, что после «длительных» отсиживаний под звездами в 3 часа ночи пошли на станцию встречать поезд.

Лидия Павловна совсем не скромница, как это показалось с первого раза.

Вечером написал Лебедеву письмо и послал Ляле телеграмму. Разговор по телефону в воскресенье не состоялся. Ляля по вызову пришла, но случились неполадки на линии. И пришлось мне выходить уже буквально из кабины. Жалко, очень жалко.

В городе состоялся митинг, отклик на вчерашний антифашистский митинг молодежи в Москве. Столица Киргизии сказала свое слово: гневное, полное жгучей ненависти к фашистским извергам.

С великим удовольствием читал статью генерал-майора Петрова о героической обороне Одессы. Того самого Петрова, с которым ездил в машине на тактических учениях в Ферганской дивизии. Теперь Петров командует фронтом в Одессе. Он не подведет. Ума и опыта у него предостаточно, он сумеет организовать хорошую, крепкую оборону.

Майор Пиерсанже — особенный человек. Характер у него необычайный. Сейчас сидит рядом со мной и усиленно пишет статью для «Советской Киргизии». Для нас обещает продумать (или, по его выражению, написать умную!) статью об оборудовании учебного поля для групп, команд всеобуча. Он напишет. Недаром всю сознательную жизнь прослужил в армии.

Без Ляли и Тамары скучно. За короткий срок сумел к ним привязаться. И еще как!

С показательными занятиями ничего не выходит. Нет их. Вернее, в Советах просто не знают. Старая истина.

Городок Фрунзе — маленький. Куда его сравнивать с Ташкентом. Как слона с Моськой. Отличаются, как небо от земли.

1 октября.

Сегодня отправил письма. Все четыре сразу. Лебедев, вероятно, подумает, что человек я кампанейщины: не пишу, не пишу — и потом вдруг сразу залпом. Особенно я «нажал» на подготовку альпинистов. И в самом деле. Киргизия — страна величайших гор, громаднейших ледников, красивейших ущелий и долин. Страна самых высокогорных озер. Гигантские горные хребты Тянь-Шаня, Терскей-Ала-Тоо, Киргизского Ала-Тоо, Ферганского хребта пересекают во всех направлениях республику. Особенно хорош, говорят, один из магистральных хребтов — Терскей-Ала-Тоо, что в переводе на русский значит «теневой». Остроконечные гранитные пирамиды, увенчанные бе-

лой шапкой снегов, замыкают республику. Здесь есть все возможное для развития альпинизма и горнолыжного спорта. И молодежь Киргизии занимается этим благороднейшим видом физической подготовки.

Тов. Рацек рассказал и написал о последнем высокогорном походе призывников из Пржевальска. Этот поход интересен тем, что он военизирован, в программу были включены военные элементы, вплоть до решения элементарных тактических задач. Народ учился скалолазанию, горной технике. Учился всерьез. Горы шутить не любят. Они требуют выдержки, хладнокровия. Недаром есть хорошая альпинистская поговорка: «Отправляясь в горы, оставь дома трусость, возьми осторожность».

Вопреки всем утверждениям маловеров, председатель республиканского комитета физкультуры и спорта тов. Савельев написал хорошую статью о физкультурниках Киргизии в дни Отечественной войны. Написал с фактами, не вообще. Раз есть конкретные дела, так есть и о чем писать. Труднее, конечно, когда получается наоборот: дел нет, а писать нужно.

Цыганкова снова (как и весной) пришлось «изнасиловать» на статью о военно-методических кабинетах облрайсоветов. Совершенно очевидно, что кабинеты, безусловно, принесли огромную пользу и нужны, как воздух, особенно сейчас, с введением всеобуча. Сам ведь вчера был на перовом заседании полка всеобуча Пролетарского района и видел, что многие командиры крепко нуждаются в постоянной методической помощи.

Вечером завернул в драмтеатр на «В степях Украины». Эх, родная Украина! Теперь истекает кровью. Наши отдали немцу Киев, сегодня Полтаву. Милую Полтаву, воспетую Пушкиным и многими другими поэтами...

Завтра с Цыганковым выезжаем в горы. Интересно посмотреть Киргизию, настоящую, не городскую. Шут ведь знает, придется ли еще когда-нибудь побывать здесь. Все может случиться: звезда, и та с неба срывается.

По вечерам сражаемся в шахматы, горячо спорим по «разнообразным» вопросам. Народ в ЦС — компанейский.

Итак, завтра в дорогу! В путь!

2 октября.

Итак, утром выехали. В машине одеяла, кожух, вообще теплые одеяния. Сзади прикрепили бак для бензина. Все, как в большом путешествии. Выскочили из Фрунзе. Вспомнил, что

забыл наволочку для сахара: возвращаемся обратно. Говорю Цыганкову, что плохое предзнаменование.

И в самом деле. На 30-м километре, как раз за переездом, остановились. Испортилась машина. Шофер терялся в догадках. «Успокаивал» нас тем, что, видимо, засели основательно. Отправляемся на Кантский сахарный завод. Благо, остановились неподалеку. У главного инженера (кстати, он меня узнал по первому приезду в феврале, и вот совпало — опять попал к нему) добиваемся буксирной машины. Пока в гараже снимают картер, с машиной возятся шофера и механики, мы с Цыганковым обедаем. Оказывается, помеха пустяковая. Добираемся в Кантский райком КП(б)К и к райвоенкому. По просьбе моей квартирной хозяйки интересуюсь справкой о Борисе, ее сыне. Оказывается, в райвоенкомате ничего не узнаешь. В спецчасти райисполкома сам, лично просмотрел списки призванных, но тоже ничего о Борисе не нашел. Не повезло Евдокии Митрофановне.

К вечеру выбираемся из Канта. Прекрасный асфальт, машина «обкаталась», и не заметно, что передние покрышки вконец «израненные». По дороге — Покровка, Ивановка. Украинские села. Садки, мазанки, девчата в ярких *спидницах*. Переселенцев здесь много. На дороге одиноко стоит ресторан. Окраина Быстровки. Отсюда начинаются горы, Боамское, или Буамское, ущелье и безлюдье. До Рыбачьего осталось 110 километров — и ни одного населенного пункта. На скорую руку подкрепляемся колбасой с крепкой горчицей и трогаемся.

Взошла луна. Огромные хребты обступают нас. Таинственно, интересно. Бурным потоком внизу стремительно пенится река Чу. («Чу» — так киргизы понукают лошадей, заставляя их идти быстрее.) И Чу несется тоже стремительно.

Чуть не забыл. Перед Быстровкой заезжали в Токмак. С трудом нашли горсовет. Здесь встретил председателя колхоза «Искра» Чимкурганского сельсовета тов. Шевченко. Николай Петрович рассказывает, что к всеобучу приступили организованно. В Чимколгене (по-русски «большая сопка») организовали учебный пункт, пункт агитатора. Старик, 53-летний колхозник, конюх Джуналы Шишанов с охотой, по желанию записался в команду. Желает готовиться к обороне.

Ночью в горах потеряли бак от бензина. Пришлось разыскивать. Нашли. Кое-где останавливались. Любовался замечательными пейзажами. Совсем как в Таджикистане. Цыганков

рассказывает охотничьи эпизоды. К полуночи добрались да Рыбачьего. Далекое селение. На краю Иссык-Куля («Горячего озера»), этого киргизского моря. Председатель райсовета рассказывает о прелестях своего города. «Часто поднимаются шальные, десятибалльные уланы,— рассказывает председатель Цыганков (он тоже Цыганков — вот совпадение),— и тогда держись!» *Улан* — так называют здесь ветер, дующий с Уланского ущелья.

Дело доходит и до такого. Однажды улан налетел на пароход «Киров» (здесь есть даже своя иссык-кульская флотилия), закрутил его, отбросил обратно на сотню километров. А еще как-то лодку с ребятами загнало в озеро, и в результате замерзли насмерть 5 человек. Интересный край.

Устроились в райсовете. Расстелили все одеяла, кожухи и расположились «покатом». По-дорожному. Жалею, что в нашем путешествии нет Ляли. Вот ленинградке было бы чего посмотреть в этих краях.

За окном шумит ветер. Начался улан. Но только чуть-чуть, только начало. Цыганков уже крепко спит, с шофером изощряемся в анекдотах. Но вскоре следуем примеру более благоразумного человека. Отдыхаем.

Село Рыбачье Балыкчинского р-на

3 октября.

Улан свирепеет. Поднимает тучи пыли. Но пыль особенная — не пыль, а большие гальки. В парикмахерской в такие дня заколачивают стекла, чтобы не вылетели. Говорят, что такие ветры здесь частые гости. Дуют по несколько дней кряду. И тогда беснуется киргизское море. Горе тому, кто в такую шальную пору попадет на утлом суденышке в бурные волны.

Шли в столовую — было сравнительно тихо, возвращались — валило с ног, срывало шапки. А в столовой видел крестьянина, одетого совсем по-зимнему: в тулупе, в валенках. Он приехал с тянь-шаньских районов. Там холодище.

Необыкновенно синее и прозрачное (так, что можно видеть развалины древнего города) озеро — Иссык-Куль. Сегодня в Госпароходстве расспросил одного старожила и узнал от него много интересных вещей. Оказывается, озеро — арена битв двух ветров: восточного — *санташ* и западного — *улан*. К востоку от озера на перевале стоит холм, весь усыпанный валунами. Пе-

ревал называется Санташ, что значит «Считанный камень». Рассказывают легенду: «Когда Аксак-Темир, знаменитый Тамерлан, шел в поход на Китай, он приказал каждому воину сложить в кучу по камню. Выросла большая гора. На обратном пути после победы над китайцами воины Темира сняли по камню и унесли с собою в Самарканд. Прошел последний воин, а гора осталась: остались камни убитых в походе. Так погибшие сами сложили себе памятник». Когда с перевала остервенело бросается на озеро ветер санташ, старики говорят, что души убитых рвутся из Китая на родину.

«Поднебесное море» — еще и так зовут свое озеро жители-старожилы. И на самом деле — море! По площади (зеркалу) оно в десять раз меньше Аральского, а по объему воды превосходит его в два раза. Глубина озера доходит до 700 метров. Иссык-Куль расположен на высоте 1579 метров над уровнем моря.

Вечером был на военном занятии. Дул улан, и занимались бойцы в школе, в классах. На улицу страшно выйти: дует со всех сторон. Занятия прошли не весьма организованно. Назавтра проектируются тактические занятия, да еще ночью. Не рано ли? Очень скоро.

Григорий Павлович уехал в Пржевальск. Приглашал и меня, но я отказался. Пора возвращаться в Ташкент.

Ночевал у Цыганкова. Квартира у него неважная — приземистая мазанка и к тому же неблагоустроенная. Зато хозяйка приветливая, разговорчивая и гостеприимная.

4 октября.

Вмостился в длиннющий автобус. После долгих ожиданий снова в путь, на Фрунзе. Теперь через горы переедем днем.

Вот они, отроги хребта Кунгей-Ала-Тоо. Совсем рядом их сплющенные, рыжие от солнечного света, похожие на песчаные барханы вершины. Посреди них, то выбегая вверх, то опускаясь книзу, вьется дорога. Ее подъемы настолько круты, что нашему шоферу то и дело приходится переключать скорость, хвататься за тормоз. Внизу стремительно мчится Чу — необычайная река. У нее нет устья. Она берет начало в горах Тянь-Шаня и, прыгая с каменного уступа на уступ, пробирается в долину озера Иссык-Куль. Но, вместо того чтобы влиться в него, она пробегает мимо, неожиданно бросается в сторону Боамского ущелья и здесь прорывается сквозь гигантские хребты на степной простор, в Чуйскую долину.

Едем возле Чу. Замечательная река. Остановились у традиционной остановки-родника. Затем снова двинулись в путь. Сижу возле окна, и свирепый ветер дает себя знать. Согревает тяжело дышащий мотор «ЗиСа».

Кое-где мелькают две-три мазанки с тусклыми окошечками. Возле них несколько киргизов. Сюда они откочевали на лето из Чуйской долины. В одном месте видели заплатанную юрту, ставшую совсем ненужной, но еще милую сердцу вчерашних кочевников. Но чаще всего попадаются уже длинные, хорошие дома с широкими окнами. Киргизия меняет свой облик.

К вечеру выбрались в Чуйскую долину. Подле Беловодска лопнули баллоны, и пришлось долго стоять в степи. Беловодск. Тот самый, в котором разыгрались события 1916 года, когда к приставу пришли 138 киргизов за бумагой для мирного соглашения, а их обманным способом арестовали, отправили в Пишкек. Здесь же, в Беловодске, озверевшая толпа казаков ринулась на безоружных киргизов. Пятьсот семнадцать человек были убиты за один день. Так было нужно царским сатрапам и баям.

По дорогам встречаются украинские села. Вишневые садки, обнесенные белыми плетнями. Журавли над колодцами. Хаты с широкими завалинками. И по дорогам — круторогие быки.

Есть и другие селения — *дунган.* Здесь живет народ, пришедший из Китая. На плоских кровлях их мазанок растет ячмень, цветут маки.

Есть и уральские казачьи станицы, привольно раскинувшиеся среди пшеничных и кукурузных полей. Просторные мазанки их выкрашены голубой и белой краской. Посреди бахчей над арбузами и дынями качаются чучела.

Чуйская долина — сахарная долина Киргизии. На двести километров протянулась она, богатейшая из долин республики, между казахскими пограничными степями и снежной грядой Киргизского хребта.

Поздно вечером подъезжаем к кольцу садов и огородов, к Фрунзе, к одной из самых молодых столиц союзных республик.

После дороги хорошо помылся в бане и еще лучше заснул.

6 октября.

Снова во Фрунзе. Вчера толкался на базаре в поисках сахара. Базар большой. Недаром где-то в книжонке встречал, что заштатный семиреченский городок Пишкек некогда славился

своим базаром, обросшим со всех сторон белыми, серыми и голубыми мазанками, из окон которых все 20 тысяч жителей выплескивали помои прямо на улицу. Протяжно стонали верблюды, блеяли овцы, кричали на разноплеменных языках торгаши, толпилась у крыльца уездного управителя длинная очередь просителей. Но годы ушли, и изменился Пишкек. По-прежнему горы высятся над столицей. По-прежнему они дыханием ледяных вершин освежают воздух. Но внешность города стала городской, со всеми характерными чертами — с водопроводом и больницами, со стадионами и автогаражами, с постовыми милиционерами и мороженщиками. Сто тридцать тысяч фрунзенских граждан — вот краса и гордость советской Киргизии.

Днем снова сражались в шахматы. Майор Пиерсанже проиграл. И один раз даже принял это близко к сердцу — разозлился до чертиков.

В «Советской Киргизии» просмотрел комплект областных газет. О всеобуче пока ничего нет. Ни словечка. Впрочем, если что-то и появится, то, скорее всего, это будут хроникерские заметки.

В КирТАГе Клава Вильчинская снимков так и не сделала. Очень сожалеет, что мы ее не взяли с собой на Пржевальск. И в самом деле, плохо сделали, нужно было бы взять.

Собираюсь в Ташкент. В гостях хорошо, а дома все-таки лучше. Тем более теперь.

Пытался ночью дозвониться в Москву, но ничего не вышло. Работают всего один час глубокой ночью. Попробуй, добейся. Надо обладать какими-то чародейскими качествами. Волшебными! Сколько нужно потратить времени! А ведь еще Диккенс писал: «Человек, решивший растратить хотя бы один час своего времени, еще не дорос до того, чтобы понимать ценность жизни». Хорошо! Но многими еще далеко не усвоено.

Один журналист из «Советской Киргизии» нашел в селе Покровка Джеты-Огузского района интересные документы. Начинаются они так: «Объявитель сего служил в Ингерманландском гусарском полку рядовой Данило Семенович сын Нона — Ноненко». В течение свыше 20 лет служил Ноненко в армии. За это время, как говорится в формуляре, ни разу не подвергался взысканиям и не был даже в побывке. Из подробного описания боевой жизни видно, что он был рекрутирован в армию в 1812 году, проделал с армией огромный путь и вернулся домой невредимым, 46 лет от роду. Участвовал в боях у м. Ост-

ровного, под Витебском и под Бородино. Затем перешел через Неман для следования в Варшавское герцогство. При блокаде крепости Ландау он тоже был в перестрелке, отражая вылазки врага. Чувство гордости наполняет сердце колхозницы Елены Антоновны Крутинской — внучки участника Отечественной войны, рядового Ноненко.

— Сын мой, правнук Данилы,— говорит старушка,— сейчас в Красной Армии. И бьет врага нещадно.

Фрунзе

7 октября.

С утра читал материалы о Киргизии. Попалась замечательная статья об Иссык-Куле. Это целый мир. Собственная кухня природы и погоды, ураганных ветров и легких бризов. Как бы в дар солнцу, горы подняли бирюзовую чашу озера в поднебесье. Изменился облик долины теперь. Только курганы, поросшие чийником, развалины памятников над прахом в веках усопших предков окутывают дымкой былое чудесного края. Жители прибрежных селений сквозь толщу воды на дне различают остатки парков, аллей, стены забытых городов. Мечи, потерявшие блеск, утварь, черепки выбрасывают волны на берег.

Величавую ширь озера обступают огромные отроги Кунгея и зеленоватые уступы Терскей-Ала-Тоо. По склонам хребтов, поросшим елью, снуют архары, козероги, илики. Снежные барсы, волки, лисицы, горностаи населяют леса. Укромные заливы Иссык-Куля служат стойбищами лебедям, уткам, гусям. На просторе лугов и пашен разбросались кишлаки, аилы и села, чьи поля окаймляют темно-синюю гладь озера.

Курорты Копсара и Джеты-Огуз — прекрасные лечебницы союзного значения. Здесь лучше, чем в Швейцарских Альпах. Некоторые заливы имеют водоросли йода. Село Чолпон-Ата — центр коневодства, здесь разводят английских и донецких скакунов. Стада тонкорунных овец, швицких коров пасутся в долинах предгорий. Недра богаты каменным углем, молибденом, золотом, кобальтом, мрамором, серой.

Богат и славен Иссык-Куль.

Бытует в народе интересная легенда. В плодородной долине жил народ, скрепленный узами повиновения хану. Всякий цирюльник, вызванный в чертоги владыки, бесследно исчезал. Старейшины и слуги сообщили властителю, что остался в стране единственный парикмахер. Хан потребовал и последнего брадоб-

рея. Ему под страхом смерти было приказано ничего не говорить о том, что он здесь увидит. Парикмахер молча выразил рабью покорность. Хан снял с головы шелковый убор, и парикмахер увидел: выше темени хана поднимались ослиные уши.

В центре долины, среди садов и парков, в плену которых возвышались минареты и купола дворцов, из земли бил родник. Жгучая тайна об ушах хана долго мучила парикмахера. Народ не знает, а сказать об этом — значит, умереть. Парикмахер поведал тайну роднику:

— Чистый, прозрачный, ты — олицетворение правды. Только тебе я могу поведать тайну, и ты не разнесешь ее устами сплетен. У нашего хана ослиные уши...

Человек не договорил. Из родника ударил фонтан. Синие воды погребли навсегда благодатную долину, народ и хана с ослиными ушами, а высоко в горах появилось теплое озеро — Иссык-Куль...

Почти весь день провел в военкоматах. Все разыскивал тов. Дьяка. Так и не дождался. Говорят, мечется с всеобучем. Все может быть. Теперь, конечно, военкоматам работки прибавилось.

В горвоенкомате все же разыскал письмо хозяйки. Конечно, пишет в жалобных тонах, что вот де вдова, на иждивении дочь и т. п. А в военкомате не расчувствовались, не ответили. Насчет ответов они вообще народ весьма неаккуратный. Дозвонился военкому в Кант. Обещал поискать еще. Нужно, чтобы хозяйка написала ему.

Иртыкеева в батальоне не оказалось. Но зато был Крикуненко. И вот после трех лет свиделись. Был у него на квартире. Живет так же, как и в Ташкенте. Никаких особых изменений как будто не произошло.

Ночью снова буду пытаться дозвониться Лебедеву. Может быть, все-таки выйдет. Тем паче, по ЦСовскому счету. Да еще \с паролем «Да, слушаю».

Завтра — в Ташкент. Сегодня последнюю ночь проведу во Фрунзе. На сон грядущий устроили концерт. Вроде прощального.

8 октября.

Наконец, выбрался из Фрунзе. Елейный старичок, конечно, ничего не сделал. Приехал перед самым поездом, сделал невинное лицо, и возьми его за рупь двадцать. Свинья большая. Нужно будет пожаловаться Цыганкову.

На станции выяснилось неприятное недоразумение. Оказывается, городская станция перепутала вагон, и требуют дополнительной доплаты за купейность. Путаники несусветные. Один поезд в сутки, и то не могут оформить билеты как следует. Пришлось доплачивать. Остался с 6 рублями, а впереди больше суток езды. Ни постели, ни «приварочных». Одним словом, удружили.

Добрались до Луговой. Загнали в тупик. И ждем. До двух часов нам нужно ждать. Опять бестолковое поездное начальство. Зачем было привозить в такую рань в Луговую, чтобы продержать здесь 9 часов, а затем ночью увезти в Ташкент.

Тишина. Мерцает свеча. Мирным сном спит Артур, новый маленький сосед по купе. Бродят обрывки туч. Вдалеке темнеют горы. Горы... Не случайно пьедесталом для героев, создаваемых киргизским народом, так же, как и грузинами, были горы: они служили рамой, в которую воображение народа вставляло картины из своей полной драматизма истории.

Ночью поехали. Выбрались из Луговой. Дорогой достал у Луговского подкрепление. Теперь могу ехать. В купе перезнакомились. Долго ли! Девушка из СВП оказалась хорошей соседкой. Мать Артурчика (теперь мы его перекрестили в Дарданельчика) — тоже. Чудили много. Я, конечно, блеснул мастерством недоговоренных фраз, чем интриговал своих спутников. Ночью добрались в Ташкент.

12 октября.

Дома ждало разочарование: Ляля уехала к своим родным. Признаться по совести, жаль. Впрочем, может быть, так и лучше. Ведь не плавно, не легко и не просто разрешаются все жизненные конфликты, возникающие на пути из таких вот коллизий. Что тут сделаешь. Может быть, мне суждено не иметь своего определенного места на земле, не иметь своего дома в жизни. Словно я навсегда обречен скитаться по земле, как призрачные матросы «Летучего голландца» по морям.

В Ташкенте за это время много изменилось. Трамваи приходится брать с боем, в столовых очереди. Впрочем, где их только нет. Неприятное дело. Совершенно естественно ощущается приближение грозных переживаний. Целый день потратил на то, чтобы достать машину и перебросить уголь. Впереди зима, а без топлива «ни туды и ни сюды».

Былинский — скандальный парень. Мою просьбу не выполнил. Наоборот, пустился в рассуждения, стоит или нет помогать. Получается, как у Гоголя. Остается действительной жалоба Луки Лукича Хлопова из «Ревизора»: «Нет хуже служить по ученой части. Всякий мешается, всякий хочет показать, что он тоже умный человек».

Но нет! Я не буду уговаривать. Сегодня на Былинского попер основательно, дал ему почувствовать, что людей все же нужно уважать, относиться наплевательски к кому бы то ни было — не выйдет.

Получил письмо от Лебедева. Снова написано в раздраженном тоне. Как будто я должен обеспечивать газету материалом из всех среднеазиатских республик. Нужно было своевременно подумать и закрепить здесь людей, и теперь не порол бы горячки. Меня обвиняет в загрузке почты ненужной корреспонденцией, а сам делает то же самое. Зачем присылать мне обратно письма, ведь их содержание мне и так известно. Коллекцию писем собирать тоже не думаю, так только поступают штатные столоначальники. Короче говоря, получается так, что снова нужно приступать к созданию объяснительной записки. Все помыслы направить на то, чтобы превратиться из отсутствующего в присутствующего. Какие перспективы! Что касается телефона — то пусть его! Но где же звонить? Откуда и как? Легко сказать!

Телеграфирует, что надо ориентироваться на учащенный выход газеты. Прекрасное дело. Давно нужно.

Вечером был у Ляли. Устроилась она, видимо, не совсем важно. Что с того, что хорошо меблированные комнаты. Старушка больно старомодная. С Лялей немного поскандалили. Кончилось тем, что я демонстративно ушел от них. Надоело мне такое отношение к себе, как ко второму Ивану Карамазову, который кичился своим «неприятием мира». Если Ляля и расстроена, недовольна чем-то, то я тут ни при чем.

Ташкент

14 октября.

В чем дело? Сдали Орел, Брянск, а сегодня Вязьму. До Москвы — центра, мозга нашей страны! — осталось рукой подать. Разнузданная банда насильников и убийц безудержно прет на нас. Гнусная помесь хищных зверей и человекоподобных негодяев имеет успех. Почему так? Почему до сих пор эта

банда мародеров, брошенная «покорять Европу», имеет на ряде участков численное превосходство? Больно читать такие сообщения. Вшивый богемский ефрейтор, добравшийся на карачках на вершину власти, злорадствует, кликушествуя о своих победах! Цену всему этому, конечно, знает человечество, но надо бы скорее дать ему отпор.

Над нами нависла большая опасность. Серьезная. Просто жутко становится. И это не паника, нет. Что будет дальше?

Вчера и сегодня отправил в Москву материалы. Все из Киргизии. В одной статье особенно оттенил подготовку ворошиловских всадников, или по-киргизски *«ворошилов атгандары»*. Конь в Киргизии — это незаменимый товарищ, друг, поилец и кормилец, в буквальном смысле этого слова. На «плоскокопытных и медноногих манескерах» совершали легендарные богатыри свои подвиги, на «кормящихся васильками тулпарах» скачут и поныне герои народных песен. Мечтая о службе в Красной Армии, любой молодой киргиз видит себя только кавалеристом.

Байга, скачки — любимый спорт в горах Тянь-Шаня. Киргизы — виртуозные мастера верховой езды, умеющие с трехлетнего возраста смело держаться в седле. Вот теперь бы их и взять к Буденному. Там бы на полях сражений они блеснули бы своим умением и лихостью.

Все собираюсь написать Лебедеву «огромное» письмо, но потом останавливаюсь: к чему это? Нужно ли сейчас ругаться! Время ли теперь любоваться уродствами, когда требуются дружное единение, напряжение. Зачем затевать войну с ветряными мельницами, когда есть более высокие и благородные цели...

Сегодня производил разведку, вел поиск материала. Несомненно одно: нужно переключаться на освещение хода всевобуча. Но в местных газетах все только патриотизм. Материалов, рассказывающих (со знанием дела, а не скользя по поверхности) об учебе, о положительном опыте, нет. Авторы все больше берут внешнюю сторону занятий, прибавляют туда немного военных терминов (вроде «ать-два»), и этим все ограничивается.

А фактов хорошей учебы, безусловно, есть много. Плохо, что я их не записываю. Нужно все, что услышал, прочел, записать, не копить в голове, это самая дырявая копилка. Забудешь, а то, что еще хуже, совсем перепутаешь. Ленин всегда запол-

нял сотни печатных листов конспектами и замечаниями, никогда не полагался на свою, хоть и прекрасную, память.

В воспоминаниях тов. Карпинского о Ленине приводится интересный случай. Владимир Ильич отказался дать совет по одному вопросу, потому что не знал его исчерпывающе: «...Слыхал,— писал Ленин,— но только **слыхал**». И тут же добавил: «Я не возьмусь высказываться решительно по этому вопросу, не прочитав отчетов... Вопрос сложный».

Вот это отношение к делу, к каждому слову! А как часто у нас бывает наоборот: люди разглагольствуют о том, чего совсем не знают. Просто, как заведенная шарманка.

В одной газете читал хорошие выдержки «Признания врагов». Вот они: *«Они, воины, явили прусским зрелище, какого доселе не видывали примеров. Расстрелявши свои патроны, они стояли твердо... Легче было их убивать, чем принуждать к бегству» (Капитан прусской армии Архенгольц, 18-й век).*

«Русского солдата недостаточно уметь убить, его после этого надо еще суметь повалить...» (Прусский король Фридрих II).

«Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвой... Русские стяжали себе право быть непобедимыми» (Наполеон Бонапарт, 19-й век).

«Не смейте залезать в безбрежные пространства Восточной Европы, бойтесь силы сопротивления России» (Мольтке-старший).

Хорошие предостережения. Кстати, сюда кстати приходятся и стихи немецкого поэта Гейне из «Лютеции»: «Не ударами палицы уничтожит их гигант, нет, он просто раздавит их ногой, как давят жабу».

15 октября.

Прошел еще один день. И снова сдали город — уже Мариуполь. Когда будет конец? Сегодня беседовал с полковником. Тоже возмущается. Обидно и больно. Все это ведь нашенская земля.

Лорд Бивербрук выступил в Лондоне с замечательными заявлениями. Но все это, как видно, пока разговоры. Лучше бы помог основательно танками, пушками, самолетами.

Наконец-то я вымучил статью о военной учебе на поезде. С каких пор она лежит! Безобразное все-таки отношение. Иногда матушка-лень погано сказывается на результатах работы. Лень губит все даже самые хорошие, благие намерения.

Вечером были Вайнерман и какая-то интересная студентка из мединститута. Завтра нужно устраивать ее на квартиру. Думаю, что получится.

Завтра у Наташи именины. Как будто устраивается званый обед. Собирается народ. Будет Ляля. Пускай себе.

Неприятное дело — снова не присылают денег. Лучший способ избавиться от неприятности — не замечать ее. Но как быть, если неприятность таких размеров, что волей-неволей ее приходится констатировать? Тут уж каждому приходится действовать по своему разумению.

Некоторые советуют: нужно, прежде всего, превратить большую неприятность в маленькую, а маленькую проглотить, как пилюлю. И все будет тихо. Правда, могут быть горловые спазмы, но это уж не так страшно.

Впрочем, все это самоутешения. Но самоутешения проходят, а неприятности остаются. И нет от них никакого спасу.

17 октября.

Оказывается, 18 октября значится у меня только на календаре. А на самом деле только 17-е.

Хлопотал об установлении телефона. С уполнаркомсвязи ни о чем не договорился. «Нужен, конечно,— не возражают они,— но установить невозможно. Переезжайте в другой конец города». Какая чушь. Добился на прием к зам. председателя совнаркома тов. Коконбаеву. Добиться трудно (большое начальство!). Он говорит: нужно написать заявление. Народ сугубо официальный.

Вчера отпраздновали именины Наташи. Была Ляля. Оказывается, мои предположения оправдываются — плохо ей живется у старомодной профессорши. Попала под полную опеку, каждый шаг контролируют. Не было печали... Лялю очень жаль. И помочь сейчас чем-нибудь просто не могу, черт возьми. Тоже сижу и гадаю, получу зарплату из Москвы аль нет. Вообще положение довольно оригинальное.

А немцы все прут к Москве. Она в серьезной опасности. Гитлеровские бандиты к нашей родной столице протягивают свои лапы. Сегодня в сводке Советского информбюро весьма неутешительное сообщение: «В течение ночи на 14 и 15 октября положение на западном направлении фронта ухудшилось». На одном участке мотомехмешочники прорвали оборону.

Ужасное дело, если эти дрессированные бандиты прорвутся к Москве. Кровь леденеет. Ведь они не воюют, а разбойничают. Гнусные убийства сопровождаются повальным грабежом, всеобщим мародерством. Волчьи сердца скрываются под солдатскими и офицерскими мундирами европейского покроя.

Сегодня в «Правде Востока» напечатано обращение Центрального комитета Коммунистической партии Германии. Какой замечательной силой веет от него.

«Вокруг Германии подымается ненависть людей,— говорится в обращении,— которые дальше не хотят переносить иго рабства и террора. Война этих порабощенных и истязаемых народов против Гитлера — справедливая война. Немецкий народ не может взять на себя позорную роль душителя и палача свободолюбивых народов».

Есть и такое место: «Только сумасшедший может думать, что Гитлер в силах одолеть такую мировую коалицию. Поражение Гитлера неизбежно».

Только скорее бы! Не дать бы ему Москву. Любой ценой удержать.

Сегодня звонил зав. военным отделом ЦК КП(б)Уз, просил статью о всевобуче в Узбекистане. Сказал, чтобы завтра пришел к нему, даст внести некоторые поправки, и потом можно будет отправлять. Обязательно нужно сходить. Статья зав. военным отделом будет для нас ценной.

В УзТАГе встретил Семенова из Чирчика. Сообщил интересные вещи. Оказывается, Севастьянов теперь — военком Чирчика, а Бедрицкого взяли в армию. Наконец-то.

Звонил также Ире. Как будто обрадовалась (но все это жесты!) и обещала приехать. На этот раз как будто обещала так, что можно поверить.

Бедрицкий женился. Просто не верится. Говорят, нашел какую-то огромную тетю, работницу из детского садика.

Борис Тажиров по-прежнему ведет разговоры «о бабах» (тема наиболее ему близкая) и о том, как он переключается с одного «объекта» на другой. Ловелас! Так и остался ловеласом. Ничто его не исправит. Ни время, ни события, ни люди.

Ночью сидел над статьей Тажирова о всевобуче в Карасуйском районе Ташкентской области. Как и прежде, Борис пишет очень коряво. Нет культуры речи, а для журналиста — это расстрел.

Его произведения, конечно, не понравятся читателю. А великий русский ученый Тимирязев писал, что если читателю произведение «просто не нравится», оно уже не достигает своей цели и, следовательно, осуждено. Щедрин писал, что «надо каждое слово рассчитать». Это и есть муки слова, которых не испытывает лишь тот, кому нечего сказать. А кто дорожит своей мыслью, тот не может не потрудиться над ее оформлением. Форма сама не приходит в готовом виде, форму необходимо долго и настойчиво оттачивать.

Забота о языке — не прихоть и не каприз. Слово требует большой работы, требует отделки, чеканки. «Для того чтобы писать для печати,— советовал Короленко,— необходимо пройти следующие три ступени: первая (самая легкая) — научиться писать грамотно в смысле повторения речи; 2-я (труднее) — выработать слог литературный, т. е. гибкий и свободный; 3-я (самая главная) — овладеть художественной формой — картиной, образом».

Но Тажиров, кажется, не овладел ни одной из этих ступеней. И кое-кто считает, что это не так уж и важно. Лишь бы умел собирать материалы — так подходят к делу.

Сегодня заканчиваю свою третью тетрадь дневника. Хорошо, что я его веду. Теперь привык, так что ведение дневника стало потребностью, как, скажем ежедневное умывание. Дневник, хоть немножко, дисциплинирует. Вообще хорошее дело. Конечно, стоит продолжить. Итак, до четвертой тетради.

Ташкент

Тетрадь IV

Начата
18 октября 1941 года
в г. Ташкенте

18 октября.

Суббота. А у меня — бешеный день. С утра мотался за углем. Нужно было привезти Тамарину норму.

Затем «добывал» статью у зав. военным отделом ЦК КП(б)Уз тов. Гогсадзе о первых днях всевобуча в Узбекистане. А самое неприятное — случилась «авария» с глазом. Вечером попал в институт им. Семашко и там после долгих манипуляций окулиста избавился от мучений. Попала какая-то ничтожная чепуха, а причиняла адскую боль.

Свой материал о всевобуче Гогсадзе построил, главным образом, на ташкентских районах. Много отрицательных моментов. Совершенно очевидно, что некоторые, даже руководящие товарищи подошли к организации всевобуча безответственно, забыв, что военное обучение народа является важнейшим государственным делом. Неудивительно, что первый день учебы застал районные организации Сталинского района врасплох. Военные учебные пункты к этому дню не были организованы. Командный и политический состав не подобран. В результате создалась полная организационная неразбериха, и первые занятия были сорваны.

Сейчас это совсем недопустимо. Сейчас, когда грозные тучи особенно нависли над страной. Сообщения Информбюро день ото дня не легче. Сдали Одессу. Немец яростно рвется к Москве. Он у ворот Москвы. По-особенному звучит это слово — Москва. Отпор, отпор и еще раз отпор!

Когда пал (преданный и проданный) Париж, истинный сын французского народа Шарль де Голль говорил: «Мы можем воевать за Луарой, за Гаронной, в Африке. Мы переживем страшные годы, но мы спасем Францию». Так и мы, русские. Мы переживем страшные годы, как пережили октябрь 1919 го-

да. А ведь тогда страна Советов была окружена огненным кольцом военных фронтов и еще более тесным кольцом военной и экономической блокады. И все же победа оказалась за нашим народом. Так неужели сейчас, когда наша страна за 22 года вырастила целое поколение мужественных людей, накопила неисчерпаемые силы, неужели теперь советские люди не разгромят врага? Не может этого быть! Ведь Ленин писал: «Побеждает на войне тот, у кого больше резервов, больше источников силы, больше выдержки в народной толще». У нас все это есть. И мы победим. Должны победить!

Послал статью Гогсадзе. Когда она дойдет? И дойдет ли вообще? Страшное время.

20 октября.

Время идет, как вечность. Перед вечностью, говорят, все пустяки. Но в таком случае, и сама вечность — пустяки.

Стоит удивительная погода: тепло и ясно, солнце весело играет и греет по-настоящему, по-летнему. Но стоит ли восторгаться. Ведь сентиментальные обращения к природе уморительно смешны. Но без нее обойтись нельзя, она красит нашу жизнь. Вот и теперь часто вспоминаю свою Украину.

О, наш сад, заросшие дорожки в тени высоких деревьев с длинными висячими ветками, за которыми, бывало, мы устраивали засады, чтобы потом броситься в наступление, а зимой копали снежные окопы, строили укрепления. И вы, плакучие ивы над быстрой рекой в Горошковке, и заброшенная старая мельница с единственным водяным колесом... Хотелось бы еще раз забраться в высокую траву, слушать кузнечиков, дышать сладким запахом гречихи на полях моей родины, еще раз полежать в прохладной тени под раскидистым дубом на быстрой Десне.

Эх, к чему все это? Пока человек живет, он не чувствует своей собственной жизни: она, как звук, становится ему внятной спустя некоторое время.

Говорят о счастье, но где оно? Всю жизнь я постоянно находил свое место занятым, может быть, оттого, что искал его не там, где бы нужно. К счастью старался подобраться и справа, и слева, но ничего не получалось. Но, может быть, и к лучшему. Ведь когда человеку очень хорошо (счастливый, что муха на солнце), мозг его мало действует. Чувство удовлетворения проникает все существо счастливца, он поглощен им, и сознание личности в нем исчезает.

Тамара не разговаривает. Обиделась из-за пустяков. Вообще страшно мнительна, раздражительна, излишне самолюбива. И зачем мне все это? Тем более, ведь знаю, что и ей из-за этого гробового молчания не по себе. Ведь и ее самое — я это вижу — подмывает заговорить. Так зачем держать фасон?

Так наказанные дети, желая хорошенько отомстить своим родителям, за столом отказываются от любимых кушаний.

Говорят, приехала Маруся. Нужно будет пойти к ним. Обязательно. Маруся — замечательная девушка, она под лад моей «неудачно устроенной» натуре (с замочком внутри).

Зачем опять прислали деньги для вручения Куку? Адрес не знают, ну и пускай бы пересылали сами. Всегда сообщаю адрес, так нет, зачем-то присылают мне. Ненужное это дело — создавать какую-то еще передающую инстанцию.

Звонил в ЦК к Борисову насчет телефона. Обещал устроить. Выйдет ли только? Сомневаюсь. Поживем — увидим.

21 октября.

Совсем раскис. Настроение убийственное. И все потому, что нерадостные вести с фронта. Сегодня напечатано постановление Государственного Комитета обороны о введении осадного положения в Москве. Враг угрожает любимой столице. И все пишут, что пытается развить успех, наступление, и, самое печальное, ему это удается. Почему? Где же наши танки, наша авиация? Почему до сих пор проклятые ироды имеют превосходство? Почему? Очень сложная и тревожная обстановка! Когда закончится эта проклятая война. А как хотелось бы еще пожить в мире, без этих очередей за хлебом насущным. В самом деле, нужно изобретать всякие способы, но запасаться на зиму, хоть немножко, продуктами. Сам знаю, что обывательские настроения (мне это, как ножом по сердцу), но что делать. Что делать, когда не получу из Москвы зарплату, хотя бы полмесяца. Как быть? У кого спрашивать?

Все это похоже на потерю самообладания (назвать можно по-всякому), но живой человек все же должен, хоть немного, смотреть вперед, задумываться над тем, что его ждет завтра.

Последние дни столько неожиданностей, происходят такие прямо уму непостижимые вещи, что голова идет кругом. Сегодня соседки-старушки с болью в сердце говорили, что жалко Москву. Это им. А нам, молодым советским людям, которые, пожалуй, с молоком матери впитали эту любовь к Москве,

к столице?.. Что может быть дороже Москвы сердцу? Совсем недавно я там был, немного пообвыкся. И кто мог думать?.. Обидно, жалко. Страшно жалко.

23 октября.

Мысли суровые, строгие точат сердце. Никогда еще не чувствовал себя так одиноко, как сейчас, в эти дни. Иногда вступал в единоборство, напряженное сопротивление чему-то, что чувствую над собой. Веселого абсолютно ничего нет. Сегодня проторчал в очередях. За пустяками, и то очереди, куда ни пойди. Все это страшно злит. Мы много рассуждаем о том, как надо жить лучше, но все же не научились. Иначе бы сейчас не было такой вакханалии.

Впрочем, такими «неприспособленными» оказались далеко не все. О Сигалове Левке, например, никак этого не скажешь. Он всю жизнь к чинам проползает на брюхе, но лезет. И своего добивается. Сейчас назначен зам. ответственного редактора «Правды Востока». А между тем беспринципный человек, подхалим. И вот такие пролазят. Их гонят в окно, так они лезут в дверь. И своего добиваются. Так было, так, видимо, и будет.

Фридрих Прусский очень хорошо сказал: «Каждый должен спасаться на свой манер». Как умеет. Практический человек всегда больше преуспеет в жизни. Тот, который распоряжается всем умело, по своему желанию.

А вот я-то по-настоящему счастлив, видимо, был мало. Халиф Абдурахман имел в жизни четырнадцать счастливых дней, а я, наверное, не имел и столько. Все больше в привычном, мучительном, а иногда и в уютном одиночестве, которое хоть и уютное порой, но все же высасывает душу. Часто и пишу совсем не то и не о том, что думаю. Другой раз в душе собака воет, а виду не показываешь. Часто ведь приходится поступать, действовать напоказ, для людей. Хоть это страшно тяжело, но, увы, это так, надолго так.

28 октября.

Прошлая неделя получилась весьма нерабочей. В том смысле, что почти ничего не сделал для редакции. В УзТАГе, например, вообще не хотят давать снимки, говорят: «Куда будешь посылать?» И в самом деле, из Москвы никаких вестей. Что там, в редакции? Аванс и зарплату получил — и только. Как

видно, туго приходится им там. «На страже» все нет. Задержалась в пути. Такое же положение и с «Правдой».

С Тамарой помирились. Очень хорошо. Теперь, по крайней мере, не приходится вечерами сидеть бирюком. А вчера всем «гамузом» даже завалились в цирк. Вовка и Наташа остались довольны. Ляля не приходит. Обещает, но они обещаниями так и остаются. И пусть себе!

Видимо, нужно предпринимать кое-какие меры для того, чтобы обеспечить себя на всякий случай работой. Мало ли какой может быть исход с редакцией. Не сидеть же и терпеливо переносить невзгоды жизни, преодолевая их не силой разума и деяния, а покорностью судьбе и терпением. Так поступал только Иванушка-дурачок. Его сказки награждали «по щучьему велению» богатством, покоем, красивой, мудрой женой и даже королевским троном. А действительность — мы-то знаем, чем награждает суровая действительность людей, излишне терпеливых.

В материалах встречал замечательные вещи, умные изречения. Вот некоторые из них:

Язык дан человеку, чтобы вскрывать чужие ошибки.

Политруку приличествует сказать о себе: «Язык мой — друг мой».

Иные рапорты следует снабжать надписью: «Осторожно, приукрашено».

Уходя, погаси задолженность.

А чем плох этот стишок:

— Готов отдать вам все на свете,—
Катюше шепчет щедрый Петя.
Но наступает час расплаты,
И он дает лишь... треть зарплаты.

Из подслушанных речей. Стенографически точно:

В квартире есть мелкие дети (из выступления на собрании).

В душе моей бурлит сильным ручьем волна поэзии (из письма начинающего поэта).

Просим отпустить два пения (записка в жюри на смотре самодеятельности).

Наша задача — наладить покупателя (из выступления работника торговли).

В его работе обнаружено много ценных недостатков (там же).

Плетутся в хвосте с отсталым настроением (из выступления на собрании).

После спектакля был товарищеский ужин, который продолжался в веселом виде с приветствиями (из письма в редакцию).

А вот сценка у телефона:

— *Да, да... Вчера с Мирон Семенычем была в Большом. У него новый костюм — обалдеть можно! Да, опера. Забыла, как называется... Декорации — обалдеть можно! На днях пойдем на «Мадам Бовари». Тоже, говорят, обалдеть можно! А потом на «Школу злословия» — это так себе, обалдеть нельзя. Что?.. Но почему разок не смотаться?.. Ну, пока... Звякай.*

Совсем похоже на то, что высмеивает Райкин. И часто такое бывает на самом деле. Одним словом, «обалдеть можно»!

Видел родных Леньки Отвалова. Они тоже согласны, что он — большой свинтус: до сих пор никому не напишет. А находится все время ведь в Термезе. Не за горами!

Подбираю материал по связи. Почтовики из нашего 25-го отделения пристали, чтобы помог выпустить стенгазету. Хотят иметь такую стенгазету, чтобы затмить ею другие стенгазеты. В транспортном институте нашел тов. Чулкова, который считается хорошим оформителем. Поможет мне сделать газету интересной, яркой. Внешность газеты так же важна, как и содержание. Но не нужны газеты, расписанные, как павлиний хвост. Пусть будет рисунков поменьше, но зато хороших. Не нужно и пестроты. Как правило, заголовок нужно писать двумя красками, чтобы выделить ударные слова.

Был в стрелковом центре. Они хорошо сделали, что организовали курсы младших командиров для всевобуча. Занимаются регулярно. Начальник учебно-стрелкового центра тов. Вяхирев — человек явно не у места. Старый партизан, вот поэтому обком и всунул его в Осоавиахим, а какой от него прок? Никакого! Вообще-то жива еще тенденция смотреть на это общество, как на какую-то богадельню, тихую пристань для всех «немощных», для тех, кого некуда уж больше устроить. Вредная, в корне неправильная тенденция.

3 ноября.

Поругались из-за пустяка с Тамарой. Эти дни ходили оба надутыми. Хорошо знаю, что и мне, и ей хочется кончить эту «ерундистику». Но как же!.. Принцип. Я сделал попытку примирения. Она полезла в амбицию. Ну, и пускай. Во всяком случае, у меня совесть чиста. Признал ведь вину и первым пошел

извиняться. С открытой душой. Не захотела — пускай будет так. Теперь ее черед признавать.

У Салтыкова взял статью о месячном итоге хода всевобуча в Узбекистане. Факты хорошие, но больше отрицательных. А этого нельзя делать в газете. Особенно сейчас. Нужен положительный опыт работы. Из всего явствует, что качество учебы все еще на чрезвычайно низком уровне. А все оттого, что больно бедны мы в этом деле хорошим, квалифицированным командным составом. Многие и рады бы с дорогой душой организовать учебу по-настоящему, но, как говорят, «образование не позволяет». Это хуже всего. Одного желания далеко недостаточно. Учеба самого командного и политического состава всевобуча в ряде районов не развернута. А это — святая святых. Только через повышение качества командирских занятий можно повысить **качество обучения в целом.**

Тогда не случилось бы такого, как на военно-учебном пункте Фрунзенского района. Здесь на первых же строевых занятиях вместо одиночной подготовки бойца без оружия командиры начали отрабатывать тему «Действия бойца в составе отделения».

Третью неделю нет газеты «На страже». Меня это серьезно беспокоит. Закрыли? Или переехала в другое место? Теряюсь в догадках. Возможно, что подкачал транспорт. Ведь «Правда» сегодня только пришла. Это после недельного перерыва. Конечно, недопустимо даже предположить, чтобы «Правда» не выходила. Не может быть этого. Дня три тому назад запросил телеграфом Лебедева о причинах молчания. Никакого ответа. Сегодня запрос повторил. Куда отправлять материалы?

Сегодня первый раз получил хлеб по карточкам. С карточками куда лучше, чем было до сих пор. Без толчеи получил, а пару дней тому назад были непролазные очереди. Набирали, кому надо и кому не надо. Вспоминал, как в Чернигове десяток лет тому назад готовились к отмене карточек. Теперь снова появились. Что же, время весьма серьезное. Переживаем серьезную опасность. Глаза закрывать нечего: такова теперь жизнь.

Случайно в военной кафедре САГУ встретил Горского. Того самого судью по футболу, которого я привозил из Чернигова в Середина-Буду судить междугороднюю встречу. Это было ровно пять лет тому назад. А как многое изменилось. Обещал приехать ко мне, потолкуем о делах «давно минувших дней». Приятно неожиданно встретить старого знакомого. Говорит, что

черниговцев здесь еще прибыло. Узнать нужно подробно — и разыскать.

Цыганкову послал поздравительную телеграмму. Поздравил с Октябрьской годовщиной. В этом году великий праздник проходит особенно. История когда-то скажет о нем свое слово.

Майорова вчера ругалась, что в свое время не послушал ее и не занял предложенной квартиры. Ну, и дал же я маху. Теперь только можно горько пожалеть: «А счастье было так возможно, так близко!..». Увы, не поймаешь.

7 ноября.

Седьмое ноября. Пятница. 24-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. 24 года — почти четверть века — росла наша страна. Из отсталой, вшивой России превратилась в новую, передовую страну, социалистическое государство. И вот мирный созидательный труд нарушен войной... Никогда еще в таких условиях не праздновали славную годовщину. Никогда еще так горячо не волновала судьба родины, как в эти дни, жестокие и грозные.

Утром был на демонстрации. Парада почти не было. Демонстрация тоже не носила такого радостного характера, как прежде. Оно и понятно. Строже стали времена, строже, подтянутее стал и народ.

Днем Тамара снова испортила все настроение. К ней пришли гости, но меня решили обойти. Почему было не пригласить? После я сказал ей, что, на мой взгляд, это, по крайней мере, хамство. И это была не сцена ревности, нет. Впрочем, мне и самому трудно разобраться в создавшейся обстановке. Совершенно ясно, что Тамару я люблю. Совершенно ясно также, что «сей посетитель» мил ей. Стало быть, не я избранник. И, в конце концов, надо думать, это меня бесит. «Унижен и оскорблен» своим собственным бессилием. Печально, но факт.

Говорят, что Саваоф создал мир так скверно, потому что был холост. Вполне возможно. «Любовь и голод правят миром» — это, пожалуй, самый уместный эпиграф к бесконечной истории страданий человека. Говорят, что женщина — возбудитель творчества и гармонизатор жизни. Беру под сомнение, т. к., судя по последнему случаю, получается обратное — дисгармония. Это яд, отравляющий душу. Утверждают, правда, что в небольших дозах яды полезны организму. Фосфор, например,— яд, но без него не проживешь.

Женщины грешат. В самом деле, у моих «соседок» есть мужья на фронте, дети (которые ежеминутно напоминают им об отце), и, тем не менее, это нисколько не мешает крутить амуры. Каждый человек украшен множеством недостатков и пороков, великий грешник против ближнего и самого себя. Известно же, что человек служит вместилищем семи смертных грехов. Но женщины — тем более!

Раздоры у нас с Тамарой потому, что мы пытаемся учить друг друга. Этот недостаток многих как будто нарочито придуман для того, чтобы как можно больше усложнять путаницу жизни. У каждого назойливое желание учить ближних. Было бы куда лучше, если бы мы меньше учили, а больше учились.

У Тамары, а особенно у Ляли, такое чисто женское самомнение о своем «всезнайстве» в житейских вопросах. Уместно напомнить: совершенно верно, что женщины рожают философов, мудрецов, знаменитых ученых, но это отнюдь не значит, что сами они таковыми являются.

В Лондоне в Вестминстере на гробнице Ньютона написано: «Да поздравят себя смертные, что существовало такое столь великое украшение рода человеческого».

Если так с полным правом и основанием можно сказать о самом Ньютоне, то этого вряд ли можно сказать о его матери. Такова логика.

Как бы там ни было, но факт тот, что в душе какая-то сумятица. А под тяжестью душевной падаешь так же, как под физической ношей. Есть такая мысль у Есенина, этого изумительного рязанского «пиита». Мысль хорошая.

Угнетающе действуют на меня бесконечные очереди. Обиднее всего, что происходят они во многих случаях от жадности людской. А, между тем, жадность — это самый страшный вид тупоумия. Будь люди менее жадны, они были бы куда более сыты и более умны. Это не парадокс!

Снова встал вопрос о квартире. Не хочется жить здесь, ибо каждый приход к Тамаре ее кавалеров выводит меня из равновесия. Так дальше продолжаться не может. Кроме того, хочется уйти из этого дома в отместку за всю черную неблагодарность хозяйки. Тетушка Дуня («Эх, Дуня, Дуня я — Дуня, ягодка моя!») совершенно не ценит всей пользы, которую получает от того, что я живу у нее. Ну, и пускай себе! Вот вселят вместо меня человек 5–6, тогда попляшет по-иному. Не

изведав горького, не познаешь сладкого. Так говорят старики. А это, стало быть, проверено самой жизнью. От нее и исходит.

12 ноября.

Наконец-то дошел и мой черед. Перерегистрация принесла свои результаты. Забрали на пункте паспорт и выдали явочный лист. Итак, завтра в 12 часов должен быть в военкомате на явочном пункте. Снова в армию. Как в 1936 году в Середина-Буде.

Слыхал, что отправят на курсы. Оно — хорошее дело. Быть командиром Красной Армии великая честь. Особенно теперь.

Начинается новая армейская жизнь. Суровая, напряженная.

Вчера начались проводы. Вечером была Клава Майорова. Нашла для меня хорошую квартиру, но, увы, теперь поздно. Переезжать нет смысла. Твердо решил оставить все свои «манатки» на попечение Тамары Николаевны. Сегодня даже заготовил ей специальную доверенность.

Прощался в ЦС. Полковник Михайлов поблагодарил за мои труды (а ведь я ему принес много неприятных минут) и пожелал успехов! Напутствий много. Хороших, сердечных.

Вечером Тамара начала «въезд» в мою комнату. Еще раз признался ей в своей горячей искренней любви. Жалко оставлять. Но ничего. Интересы родины, интересы обороны — превыше всего.

А все-таки, все-таки — жалко. Привык к Ташкенту, к друзьям, знакомым, к каждой улице, к трамваю. Все придется бросить. Может быть, и навсегда. Но нет! Верю в возвращение. Кончатся грозные дни, и заживем мы снова по-хорошему, весело, счастливо. Снова встретимся в кругу друзей, товарищей, подруг. И вспомним тогда сегодняшний день.

Ташкент

18 ноября.

И снова во Фрунзе. Никак не думал, что так получится. Теперь уже в роли курсанта Фрунзенского пехотного училища. Говорят, что через 4 месяца будем лейтенантами. Хорошее дело. Еще в Ташкенте было видно, что военкомат подобрал «солидный» народ: всех с высшим и средним образованием. Значит, будут готовить командиров.

Наталия Сергеевна, моя старая знакомая по полку, провожала своего мужа. Он тоже со мной в одной команде. Вообще

собрался народ пожилой. Один не случайно назвал меня «сынком». По возрасту я — один из молодых.

Дорога во Фрунзе была очень интересной. Будущие бойцы веселились всю дорогу. Особенно памятна станция Луговая. Ожидали здесь часов 8, и, как бы прощаясь с «гражданскими» порядками, товарищи кутили, изощряясь во всяких «вольностях».

Ночью добрались до Фрунзе. Как и в первую мобилизацию, еще в 1936 году, выстроили и повели в казармы. Попали в пехотное училище. Лучше было бы, конечно, попасть в Ташкентское пехотное училище им. Ленина: там все более благоустроено. Стационарное училище.

Несколько дней провели на карантине. Прошли несколько комиссий. Глаза чуть снова не подвели: врач хотела написать «не годен». Но то ли я так просил убедительно, то ли на нее подействовали мои заверения, что в армии я же был и видел, куда стрелять, но она написала положительное для меня заключение.

Факт тот, что я теперь курсант. Снова началась армейская жизнь. Хорошее совпадение. Во время службы по призыву я тоже был в 3-м взводе и в 3-м отделении. И теперь «так само», с той лишь разницей, что теперь я — командир отделения.

Кончилась вольница. Вчера еле отпросился в город. Уж больно хотелось зайти в ЦС, увидеть Марию Павловну и майора. Был и увидел. Встретили меня хорошо. Марии Павловне даже пришлось оставить на память фотографию. Послал телеграммы в редакцию, Банникову, Тамаре и Сакович. Сообщил свой адрес.

Во Фрунзе настоящая зима. Мороз беспокоит основательно. Тем более что здесь — не дома. Приходится утром затемно выходить на улицу, умываться ледяной водой. По-суворовски. Хорошо, что нет грязи. Мороз куда лучше переносить, чем ташкентскую слякоть. Скучаю, основательно скучаю по Тамаре. Вот теперь больше, чем когда бы то ни было, я понял, как крепко ее люблю. Так уж положено, так всегда получается: что имеем — не храним, потерявши — плачем. И это — искренне. Рисоваться, выдумывать мне нет смысла, незачем. Теперь осталось лишь жить воспоминаниями. Обязательно попросить нужно ее фотографию. Пускай будет напоминать мне дорогие черты.

Сегодня начали заниматься. Нагрузка небольшая. Говорят, что это пока. Вообще-то сравнивать с тем, что у нас было на

учебном пункте полка, и не приходится. Там куда большая была нагрузка и требовательность. Здесь, в школе, командиры требуют мало, «штатские» привычки не устраняются. Что будет дальше, увидим. Впереди еще три-четыре месяца учебы. Нас уверяют, что четыре, но, говоря откровенно, мне не верится, чтобы сейчас, в такой напряженный момент, мы не потребовались на фронте раньше. Тем более что наши предшественники тоже должны были заниматься четыре месяца, но уехали в действующую армию через два. Вполне возможно, что такая участь ждет и нас. Ну, и что же! Пускай! Раз нужно, так нужно. Потребует страна, и поедем, хоть в самое пекло, хоть к праотцам в гости.

Человек быстро привыкает к новой обстановке. Начинаю привыкать к новому образу жизни и я. Тем более что армейская жизнь для меня — не новость. Не так давно служил трудовому народу, был перерыв, теперь снова.

Снова на вечерней перекличке выкликалось и мое имя. Снова отвечаю: «Я». И все-таки, несмотря на ограничения, несмотря на зависимость, армейская жизнь хорошая, имеет много своих специфических непередаваемых прелестей. Военная жизнь — хорошая жизнь. Хоть и суровая, но хорошая.

Фрунзе

20 ноября.

Итак, прошел еще один день армейской жизни. Наш помкомвзвода тов. Цимбалюк — хороший парень. Оригинал. Командует классически. Некоторые шутят: командует на полк.

Материальное обеспечение занятий плохое. Может быть, это пока. Но уже пора бы учебе развернуться по-настоящему. Сейчас не время для долгой раскачки.

Программный материал пока легкий. Все это давно известные вещи. Ничего нового. Заниматься легко. Может быть, потому, что служил в армии. С сегодняшнего дня начали усиленно питаться, получаем масло. Вообще-то аппетит появился исключительный. Дома никогда такого не было. Блюда никак не претендуют на изысканность (далеко им!), но, тем не менее, съедаешь все, и еще хочется.

Отделение у меня «смиренное». Все ребята подобрались тихого нрава. Впрочем, говорят, что в тихом омуте ... Уроки по Уставам проходят нудно. Сухое это дело.

23 ноября.

Сегодня воскресенье. Написал много писем. Думаю, что ответят. А как радостно будет получить из дома весточку. Хоть не от родных, так от знакомых. Пишут письма и соседи по казарме. Кто родным, кто знакомым, кто своей возлюбленной. И каждый вкладывает в конверт кусочек своей души, кусочек сердца. Получу ли я ответ от Тамары? А, может быть, мое письмо она просто примет как очередное чудачество? Поймет ли? Если нет, то будет очень горько. Обидно. Ведь теперь Тамара для меня — единственно близкий человек.

Занимаемся много. Правда, меньше, чем когда-то на учебном пункте полка. Вот тогда действительно «гудели ноги», командиры «давали жизни».

Погода испортилась. Днем распускает, становится грязно, приходится шлепать по грязи. А на строевые занятия все равно выходим каждый день. И это необходимо, потому что воинской выправки, четкости у нас пока нет. Казалось бы, чего проще — правильно, по-уставному подойти к командиру. А вот начинаешь делать, и не выходит. Нужны тренировка, тренировка и тренировка. Только тогда можно довести приемы до автоматизма.

Нравятся занятия по штыковому бою. И мне кажется, что я начинаю овладевать приемами боя винтовкой со штыком. Изготовка к бою, перемена изготовки, повороты и движения постепенно осваиваются.

Положение на фронте серьезное. Враги бросают в бой все новые и новые резервы. Как видно, придется и мне участвовать в весенней кампании. Весной, надо полагать, развернется контрнаступление. К тому идет дело. Осложняется положение и на Дальнем Востоке. Японцы шевелятся. Бряцают оружием.

Становлюсь совсем ротным запевалой. Репертуар, правда, узковатый. Старые армейские (строевые) песни позабыл. Поем все больше «Москву майскую». Надоела уже. Все, даже самое лучшее, употребляемое часто, становится приторным. Так-то!

24 ноября.

Сегодня получил первое письмо из Ташкента. Написала Броня. Оказывается, к ним в первую комнату вселили двух эвакуированных. Можно поздравить с уплотнением. Пишет, что Тамаре пришлось воевать за свет. Отвоевала.

Прислала записку от Лебедева. Он послал ее 18 октября, а я получил только сегодня. Сообщает печальные вести. Редакция наша перестала существовать в Москве. Возможно, будет выходить в Тюмени. Рекомендует написать в ЦС Осоавиахима СССР. Сегодня написал письмо лично председателю тов. Кобыльских. Может быть, поможет получить причитающиеся компенсацию, зарплату и пособие. Может быть! А то ведь жалко. Не везет мне, обязательно стрясется чего-нибудь.

Броне написал письмо. Поблагодарил за внимание.

Погода совсем раскисла. Снег, дождь и грязь. Хуже всего такая слякоть.

Занятия идут своим чередом. Ничто их не нарушает.

30 ноября.

Теперь весь занумерован. Винтовка № 2478, противогаз № 603, вешалка № 189. Уже и дежурил по роте. Одним словом, началась «полная» армейская жизнь.

Суровая... Сегодня выходили на тактические занятия. За город. Устал чертовски. Последнее время нажимают на тактику. Оно, конечно, и правильно: тактика — основа основ.

Разговаривал с Цыганковым. Числа 2-го думает ехать в Ош. Просил заехать в Ташкент — обещает. Было бы очень хорошо. Особенно приятно, если бы он лично отвез привет Тамаре и хозяйке.

От них ничего нет. Видимо, Тамара еще не получила письма. А, может быть, просто посмеялись с Лялей над моим признанием, и только. Жалко. Теперь Тамара как будто стала мне родной сестрой.

А может быть, не доходят письма. Когда дежурил, сам убедился, что с письмами обращаются небрежно.

Заниматься самостоятельной подготовкой почти не приходится. Негде. И это очень плохо. Так как знания, полученные на уроках, безусловно, необходимо закреплять самостоятельной подготовкой. Истина совершенно понятная.

Только что на вечерней поверке спели «Интернационал». Отбой. Ложимся спать. Кое-где народ шепотком обсуждает события прошедшего дня. Тем более что сегодня начальник училища похвалил нашу комнату за внутренний распорядок. А уж наш начальник — человек весьма требовательный. Крепко требовательный.

Дни идут быстро. Несмотря на то, что каждый день значительно длиннее ташкентского (по количеству рабочих часов), время проходит все же куда незаметней. Некогда, как говорят, и вверх взглянуть. Некоторым (из бывших «больших» начальников) такая нагрузочка приходится не по душе. Ничего, обвыкнут. «Гражданский дух» скоро пройдет. Штатские привычки отойдут в область предания. У некоторых, правда, они отмирают со скрипом, с большой болью, но, так или иначе, исчезают. И это хорошо.

Плохо, что не взял подшивку «Боевой подготовки». Здесь она пришлась бы кстати. В «Боевой подготовке» уйма материалов, которые сейчас явились бы ценнейшим пособием по тактике, огневой и другим видам подготовки.

Цыганков рассказывает, что «На страже» должна выходить. Вот только неизвестно где — в Куйбышеве или в Тюмени. Из редакции до сих пор ничего нет. Из ЦС тоже. Когда будет, аллах его ведает. Надежды на получение денег весьма незначительны.

А пока там будут разбираться, рядиться, подоспеет время отправляться на фронт. Не на бал, не на плац-парады готовят ведь нас! Все будем во 2-й армии. Это как дважды два — четыре. Сомнений не может быть.

1 декабря.

Целый день были в поле. И ночью тоже. Как нарочно, разверзлись небеса, зарядил дождь. Капли текли за ворот, нависали на ресницах. Дождик паршивый. Мелкий, надоедливый. Днем пришлепали на час домой, в казарму, а затем снова за город. Отрывали ячейки для стрелка-пулеметчика. Рыли ночью. Ведь оборона будет организовываться, главным образом, ночью. Днем пехота отсиживается в окопах и блиндажах. Получил от командира роты благодарность перед строем за хорошую отрывку окопов. Приятное дело.

Днем дождишко, надоедливый, как осенняя муха, действовал на нервы. Основательно вымокли, замерзли так, что шинели задубели, носы посинели. Воображаю, что сказали бы знакомые, увидев меня в таком непрезентабельном виде. Брр!..

Но ничего! Все это нужно. Чем больше пота в мирное время, тем меньше крови на войне.

Мария Павловна (с которой перезвякнулся вечерком по телефону) посочувствовала тому, что в такую слякоть топал по полю.

В расписании на эту неделю каждый день тактические выходы. Причем многие — ночные. Ребята настроены крепко. Ночные занятия всем по душе. Хоть и холодно, грязно, но весело. Поют бодрые песни.

Погода против нас. Лучше были бы холода.

Писем нет. Чем объяснить? Может быть, потом сразу — «вдруг алтын»?

Оглоблин — сосед по казарме, общий «любимец», здоровенный дядько с огромным носом (труба, а не нос!) — сидит, разматывает обмотки и восхищается тем, что сегодня здорово пел. А пел-то он всего один куплет.

Народ у нас прекрасный. Шутники, острословы. Один старшина отравляет все существование. Мальчишка еще, а орет, как очумелый. Тоже мне начальник!

2 декабря.

А сегодня сушились. После вчерашнего дождя. Солнце, благодатное солнце! Если бы каждый день оно светило так ярко, как сегодня. Если бы и завтра нам ярко светила луна, как сегодня ночью. Завтра ночные тактические занятия.

Вылазки в ночь. Ночной покров — лучший друг пехоты. Под ночным покровом наилучше совершать всевозможные маневры, внезапно обрушиваться на голову противника.

Учебный процесс до сих пор еще не организован как следует. Особенно самостоятельная подготовка. А ее-то особенно важно организовать. Много, излишне много внимания обращается на строевую подготовку. Не нужно сейчас этого. Совершенно очевидно, что строевая подготовка бойца имеет огромное значение, но ею не исчерпывается все. Все сводить к шагистике — неправильное дело.

Миронов в теоретических вопросах не силен. Сегодня на уроке по баллистике путал, путал. Мне все было ясно, но из его объяснений я бы ничего не понял. Подшучивают и другие: «теория бесконечности»... Правильно отмечают. Но зато он — человек с открытой душой. Простой, откровенной. Безо всяких хитростей и «премудростей», которые так присущи многим смертным.

Случайно в блокноте нашел «Договор» между мной и Тамарой. Датирован 23 октября. Прошло больше месяца с того памятного вечера, когда шутили, составляя этот «Договор». Все прошло и не вернется. Правильно: все течет, все меняется.

Активного образа жизни (в смысле общественных дел) не веду. Нужно максимум времени на учебу. Этому подчинено все. Целый день крутишься, как белка в колесе.

На Южном фронте у Тимошенко радостные события. Наши отбили Ростов, нанеся немцам большой урон. Браво, браво!.. Браво красным героям, которые умножают славу русского оружия.

По вечерам наша комната превращается в своеобразную лабораторию, в которой всяк занят своим делом. Одни читают, другие пишут, третьи просто калякают. Обстановка, надо сказать, не благоприятствует самостоятельной подготовке. Но куда денешься. Нужно разучивать новые боевые песни. Песня в Красной Армии — великая сила. Она помогает на марше, звучит в казарме, вливает в бойца силу, энергию. «Нам песня строить и жить помогает». И действительно, «кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет». Песня — боевая подруга.

Вечерняя проверка. Торжественный акт. «Смирно!» — и по имени вызывается весь личный состав. Объявления. Наряд на следующий день. Затем торжественные, неумирающие слова пролетарского гимна:

Это есть наш последний и решительный бой!..

Вечерняя заря. Отбой.

3 декабря.

Снятся какие-то странные сны. То Речица, то Хойники, то Городня. Одним словом, от ранних дней и до последних. Все это, конечно, ерунда. Старики сказали бы, что это не к добру. Но стоит ли верить в ерунду. Чепуха!

Все поле и поле. Сегодня на поле были с утра и до полночи. Наблюдал восход луны из-за снежных цепей Тянь-Шаня. Замечательный вид! Огненный диск быстро поднимался из-за гор. Обрызгав позолотой всю кромку неба, он становился все больше и больше, предвещал мороз.

Сегодня к концу занятий поднялся сильный ледяной ветер. Поддувало основательно. Дома бы в такой ветер и носа не показал на улицу, а тут... И не мерзнешь. Все дело в привычке.

От Тамары и вообще из Ташкента ни звука. Обидно, что люди так скоро забывают.

В поле занятия по организации поста ВНОС прошли неорганизованно. Одна только полевая обстановка еще не гаран-

тирует полностью качество, поучительность занятий. И в поле можно заниматься пустой тратой времени. Частые хождения утомляют. Но стоит ли обращать на это внимание! Тем более нам, «пешехонцам». Без маршевой втянутости что же за пехота!.. Грош ей цена.

Никак не выберу времени написать письмо Кате. А нужно. Но от подъема до отбоя времени нет. Сегодня даже не хватило на то, чтобы как следует побриться: боялся опоздать на построение.

Начинаю дружить с Филатовым. Мы из одного взвода. Прекрасный парень.

4 декабря.

К полудню подул свирепый ветер. Спасались за высоченным стогом. Дело идет к снегу. Черные, свинцовые тучи заволокли небо. Но неужели они принесут дожди, и снова начнется грязь?

Ползали по-пластунски и на четвереньках. Ну, и достается же пехоте. Все прижимайся к матушке-земле. Роемся, как кроты. Нагрузка у нас большая.

Ростов снова в русских руках. Все газеты шумно комментируют это событие. И на самом деле, победа Красной Армии на Юге — самое сильное поражение немцев за время войны. Бегство отборных частей Рундштедта из Ростова — свидетельство мощного советского наступления. Радостное событие. Наш непобедимый народ отстоит свое право на счастье. Наш человек, как костромской крестьянин Иван Сусанин, готов пасть смертью героя, но не отдать врагам ни пяди своей земли.

У нас новый командир взвода. Знаний у него маловато, опыта еще меньше, но зато есть желание, стремление к работе, а это — главное.

Первое же занятие на тему «Боец в наступлении» провел куда лучше, интереснее, чем это организовывал старый комвзвода. А вообще-то, конечно, следовало бы выделять командиров более подготовленных, особенно учитывая, что заниматься мы будем короткое время. Ведь чем короче срок обучения, тем выше должна быть подготовка преподавателя. Истина бесспорная.

Происходят непонятные вещи. Ночами не спится. Рядом соседи спят, как убитые. А я просыпаюсь сразу же после полуночи. Целый день-деньской в походах, на воздухе, казалось бы, только и спать богатырским сном. Сегодня снова снилась Та-

мара. Как будто я заезжал домой и видел ее. Будет ли это на самом деле?

Старичкам приходится туго. Не угнаться им за молодежью. Стальной говорит, что в Совнаркоме ему было куда легче работать, чем теперь «чисто» делать ружейные приемы. Ничего, Стальной! И ружейными приемами тоже овладеем мастерски. Раз нужно — значит, можно! Особенно, когда речь идет о счастье, о благоденствии Отчизны.

В Доме Красной Армии видел «Киноконцерт». Вспомнил Лялю. В «Родине» видел эту же картину вместе с ней. Вспомнил, как тогда один разбитной незнакомец приглашал нас выпить пива. Понравилась ему Ляля. Вышли тогда мы с ней, шли по улице Навои. И вот так же светила тогда полноликая луна, было радостно на душе. Все прошло!.. Остались лишь воспоминания.

7 декабря.

Сегодня, в воскресенье, совершили марш. Собственно, и не марш, а маршок. Маленький. Но с непривычки и он в тягость. Оказывается, маршевая втянутость достигается не так-то легко. А, между тем, это один из решающих моментов боевой подготовки войск, особенно пехоты. Я никогда не отставал в походах, не отстал и на сей раз, несмотря на то, что ботинки жмут адски (пренеприятнейшая штука, хуже зубной боли).

С дисциплиной марша у нас еще не все обстоит благополучно. Разговаривают в движении, привалы используются не с максимальной пользой для отдыха организма.

Вечером получил письмо от Нинушки. Приятно. Перечитал несколько раз. Благодарит за открытку, сочувствует тому, что холодно. Уж кто-кто, а Нинка знает, что мерзляк я отчаянный. Всегда ведь упрекала меня в этом. Просит, чтобы я писал ей побольше. Напоминает о последнем вечере с угощением. Поздно я начал активное наступление. Как всегда, опоздал. Как видно, таков уж мой удел. А ведь Нинка меня крепко любила и неоднократно давала мне понять это. Может быть, это и плохо. Надо ей написать хорошее, теплое письмо. Написать: «Ты мне что-нибудь, родная, на прощанье пожелай!..»

Читал сегодня свой дневник. Интересно вспомнить прошлое. Вот только беда: товарищи рекомендуют отослать дневник домой. Пожалуй, они правы. Нельзя брать дневник на фронт, нельзя из многих соображений. Мало ли чего может случиться.

9 декабря.

Город еще спал. Лишь кое-где мерцали огоньки, как светляки одинокие. А мы шагали. Шли на стрельбище к горам. Форсированный марш на 12 километров. Добрались до подошвы гор. Занималось утро. Солнечные лучи играли на домах далекого кишлака, на снежных вершинах.

И внезапно подул ветер. Туман густой пеленой сползал с гор, застилал все на свете. Стрелять пришлось в молочном тумане. Мишень видна еле-еле. Но из трех возможных попал два раза. Хорошо. Добрались домой к вечеру. Устал основательно. В общей сложности отмахали километров 30. Некоторые утверждают, что даже «с гаком». Возможно.

С похода возвратился, и приятный сюрприз: письмо от Людмилы Соколовской, домашнее прозвище Джигитик. Пишет, что Сережа передает мне привет. Спасибо, друг. Джигитик учится. Надо думать, как всегда, хорошо. Спрашивает, как я чувствую себя в новой обстановке.

В самом деле, чувствую себя неплохо. Холодновато только. Да, зачастую, тяжеловато. Но тяжело в ученье – легко в бою.

Снова послал телеграмму капитану 1-го ранга Кобыльских. Безобразие. До сих пор не прислали расчет. А без денег приходится туго. Хорошо, достал немножко здесь.

Произошло событие величайшей важности. Япония напала на США. Мировая бойня не свертывается. Наоборот, в свою орбиту втягивает все новые государства, новые миллионы людей. В интересное время мы живем.

11 декабря.

Шел крупный снег. А затем к полудню разгулялся день. Были за городом в лагерях. Замечательный зимний пейзаж. Ветвистые деревья, запорошенные снегом, и яркое солнце. Совсем как на Украине или в Подмосковье. Не хватало только расписных саней да лихой тройки орловских быстроногих рысаков с бубенцами. И заискрился бы снег! Природа всегда на меня производила сильное впечатление, вызывает мечтательное настроение.

Получил письмо от Тани из Ташкента. Рада тому, что я нахожусь недалеко от Ташкента. Маленькое утешение. Приятно и радостно сознавать, что и обо мне народ не забывает. Пусть и пишут небольшие письма, но не в этом ведь дело. Мал золотник, да дорог. Каждый вечер с нетерпением жду письма от Та-

мары, но, увы, ничего нет. Почему? Неужели не получила моих писем? Неужели?

13 декабря.

Ровно месяц, как из Ташкента. Ровно месяц с тех пор, как простился со своими. (К людям скоро привыкаешь и называешь их своими.) Все-таки к Тамаре и хозяйке (несмотря на все ее минусы) привык и теперь частенько нет-нет, да взгрустну о них. Может быть, это еще и потому, что больше у меня никого нет, а каждому одинокому человеку приятно иметь хоть когонибудь близкого.

Когда наблюдаю, как к другим приходят товарищи, мамаши, друзья, то становится обидно: почему не ко мне? Чувство одиночества — неприятное чувство. В Ташкенте были друзья, знакомые, но все ушло.

И это из-за проклятых немцев! Мстить им, мстить... Беспощадно, безжалостно, мстить за поруганную Родину, за сожженные города и села, за нарушенное свое счастье. Кровь за кровь, смерть за смерть!.. Вот наш боевой лозунг.

И фашистской кровожадной своре
Не собрать вовек своих костей...

Колотить немцев начали основательно. Их хваленый ефрейтор пусть начинает задумываться и понимать, что Россия — это не «Франция на блюде». Недаром и немецкие солдаты вместо отдыха в Ленинграде и Москве пока все еще сидят голым местом на снегу и домой открытки пишут: дескать, спим на снежном пуху, одеты в рыбьем меху, а харчи такие: день не едим, два не едим, третий погодим и опять не едим ... А тут еще подкузьмил ефрейтора город один, который он, надо полагать, называет так: Разгромна-Дону. Такие города теперь будут попадаться все чаще.

И врагу от смерти неминучей,
От своей могилы не уйти.

У нас закончился первый период обучения: одиночный боец. Впереди еще самое главное, самое большое. А там и фронт. Закончить бы только учебу.

В воскресенье обязательно нужно дозвониться к Тамаре. Самому, может быть (и наверняка), не удастся вырваться на междугородную, но обещала помочь Мария Павловна. Сегодня договорился с ней, и она взяла все хлопоты по устройству разговора на себя. Вот и хорошо.

Вечерами сражаемся в шахматы. Есть такие доморощенные Капабланки, что хоть куда. Власов, хоть и не Хосе Рауль, а всего лишь Георгий Иванович, хоть и не кубинец, а фрунзевец, но среди нас — Капабланка. Выигрывает.

14 декабря.

Браво! Ура! Немцы беспорядочно отступают. Ура, мы ломим, гнутся фашисты. Еще напор, и враг бежит, бежит, бежит... Когда политрук сообщил нам последние сводки Информбюро, стихийно возникла буря аплодисментов. Каждый, кто любит свою родину, как родную мать, как невесту, не может не волноваться, не радоваться этим сообщениям. Нам, как видно, придется добивать врага. И то хорошее дело. А, может быть, придется встретиться на бранном поле и с самураями? Возможен и такой вариант — неспокойно на Дальнем Востоке.

...Мария Павловна, кажется, поступила по-свински. Тамару не вызвала по телефону. По крайней мере, сама не пришла на переговоры. А ведь обещала. В ЦС встретил товарища из Москвы. Рассказывает, что редакция переехала из столицы еще 16 октября. Это значит, что последнего моего авансового отчета там не получили. Для меня это совсем нехорошо. Пухов из ЦК КП(б)К (тот, с которым ухаживали за фрунзенскими Дульцинеями) меня сразу и не узнал. Говорит, что в армейской форме выгляжу совсем по-иному.

Неудачно дежурил по пищевому блоку. Все оттого, что много еще на белом свете жулья, которое не прочь нагреть руки на общественном добре. Где только возможно (и даже невозможно), стараются тащить. От кого же тащите, от своего же мужика тащите!

Как бы там ни было, но фактом остается то, что смотреть за отдельными людьми надо в оба.

Большая радость. Получил письмо от Тамары, читал его раз, два, три... Снова перечитывал. Тамарочка, дорогая. Пишет: «Сейчас резко почувствовала Ваше отсутствие, и также должна сознаться, что я во многом была не права». Вот лучшая награда за все мои мытарства домашние. Почему я все-таки дома «мялся» со своими чувствами, почему не сознался чистосердечно, что люблю ее до чертиков, крепко? Чудак! Если бы можно было бы, обнял бы ее сейчас крепко, крепко. Но, увы, остается мечтать о возможной встрече. И она будет! Иначе не может быть. Хоть когда-нибудь, но будет. Верю в это.

Привет от Вовочки и Наташи. Карапузики. Прибегут ли снова они ко мне в комнату, расскажут ли о своих детских заботах, тревогах? Хотел бы увидеть сейчас их снова (признаюсь откровенно), особенно Наташку. Получил также письма от Брониславы и Ляли Богдановой. Пишет теплое письмо. Ляля обещает, что моя «просьба об оказании помощи Коваль, если потребуется, конечно, без ответа не останется. Сделаем все, от нас зависящее».

Большое спасибо, старые друзья. Приятно знать, что они не забывают обо мне. Это лучше, чем любое богатство. Привет присылают полковник, батальонный комиссар Апполуп, Шумило. Марк Константинович особенно хорошо понимал меня, а я его.

Всем напишу письма. Напишу, что встретимся, друзья, хоть «в 6 часов вечера после войны», но встретимся. Иначе быть не может!

23 декабря.

Долго не брался за дневник. Не потому, конечно, что лень. Нет. В эту неделю была особенная нагрузка. (Ни сна, ни отдыха!) Да еще подпортила погода. Оказывается, теперь она приобретает для нас особое значение. В один из дней, как только ушли на тактику, начался снег. Мокрый, паршивый — лепил все время. Промокли и замерзли до мозга костей. А вечером — снова рыть противотанковые щели. Грунт — одна галька. Одним словом, достается нам крепко.

Военная обстановка требует высоких темпов обучения и высокого качества его. Бесспорно, все эти качества приобретаются в поле, на тактических занятиях, проводимых в условиях и обстановке, максимально приближенной к боевой. Сидя в теплом классе, тактики не познаешь, сноровки не приобретешь.

Все это так. С первой частью. Хуже со второй — качеством занятий. А ведь это — решающее. Проходили мы «бой отделения в глубине обороны противника», а вот как же все-таки вести очистку окопов, как удержать занятый рубеж и многие другие важные элементы — эти вопросы остались неразрешенными.

Плохо, что нет времени на самоподготовку. Куда полезнее было бы прочесть ряд хороших материалов, чем тратить попусту время на ночные выходы, которые плохо организуются, а отсюда и приносят мало пользы. Вчера по душам беседовал с комиссаром батальона. В некоторых вопросах он солидарен

со мной, рекомендует нажимать на самоподготовку. Сказал ему, что это все правильно, так же, как и то, что мне и моим товарищам (теперь уже по оружию) жизненно интересно, наконец, просто необходимо (наш долг перед Родиной!) подготовить себя квалифицированными командирами. Ведь, в конечном счете, нам поручат десятки жизней, и мы должны будем повести их в бой. Высокая миссия! Весьма ответственная. И к ней нужно готовиться со всей серьезностью, с высоким сознанием своего долга перед народом.

25 декабря.

Дни стали еще более загруженными. Занимаемся теперь и после обеда. Нет времени отдыхать. Да и можно ли теперь предаваться покою?! Конечно, нельзя. Не время.

Война в разгаре. Всесильный гнев всего передового человечества против гитлеровской тирании разряжает револьверы. Фашисты умеют мучить людей, и люди ненавидят их, даже мертвых: их не хоронят, их закапывают.

Война продолжается. Она кончится только тогда, когда последний гитлеровец упадет, обливаясь кровью. А пока война не кончилась ни в Минске, ни в Польше, ни в Норвегии, ни в Югославии. Каждый дом становится крепостью — будь то рыбацкий дом в Бретани или украинская хата. Плачьте громче, немки, запаситесь носовыми платочками. Вам не увидеть своих сыновей. Их кости Гитлер раскидал по всему миру.

Фашистский зверь ранен, серьезно ранен. Он откатывается к своему логовищу. Но раненый зверь — опасный зверь. В последнюю минуту, в предсмертной агонии он может пустить в ход химические бомбы. Нужно нам всем быть начеку. Вот почему и нашему командованию следует больше тренировать нас, главным образом практически, в противохимической подготовке. Нам нужно побывать в газокамере; будучи в противогазе, действовать с оружием, перебегать и переползать; преодолевать с помощью чулок, шинелей, матов зараженные участки; уметь дегазировать винтовку и т. п. Только практика дает необходимую закалку и сноровку.

Сегодня получил сразу два письма. От Нины и от Клавы Майоровой. Первая, конечно, расчувствовалась, а вторая написала холодно. Нина — чудачка или таковой представляется. Все еще думает, что я к ней неравнодушен. Напрасно. Пишет, что хотела бы услышать от меня откровение. Тоже напрасно. Пра-

вильно оценивает наши отношения Клава. Впрочем, знаем мы друг друга очень мало, и сказать что-либо определенное трудно. По меньшей мере, рискованно.

Из Тюмени ответили. Обещают (собственно, уже выслали) 600 рублей, а окончательный расчет будет после получения необходимых материалов из Москвы от Редиздата. Удастся ли только им чего-нибудь оттуда получить? Вот вопрос. Но хорошо, спасибо и на этом. В теперешнем моем положении это большая поддержка.

Тем более что и денег-то почти совсем не надо. Даже странно как-то. Живу, живу, а 10 рублей хватает аж на неделю. Благодать!

Собираюсь отвечать на письма и все никак не соберусь. Людмиле-Джигиту начинал, было, послание два раза — и все никак не начну. Сегодня еле-еле успел побриться, а дневник приходится писать после отбоя. Посягаю на долгожданный отдых, благо нет ночных занятий.

Скучаю без Ташкента. Особенно без Тамары. Скоро Новый год. В прошлом году (вернее, в уходящем) встречал его совсем по-иному. Приехал из Самарканда и отпраздновал в кругу друзей. Теперь по-иному. Не в смысле друзей, а обстановки. Какие большие изменения и только за год! Жизнь — хитромудрая штука.

26 декабря.

Кругом меня искололи. Уколы и уколы. Говорят, профилактика. Сегодня целую ночь не спал, а утром еле поднялся. Все от профилактики. Но ничего. Все пройдет, а зато потом не заболею. Заболеть теперь никак нельзя: заболеешь — отстанешь. Догонять всегда трудно.

Вечером разговорились о прошедшем отрядном учении на тему «Организация обороны в стрелковой роте». Мне кажется, что занятия проведены не совсем продуманно. Потратили 16 часов, когда все можно было сделать за 8–10. Лишняя трата времени.

Командир роты, получив задачу на оборону, всегда обязан произвести тщательную разведку района обороны. Как было у нас — неизвестно. Не объяснил также Пархоменко, почему он выбрал именно такое начертание переднего края обороны, а не иное, почему выбраны именно такие огневые позиции. Неизвестно также для нас, курсантов, как была организована систе-

ма огня с учетом задач поддерживающей артиллерии, станковых пулеметов и минометов батальона. Как сочетался фронтальный, косоприцельный и фланкирующий огонь с таким расчетом, чтобы абсолютно вся местность в полосе до 400 метров находилась под обстрелом всех огневых средств.

Наш взвод был во втором эшелоне (взвод поддержки). Командир роты должен был указать, где и как подготовить вероятные направления для контратак. Должен был указать также рубеж для обстрела перед флангом ротного района, порядок прикрытия огнем взводов первого эшелона в случае их отхода, полосы обстрела внутри районного тыла.

27 декабря.

Наконец-то получил немножко денег. На бедность – и то хорошо. Нужно будет запастись теплыми вещами. Отправляясь на фронт, захватить свое теплое белье. Хватит рассчитывать на «казенный счет». Сейчас такое время, что не мешает припасти и свое.

Вчера вечером отрабатывали ночной поиск. Тема очень интересная, но ее скомкали. Недаром кто-то после заметил: «Поиграли в кошки-мышки». Пожалуй, он прав. На такую интересную тему дали так мало времени. Почему? Неужели не ясно, что, не усвоив как следует этой темы, многие в случае необходимости не сумеют организовать ночной поиск, даже организовать ПРП на фронте. На фронте некогда заниматься изучением элементарных вещей. Там не спросишь: «Стальной, а сколько осталось до конца занятий?» (Как это делают некоторые здесь.) Там воюют, и даже самая маленькая ошибка может привести к большой катастрофе, к проигрышу сражения. Так я понимаю. Командирам надо больше готовиться. Это факт. Чтобы не было таких казусов, как с Мироновым. Ему подсунули ложевой винт от СВТ, он его принял за винт от затвора, вертел, вертел и никак не мог приспособить. Да и трудно было приспособить. Такая «подготовка», конечно, ударяет по престижу командира, его авторитету в глазах подчиненных.

Проходили бой стрелкового отделения в лесу. Сейчас эта тема приобретает особенное значение, т. к. фашисты во многих местах втянулись в леса. Они пытаются мелкими группами автоматчиков по лесу обтекать фланги наших частей. Отсюда наша задача: правильно строить тактику, целиком используя заградительные свойства леса. В лесу нужна тесная увязка си-

стемы огня с системой естественных и искусственных заграждений. Нужно тщательно оборонять стыки дорог и троп. В борьбе с просочившимися группами противника большую роль играют вторые эшелоны. Они придают обороне активный характер. Именно они препятствуют попыткам врага проникать к огневым позициям артиллерии, обтекать фланги наших частей. Оборона в лесу должна быть глубокой и активной. В лесном бою многое зависит от самостоятельности действий низшего звена командного состава, индивидуального (частного) почина командиров и бойцов, четкой организации взаимодействия внутри подразделений. В лесу широко применяется тактика обхвата и обхода неприятельских групп. Лес дает большие просторы для скрытого маневра мелких групп. Очень важно в процессе наступления прочно закреплять захваченные рубежи. Нужно также иметь резервы, как живой силы, так и огневых средств. В лесном бою, как ни в каком другом, требуется твердый порядок, дисциплина, методичность. В противном случае очень быстро теряется управление. Нужно также производить выдвижение на рубеж для атаки, начиная с коротких остановок, чтобы успеть подтянуть отставших. Охрана флангов очень важна. И центральными в лесном бою являются вопросы управления, вопросы связи. Тем, что сам вскочишь и устремишься вперед в атаку, бойцов не поднимешь. Потому что многие бойцы, попросту, не увидят командира из-за деревьев и в момент атаки останутся лежать на месте.

Вечерами удается кое-чего записать. Забираюсь в кабинет комбата и веду конспекты. Другого времени не сыщешь. Сегодня вот уже все спят, только бодрствуют дневальные, а я (по старой привычке) второпях пишу дневник. А торопиться нужно. Подъем в 3 часа 40 минут. Осталось спать 4 часа.

Думал дозвониться в Ташкент, к Ляле — ничего не получилось. (Ах, эти почтари — мои исконные враги!)

Утром уходим на тактические занятия. Будем оборонять населенный пункт. Занятие обещает быть интересным. Вот только как его подготовят?

Ночь исключительно хорошая. Лунная. Почти украинская. В такую ночь только бы встречаться парам. По садам и по бульварам...

Эх, эта распроклятая война. Вернее — фашисты, затеявшие ее. Будь они трижды прокляты! И уже прокляты.

Писем не пишу. Не отвечаю. Нет времени ни капельки. Ей-ей!

Скоро Новый год. Доживаем последние дни старого. Знаменательный проходит год. Очень!

29 декабря.

Вчера целый день «обороняли» населенный пункт. Оказывается, бой за населенный пункт и в населенном пункте — один из сложнейших видов боя. Судьба города решается и на подступах к нему, и на окраинах, и в уличных боях.

Совершенно правильно делает командование, приучает нас к уличным боям. Очень нужное дело. Тем более что немцы сейчас базируют свою оборону, главным образом, на населенных пунктах.

День выдался на славу, и нам не пришлось мокнуть. Занятия прошли интересно. Помогли имитационные средства. Большая наглядность, поучительность.

Сегодня удалось выскочить в город (сослался на желание попасть на концерт Руслановой), и там отправил телеграммы. Поздравительные. Думаю, что получу ответ. Неужели народ посчитает ненужным ответить?

Наконец-то удалось дозвониться ночью в Ташкент. Квартира Ляли не отвечала. Дозвонился домой к полковнику. Обещал послать кого-нибудь домой и узнать, почему до сих пор не отвечают Тамара и хозяйка. Что случилось? Неужели не доходят мои письма?

30 декабря.

На стрельбище из пулемета «намазал». Стыд и позор! Даже неудобно перед товарищами. А все потому, что мало тренировался в изготовке. В стрелковом деле, как в любом искусстве, нужна тренировка и еще раз тренировка. После стрельбы понял свои ошибки, но, увы, положение уже не исправишь: выпалил в щит. Стрельба — это все. Каждая пуля должна попадать только в цель.

Банашевский — интересный парень. Оригинальный. Все любит крутить, как цыган солнцем. Тоже его выраженьице. Вообще, насчет всяческих острословий он — молодец. Недаром вращался в кинотеатральном мире. Одним словом, артист.

Дни проходят незаметно. Несколько раз брался дописать Джигиту письмо, но ничего не получается: нет времени.

Последние дни вступил в «единоборство» с гриппом. Он меня донимает основательно, но я не сдался. Кажется, начинаю осиливать.

31 декабря.

Часы отстукивают последние минуты 1941 года. Исторического года. Памятного всему человечеству. Осталось 2 часа, и 1941 год канет в вечность. Нет! Пожалуй, он никогда не будет забыт. Этот суровый, грозный год. Историки будут изучать каждый его день, поэты и писатели будут воспевать события этого года. 1941 год явился началом Великой Отечественной войны моего народа с фашистскими варварами. 1942 год явится разгромом этой коричневой чумы. Он освободит народы мира от гитлеровской тирании. Хотелось бы прожить еще полсотни лет, чтобы рассказать нашим потомкам о великих, славных днях прошедшего года. Может быть, кто-то когда-то (а это, несомненно, будет) скажет словами поэта: «Была то бранная пора...» И позавидует нам, живым свидетелям этих дней. Так будет наверняка!

А ведь для меня еще более интересные дела впереди. На фронте. Ведь не случайно Михаил Иванович Калинин говорил, что на войне человек за один или несколько месяцев переживает то, что в мирное время не переживается и за десять лет, а, может быть, за одно сражение он переживает то, что не переживал и за полжизни. Этому, конечно, надо верить. Это истинная правда. Такая же, как и то, что близок час конца наших испытаний, нашей победы. Наша страна, все мы устоим. Крепко устоим. Как выстояла против натиска наша Москва. Она стоит гордо, с высоко поднятыми шпилями Кремлевских башен. Город русской славы, который в несколько дней думали немцы сожрать, как они сожрали Брюссель или Париж. Не по зубам оказался орешек!

Новый год встречал в иной обстановке, не так, как в прошлом году. Война оторвала от друзей, от старых приятелей. Слов нет, не особенно-то весело. Но что поделаешь. Не у меня одного такое положение. Вся страна встречает Новый год, этот традиционный праздник, не так, как раньше. Но наши праздники еще впереди, и мы, будет время, хорошо их отпразднуем. Обязательно. Будет время! И скоро будет!

Как встречают Новый год там, в Ташкенте? Неужели не вспомнят обо мне? Телеграммы так и не прислали. А от Тамары я ждал весточек больше всего! Оказывается, ошибся. Пускай будет так. Обидно только, когда люди не платят тебе дружбой за дружбу. Одно только слово хорошее, теплое, и то много значит. Дороже целых посланий, хвастливых реляций. Одно хорошее слово дороже многих ценностей.

Перечитал тетради своего дневника. Вот он, год жизни. А там пройдет еще год, два... Вся жизнь. Надо ее прожить так, чтобы потом не жалко было вспомнить. Хорошо вспомнить. Чтобы не стыдно было и рассказать кому-то.

Проходит старый год. Осталось его совсем мало — кусочек времени. Маленький. Прошла еще одна веха в жизни. Что ждет впереди, в 1942 году? До свидания, старый год. Здравствуй, Новый!

Фрунзе

3 января 1942 года.

Живем в Новом 1942 году. В праздники вечером отпросился в город, послушал Русланову (русские народные песни). И еще писал письма. Всем написал. Аж стало легче на душе.

Люда прислала телеграмму, поздравляет с Новым годом. Большое спасибо. Молодец, Джигит. Тамара, конечно, не ответила. Чем объяснить? «И кто его знает...»

Начались обычные занятия, как и в прошлом году. Все идет своим чередом. Каждый день Совинформбюро передает радостные вести с фронта. Наши части развивают успех, добились больших продвижений на многих участках, особенно в Крыму.

Дни стоят замечательные. Лучших и желать не надо. Солнце вступило с нами в союз и ревностно выполняет свои обязательства. Если бы так было подольше!

Самоподготовкой заниматься приходится ночью, после отбоя. Снова переключился на «ночные бдения». Иного выхода нет.

4 января.

Вечером послал телеграмму Тамаре. Что случилось? Чем объяснить долгое молчание? Интересно, каков будет ответ.

В библиотеке Дома Красной Армии достал замечательную книгу «Общая тактика». Было бы время как следует позаниматься по ней, многое узнал бы.

В республиканском военкомате узнавал насчет Бориса. Говорят, разыщут. Скорей бы! А то ведь в Ташкенте ждут ответа. Особенно, надо думать, Бронислава.

Приобрел («достал») кое-чего из теплых вещей. Дорого и к тому же паршивое по качеству. Моя «коммивояжерша» утверждает, что хорошее, но ведь ей иначе и говорить не положено.

Разыскал Богданова. Тоже занимается. Хорошо встретить старого знакомого, не говоря уже о друге!

Тактика и тактика. Сегодня целый день. Основа основ и интереснейшая наука. Почему ее не изучал, как следует, раньше? А ведь можно было. Все возможности были к тому.

6 января.

Отошла коту масленица. Погода совсем опаршивела. Прекрасные, яркие дни сменились слякотью, грязью. Под ногами хлюпает. Холодно...

Дежурил, и удалось проскочить в ЦС. Цыганкова не застал, но с Марией Павловной и Марией Николаевной поговорил вдоволь. По душам. Интересная беседа. Снова восстановились теплые дружеские отношения с Марией Павловной.

Богданова прислала письмо. Благодарит за новогоднее поздравление и желает всех благ. Оказывается, она – молодчина. Хороший товарищ.

Совсем неожиданность. Письмо от Брониславы и «пересылкой» – от Ядьки. Из Харькова она переехала в Аральск. Отправил телеграмму, сообщил свой адрес. Буду ждать подробного письма. Бронислава пишет, что дома с квартирой не все благополучно. Что случилось? Из намеков трудно что-либо понять. Отправил телеграмму, чтобы сообщили подробности. Неужели нажимают на уплотнение? Мне-то, собственно, все равно, но каково Тамаре? А если плохо ей, то, стало быть, и мне не безразлично. Послал телеграмму Богдановой с просьбой выяснить и, если нужно, помочь. Думаю, что сходит ко мне домой, узнает.

Времени свободного для самоподготовки совсем нет. А готовиться, безусловно, нужно. Скоро, совсем скоро зачеты. Вообще, чувствуется по всему, что нас скоро выпустят. Скорее бы в дело!

Сегодня читал, что фашистские изуверы чинят беспримерные зверства. Они уже пролили немало крови советских людей. Эта кровь стоит перед глазами. Мученики взывают о мщении. Тысячи людей, томящихся в фашистских застенках, умоляюще протягивают руки, ждут нас. И мы придем. Скоро содрогнется гитлеровская Германия!

За кровь и пожары, за слезы и горе,
Что в сердце несет страна,
Отплатим кровавой фашистской своре
Огнем и мечом сполна.

Вперед, бойцы! Не выпустим ни одного гитлеровца с нашей земли, где каждый камень вопиет о мщении.

8 января.

Всю ночь падал тихий снежок, ложился на землю, как бы нехотя, и покрывал ее пышным покрывалом. Было рано, совсем рано, когда мы пересекали город. Сонный город. Оставили позади железнодорожное полотно и вышли в поле. Ни один человеческий след не помял еще снежного покрова. Только приглядевшись, можно было обнаружить на снегу тонкий рисунок, что напутали сороки, да цепочку, оставленную осмелевшим зайцем. Кое-где стояли заснеженные деревья.

Шли на стрельбище к горам. Шинели, шлемы в снегу. Перескакивали журчащие арыки, двигались вперед, пробивали тропу. Зима!..

Сегодня хорошо попадал в цель из пулемета. Упражнение выполнил. Радовались те, кто попал, огорчались «мазилы». Досадно, конечно.

К вечеру добрались домой. Тридцати километров как не бывало. Немножко (только немножко) устал. Вообще-то маршевая втянутость улучшается с каждым днем.

Писем нет. Может быть, так и лучше?

Скоро принимать присягу. На верность Родине, советскому народу. И быть верным ей до конца своей жизни!

10 января.

Нет ответа и на телеграмму с оплаченным ответом. Прошли все сроки, а Тамара — ни звука. Чем объяснить? Может быть, потом найдет причины и сообщит... Но какие могут быть оправдания?

Правда, в старых немецких хрестоматиях помещался обычно классический рассказ об одном коменданте крепости, которого призвали к ответственности за то, что не встретил салютом какое-то проезжее высокое начальство. Чтобы оправдать себя, комендант составил длиннейший рапорт, в котором привел 16 причин, помешавших ему воздать должное начальству. Он ссылался и на отсутствие канонира, и на то, что был туман (помешал вовремя разглядеть начальство), и на сырость в пороховых складах. И только шестнадцатой причиной стояло: «Вот уж сорок пять лет, как в подведомственной мне крепости нет ни одной пушки». Вот такой «опровергатель». А ведь стоило не перечислять первые пятнадцать причин, а обнародовать только шестнадцатую...

Невольно размышляешь: вот она, дружба. Легко быть верным в дни счастья. Очень легко любить, когда это не требует жертв. Но подлинная цена дружбы, любви узнается только в дни беды, в дни тяжелых испытаний. Нужно уметь быть верным, найдя в себе силы вынести то, что переносит другой, разделив с ним трудности, встав на защиту всего, что дорого, чему грозит опасность.

Сегодня дежурил ночью. Под ногами хрустел жестко снег, вставала красная луна, мороз щипал лицо и забирался под воротник. Зима! С морозами, со снегом. Трудная пора.

13 января.

«С Новым годом, дорогой друг!..» — так начала свою открытку Тамара. Очень тронут таким обращением. Дорогой друг!.. Хорошее слово, теплое.

Да, Тамара — мой друг. И даже больше. Когда так случилось — трудно сказать. Но факт тот, что случилось. И я нисколько не жалею. Наоборот. Наконец-то обрел настоящего друга.

Получил письмо и от Брониславы. Объяснила все перипетии, происшедшие с вселением в квартиру. Какие-то нахалы возжелали занять квартиру. Я-то, собственно, ничего не теряю, но ведь ухудшится жизнь Тамары.

Все поле и поле. Окрестности Фрунзе исколесили и вдоль, и поперек. Исходили, исползали. Сегодня «наступали» далеко за городом. Конфигурация местности прекрасная. Командовал взводом. Как будто получилось не так уж плохо. Развернулись и передвигались по промежуточным рубежам хорошо. Хуже с прорывом переднего края обороны. Ближний бой не получается. Плохо! А ведь исход боя решается именно в ближнем бою.

Снова напирают на строевую подготовку. Приходишь вечером — ноги гудят. Говорят, что скоро будет парад, а поэтому де нужна выправка. Поправляюсь. Все говорят, что поправляюсь. Воздух, нормальный образ жизни (хоть и тяжелая физическая нагрузка) положительно сказывается. Теперь даже в мороз выскакиваю утречком во двор умываться. Раньше, небось, и подумать было страшно. Закалка! Большое дело. Без физической закалки что же за командир? Ерунда. Побеждают только сильные, физически здоровые, ну и, конечно, знающие, верящие в правоту своего дела люди. Истина!

По всему чувствуется, что во Фрунзе нам осталось быть недолго. Куда попаду отсюда? На фронт бы! Там можно сказать немчуре: «Не мы хотели чужого добра. Не мы зарились на чужое счастье. Мы строили новый мир. Мы любили книги и теплоту братских рук. Вы приняли наше миролюбие за слабость. Вы напали на нас исподтишка. Вы жгли наши города. Вы пытали наших жен. Вы разбудили нашу ненависть. Вы выкормили наш гнев. Теперь для нас вы — не люди. Для вас у нас нет ни жалости, ни снисхождения. Вы думали зажечь для себя среди мертвой тишины Европы веселые рождественские елки. Вы думали танцевать на великом кладбище, вытаскивать из сумки меховую горжетку, русский окорок, чулочки для своих Эмм. Вы думали упиваться шнапсом и кровью и кричать: «Победа!» Победы не будет. Победа сейчас летает над древней Феодосией, и она венчает заснеженных героев Калуги. Мы будем жить, а умрет фашистская Германия!»

Горит последняя сигнальная лампочка. Тускло освещает казарму. Народ спит. Милонов (наш Поганелли, или, как он сказал,— Поганинни) носом выводит какую-то «симфонию». Храпит богатырски. Мне спать не хочется. Нужно заниматься, готовиться к завтрашним зачетам. Хочется получить отличную оценку.

15 января.

Сегодня снова дежурил ночью. Глухой ночью шагал один и думал. Одиночество, тишина всегда располагают к мечтаниям. В сутолоке дневной не всегда удается, а вот ночью, в тишине — другое дело. Как много изменилось в только что прошедшем году. Мог ли я думать, что мне придется шагать по безмолвным морозным улицам Фрунзе? Да, год году рознь. Бывают годы тихие и дремучие. Блаженно улыбаются новорожденные, и люди умирают только от старости. Бывают и другие годы: они сразу выглядят, как доты. Их трудно пережить, и забыть их не дано. Таким останется в памяти прошлый год и, надо полагать, год наступивший. Могу ли я забыть все переживания этого времени.

Переживает весь народ. Сегодня к нашему курсанту пришли жена и дочь. Маленькая девочка подбежала к папке, обхватила его своими ручонками. Кто знает, увидит ли она еще когда-нибудь своего папку? Ведь война — не игра и не учения. Там погиб уже не один отец, не один оплакан муж. Кур-

сантов навещают родители. Как им, вероятно, приятны такие встречи! А кто придет ко мне? Кто обо мне вспомнит? Некому.

Но как приятно видеть, что народ с любовью и заботой относится к своей армии. Эта же девчурка протянула мне в подарок табак. Я не курю, и поэтому отказался. Но забота девочки, детская ласка меня глубоко тронули. Вот она — моя Родина, пекущаяся о нас, своих сыновьях. Все, от мала до велика, думают о нас, желают здоровья, боевой удачи и воинской славы.

Разве можно забыть подобные случаи! Разве можно после этого согласиться на четвертушку победы, восьмушку свободы, половинку мира! Нет, мы добьемся полной победы, мы хотим мира для нас, для наших детей и внуков.

Узнал, что отметки у меня неплохие. Одна только неважная: «посредственно» по огневой. Конечно, бывает (и очень часто!) хуже. Однако это меня не оправдывает. Зато по остальным дисциплинам — «хорошо» и «отлично». Надо продолжать в том же духе.

Время после полуночи. Надо спать.

18 января.

Воскресенье. Проснулся рано. Два часа осталось до рассвета. Еще ночная темнота, за окном дальнее мерцание звезд. И тишина. Коротким сном спит наш народ. Поскрипывают изредка кровати.

Есть такие минуты тишины, которых не забыть. Когда-нибудь вспомню я и сегодняшнюю ночь, ночь на 18 января 1942 года. Как плыла над Чуйской долиной луна. Как дрожали, точно озябшие, звезды. Как ворочался во сне сосед... Мне не спится. Сегодня принимаем торжественную присягу на верность Родине, советскому народу.

Пишу дневник и думаю...

Очень хочется жить. Жить, дышать, ходить по земле, видеть небо над головой. Я жил хорошо до сих пор, как и каждый, был хозяином своей судьбы. Вся страна — наша Родина, и в каждом доме — товарищ.

Но пришел фашист. В темную июньскую ночь он нарушил мой покой, он захотел растоптать мое Сегодня и украсть мое Завтра. Все мечты растоптал, все планы нарушил. Он хочет превратить меня в своего раба.

Я такой жизни не хочу! Лучше смерть, чем такая жизнь. Теперь моя судьба в моих руках. На острие штыка моя судьба, а с ней и судьбы моей страны, моего народа.

Придет время, пойду в бой. Не жалея себя. Может, погибну. Но зато никто не скажет, что струсил, что шкура моя была мне дороже Отчизны.

Сегодня я торжественно поклянусь, что не дрогну в бою. Раненый, не уйду из строя. Окруженный врагами, не сдамся. Лучше смерть со славой, чем презрение народа!

Я люблю жизнь, и поэтому с охотой готов идти бороться за нее. За настоящую, а не рабскую жизнь. И когда свалится в могилу последний захватчик, как дурной сон развеется коричневый туман,— наступит тишина, прочная тишина победы. Мы войдем в города и села, освобожденные от врага, и нас встретят радостные люди. А потом задымят восстановленные заводы, забурлит жизнь... Замечательная, красивая. За такую жизнь и умереть не жалко. Да, хочется жить. Хочется увидеть Победу, увидеть торжество правды и справедливости.

Вот и рассвет. Над родной страной встает солнце!.. Солнце счастья, солнце победы.

...Утром выстроились на площади, начальник сказал приветственную речь, и один за другим подходили курсанты к столам.

Дошел и мой черед. Волновался. Но твердо читал каждое слово присяги. На верность Родине, великому народу. Теперь я снова вошел в великую армейскую семью, стал равноправным воином Красной Армии. Святой долг — никогда не забывать о сегодняшней присяге, свято ее выполнять. Быть верным присяге до последнего вздоха.

19 января.

Прошел еще один день января. Провел его на стрельбище. Из пулемета очередью попал. Это значит, что первая неудача кое-чему научила. Говоря сугубо официальным языком, извлек уроки. Это хорошо.

Много времени уходит впустую. Не экономят его совсем. Сейчас это абсолютно нетерпимо. Но кому скажешь? Такова уж, видимо, традиция.

Тамара в открытке обещала написать «на днях». Но это одни разговоры. Обидно, конечно, очень, но что поделаешь. Больше писать не буду до тех пор, пока не получу ответа. Зачем навязываться со своей дружбой? Ни к чему это.

Ночами перестал заниматься. Хочется спать. Особенно, если много днем занятий в поле. Но нужно снова возобновить ночные «бдения». Ведь скоро «генеральные зачеты», а там выход в люди...

26 января.

Дела хорошие. Сегодня на стрельбе все три пули пустил в цель. Солнце мешало, но все-таки выполнил упражнение на «отлично». Вот так бы стрелять всегда! А этого можно, безусловно, добиться, стоит только основательно захотеть.

Зачеты по топографии и химподготовке сдал на «отлично». Тоже хорошо! Топография — интереснейшая наука. На днях ночью ходили по азимуту. Занятия понравились. Надо отдать должное нашему воентехнику: занятия умеет организовывать. Лучше многих других.

Скоро зачеты по тактике. Вот где страх! Говорят, что требуется отвечать строго по уставу. Ну, что ж, будем отвечать.

Ребята из первого взвода набросились на меня за то, что я выступил на собрании с заявлением о том, что у нас неполная учебная нагрузка. Чего возмущаться? Ведь это же так. Откуда берутся такие чудаки, которые предпочитают напряженным занятиям получасовые «перекуры», отбывание номера? Ведь время-то, время сейчас не такое. Каждый день сейчас, что год раньше. Как не стыдно взрослым людям не дорожить сейчас временем, не заботиться о своем совершенствовании.

Получил от Тамары письмо. Милая Тамара. Пишет, что часто вспоминает меня. А сколько раз я вспоминал ее! Только обрел хорошего друга — и скоро пришлось с ним расстаться. Вот как бывает. И часто.

2 февраля.

Зима чуть ли не сибирская. Мороз крепкий, снег скрипит под ногами сердито. Вчера на отрядном учении действовал химиком, «базировался» возле домов, так что замерз не очень, не так, как иные. Карагачевая роща с большими белесыми деревьями под снежным покровом и специфическим морозным воздухом выглядела особенно хорошо. Так выглядят рощи в Белоруссии или на Украине. В одном месте среди рощи тек ручей, стояла заснеженная водяная мельница. Студеная вода падала с ее колеса, пробивалась через снега и уходила в лес...

Красиво, хорошо... Пейзаж — как на картинах Левитана или Шишкина.

В одной избе хозяйка рассказала, что все ее четыре сына на фронте. Ей жалко их (мать ведь!), но она сознает, что именно там, на фронте, их место. Она будет ждать их и верит, что дождется. И дождется. Пройдет буря, и птенцы снова слетятся в свое гнездо. Радость, семейная радость снова возродится под этой крышей.

У меня огорчение. По тактике только «посредственно». Засыпался на ерунде. На таких вопросах, над которыми никогда особенно не задумывался. Так часто бывает: готовишься к серьезным «проблемным» вопросам, а мелочь подводит. Говорят, что на испытаниях нередко бывают такие случаи. Вот и меня как злой рок подстерег...

Белаш пишет; не стоит надеяться, что мне пришлют расчет, т. к. Овсянников в Москве куда-то смылся. Дали задание Голубу, но вот что из этого получится? Разберется ли он?

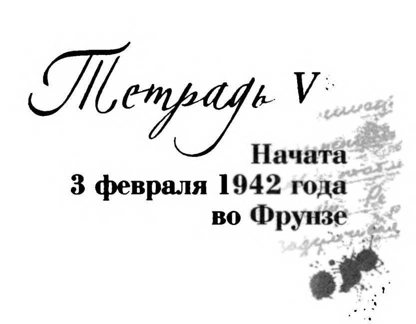
Наконец ответила Людмила. А я уж собирался вычеркнуть ее из списка своих друзей (отвечающих). Но Джигит отозвалась. Молодчина.

Несколько дней снова одолевает грипп. Особенно вечерами. Тогда единственное желание: забраться в теплую постель, пододвинуться к тепленькой ташкентской голландке и заснуть крепко, крепко (мечты, мечты!..). И на этот раз грипп «переходил» на ногах. Правильно говорят: «Клин клином вышибают».

Срок учебы как будто продлили. Очень хорошо. Чем больше проучимся, тем больше знать будем.

Дни идут быстро. Незаметно пролетел еще один месяц 1942 года, месяц Великой Отечественной войны.

Фрунзе



Тетрадь V

Начата
3 февраля 1942 года
во Фрунзе

3 февраля.

Письмо Брониславы меня сбило с толку. Неужели так может быть? Это ужасно! Не могу даже представить себе, не могу (и не хочу!) верить, что Тамара способна так вести себя. Как женщина легкого поведения. Я ей слишком верил, чтобы сейчас представить себе всю низость ее поступков. А, может быть, хозяйка (и это передалось Брониславе) слишком строго оценивает ее поведение, ее знакомство с мужчинами? Может быть, подходит слишком «по-старомодному»? Трудно, очень трудно разобраться мне сейчас, где истина.

Во всяком случае, моя вера в любовь к Тамаре поколебалась. Письмо Брониславы заставило меня многое передумать. Решил, что надо Тамаре написать письмо, откровенно написать обо всем. Пускай знает, что мне все известно.

Послал Брониславе телеграмму, просил написать подробно. Но, может быть, история не стоит выеденного яйца? Так, молва?

7 февраля.

Морозы скрипучие. Давно таких не переживал. Холодно, иной раз замерзнешь основательно. Особенно чувствительно вечерами и ночью.

Дни проводим в карагачевой роще. Прекрасное место. Лес и лес. Заснеженный.

По автобронетанковому делу сдал зачет на «отлично». Выправил отметку и по тактике. Пересдавал «авиационному» (оригинал!) капитану. Дал мне задание — «Отделение в наступлении». Дошел я до «промежуточных рубежей» — и только. Он говорит: «Хватит». Ну, хватит, так хватит.

Ядя написала открытку. Совершенно справедливо обижается, что я ограничился телеграммой. Конечно, нужно исправить ошибку и написать письмо. Теперь Ядька — единственный род-

ной человек. Остальные неизвестно где. Где отец? Сумел ли он эвакуироваться из Волочиска? Перед войной списался с ним. Но, оказывается ненадолго. А теперь найду ли? Найду ли Женю, Ольгу? Трудно сказать.

Особенно теперь, когда почти вся Европа переживает необычайные дни. Впрочем, может ли нас волновать сейчас личная судьба? Как после вольтерьянцев с их острым и беспощадным критицизмом жизни нельзя было вернуться к старому миру пасторали, так и теперь никто в мире не может больше жить в ограниченном кругу своей личной судьбы. Новая экономика, новая мораль, новый труд, новые законы жизни характерны для наших людей.

Мы — русские. А это много значит. Русский народ неизменно, даже в самые глухие времена императорской России, призывал к прогрессу, и мир знал имена Радищева, Пушкина, Льва Толстого, Белинского... А великий Менделеев со своей периодической таблицей? А физиолог Сеченов, подаривший миру свое учение о рефлексах головного мозга? А задумчивая лирика Чехова? С испытанными громами и патетикой Баха и Вагнера соперничает русская величественная музыка Чайковского, Римского-Корсакова. Со времен Ломоносова существовали взрывчатые русские идеи. Беспокойный их свет тревожил прогрессивный мир. И сколько бы на долю нашего народа ни пришлось испытаний, он сделает все, чтобы еще величественнее, еще сильнее звучала его всемирная слава. За это не жалко умереть.

Сегодня в «Правде» (за 27 января) читал статью П. Лидова «Таня». Сильная статья. Советская девушка Таня погибла во вражеском плену, на фашистской виселице, ни единым звуком не выдав своих страданий, не предав своей Родины. Она приняла мученическую смерть как дочь великого народа.

Кончится война, и пойдем мы туда, в деревушку Петрищево, под плакучую березку к могильному холмику, чтобы до земли поклониться праху разведчицы и сказать ей душевное русское «Спасибо!» Миллионы людей думают с любовью и болью о далекой могиле совсем молодой Тани. Но герои никогда не умирают. Они живут вечно.

8 февраля.

Ветер гуляет и днем, и ночью. Строгий, суровый. Со свистом несется он по улице, а особенно по полю. Вздымает снег, забрасывая дороги. Хлопья снежной ваты висят на широких

лапах деревьев, покрытых инеем. То там, то сям вьется сизый дымок из труб домиков. Зима, настоящая зима...

Профессор Баженов (ташкентский «корифей») читает лекции. Хорошо читает. Есть чего послушать. Вот человек, знающий свое дело. Так бы и слушал его лекции.

Броня ответила на телеграмму. Жалуется, что Тамарины «соперники» (почему соперники?) не дают жить. И нет от них отбою. «В подробности,— пишет она,— входить не буду, должны сами догадываться...» Да! Догадайся, брат, сам!

Почему так получается? Слов нет, Тамаре тяжело без родных, тяжело морально, материально. Но это отнюдь не значит, что надо терять совесть, идти на бесчестие. Постыдное это дело. А вообще-то сейчас трудно правильно судить. Ведь мнение Брони — это одна сторона, а мнение второй стороны я не знаю. Нужно бы послушать и другую. Тогда можно безошибочно определить. Тамаре написал письмо. Но не потому, конечно, что хочу выступить в роли спасителя. Нет. Не это мне нужно.

12 февраля.

А дни идут. Чередой. Незаметно. От утра и допоздна все занимаемся. Где тут замечать время!

Обязательно нужно заниматься самостоятельно. Пытался (вернее, задавался целью) вставать ночью, но не получается: трудно это. Хочется хоть немножко понежиться под одеялом.

Богданова написала письмо. Была у меня дома. Пишет, что все уладилось. «Одно только плохо: прекрасная Тамара ведет себя, как демон ужасный». Дальше пишет: «Ходят слухи, что в феврале ты собираешься приехать в Ташкент. Правда ли? Если да, то это было бы замечательно!»

Почему замечательно? Выходит, соскучились? Я им нужен? Приятно сознавать такие вещи. На несколько писем не успел ответить. Должник. Совсем нехорошо. Особенно великий должник перед Ядькой.

По инженерному делу спрашивают здорово. Вопросы не сложные, но заковыристые. К зачетам нужно подготовиться крепко. Иначе может получиться конфуз.

13 февраля.

На занятиях мы мало внимания уделяем воспитанию инициативы, изобретательности, сметки, военной хитрости. И напрасно. Ведь смелость, сметка, сообразительность — родные

сестры и крайне необходимы в бою. Русский народ всегда отличался смекалистостью, хитростью (русский мастеровой «и блоху может подковать!»). Нужно только эту врожденную черту развивать. Энергия, страсть, ум, интерес, сметка всегда приносят большую пользу.

Сегодня на лекции о разгроме немецких оккупантов политрук вспомнил о Городне, Чернигове, Нежине. Все родные места. Места, с которыми связаны мое детство, моя юность. Прекрасные дни, дорогие воспоминания. Родная мать Украина!

Несколько лет тому назад я жил там, ходил по бескрайним полям пшеницы. Кругом беленькие хаты, садочки, вербы у прудов и подсолнухи у тына. На просторах по вечерам широко разливалась песня грусти и тоски — «Взяв бы я бандуру» или широкая «Ой, ще сонце не заходыло», и вечерами на просторном *Дніпру* мерцали огоньки плотов. Вспомнил вечерние прогулки с Ритой в Речице по берегу старого Днепра. Лунные ночи и тихий плеск волны. Знал ли я тогда, что придут на Украину дни страданий и мук?

Мы были мирными людьми. Но мы помнили и помним отчаянную вольницу казачьей Хортицы, любезны нашим сердцам прошлые подвиги рыцарей Украины. Настало и наше время пойти по дорогам войны, переступить горестный рубеж. Украина полыхает в огне, за освобождение ее нужно бороться. И победа придет. Снова зацветут на полях и у тынов золотые подсолнухи, снова белым душистым ковром раскинется гречиха... Скоро зазвучат песни, а не плач на родной Украине.

Григорий Павлович говорил, что надо бы отпраздновать мой выпуск в кругу фрунзенских друзей. Дело хорошее. Но это — в будущем. А пока — учеба.

18 февраля.

Совсем нет времени браться за дневник. Последние дни много зачетов. Пока сдаю все хорошо. По тактике получил «отлично».

Соседняя рота выехала. Ходил по их казарме: осиротела она. Вчера еще шумная, а сегодня — пустая. Хозяева разлетелись в разные стороны. Соберутся ли еще когда-нибудь вместе, на перекличку дружбы?

Видимо, скоро разъедется и наша «гвардейская». В училище нас заменят другие, тех — следующие... Все наше бытие

вздыбленное, шумное, скученное. Неугомонное. Скоро буду командиром. Ответственнейшее это дело, быть воспитателем людей. Воспитывать в них высокие моральные качества: бесстрашие, смелость и преданность, храбрость и отвагу. Готовить людей к бою. А сам-то ведь я ни разу в бою не был, не прошел боевой школы. Но опыт — дело наживное. Несколько боев, и обстреляюсь. Как видно (судя по рассказам участников), главное, все-таки, никогда не теряться. Храбрые и устойчивые реже гибнут, чем трусы и паникеры. Стоит только чуточку раскиснуть, и все идет прахом.

Пытался ответить Яде. Ничего не выходит. На коротенькое письмецо не решаюсь, а на длинное — времени не подберу. Так и тянется изо дня в день. А ответить давно пора.

Дни уходят незаметно. Зима не отпускает. Морозы трещат. Чего же еще им делать — их месяц. Лютый. Вспоминаю свой первый приезд во Фрунзе, ровно год тому назад. Тогда было не так. Прошел всего год, а многое изменилось.

Много еще переживаний, событий. Но разве обо всем напишешь!

19 февраля.

Подполковник вчера и политрук сегодня рассказали о своих впечатлениях о фронте. Как участники Отечественной войны. Интересно для меня было особенно потому, что они вспоминали знакомые мне, близкие места. Рассказывали о сражениях в Василевичах. Тех самых, в которых я не раз в свое время сидел в ожидании поезда на Хойники. А один раз, помню, провели там более суток. Прошло десяток лет, и теперь снова слышу — Василевичи... Жаль, особенно жаль родные места.

Вечером в Доме Красной Армии был на концерте украинского ансамбля песни и пляски. Родные украинские песни и танцы! Стремительные, горячие.

Случайно встретился с Греком. Он, оказывается теперь в ПУОКРе, приехал в роли инспектирующего. Спросил, кем я буду. Ответил. А дальше — дальше по способности. Как вытяну. Захар Никитович мало изменился. По-прежнему такой же спокойный, медлительный. По-прежнему такой же приветливый, скромный. Хороший человек. Таких всегда будешь помнить, относиться с уважением. Они заслуживают этого.

25 февраля.

Прошла и годовщина РККА. В прошлом году в эти дни тоже был во Фрунзе. Мог ли думать, что придется встречать очередную годовщину здесь? Наша жизнь полна неожиданностей. Воля судьбы... Правильно кто-то сказал: «Ты любишь жить вкусно, но поваром своей жизни быть не умеешь».

Учеба идет к концу. Остались считанные дни. Наш «желторотик» подводит балансы, сочиняет путевки в жизнь. Под какой семафор пустит меня? Куда и кем?

Клава прислала письмо. А я уже было думал, что совсем не ответит. Но выходит, ошибся. Вообще народ, как видно (как и я) не особенно-то любит писать письма. Нудное это дело.

Ура или караул?! Что ответит на мое послание Тамара? И что она вообще может ответить?

Пытаюсь ее забыть, но не выходит. Признаться откровенно, ревнив я, как Отелло. Кровь одолевает разум. Может быть, в этом — источник всей трагедии? А ведь нет более гнусной, мелкособственнической страсти, как ревность. Все знают, что насильно мил не будешь (какую цену имеет любовь по принуждению?), но, тем не менее, многие, очень многие мстят «неверным». Бывает и так, что нет в сердце никакой ненависти, но честь (этот беспощадный бог!) требует действенного протеста. Говорят, в суде Италии и сейчас оправдательный приговор мужу, убившему изменницу-жену, встречается дружными рукоплесканиями публики. И Отелло как смертно-тяжкий долг взял на себя исполнение требований общепризнанного нравственного закона — убил Дездемону.

Снова пишем автобиографии. Говорят, нужно. На днях будем фотографироваться. Тоже нужно. Осталось немножко до выпуска. Что ждет впереди?

Время идет. Придет — и снова пройдет. Нет ничего постоянного под луной.

Радио принесло радостные вести. Наши окружили и раздолбали 16-ю армию фашистов. Очень хорошо. Рубить их гадов, рубить под корень, всех до единого. Горький правильно сказал: «Если враг не сдается, его уничтожают». Таков закон революции, наш закон. Бесспорно!

26 февраля.

«Яхим! Какими проблемами занят, какими атмосферами дышишь?» — так говорят герою в какой-то кинокартине. Так

можно было бы спросить и меня. Сейчас уже чемоданное настроение. Дубко, Мельников ушли в лейтенанты. А мы ждем своей очереди. Скоро наступит! А все-таки еще нужно бы подучиться: серенький мы еще народ. В военных делах нужно особенно много знаний. Учить людей — большая задача.

Нина прислала письмо. Снова приписка с просьбой сделать скидку на почерк. Чудачка! Разве можно часто оправдываться в одном и том же! И кто мешает ей написать аккуратно? Никто. Вся беда в том, что есть категория людей, все делающих «как-нибудь». А ведь Нина знает, что я к этой небрежности отношусь с большой долей критики.

Ходим. Много ходим. Втянулся в походы. Говорят, ходьба хорошо влияет на поддержание уровня трудоспособности, на обнаружение скрытых ресурсов организма. Ведь терренкур практиковался на всех курортах и давал известный эффект. Не работая над своим мышечным аппаратом, нельзя выполнить даже простейшей «стойки», не говоря уже о более сложных построениях. Люди, не заботящиеся о своей физиологии, о законах действия нервной системы (предающиеся сладкому безделью), совершают непростительную ошибку, сознательно форсируют свое одряхление.

Скандалю с Зелениным. Ерундовский парень. Старый, а чудак. Прожил много, да малому научился. Как он будет в дальнейшем учить людей? Становится грустно, печально. Это не парадокс, это нормально. Все — по известному психологическому закону Джемса Ланге, который формулируется так: «Мы не потому плачем, что нам грустно, а нам грустно оттого, что мы плачем...» Причина спутана со следствием. Но на самом деле все закономерно: ведь в организме вся деятельность всех органов и систем (отвечающих за эмоции и разум, в том числе) неразрывно связана друг с другом и поддается точной дозировке и регулированию разумом. Так ведь!

Бодрствую по ночам. Нужно писать, заниматься. Днем не успеваю и, кроме того, в сутолоке дневной не сосредоточишься, как нужно. Ночь — самое святое время. Тишина, покой.

28 февраля.

Последние часы февраля. Устроился на кровати в «поднебесье» (сплю на верхотуре) и читаю. Любимая привычка, домашняя. Завтра выходной, подъем в 8.00, значит, можно будет немножко понежиться. Как когда-то дома.

Филатов с Зелениным ведут «умные» разговоры о литературе. Мопассан, Достоевский, Боккаччо — без разбору: «смешались в кучу кони, люди...».

Достал книжонку о Цезаре. Выдающийся политик и полководец Гай Юлий Цезарь, консул Римской республики — замечательная личность. Своими успехами и многочисленными победами он обязан прекрасно организованной армии (основа пехоты — тяжеловооруженные воины-гоплиты). Все войско делилось на легионы (по 4500 чел.). Более мелкими подразделениями легиона были центурии, т. е. сотни. Самые молодые солдаты — гастаты — составляли передние шеренги фаланги, средние — принципы — образовывали средние шеренги, старшие — триарии — стояли в задних рядах. Система интересная.

Занимаюсь зубрежкой. Казалось бы, пулемет и пулемет. А повыдумали же частей к нему — и попробуй запомни. Тяжелое дело. Как будто и не сложно, а тяжелое дело.

2 марта.

К Кнышову приехала из Ташкента жена. Ну и пускай себе. Не будем завидовать. Но и мы испытали радость, потому что в казарму заявилась его дочурка. Маленькая. Потешная. Ребята окружили Галочку, каждый старался с ней поговорить. А «старики» — так те вовсе расчувствовались, вспомнили о своих «дитятках». Может быть, и хорошо, что у меня нет своих ребятишек. Но, с другой стороны, и плохо, что нет.

Наконец-то ответил Брониславе. Давно надо было.

Вечерами устраиваемся (кто как, по-чапаевски) на кроватях и поем. Хором. Особенно здорово получается «На диком бреге Иртыша...».

Коллектив — большое дело. Когда его чувствуешь постоянно, становится жизнь краше, забываешь тоску.

Погода совсем раскисла. Мозглая. Дождь и дождь. А завтра на рассвете — к горам. «Блокировка дота» — значит, придется поползать. Но ничего. Все окупится сторицей.

6 марта.

И этой ночи я не забуду никогда...

Вышли на занятия по тактике накануне. Ночью рыли окопы полного профиля и в них ночевали. Не простое дело. Морозец, снежок, ветер, да еще если сюда прибавить мокрые портянки, то можно себе представить, каково ночевать в окопе.

И заснуть нельзя, и клонит ко сну. Дневного солнышка ждали, как когда-то Магеллан крика: «Земля!». Наконец, оно пробилось сквозь тучи. Теперь бы вылезти, погреться, но нельзя — маскировка.

До полудня ожидали в окопах «противника». Он не подходил. В соседней ячейке Яхяев умудрился даже вздремнуть. Совсем, как в казарме: пригрелся, свернулся калачиком. Потом приказ: оставить окопы, броском выйти к селению Молдавановка для поддержки отходящего первого эшелона. И пошли. Бежали и шли. Переменным «аллюром». Перед селом — быстрый глубокий арык. Первым пошел Пархоменко, а за ним и мы, подобравши полы, форсировали арык. Хорошо хоть дно каменистое.

В ботинках хлюпала вода. На бережку, совсем рядом с Молдавановкой, выкрутили портянки, залегли. Холодно. Стараемся согреться на солнце. Наши минометчики «нащупали» кавалеристов «противника» и открыли огонь. Разведчики донесли, что справа у моста идет бой. Сами слышим: бьет артиллерия, стрекочут короткими очередями пулеметы. Изготовились для броска в атаку. Но атаковать не пришлось. Горнист проиграл отбой...

К вечеру добрались домой. Дорога показалась очень длинной: устали крепко. Особенно последние километры. Каким блаженством показалась теплая кровать по сравнению с ночевкой в окопе. «Война» закончилась.

Дорогой завидовали кавалеристам. Им хорошо на марше. Не то, что нам — пешехонцам. Топай и топай...

9 марта.

Немного «чемоданное» настроение. В училище доживаю последние дни. В «информированных кругах» толкуют, что до выпуска осталось четыре-пять дней. Чувствуется это по последним приготовлениям.

Куда потом? Конечный пункт-то известен — фронт. А вот промежуточный? Вот если бы повезло побыть, хоть немножко, пускай мимоходом, в Ташкенте. Увидеть Тамару, поговорить с ней по душам. Многое есть чего сказать. До сих пор даже не отвечает мне. А зачем писала «Целую»?

А Нина? Ей нужно написать словами Гамлета: «Прощай, прощай! И помни обо мне». Вспомнит ли только?

Прочитал в газете, что Таня — это москвичка Зоя Космодемьянская. Героиня девушка! Ее облик будет всем нам приме-

ром, хорошим примером настоящей любви к родине. Нам надо подражать ей.

10 марта.

Дождались. Утром нас выстроили. Капитан сказал, что учеба закончилась, завтра — выпуск. Прочтут приказ, и начнется новая жизнь. Новая часть, новые люди. Все новое.

13 марта.

Еще с утра начались приготовления. Немножко обмундировались. Остальное — потом, уже в частях. Шли оживленные разговоры: каждому интересно знать, куда кого пошлют. Хахалев подсмотрел и сказал, что в Джамбул. Я уже настроился на Джамбул и был рад тому (все ближе к Ташкенту), но оказалось — преждевременно. Прошла джамбульская команда, а меня в списке нет. Ясно, что остаюсь во фрунзенской бригаде. Чего не хотел, то и случилось. Попадают сюда и мои «приятели» — Зеленин и «псаломщик».

К 18.00 выстроились в клубе. Впереди трубачи. Подполковник прочитал приказ Военного Совета и поздравил с присвоением воинского звания. Итак, с 6 часов я — лейтенант, командир Красной Армии. Состоялся торжественный обед. Ребята «посолиднели», как будто забыты все распри, перепалки. Ну, как же иначе! Лейтенантам подобает вести себя пристойно. А вечером ожидается концерт. Для нас.

Созвонился с Марией Павловной и пригласил на концерт. Совсем как когда-то, в «гражданке». По-штатски. Впервые за четыре месяца провожаю девушку домой. Главное, приятно знать, что и без увольнительной уже не задержит патруль. Свобода!

Комиссар случайно, ненароком, сказал, что командир нашей бригады — Можаровский. Мой старый знакомый по Ташкенту. Это очень хорошо. Он меня знает и, стало быть, сумеет определить по способностям. Так ведь должно случиться.

Политрук Герасимов — прекрасный парень. Хороший товарищ. Без гонора.

12 марта.

Воскресенье. Первый день спал «по-барски». Офицеров не касался общий подъем. По привычке все же казалось непривычным обходиться без обычных утренних «процедур».

Днем прослушали замечательные лекции. Особенно хорошо читал Радченко о тактике ведения боя в предполье, на укрепленной полосе перед линией обороны. Побольше бы таких лекций!

С новой обстановкой понемножку свыкаемся. Входим в роль.

На дворе совсем весна. Теплынь. Хорошо. Как видно, скоро зацветут деревья.

Еще новость. Говорят, нас будут готовить к действиям по тылам у фрицев. Интересное дело.

А вечером встретился с Максимом — Борисом Чирковым. Выступал в Доме культуры Красной Армии. «Крутится, вертится шар голубой...» Похож на такого, каким мы его видели в фильме.

16 марта.

Воспитывать так, чтобы завоевать любовь у бойцов. Как Суворов. За ним шли через перевал Сен-Готард, через непроходимые тропы, потому что любили его, верили ему. Завоевать такую любовь у солдат — значит, наверняка, на девять десятых, выиграть сражение.

Правильно нам говорили сегодня на лекции, что найти ключ к сердцу бойца — великое дело. Истина!

Вчера и сегодня «увлекался» Марией Николаевной. Хорошенькая девушка. Интересная. Мария Павловна отошла на задний план. Вчера после кино, видимо, обиделась, что пошел провожать не ее, а Николаевну. За ней таки стоило бы поухаживать.

В ЦС сегодня показали «Военную подготовку». Это наша бывшая «На страже». Приятно снова встретить свою газету, возродившуюся к жизни. Где-то теперь мои друзья? О, други, други!..

С Григорием Павловичем хорошо встретились. По-дружески. Парень он — хоть куда.

Сегодня снова «прикрутили» нас. Хватит-де вольницы запорожской! Снова все строем. Ну, и пускай.

21 марта.

За эти дни много событий. Теперь уже окончательно известно, что скоро на фронт. Нахожусь в 233-й бригаде. По своему назначению бригада интересная. Скоро увидимся с фрица-

ми. Там, на фронте, получим возможность отомстить им за все, за все — сполна.

С Какаулиным попали в одну роту. Наша дружба с ним крепнет. Был у него дома. Там обосновался с вещами. Последний раз ездил с Какаулиным в свою бывшую 5-ю роту. Теперь там новые люди. Случайно встретил Володю Рацека.

В ЦС забегаю почти каждый день. Хорошо встречают. Особенно Григорий Павлович.

В бригаде счастливое совпадение — полковник Можаровский встретил хорошо, по-дружески. Обещал устроить поездку домой «на побывку», и устроил.

Вчера вечером выехали из Фрунзе. А сейчас вот трясусь в поезде. Только что проехали Чимкент. Полковник рассказывает о своих «делах», на полках дремлют пассажиры. Вечером буду в Ташкенте. Почти что дома.

Поезд опаздывает, и приедем поэтому глубокой ночью. Обрадуется ли мне хозяйка? А Тамара? Не был в Ташкенте больше четырех месяцев, а теперь вот через несколько часов появлюсь. Интересно. Какое-то особенное чувство.

Воображаю, как приятно возвращаться с фронта в отчий дом после жестоких сражений.

Скоро приеду в Ташкент, где знакома каждая улица, каждый дом.

Что скажет Тамара? Ведь, по существу-то, из-за нее мне так хотелось попасть в Ташкент. Из-за нее. И не напрасно ли? Неужели она не поймет этого, не оценит мои чувства к ней? Все может быть. Нужно быть готовым ко всему.

А поезд идет. И ближе Ташкент.

По дороге из Фрунзе в Ташкент

25 марта.

Возвращаюсь во Фрунзе. Только что в Чимкенте расстался с Ходаревичем и Бигаевым, товарищами по училищу. Они теперь в Чимкенте.

Прошли радостные ташкентские дни. Ночью приехал в Ташкент. Хозяйка как будто осталась довольна. А Тамара? Тамара — тоже. Вот когда особенно почувствовал я, как люблю ее. Вовочка и Наташка по-прежнему такие же карапузики.

Все разговоры насчет легкомысленного Тамариного поведения оказались сплетнями. Одним словом, все ерунда. Очень хорошо, что все сомнения, так мучившие меня, рассеялись. Та-

мара выглядит молодцом. Два вечера, проведенные с ней вместе, никогда не забыть. Будут ли больше когда-нибудь такие вечера? Повторятся ли снова?

И все-таки я не сказал Тамаре всего, что хотел сказать. Не хватило «дара слова». Видел ее письма ко мне. Хорошие письма. Она писала, но почему-то не отправляла. Тоже, видимо, чувствует много, но не говорит всего. Но не важно. Мы хорошо понимаем друг друга. Слов не надо. Зачем они?

Первой утром увидел Наташку, а затем Тамару. В комнате все по-прежнему. Все напоминает о прошлой недалекой мирной жизни. Вот здесь я коротал свои дни, здесь переживал радостные и горестные минуты. Вот они, немые свидетели. Приеду ли я когда-нибудь снова сюда? И когда? И будет ли все по-прежнему?

Первый выходной провел дома. Побывал у соседей. Помнят меня «незлым, тихим словом». Хорошо.

С Ниной виделся мельком, с Клавой разговаривал только по телефону. Больше не успел. Друзья из «Фрунзевца» уехали на фронт. Остались только Леша да Мельников. Агамирова тоже нет.

Особенно хорошо встретили в ЦС. Богданова — настоящий друг. Познакомил ее с Тамарой. Хорошо будет, если они станут друзьями. Ляля Богданова — прекрасный товарищ и всегда сможет помочь Тамаре.

Сальников тоже встретил по-дружески. Наказывал писать. Обещал помещать мои письма в стенгазете (он ведь редактор!) республиканского военкомата.

Полковник Михайлов пожелал счастья и успехов. Одним словом, выходит, я работал хорошо, раз и теперь народ меня уважает. Приятно чувствовать это.

Ляля изменилась — болела. Но по-прежнему такая же шутница. Все смеялась, что теперь пошла «до горы ногами». Много я с ней и не говорил — до бесед не мастер. Допишу письмом.

Выехать из Ташкента сложно. Маялся несколько дней с билетом, справками всевозможными. Многое в Ташкенте изменилось. Садик учебного центра превратился в своеобразный военный лагерь.

Не тот теперь Ташкент. Военный лад чувствуется во всем.

Хозяйка осталась недовольна: как же, вместо того (как она предполагала), чтобы поругать Тамару, вышло совсем по-другому.

По дороге из Чимкента во Фрунзе

27 марта.

Вот и снова во Фрунзе. Здесь все по-старому. Если не считать, что перешли в Дом декханина (местная гостиница) и живем в более нормальных условиях. Вспоминаю о Ташкенте. О своей любимой Тамаре. И не потому, конечно, что каждый человек должен служить «какому-нибудь богу». Нет, конечно. Люблю я Тамару не для того, чтобы разглагольствовать о своих чувствах. Я, подобно Жорж Санд, требую полной искренности в любви и сам плачу той же монетой (таков уж душевный склад). Правда, я немного нелюдим (к чему позерство?) в своих сердечных делах, немного робок и нерешителен (старая болезнь!). Как тургеневские (впрочем, как и сам Иван Сергеевич) герои. Ведь недаром Ася, подобно Наталье в «Рудине», спаслась бегством от своего чувства, когда увидела, насколько не соответствует силе этого чувства безвольный человек, которого она полюбила.

Вот и у меня. Тамаре сказал не все, что чувствовал. То, что сказал о своих чувствах, далеко не соответствует их широте, их силе.

Но теперь хорошо. Рассеялась та глубокая горечь, которая раньше возникла во мне после писем Брониславы, после густых грязных красок клеветы.

Есть еще у нас мелкие людишки. Мелюзга, грызуны. Либо темнота и глушь подземная, либо беспутные люди, переливатели из пустого в порожнее. Они оклевещут любого человека.

Теперь сомнения рассеялись, и я не чувствую себя безнадежно одиноким.

Из нашей встречи с Тамарой я почерпнул новую силу, новую энергию. Раз потерпев неудачу в любви, лишаешься всякой цели существования, а раз почувствовав, что тебя, хоть немножко, любят, то чувствуешь себя бодрее. Как видно, моя теория «арифметической любви» потерпела крах. Так же, как в свое время потерпел крах герой повести «Бретер» Лучков, отрицавший любовь.

Фрунзе

31 марта.

Пока отдыхаем. Днем немножко занимаемся, а вечером ребята «предаются любви» (весна ведь!). Кое у кого, видно, выходит. Я особенно и не пытаюсь. Хороших сразу не найдешь, а с посредственными — неинтересно. Девушка должна быть хо-

рошим другом, таким, с кем можно было бы отвести душу, поделиться радостями и горестями житейскими. Мария Николаевна — пустая девушка. И ее смазливость — ничто, одна видимость. Блеф!

Снова гриппую. Промозглая погода влияет. Ночью ребята натирают всякими олеумами.

В ЦС бываю почти каждый день. Там старые знакомые.

В комнате поместился товарищ из Питера. Рассказывает жуткие вещи. Волосы идут дыбом, кровь стынет в жилах. Как хорошо, что Тамара с детишками выехала из блокадного города. Теперь, конечно, нельзя ей никуда из Ташкента выезжать. Ни за что. Я видел на вокзале переезжающих с места на место ребятишек. Жалко их. Многое приходится им выстрадать.

1 апреля.

Дни стоят промозглые. Весенняя мгла поднимается над городом, над садами, над улицами. По утрам свет солнца пронизывает нависшие тучи, мягко ложится на лужи, на деревья с бледными и зыбкими отражениями.

Свободного времени много: пока не занимаемся, нет народу. Много времени для размышлений. О будущем, куда устремилась наша страна, о событиях, сотрясающих ее, о нескончаемой кровавой борьбе, участниками которой скоро будем. Есть у нас и уже участвовавшие в боях. Спокойно они рассказывают о пережитом. Теперь я понимаю это спокойствие своих товарищей — они знают, какое дело сделано, как они поработали... Их спокойствие оправданно.

А мне иногда хочется поговорить с кем-нибудь по душам. Впору хотя бы с самим собой. Много ведь накопилось непродуманного и нерешенного, и столько воспоминаний обрывается, как книга, где не хватает страниц в самом захватывающем месте.

Много прожито весен, но никогда с такой силой, как теперь, не бродило во мне вино жизни, желание жить, любить страстно и горячо... Да еще в самое неподходящее для лирики время... Туманится голова неясными предчувствиями. Отряхиваюсь от них, но не всегда это удается.

Жизнь — прекрасна! Любить ее страстно, сделать из каждого прожитого дня счастье.

Вчера в кино мимоходом познакомился с девушкой. Хорошая, не пустышка. Но, увы! Познакомились, распрощались — и разошлись. Я — направо, она — налево. Как в море корабли!

5 апреля.

Воскресенье. Хмурое утро. На перроне последние прощания, поцелуи, и поезд отходит. Ребята наши устроились в одном вагоне и поют «До свиданья, города и хаты...». Теперь у нас это популярнейшая песня, вполне соответствует «текущему моменту».

Последний раз проезжаем по знакомым местам, прощаемся с окрестностями Фрунзе: со старой дорогой возле мехзавода (столько раз хоженой!), со стрельбищем, с полевым городком.

Фрунзе! Привык к тебе. Удастся ли еще когда-нибудь побывать здесь? Увидеть Марию Павловну? Призналась, что жалеет о моем отъезде.

Ночью пытался дозвониться Тамаре. Но телефонистки перепутали номер, и ничего не получилось. Будь они неладны!

Снова в Луговой. В который раз. Устроился в ожидании поезда и случайно встретил бойца из нашего конвойного полка. Он едет в Ташкент. Упросил его зайти к Тамаре и передать письмо. Передаст, наверняка.

Целую ночь шел дождь. Барабанил по крыше, хлестал в окно. Совсем, как когда-то в 1938 году, когда я ездил с эшелоном во Владивосток. Мог ли я думать тогда, что мне снова придется ехать здесь, проезжать эти станции. Судьба-проказница все определяет сама.

В Луговой устроились хорошо, как в плацкартном вагоне. С некоторыми претензиями на удобства.

Разведки по вагонам результатов не принесли. Девушек хороших не видно. Приходится ехать и довольствоваться «сугубо своими». Ребята (наиболее экспансивные!) атакуют одну смазливую проводницу.

Плохо, что нет домино. Сразились бы сейчас.

Кажется, у меня много барахла. Нагрузился, как верблюд. В обычных мирных условиях это было бы нормальным, а теперь вот некстати. Придется все бросать. Там, в Акмолинске, будет видно. Будем посмотреть.

По дороге в Акмолинск

7 апреля.

Вчера проехали Алма-Ату. Алма-Ата – имя города переводится как «Отец яблок». А ночью уже было холодно. Выручал спальный мешок. Забрался туда и спал богатырским сном.

Утром за окном забелел снег. Проводники из Ташкента везут живые цветы, а здесь лежит снег. Говорят, скоро встретим мороз. Вот подъедем к Семипалатинску... Ирония судьбы!

Крутые подъемы. Даже двойной тягой идем по Турксибу медленно. За окном бескрайняя степь и степь. За Семипалатинском начнутся леса. Там будет веселее.

О фрунзенской вольнице остаются только воспоминания. Хорошо пожили. Вольготно. В Акмолинске, наверняка, не будет такого.

Началась дневная вагонная жизнь. Нарежнев свесил с верхотуры ноги и поет. У окна народ уплетает рыбу. Одним словом, кто во что горазд. На станциях казачки встречают молоком. На больших – подкрепляемся в военных столовых. Пока изобилие.

Вагон трясет, и карандаш прыгает. Стою в тамбуре и гляжу на пробегающую мимо степь. Степь широкую, степь раздольную.

Туманится голова неясными предчувствиями. Лучше и не пытаться развлечь себя, рассеяться. Все равно не отряхнешься от налетающих разочарований. «Думы мои, думы мои, лихо мене з вами...»

Вот она, утренняя весенняя мгла. Поднимается над землей, над степью, над одинокими станционными постройками, над торопливо шагающими телеграфными столбами. Встает огромное солнце. Свет его мягко ложится на землю. Просыпается жизнь.

Ночью бродил по составу. В Рубцовке села в поезд замечательная женщина. Устроил ее в воинский вагон, к польскому воинству, и разговорился. Работает она в одном из наркоматов, женщина с большой эрудицией.

Потянулись леса. Лесостепь. Снег лежит сплошным массивом. Холодно.

А ночь такая лунная. «Звезды в поле, слез живые бусы...»

8 апреля.

Долго стоим на полустанке. Проходят поезда. Воспользовался стоянкой и привел себя и купе в порядок. Побегал немного, вместо физзарядки. Снегом умылся, очень хорошо. Снег и снег. Завтра в Новосибирске, а скоро будем в Барнауле.

Утром классически обыграл польского капрала в шахматы. Из безвыигрышного положения состряпал ему мат. Для него это было совсем неожиданно.

Леса за окном. Очень красиво. Совсем, как у нас, на Украине. В Узбекистане не увидишь такого.

Пишу и посылаю письма. С таким расчетом, чтобы вскоре после приезда в Акмолинск получить ответы.

«Доминошники» забрались в купе и мешают спать. Стучат костяшками по чемодану и поют. Приходится терпеть.

Спускается сибирский вечер. Морозное небо. Чернеет снег. Ночью будем в Новосибирске.

Как там сейчас в Ташкенте Тамара? Мой посланец из Луговой наверняка уже был у нее. По правде сказать, я был бы очень доволен, чтобы она была моей женой. Уж очень она ладная баба. Но я понимаю, что женщине в двадцать три года хранить верность человеку, где-то плавающему в безбрежных просторах жизни, трудно и скучно. Черт бы побрал этих проклятых фрицев-гансов с их проклятой войной!

9 апреля.

Ночью приехали в Новосибирск. Ну и вокзал! Покраше многих московских. Хлопоты по устройству заняли много времени. К 2 часам устроился в агитпункте и заснул. А утром ранненько разбудила дежурная: уборку производит.

Шатались по городу. Новосибирск ничуть не изменился с 1938 года. Улица Челюскинцев все та же. Так же выглядит и Красный проспект. И дождь со снегом тоже шел. С Какаулиным завернули днем в кино. А вечером также были в кино на «Шампанском вальсе». Спать хотелось убийственно, даже не помню, про что смотрел.

Новосибирск хуже Фрунзе. Грязнее и без зелени. Правда, возле завода им. Чкалова есть жизнь. А народу на вокзале — тьма. Все куда-то едут. В Новосибирске остались и на 10-е. Прошло оно так же, как 9-е. Снова разъезды по городу, глазение по сторонам. Ребята тоже разъехались кто куда по городу. В Ташкент отправил телеграмму. И не одну.

Вечером в агитпункте концерт. И видел фильм «Щорс». Только не досмотрел, пришлось провожать девушку. В дороге и на вокзале быстро знакомятся. Девушка оказалась слишком доверчивая. Совсем юная. Впрочем, говорит, что муж в армии. Возможно. Шли гололедицей по какой-то горе, над речушкой. Еле выбрался обратно из этаких катакомб... Все это так, мимолетные увлечения. Мед без ложки. Вот Тамару люблю, просто задыхаясь. Или только внушил себе это?

Ночью к нам в компанию затесалась одна медсестра, раненая из госпиталя. Ну, и вела себя развязно. Вот что она наделала, война. А может быть, такова уж порода людей? Ну нет. Не все, далеко не все такие, как эта Валя.

11 апреля.

Проснулись рано. Влезли в челябинский поезд — и в путь. На Петропавловск. В новую жизнь. Новосибирск — пройденный этап.

День прошел весело. В соседнем вагоне — цветник: девушки из Красноярска едут в Омск, в школу НКВД. Хорошие девушки. И целый день проторчал в том вагоне. Играли в домино, пели песни, разговоры разговаривали. Понравилась Лиля. Вечером она рассказала, как бежала от немцев из Одессы. Отправилась с подругой в Красноярск. Рассказывала, а у самой слезы: много пришлось испытать за последнее время этой молодой 19-летней учительнице. «Никогда,— говорит она,— не думала, что буду здесь, да еще милиционером». А вот пришлось.

Холодно. В топках проводники постоянно поддерживают жар. Леса сменились снова степью. Едем на запад, а затем повернем на юг.

В 3 часа ночи приехали в Омск. Проводил Лилю, Тамару, Лелю. Забрался и спал. Разбудили под самым Петропавловском.

Захудалый вокзал. Такой же, как и весь город, глубоко провинциальный. Даже на улице, и то чувствуется медленная жизнь, вразвалку. Сравниваю с областными городами Украины. Колоссальная разница. Теперь особенно скучаю по Ташкенту. Далеко меня забросила судьба. Что будет впереди?

На вокзале встретил мальчишку лет десяти-двенадцати. С сумочкой за плечами. Рассказал, что едет из Свердловска в Караганду менять мыло на хлеб. Как Мишка Додонов из книги Неверова «Ташкент — город хлебный». Дома осталась мамаша, а его, Бориса, снарядили в Караганду. Едет зайцем, как устроится. Взял парня с собой и накормил его в буфете. Пускай почувствует парнишка о себе заботу. Ласка — большое дело.

Едем на Акмолинск. Последний этап. Остались считанные часы. Снег глубокий. Холодно. Юг, а тепла нет. В вагоне поют песни. Русские, украинские. Песня — неизменный спутник нашего человека.

Вчера, 12 апреля, было воскресенье. Ровно неделя, как выехали из Фрунзе.

Шубин отстал в Петропавловске от поезда. Сукин сын! А еще ратует за дисциплину. Святкин помог одной девушке достать до Петропавловска билет Хорошо сделал. Но ночью — сцена. Девушка (она оказалась техноруком Заготзерно тов. Михайловой) бросилась ему на шею (во всяком случае, так он сегодня рассказывал) и просила остаться погостить у нее. Заманчивая перспектива, но парень устоял от соблазна. Отстать от поезда — позорное дело. Долг службы — прежде всего. Здесь Святкин совершенно прав.

Все еще в дороге

26 апреля.

За это время много событий. Собственно, похожих, обычных. Акмолинск не случайно переводится на русский как «белая могила». Дыра невиданная. Особенно мучает погода. Ветер и ветер. Холодный. Пронизывающий. Ветер и дожди. До сих пор еще лежит снег и тает нехотя. В Ташкенте (да и во Фрунзе!) теперь не то.

В нашем военном городке грязь непролазная. А в городе — еще большая. Впрочем, и был-то там я всего несколько раз. Чего ходить, что делать?

Прошлое воскресенье с Яшей Какаулиным под дождем решили сделать вылазку в город. Поиски увенчались успехом. На концерте познакомились с хорошенькими (на первый взгляд) девушками (обе Ани). Но вот уже целую неделю не выберем время, чтобы сходить к ним.

А времени, в самом деле, остается мало. С утра и до позднего вечера все в поле. На ветру. К счастью, у меня во взводе хороший народ собрался: русские, да все старички. Все понятливые. Есть охота с ними заниматься. Понимают тебя и стараются учиться.

Первое время было не по себе. Непривычная обстановка. Давно уже не приходилось жить в таких условиях. Но к чему только не привыкает человек! Постепенно обвыкся. Да последние дни и погода пошла к лучшему.

Из Ташкента ничего нет. Тамара, видимо, только обещала писать. (Обещанного три года ждут!) Такое отношение заставляет и меня призадуматься: а стоит ли посылать ей аттестат, изливаться в своих чувствах? Может быть, и права Ляля, когда заметила, что все равно это бесполезно.

В маршевые подразделения пока не еду. Между тем, уже кое-кто из наших уехал. Дойдет и мой черед.

Хорошо, что из дома захватил учебники. Теперь хоть не надо попрошайничать. Наоборот, у меня просят.

Помощник попался мне хороший. Инженер-технолог. Парень трудолюбивый, уже побывал на фронте. Есть чему поучиться у него. С народом как будто сжился тоже хорошо. Жаль только, уезжают скоро, а тогда появятся новые. Кто, какие?

В комнате живем с фрунзенскими ребятами. «Местные» тоже неплохие. Народ, как народ. Только надо работать. А руки приложить есть к чему.

Сегодня в выходной нужно двигаться в город. В редакции «Акмолинской правды» познакомился с хорошим парнем. Коллега! Как было не зайти в редакцию. Профессиональный дух.

Акмолинск

1 мая.

Первомай. Праздник весны. Праздник радостный, веселый. Но мы сегодня работаем. Как всегда. Только вчера на поле после занятий собрались в кружок, уселись на лужайке по-узбекски, и политрук Кузнецов произнес речь. По-походному. Так, видимо, празднуют и на фронте.

Погода улучшилась. Грязь высохла. Но холодно. Теперь, небось, в Ташкенте совсем лето, а у нас в Ак-Моле весна только пробуждается.

В городе за это время познакомился с Аней. Жаль только, что видеться приходится «после пятницы в четверг». Нет времени. Работы по горло.

В социалистическом предмайском соревновании мой взвод занял первое место. Народ гордится: старички не подкачали (есть еще порох в пороховницах!). Но кому много дано, с того много и спросится.

К акмолинской жизни начал привыкать. Обживаюсь помаленьку. Так все и пойдет своим чередом. Снова горькая обида на Тамару. И позавчера на почте ничего не оказалось: ничего не пишет. Может быть, и в самом деле Броня права насчет нее? Кто его знает...

В прошлом году встречал Первомай совсем не так. А теперь... Иная жизнь, иной напев... Теперь наше производство — наша рота, наш цех — товарищи по блиндажу, наш производственный план — расколотить фрицев. И расколотим. Я надеюсь: следующий Первомай встречу в кругу старых друзей с бокалом вина.

Бундиков, Цимбалюк уже уехали на фронт. Придет и мое время. Вот когда только?

А пока нужно готовить народ. И учиться самому. Убеждаешься в этом на каждом шагу. Учиться, на первый взгляд, казалось бы, совсем простым вещам. Особенно практические навыки у меня (да и товарищей тоже) маловаты. Быть же командиром не просто. В прошлом, когда из «Фрунзевца» ездил в части, разговаривал чаще с «большими начальниками» и многое «низовое» не замечал. Теперь познаю собственным горбом. Самый лучший способ. Наверняка запомнишь.

Анечка заинтересовала. Чувствую, что хочу с ней встретиться. Да и вообще встречаться. И Женя, мой новый друг, говорит, что Аня-первая (о ней и речь) заслуживает внимания. «А то,— говорит он,— я сам ей займусь». Вот и познакомил, называется, друга!

6 мая.

Событий как будто произошло много. Первомайские дни отпраздновал не так уж скучно. Был у нас вечер, пригласили Анечек (всегда ходят вместе!) и после «семейного ужина» были в клубе. Женя тоже заинтересовался Аней. А толстенькая его, похоже, и не волнует. Теперь могут получиться «сердца трех». Как у Джека Лондона.

Второго мая дежурил по городу. В редакции «Акмолинской правды» перезнакомился со всем народом. Там есть и эвакуированные из Прилук. Родная Черниговщина! Шура Флеризяк, мой старый институтский друг, тоже из Прилук. Где он теперь? Где теперь многие друзья? Тоже, видимо, пошли дорогами войны. Суровой, жестокой.

Мария Павловна из Фрунзе, или теперь просто Маруся, прислала письмо. Интересное. Пишет, что любила и любит меня крепко, что много страдала, провела много бессонных ночей. И последний вечер не пришла в театр, потому что ей было горько слушать от меня одни только воспоминания о Ташкенте, о Тамаре. А я такой олух бесчувственный и не замечал, не догадывался об этом. Почему она раньше не призналась? А сейчас уже поздно. Остается только написать теплое, хорошее письмо, и пусть оно будет ей наградой за все страдания и бессонные ночи. Маруся! Почему так долго молчала? Почему скрывала? Разве есть что-нибудь плохое в том, чтобы сознаться в своих чувствах дру-

гому человеку? Нет и нет! А теперь остается написать словами поэта:

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди...
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет.
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

....

Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждет меня, тот пусть
Скажет: — Повезло.
Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой,—
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Но она, конечно, не будет ждать. Да и нужно ли это?! И не лучше ли мне выбросить из головы Тамару (все равно до сих пор нет ни единого слова), а любить того, кто меня полюбит. Итак, можно подумать, что меня прямо гложут любовные мысли. Нет! Это так, на досуге. А так все в поле. Больше даже, чем во Фрунзе. И погода куда бешенее. Сумасшедшая! Вот сегодня менялась неоднократно. Несколько раз на дню.

Служебные дела идут нормально. Работаю, как будто, *не гирше* других. Готовиться приходится по ночам. Снова, как дома, только без таких удобств. Но что поделаешь? Воюем ведь. Где тут место личным горестям?

16 мая.

А мимо идут поезда. Идут и идут на север. Туда, куда путь в Ташкент, во Фрунзе. Так же и идут дни. Незаметно. С утра и до глубокой ночи «мотаюсь». Все на поле. В обеденный перерыв с таким желанием добираешься до койки, чтобы хоть часок отдохнуть. А там снова на занятия...

Последние дни немножко посвободнее. Народ отправили в маршевые подразделения, осталось ждать нового поступления. А старичков жалко. Только что простился с ними возле вагонов, и тошно на душе.

А так, признаться по совести, особенно мечтать о былом не приходится: нет времени. Теперь это уже в полном смысле слова не то, что когда-то в Ташкенте.

К Анечке ходил редко — раз в неделю. А вчера сестра ее сказала, что Аня насовсем уехала в Павлодар. Значит, не бывать нашей дружбе.

Дни наступили жаркие. И ветер, ветер! Шальной.

18 мая.

Нежданно-негаданно познакомились с двумя хорошенькими девушками. Раей и Надей. Мимоходом, по дороге домой. Сначала пару слов, а теперь уже заходили в гости. Эвакуированные из Украины. Вот и новое знакомство.

Днем снова кросс. Бежал неплохо. Дистанцию преодолел легко. Не так страшен черт, как его малюют.

Из Харьковского училища приехали ребята. Один из них, Володя, попал к нам во взвод и заселен в нашу комнату. Устроились неплохо.

Сегодня получил от Тамары открытку. За два месяца — всего лишь открытку. Пишет: «И не беспокойтесь обо мне, я себя хорошо веду». Ну, и пускай себе! Велика важность, если даже и плохо себя ведет. После такого «внимательного» отношения ко мне стоит ли вообще беспокоиться о ней?! За два месяца (даже больше!) удостоила меня одной открыткой.

Сегодня впервые сыграл в волейбол. Как когда-то в Яхновцах, Чернигове.

Радио приносит радостные вести. Немцев жмут сильно на запад. Особенно хорошо идут дела на Харьковском направлении. Грудами трупов платит немецкий оккупант за каждую пядь захваченной советской земли.

Наши товарищи своими поступками заносят на страницы истории подвиги, которых человечество никогда не забудет. Когда заново покроются поля золотистой пшеницей, когда заново забелеют стены восстановленных городов и сел, когда жизнь заиграет снова высокой радостной волной, воины Красной Армии будут знать, что это их труд, это их доблесть принесли свои плоды.

21 мая.

Пошел крупный снег. В мае... Порывистый ветер хлестал в лицо. Холодно. Хуже, чем в студеную пору во Фрунзе. Ну, и природа здесь! Черт ее только выдумал. Все переселяемся. Тоже нечего делать, так выдумывают. Володю перевели в истребители. Жаль, что ушел. Хороший парень, вместе с ним ходили к девчатам. Изредка. А девушки попались хорошие. Рая рассказывает, что жилось ей горестно, потому она такая нелюдимая.

Занятия все так же. В поле и в поле. День-деньской. Недели несутся с быстротой курьерского поезда. Не успеваешь оглядеться.

Подружился с Коминым. Парень в смятении: жена из Ашхабада бомбит телеграммами и письмами. Говорит, что плохо быть женатому. По-моему, не совсем это правильно. Ведь приятно знать, что кто-то вспоминает о тебе, беспокоится. А что у меня? Тамара — пустой звук. Даже не стоит ей писать. К чему? Раз не отвечает. Видимо, все-таки Броня кое в чем была права.

23 мая.

Сегодня выходной. За окном свирепствует ветер. Совсем осенний ветер. Гонит черные, свинцовые тучи и, наверняка, нагонит снег. Хотелось сегодня с Раей и Надей сходить на Ишим, отдохнуть на бережку, но и дома холодно. Топим печь. Правильно вчера заметил один акмолинец: «Май, май, а шубы не снимай». Иной раз появляется желание страстно ругануть эту погодку, но теплее-то от этого все равно не будет. Терпи!

Живем и спим с Яшей Какаулиным рядом, в одной комнате. Друзья сошлись вновь.

Вчера в театре смотрели «Наталку-полтавку», ставили какие-то залетные украинцы. Через два дня ожидают здесь Вадима Козина. Война забросила и его в Акмолинск.

Рая крепко любит. Вчера в этом убедился. Любит и ревнует. Сегодня будет ждать. Обязательно пойдем. Девушка она хорошая. Скромная, простая. Одним словом, нежданно-негаданно пришла ко мне любовь.

Завтра нужно выпускать газету. Политрук вчера еще напоминал.

2 июня.

Часто и хочется взяться за дневник, но времени не выберешь. Может быть, это и кажется смешным, но факт остается фактом. За день так натопчешься, что единственная потребность — отдохнуть.

А тут еще эта Рая. Кажется, никто меня так не любил, как она. Даже странно.

За Надей ухаживал Вячеслав, но вчера он уехал на фронт. Расстались. Наверняка, больше не увидимся.

У Кобицкого дрянь дело. Не клеится. И странный он парень. Так же, как и наш комроты. Вечно недовольная душа, вечно где-нибудь ищет блох. Пытается найти там, где их совсем и нет.

На политзанятиях у меня присутствовало проверяющее «начальство», осталось довольным. Хорошо! Так и должно быть.

16 июня.

Оно, конечно, заглядывать в дневник нужно почаще. И время можно выкроить. Но трудно — учебе отдаем все время. Иначе нельзя. Бои, разгорающиеся с новой силой, требуют резкого повышения качества военной подготовки резервов. Исход войны решает не только количество, но и качество пополнения. Резервы нужны такие, чтобы они могли действовать сразу же эффективно, сумели бы сразу войти «в дело». Здесь, у себя в тылу, мы должны чувствовать поле боя, дыхание войны.

И мне должно быть страшно стыдно, если, паче чаяния, подготовленные мною бойцы там, на фронте, спасуют, окажутся неучами. Поэтому действие, непрерывное действие, а не словесность — вот что обеспечит успех.

Мешают немного странные порядки, которые хочет ввести Климчук. Ему кажется, что он поборник высокой организованности, а на самом деле своими дурацкими действиями создает паршивые условия для работы.

Теперь часто хожу в город. Рая совершенно меня «атаковала». И я тоже не остаюсь в долгу. Несколько раз пробиралась через часовых сюда к нам, чтобы увидеться. Ее родители — симпатичнейшие люди. Надя скучает по Владиславу. Ждет письма с фронта.

Вчера уехал и Степенко. Из нашей комнаты. Так незаметно подойдет и наш черед. Яша Какаулин тоже ждет не дождется.

Дни стоят жаркие. Купался в Ишиме. Единственная радость. Река — замечательное дело. По вечерам в сумерки собираемся иногда в соседней комнате и поем.

Джигит прислала открытку. От остальных нет ничего. И я тоже молчу. Наверное, думают, что воюю. А я все еще в Акмолинске. Дожди меня моют, засыпает пыль...

Давно задумал сходить к полковнику, поговорить о наших порядках и беспорядках. Необходимо, но откладывал изо дня в день. Нужно решиться. Поймет ли только он? Должен бы. Однако часто бывает и наоборот.

18 июня.

Все порываюсь попасть к полковнику. Нужно ему рассказать о беспорядках, чтобы улучшилось положение. Может быть, этим навлеку на себя гнев ротного «начальства», но ничего. Прежде всего, я человек и гражданин. И не умею жить спокойно. Беспокойное сердце — мой мучитель, с ним невозможны никакие компромиссы. Сознание того, что не можешь сам исправить положение, а другие не хотят тебе помогать, как вампир, сосет душу. Ну почему же так устроено, что «глупое счастье, одних постоянно с головы до ног осыпающее благовонными розами, а других вечно томящее в цепях разнообразных страданий» (Левитов. «Хорошие воспоминания»).

Кобицкий окончательно чудачит. На одном часу политзанятий дал 11 нарядов. На всякого глупца... Ребята его сегодня извели, но с него, как с гуся вода.

Через четыре дня — годовщина начала Великой Отечественной войны. Ровно год. Срок не малый. Скоро нужно ожидать решающих схваток, решающих боев. Таких, каких не видел мир.

21 июня.

Приятно получать хорошие письма. Вот вчера получил письмо от своих бойцов, уехавших маршевой ротой на фронт. Благодарю их за теплое, хорошее слово. Вот это письмо из Старицы:

«Здравствуйте, уважаемый тов. командир. Сидим в лесу недалеко от фронта и ждем приема нашей роты представителем дивизии, как будто гвардейской. Надо полагать, что через несколько дней вступим в бой с презренными врагами. Мы находимся недалеко от города Ржев, он еще занят немцем. Поговаривают, что враг очень сильно укрепился и очень трудно его выбить, но мы надеемся, что наша команда автоматчиков, обученная Вами, сломит, безусловно, его упорное сопротивление. Мы сильно скучаем по Вас и очень часто вспоминаем, ибо Вы

с нами обращались, как, действительно, товарищ, и мы это учитывали и очень Вас уважали. И сожалеем, что Вас нет здесь с нами. Пожалуй, мы бы воевали с Вами еще дружнее. Должны Вам сказать, что когда командир заслуживает хорошее уважение и любовь к бойцам, они готовы в любое время выполнить любое его приказание. Но надеемся все-таки выполнить любое задание командования не ниже, как на «хорошо», т. е. уничтожить по возможности всех гитлеровцев и первыми быть в Берлине. Когда узнаем точно нашу часть и адрес, Вам сообщим, и будем вести дружескую переписку. Пока всего хорошего, будьте здоровы, постарайтесь обучить бойцов новых не хуже, чем нас. Привет Никитану Фролову.

С тов. приветом, Арановский. Письмо мною написано от имени всех бойцов нашего взвода».

Дорогие товарищи! Чувствуют ли они там, как приятно мне получить от них такое письмо. Оно — лучшая награда за мои труды, за старание. Что стоит любое поощрение командования против такого письма бойцов?! Значит, мои труды все-таки принесли какую-то пользу, не пропали даром. Хотелось бы мне снова их всех увидеть, поговорить. Удастся ли когда-нибудь?

Беседа с полковником принесла свои результаты. Климчуку он сделал строгое внушение. И главное — на полковом совещании. Теперь нам нужно держаться вовсю: в своей комариной мести «обиженное начальство» может дойти до чертиков. Разгорятся страсти обязательно. Неуравновешенная, нервная натура Климчука не даст ему покоя. Начнутся сцены. Вместо того чтобы перестроиться решительно на другой лад, он будет упорствовать в своей неправоте. Есть такая категория людей — вечных возражателей, которые беззастенчиво подтасовывают факты, лишь бы возразить. Они думают, что способствуют равновесию земного шара, а на самом деле своей глупостью и подлостью увеличивают только море безалаберных дел людских. Глаза уже привыкли смотреть на это море. Иногда только, подобно герою «Аркадского семейства», хочется помочь храброму и честному пловцу жизненного океана, который, спасая менее сильных, сам тонет, теряя последние силы; и, вместе с тем, стукнуть в лоб негодяя, который из трупов, уничтоженных им, сделал себе широкий, покойный мост (или плот) и с улыбкой добродетели подъехал на нем к мирному берегу.

Все это, может быть, и лиризм, но без лиризма я не могу. Решительно не могу. И это, по-моему, вовсе не порок. Так ведь?!

22 июня.

Ровно год с начала Великой Отечественной войны. Как много изменилось за это время. Закалился в борьбе, возмужал советский народ. На митинге выступали бойцы и командиры. Все говорили об одном — скорее бы разгромить коричневую чуму. Скорее! Близок час возмездия, час расплаты!

День сегодня прошел обычно, так, как всегда. Если не считать купания в Ишиме. Хороша студеная вода. Хороша волнистая зыбь. Совсем как на Десне. Только берега без леса, и город не тот. И друзья не те. Далеко остался Чернигов, быстрая Десна, байдарки, лодочные прогулки, маевки в сосновых борах. Все прошло, промелькнуло, как в окне курьерского поезда. Осталась строгая будничная действительность. Праздники будут потом, после войны!.. Разобьем фашистскую нечисть, а потом запразднуем. Хорошая снова жизнь пойдет, веселая.

Писем ни от кого не получал и сам не пишу. Плохо, но что поделаешь. А написать нужно. Об акмолинском житье-бытье замолвить пару слов, о думах, чаяниях.

25 июня.

«Коля! Видимо, ты решил, что я забыла совсем тебя?» Конечно, решил. Столько времени не получал от Ляли Богдановой письма, а вчера получил. Пишет, что радостей мало, о себе как-то не думаешь. Все мысли направлены к одной цели: скорее бы разгромить ненавистную сволочь, коричневую чуму.

Правильно, Ляля! В жизни народов, в жизни каждого человека бывают суровые часы. Нужно уметь глядеть правде в глаза. На нас идут палачи, которые хотят обратить наш народ в быдло, в холопов. Мы знаем, что теперь поставлена на карту наша свобода, наша жизнь, наше будущее. Никогда и никогда наш народ не будет рабом!

Сегодня опубликовано сообщение Совинформбюро: «Политические и военные итоги года Великой Отечественной войны». Время работает на нас. Все события поворачиваются в нашу пользу. Год войны обнаружил полный провал политических и военных планов германского империализма, полный провал империалистической гитлеровской идеологии. Разгром гитлеровской банды неминуем!

Вчера ночью ходил по врачам. У Нади серьезно заболел ребенок. Пришлось вмешаться и отправить в больницу. Там спокойнее. Дома ведь народ начнет заниматься кабалистикой.

26 июня.

По дороге и в городке пыль метет. Ничего не видать сквозь эту туманную пелену, которая навевает печальное настроение. Как издали иногда шумит прорвавшаяся речная плотина, так и сейчас гудит ветер. «Какой жизни принадлежит его тяжелое дыханье?» — думаю я про себя, прислушиваясь к этому шуму. Порыв ветра умчался дальше, налетел другой, а думы остались. Нескончаемо длинными кажутся они.

Вчера ходил утешать Надю. Дочурка ее так-таки и не выжила. Похоронили девочку. Надя затосковала. Как могли, ее утешали. Доказывали, что раз так суждено, то чашу сию нельзя обойти. Испытания нужно выдержать.

На улице хорошая ночь. Единственное хорошее время суток. А днем... Песок и солнце. Палящий пожар жжет и крушит природу: все носит на себе печать какого-то уныния. Одинокие деревья (изредка совсем), не шевеля ни одним листом или сильно качаясь под порывами ветра, как будто страдают оттого, что выросли здесь. Пыльные улицы, тихий городишко. И великий художник, пожалуй, не сумел бы оживить эту тихую картину.

Сегодня занятия по инженерному делу понравились. Действительно, саперы играют на войне очень важную роль. Их мины, фугасы, «сюрпризы», ловушки и заграждения подстерегают врага и, судя по всему, наносят ему чувствительный урон.

Мы видели, как пустяковый 200-граммовый заряд прессованного тола мгновенно поднимает столб земли и огня. Подбрасывает его кверху, разносит и разбрасывает далеко. И всего 200 граммов. А что получается от взрыва 100-килограммового фугаса? Страшно представить.

Совершенно очевидно, что все мы, готовящиеся на фронт, должны изучить саперное дело, подрывную технику, уметь быстро устанавливать мины, а главное, как войсковые командиры должны уметь обезвреживать мины, находить минные ловушки, минные поля и обезвреживать их. Это непростое дело. Тем более интересно овладеть такими знаниями.

Акмолинск

3 июля.

Снова в пути. Стоим на каком-то полустанке за Челябинском. Раннее утро. Подошел встречный: Оренбург (Чкалов) — Свердловск (это город Бориса).

Итак, еду в служебную командировку в Джамбул. Чтобы увидеться с Ядей в Аральске и попасть хоть на часок в Ташкент, решил ехать через Челябинск и Чкалов. Еще никогда не приходилось быть в этих краях. После казахских степей глаз отдыхает: прекрасные пейзажи. Настоящие русские. В Челябинске повезло: сразу пересел с поезда на поезд. Стоило опоздать на десяток минут, и тогда жди целые сутки. А так выигрываю день.

В Чкалове дал телеграмму Яде — пускай выйдет на вокзал. Не виделись ведь с 1938 года, последний раз — в Харькове.

С командировкой мне повезло. Уже оформили документы на Женю Калина, но в самый последний момент мне удалось уговорить начальников и поехать. Ведь попаду в Ташкент! Удачный случай. Забрался в такую даль, и вот теперь подвернулось счастье. Снова увижу Тамару, своих друзей. Снова буду в Ташкенте. А из Джамбула позвоню Марии Павловне во Фрунзе. Одним словом, повезло, и, может быть, в последний раз. Климчук обещал послать на фронт «за непослушание». Пускай! Подумаешь, испугал рыбу водой.

Все разговоры о трудных посадках в вагоны неправдоподобны. Все нормально. Ничего особенного.

Не отхожу от окна. Прекрасный свежий воздух. Лес и сочные луга. Раздолье. Преобладают кудрявые березы. Стоят они кучами, как в хороводе. Вчера пронеслась гроза. Такого шквального дождя давно не видал. В Узбекистане никогда такого не бывает. Замечательное зрелище. Черное небо разрезают зигзаги молний, рокочет гром, хлещет дождь, вздымая облака водяной пыли... Красота.

Выехали 1 июля в 12 часов. В вагоне до Петропавловска познакомился с хорошим акмолинским парнем. Григорьев работает в областном отделе НКВД. Приглашал зайти к нему. Надо будет зайти.

От Челябинска прошли 45 километров. Стоим в Еманжелинске. На перроне продают первую землянику.

4 июля.

Все едем к Оренбургу. Ночью проехали Орск. Тот самый, в крепости коего отбывал ссылку Тарас Шевченко. Кругом только степь да степь. Вот где раздолье нетронутой земли. Прислать бы сюда тружеников, и заколосились бы тучные поля пшеницы, ржи...

Попадаются возвышенности, а только что проехали даже через туннель.

Все ближе и ближе Ташкент. Что-то там новенького? Наверняка что-то есть. Через пару дней узнаю. Как-то меня встретят на сей раз? Может быть, и не стоит заезжать? Но слишком велико искушение.

Из номера «Челябинского рабочего» узнал, что Государственный ордена Ленина Академический Малый театр в Челябинске. Вот куда его занесло. Если бы задержался в Челябинске, обязательно сходил бы (мечты, мечты!).

Советское Информбюро сообщает нерадостные вести. Противник, не считаясь с огромными потерями, продолжает ожесточенный штурм Севастополя и наступает на Курск. Сколько они еще будут наступать? Проклятые фрицы!

Случайно подвернулось Марусино письмо из Фрунзе. Нахлынули воспоминания. Первая встреча во время первой командировки, последнее наше с Яшей Какаулиным посещение девушек перед отъездом в Акмолинск и, наконец, тот вечер в парке...

Какой все-таки я недогадливый. Правильно говорила Маруся, что я — «замедленного действия». Как видно, она права.

Стоим и ждем встречного. Напротив моего окна надпись: «Разъезд № 9 Оренбургской ж.-д.». Надрывается петух: всего только 7 часов утра. За разъездом синеют хребты. Возле одного товарного вагона на подмостках разослана постель, и кто-то богатырским сном спит. На нас — ноль внимания. По утрам хорошо спится. Даже мой сосед сверху что-то невнятно мычит. Интересно, что ему снится?

А мы стоим. Под окном важно расхаживает курица. Теперь она в большой цене. Куда-то бегут вдаль телеграфные провода. Ранние пассажиры расхаживают вдоль вагонов. Кое-кто с лукошком — надеются достать молока. А вон и хозяйка с двумя ведрами пошла по воду. Просыпается жизнь.

5 июля.

Вчера удалось «поболтаться» в самом Оренбурге-Чкалове. Городок приличный. Парковая улица и площадь Советов понравились. Очень много летчиков. Что ни улица, перекресток, то и летчик. Все с орденами. Вечером через коменданта удалось влезть на поезд № 74, идущий прямо на Ташкент. Влез с боем. Помогла «строгая» бумажка и особенно ссылка на телеграфное распоряжение штаба САВО.

Как бы там ни было, а уже стоим в Актюбинске. Ночью пришлось дать телеграмму в Аральское море, что выезжаю не 56-м, а 74-м. Еду и боюсь, что теперь перепутают все на свете и никто не выйдет на вокзал. Да еще если задержат телеграмму доставкой (часто так ведь бывает у почтарей). Сосед по купе, матрос с Балтики,— мировой «братишка». Рассказывает, удивительно интересно рассказывает о боях под Ленинградом. Особенно, как моряки действовали «по-пехотному».

Только что прочли зощенковский «Диктофон» и рассуждаем о ресторанных делах.

Ветер свирепый гуляет за окном. Скоро подъезжаем к Ак-Темиру. Почему так называется? Шут его знает. Много ведь мудреных названий. Разве все узнаешь. Не обнимешь необъятного.

Уходит вдаль дорога, мчатся вдоль дороги столбы. Вспоминается Генрих Гейне, написавший свой житейский привет:

Земля — столбовая дорога, на ней
Мы все пассажиры, и разным манером
Несемся, пешком ли, иль взяв лошадей,
Подобно гонцам-скороходам, курьерам.
Друг друга встречаешь, кивнешь головой,
Поклон посылаешь платком из кареты,
И даже обняться бы рады душой,
Да лошади мчатся, и времени нету.

Скоро Ташкент. Хоть на несколько часов увижу Тамару. Даже несмотря на такое безразличное отношение ко мне, я люблю ее. Я знаю одно: я ни разу до нее влюблен не был. Все, что до этого,— фальшь. Я сам ошибался: принимал за любовь желание любви, поклонение тому прекрасному идеалу, который рисовало мое воображение. Что я нашел особенно хорошего в Тамаре — не знаю и не хочу об этом думать. Я замечаю, что безразличен Тамаре. И что же? Ну, нет взаимной любви — и только.

Через день увижу тетю Марусю и Ядьку. Все это вновь напомнит мое детство, безрадостное, сиротское. Я мало знаю о моем детстве. Знаю только немножко отрывочных фактов, а об остальном догадываюсь. Мать помню, чуть-чуть помню. Помню, что меня она очень любила. Помню и ту последнюю, роковую ночь. Перед своим отъездом на операцию в Речицу мама взяла меня к себе на постель и долго ласкала. А я (дурак эдакий) еще вырывался от нее. И больше мамы не видел. Только потом, у тети, затаив тяжкое горе свое на дне души, часто забивался в подушки

и горько плакал о том милом образе мамы, который неизгладимо жил в моей душе, плакал горько, едва сознавая сам, о чем я плачу... Видимо, это горе залегло на всю жизнь. Плохо без матери.

Помню хорошо я дни в Городне у дяди и у тети, с которыми, может, встречусь в Аральске. Помню наш старый сад с густой крапивой. Нередко, вооруженный деревянной саблей, я врезывался в самую гущу крапивы, которая в моем детском воображении рисовалась полчищем татар, и рубил ее, отчаянно рубил. Сад жил прекрасной, хорошей жизнью. Любил я страстно (и сейчас люблю) природу. Может быть, этому способствовал любимый украинский край, край, о котором хорошо сказал Семен Яковлевич Надсон:

Пишу вам из глуши украинских полей,
Где дни так солнечны, а зори так румяны,
Где в воздухе стоят напевы кобзарей
И реют призраки Вакулы и Оксаны;
Где в берег бьет днепровская волна,
А с киевских холмов и из церковных сводов
Еще глядит на вас седая старина
Казацкой вольности, пирушек и походов.

Хорошо, что веду дневник, Иногда меня охватывает чувство одиночества, хочется поверить кому-нибудь свои радости, печали, а вокруг никого. И вот тогда на помощь приходит дневник. Иногда бывает досадно на себя, что я не сильный, не могучий Лео, а такой же, как и все прочие, бесплодный мечтатель; и моим мечтам, если верить «Обыкновенной истории», никогда не осуществиться.

6 июля.

Днем приехали к Аральскому морю. Сомнения все рассеялись: на вокзале Аральска встретили тетя Маруся и Ядя. Что можно сказать друг другу за 15 минут? Тем более, когда хочешь сказать многое, то не скажешь даже малого. Вот и у нас так же получилось. От Яди здорово попало, что я не пишу писем. Нужно исправиться обязательно. Вот они, мои спутники детства. Тетя крепко изменилась, а Ядя — мало.

Поезд уходил. Я оставался на подножке и видел, как долго стояли они на перроне, провожая меня. До новых встреч, до нового свидания...

Опаздываем на 12 часов. До Ташкента, как видно, еще опоздания прибавится.

8 июля.

Проснулся на заре. Да и можно ли спать? Вот-вот Ташкент. В 8 часов утра сошел с поезда. Вот он, мой старый город. Город, с которым связано так много воспоминаний, радостей, горя. По дороге домой встретились с Тамарой. Случайно так получилось. Вовочка болеет. Жизнь у них крепко изменилась. Днем пустился в «визитный» объезд. Встретился в ЦС с Шумило, Пятаковой, Апполупом, Богдановой. Приятно встретиться с друзьями. Расспросы, ответы. Многое можно бы рассказать, но всего ведь и не скажешь. Ляля обещала писать. Звонил Ляле Шпадской (ленинградской) по телефону, а Людмилу, Джигита, навестил. Болеет бедняжка. Мамаша встретила меня радушно. Сергей тоже в армии. Представляю его в роли командира. Клаве звонил, обещала прийти провожать на вокзал (и пришла). Вечером (не хотелось, но служба — не тетка) после некоторых волнений достал билет и устроился в 81-й. Итак, снова в путь, на Джамбул...

Думаю, что в Ташкент еще удастся выехать. С Тамарой на вокзале так и договорились: заехать нужно обязательно. Но как обернутся обстоятельства? Все будет зависеть от дела. Так ведь?

А пока в дорожку дальнюю, в Джамбул...

Ташкент

Тетрадь VI

Начата
9 июля 1942 года
в Джамбуле

9–10 июля.

Сегодня в 4 часа приехал в Джамбул. Моя конечная (пока!) остановка. До облвоенкомата пришлось отшагать километров четыре-пять. Пылища невероятная! Городишко весь в зелени, но слишком смахивает на большую деревню. Облвоенкомом оказался Дьяк, тот самый, которого когда-то встретил по дороге во Фрунзе. Людей в Акмолинск отправили еще вчера, и мне ничего не оставалось делать, как отправиться обратно в Ташкент. Из города до вокзала любезно проводила девушка. Всю дорогу рассказывала о джамбульской жизни. Начальнику штаба Черенкову послал телеграмму, что «груз отправлен», и вечерним поездом выехал.

В вагоне познакомился с интереснейшей дамой. Ехала из Новосибирска в Чимкент. Сама она обрусевшая эстонка, инженер. Быстро с ней освоились и даже слегка пофлиртовали. В Чимкенте на вокзале она проводила меня — и распростились.

10-го днем снова в Ташкенте. Конец дня отдал сну. Выспался за две ночи сразу. А вечером поздно пришла Тамара. Немного на нее обиделся, что не была со мной.

Джамбул—Ташкент

11 июля.

Все эти дни в Ташкенте. Дома. Впрочем, где мой настоящий дом, трудно сказать. Окончательно убедился (и тому много примеров), что Тамара меня не любит. Наоборот. У нее нет даже товарищеского такта по отношению ко мне. Другие друзья встретили прекрасно. Ляля Богданова, Сергей Тимохин, Лева Сигалов, Толя Стажило, Клава Майорова — все были рады. Особенно Клава. Сегодня вечером был у нее дома. Живет комфортно. И сестра у нее симпатичная. Провожала меня к трам-

ваю, рассказывала о своих «похождениях». Почему я раньше не занялся Клавой? Вот теперь, по существу, и заехать не к кому. Дома неприветливо встретили. Больше того, хозяйка попалась с поличным: распродавала на базаре мои майки. Какое нахальство! Словно заживо хоронят...

Вокруг Тамары много сплетен. Кумушки с Тезиковой дачи чешут языками. Тамара живет плохо, но и к жизни она весьма неприспособлена. Жила за спиной мужа и папы, а теперь вот, когда пришла тяжкая година, бьется, как рыба об лед, а «возу все нет ходу». Ребятишки болеют. Вовочка совсем истощал.

Одним словом, вместо долгожданного, пусть короткого отдыха в Ташкенте получились одни переживания. В сердце осталась тоска, на душе жуткий осадок. Вечером Тамара получила телеграмму для меня от Раи. Вот Рая — та не забывает, видимо, любит по-настоящему. И нужно платить ей тем же.

Целый день ушел на оформление рекомендаций. Дали мне их Михайлов и Терентьев. Полковник Михайлов написал хорошую. Вот она:

«Знаю тов. Бунда с 1940 года по совместной работе в системе Осоавиахима УзССР. Тов. Бунда состоял постоянным корреспондентом газеты «На страже». С комсомольской прямотой, правильной критикой, невзирая на лица, исключительно помогал своевременно изживать недочеты в системе Осоавиахима.

Живой, любознательный, он в самый короткий срок изучил многогранную работу нашего оборонного общества и помогал руководству.

Хочется отметить его исключительную ненависть к врагу Родины, желание быть полезным на фронте. Тов. Бунда неоднократно подавал заявление о зачислении его добровольцем в РККА...» и т. д. Вот какого мнения обо мне тов. Михайлов. Спасибо ему большое. Не злопамятный он человек, принципиальный.

14 июля.

День начал с Кировского райкома. Затем думал достать машину: нужно переехать к Тезиковой, пока мои хозяюшки всего не распродали. Но машины нет ни в аэроклубе, ни у Правдивцевой в Снабе. Пришлось отложить до следующего приезда. Может быть, еще приеду, снова подвернется счастливый случай? Все может быть.

Днем с Тамарой случились судороги. Стало мне ее жалко. Жила все время, не ведая ни забот, ни печали, а вот теперь беда.

Но почему у нее такой дрянной характер? Почему она так цинично относится к другим?

Быстро собирался в дорогу. Укладывал рюкзак, мешок. Вечером — в обратный путь. В Ташкенте оставаться не хочется. Да и зачем? Чтобы слушать бесконечное нытье и жалобы? Как будто я виновник всех бед и несчастий. *Не мела баба клопоту...*

На вокзале, как водится, билета не достал, пришлось примазаться к команде и всунуться в вагон. Единственное спасение — находчивость. Так и выехал. В 10 часов вечера последний раз проехал мимо Ленинского училища, Чирчикстроя. Родной (сколько лет с ним связано!) город последний раз блеснул огнями и постепенно скрылся. Уезжаю с нерадостными мыслями. Неприветливо встретили меня дома, по-хамски. Вот такая благодарность за мою заботу, за мои думы. Черная неблагодарность. Ну, что ж. Пусть будет так.

Видимо, это и считается «хорошим воспитанием», которым так кичились Ляля и Тамара. Можно говорить умно, считаться образованными, но поступать плохо, гадко. Так, как поступает Ляля со своим мужем. Аттестат от него получает, а уже «вышла замуж» за другого. И вот приедет с фронта муж. К кому приедет? К чему? Ни к чему. Таковы-то теперь жены. А Ляля ведь вслух читала его письма, и я слышал, какие сердечные послания посылал ей муж. Собственно, так же, как и я Тамаре. А чем она мне ответила?

20 июля.

Сижу в Петропавловске на вокзале, в парикмахерской. Жду своей очереди и пишу. Остались позади дорожные волнения. Снова вижу симпатичную парикмахершу (заметил ее еще на переднем пути), снова отобедал на продпункте, и вечером — последний этап: посадка на Акмолинск. Что-то там новенького?

Дорогой встретил Гришу Гуревича из «Комсомольца Узбекистана». Теперь он политрук, едет в Караганду. Встретил его совсем случайно в Или. Каких только встреч не бывает в жизни! В Новосибирске окончательно познакомился с «рубцовской» пассажиркой, Дусей. Приехала в Новосибирск, чтобы встретиться с мужем — он должен был проезжать станцию. Никого, конечно, не встретила и засела в Новосибирске: билета ведь не достать. Вместе с Дусей (никак не вспомню ее фа-

милию) сдавали вещи в камеру, ходили на «Дочь моряка», гуляли по зеленым улицам, устраивались на скамейках и отдыхали, и, наконец, 19-го утром расстались. Я — в Петропавловск, она — в Рубцовку. Остались лишь воспоминания о мимолетной встрече с Реутовой (наконец вспомнил ее фамилию!) — и все. Вагонное знакомство. Приглашала при случае заезжать. Снова обещала напоить чаем с рубцовским медом. Кто знает, может быть, и придется встретиться.

До Семипалатинска ехал с компанейским старшим лейтенантом-артиллеристом. Раненый, он едет в «глубокий тыл». Так написано в документах медицинских.

12 августа.

Воскресенье. Только что возвратился из ГСО (городской самовольной отлучки). Решил воспользоваться тем, что сегодня днем выспался, и писать. А написать много чего есть. Но многое уже успело выветриться из памяти: столько дней не разговаривал с дневником. Снова живу акмолинской жизнью. Старых друзей уже нет. «Фенаря» не застал, «Тринда-ринда» и Женя Калин уехали в Ташкент на курсы «Выстрел». Теперь я в их комнате и вспоминаю: хорошие были ребята. Увидимся ли?

Рая и вся ее семья встретили меня очень хорошо. Первое время совсем было переселился туда жить. Но сейчас Рая «надулась», и все разошлось. Жалею ли я? По-моему, нет. Раз она капризничает, то пускай себе. Собственно, дело значительно сложнее. Так и должно было случиться. Хорошее начало с плохим концом!

Климчук совсем изменился. Этак, чего доброго, вообще можно стать друзьями. Сначала дал в бюро убийственную характеристику. Но затем все исправил.

Несколько дней рыскал по Вишневскому району в поисках беглецов. Сукины сыны! И без того прибавилось работенки: Чугирис сосватал руководить всевобучем на военном заводе. Вечерами отправляюсь туда.

За это время проводили военно-тактическую игру в городе. Пришлось, по существу, заправлять наступающей стороной — «женской дивизией». Хорошо занимались, весело. Наступали тоже напористо — психической атакой.

Дело идет к осени. Становится грустно. Уже и теперь гостят дожди, холодные ветра. А что будет дальше? Холодища

и слякоть. Скорее бы выбраться из этого неприветливого края. Когда и куда? И кто его знает...

Акмолинск

17 августа.

Оказывается, известно куда. Желание исполнилось. Вчера ночью был в городе, а меня искали связные. Командир полка приказал меня и Бердникова прислать к 8.00 в штаб для откомандирования из части. Утро прошло в догадках: куда? В штабе выяснилось: в Фергану, в учебный полк. Получил «бегунок», собирал подписи по обходному листу. В партбюро политрук обещал сделать все от него зависящее, но документы оформить. Молодец он! Доканчивать придется там, в Фергане. Мог ли я думать когда-то, что придется служить в Фергане.

Политрук Кузнец огорчен тем, что у него забирают групповодов. Чудак он большой. Вечером зашел на улицу Сталина, 97. Дома была только Раина мама. Рая написала мне письмо. Сейчас вот оно лежит рядом. Работает радио, диктор сообщает последние известия. На кроватке глубоким сном спит Игорь. А я вот — за дневник.

Рая пишет: «Все мое внимание к тебе, какое уделяла я, было искренним, без всяких выгод и какого-нибудь намека на сожительство. Вот видишь, даже это мое объяснение скажет тебе больше, чем я смогла бы сказать». Вот так-то бывает. Теперь все закончится. Уеду я — и все. Останутся только воспоминания. Писать нужно будет, писать. Сейчас решил не идти домой, а ожидать девчат здесь. Последний раз. Все равно больше не увидимся.

Акмолинская жизнь окончилась. Теперь в Узбекистан: снова ненадолго Ташкент (ну, и везет же мне!), затем Фергана.

Сегодня, может быть, в последний раз, провожал маршевиков. Ребята махали на прощанье. Уехал на этот раз и Джампеисов. Кто-то теперь будет покорять акмолинских дульциней? Ну, найдутся новые!

К себе в комнату пустил нового лейтенанта, Генина. Хороший парень. Такой же, как и комиссар батальона Смирнов. Поздравил меня с хорошим отъездом. Младшие командиры Провон и Попов написали свои адреса. Нужно будет не забывать Провона Алара Михайловича. Таких людей трудно сыскать. Трудолюбивый, бескорыстный, внимательный. Не зря его любят бойцы.

Редактор бригадной газеты «Сталинский клич» тов. Усков ответил на мое письмо. Тепло ответил. Пишет, что с удовольствием будет ждать материалов. Жаль, но не придется нам с ним больше встречаться. Знакомство на час! Суждено ему было скоро прекратиться.

Акмолинск

22 августа.

Четвертый день едем в Фергану. (Эх, Фергана, Фергана, почему ты такая страна?) 18 августа был последний день в Ак-Моле. В Петропавловске снова ходили к знакомой старушке пить молоко. Почти день ждали поезда, так и не дождались. По настоянию ребят влезли в какой-то «специальный» 502-й. Ну и ехали!.. Обогнали нас и пассажирский, и товарные. Но самое страшное то, что со мной стряслась беда: преогромнейший флюс. До самого Новосибирска мучался с ним. Испортил мне всю дорогу. Пассажиры, как могли, помогали: кто достал йоду, кто пирамидон. Но все, как мертвому припарки. А тут еще присоединился грипп, и так еле-еле добрался до Новосибирска. Зато там как снова народился. Когда в ж.-д. поликлинике врач облегчила боль. Достали шалфей, всякие порошки, обвязали всю голову. Теперь похожу на бойца, только-только выскочившего из-под сильной артиллерийской перестрелки.

В Новосибирске никуда не ходил: после больничных манипуляций единственное желание было — заснуть. А вечером, вернее, в полночь, устроились (на этот раз хорошо устроились!) в ташкентский поезд. Рядом в купе — артист Абрикосов. Знакомый нам по фильмам «Вражьи тропы», «Бабы». Вот сейчас стоим в Рубцовске, а он на перроне беседует с девчатами. Те, конечно, тают: как же, они теперь будут хвалиться,— дескать, разговаривали с Абрикосовым. Всенародная слава, ничего не поделаешь...

Проехали полосу бора, а теперь все степь. Правда, степь совсем не такая, как возле Акмолинска. Здесь степь живая, чувствуется везде человек. Вон колосятся хлеба, качает сонно ковыль, стоят копны. То и дело в окне проплывают настоящие русские деревни. Деревянные. Алтай!

В Рубцовске думал, встречу Дусю (знакомую по Новосибирску), надежды не оправдались. Никакая Юлдуз не помогла. Как видно, обошлось без вмешательства доброго духа или, напротив, даже злого демона Эблиса.

Флюс отпустил, и я теперь имею возможность увлекаться «Батыем» В. Яна. Хороший роман.

23 августа.

Стоим в Аягузе. С нами в вагоне едет замечательная семья заслуженного деятеля науки, депутата Харьковского облисполкома, зав. кафедрой математики университета. Вчера он поделился своими переживаниями в Щучинске. А переживать пришлось много. За последнее время с нами крепко сдружился. Даже дал мне адрес, просил обязательно писать.

24-го утром проехали Алма-Ату. После долгого обрастания (проклятый флюс!), наконец-то, побрился, помолодел. Совсем хорошо. Наконец-то можно стоять у окна и любоваться природой. Хороша она.

Скоро Луговая. Близок, совсем близок Фрунзе. Да... Заехать бы туда, как бывало. Увидеть Марию Павловну... Но служба! Ничего не поделаешь.

8 сентября.

Все, как в калейдоскопе. В Ташкенте прожили несколько дней. Мои ребята желали оставаться даже еще. Напомнил им, что служба — не тетка... Тамара?.. Да что о ней писать. Живет по-прежнему. С ней на этот раз не ругались. «Трагедия» разыгралась только в последний день. Узнал, что Тамара продала мое кое-какое барахлишко. Обидно мне. Вот это, называется, удружил людям. За добро отплатили злом. Одно хоть утешение, что она, кажется, поняла, что сотворила гадкое дело.

С хозяйкой (особенно с Броней) помирился. Мне кажется, они, хоть и простой народ, но благородства у них больше, чем у кичившихся своей благовоспитанностью.

По знакомым особенно не расхаживал. С Ваней Бердниковым посетил немножко зрелищ, и все. Были у Клавы. Снова сборы — и вечером на поезд.

В Фергане все напомнило старое (сколько раз бывал в дивизии!). Даже штаб нашего полка помещается там, где когда-то сидел Титов. Снова я здесь. Но уже совсем в другом положении. Никто не присылает машину, и пришлось топать пешком.

Со штаба пошли в лагеря. О, поле, поле... Все сугубо лагерное. Даже больше. Все только организовывается, сколачивается. В поле отбыли несколько дней, а затем привалило счастье: утром выстроили и сказали: «Шагом марш в крепость». А крепость все же в городе. А в городе за это время уже образовались

некоторые интересы, называемые у меня — Соней, у Вани — Шурой. Одним словом, как в Акмолинске: «дуэт».

Итак, мы в крепости. То же самое знакомое место, когда-то приезжал сюда из «Фрунзевца». А теперь сюда уже командиром.

Дни заняты еще больше, чем в Акмолинске. Самим приходится быть и взводным, и старшиной. А хуже всего то, что нет командиров отделений, этой основы основ. Получается здоровая нагрузка. Правда, постепенно сбрасываем с себя кое-какую хозяйскую «мелочь», но конспекты!.. До поздней ночи «лепишь» их.

Мне повезло: получил под свое начало народ значительно лучше, чем другие. Много ребят русских. Именно ребят. Совсем юнцы. Кто-то метко заметил, что впору доставать детские колясочки. Но зато народ моторный, а это уже хорошо.

10 сентября.

Совсем не чувствуется осени. Сижу у открытого окна, во дворе маршируют после вечерней поверки роты...

«Гремя огнем и блеском стали...» — несется песня с подсвистом залихватским.

Час тому назад возвратились с Комсомольского озера. Там со всем своим народом организовывали плавание. Пришлось и мне несколько раз форсировать водную преграду.

Начались регулярные занятия. Пыль здесь классическая. Идешь — человека не видно. Все заносит основательно.

Снова приходится все чаще садиться за стол и браться за учебники: готовимся к занятиям.

А ночи хорошие, особенно здесь, где много деревьев.

По аллеям пляшут тени,
Составляя хоровод,
Как из пятен лунных бредень
По траве ночной плывет...

Председатель горсовета Осоавиахима очень хорошо ко мне относится. Спасибо ему. Устроил со стиркой белья, и вообще приветливо встречает.

Командир роты Морозов не таков, как наш Климчук. Поменьше кричит, правда, и толку-то от него не ахти. Но так уж заведено. Чем больше начальник, тем меньше он должен работать. Бывают, конечно, исключения, но редко.

Живем на казарменном положении. Вот-вот отбой, дневальный, что за дверью, напевает себе какие-то узбекские мотивы (что ему устав внутренней службы!).

Ваня приглашал, вернее, внес предложение: под выходной собраться у кого-нибудь вечерком. Не так-то просто это сделать. Соберешься, а тебя назначат дежурным. Вот и все, прощай, планы. Как это случилось со мной позавчера. Не успеешь оглянуться — и пожалуйте бриться.

Уже 23.00. Отбой. Хоть сегодня надо лечь вовремя. А то днем чертовски клонит ко сну. Причиной этому то ли недосыпание, то ли жара. Но положение таково. Все. Отбой!

17 сентября.

Пыль. Облака пыли, густой и едкой. На занятия ходим далеко за город. Пока дойдем, становимся черными. А дни еще стоят жаркие. Вчера купались в озере. Отрабатывали переправы при помощи табельных и подручных средств. Полезное заодно с хорошим. Немного подружились с зам. комбата. Впрочем, ко мне хорошо относятся и комбат, и комиссар. Сегодня, например, отпустили в город, в редакцию.

Кабарин, старый знакомый по Ташкенту, теперь редактором «Ферганской правды». Вчера был у него в гостях. Хороший он парень. Давно работает в газете.

Крайне необходимо написать статью во «Фрунзевец». Жизненно необходимо раскритиковать ряд недостатков, принципиальных ошибок, которые мешают подготовке командиров, отбивают желание работать. Мы с Ваней часто возмущаемся некоторыми «порядками», но что сделаешь. Кому скажешь? Все равно ведь дальше разговоров дело не пойдет.

С народом постепенно осваиваюсь. Кажись, наконец, закончились организация, реорганизация, перерегистрация, и теперь можно вздохнуть свободно. Народ уже постоянный, такой будет до конца, до выпуска. В этом отношении лучше, чем в Акмолинске. Более стабильно.

Иногда подмывает написать в Акмолинск, особенно Наде. Но все не выберешь время. День-деньской толчешься. Иной раз, вроде, и без толку. Но так положено. Часто случается, что шуму-то много, да в результате ничего. Вечерами готовим конспекты. А их на целых 10 часов каждый день. Хватает писанины. Благо, хоть никто не придирается. Лишь бы был конспект. Иногда бывает, что важнее всего форма. «Так положено»,— говорят начальники. Пускай их!

8 октября.

Сегодня выходим утром немного позже. Наконец-то добрался до дневника. И большие дела, и мелочи (а вообще-то в учебе нет мелочей) захлестывают с головой. Особенно туго приходилось, когда оставался и за политрука. Хватает хлопот и сейчас.

С Ваней несколько раз ходил к Соне. Но только несколько раз. Нет времени, да, признаться, и неохота. Стоит ли? Амурными делами и раньше мало занимался, а теперь и подавно. Все откладываю на после войны, в свободное время.

Какие же произошли события? Особенные. На привале после большого марша состоялось общее партсобрание, и разобрали мое заявление. Большое событие, знаменательное.

В подразделении каждый день делаю открытия: раскрываются новые характеры, новые люди. На глазах происходит перерождение. Народ молодой, приходится учить его не только военному делу, но и простым житейским делам. Особенно Абидов. Интересный курсант. К нему нужен особый подход. Все больше и больше убеждаюсь в том, что только тот командир может рассчитывать на успех, кто сумеет проникнуть в душевные тайники бойца, раскрыть его характер. Короче, командир должен быть хорошим педагогом, хорошим психологом. Ведь дело он имеет с живым материалом, а не с механизмами.

Баширов был скверный курсант. Страшно невыдержанный. Теперь, замечаю, резко изменился. Взял я его своим вниманием, добротой. Оказывается, не только строгость, а и внимание, чуткое отношение — тоже хорошее оружие для укрощения строптивых, «буйных» характеров.

Этим же и подкупает нас всех комбат Славгородский. Если бы он кричал, ругался (как многие!), пожалуй, никогда бы не сыскал себе такой любви, такого уважения, как сейчас. Вот оно как!

Писем нет. Да и сам-то не пишу. Все откладываю на воскресенье. Прошло одно, второе, а никак не соберусь написать. Вот в это воскресенье обязательно разряжусь.

10 октября.

Несколько часов тому назад был на партбюро. Отныне я тоже — член великой семьи большевиков партии Ленина-Сталина. В заявлении написал, что буду высоко нести великое знамя героической партии, не щадя своих сил, защищать любимую родину, советский народ. Написал от чистого сердца, в грозные часы...

Пройдут года, заживут раны, запашутся вражьи могилы, застроятся пожарища, и многие события сегодняшних (и завтрашних!) дней перепутаются в седых головах от частых рассказов и воспоминаний. Но для меня этот день останется в памяти незабываемым. А казалось бы, все по-деловому: канцелярия артдивизиона, вопросы, ответы...

Сейчас вечер, праздничный вечер. Завтра молодые курсанты принимают присягу. У них тоже знаменательный день. Помню, как я впервые во дворе 8-го батальона принимал присягу. Волнующие чувства.

Вечером был в казарме у курсантов. Только что оттуда. Часть ребят ушли в кино, а другие расположились в самых разнообразных позах. Все они разные, и вместе с тем — уже сроднившиеся. Всех их объединяет чувство единой семьи, то незабываемое, неповторимое, что перед лицом ежедневных трудов и учебы сближает людей и что остается потом самым дорогим воспоминанием.

Умурканов похвалился, что сегодня занимался на «отлично». Интересный он экземпляр. Нарушать дисциплину — первый, но и выполнить задание — тоже первый. Я видел его старания на тактическом выходе — душа не нарадуется. В бою, видимо, он тоже будет куда лучше тихонь, которые не способны набедокурить, но зато и не могут сотворить большое дело. Побеждают быстрые да сердитые, а не жалостливые, не мямли. Ферганский Умурканов, акмолинский Ивашкевич — как много между ними общего, похожего в характерах.

Начались дожди. Преимущественно ночные. Вчера грянула гроза. Интересно бы посмотреть, что сейчас в Акмолинске. Все-таки семья Олейниковых была моими друзьями. Хорошие, искренние, безо всякого коварства, корысти. Лучше всякой Тамары и иже с ней. Такой семьи, как Олейниковы, видно, мне больше не сыскать.

Шестнадцатый месяц длится Отечественная война. А конца ей не видно. О втором фронте пока только разговоры. Враг на Дону, на Кубани. Смелые, привольные казацкие земли попирают гусеницы немецких танков. По степям из неметчины расползается рабство, царят бандитизм, смерть. Глубоко жалко наши города и села, каждый километр, каждый метр земли. Почему отходят наши? Ведь Родина зовет! Родина кличет: остановись, боец, подумай не только о своей жизни. Если мы пропустим врага и дальше, плохо будет нам всем. До каких же пор

наши матери будут смотреть в уходящие спины воинов глазами, полными укора и слез? Под вражьим сапогом наша Белоруссия, родная многострадальная Украина...

У нас, командиров и красноармейцев, оружие, которое доверила Родина. Она доверила нам высокий пост защитников. И, если мы ее не защитим сейчас, так потом уже некого будет защищать. Потом отвернется от нас вся история, как злая мачеха. Так надо быть гордым и беспощадным, строгим сегодня, беречь народ, беречь Родину-мать! Сейчас, сегодня.

24 октября.

После трехдневного тактического выхода все еще прихожу в себя. Досталось всем. Особенно в последний день, когда из Ак-Пиляля проходили через горы. Впервые видел большой Ферганский канал. Но форсировали его быстро, под «огнем противника», поэтому и разглядеть его как следует не сумел.

На походе и беспорядков было многовато. Штаб, конечно, отнесет все за счет «младших», а на самом деле — они сами не сумели организовать учения как следует. Тактическая обстановка не понятна была даже командирам рот. А ведь каждый солдат должен знать свой маневр. Так!

Не зря решением правительства отменен институт комиссаров. Очень правильно. Давно я говорил, что политработники (за малым исключением) в последнее время не находят себе правильного места, страдают от безделья. Пример — наш Желдак. Безынициативный человек, которого никак не назовешь душой подразделения. Замерзшая, черствая душа, ничем не проявляющая своего присутствия.

За взвод надо браться крепче. У курсантов еще детский разум, и надо держать их в крепкой узде. Одни увещевания не помогают. Начинают много рассуждать (где надо и где вовсе не надо), огрызаться, упрямствовать. Может получиться нехорошо, если болезнь запустить, не сделать соответствующую операцию. Крикуны отстают и в учебе, а те «незаметные», кто тихо, без шума делают свое дело, выдвигаются в ряды передовиков. Таков, например, Трусов. Замечательный курсант. Дисциплинированный, исполнительный, аккуратный, точный. Молодчина! Нет ничего показного, все искреннее, настоящее.

У многих курсантов сейчас переходный период, внутренняя борьба: отошли от старых гражданских привычек, не пристали еще к новым, армейским.

Нужно больше поощрять лучших. И поощрять не только тогда, как подводим итоги, а поощрять немедленно, вслед за хорошим поступком. Не случайно ведь Суворов во время штурма Измаила, когда судьба крепости не была еще известна, передал Кутузову, что он назначается ее комендантом.

29 октября.

Ну, и повезло. В Средней Азии всегда больше всего боялся малярии, и вот суждено было ее схватить в Фергане. В жемчужине Узбекистана — и схватил малярию, будь она неладна. Вот уже пятые сутки отлеживаюсь в санчасти. Но хорошо бы отлежаться, а то ведь и самому приходится чувствовать себя в потустороннем мире. Малярия — пренеприятнейшая штука, треплет до потери сознания. Только вчера отдал дань малярийному приступу и сегодня могу быть свободен только до 11 часов завтрашнего дня.

И все говорят: «законно». Здесь это в порядке вещей. Возможно. Даже в бесконечно длинной цепи исторических событий нет ничего «беззаконного», и какую бы массу счастливых или несчастных случайностей ни открыл в этих событиях поверхностно пробегающий по ним глаз, все эти случайности отнюдь не случайны — они в неразрывной связи между собой.

Даже если хотят иные объяснить что-нибудь экстазом, мгновенным подъемом сил или, напротив, паникой, мгновенным падением сил, то для возникновения и паники, и экстаза есть свои законные причины.

Сказали, что курсант Алишеров уезжает на два месяца домой в отпуск. Правильно сделали врачи. Не строевой он человек. Но, несмотря на боль в ноге, пошел в поход, отставал, на привалах догонял. На последнюю ночевку добрался на попутной арбе, говорил: «Это я уже через не могу, не хотел вас подводить».

Прав Суворов, когда говорил, что сила русской армии в солдате. Надо только учить солдата, ибо «солдат ученье любит, было бы с толком, а толк заключается не в шагистике, не в экзерцициях, а в том, чтобы солдат и в мирное время чувствовал, что он на войне»...

Как все-таки много нам еще нужно сделать, чтобы по-настоящему, «по-всамделишнему» выполнить мудрые указания великого полководца.

Нет худа без добра. В санчасти прочел замечательную книжку «Полководец Кутузов». Незабываемые места. «Подтвердите во всех ротах,– писал накануне Бородина начальник артиллерии Кутайсов,– чтобы они с позиции не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки. Сказать командирам и всем господам офицерам, что, только отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно достигнуть того, чтобы неприятелю не уступить ни шагу нашей позиции. Артиллерия должна жертвовать собой. Пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор...»

Вот это настоящий приказ. Этого ведь сейчас и требует наш Сталин в приказе № 227.

И русские богатыри не подвели. Они выдержали бесчисленные атаки на Курганной батарее, на «редуте смерти» (батарее Раевского), на всем Бородинском поле. Да разве могло быть иначе! Ведь сам Михаил Илларионович писал: «Но какой полководец не поражал врагов подобно мне с сим мужественным народом! Я счастлив, предводительствуя русскими».

А много лет спустя один из сподвижников Наполеона написал о нас, русских: «Воздадим им должное! Они все принесли в жертву без колебаний! Их доброе имя сохранилось во всем величии и чистоте. Когда во все слои их общества проникнет цивилизация, этот великий народ создаст великую эпоху и овладеет скипетром славы».

30 октября.

Собственно сейчас-то и не совсем 30, но, пока допишу, начнется новая дата. Вечером снова приплелся на койку, а то гулял в отлучке. Дунул в обход – в роту, в штаб, в подразделение. Там идет обычная жизнь. Поповцева из санчасти отвезли в горбольницу. Совсем слег парнишка. Хорошо, что сам его силком устроил в санчасть. Оказывается, не напрасно. Еще в ту же ночь у него была температура 40 градусов с гаком. А принимать его вначале не хотели, а еще медики.

Нужно будет обязательно организовать в выходной день поход к нему с курсантами, навестить и занести хоть сахарку. И то, небось, приятно будет парню. Ведь мне хорошо сознавать, что курсанты заботятся, когда теперь каждое утро сами приносят сахар.

Вечером заходил комбат. Славный он человек. Вот таких командиров побольше бы. Он понимает самое главное – душу человека, а это – все. После бесед с ним чувствуешь прилив

энергии, хочется больше работать. Не то, что с нашим «фюрером» долгоносым. Он сегодня тоже начудил. Собрали собрание по подведению месячных итогов, и «фюрер» начал палить цифры и цифры. В довершение выстроил отличников, попали и мои... только давно уже не отличники. Оказывается, ротное начальство все еще живет сведениями полуторамесячной давности. Вот что значит работать абы как, из-под палки, не за совесть, не вникать в сущность дела. Бесстыдство!

Лежал и думал (сегодня ведь мой день, а малярии — завтра!): что думают обо мне сейчас Олейниковы в Акмолинске? Отец, небось, считает таким же прохвостом, как и все: налетел, опутал — и прочь. А на самом деле ведь не так. Так почему же я не напишу письмо? Бесстыдник этакий.

Интересную картину наблюдаю. Уголок палаты: кто кашляет, кто сопит, сестра склонилась на мой же столик и тоже дремлет, а няня, не присев, тоже облокотилась и стоя борется с одолевающей дремотой. На столе — чернильные пятна, пачка папирос «Красноармеец» с несущимся Чапаевым и, кое-где, запоздалые мухи. На стене — шинелишка, наверное, сестры.

Нужно бы сходить в подразделение ночью, прямо сейчас. Посмотреть, что там. Небось, опять ремни в пирамиде не подтянуты, курки не свернуты. Придется будить хозяев. Пускай знают порядок.

А как все-таки плохо, что война. Хотелось ведь пожить почеловечески, как следует. Так нет!.. А теперь — когда вернется утерянное?..

Когда б там ни было, но вернется. Иначе не может быть. Солнце не может перестать светить, Волга не потечет вспять.

4 ноября.

И ночь, и целый день идет дождь. Благодарение судьбе, что народ свой отправил в наряд, а сам целый день дома. За окном страшная слякоть. Как-то завтра идти в поле? Как видно, праздники придется встречать в грязи. Очень плохо.

После болезни пришлось заново водворять порядок во взводе. Без меня распустились. Наш «фюрер» считает, что «вся наука состоит в том, чтобы уметь кричать: «Пали! Руби! Коли!» — и быть строгим до чрезвычайности к своим подчиненным, ибо наука да книги умягчают сердца, а от мягкосердия до трусости один шаг»... Он не желает воспринимать все передовое и лучшее в военной науке. Одним словом, похож на Елизаветинский

устав, который предписывал русским кавалеристам заботиться... об усах.

«Каждому кирасиру и драгуну надлежит, как возможно, стараться усы отращивать, которые бы всегда в строях и караулах подчесаны и подчернены были, а у гренадер конных можно усы, как возможно длинно выростя, по щекам заворачивать. У кого же по молодым летам натуральных усов нет, то употреблять, таким образом, накладные...» Одним словом, барабанный бой!

Несмотря на дождь, все же ночные поиски завтра проводить надо. Дождь — дождем, а ученье — ученьем. Подвели итоги социалистического соревнования. Оказывается, у многих порядочно «хвостов». Нужно будет заняться их ликвидацией. Прощать никому нельзя. Явич получил пять суток (как говорят, полкатушки). Поделом ему, пускай знает, что не только я один замечаю его неправильное поведение. Вчера на партийном собрании его основательно отругали. Авторитет его среди курсантов тоже рушился. А все потому, что, как он и сам признался, он не отрешился от «гражданских» привычек, не поймет, что в армии нельзя возмущаться подчас, может быть, и неправильностями. Армия остается армией!

Пришел товарищ и говорит, что видел кусочек голубого неба: возможно, перестанет дождь. Если бы!

Зачастил в оперетту. Харьковчане играют хорошо. С удовольствием просмотрел «Взаимную любовь», «Коломбину», «Баядерку», «Подвязку Борджиа». Понравилась особенно последняя. До сих пор вспоминаю: «Лишь о тебе мои мечты, в душе и сердце царишь лишь ты...» Пошел бы и сегодня, но дождь и осенняя ночь. Осень — препаршивая пора, особенно здесь, в Средней Азии. Непролазная грязь, слякоть, бесконечные дожди. Унылое дело!..

6 ноября.

Только что возвратился из ночного поиска. Заблаговременно подготовленный (вместе с командирами рекогносцировали местность еще второго дня), поиск прошел с интересом. Курсанты говорят: «Вот так каждый бы вечер!» Очень хорошо, что понравилось. Вообще-то, надо сказать, ночные занятия нравятся народу. Сама ночь содержит в себе много таинственного, неожиданного, а, стало быть, и интересного. Вот еще бы побольше имитационных средств, ракет!.. Тогда было бы совсем хорошо.

Сам увлекаюсь «Сестрой Керри» Теодора Драйзера. Хороший реалистический роман. Из-за свинцовых слов и спотыкающихся предложений вырастают люди из плоти и крови, они живут и действуют, заставляют трепетать наши нервы и сердца. Люди у Драйзера даны во всей их жизненной конкретности. Похоже на автора «Человеческой комедии», гения Бальзака. Недостижимость счастья — вот к чему все-таки приходит Керри. Такова ведь действительность.

8 ноября.

Отпраздновали праздник. Сегодня рабочий день. Вчера пришлось дежурить. Вне очереди, что мне польстило. Говорят, сталинская вахта. Все обошлось хорошо.

Днем для командиров был дан товарищеский обед. Плотный и хороший. Наш полковник, видимо, любит чем-нибудь да «блеснуть», вспомнить довоенные порядки. Очень хорошо. Вечером, как сменился, залег спать. Где уж тут до веселостей. Достал теперь «Похождения бравого солдата Швейка» и в свободные часы занимаюсь им. Гашек молодец!

11 ноября.

Пошел снег. Слякоть убийственная. С сапогами беда, а наш деятель до сих пор не передал докладной даже комбату. Вообще, человек только для себя, причем трусище ужасный. Вчера отпустил Тришина, а сегодня перед комбатом отказался от своего разрешения. Ни грамма совести. Бесстыжая баба!

Что делать с погодой, как ходить в поле? Поглядишь на людей — все как мокрые курицы. И становится тошно. Лучше бы жара, куда приличнее и удобней.

Мой народ отстрелялся хорошо. Выходит, что прицельный станок, артоскоп, помогает неплохо. Тренировка — хорошее дело.

Сосед по койке говорит, что вот сейчас, видимо, хорошо воевать в Ливии. Пожалуй, он прав. Значит, англичанам счастье. Повезло. А, впрочем, где им не везет? Везде схитрят.

Часть курсантов сдавала зачеты: они выпускаются досрочно. Жалко будет расставаться, привык уже к ребятам. Умурканова пришлось все же посадить. Перешел всякие границы. Избаловал его замкомроты. И вот результат — тот, которого, собственно, и следовало ожидать.

15 ноября.

После хворостей думал, было, отлежаться, но вызвали на отчетное партсобрание. Затянулось до вечера. А потом двинул в Дом Красной Армии на «Сильву». Дорогой встретил Федю Кабарина с женой, и они «поддали жару», затащили. Домой шел один. Черт знает что: все с женами, с девушками, с дамочками, а я один. Вечно один. Бирюк этакий!

Почему-то вспомнил о Тамаре. Но стоило ли ее вспоминать? Зачем? Все уже давно прошло, и теперь, как Сильва и Эдвин в своем дуэте, можно только спеть: «Это был дивный сон, но какой дивный сон...»

Ваня увлекся какой-то студенткой (расхваливал ее до чертиков) и теперь каждую ночь отсутствует. Одним словом, дает жизни, как принято говорить в некоторых кругах. К сожалению, с людьми из этих кругов и мне приходится вращаться. Что поделаешь?

Снова стоят хорошие дни. Холодновато, но зато сухо. А это главное. Ходишь, а не плаваешь по грязи.

Вот-вот 2 часа пополуночи. Нужно присоединяться к мертвецки спящим соратникам. Завтра — снова в поле.

20 ноября.

Вчерашний вечер знаменательный. Начальник политотдела Погребинский вручил мне партийный билет. Моя мечта осуществилась. Долго с ним по-дружески беседовали. Поругал меня за то, что мало работаю над повышением своего идейного уровня. Вообще-то «теоретически» он прав. Но если посмотреть практически, то когда же серьезно заниматься литературой и прочими вещами, если целыми днями на занятиях (хоть надо, хоть не надо!), а вокруг тебя веерами — уставы, наставления, памятки, инструкции... Когда?

Сам он производит хорошее впечатление. Говорят, долго был комвзвода и хорошо знает нашу жизнь.

Днем добивался сапог для ребят. Вечером, кажется, «поиски» закончились: полковник написал разрешение. Очень доволен, что сапожная проблема как будто разрешилась. Для нас, пехотинцев, это большое дело. Сапоги, обувь — тоже наши орудия производства.

Погребинский, между прочим, сказал, что меня вскоре используют в другом направлении. Скорее бы выдраться от нашего Морозова! Хоть куда-нибудь. Уж больно противно, когда твой начальник — чудак.

25 ноября.

Сегодня вся рота в наряде, и у меня свободный день. Хоть пасмурный и сырой, но свободный. Днем дозвонился (только «молнией») в Ташкент, разговаривал с Богдановой. Главное было — упросить привезти из дому зимнее обмундирование. Обещала быть в Фергане не позже 15 декабря. И то хорошо. Из Ташкента нужно забрать костюм, а то все равно продадут, если уже не продали. Не свое ведь! Ляля удивляется, что я в Фергане. Видимо, подумала: надо же, все еще отсиживается в тылу. И вправду: когда же на фронт?

А сейчас там сильные дела. Наша берет. Да еще как берет! Под Сталинградом дали немцу крепко. Каждый день теперь радостные сообщения Информбюро. В самый критический момент сумели повернуть дело в нашу пользу. Победа будет за нами!

Мои курсанты вчера неплохо стреляли из ППШ. Нет ни одного не выполнившего упражнение. Боялся за Смольянова, но и он натянул на «посредственно». Много также значит спокойная обстановка на огневом рубеже. А я ее и старался создать. К чему напрасно дергать людей в ответственную минуту? Ни к чему стоять над стреляющим со всякими «напутствиями». Учить надо раньше, а не на огневом рубеже.

Рядом со мной в казарме появился (пришел из госпиталя) замечательный лейтенант Шевченко. Закончил в Москве институт, вообще культурный парень. Теперь хоть есть с кем поговорить.

Днями ходили на «Сорочинскую ярмарку». Харьковчане здесь дают последние гастроли. На сцене видел Украину. Родную Украину. Украинскую ночь. Очаровательную ночь. Ночь, о которой Гоголь писал: «Знаете ли вы украинскую ночь?.. Всмотритесь в нее: с середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятней. Горит и дышит он. Земля вся в серебряном свете; и чудный воздух и прохладно-душен, и полон неги, и движет океан благоуханий. Божественная ночь! Очаровательная ночь!..»

Такие ночи иногда бывают и здесь. Только нет ни тихих лесов, полных мрака, ни покойных прудов, ни девственных чащ черемух, ни украинского соловья, ни очарованного села с толпами хат. Нет Украины родной! Стонет она, бедная, под немцем. Стонет и наливается гневом и местью народною.

И придет час – отомстит за отнятое счастье, за нарушенную тишину украинской ночи!

Комбат рассказал «по секрету», что меня рекомендовали полковнику на командира роты. Теперь ждут его слова. Как он решит? Прошло вот уже три дня, но ничего не слышно. Надо думать, что все так и ограничится разговорами. Нередко так: говорят о выдвижении молодых перспективных кадров, а на практике больше действуют «блат», протекция, соображения корыстного характера. Бывает так!

14 декабря.

Событий очень много. И в общественных делах (наши жмут немца кругом!), и в личных. В конце прошлого месяца ходил в большие тактические занятия. Полевая обстановка, расположение и ночевка бивуаком, бесконечное движение маршем — все это утомительно и вместе с тем хорошо, интересно. «Бой» за населенный пункт Уч-Курган не получился. Уж больно не простое дело — бой в населенном пункте.

Теперь принял 1-ю роту. Первое впечатление весьма неотрадное. Народ хороший, а порядка нет. Нужно его наводить. Пытаюсь это делать, и как будто получается. Во всяком случае, не хуже, чем у Морозова, да и у других. С Шевченко (соседом по койке) пришлось расстаться: я перетащился в роту. Оно здесь, конечно, и получше. Но свой взвод не забываю, часто туда хожу.

Комбат предупредил, что нужно снова готовиться к тактическому выходу. Мне везет: опять придется ночами мерзнуть. Время-то зимнее. Но хорошо, что и так долго простояли теплые дни.

26 декабря.

Кончается и этот бурный год. Скоро придет новый. Встречать его буду в Фергане. Когда мог думать? В сутолоке жизненной не заметил, как и закончился очередной, но знаменательный год.

Работы теперь у меня прибавилось. Отвечать надо за большее число людей. А с какими только нуждами они не обращаются! Оказывается, командир, ко всему, должен быть еще хорошим психологом, знатоком человеческих душ. Только тогда он «раскусит» своих подчиненных и завоюет авторитет. У меня, как будто, это качество есть. Помогает журналистская наблюдательность.

Дни ферганские идут однообразно. Утром, когда еще совсем темно, когда догорает луна и свежий морозец беспокоит мои подмороженные (фрунзенский еще «подарок») щеки, выходим в поле. Там холодно, и курсанты так и норовят разжечь костер, обогреться возле него. Только к полудню рассеивается туман, становится теплее. После обеда снова занятия, вечером «надвигаются» всевозможные мелочи. Один день похож на другой.

В «Эре» познакомился с хорошенькой Валей. Теперь вечерами тянет в город. Нужно приноровиться только и выскочить незаметно. Вот и сегодня, думал, застану ее дома, но нет. Посидел с хозяйкой, покачался в качалке, послушал «Последний вальс» (вспомнил Диму Жуковского), «Рио-Риту»... Домашняя обстановка, очаг немножко рассеяли обычную казарменную «жисть». Хорошо все-таки мне было в Ташкенте! Возвратилось бы все снова! Когда только? Когда это будет?!

В Фергане гастролирует наш Украинский театр им. Шевченко. Два раза был на «Богдане Хмельницком». Вспоминал Москву, рязанского парня. Вчера праздновали 25-летие Украинской ССР. В областном театре был на торжественном вечере, посвященном годовщине. Замечательный вечер. Велико чувство дружбы, взаимной, братской поддержки народов нашей *Країны. Хай живее рідня Україна! Хай живее вільний український народ!* Этого хотят русские, узбеки, удмурты, казахи и все другие братские народы.

28 декабря.

Бывают минуты, когда особенно хочется высказать свои чувства, свои думы. Хоть чем-нибудь рассеять свое одиночество.

Весь день под неприятным впечатлением. Мыслимое ли дело — сегодня ночью у меня сперли часы. Кто? Кто-то из «близких», из тех, с кем сидим за одним столом, разговариваем, с кем должны работать вместе. Вот это-то и самое постыдное. У кого же он тащит? У своего же мужика тащит? Сукины сыны, бесчеловечный народ, кто так по-свински поступает. И еще к комбату пошли с обидами: видите ли, их оскорбили!..

Вечером на часок выскочил к Вале. Увы, ее снова дома не оказалось: ушла в город. Не нарочно ли?

Завтра наш командирский день. А задание так и не выполнил. Разленился... Собственно, не только в этом причина. Слишком много ненужной суетни, излишнего бегания, а тол-

ку, толку маловато. И не только я сам виною этому, подчас так все получается, и не от меня сие зависит.

За младших командиров следует приняться поосновательней. Провел первое совещание — не понравилась некоторым «вольнодумцам» подтяжка. Вольница лучше. Но здесь же не Гуляй Поле и не дом отдыха. Меня-то ведь не спрашивают, что мне нравится или не нравится. Делай, что положено, что требуют! А рассуждать, полемизировать — это будем на гражданке.

Часто излишняя добродетель по отношению к подчиненным портит их. Люди не понимают, что, если к ним хорошо относишься, то это вовсе не значит, что тебя можно хлопать по плечу и переходить на короткую дружескую ногу.

31 декабря, 2 часа ночи.

В последний раз пишу в 1942 году. Больше никогда он не вернется... Новогодняя ночь!.. Как далеко это все — балы, танцующие пары, серебряный дождь, конфетти, серпантин, блеск огней. Праздник!.. Впрочем, у меня-то ничего этого не было. Вот и нынче — скромно, по-семейному, встретили Новый год у Вали. Распили немного кагора, завели патефон, Тома (наша «художественная часть») станцевала — и все. Уютно, скромно. Хорошо.

Только что пришел к себе. Провожала меня Валя, и по дороге мы целовались уже в новом году. А ночь темная, темная. Чуть-чуть получше той, ташкентской, когда мы прощались с 1940 годом. Было это, оказывается всего два года назад. Но как все изменилось. Другая жизнь, другая профессия, другой стала и встреча Нового. Когда-то я задумывался над тем, какие же все-таки мне светят впереди огни. Теперь они видны, отчетливо видны. Эти огни полыхают грозным пламенем, разгораются все ярче и ярче, озаряют светом свободы от фашизма. И они, эти огни, манят, зовут меня. И я иду... Я приду!

Что будет в наступившем 1943 году? Кто может ответить на этот вопрос? Сама жизнь ответит.

Сегодня нет, да и завтра не будет никаких поздравительных телеграмм. Друзья все разъехались, потеряли мы друг друга. Когда судьба соберет нас вместе?

Завтра — снова трудовые будни. Уже в Новом году, молодом. Но все равно будни, как будни. Итак, привет, низкий поклон Новому знаменательному году 1943-му!

Фергана

9 января 1943 года.

Замотался окончательно. Замы мои заболели, и теперь верчусь, как белка в колесе. Быть начальником над народом (да еще таким полувзрослым, как у нас) колготное дело. Со всякой чепухой (для них-то это, конечно, не чепуха!) идут, просят. И ведь командир-то у них теперь — единственное лицо, которое может и должен разрешить все их нужды, все недоуменные вопросы. К кому, как не командиру, им обращаться?..

Приезжала Ляля Богданова. Снова напомнила о Ташкенте, о былом. Хоть и не о таком уж далеком былом, но, во всяком случае, невозвратном. Ходили с ней в Дом Красной Армии на концерт Дунаевского. И после этого ее не видел. Заходил вчера, но, увы, не застал. Костюм мой обещает привезти, переслать с кем-нибудь.

Опубликован правительственный указ о введении погон. Теперь у нас «во всех кругах» обсуждается вопрос о погонах. Каково-то будем выглядеть в погонах? А?

За эти дни неприятностей ворох. Сбежали трусы, паникеры. Обоих изловили. Куда гады скроются от народа, от его правосудия? Никуда. Изменника не примет никакая земля, никакой дом, никакая мать не назовет его сыном. Горе ему, горе и всеобщее презрение!..

К Вале заскакивал, но ее все не было. Дождался только сегодня. Немножко посидел — и домой. К поверке как бы не опоздать. Спать хочу убийственно. Стоит только прекратить писать, так тут же слипаются глаза. Только что обошел курсантов, все спят. Дорожат каждой минутой отдыха.

24 февраля.

Как много событий прошло за это время. Самое главное, конечно, то, что на фронтах теперь наш праздник. Наши стремительно наступают, жмут фашистов на Запад. Давно взяты Краснодар, Ростов, Валуйки, Харьков. А сегодня Сумы. «В последний час» теперь рождает бодрое, веселое, радостное настроение. Наступил теперь и на нашей улице праздник!

Скоро будем носить погоны. Офицеры в полном смысле этого слова. Отсюда и наше воинское достоинство. Честь мундира снова воскрешается, как во времена наших героев-предков.

Вчера был полковой вечер командиров. Сегодня только о нем и разговоров. Праздновали День Красной Армии по-настоящему, по-офицерски. Сегодня каждый рассказывает о прошедших «событиях». На вечере познакомился с хорошими девушками из Московского института востоковедения. Хороши! Особенно Фаина. От нас пошли на вечер к ним. Студенты веселиться умеют. Хорошая пора — студенческая жизнь.

В роте дела идут неплохо. На последних проверочных испытаниях рота заняла первое место в батальоне. А батальон наш, судя по вчерашнему приказу полковника,— первое место в полку. Значит, мы первые среди первых. Переходящее знамя полка отныне хранится у нас. Вчера и мне приказом полковника объявлена благодарность за хорошую подготовку подразделения. Одним словом, вчера я был как бы двойной именинник.

Дни стоят очень хорошие, ясные, пригожие. Надвигается ранняя среднеазиатская весна. Когда тепло, всегда *якши*.

Недавно проводили ночные занятия. Предварительно хорошо подготовили их, и они прошли толково. Участники были очень довольны. Ночных занятий нужно как можно больше. Тренировать ребят для ночных действий постоянно.

25 февраля.

Целый день на тактических занятиях. Полковник нас «прогнал» километров за двадцать. Находились вдоволь. Все разыгрывали тактическую задачу «Стрелковая рота в наступлении».

15 марта.

И снова о полковнике Вохалове. По приказу тов. Буденного его (полковника) забрали от нас, перевели комдивом. Утром всех выстроили на плацу. Шел дождь. Прощался с нами наш полковник, наш командир. Как всегда аккуратный, он даже теперь напустился на командира артдивизиона за опоздание на одну минуту. Наш командир всегда остается строг, аккуратен. Замечательный человек, большого ума, большой души. За ним хоть в огонь, хоть в воду. Тяжелы минуты расставания. Как будто уезжает родной отец, батька. С душой он жал нам, командирам, руки, а когда дошел мой черед, то сказал: «Ну, Бунда, смотри...» Не сомневайтесь, буду смотреть, как следует, мой командир! Благородный человек. Хотя и поругивал он нас ча-

стенько, называя «копушами», «вольницей несчастной», но получалось все это по-отцовски, необидно.

Жаль, очень жаль, что нет у нас больше Вохалова, создавшего, по существу, из ничего стройную, хорошую, порядочную военную единицу.

Кто знает, может быть, когда-нибудь встретимся. Что может сравниться с радостью встречи с уважаемым человеком. Вот даже теперь хожу по Фергане и вспоминаю, как когда-то был на этих же самых улицах. Почти родные места.

Все мы, хоть раз в жизни, познали радость возвращения к родным пенатам. Все мы знаем, как бьется сердце при виде родного села, как оно замирает, когда замечаешь знакомую улицу, окна дома, на которые когда-то смотрел, возле которых ходил.

21 марта.

Чуть-чуть не забыл даже, какой сейчас год. Все время льет дождь, не переставая. Черт знает, что... Хуже, чем глубокой осенью. Дороги развезло! Ночами мрачно и мокро. Вчера возвращался из штаба (сдавал дежурство) и еле добрался, благо по дороге догнала машина полковника. Крепость как бы погружена в огромную банку с чернилами.

Читал очерк «Наш Иван Петров». Повествует о замечательном командующем Севастопольским гарнизоном. Никогда не забуду я эту плотную, крепко сбитую фигуру, с чуть трясущейся от старой контузии головой. Здесь же, в Фергане, четыре года тому назад, я был вместе с этим Петровым на дивизионных учениях. Помню, еще тогда все с каким-то особым уважением говорили об Иване Ефимовиче, поражавшем всех своей энциклопедичностью, своим широким кругозором. Помню и тот день, когда вечером я приезжал к Петрову в лагерь и давал ему на подпись обращение отличников учебы округа. Замечательный человек, командир.

Все расстроилось. После отъезда полковника куча изменений. Народ разбили на команды, и все уезжают. Назначили, было, и меня, а потом оставили. А я уже начал прощаться. Но все преждевременно. Уезжают курсанты уже второй день. Вернее, ждут отъезда. Хуже всего такое ожидание. Настроение у них сейчас совсем нерабочее. И в результате сидим, как на углях.

Морозов наш отчебучил. Когда уходил, то много не хватало имущества, так он все записал на нас. И мне теперь ушпорили на вычет 740 рублей. За что? Завтра нужно посвятить день

на то, чтобы разобраться в прокуратуре. Жаловаться на это безобразие. Нельзя же спихивать на других свою бесхозяйственность.

15 апреля.

Писать есть что. Ведь за это время многое произошло. В конце марта почти десятидневку просидел в Садковских лагерях. Формировали 7-й литерный. Мусаев и по сей день там, а я выскочил. Очень рад. Там такой бедлам. Вчера ездил туда за вещами. Хоть немножко преобразили народ, приодели людей.

После возвращения — на командирские сборы. Занимался неплохо, даже наш руководитель Переверзев похвалил. Полезным было то, что немного повозились с картой. Очень нужное это дело, а здесь у нас пробел.

Часто хожу дежурным по гарнизону. Дважды получал благодарность от коменданта за образцовое несение гарнизонной службы. Одним словом, автоматчики нигде не подгадят. За честь своего батальона постараемся, не опоганим ее. Дежурить по городу, надо сказать, интересное дело. Веселое!..

Теперь уже в погонах. Достал их в лагерях, у молодых ташкентских лейтенантов. Мороки с этими погонами — до черта. Куда лучше было с петлицами. Днями сорвал последние. На рубашке остались еще одни, пришитые акмолинской Раей. Вспомнил о ней. Все-таки хорошая она девушка. А как меня любила!

В Институт востоковедения захаживаю часто, теперь уже как свой человек. До сих пор все еще «не определился». Девушки (да, пожалуй, и я сам тоже!) не знают, кто же все-таки моя избранница. Странно! Нравятся Фаина, и Муся, и Тамара. Каждая по-своему.

По-прежнему дружу с Фаиной Ильиничной Немцовой, мамой Тамары. Когда особенно чувствую одиночество, когда потянет к семейному уюту, то иду к ней. Она замечательный собеседник, человек умный, видавший виды, знающий толк в жизни.

Случайно напал на след своих часов. Теперь не сомневаюсь, что спер их Добрин. Переделал циферблат, корпус и по моим часам мне же сообщает время. Оригинально!

В Фергану приехал полковник Михайлов. Был у него в гостинице. Хорошо он встретил, как старого друга. Хотел бы и сегодня пойти к нему, но скоро партийное собрание.

Мацько и Арцишевский подложили свинью. Не сдали даже январских документов в ОВС. И теперь получается ерунда. Вот что значит излишне доверять людям. Оказываются они свиньями неблагодарными. Все время нужно проверять и проверять.

С комбатом Славгородским последнее время вроде немного «поцапался» (не любит правды), но теперь как будто все налаживается.

Курсантов нет. На стажировке. А командиров потихоньку растаскивают. Вчера забрали Рейма, Кожевникова и Асрадова. Говорят, ненадолго. Так ли это? Если не так, то придется идти к Погребинскому. Пусть поможет возвратить их обратно.

22 апреля.

Чуть брезжит рассвет. А я уже отзавтракал. Теперь подъем в 5.00. Самое сонное время. Последние два дня хоть нормально спал, а то всего лишь по нескольку часов.

Сегодня снова иду дежурным по гарнизону. Последнее время дежурю очень часто. Говорят, что и первого мая тоже иду. Ну и что же! Идти, так идти. Наше дело такое. Вчера были с Антоновым у Раи. Оказывается, мои «вельможи» Арцишевский и Мацько чертовски запустили учет имущества, и теперь получается черт знает что. А ведь я не раз просил ОВС разобраться. Но что им мои просьбы! Там заняты любыми «сложными проблемами», только не организацией помощи нам.

Фаина Ильинична предложила поселиться с ними (с ней и Тамарой) в одной комнате. Предложение хорошее, что и говорить! Пожить, хоть немножко, в домашней обстановке, что может быть лучше.

Снова писал характеристики на присвоение очередного звания Хикматуллину и Асругову. Который уже раз пишу. Выйдет ли на этот раз чего-нибудь? Не верится.

Читаю «Спартак». Клянусь Геркулесом и Юпитером (в книге все так клянутся!), что книга хорошая.

Последние дни все вокруг расцвело. Но по утрам холодно. Видно, разгневали мы чем-то Аполлона Дельфийского, бога солнца и света, покровителя пения, музыки и поэзии у древних греков и римлян.

На фронтах затишье. Так сообщает Совинформбюро. Как будет дальше? Часть городов снова сдали. Украинских. Когда их снова заберут? Скорей бы!

К девушкам из Института востоковедения захожу часто, но что толку?! Они заняты своими монголами и увлекаются ими. А меня, собственно, это почему-то уже мало трогает. Пусть их!

24 апреля.

Ночь сегодня глухая, темная. Луну затянуло тучами, во тьме причудливо стоят деревья, ветер шумит их листвой, постукивает в оконном переплете стекло.

Читал статью Крайнова в «Красной звезде». Теперь он в Брянских лесах, а ведь, кажется, совсем недавно еще звонил ему в Ташкенте на квартиру, приглашал ехать в Янгиюль на тактические учения.

Сегодня день посвятил хозяйственным делам, и снова моя комната обрела свежий, весенний вид. Приятно глянуть.

Давно уже перешли на летнюю форму (в Москве, оказывается, только позавчера), но погода все еще какая-то мерзкая. Совсем не ферганская. Черт его знает, какая.

Занимаюсь с младшими командирами. Многим, надо сказать, мы еще занимаемся впустую. Все потому, что и сами до многого не допираем. Плохо дело с топографией. А ведь все эти красные дуги, короткие стрелки, кружочки в бою раскрывают противника, помогают увидеть его, распознать на совершенно незнакомой местности.

Идет предмайская горячка. Казармы молодеют, как влюбленные юноши. Народ обсуждает, с кем, как и за каким столом будет встречать Первомай. В Ленинском уголке все самодеятельничают, а Федя Колтыногов совсем испелся. Так и бредит арией Эскамильо.

Сегодня снова никуда не ходил. Задержал комбат, а сейчас поздно, темновато и ветрено, а посему стоит отдохнуть дома. Хоть высплюсь.

Браво чехам! Чехословацкая воинская часть успешно действовала (так сообщает П. Лидов) на одном из участков фронта, а немецкая сволочь отведала и чехословацкого свинца.

28 апреля.

Ходили в поиски за дровами. И Гитфуллин (наш Салават Юлаев) завел в кишлак Кочкарчи. По дороге. К знакомым учительницам. Очень хорошо они устроились, не погнались «за суетой городской» (как мои старые ленинградки) и живут себе в тиши сельской. Но устроились в десять раз лучше. Шура ока-

залась гостеприимная, угостила хорошими, свежими блинами. Давно такими не потчевали.

Кишлак весь в зелени. Вот местечко для отдыха от наших сует! Было бы мирное время, поехать бы сюда с компанией (скажем, с востоковедами) и устроить бы пикник. Как когда-то выезжали в сосновый лес под Черниговом. Эх, мечты!..

Время ли мечтать о таких вещах?! Теперь не Бахус, а Марс правит всеми делами. И никакие авгуры (обращайся к ним или нет) не предскажут, когда же их роли переменятся.

От одного стажера получил письмо. Очень хорошее. Хоть и ругал я их основательно, но вот когда узнают, что почем, то все же вспоминают, да еще и благодарят за учебу.

Музыкантов наших распускают. Дают поблажки, создают какие-то привилегии, и это их губит. Сегодня пришлось на складе на одного напереть. Расхлебанный музыкантишка.

С Клавой нужно порвать всякие «дипломатические отношения». Ну ее к бису. Как видно, так-таки и отвернулась от меня Юнона (по древнеримскому — богиня семейной жизни). Шут с нею. Больше времени останется для других дел.

Оказывается, Желдак — хороший парень. Мы с ним чуть ли не земляки. Сам он Куликовский, а мы туда из института ездили как к своим подшефным. Теперь мы частенько перебираем в памяти знакомые села, колхозы. И приятно становится, как будто встречаемся со старыми друзьями.

Череватенко приехал из Воронежа. Привез кое-чего «фронтового». С каким интересом рассматриваем немецкие «думдумы», даже простые патроны. Все это реликвии войны. У Череватенко масса впечатлений (хоть и побыл он там мало), и теперь он нам (тыловым крысам) рассказывает.

Когда же все-таки будет и для нас фронт, наступление не на учебном поле на своих же курсантов, а настоящее, всамделишнее? Этак и всю войну проваландаешься здесь! Неинтересно все-таки все это! Одно и то же, одно и то же...

3 мая.

Первое мая отпраздновал почти так же, как и в прошлом году. С той только разницей, что тогда дежурил по Акмолинску, а этот раз — по Фергане. Дежурство прошло хорошо. Комендант доволен, обещал писать генерал-майору рапорт с просьбой объявить нам благодарность.

Лутфуллин все же славный парень. Радуется откровенно, чистосердечно, как ребенок. Вчера это заметила и Тамара. Последнее время наши взаимоотношения с ней приняли «более определенную форму». Особенно после первомайского вечера командного состава нашего полка. Получается все весьма оригинально. Тамара все выступала в роли «сводни», знакомила меня со своими подругами (сама была вроде в стороне), а теперь, выходит, обстоятельства повернулись совсем неожиданно для меня (да, пожалуй, и для нее) в интересную сторону. Как бы там ни было, но я доволен таким исходом. Вчера Тамара была у нас в крепости в гостях, познакомил ее со своими «соратниками» – Володей Желдаком, Федей Колтыноговым, Некрасовым. Они остались ею очень довольны, всех подкупила своей простотой. Вечером ходили в парк (только открылся), хорошо провели время.

Сегодня уже будничный, обыкновенный день. Снова в поле. А теперь еще ввели для нас техминимум. Ковырялись с трофейным пулеметом МГ-34, минометом. Надо отдать должное, оружие хорошее, сделано со вкусом. Толково делают, что знакомят нас с краткими сведениями об обращении с легким стрелковым оружием, состоящим на вооружении немецко-фашистской армии. Нужно уметь воспользоваться трофейным оружием в бою!

Вечером решил сидеть дома. За много дней разок нормально лечь спать. А то ведь последние дни явно не высыпаюсь. Следовало бы сходить к востоковедам. Но лучше выдержу. Часто ходить — скоро надоешь!

Замыслил поездку в Ташкент. Удастся ли? Как решит Погребинский? Только с ним можно договориться!

5 мая.

Только что начался этот день. Беззаботно растянулся Федя, сказал дежурному, чтобы разбудил до подъема. А я жую корку хлеба и пишу. Только пришел от Тамары. С ней очень хорошо. А красные пятнышки на шее можно «спихнуть» на Мусю. Ну, и зададут же мне перцу девчата в следующий раз. Фаина теперь для меня потеряна безвозвратно. Жребий брошен, и теперь нужно держаться чего-нибудь одного. Иначе что? За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь!

Комбат сообщил новость: осталось нам здесь быть недолго. Как это понимать? Пока одни догадки. Будь, что будет. Жалко только, придется оставлять востоковедов. Придется нанимать плакальщиц.

Ломако сказал по телефону, что генерал-майор вынес мне и моим «цирикам», ходившим в наряд Первого мая, благодарность. Хорошо! Не посрамили честь автоматчиков.

20 мая.

Все время порывался написать в дневнике, но никак не собрался. Захлестывает бесконечный круговорот. Что произошло? Многое произошло. Важно то, что теперь несколько выяснились наши взаимоотношения с Тамарой Немцовой. Я ее люблю, да и она меня, кажется тоже. Словом, все получается так, как должно быть и как это сказано у мудрейшего Абу-Мухаммеда Али ибн-Хазма в книге «Ожерелье голубки» в главе «Слово о природе любви». «Любовь — да возвеличит ее Аллах! — поначалу шутка, но в конце дело важное. Ее свойства очень тонки по своей возвышенности, чтобы их описать, и нельзя постигнуть ее истинной сущности иначе, как с трудом. Что же касается причины того, что любовь в большинстве случаев возникает из-за красивой внешности, то вполне понятно, что душа прекрасна и увлекается всем прекрасным и питает склонность к совершенным образам. И, увидев какой-нибудь из них, душа начинает к нему приглядываться и, если различит за внешностью что-нибудь с собою сходное, вступает с ним в соединение, и возникает настоящая, подлинная любовь... Поистине, внешность дивным образом соединяет отдаленные частицы души...»

Хорошо написано!.. Правильно!

Учусь танцевать. Через день хожу в Дом Красной Армии на уроки. Медленное танго пока осваиваю. Нужно ведь. А то получается, что какие-то там монголы-востоковедики нас обставляют. Танцевать нужно научиться быстрее. Как наш руководитель говорит,— быстрее пустить себя в танцевальный оборот. Так!

Вчера водил своих автоматчиков приветствовать делегатов III областной комсомольской конференции. Все прошло нормально. Как нужно!

Афанасьев и Карев заезжали и уехали в Ташкент на «Выстрел». Когда увидимся?

Стоят изумительные лунные ночи. Вот и сейчас только что прошел дождик, в воздухе свежо, гудит на «маслянке» полночный гудок, в распахнутое окно врывается ночной шум. Где-то далеко поют: «Закувала зозуленька...» Тикают ходики...

25 мая.

Сегодня народ в наряде, и удалось отдохнуть дома. Выспался вдоволь, что так редко бывает.

Приехал комбат, и теперь снова хорошо. Золотой он у нас человек, как Вохалов. Рассудительный, справедливый, но строгий — придирчив к любой мелочи.

С танцами дело тоже движется. Вчера уже, можно сказать, впервые самостоятельно танцевал. Все еще путаюсь, но уже начало есть.

Каждый вечер дожди. Такой дождливый май!

Плывут и рвутся тучи
О солнечный сошник...

К Тамаре не иду. Последний раз она поступила очень плохо, резко ответила, что мы больше «не водимся». Пускай будет так!

Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был, как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.

27 мая.

Почти целый день занимался уборкой комнаты. Нужно привести все в надлежащий вид. Вечером не состоялось партсобрание. Ходил в кино на «Котовского».

В Тамарином общежитии горели огни. Девушки о чем-то толковали. Несколько раз прошел мимо, но не зашел. Зачем? Раз у нее в груди не душа, а осиновая кора, так зачем?

Говорят, сердцу не прикажешь. Это неправильно, это выдумано легкомысленными заводными куклами для танцев. Если сердце правильно бьется, в ритм, ему и приказывать не надо! Есть ясность отношений, есть великое человеческое чувство, которому нельзя ни изменить, ни солгать. И есть слова, есть поступки, которые трудно, невозможно простить.

Я хотел, как святыню, хранить гордое, красивое чувство для самой счастливой минуты (она ведь еще не пришла!), не расплескать, не раздать его по мелочам, по капле. Тамара, как видно, не поняла этого. Не в пример русским женщинам, всегда отличавшимся глубиной, постоянством чувств (Анна Каренина, Татьяна Ларина, Аксинья Астахова), она не захотела разделить моих чувств... И пускай, пускай. Пошлость мне не нужна.

Коломоец снова в самоволке. Один раз уже предупредил, как будто засмущался парень. А теперь снова куролесит. Одновременно подумаешь, что ведь и ему хочется погулять. По-стариковски!.. Тоже ведь хочет, чтобы с крыльца избы выбежала к нему навстречу любимая. И они пройдут, обнявшись, тихие, взволнованные, под высоким родным небом.

Кончается моя тетрадь. Еще Марусина, еще из Фрунзе. Где-то Маруся теперь? Вспоминает ли меня? Или, может быть, и в ее сердце нет доступа ни согревающей нежности, не осталось ни любви, ни воспоминаний?

Пополнения все еще нет. Пока живем, вроде, вольготно. Вот скоро, наверно, отойдет коту масленица. Тогда и весна вроде не так будет хороша. А пока что, ой, как хороша. Особенно ночи. Черт возьми вас, ночи, как вы хороши!.. Да!..

Фергана

Тетрадь VII

Начата в июне 1943 года в Фергане

3 июня.

Будь жив сейчас Салтыков-Щедрин, сегодня у него появилась бы замечательная тема, наподобие историй из города Глупова. Мы, по чьему-то «мудрому» решению, вышли на посевы... загонять в ямы саранчу. Затея с позором провалилась. Только людей насмешили.

Вчера на совещании узнали, что упраздняются заместители по строевой и по политчасти. Теперь мне подбавится работенки. Нужно думать, что объем обязанностей останется тем же, только двух заместителей не будет. Одним словом, весело.

Духота на улице зверская.

Мои танцевальные занятия продвигаются вперед. Начал «по совместительству» заниматься и во второй группе. Там одна партнерша летает, как мотылек. Легко с ней. Зато в первой смене у меня тяжеловес — Аня.

Арцишевский снова возвратился в батальон. Парень в комендантском потерпел фиаско, а все через свой гонор, спесь. Пожил немного sine cura (без заботы), и хватит. А частично вся трагедия произошла, как у шиллеровского героя из «Смерть Валленштейна»:

...Тесна вселенная, а ум обширен,
Легко сосуществуют мысли в нем;
В пространстве ж вещь всегда помеха вещи,
Тут завладеть чужим лишь можно местом;
Иль вытесняй, иль вытеснят тебя.
Тут вечный спор, и верх берет в нем сила...

Читаю сейчас «Мысли и воспоминания» Отто Бисмарка. «Железный канцлер» пишет интересные вещи. Особенно в разделе «Петербург». Он хорошо понимал силу и мощь, заложенную в русском народе.

16 июня.

Сначала потрясла, затем обнесла, а теперь вот все мажусь. Вот она какая, малярия. Только позавчера встал с постели. Отдал дань Средней Азии!

До сих пор комполка не рассмотрел мой рапорт, и Зеленский методически продолжает высчитывать «алименты» ОВС. Оказывается, наше начальство только умеет произносить пространные речи «о чуткости, заботе и т. д. и т. п.», но само не хочет ее проявить... Печально, но факт.

Зачем тактические занятия проводили на одном месте? Шел я недавно и, глядя на замечательную местность в районе Птичьего двора, думал: вот где тактическая лаборатория! Так зачем же нас, как Прометея к скале, приковали, ограничили учебным полем, местностью, по своей конфигурации значительно хуже виденных мною?! Говорим о каких-то особых сооружениях, оборудовании (все это нужно, конечно!), и в то же время проходим мимо богатства, предоставленного самой природой.

Вчера — бенефис!.. Первый раз самостоятельно вышел на танцевальную площадку. Сначала робко, а потом смелее. Уже получается. Главное, не смущаться. Смелее, и дело выйдет наверняка.

Все больше убеждаюсь, что младшие «унтер-офицеры» из нашей команды не обладают даже самыми простыми правилами приличного поведения. Сами, например, не додумаются встать и предложить свое место старшему, хамят в присутствии нас. И все это потому, что мы все, именно все, не обращаем на это внимания, не воспитываем в них эти качества. А ведь Красная Армия должна быть самой культурной армией.

1 июля.

Только то и запишешь, что произошло сегодня, а что в прошлые дни — не успеваешь собрать в мыслях. Некогда оглядываться назад. С проверкой инспекторской кончилась горячка. Теперь, как водится, немного стружку поснимают. Но это только несколько дней. Из практики знаю, что пошумят, пошумят, а потом снова все будет по старинке.

Пришлось ходить на тропстанцию (где изучают и лечат тропические болезни): меня колют от малярии. Пять раз надо ходить колоться. В «особенно приятное место». Я уж говорил медработницам: «Неужели не нашли другого места для уколов?». Смеются...

Народ наш засиделся и все время безобразничает. А мы, вместо действенной борьбы, по существу занимаемся хреновскими разговорами, заклинания им читаем. Какого черта, так далеко не уедешь. Вечные уговариватели. Смелее бы и решительнее брались командиры за наведение порядка железной рукой. Именно железной рукой, а не уговорами.

С Тамарой снова мир и в «человецах благоволение».

Написал Березовскому письмо. Авось, как-нибудь вытащит отсюда в армейскую газету. Написал, чтобы продвинул в штабе САВО посылку на фронт. Березовский — человек положительный, надеюсь, что откликнется. Это же не Фарберов.

На фронте — оперативная пауза... Видимо, ни германец, ни мы не хотим начинать генеральное сражение первыми. В сводках одно передают: ничего существенного не произошло, ведутся бои местного характера. Впрочем, кто его знает, что кроется за этим «местным характером».

Позавчера с развода выгнал Воловика: не знал ни хрена. Так комбат на меня дуется. Вот еще перестраховщик! А Желдак все двуличничает. Теперь он партпом, нашел себе теплое местечко, ну, и отсиживается. Много у нас болтают о приближении политработников к командиру, а они все равно продолжают оставаться апостолами. Военным делом с народом не хотят заниматься.

5 июля.

Распахнул я окно. Ветерком пронесло по моей келье. Капитан наш уже шумит за окном: не так проводят зарядку. Впрочем, он только шумит. Почему начальство только приказывает, но само не хочет работать?

Рейм, мой ординарец (или, говорят, любимец) собирается в командировку. Привык я к нему. Вчера вечером вырвался (в кои веки) на танцы, с Верочкой. Она уже «готова».

Нас начали муштровать: пожинаем плоды работы комиссий. Вчера Иритогов с остервенением набросился на нас по материальной части. Ну и, сукин сын, подсыпал казуистические вопросы. Хоть на «удочку», но сдал наверняка.

С Меджидовым проверяли ночью внутренний распорядок. Недочстов уйма. Народ (командиры) не хотят как следует работать, вот и вся причина. Дошло ли мое послание до Березовского? И когда он ответит? Интересно.

6 июля.

Ну, и задал же всем нашим начальничкам комвойск! И поделом им!.. Пускай меньше предаются веселью, пореже ездят на «текстилку», Текстилкомбинат, поменьше только администрируют — вот тогда дело будет. Бледный вид был у нашего комполка.

Меня комвойск застал в весьма интересном виде: в затрапезном лапсердачке, с бутылкой керосина, с тряпкой. Собрался на «полундру» — воевать с клопами. Видимо, ему понравилось то, что комроты сам занимается уборкой. Это, если судить по его доброжелательному отношению. Меня он не разносил. Да, собственно, и разносить-то было не за что...

Комбат благоразумно скрылся с глаз. Удар за всех выдержал Прислицкий. Влетело ему крепко. Туганову тоже могут сделать харакири. Все возможно. Такая создается для него убийственная субординация.

Сегодня даже сигналист играст квалифицированно: комвойск на всех нагнал духа.

9 июля.

Комвойск «нагнал духа»: убрал нашего командира полка за бездеятельность. Говорят, что ему больше к лицу быть директором парка «текстилки». Наш народ очень доволен таким исходом дела, уж больно нехорошо повел себя наш комполка, безобразно. Но догулялся!..

Новый командир, полковник Галкин, — очень культурный человек. Закончил академию. Надеемся, хороший командир.

Ответа от Березовского нет. И будет ли? Когда?

Жарища стоит убийственная. До 60°С. Иной день чувствуешь себя, как рыба, вынутая из воды. Задыхаешься. А воздух, как в печке. Нажаренный, перед тем как печь хлеб.

Немцы начали наступление. На Курском и Белгородском направлении вспыхнули снова жаркие бои. Победа или смерть! Наш боевой лозунг. Но все-таки Родина требует от своих воинов победы, а не смерти. Герой тот, кто умно и храбро умер, приблизив час победы. Но дважды герой тот, кто сумел победить врага и остался жив!

23 июля.

Пятые сутки нельзя никуда выйти: все провожаем курсантов. Едут, едут и никак не выедут. Надоели и мы им, и они нам.

А хуже всего этакая неопределенность. Все это меня злит, нервничаю, сержусь (как Державин — «горяч и в правде черт»).

Бесконечная толчея, бестолковые распоряжения, сменяющие одно другое, как в кинематографе. Все это заставляет жить в вечной «лихорадке», волноваться, портить нервы и себе, и другим.

А тут еще этот расхляб Чарлин. Путаник несчастный. Никогда ни хрена не знает, того и гляди, что его околпачат, а мне придется за барахло платить. К нему хорошо подойдут державинские строчки из «Вельможи»:

Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами,
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами...

Зато замечательно растет Рейм. Мой воспитанник, с самого начала прихода в армию мой «подшефный». И теперь он рассудительный, исполнительный, замечательный старший сержант. Если он попадет на фронте к хорошему начальству, то из него выйдет хороший воин и командир.

А Лутфуллин, бывший комроты Рейма, всегда его охаивал, зато возносил Умурканова. Но жизнь показала ведь, что Умурканов — пьяница, дезорганизатор, постоянный каталажечник.

В город не пускают. Давно уже там не был: самовольничать не хочется. Криков потом не оберешься. Вот и сегодня в «Ферганке» красноречивое объявление: «Парк культуры и отдыха. Большое гулянье. Выступают лучшие артисты Харьковского, Ташкентского и Ферганского театров...» и пр. А тут вот сиди...

Комбат по-прежнему, как назойливая муха, жужжит. Надоедает его опекунство страшно. Лезет буквально в каждую дыру. От этого страдает престиж и его, и наш.

Наши войска жмут немцев на Орловско-Курском направлении. Немецкие разговоры об их генеральном наступлении накрылись позорно. Молодцы наши! Дают им перцу, да еще какого.

26 июля.

И пошел... На свою голову в парк сходил. Попало мне крепко — и на партсобрании, и от комбата. Он даже обещал мне 8 суток. Взаправду или так, просто попугал? Последнее время он вообще нестерпимо придирчив. Это, в свою очередь, выбивает из колеи нас, командиров рот.

Сегодня вечером созвал к себе всех своих младших и курсантов и разговаривал с ними. На подчиненных нужно влиять не только нажимом, буквой дисциплинарного Устава, но и человеческой моралью, разговором по душам. Это хорошо действует на людей. Мои «пришельцы» из Садковских лагерей (развинтились там вдребезги) начинают понемногу прибираться к рукам, входить в старую колею, снова приобретают воинский облик. А вообще-то трудно настраивать народ, когда он распустился. Стоит это больших усилий.

Зубрим БУПовские параграфы наизусть. Таково повеление старших. Что сделаешь! Даются трудновато. Не стишок ведь!.. Да и память у нас не такая уже молодая, восприимчивая.

Политруков теперь нет, приходится и политинформации «ушкваривать» самому. Работенки — дай бог! А вот еще придет рота — и тогда достанется, как цыгану на ярмарке.

Тамара (востоковедичка) сдает зачеты. Сегодня перед вечером заскочил к ним, но ее не было. Фаина Ильинична живет по-прежнему.

Положение на фронтах хорошее, сводки Информбюро радостные: немцу идет конец. Жмут его наши и в хвост, и в гриву. Пришел и на нашу улицу праздник!

Скоро в лагеря. Не совсем это приятное дело: уж больно канители будет много, суетни, сборов и т. д.

Фергана

1 сентября.

Этот прошлый месяц, пожалуй, самый что ни на есть знаменитый. С 1 августа стояли возле Ферганы в лагерях. Дней десять все благоустраивались. Отослали на фронт даже отставных младших командиров. Пусть едут. И так долго засиделись. Из «старичков» остались только Рейм да «войсковой» писарь Храмченко. Последнего отвоевал к себе в роту.

На любовном фронте «все спокойно». Если не считать легкого флирта с Тамарой (все Тамары!) Яковлевой, да все крепнущей дружбы с Тамарой Немцовой. Институт востоковедения вот-вот должен вернуться в Москву. Но я совсем нежданно-негаданно их опередил. Пока они еще собираются, а я вот сейчас уже сижу в вагоне под Аральским морем и пишу. А все получилось вот как.

Вызвали меня однажды утром в город, в штаб и послали к начальнику гарнизона. Тот поинтересовался, насколько хоро-

шо я (да еще несколько командиров, теперь офицеров) знаю польский язык. Я, конечно, еле-еле перевел несколько заданных вопросов, еще хуже перевел на белорусский. Ушел с разочарованием. Думал, провалился, и суждено мне никуда из Ферганы не рыпаться. Но числа 22-го вызвали в штаб и вручили бегунок. Мне и Преслицкому, командиру 3-й роты. Велено ехать в Москву, в распоряжение ГУК НКО. Хорошо это. Мне все завидуют, говорят: счастливчик. Возможно, сам-то я доволен таким исходом дела. Новая жизнь, ближе к фронту. Остаток августа провел, сдавая роту. Преемник у меня — Череватенко. Сначала много не хватало, пришлось бегать по другим ротам, кое-что изобретать. Но все хорошо, что хорошо кончается. При помощи Антонова вышел почти сухим. На удивление многим, в том числе и самому ОВС.

Собирала, снаряжала меня в дорожку Фаина Ильинична Криневская (Тамарина мама). И хорошо снарядила.

В Ташкенте думал встретить Тамару: она ведь уехала туда. Но вечером долго искал улицу Энгельса, 50, нашел, но Тамара уже уехала в район. Теперь — увижу ли я ее? И когда?

30 августа — мой последний день в Фергане. Вечером накануне последний раз ходил на концерт и на танцы. Хороший все-таки здесь Дом Красной Армии, да и сама Фергана тоже мировой городок. Привык я уже к нему, обжился, знакомых заимел...

Итак, вечером 30-го выехали с Преслицким. На вокзале были Ломако, многие из нашего полка. Последние прощания, звонки, и поезд отходит. Прощай, Фергана! Прощайте, товарищи!

В Ташкент прибыл 31-го днем. К Тамаре приехал муж — Юзик. Моряк парень. Борис тоже дома, раненый. Снова разговоры о вещах. Людмилы не оказалось дома: уехала в Москву. Из старых знакомых почти никого не видел. Да и успеешь ли увидеть за полтора дня, да еще когда половина из них ушла — кто в очереди за сансправкой, кто на продпункте, на разных компостерах. Днем 1-го устроили что-то вроде обеда и в 18.00 уехали на вокзал. Сколько раз отсюда я выезжал?

Пока все еще возвращаюсь. С Марией Васильевной Криушиной помирился. Говорит, все старое надо забыть. Правильно.

Дорогой все как обычно. Новые люди приходили в вагон, старые уходили. В Аральске были вечером. Все смотрел, думал, авось увижу Ядьку, но никого из знакомых не было.

Как водится, познакомился с двумя хорошенькими пассажирками. Вот одна: Москва, Сретенка, Ащеулов пер., 2, кв. 12. Стелла Карапетян. Вторая ехала из Кзыл-Орды поступать в мединститут: Москва, Большая Грузинская, 36, кв. 58. Равич Иза. Кто знает, может быть, когда-нибудь и придется встретиться.

На всякий случай запишу сюда адрес и ферганских Тамар. Фергана, Текстильный городок, адм. дом № 4, к. 6. Анне Николаевне Коноревой. Там же и Тамара.

Из Москвы ферганским друзьям надо дать телеграмму.

В дороге встретили знакомых по ташкентскому полку, по ферганскому 82-му. Правильно говорят, что человек с человеком сходится, это ведь не гора с горой.

Как бы там ни было, но 8-го в 18.00 поезд после восьмидневного путешествия выбросил нас на перрон Казанского вокзала. Теперь нас уже трое. Я, Преслицкий, да еще старший лейтенант из Термеза. Так и держимся втроем все вместе.

Фергана—Москва

9 сентября.

Вот и Москва. Вечером сунулись к коменданту, но ничего не вышло. Здесь только принимают тех, кто в командировке, а нам нужно искать свою часть. Куда пойдешь ночью? Решили ночевать на Казанском вокзале. Устроились в зале. Так же, как тогда, в 1937 году, при первой поездке с нашими конвойниками. В Москве ничего не говорит о бомбежке. Все, как было и до войны. Вот только на крышах видны зенитки, появилось побольше патрулей, действуют продпункты, на вокзале больше военных. Вся страна наша теперь военная.

Вечером со 2-й Мещанской наблюдали за залпами — салютовали в честь освобождения нашими войсками Донбасса. Со стороны Кремля к небу взлетали десятки разноцветных ракет, каскадами поднимались вверх, падали вниз. Двадцатью залпами из 205 орудий салютовали освободителям Донбасса. Замечательная картина, незабываемая.

На крышах детишки, как скворцы. У трамваев, троллейбусов народ радовался не меньше, чем дети. Все это очень хорошо.

Днем разыскал редакцию «Военное обучение». Теперь она на улице 25 Октября (бывш. Никольская). Из старых наших никого не осталось. Видел только одного Хайка, собкора из Ростова-на-Дону. Теперь он в Москве. Хорошо меня встретил, приглашал звонить впредь, заходить.

Шлялись в ЦДКА, в Центральный военторг. А к вечеру, проехав на 39-м почти с час, добрались на Ярославское шоссе. Вот он и наш резервный полк офицеров ГУК. Громадное красное здание. До Кремля отселе, говорят, километров 40. Но город все еще тянется и за нами. Трубы, корпуса и прочие городские штуки. Здоровенная Москва!.. Хотели, было, ехать в город, но передумали. Рано улеглись спать — мои соратники, но не я. С одним старшим лейтенантом, новым другом по 101-й комнате, вечером пошли в самоволку, в кино. Недалеко от нас. Познакомились с девушками и провожали их домой. Тем паче, что нам по дороге.

Все здесь говорят, что мы поедем в польскую дивизию им. Домбровского. Первая, им. Тадеуша Костюшко, уже на фронте, а наша только формируется. Ну, что ж! Нам все равно.

Ждем вызова представителем ГУК НКО, а потом — назначения. Как будто куда-то под Рязань. Все это хорошо. Не пришлось бы только долго ждать.

20 сентября.

В Москве пробыли весьма недолго. После вызова представителем ГУК НКО через два дня зачитали наши фамилии в списке отъезжающих. Капитан Белецкий, наш старший, собрал нас, и 14-го днем погрузились в товарно-пассажирский (до Дивово всего-то 170 километров) и поехали. Большинство наших — медички. Все какие-то старые, так что и поухаживать не за кем.

Преслицкий заболел и остался в полку резервов ГУК, в санчасти. Из ферганцев еду я один.

Приехали к вечеру на Дивово. Близко от Рязани. Станция, затерянная в лесах. До лагерей километров 8 проехали машиной и высадились в соснячке. Ночевать устроились в летнем домишке, кто как, а утром — в штаб дивизии. Отныне мы — поляки. Пойдем освобождать Польшу *(Polskę)*.

Лагерь расположился в живописнейшей местности — в сосняке над самой Окой. Какая красота была бы попасть сюда раньше, весной. А то ведь дело идет к осени. И то с большой охотой помылся в реке.

Определили меня в 5-й полк. Роты пока нет, и я гуляю. С двумя командирами устроился в палатке. Ночью холодновато, но зато здорово. Утром после завтрака — на занятия польского языка. Трудно дается, особенно письмо. Никак не усвоишь также команды.

Недалеко от нас, за Окой на горе, находится село Константиново. Там родился Есенин. Ходил туда и был в его доме. Беседовал с матерью Есенина. Показывала альбом. Все остальные его вещи погибли, а часть у сестры, в Рязани.

24 сентября.

Чернигов взят! Сегодня наши войска овладели моим городом. Хотел бы иметь орлиные крылья, чтобы полететь туда и хотя бы краешком ока взглянуть на него. Если бы только можно было!

Вообще, или, как говорят поляки, *вогуле*, на нашей улице теперь праздник. Замечательно *посуваёнсе* [двигаются] наши войска, *напшуд* [вперед] и занимают все новые и новые города и села. Дела идут, хорошо идут.

А у нас здесь все тоскливо и дождливо. Сегодня ночью налетел буран, трепал-трепал нашу палатку и, наконец, совсем сорвал; пришлось ютиться под одним удержавшимся уголком, дожидаться рассвета, а затем перекочевывать в другую палатку.

Холодно!.. Брр!.. Особенно утром. Вот где вспомнишь Узбекистан, знойный Ташкент, зеленую Фергану!

Каждое утро после завтрака занимаемся польским языком. Читать мало-мальски научился, хуже с письмом. Роту, или как здесь говорят, *компанию*, еще не укомплектовал. Гуляю. Собственно, и гулять-то негде. Так, убиваю время то в переходах из палатки в палатку, то хожу к Юровскому, то в ОВС, то вообще брожу бесцельно. Впрочем, я ли один в таком положении?!

Жалко ферганских друзей. Тамару (одну и другую), Желдака, Лутфуллина, Колтыногова. Когда их увижу? Жалко прошедшего лета, тепла, солнца. Жалко ферганских садов, спелых сочных персиков, жалко родной роты... Осеннее настроение.

Днями снова ходили в есенинское село Константиново. Нашли там одну тетку и отпробовали свежих, прямо из печи, горячих дерунов. Мое старое, любимое белорусское блюдо. Хороши блины!

Обеспечивают здесь хорошо, нечего кривить душой. Обмундирование, что ни на есть, лучшее. Вот получил прекрасную шинель «аглицкого» сукна.

Где теперь Тамара Немцова? Доехала ли до Москвы или еще все в Фергане? Дорого я теперь бы отдал, чтобы увидать ее!.. Попозже надо будет отпроситься в Москву к ним, моим старым друзьям.

Снова черные тучи сгущаются, шумят высокие сосны. Шумит бор! А река почернела, и волны холодные, холодные катятся шибче. Будет снова буря.

Теперь уже палатку укрепили. Ночная история не повторится. Кое-кто уже в столовую собирается на *коляцию*, а там стемнеет – и по палаткам. До завтрашнего дня. Скучно!..

25 сентября.

Утро только началось. Хмурое, хмурое. Ночь прошла без дождя, так, наверное, он наверстает сегодня днем. Только позавтракал, а народ еще не закончил. Стучат ложки, миски: идет работа.

Вчера вечером надумали идти в село, даже вышли из лагеря, но вернулись, испугались непогоды. Договорились пойти сегодня.

Рядом со мной сидит подпоручик из ОВС. Вот где не эрзац, а настоящий «чистокровный» поляк. Видно даже по внешним признакам, по манере держать себя. Изысканно элегантен. Народ наш тоже преобразился. В конфедератках с белыми орлами, с плащами внакидку. Исключение составляю, пожалуй, я один. Все еще в нашем, красноармейском. Новое обмундирование не получил, вот и хожу по старинке.

В «Правде» замечательные стихи о родной Десне:

... Струись, плыви до милого Днепра
И передай Владимирским высотам,
Что скоро сгинет черная пора,
Что мы идем с рассвета до утра,
И шаг наш богатырский схож с полетом.

Или вот:

Наши села встанут из развалин,
Города пышнее расцветут.
Будет день, когда прикажет Сталин:
«Победившей Родине – салют!»

Будет день, и мы войдем в Варшаву. Один оратор на митинге обещал, что это случится до Рождества. Все возможно!

А вечером ходили в Константиново. Зачем? А просто так. Потому что здесь, в лагерях, скука. Как смерклось, так темнота, и некуда себя деть. Не то, что в Фергане. Там, в селе, снова заказали дерунов, а после были на гулянье, на «улицах». Пели с девчатами песни, играла гармонь. Специфические сельские

вечерницы. Правда, не такие, как до войны. Нет таких парубков, да и девушки какие-то малолетние. Познакомился с константиновской дульцинеей. Одевается Аня с большими претензиями на городскую барышню. Но и ухажеров у нее, кажись, не сосчитать.

Боялись, что ночью обратно не переправимся через Оку. Опасения напрасны. Одна лодка оказалась незапертой, и мы ею воспользовались. А на другом берегу нас ожидал еще один гуляка: ехал на свиданье. Завтра ведь воскресенье.

5 октября.

Хотели, было, отправить меня в 6-й, но там не оказалось свободной вакансии. А так было бы, пожалуй, лучше: пораньше уехать отсюда.

Возле штадива случайно увидал нашего начальника училища из Фрунзе. Он, оказывается, здесь, в дивизии. Разговаривал с ним.

Сейчас уже перешел в землянку. Куда лучше, чем в палатке. Тем паче, что утрами уже заморозки. Свободные дни закончились. Теперь начались сборы, и занимаемся по 10 часов в сутки. Зато быстрее идет время. Хорошо, что нет дождей, а то было бы ...

6 октября.

Сейчас вечер. Большая наша землянка. Окна позакрывали фанерой, чтобы не дуло. Кругом березовые стены, пахнет свежим деревом. Изредка шумит осыпающийся песок. В одном углу на сколоченном нашим «столяром» столе (он хоть и не претендует на изящество, но служит службу) мигает «самоделанная» моргалка: в банке из-под консервов плавает фитилек. А я устроился напротив печки на перевернутой набок табуретке. Печка горит жарко, жарко. Облокотившись на кровать, верхом на табурете не особенно удобно писать, зато интересно, по-военному. Рядом сидят девчата. Теперь все они — польские *жолнежи* [солдаты]. Собрались с разных концов Советского Союза, чтобы в шеренгах Войска Польского *вальчить* [воевать] и освободить свой край от немецкого ига. Выяснил, что одна из них бывала во Фрунзе. Как бы старая знакомая.

Сейчас они поют польские песенки. Лирические: про белые розы, про то, как они *розквиталы* [расцветали], про то, как возвращался с войны боец. Хорошо!..

Догорают поленья, свет становится все слабее и слабее... Трудно уже писать.

А за окном шумят сосны, высокие сосны. Потрескивают дрова...

7 октября.

Тоскливо. И осень тоскливая, и ничего нет нового. Все однообразно, скучно. С утра вот только сегодня замечательный был рассвет! Солнце поднималось из-за реки и постепенно обрызгивало жидкой позолотой и без того красивые деревья. Они сияли всевозможными красками. Осенью лес красив, очень красив...

Сейчас в землянке открыта дверь. В ее проеме, как в раме, вижу вполне шишкинскую картину: спокойные ряды деревьев. За окном — тоже они. И голубое небо. В Узбекистане такого не увидишь. И все-таки я все больше и больше скучаю о Средней Азии. Загрустил крепко по друзьям-товарищам. Ой, вы друзи, мои друзи, гой еси — удалые молодцы!.. Где-то вы теперь?

У нас готовятся к открытию офицерской *светлицы*. По этому поводу, говорят, даже дадут по 100 граммов. А по мне, хоть бы ее и совсем не было.

Днями занимаемся: продолжаются сборы. Надоело. Все одно и то же. На фронтах — оперативная пауза.

Теперь очередь за стариком Киевом. Дарницу давно забрали у фрицев.

Письма «всем, всем» давно собираюсь написать, но никак не соберусь. Вечером бы писать, да света нет. При коптилке не особенно-то разгонишься.

Друг угостил печеной картошкой в мундире. Сам испек в нашей печке. Хороша картошка! Недаром когда-то, пионером еще, распевали мы песни про картошку и «низко били ей челом».

Нужно снова сдавать зачеты по БУП. Ферганская история начинается сызнова. Сдадим! Что нашему брату!..

15 октября.

Сегодня комполка вызывал, думал назначить меня старшим адьютантом батальона. Но вся беда в том, что не знаю польского языка. Вот беда! Людей все нет, и вот пока околачиваюсь без дела. Правда, сборы идут свои чередом. В комплектовании намечаются какие-то изменения, и, видимо, произойдет что-то новое и со мной. Но вот что? «Что сбудется в жизни со мною»?

По вечерам все еще собирается к нам в землянку хор. Поют польские песни. Среди них есть хорошие, лирические:

Розквиталы пэнки бялых руж,
Вруць, Ясенько, з тэй войенки йуж,
Вруць уцалуй, йак за давных лят,
Дам ци за то ружы найпенкнейшы квят...

[Расцветали бутоны белых роз,
Вернись, Ясненько, с этой войны,
Вернись, поцелуй, как в те давние года
Подарю тебе розы, самые прекрасные цветы].

Хорошие лунные ночи. Река ночью замечательная. Беспредельна, молчалива и коварна. Луна сияет, рассыпаясь в волнах реки отдельными блестками. Воздух тих и свеж. Тишина прельщает. Отдельные группы тростников покачиваются в затоне. Деревья принимают причудливые формы и по временам будто двигаются. А перед рассветом, когда выйдешь на улицу, над рекой стоит белый, очень густой туман. И словно окружают тогда тебя какие-то фантастические видения, слышится меланхолический плеск воды и шум ветра. Недаром Гоголь восторгался тихим Днепром.

20 октября.

Скучно. Скучно без подразделения, без хороших друзей. Есть народ, но со многими из наших ребят просто не о чем говорить. Ум одних не видит ничего дальше денег и баб. Ум других обмелел, застоялся, как вода в омуте. Трудно найти человека с широким размахом мысли.

Живешь, и питаешь так много надежд, которые, впрочем, никогда не осуществятся. До самой смерти. А потом придет она, подлая, страшная. Ведь любой человек с каждым шагом, с каждым днем приближается к ней. Жить — это ведь тоже значит приближать час своей смерти.

Каждому она белит волосы, каждое дыхание наше ускоряет ее ненавистную работу. Вот сейчас мы едим, пьем, любим и лунный свет, и восход солнца, и прекрасный лес, и воздух осенней реки, прозрачный, холодный. Но всему есть конец. Никогда и никто не возвращается оттуда...

От чего я иногда так страдаю? От одиночества. У меня нет ни отца, ни матери, ни брата, ни сестры, ни жены, ни детей, ни бога, ни черта... Может быть, и наступит такое время, когда во все стороны будешь кричать: «Помогите!». Но никто не услышит тебя. Будешь протягивать руки, звать, но никто не придет. Люди так эгоистичны!..

Но полно! Что будет, то будет. Стоит ли задумываться теперь над этим.

Вчера случайно купил шахматы. Теперь можно будет играть. Все веселей, чем просиживать возле молчащих стен. А до ферганских друзей далеко, как до звезд, видных из окна землянки.

28 października [28 октября]

Только сейчас закончился ужин и я сижу в офицерской столовой и пишу. Сегодня большой крестьянский праздник, а я получил роту. Ну, и компания!.. Да, теперь уже не автоматчик. Страшно обидно. Мою роту автоматную уже не предполагают формировать, и мне пришлось принимать стрелковую. Что поделаешь. Такой *rozkaz dowódcy pułku. Nic nie zrobisz* [приказ командира полка. Ничего не сделаешь]. Все старички, глубокие старички. Хоть и говорят, что старый конь борозды не испортит, но все же стариков тяжело объезжать. Иной раз даже жалко заставить их сделать лишний *skok* [шаг].

Порядки и обеспечение херовские. Вот сюда бы моих ферганских командиров, мы показали бы класс. Мой единственный тутошний*płytunowy* — до мозга костей поляк. И «объездивший все страны света». Вот только научился ли он храбрым быть? С ним хоть теперь можно переводить на польский команды. И то иной раз ни черта не выходит. Вообще трудно. Посмотрели бы мои друзья, как я учу тактике на польском языке. Получается суррогат. Но ничего, научусь. Уже и теперь кое-что получается.

Очень тоскливо. Не получал ответа на свои посланные письма. Не пишет народ. А ведь обещали!

У нас в гостях была Ванда Василевская. Кроме официальной части, встречалась с нами и в почти семейной обстановке. Открывали нашу светлицу, и она *пшиехала*. Вечер был интересный. Генерал Свирчевский и Ванда выступали. Пили тосты за *wolną Polską* [свободную Польшу] за славную Первую дивизию им. Костюшко, которая уже успешно *вальчи* [воюет] с немцами. Скоро ли мы соединимся с ней?

Уже холодно. Сегодня малость пошел первый снежок. Днем во время перерыва согреваемся у костра.

31 октября.

Dzisiaj pada pierwszy śnieg [Сегодня падает первый снег]. Кто не видел первого снега в сосновом бору? Замечательное зрелище. Обсыпанные белым снегом, стоят сосны. Все бело, бело.

Очаровательные формы. Из землянок вьется сизый дымок, стремится голубой струйкой вверх меж деревьями.

Сегодня выходной. В землянке у Спрингера смастерили «народный» обед. Достали картошки, смальцу, вскипятили молока. И всей братией закусили. Такая земляночная жизнь роднит людей, делает их добрыми друзьями. А вечерами в *касыне* (столовой), которая служит нам и светлицей, после *коляции* [ужина] соберутся из разных концов нашего лагеря офицеры, придет из полковой школы струнный оркестр, девушки, и закружатся пары в томном вальсе, в вихре быстрой польки, в нежном, полном неги танго. А нетанцующие забьются в уголки, склонятся над 64 квадратами шахматного поля и будут пробовать свои силы там.

Думал о том, как было бы хорошо, если бы приехала сюда Тамара. Она сейчас в Москве. Совсем недалеко. Приехала бы хоть на день. Вспомнили бы мы Фергану, вечер у них в гостях, парк возле комендатуры и тот столб, немой свидетель моих счастливых минут!.. Что-то делает теперь она, милая? Вспоминает ли обо мне и как вспоминает?.. Хотел бы единое слово слышать сейчас от нее. Сейчас вспоминаю ее черную головку, красненькую блузочку, тот порог у дома напротив 10-й школы и первый поцелуй. Тамара!.. Слышишь ли ты меня? «Я хочу, чтоб услышала ты, как тоскует мой голос живой»! Ничего не осталось в память о ней. Разве вот этот дневник. Переверни несколько страниц, и вот на них записи о тех счастливых днях.

Все ближе день, когда мы уедем на фронт. Может быть, это будет завтра, а может, послезавтра. И тогда все замелькает, как в калейдоскопе. Но и тогда я не забуду ферганских дней, не забуду... нет, не забуду!..

7 ноября.

Небольшая станция Дивово. До Рязани всего 25 километров, а до Москвы три часа езды. Стоит вагон: здание станции немец давно разбомбил. Скорые поезда не останавливаются здесь. Кругом лес. И вот в одной роще — наш караул. Сюда и послали меня. Живу в селе Нагорном Рыбнинского района. Село небольшое, возле самой железной дороги. Настоящее русское село с колхозом «Верный путь». Живу в бревенчатой избе. На печке — старенькая-старенькая бабушка. Интересные эти русские старушки. Меня все время называет «касатик», и я ее — также. Вот спрашиваю сейчас: а какой у вас адрес, как можно написать сюда письмо? Бабка на печи все соображает, как

же писать-то, а потом говорит: «Пиши так: Марии Михайловне Ломтевой, деревня Нагорное, станция Дивово».

Праздники в деревне. Праздновали по старинному русскому обычаю. Вся деревня приоделась, парни вышли с гармошками, девчата нарядились в «городские» платья.

Во всем чувствуется близость Москвы. Нет, это уже не пресловутые «рязанские бабы»! В колхозе был праздничный обед, и я попал с председателем колхоза в один дом. Пили за освобождение Киева. Закусывали добротным русским борщом, холодцом и кашей. А вечером по избам — танцы, пляски и частушки. Я видел, как танцевал один молодой парень в ковбойке с девушкой. Крепко плясали. Народ здесь гостеприимный, хлебосольный. Даже нас, польских *жолнежыв* [солдат], встречают приветливо, гостеприимно.

За окном поют петухи, скрипит огромное колесо (такие вижу впервые) колодца. Народ разошелся по работам.

Один за другим проносятся поезда на запад и на восток. Клубы дыма стелются под окном. Куда-то едут люди, спешат увидеть новую жизнь, распроститься со старой.

Скоро у нас *przysięga ziemi polskiej, narodowi polskiemu* [присяга земле польской, народу польскому].

Всем своим друзьям послал приветственные телеграммы.

8 ноября.

Спинер снова уехал в лагерь. Вечером девушка Нюра пригласила на вечеринку. У нее были подружки из Рыбного. Я пришел с Павлушей (тоже наш *поручник*). Погуляли на славу. Танцевали под патефон. Сегодня думаем ехать в Рыбное. Вообще-то наш брат здесь «в большом ходу», на вес золота́.

Порядки в компании вроде удалось установить. Приходится жучить народ, взыскивать с них крепко. Но ребята подтягиваются, начинают привыкать к порядкам. Солдат своих не особенно нагружаю, пускай и они маленько отдохнут.

Ждал Тамару Немцову, но ее нет. Не едет. Или, может быть, ей не передали письмо? Все может быть. А есть ли мне там дома письмо? И от кого? Кто отозвался?

В сельской школе провел занятия с ребятами по пистолету-пулемету. Напомнило это 1930 год, село Яхновцы, моих ребят в школе. А теперь все далеко-далеко!..

Село Нагорное
Рыбновского района Рязанской области

Тетрадь VIII

Начата в ноябре 1943 года в лесу под Рязанью

11 ноября.

Последний день в лесу. Сижу в землянке, пишу. *Жолнежи* собрали свои скромные пожитки. Повара спешат готовить в походке обед. С минуты на минуту ждем смены. До вечера еще надо добраться в полк. Кончилась «гражданская» жизнь, прощай, рязанская деревушка Нагорное. «Касатик» (бабушка, замечательная бабушка) вчера пряла и обсуждала вслух свою «жисть».

На дворе лежит снег. Черные снеговые тучи сгущаются. Будет еще снег. Приказал кухне подготовиться к «работе» в дороге. Нужно накормить народ в пути. Совсем по-походному.

Павлик пока остается здесь. Он еще даст жизни. Вчера из полка пришло известие, что меня переводят на другую должность. Видимо, в штаб полка. Придется со своими стариками распрощаться. Впрочем, и не очень жалею: народ с ленцой. Не хотят следовать турецкой пословице, которая гласит: «Когда нужно слушать, будь первым, а когда говорить, будь последним».

Все нет смены. Придется идти ночью. По оттепели это не совсем хорошо.

Нюра и Леля — хозяйкины дочь и невестка,— видимо, жалеют, что уезжаем. И я привык к ним. Хорошо у них в деревне. Вот вдали замер темно-зеленый ельник, а вокруг — безбрежный простор, голубоватые равнины, стаи птиц... От этих далей молодеешь сердцем. А как хорошо выглядит село в лунную ночь, зимой. Дворы — черные прогалины, дома, покрытые белыми шапками. Грустно подумать, что все это скоро останется, а нас снова ждут будни, суровые будни. Так оно все.

«Жизнь — мгновение между двумя вечностями» (Платон). Хорошо! Зато остаются воспоминания. Жизнь наша делится на

две части. Первую проводим в будущем, а вторую — в прошедшем (по Карамзину).

Павлик получил звание капитана. Когда меня оформят? Впрочем, стоит ли удивляться, что одним везет, а другим нет. Ведь есть люди, похожие на банковские билеты, которые принимают по курсу, а не по номинальной стоимости. Так, кажись, сказал еще Ларошфуко.

Надо идти: пришел за мной гонец Рогач. Придется идти ночью.

Начал падать снег.

15 ноября.

От высоких сосен падают густые тени. Река вздулась и почернела. Вот сейчас сижу в штабе 2-й польской дивизии им. Генриха Домбровского. На семинаре разведчиков.

Вчера вызвал полковник, наш комполка, на беседу и приказал быть ПНШ-2. Разведка. Опасное это дело, хорошее. Страшновато браться за него: сумею ли потянуть? Но не святые горшки обжигают!

Если признаться по совести, то не хочется покидать строевую роту. Там ведь имеешь дело с людьми, живешь вместе с ними, а здесь, в штабе, как бы оторван от людей. Таковы-то дела!

Писем в полку не оказалось. Думал, что застану, и много. Но, увы, нет ничего. Черт его знает, чем объяснить молчание моих знакомых.

Скучно по «вольной» сельской жизни. Снова служба и служба. Сегодня целый день склеиваем карты, наносим обстановку, составляем схемы. В домике холодно.

В перерыве ходил на пристань Хворостово. К причалам притащился буксир «Коммунар». Навигация еще не закончилась. Румыны, наши союзники, разгружали свою амуницию. Тоже снаряжаются.

Все больше у нас поговаривают об отъезде на фронт. Вчера читали Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждениях орденами и медалями солдат и офицеров нашей 1-й дивизии им. Тадеуша Костюшко. Они показали себя достойными сынами, достойными поляками.

В роте жалеют, что я ушел. Привыкли уже ко мне. Принимает роту Загорулько. Немного брыкался, но что поделаешь. Приказ есть приказ.

До полка из Дивово шли всю ночь. Снег хлестал в лицо. По дороге в селе остановились на отдых в школе. Потом переправлялись через почерневшую Оку.

17 ноября.

Ты одессит, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда...

Раннее утро. Топится «буржуйка». На дворе дождь, шумят сосны. Мы собираемся в штадиве на семинар и поем. Поем и «Ермака», и «Черные глаза». И вот популярную ныне, про одессита Мишку. Сходятся люди... Начинается рабочий день.

Вчера занимались допросом «пленного». Он хорошо играл свою роль, прикидывался ничего не знающим фрицем.

Наши войска имеют поразительные успехи. Взят Житомир, и наступление продолжается. Наши идут на Винницу, на Волочиск. Мои старые места...

Помначштаба женского батальона рассказывает о жизни своего батальона. Интересное дело. Сегодня закончились наши семинарские дела.

18 ноября.

Получил от Раи Олейниковой открытку. Из Акмолинска вышла она 20 октября. Порядочно двигалась. Все-таки Рая — мой настоящий друг, бескорыстный, открытый. Таких людей мало. Каждое письмо напоминает о далеком прошлом. Вот и сейчас мне немного взгрустнулось. Вспомнил гамак, на котором качались. Ишим, в котором купались. Вспомнил, как приехал из Джамбула и как душевно встречала меня Рая. Она пишет: «Коля! Как мне было приятно, когда я через год получила твое письмо, на что уже потеряла всякую надежду...»

Милая Рая! Ты не знаешь, как приятно было и мне получить твое письмо, далекую весточку из Акмолинска. Она разбудила во мне воспоминания. Такие приятные, неповторимые. Твой образ, Рая, вот сейчас я вижу здесь, в далеком заснеженном лесу, в штабе, при мерцающем свете керосинки. «Лишь о тебе мои мечты, в душе и сердце царишь только ты»...

Возле меня за столом сидит писарь Броня. Молодая девушка пишет распоряжение о выполнении гарнизонной службы.

Только что рассказала, что работала возле Фрунзе на Кантском сахарном заводе. Выходит, мы с ней как бы старые земляки. Совпадение хорошее!

К своей новой работе привыкаю. Да что теперь! На фронте от разведки требуют многое. Наверняка. Разведка – глаза и уши командира. Без разведки – ни шагу. Так в свое время учил Тимошенко.

Румыны формируются. *Dzisiaj* [сегодня] шли, много их шло на формирование. Ну, хватит. Нужно приготовить выписку из приказа на завтрашний наряд.

4 декабря.

Суббота. За эти дни было много событий. 25 ноября ходили в трехдневный поход. По лесам большущим, по долам широким, по снегам глубоким. Жили походной жизнью. Впрочем, настоящая походная жизнь надвигается: скоро, очень скоро мы уедем. Далеко уедем. И начнется фронтовая жизнь, с настоящими боями. Теперь она уже будет наверняка, и будет скоро...

Идут последние приготовления. Я все не решусь, что делать со своими вещами. Оставить в Нагорном – пропадут, продать здесь – совсем неинтересно. Что делать? Черт его знает. Нужно бы отослать Рае в Акмолинск. Но ведь и по дороге могут пропасть?! Одним словом, витязь на распутье.

От Раи из Акмолинска получил письмо. Какое хорошее письмо! Сколько в нем искренности и теплоты. Так только может писать человек, который по-настоящему любит, от всего сердца, от всей души. Как я благодарен ей за это. Что бы мне сделать, чтобы моя благодарность дошла до нее, чтобы она поняла, прочувствовала всю глубину ее. Как приятно получить такое дружеское письмо. Я перечитал его несколько раз днем, ложась спать в холодной землянке под свист ветра и шум дождя. Вспоминал далекий Акмолинск, ту чудную аллею в парке за Ишимом, мельницу, качающийся мостик с поломанными перекладинами, развесистое дерево с огромными корнями над рекой, на котором однажды сидели. Закроешь глаза, и в памяти всплывает последний день перед отъездом. Беру дневник. Вот оно, 17 августа 1942 года. Читаю: «Дома была только Раина мама. Рая написала мне письмо. Сейчас вот оно лежит рядом. Работает радио, диктор сообщает последние известия. На кроватке глубоким сном спит Игорь»...

И вот сейчас, более чем через год, глубокая ночь, горит каганец, спят в землянке мои други, лежит Раино письмо, а я пишу. Пишу в далекий Акмолинск. Рая, как я хочу, чтобы ты

услыхала мое раскаяние за прошлое, чтобы у тебя осталось только самое хорошее воспоминание, такое же, как и у меня о тебе.

8 декабря.

Идут последние приготовления. Вот-вот должны выехать. Куда? Говорят, под Киев. Это будут очень хорошо. Свою родную Украину увижу снова.

Утром сдал посылки. Две послал Рае в Акмолинск. Мне все равно ведь, куда девать вещи.

29 декабря.

Большой перерыв в записях. Все были на учениях. Сначала, с 10-е по 14-е, — на дивизионных учениях разведчиков. Затем полковые. Затем, с 22-го, снова общие дивизионные. Обошли-объехали чуть ли не весь Рыбновский район Рязанской области. Плохо, что не вел дневник. Ведь какая уйма всяких впечатлений. Уйма новых встреч, разговоров. Но не до дневника было. И, к тому же, его не захватил с собой.

Самая настоящая зима. Вчера послал телеграммы всем знакомым, поздравил с Новым годом. А вечером вызвал Белецкий и сказал, что утречком надо быть в штабе дивизии. Едем с квартирмейстером туда, к фронту. Утречком встал (впрочем, ночь-то ведь не спал) и вот сейчас пристроился у дежурного телефониста в штабе в Сельцах. Машина ушла заправляться. Пишу. Куда едем? Никто не говорит. Говорят, что сегодня будем в Москве. А затем — куда-то в Белоруссию. Один майор шутит: только не напоритесь на мины. Не напоремся! А пока ждем машину. Последний раз в Сельцах, в Рязанской области. Днем с ней распрощаемся насовсем. Ждет нас далекий путь.

Дописуе уже в Москве, на Большой Калитниковской, дом 49. Добрались на своей «дойче» только в 10 часов вечера. Остановились на ночевку. Люди нас замечательно приняли. Как своих. Сразу же пошли гуртом в ресторан на ужин. Провожала нас хозяйская девочка. А оттуда проехали по Москве. Холодно!.. Вот бы знать сейчас, где находится Тамара Немцова! Свалился бы к ней, как снег на голову. Но, увы! Уеду, и кто знает, когда еще придется побывать в Москве. И придется ли?

На трамвайных остановках прозяб до мозга костей. А вот теперь напился чаю, и хорошо. В комнате тепло, уютно. Все наши спят. Нужно и мне поспать. Завтра снова — в путь-дорож-

ку дальнюю. Где-то придется встретить Новый 1944 год? Говорят, что где-то под Смоленском.

А теперь уже пишу в селе Старом Смоленской области. 30-го днем проехали Можайск. Видели оборону, нашу и немцев. По дороге — следы боев 1941 года. А возле Можайска в 12 километрах — Бородинское поле. Вот оно, поле славы. Вот они, старые деревья, которые смогли бы многое рассказать, немые свидетели боев, побед и поражений...

Село стоит на трассе. Хозяйка рассказывает о немцах — они ведь были здесь до февраля. Были здесь концентрационные лагери, многих увел немец в неволю.

Деревня с гулькин нос, а увели фашисты 18 девушек. Хозяйскому сынку 15 лет, совсем молодой паренек, а и то ведь мамаша еле отпросила его у коменданта с немецкой неволи. А дочь увели. В тот день плакало навзрыд все село. Вот они, изверги!

На всю деревню один-единственный пес. И того, говорят, завели после немца.

Завтра Вязьма. И, видимо, доедем до дому, до места назначения. Там буду ждать своих. Жаль, очень жаль, что не остановились, хотя бы на день, в Москве.

с. Старое Смоленской области

31 декабря.

Остался последний час 1943 года. Только что приехали в деревню Бобры Кардымовского района. До Смоленска — всего 40 километров. Свернули с большака (шоссе Москва — Минск), устроились ночевать. Деревня какая-то разбросанная. С капитаном устроились в одной хате, только что поужинали и настраиваемся спать. В убогой деревенской избе в углу ребятишки смастерили что-то наподобие елки. Сейчас везде елки, все по-разному празднуют новогодье. А я вот — здесь, в заброшенной смоленской деревушке. Без тостов, без друзей. Впрочем, теперь все мои друзья, и с ними мне придется делить горести и радости фронтовой жизни.

Расспрашиваю хозяйку, как живется. Она, хоть щека обвязана (флюс), но словоохотливая. Капитан растянулся на соломе и поет: «Темная ночь, только пули свистят по степи...»

А хозяйка рассказывает, как здесь были немцы. Ушли они отсюда только в сентябре. Вот здесь, в этой самой избе, на этой лавке, сидели фрицы. В деревне похоронили они своих мотоциклистов, убитых в Ярцево.

Сегодня проехали Вязьму и Ярцево. Дома разрушены, окна выбиты. Город много выстрадал, многое видал. Совсем уже рядом фронт. Наши готовятся наступать на Оршу. Может быть, туда пошлют и нас?

Вот такова-то моя новогодняя ночь 1943 года. Прощаюсь с уходящим годом в Смоленщине. Разве мог думать, что судьба занесет меня так далеко. Начинал год в Фергане, прощаюсь с ним в Смоленщине. Где закончу новый 1944 год? И доживу ли до него? Все это неизвестно, неизвестно!

Девушка, наш пассажир из Можайска, ефрейтор авиации, сошла на контрольном пункте в Ярцево и теперь, видимо, встречает Новый год где-нибудь в Смоленске.

Хотелось бы и мне встретить Новый год вместе с Тамарой (а ведь был так близко от нее!) или с Раей из Акмолинска. Но Акмолинск далеко-далеко, и между нами поля и снега. До смерти теперь куда ближе.

Осталось еще 35 минут — и все скажут друг другу: «С Новым годом!» Поздравит ли кто-нибудь, хоть мысленно, меня? И кто? Нет мне ответа. Тишина...

Хозяйка молча кормит ребенка. Кто-то кашляет на печке. Спит на соломе капитан. Думаю досидеть до двенадцати. Поздравить хотя бы тех, кто будет бодрствовать здесь, в избе. И мысленно поздравить с Новым годом Тамару, Раечку, Джигита.

Осталось ровно полчаса. 30 минут — и все. Передо мной часы, и я посматриваю на циферблат. А пока устроюсь с постелью.

Только что выходил во двор. Темно. Свирепый ветер хлещет. Тишина. На шоссе мелькнул свет фар — видимо, какой-то «студебеккер» несется на Смоленск, а, может быть, и дальше, на передовую.

Хозяин — портной. Он плохо слышит и, когда я что-нибудь говорю ему, то прикладывает руку к уху. Говорит, что немцы чуть его не застрелили, думали, что притворяется. Сейчас вот топчется, решил со мной дождаться Нового года.

Осталось 15 минут. Спать придется на соломенном мате. Сплели какие-то прохожие солдатики — наши, когда наступали. Может быть, их уже и нет в живых. Может быть, только у дороги стоят их могилы. Такие, какие мы сегодня видели по пути. Могилы неизвестных солдат. Для них уходящий год стал последним годом в жизни. Думали ли они сложить свои головы здесь, вдали от дома, от семьи?

Все засыпают. Я уж прошу хозяйку, чтобы подождала немножко, а то ведь и поздравить с Новым годом некого. Будет ждать с дочкой маленькой. Девочка уже выспалась. Вот осталось 9 минут...

Вот и прошел старый год. Начинается Новый, 1944-й. Что-то он мне принесет? Что принесет Родине?

24.00. Полночь. Рубеж между двумя годами...

д. Бобры Смоленской области

4 января 1944 года.

Третьи сутки в селе Малявчино Кардымовского района на Смоленщине. Получили свои районы, нужно было провести рекогносцировку, но все попытки выбраться на трассу Москва — Минск оканчиваются позорно.

Целый день вчера воевал со снегом, а машина за день еле продвинулась в общей сложности на 5 километров. Все дело в том, что за два первых дня нового года бушевала вьюга, и замело все на свете. Позаметало пути-дорожки!.. Сегодня снова сделаем попытку пробиться. Как-то оно выйдет?

Живем у одной хозяюшки втроем: я, капитан и один майор-врач.

с. Малявчино
Кардымовского района
Смоленской области

6 января.

Не удалось закончить: выехали из Малявчино. За эти дни был в Каменке, Бережнянах, Залужье и снова в Каменке. А вот сейчас завтракаем в Смогирях. Я, майор Таран и Михайловский. Остановились в доме, который предназначается для комдива. Наша машина застряла в селе. Вот сейчас женщины идут ее раскапывать, и тогда поеду в Залужье. Там думаю разместить штаб полка. Место очень подходящее.

Район пострадал от фрицев. Многие села сожжены, от некоторых стался один дом. Все мы теперь разбрелись по своим районам, съезжаемся только на кустовые совещания для решения некоторых вопросов да в Бережнянский продпункт ДКУ для получения продуктов по аттестату. Живем весело. Все в разъездах да разъездах. Изучаем свой район.

с. Смогири
Кардымовского района

7 января.

Сидим в офицерской комнате. ДКУ – 25 километров от Смоленска. Сейчас туда переезжаем. Обстановка резко изменилась. А я, было, вечером только устроился на славу в Залужье. Познакомился с замечательной девушкой. Вот написала адрес: Смоленская область, Кардымовский район, Бережнянский сельсовет, село Залужье. Вера Дундур. Хорошая у нее семья. Но не удалось мне пожить там. Не везет!

Ветер свирепый, свирепый. Сегодня целый день в разъезде. И вот сейчас снова. А ведь хозяева только приготовили дров, собирались сделать ужин. Но, увы! Все осталось.

Сейчас вот на тумбочке пишу. Сидят командиры, наши снимают схему нового района расположения. Все перекапустилось. Через час-два будем в Смоленске.

9 января.

Вчера приехали на станцию Починок. От Смоленска 50 км. Дорога на Рославль. Должен ехать на следующую станцию, но не чем. Сидим в хате. Ждем завтрака. Ночью прилетал немец и бомбил. Одна бомба упала совсем недалеко от нас. Немец нащупал нас и теперь, видимо, часто будет посещать. Так начинается фронтовая жизнь. С бомбежки. Наши еще не приехали. Но должны скоро приехать.

15 января.

А теперь уже и наши приехали. Все. Устроились в деревне Холмы. Разбросанная и забросанная снегом деревушка. Зима. Все нажимаю на лыжи. Мои разведчики в другом селе, и приходится к ним ездить. Хорошо на санках проехать теперь, зимой. Сегодня вот ночью ездил по селам. Все разнообразие.

От Раи получил письмо и открытку. Меня не забывает. Вот, пожалуй, единственный друг. Честный, хороший, искренний.

Живем втроем: я, Хатман и Цесорский. Поем песни, занимаемся делами, ездим по селам. Такова пока наша жизнь! А что дальше?

...Но суровое время пройдет,
Наше счастье с тобой впереди,
Пусть же вьюга сильнее метет,
Не заместь ей стремлений моих.

Снова встречусь, родная, с тобой,
По дорогам победы пройдем,
И мы снова, как прежде, вдвоем
Песню счастья с тобой пропоем...

Тепло у нас. Жарко натоплена чугунка. Окна задраены плащ-палатками: а вдруг налетит немец.

д. Холмы
Смоленской области

21 января.

Все еще живем на старом месте. Мотаюсь по селам, по подразделениям. Но чаще всего — в Редьчино: там ведь *звядовцы.* Все «воюю» насчет порядков. Яржемковский — одна мука. Терплю его только потому, что жалко старика. Честный он, правильный, а больше, пожалуй, никаких качеств. Дроздов — замечательный парень. Должен стать хорошим разведчиком.

Слежу теперь за их каждым шагом, что называется, «не слажу с шеи». Вчера провел собрание среди местных женщин, попросил, чтобы окружили бойцов материнской заботой. Обещали сделать. Впрочем, народ здесь принял нас весьма радушно, с настоящим русским гостеприимством. Чем богаты, как говорят, тем и рады.

Лошадки наши тоже отдохнули, теперь хоть куда.

Сухецкому вчера задал перцу. Ну, видно, когда-нибудь при случае они припомнят мне, как я на них нажимал. Но ведь за дело! А раз так, значит, и верно. Так!

Зима стоит легкая, как перед весной. Но снег глубокий. Оттаяло, и на лыжах плохо ходить. А то одно время я принялся усиленно тренироваться. Хорошо было.

Писем нет ни от кого. Сам тоже никому не пишу.

Через час пойду в баню. Здесь почти у каждого хозяина своя маленькая банька. Низенькая, курная, но помыться можно. Даже попариться с веником.

22 февраля.

Столько дней не писал, а событий было много. Каждый день в поездках и в поездках. «От края и до края, с саней я не слезаю...» Последнее время идет полоса учений — полковых, дивизионных. И на всех я был, во всех участвовал. Холодно иногда, но ничего... Все равно — хорошо зимой. Так давно я настоящую зиму не видел! А теперь вот пожалуйста: зима щедрая,

сугробистая. Хорошо, очень хорошо, забравшись в теплый кожух, ехать в санках, когда порывистый ветер тянет по полям колючую поземку и снежные вихри завиваются в оврагах и перелесках. Часто езжу по полям и равнинам Смоленщины, равнинам, на которых еще не так давно стоял грохот и шум, гром канонады (ночью она слышна еще и теперь, но уже там, на западе, далеко), раздавались команды. На многом еще здесь лежит кровавый след войны. Лежат невзорвавшиеся снаряды, передки орудий, разбитые автомашины, развороченные танки. Золотисто-рыжие сосновые стволы, поваленные на землю, плачут смолистыми слезами.

В Арефьино видел могилы неизвестных солдат. Дожди и снег смыли имена, написанные на деревянных дощечках, имена тех, кто умер за свою землю и на своей земле. Стоял я возле них и думал: может быть, и меня ждет такая участь. Где и когда? Не все ль равно!.. Но будет время, и в песнях и легендах воскреснут те, кто пал за родную землю.

За это время получил много писем. От Славгородского, от Людмилы Соколовской, от Раи три письма, от Фаины Ильиничны и, что самое главное, от Тамары Немцовой – тоже три письма. Она настойчиво добивается ответа, пишет, что не теряет надежды, ждет подробных, длинных и хороших писем. Пишет все время о своем одиночестве, о потерянности. Почему так? Почему она так одинока, почему скучает? Вообще она слишком скрытая, слишком горделивая, слишком загадочная. Я часто думаю о ней, часто вспоминаю ее нежное личико, черные, как смоль, волосы. Она пишет: «Оглянувшись, я увидела, что мне очень не хватает Вас, Ваших писем, Вашего неодобрения и Вашего участия!..» А мне и подавно всего этого не хватает. Ведь я-то совсем одинок. А у нее есть такая замечательная мать, такой хороший друг.

Сейчас ночь. Сижу в штабе дежурным. Просматриваю дневники, вспоминаю Фергану, Тамару, все наши встречи. Мысли опережают мое письмо. Разве все передашь на бумаге?

Позавчера Белецкий поехал в Москву, просил его зайти к Тамаре. Вот приедет, расскажет все подробно. Жду его.

3 марта.

Снова дежурный, снова сижу в штабе. За эти дни был далеко-далеко, на корпусных ученьях. Переходили на лыжах реку Беседь. Мог ли когда-нибудь думать в Гомеле, что в 1944 году

в пургу придется переходить истоки этой реки с воинами-лыжниками.

Приехал из Москвы Белецкий, рассказал многое о Фаине Ильиничне, Тамаре. Они его радушно встретили и прислали даже мне маленький гостинец: немножко урюку и орехов. Все это еще ферганские сласти. Чрезвычайно тронут таким вниманием друзей. Как будто кусочек Ферганы переслали мне сюда, в Смоленщину. Расхваливал всем нашим гостинец и говорил: «От Тамары московской». Фаина Ильинична написала материнское письмо, в котором пишет: «Хочу Вам пожелать от всего сердца боевых успехов, здоровья и бодрости. Не вздумайте оставить на поле боя ногу, или руку, или другую деталь. Ждем Вашего возвращения здоровым и целым, но если судьбе или случаю будет угодно рассудить иначе, то помните, что в моем лице при любых обстоятельствах Вы встретите настоящего друга. Всегда буду рада Вас видеть и угостить дерунами».

10 марта.

Последние дни в селе Холм Починковского района Смоленской области. Идут завершающие приготовления, и совсем на днях тронемся. Куда? Говорят, куда-то в Польшу. Я, видимо, снова выеду вперед, на рекогносцировку. А в этом случае писать будет можно только в Холм или, еще лучше, в Редьчино. Там, пожалуй, самая ответственная хозяйка и хорошо меня встречала.

Несколько дней тому назад снова был на тактических занятиях за Починком. В хорошем селе.

Писем нет. Да и от кого их получать, если сам не пишу. Даже Фаине Ильиничне не ответил. Чего же более!..

Дни эти прошли, как обычно, в вечной сутолоке, в приготовлении к занятиям, в выездах, в приездах.

Итак, кончилась «мирная» жизнь. Два месяца прожили здесь в сравнительном тепле и спокойствии. А теперь снова в дорогу.

Тамара, дорогая, ты небось и не знаешь,

...Как я люблю глубину твоих ласковых глаз,
Как я хочу к ним прижаться сейчас губами.
Темная ночь разделяет, любимая, нас,
И холодная, черная степь залегла между нами.

Верю в тебя, дорогую подругу мою.
Эта вера от пули меня темной ночью хранила.
Радостно мне, я спокоен в смертельном бою.
Знаю, встретишь с любовью меня,
Чтоб со мной ни случилось.

Нужно этими днями написать всем письма. Обязательно.

15 марта.

Утро. Идет дождь. Паршивая погода. Последний раз я в Редьчино Починского района. Замечательная хозяйка Копаева Надежда Васильевна из колхоза им. Сталина готовит нам завтрак. Последний завтрак здесь. Село, прощай. Тебя я больше не увижу. Прощай, знакомые.

Ехали в Починок, и шел снег с дождем. Убийственно намокли. Нашел Тарана, и к вечеру погрузились. Везде людей полно. Пришлось устраиваться в конском вагоне, на сене. Хотя бы есть, где поспать. Холодно, особенно, когда все мокрое, а сушиться негде. Ночью заснули. Холодно и холодно. Хотел было садиться у дверей, но нет, под одеялом куда лучше. Куда едем? А кто его знает!

17 марта.

Сейчас уже 2 часа 30 минут. Дождь перестал, но лежит снег и холодно. Стоим в 20 километрах от Ново-Белицы. Проехали Кричев, Унечу, а теперь едем на Гомель. Куда дальше? Говорят, на Чернигов, а затем на Овруч. Неужели снова увижу свой родной Чернигов? Никогда не думал, что придется. Как встреча со старым другом. Проехать бы только город днем, а не ночью. Из нашего «лошадиного» вагона пришли погреться в классный. Здесь лучше. Собирался написать письма, но нечем клеить. Один врач дал открытку. Напишу ее в Москву, Тамаре.

18 марта.

Утром встал, и оказалось, что стоим под Речицей. Моя родина! Больше того, в вагон сел лейтенант, и мы взяли у него карту. Нахожу село Ровенская Слобода. Вот она, деревня, где я родился. От Речицы прямо на юг 8 квадратиков, или, примерно, 18 километров. На восточной окраине проходит рокадная дорога Речица—Хойники. На северо-западе — леса и хутор Дубовец, село Ново-Амур. А на западе — болота Щивуз, рукот-

ворная речушка Ребуска. Села Пасека, Калиновка, Ново-Ровенщина, Андреевка — они окружают мою деревню. А вот по Днепру местечко Холжечь. Отсюда я когда-то в 1918 году шел с мамой пешком в Речицу. Вот взорванный мост через Днепр. Сколько раз я проезжал и по нему, и под ним — на пароходе. Вот и Речица. На месте старого вокзала груда развалин, остался только пол. Здесь последний раз я садился на поезд в 1935 году, а Рита меня провожала до Гомеля. Кто знает, кто теперь помнит, может быть, мы любовались вот этой березкой, что стоит возле полотна железной дороги? А вот и круглый бассейн напротив станции. Сколько раз я был здесь? Никогда не думал, что буду здесь через столько лет, но уже с эшелоном и в качестве польского офицера. А сколько раз я приезжал сюда из Хойник. Через несколько часов буду в Василевичах. Там-то уже не был, видимо, с 1927 года. А смутно-смутно помню, как когда-то в Василевичах сидел целые сутки в ожидании поезда, и одна девушка-москвичка пела «Дайте чаю...». Так вот, скоро снова эти Василевичи.

Уже третий час стоим у речицкого семафора: грузят нам овес. Пригожий весенний день. В вагоне ребята чистят лошадей. Бобчик нетерпеливо стучит копытами. Доктор любуется им, а я сижу на сене и пишу.

Сидел на платформе на зенитке. У капрала взял бинокль и долго рассматривал рощицу на окраине Речицы. Здесь, видимо, кладбище. Здесь с 1920 года лежит моя мама. Родная мама, о которой я так долго и часто мечтал в жизни. По которой так тосковал. Здесь, на этой самой земле, окончился ее жизненный путь. Здесь она последний раз думала обо мне, послала свой последний подарок. И судьбе угодно было привести меня снова сюда через столько лет. Кто знает, может быть, последний раз?

Кругом густые леса. Не раз я видел их, но никогда они не были мне такими близкими, такими родными, как сейчас. После долгой разлуки встретились старые друзья. Когда еще доведется?

Немец бросил бомбу. Здоровую бомбу, но промазал. Упала возле самого садика в 200–300 метрах от нас.

Уже 7 часов вечера. Заходит солнце за Речицей, а нас все еще не везут. Этак, пожалуй, не скоро доедем до места. Все время по шоссе идут машины: на Гомель и из Гомеля. Эх, поехать бы туда, а потом в Чернигов. Когда придется там побывать.

Написал письмо Тамаре в Москву. В Василевичах нужно его бросить. Когда только адресат его получит?

19 марта.

Проснулся все еще в Речице. К полудню только выехали. Кабы знал, что стоять будем здесь сутки, обязательно съездил бы в город. Посмотреть на старые места. В 2 часа дня заехали в Василевичи. Последний раз был здесь в 1927 году. Как сквозь сон, припоминаю эти деревья у вокзала, старое, истерзанное немчурой здание станции. Едем на Калиновичи. Сколько раз в детстве я смотрел с завистью уходящему на Калиновичи поезду (в неведомые края!..) и мечтал о том, когда и я поеду. В моей детской головке и мысли не рождалось, что в 1944 году, через 15 лет, сбудутся мои детские мечты. Но как странно сбудутся...

Серое небо, холодно. Немец при отступлении в злобе исковеркал второй путь. Вот он лежит рядом, израненный. Изверги!.. Ничего, уже платят за свои зверства и еще заплатят в сто крат.

20 марта.

С утра выглянуло солнце, потом спряталось, и теперь снова холодно и мрачно. С утра стоим на каком-то полустанке недалеко от Ельца, что возле Овруча. Говорят, скоро выгружаться, и дальше двинемся на своем транспорте. Веселая предстоит жизня, что и говорить. Только что отобедали. Устроился на сене, замотался ватным одеялом (одеяло дал доктор) и пишу. Рассказал своим спутникам о ферганской жизни. Прочел, кстати, и письмо от Славгородского. Где-то он теперь?! В каких краях, землях? Увидеть бы их всех — Славгородского, Кривоногова (Колтыногова Федю), Лутфуллина, Желдака. Не увидимся, видимо, скоро, а, может, и никогда не увидимся.

Был в вагоне у Тарана, побрился, а он взял переписывать есенинское: «...я, как лошадь, загнанная в мыле, пришпоренная смелым ездоком».

26 марта.

А дальше всего хватило. И дождь, и снег, и путаница, и нераспорядительность. Выгрузились где-то возле Бердичева, затем на машинах добрались до станции. Только устроился у железнодорожников, как вызвал Таран — встречать свой эшелон.

Ночью с группой разведчиков прошел через Бердичев, вышел на Шепетовское шоссе и добрался до Малых Татаринцев. Название не соответствует действительности: здесь до пятисот дворов. Грязь непролазная, а снег еще подбавляет.

Устроились у замечательной хозяйки, все завидуют нашей квартире. Все эти дни занимался расквартированием подразделений.

Вот она, украинская жизнь:

Украина родимая! Волны полей,
Города лучезарные, белые хаты!
Украина! Горячею грудью своей
Ты встречаешь сегодня врага-супостата.
Украина, живого труда сторона,
Зори ясные, тихие синие волны!..

3 апреля.

Творится что-то невероятное. На улице третьи сутки свирепеет вьюга. Понамела громадные сугробы. Целую ночь свирепый ветер гулял по крыше, шумел жестью. Никуда не хочется выходить, отсиживаемся в хате. Пройдет же непогода, наконец!

Наслаждаюсь Украиной, обычаями, мазанками, ее музыкальной *мовой*. Сколько раз в далеком солнечном Узбекистане мечтал я о родной Украине. И вот она! Освобожденная!..

Деруны теперь бывают почти каждый день. Мои любимые. Живем неплохо, только скучно.

Писем нет. Написала только Ира из Константиновки. «Лодочная» знакомая. Оказывается, не забыла меня и даже адрес достала. Сегодня вообще нужно день посвятить ответам на письма. Перед ой как многими я в долгу.

Сколько будем здесь? Черт его знает. Говорят, не меньше месяца. Ждем 3-ю дивизию. Она уже движется к нам на соединение.

Писем ни от кого нет. Когда же будут? Вечером читал дневник, вспоминал старое... Когда все вернется? И вернется ли?

5 апреля.

Лунная, лунная ночь. Улицы все перехвачены сугробами снега. Идешь, как по волнам плывешь. Интересно даже. Взберешься на сугроб, а внизу видна хата.

Ночью в Бердичеве грохотали зенитки. Яркие вспышки от трассирующих пуль озаряли небо, скопом взвивались вверх и там таяли. Немец кружил где-то высоко-высоко и сбросил бомбы. Сукин сын! Ведь уже загнан до смерти, а все огрызается,

делает пакости. Хоть перед смертью, но укусить. Фрицевская психология!

Вечером был у своих и провел ряд мероприятий по борьбе с тифом. Бич это!

9 апреля.

Сегодня у нас полный выходной — пасха. Польская святая Пасха. У украинцев праздник через неделю, в следующее воскресенье. Здесь тоже все еще празднуют этот весенний праздник. Правда, сегодня-то еще мало чего весеннего. Тает снег, а деревья и не думают цвести. Приехал Рогозинский из Фрунзе и Ташкента, рассказывает, что там настоящая весна. Тепло, даже жарко. Хорошо там в мае, апреле! А мы в свое время не ценили этого. Не ценили раннего дыхания весны, яркого солнца, безоблачного голубого-голубого неба. Ферганского, ташкентского... Привык к ним, и тянет снова туда. В солнечный Узбекистан.

А так приходится шлепать по грязи. Вчера еле-еле переправился через какую-то мерзкую речушку. Кроха, а разлилась, как будто приличная река.

Информбюро каждый день приносит вести все радостнее и радостнее. Красная Армия уже у предгорья Карпат, войска давно перешли государственную границу Румынии. Особенно разительны успехи войск 1-го Украинского фронта под командованием маршала Жукова. Мы теперь входим в этот фронт. Когда же все-таки будем воевать? Надоело сидеть сложа руки и околачиваться по деревням. Другой раз становится грустно от такого выжидательного положения. Говорят, что поедем, когда освободят Польшу. Но уже ведь кусок польской земли освободили. Чего *чекаемы* [ждем]? Нужно идти на запад. Туда, где грохочут танки, где отвоевывается свобода, счастье. Туда и к тем, кому Сталин пишет приветствия и поздравления!

Сегодня у нас праздничный вечер. Говорят, что из Бердичева приедут артисты. Будем посмотреть, что сии артисты значат, каковы они.

В подразделении все идет по-старому. Сегодня тоже празднуют. Видимо, устроят праздничный обед. Так вчера мы договаривались — праздновать всем миром.

Письма ни одного. Не перевели еще до сих пор почту. Почтальон обещает принести сразу пачку писем. Хорошо бы их получить! Письмо, весточка от друзей из далеких мест нужны,

ждешь их, не дождешься! На столе лежат четыре конверта, адреса уже подписаны. Все собираюсь написать, но никак не соберусь. И Тамаре, и Людмиле, и Брониславе, и Рае. Им ведь тоже радостно будет получить письмо.

30 апреля.

За эти дни много произошло перемен. Из Малой Татариновки переехали в другое, лучшее село – Демчино. Через три километра. Деревня возле самой станции, в садах. Квартира хорошая. Жил с одним *освятовым – выкладовец пулковы* [просветителем, полковым лектором]. Симпатичный парень.

Праздновали православную пасху по всем правилам старины. Хозяева даже ездили к всенощной.

А местность замечательная. Часто ездим в Райки: там стоят мои разведчики. Прошла полоса учений – полковых, ротных, батальонных.

Один раз за все время было партийное собрание. Первое за это время.

Получил от Тамары два письма. Замечательные письма.

Сегодня в 11.00 пришли с полковых учений, и сразу же комполка послал в Райки, в штадив. Снова ехать квартирьером. Куда? Говорят, в Луцк. Расстаюсь с родной Украиной, с ее гостеприимными хозяевами, с ее лесами, полями, веселыми деревнями. Не придется праздновать Первомай здесь, будем трястись где-то возле Шепетовки. Встречать праздник буду в дороге. Как и Новый год! Зато скоро буду в Польше. Первым из нашей части.

Хотелось бы еще пожить здесь на Украине, хотя бы с месяц. Особенно если это месяц май. Ходить в гости в Малую Татариновку к хозяйке Самотес Анне Захаровне. Теперь все, больше никогда, видимо, здесь не буду.

Перед вечером уехали. Проезжаем Украину. Вот Бердичев, живописно раскинувшийся по обеим сторонам реки. Житомир, Новоград-Волынский. Ночью остановились в деревне Корец.

1 мая.

Утро первомайское встречаю все-таки в деревушке. До 1939 года здесь была уже польская территория. На фото солдаты в польской форме. К вечеру проехали Ровно, Слуцк и еще 40 километров. Проехали лес и остановились в деревне Суск Ружицкого района Волынской области. Итак, я на территории

бывшей Польши. Села такие же, как на Украине. С той только разницей, что в домах грязно, а дворы значительно лучше.

Праздник прошел скучно. Не так, как в прошлом году, когда дежурил в ферганском гарнизоне. Дни холодные, холодные. Совсем не похоже на май месяц.

Немецкие самолеты — частые гости. До фронта не более 60 километров. Когда приедут наши?

5 мая.

Все хожу по своему району. Разговариваю только по-польски. Выходит скверно, но что поделаешь. Лаский говорит, что предпочитает курить папиросы. Дипломатический выход из положения.

Мой район страшно разбросанный, но полковник иного не дает. Говорит, чтобы шли в лес. В лес, так в лес!

Хороший тут лесок. Весной не так уж плохо тут будет. Недалеко районный центр. Немец бомбит его часто. Сегодня ночью спал в Старых Запустах, слыхал, как с полчаса куда-то шли бомбардировщики. Со своим смертоносным грузом. Война.

Говорят, что нам придется наступать на Ковель. Кто знает? Может быть, и мне суждено лежать здесь, в далеких землях, как и тому узбеку Алиеву, могилу которого видел вчера в леску возле Тарноволя. А ведь там, в далеком Узбекистане, ждут его не дождутся мать, сестры, братья, а, может быть, и еще кто-нибудь. Не дождутся!.. И сколько таких!

14 мая.

Утром был на мессе — так называется утреннее богослужение. Ксендз говорит — хорошее *пшемувене* [проповедь]. Хорошо говорил. Таковы-то теперь дела! На скорую руку соорудили полевой алтарь, оркестр играл положенные мелодии, с обнаженными головами стояли солдаты. Местные жители очень довольны: через столько лет дождались Войска Польского и полковой мессы!

Жизнь здесь имеет свои особенности, свои нравы. Верующие панове хранят свои старые обычаи. *Иезус Христус* в большом почете. Мне все это кажется немного странным, после стольких лет воспитания в Советском Союзе привык ведь иначе смотреть на эти вещи. Но не в этом дело.

Наконец-то установились теплые дни. А то совсем не похоже было на май. Скорее, на осень с беспрерывными дождями, хмурым небом.

А в Москве ведь совсем иное. Тамара пишет о солнце, о весне. О любви, неизменной спутнице весны!

Живу почти в лесу. Рядом хорошие березовые рощи. Красивые. Особенно в лунную ночь, теплую весеннюю ночь. Правда, мирная сельская идиллия то и дело нарушается далеким ревом артиллерийской канонады (идут бои за Ковель), противным гулом налетающих ночью фрицев, отблеском далеких пожарищ.

Вчера вот собрались в школе на танцы, но помешал чертов фриц. Прилетел и рыскал в небе.

Ночью из Рожища бьют трассирующими зенитки. Красивое зрелище! Все небо вспыхивает зарницами — красными, белыми. Если бы это не война, не смерть и не разрушения, то похоже на иллюминацию хорошего пиротехника.

Последние дни вроде свободные, и поэтому отдыхаю. Высыпаюсь! Был в Рожище Волынской области. Захудалое провинциальное местечко Западной Украины с зияющими ранами — следами недавнишней немецкой оккупации.

Из Холма получил письмо. В простом конверте — треугольничком. Корявым почерком Нина пишет, что были рады моему письму, желает «отслужиться и домой возвратиться». Эх, далеко еще до этого! Далеко! Не сейчас об этом думать. После войны.

От Раи нет писем. Обиделась, видимо, крепко. Я тоже гусь хороший, столько времени не пишу.

Кузьминский до сих пор не приехал. Когда приедет? По моим расчетам, уже должен быть здесь.

Немцы бросают листовки. Но что толку. Одна глупость. Утопающий хватается за соломинку. Но удержать его она все равно не в состоянии!..

Сегодня вечером разведчики устраивают танцы. Хорошо делают. Веселись, друзья, пока можно! Наш народ знаменит тем, что не теряет бодрость духа никогда. Где сейчас Демчинская хозяйка? Хороша там была жизнь. А сейчас, когда все зацвело, когда сады покрылись белым цветом... Читаю стихотворение Марии Конопницкой “*Rankiem w polu*” [Утром в поле]:

Хорошо в поле, еще лучше в лесу на рассвете.

Получил письмо из города Губахи Молотовской области. Старушка 59 лет Голубева Александра Ивановна пишет «незнакомому бойцу»: «Здравствуйте, дорогие бойцы, сыночки. Разрешите передать вам свой материнский привет и пожелать вам доброго здоровья в вашей боевой жизни. Разрешите еще раз

потревожить вас, молодых людей, своим письмом, которое будет для вас не интересным, а для меня ваше письмо будет счастливой минутой, а потому прошу вас, хоть одного сыночка, напиши мне письмо, и я буду думать, что мне пришло письмо от моего родного сына. У меня их было трое, и все погибли на фронте». И дальше в том же духе. Просит написать письмо. Нужно было бы!

15 мая.

Занятия теперь пошли все с уклоном на лесисто-болотистую местность. Сезон такой. Как тогда, с переправами через реки. Сегодня вот торчали целый день в лесу. Хороший лес, молодой. Молодые березки с зеленой листвой, травушка-муравушка. Но комары, будь они прокляты! Пришлось разжигать костры и дымом спасаться. Иначе бы заели.

Вчера вечером ребята мои (разведчики) вместе с *тутейшими паненками (Зеленэ Багно)* устроили *забавы* (по-нашему, вечерницы). *Танчили*, пели песни и закончили *урочистыми спевами* [торжественно пели] Похоже на наши веснянки. Только более божественно. Все заканчивали: «Свента Мария, Матка Боска, змилуйсе над нами...»

28 мая.

Сегодня Троица, или, как здесь говорят, Зеленые святки (*Зелене свентки*). Дежурю в штабе. День не особенно сутолочный. Свистит ветер. Последние дни вообще страшно паршивая погода. Дожди, холод и ветер. Не похоже на май. Черт его знает, что такое!

Последнюю, вот эту прошедшую неделю, был на дивизионных занятиях. Прошли так себе, через пень колоду. Стоим все еще на старом месте. По ночам все так же гостят немецкие самолеты, все так же бьют по ним зенитки. Прошедшую ночь зарницы от зениток вспыхивали где-то в стороне Луцка.

Получил письмо от Людмилы из Ташкента, от Брони Мощинской из Ташкента и от Тамары. Обрадовался, конечно, больше всего последнему. Пишет она: «Дорогой мой, уже две недели лежит у меня твое письмо и взывает к ответу. Получив его, я сначала немного рассердилась за холод, которым повеяло на меня с его страниц, но после некоторого раздумья решила, что, может быть, ты и прав. Я действительно очень мало и очень редко пишу тебе...»

Дорогая моя! Она хорошо пишет, справедливо пишет. Бедняжка! Но почему так жалуется на свое одиночество? А ее мама, замечательный друг, товарищ? Что же говорить тогда мне! У меня ведь нет никого, абсолютно никого. Пожалуй, кроме своих старых друзей.

Вот Броня пишет, что Ира Соколова хотела узнать мой адрес, просила Броню передать мне привет. Ира разошлась с мужем и теперь живет в Томске (ул. Тверская, 63, кв. 1). Броня пишет, что из моих вещей ничего не осталось, все, видимо, продал квартирант – чертов матросишка из Ленинграда. Ну, и шут с ним. Тамара удружила крепко. Что и говорить! У простых «невоспитанных» мужиков куда больше благородства, чем у этих всех воспитанных интеллигентиков.

Джигит из Ташкента сообщает, что учится в мединституте успешно. Режет трупы (а иногда собственные пальцы!), но настроена мажорно (не так, как Тамара Немцова!), по-весеннему. Пишет, что у нее это двадцатая весна. Молодость! Не сердится на меня за то, что редко пишу. Говорит так: «У вас получается по Симонову:

Не сердитесь, к лучшему,
Что, себя не мучая,
Вам пишу от случая
До другого случая...

«Но не думайте,– пишет Людмила,– я нисколько не сержусь на Вас за это. Вам некогда. И мне тем более приятно, что Вы иногда находите время написать письмо на мой адрес. От этого Ваши письма ничуть не проигрывают. Я читаю их с большим интересом...»

Да! Друзья мои! Радостные минуты переживает мое сердце, когда и от вас получаю весточки. Спасибо вам за дружбу, за теплое, ласковое слово, за внимание. Спасибо!

18 июня.

Настоящее лето. Зацвело уже давно все вокруг. Березовые рощи, что вокруг моего домика, особенно хороши. А вчера ездил верхом на Стырь купаться. Вспомнил, как купались когда-то в акмолинском Ишиме.

Получил от Раи большущее письмо. Она снова признается мне в любви и просит, чтобы и я отвстил искренне на ряд ее вопросов. Пишет, что ответа ждет с нетерпением. «Часто смотрю на твою фотографию,– пишет она,– а как хочется встре-

титься, поговорить, а, быть может, договориться о совместной жизни. Пиши, родной». А «родной» до сих пор еще не ответил. Нет времени.

Сейчас вот целую неделю проходят сборы разведчиков. Готовимся к войне. Готовимся к тому часу, когда

...будет смерть поутру настигать человечью судьбу.
Будет писарь под вечер в списках гасить имена...

Многих тогда не досчитаемся, многих, с кем война побратала суровой солдатской рукой. Но что ж! Война есть война, и законы ее жестоки!

А был бы сейчас где-нибудь в Ташкенте, купался бы с друзьями на озере или поехал бы в лес. Но здесь мы тоже иногда вспоминаем «гражданку».

По сто грамм нам положено —
Фронтовой наш паек.
Есть здесь банка порожняя.
Наливай-ка, дружок.
Выпьем бокал!..
За родного товарища,
С кем шагаешь сквозь дым,
С кем всегда укрываешься
Полушубком одним.
За далекую ласточку,
Что тоскует и ждет,
Чья веселая карточка
С нами в битву идет.

Вот у меня-то и нет ничьей карточки. Вечерами сижу среди берез и вспоминаю о Тамаре, о ферганских ясных голубых ночах. А здесь всю ночь по небу бродят тучи, да фрицевские самолеты пролетают над самым домом.

Лето выдалось нынче мокрое, мокрое. Вчера зарядила гроза. Огромные молнии полосовали небо, и гром страшной силы разламывался над головой.

В дивизионной светлице сдал партбилет за № 4514630, выданный политотделом 8-го отдельного учебного полка. А вместе с ним и рекомендации от Локтева, Желдака... Когда-то теперь получу все обратно. Жалко, очень жалко было расставаться, но что поделаешь! Таков порядок.

Союзники во Франции высадили десант. Очень хорошо!

Недавно была у нас встреча с представителями Национального Совета Польши. Кончится война, заживут раны, утихнут залпы. Припомним все мы эти часы. Вспомним, как

Шли вперед со славой боевою,
Неся народам радостную весть.
И по ночам салюты над Москвою
Не раз, не два гремели в нашу честь.

Когда-то я мечтал быть в армии Рокоссовского. Теперь мои мечты сбылись. Он командует нашим Белорусским фронтом.

Читаю ли что-нибудь? Да, читаю. Книжонки «Войсковая разведка» да разные брошюры из «Библиотечки разведчика».

Дописываю и эту тетрадь. Последняя память о Дивово Рязанской области.

26 июня.

Смятение обуревает мою душу. Кузьминский оказался подлым человеком. Пьяница, психопат. Распоясался совсем. Все может закончиться трагической развязкой. У нас почему-то всему этому не придают значения. Спохватятся тогда, когда это может быть поздно. Ну, что ж. Начальству видней!.. Если еще недостаточно того, что случилось, пускай ждут дальше. Жаль, конечно, что мишенью для этого дурака остаюсь все же я. Такая вот благодарность.

Прошло три года Отечественной войны. Мысленно оглядываешь эти три года. Кажется, что прожил много, много лет. Сколько близких и друзей потеряли мы за это время! Много погибло чистых, смелых, благородных. Не с неба свалились наши победы! Большая цена за них уплачена.

Вспомнил 22 июня 1941 года. Солнечное утро в Узбекистане, которое началось с объезда Ташкента на мотоцикле. Тогда я еще не знал о войне, о том, что мне предстоит. На Комсомольском озере веселился народ, кругом плескалось счастье. Вспомнил все. Память нужна человеку, как корни нужны дереву. В то воскресное утро никто не думал о войне. Мыслили о весне, о сирени, торопились к лесу, к Комсомольскому озеру. И вот через три года я далеко, в Польше под Ковелем. На столе лежат письма из Ташкента, того самого города, в котором узнал о войне, где встретил роковое 22 июня.

Так идет жизнь. И никогда больше не будет той довоенной жизни. Жизнь-то, может, будет лучше, значительно лучше. Но все-таки тому июньскому дню никогда уже нет возврата.

Наш Белорусский фронт начал наступление. Полки пошли на запад. Вперед!

с. Эльжбетин
Рожищенского района Волынской области

29 июня.

Никогда не надо падать духом! И сейчас не стоит. Несмотря на то, что до боли жалко уходить из своего старого полка. Так случилось, что меня переводят. Давно в дивизии говорили об этом, и вот свершилось. До боли жаль оставлять своих однополчан, начштаба Иосифа Никитовича Белецкого.

3 июля.

Были на дивизионных занятиях. Все обошлось хорошо. Командир полка и Белецкий отстояли меня. Остаюсь в своем полку. Все уже в лесу, в лагерях. Через пару дней построят землянку, и тогда придется переходить и мне. Жаль покидать своих хозяев. Они тоже жалеют меня, привыкли ведь. Хозяева страшно приветливые.

Снова надо проводить сборы разведчиков. Иначе с их учебой ничего не получается. Комбаты не понимают огромного значения разведки, без которой нельзя ни шагу. Ездили купаться на Стырь. Заезжал к своим первым знакомым.

Письма к своим далеким друзьям никак не соберусь написать. Видимо, уже считают меня «пропавшим без вести».

5 июля.

Окончательно остался в своем полку. Оно так и лучше. Каждому кулику свое болотце нравится. Какое бы оно ни было!

Наши войска (советские, конечно!) стремительно наступают вперед. Освобождается из-под немца родная Беларусь. Все ближе к нам наш правый фланг. Когда выровняется, видимо, пойдем *вальчить* и мы. А пока что радуемся успехам своих собратьев по оружию.

Сегодня ночью налетели фрицы. Били отчаянно и свирепо зенитки, ухали где-то совсем недалеко тяжелые пушки. Там куется победа, готовятся завтрашние победные информсводки. О них услышит весь мир, заговорят завтра дикторы в Москве, в знойном Ташкенте, в Акмолинске, во Фрунзе, в старой Бухаре...

Недавно в кавполку, у союзников, встретил узбека из Самарканда. Война забросила его сюда, в далекие края. Он здесь сражается за свой Самарканд, за всех узбеков.

Разведчики перешли в лес, в землянки, а я пока еще здесь. Скучно. Опустело Зеленое Багно. Не так давно здесь было людно, а сейчас немногие «цивильные» да спелая рожь. Стоит,

как стена. Утречком шел из Носочевичей по ржи: восходящее солнце играло в капельках росы, зеленели рощи, белели крыши разбросанных домиков. Все это, несомненно, хорошо!

7 июля.

Первым делом запишу адрес своей хозяйки: село Эльжбетин, хутор. Зеленое Багно Рожищенского района Волынской области, Бронислава Кощевувне. Интересная фамилия. Говорят, лучше писать на Сечку. Авось, когда-нибудь придется написать.

Скоро, говорят, уедем. Помогать Рокоссовскому отвоевывать Беларусь. Может быть, и правду говорят. Нельзя все время сидеть здесь без дела. Вчера днем форсировали Стырь. На подручных средствах. Водные преграды преодолевать нужно уметь, нужно, чтобы солдат не боялся воды. Один чуть-чуть не утонул. Напугался крепко.

Ночью верхом ездил во Франувку. Была лунная ночь. Высокая рожь, лужи, тропинки. И со стороны Киверц и Рожища фейерверки: били зенитки по немецким самолетам.

19 июля.

Снова переехали. По тревоге. Перед вечером первыми бросили Эльжбетин, березовые рощи, в темноте проехали Рожище и дальше двинулись на Запад. На Запад, все ближе и ближе к фронту. Два дня, вернее две ночи, шли по тропам, по проселкам украинских проселков. По булыжнику и асфальту дорог шли мы на запад, туда, где слышались орудийные залпы. Крыши уцелевших хат, сады с черными вишнями, поля, серые от пыли.

Вот она, освобожденная земля!

Идут дожди. В лесу, на дневке, пришлось нам хорошо промокнуть.

31 июля.

Дня, ей богу, не помню. Все время в дороге. Ехали ночами, а днем отдыхали. Был трудный марш. Мне на лошади еще ничего, но вот пехотинцам... Движемся на запад, на запад. Буквально по следам уходящего немца. Сколько раз мы приезжали в деревни, которые только позавчера освободились от немцев. Сколько раз видели вещи, еще позавчера принадлежавшие немцам. В некоторых деревнях — пустые, совершенно

пустые дома. Помню, на рассвете заехали в одну деревушку и нашли там из всех жителей единственного старичка, который и показал дорогу. В другой раз в лесу, когда были на постое, целый день то и дело рвались мины: уходя, немчура наделала сюрпризов. Сукины сыны! На одной из мин подорвалась наша кухня.

23 июля утром, часов в 10, форсировали Западный Буг. Утречком перешли в Забужье. Последнее прощай советскому берегу. Когда его увидим снова? Началась территория, бывшая под пятою немцев. Пять лет здесь люди не видели польского солдата, не видели конфедератки. Нас встречают радостно, восторженно. В одной деревне еще дымилось пепелище, по дорогам стояли обгоревшие вишни. В другой — в груде еще дымящихся головешек обожженная старуха...

Одним ясным днем подъехали в город Хелм. Кругом холмы. Жители (их уже здесь немало) бросали нам цветы, конфеты, папиросы.

Затем вышли на шоссе Люблин—Варшава. Вот здесь-то уж настоящий триумф. Собирались люди, бросали вверх фуражки, угощали нас водой. И снова — цветы и цветы. *Нех жие Польска! Нех жие польски наруд!* [Да здравствует Польша. да здравствует польский народ]. Смерть немецким оккупантам!

За Люблином — снова форсированные марши. Скорее на Вислу! Скорее на Вислу!

И дошли. Заняли оборону на восточном берегу. Вот она, передовая. Из штаба часто туда езжу. Позавчерашнюю ночь застукал меня огневой налет немцев. Как раз шел переправлять свою разведку на островок, и возле завода у Вульки застукали минометы. 45 минут кипело в воздухе. Забрался в какой-то окоп (какое счастье, что он оказался как раз рядом) и сидел. Рядом, совсем рядом хлопали немецкие мины. Осыпались листья с деревьев, пару раз осыпало землей. Вот она, война, вот ее голос — противный визг мин.

А сейчас снова сижу у самой Вислы на НП командира полка. С другой стороны — немцы. Наша артиллерия и минометы ведут пристрелку. Сегодня в 2 часа ночи (ночь темная будет, это хорошо) форсируем Вислу. Первым идет наш полк. Возле НП только что побрился, и, хотя уже совсем темно, но пишу вот эти строки. Скоро грянет бой. Жарко будет фрицу. Саперы готовят переправочные средства. Одного из бойцов недавно ранило, но работа не прекращается.

Мои наблюдатели записывают, что в Броновицах (на вражеской стороне) громко лают собаки. Видимо, там ходят фрицы.

Скоро грянет бой. Сейчас вот — считанные минуты перед боем. Я бы сказал, торжественные минуты.

Полчаса тому назад здесь, на позиции, был командующий нашей армией генерал Берлинг. Смотрел схроны.

Сегодня незабываемый день! Первый мой бой!

Получил сегодня от Тамары Немцовой письмо. Какое хорошее. Замечательное. Оно совпадает по настроению с вечером перед боем. Хочется еще записать многое, но нет времени и темно, совсем темно. Нашу лодку обстреливают с того берега. Заметили, черти!

5 августа.

Из попытки ничего не вышло. Под сильным огнем противника три лодки высадились на остров. Но, понеся большие потери, были сняты через пару дней обратно. Тяжело ранен Бидзан. Говорят, что ниже по течению его подобрал 6-й полк и отправил в госпиталь.

Интересно было наблюдать артиллерийский налет. Били со всех сторон, над НП с визгом пролетали трассирующие пули. Только наша батарея успела сняться с огневых позиций (чтобы сменить их), ударил туда «Фердинанд». Ну, и бьет, сукин сын!

А дальше — «концерт» каждую ночь. Постепенно начинаю привыкать. Сколько раз уже смерть глядела в глаза. Но счастье пока не изменяет.

Однажды ночью бежали на остров (на переправу) с Фоминым и попали под самый разрыв шрапнели. Выручил пришоссейный кювет. Какое большое значение здесь имеет каждая ямка, каждый бугорок. Не надо кричать солдатам: «Маскируйся, ложись». Все делают это сами. Без напоминаний.

Кончится ночь, придешь на КП и чувствуешь себя, как в глубоком тылу. Не надо опасаться, что вот-вот стукнет тебя по башке.

Особенно памятна ночь, когда высаживал с Большого острова десант. Видимо, шваб обнаружил нас и начал садить из минометов и крупнокалиберных пулеметов. Забрался в какой-то куст, и четыре мины легли рядом с ним. Думал, что больше с этого острова не выберусь, но ничего. На этот раз со смертью разминулись. Долго ли так будет?

Когда форсируем Вислу? Подтягивают тяжелую артиллерию. Теперь саданут по немцу основательно.

Сидим в Пулавах. Над Вислой. Замечательные дома. Совсем не похоже на деревню. Жили здесь крепко, богато. Наш повар, или, как еще его называем, «философ», приготовил вкусный обед. В леску пообедали. Кто лежит, кто пишет письма на далекую сторонушку, кто поет песни: «О, Марьяна, коли бы была закохана», кто чистит пистолет, а кто просто лежит и вспоминает о своей мирной жизни, думает, что ждет впереди... Одним словом, пользуясь тем, что отвели от передовой, каждый по-своему использует эту передышку. Вот она, фронтовая жизнь!..

В небе ходят самолеты.

Перечитываю Тамарино письмо. Замечательно пишет: «Милый мой. Как я обрадовалась, получив твое письмо. Именно такое мне хотелось получить, такое теплое и такое хорошее. Как мне хотелось написать тебе. Вот так просто. Сесть за стол и написать. Написать, как ты мне нужен, как я скучаю по тебе, как ты мне невыразимо дорог... Всегда, если я и писала письмо, выходили какие-то сухие, натянутые, и я рвала их. Мне всегда казалось, что тебе безразлично, не нужно все то, о чем мне так хотелось писать тебе. Ну, а теперь мне все равно, пускай тебе будет не нужно, а я буду писать. Буду писать о своей радости, которая захлестывает меня всякий раз, когда я вспоминаю о твоем письме, буду писать о нежности, которую я к тебе чувствую, и о большой тоске...».

Милая моя. Какая радость получить ее письмо. Если что-нибудь со мной случится, то пусть обязательно сообщат ей. Адрес: Москва, Тверской бульвар, 6, кв. 36. Тамаре Немцовой. Обязательно пусть сообщат.

Неужели сегодня будет снова лунная ночь?! Она мне совсем не нужна. Сегодня предстоит переправлять на остров смену, а при луне на Висле все видно, как на ладони. О, боже, пошли нам тучи! Темные, темные.

6 августа.

Сегодня ночью высаживал с берега свой десант. Люди пробыли в непосредственной близости от немца два дня и две ночи. Узкая полоска Вислы отделяла их от врага. И вот прошедшей ночью дал им сигнал: красную и зеленую ракеты, что означало — можно отходить. Ночь, как назло, выдалась лунная. С бугра

возле НП наблюдал за Вислой, наслаждался ее покоем и широтой, охватывал взором и берег, и липы, и песчаную косу, на которой пару дней тому назад высадились наши герои-бойцы, и островок напротив трубы.

Мысли переносились туда, на тот берег, где поляки еще ждут избавления от гнета немцев. Вот на другой стороне залаяла собака: видимо, фрицы ищут поживы. Изредка, обнаружив что-то на нашем берегу, посылают сюда мину или трассирующими пулями разрезают небо. Сукин сын не спит.

Ждем с нетерпением наших с острова. Все ли вернутся? Вернутся. Они ведь должны жить, бороться. Жить, несмотря на то, что немец все время держит под огнем и берег, и Вислу.

Перед утром пришли. Пришли все до единого. Выдержали первое испытание огнем. Ждали мы их, ждали с нетерпением в маленьком блиндаже на берегу Вислы. Здесь это надежное укрытие. Ведь цепляешься за окопчики, за кустарники, за канавки, за каждую малость, которая может превратиться в позицию или спрятать человека от блуждающей смерти.

Сегодня вечером снова уезжаем, снова вперед на Запад!..

7 августа.

Снова пошли вперед, на Варшаву. Замечательное шоссе Люблин — Варшава. Только что проехали небольшое местечко Рыки. До Вислы 16 километров, до Варшавы — 98. Оттуда идут кавалерийские части. Уже на восток.

Уборка в полном разгаре. Вот сейчас сидим на привале возле небольшой деревушки. Хлопцы косят коням клевер, рядом жницы убирают рожь. Ясный, солнечный день... Хорошо сейчас в поле. Аппетитно жуют кони конюшину. Кто-то из бойцов потягивается после марша, кто-то изучает по карте маршрут... Уже недалеко до большого привала. А там обед.

9 августа.

Прошли за полтора дня 70 километров и остановились возле деревньки Подленж. От Вислы 7 километров, от Варшавы — 60 километров. Отдыхаем двое суток. Ночью и днем беспрерывно в воздухе висят наши самолеты. Изредка появляются и немецкие, но их быстро прогоняют. Сегодня на наших глазах подбили два «фрица», с одного летчик спустился на парашюте.

Девять дней тому назад Красная Армия подразделениями 8-й Армии (генерала Чуйкова) форсировала в 7 километрах

отсюда Вислу и вклинилась вперед в направлении Радомля до 12 километров. Немцы отчаянно пытаются (особенно на левом фланге) перерезать клин, переходят по семи раз на дню в контратаки, которые успеха не имеют. Замечены танки и много «фердинандов», а также венгерские кавалерийские части. Отмечается большая активность авиации, как с одной, так и с другой стороны.

Таковы-то дела!

Недавно встретил одного русского капитана, он только что приехал в штадив оттуда с самого «котла». Пригласил его в свой «курень» на блины, и он рассказал мне и хлопцам положение за Вислой. Впрочем, мы и сами все время слышим канонаду, видим большое движение в воздухе. Бои идут за Вислой! Очень хорошо. Скоро и мы форсируем Вислу. Пойдем вперед.

Чуть не забыл. Днями мне присвоили очередное военное звание. Выслужил еще одну звездочку. После стольких лет.

Сегодня получил от Иры Соколовой письмо. Ее адрес: г. Томск, ул. Дзержинского, 48, кв. 2.

10 августа.

Сегодня неспокойная ночь. Круглую ночь в небе над нами, возле нас кружились фрицы. Бомбили, отчаянно бомбили переправу. Казалось, что бомбы рвутся совсем рядом. Не особенно приятно лежать в курене и слышать, как над твоей головой кружат эти чертовы коршуны. И так до самого утра. Прилетят еще или нет?

Бьют наши зенитки. Где-то невдалеке виден отблеск — пылает подожженная немцами деревня.

Немцы ценою любых потерь пытаются сбросить в воду или задержать переправившиеся части, ибо Висла была барьером, на который немцы возлагали так много надежд, на котором они пытались остановить наступление Красной Армии.

Может быть, некоторым из вас в тылу наш путь представляется легким, однако на самом деле это путь крови. Когданибудь я приеду и расскажу все, что видел, все, что пережил.

11 августа.

День какой, не знаю. Потерял счет. Сегодняшняя ночь была спокойной. На всякий случай из своего куреня перекочевали в окоп. Было тепло, и дождь не капал. А дождь был сильный. Молнии разрезали небо, а раскаты грома смешивались с рас-

катами артиллерийских залпов за Вислой. Утром готовимся к *вымаршу* [выступлению]. За Вислу. Серое, хмурое утро. Торочат седла, пехотинцы снимают палатки, кто-то бреется, саперы ищут свои лопатки. Уходим. Вперед, на запад. Туда, на передовую.

Хватит. Побыли на этом гостеприимном месте, отдохнули маленько, а теперь — вперед. Туда, где смертельным боем бьется Красная Армия.

Сегодня переправа через Вислу. Великую польскую Волгу. Как встретит тот берег? Берег, где еще сопротивляются проклятые фрицы. Где под их ярмом стонут братья-поляки. И ждут «як бога» нашего прихода, «зарю пленительного счастья». Товарищи, верьте, она придет! Она уже идет — в громе орудийных залпов, идет, ведомая волею великого гения — Сталина.

Идет справедливый народный суд! Священный суд!

13 августа.

Пришли в новое место и снова остановились. Лес не такой уж хороший. Вырыли щели, без них тут худо. Наше начальство все ездит, смотрит переправу. Когда будем на том берегу Вислы? Скоро, говорят.

Воспользовался тем, что дежурил в штабе, и написал много писем: Тамаре, Рае, в Холм — хозяйке, в Малую Татариновку — Самотес Анне Захаровне, Броне в Ташкент, Людмиле в Ташкент, Ире в Томск, Броне в Эльжбетин, Вере в Залужье. Одним словом, разделался со всеми долгами одним махом. Когда получу ответы? И застанут ли они меня? Ведь для того, чтобы человек перестал существовать, нужно очень мало.

Вчера мог наглядно в этом убедиться. Перед вечером собрались мы на полянке на партсобрание. Летали самолеты. Некоторые пренебрежительно отмахнулись: наши, мол. И до тех пор думали, что «наши», пока не ахнули бомбу и не ранило Сапожникова. А вечером налетели снова. Били наши зенитки, только осколки свистели. Вот когда народ понимает, что значит для бойца лопатка. Нужна больше ложки.

Получил вчера из Акмолинска письмо. Рая пишет, что живет плохо. Беда прямо.

Кончаю и эту тетрадку. Но нужно все равно продолжать дневник. Хорошее дело!

Колония Комися,
Варшавское воеводство,
3 км от Вислы

Тетрадь IX

Начата в августе 1944 года в лесу у Вислы, в Польше

14 августа.

Продолжаю дневник. С утра мы с восхищением смотрели на наши самолеты. Шли они тройками, шестерками, шли непрерывными волнами за Вислу. Бомбили сторону немцев. Красиво: шли штурмовики ровным строем, затем над целью рассыпались и сделали по нескольку кругов. Возле них разрывались темные облачка: немцы огрызались из зениток...

Жарко было сегодня фрицам. «Подарков» хватило. Приятно, радостно видеть, что наша берет. За каиновы дела фрицам и не такого надо. Теперь перед лицом всего мира на русской, украинской, белорусской, польской землях свершается справедливый суд. Мы бьем «непобедимую» гитлеровскую армию. «Рыцари» насилия не убегут от возмездия!

Все еще в том же лесу. За Вислой беспрерывно гремят орудия. Одно, как горохом в ящик, сыплет. И побольше бы сыпало!

Целый день стирались, мылись, латались. Приводим себя в порядок.

15 августа.

Пришел утром приказ переправляться через Вислу. Мы пошли первыми. На Висле большой мост. Широкая река. Тихие волны. Дамба, а за ней окопы. Только вот чьи? Одни говорят — советские, другие — немецкие. Черт их знает!

Недавно в этой зависленской деревне Комп-Скурецкой сидели немцы, а теперь вот едем мы. Хорошая, обсаженная деревьями дорога. Небольшая речушка. Все время в небе летают самолеты. Много их. Доминируют советские, полное их господство. Но иногда прорываются фрицы. Утром, еще перед нашим выходом с места, летала немецкая «рама». Видимо, вел наблюдение, сволочь.

По дороге на нас неожиданно спикировал самолет. Бросил две бомбы совсем рядом с дорогой. На галопе удирали от пулеметного обстрела. Ранило адъютанта нашего командира. Со мной и на этот раз обошлось благополучно.

Подвинулись к фронту совсем близко. Шесть километров отделяют нас от врага. Хорошо видна высотка на его переднем крае. Только что пообедали. Сижу возле щели. Кругом стреляют. Рядом отозвалась «катюша». Стреляют наши орудия, стреляют его минометы. Один бьет где-то рядом, слева.

Письмо Рае так и лежит неотправленным. Не успел. Отправлю при первой же возможности.

Бьет сукин сын минами совсем рядом. Стервец.

На дороге лежал убитый лысый немец. «Завоеватель» нашел свой конец здесь. Не дошел домой. Лежит, распластавшись в песке на дороге. Довоевался!

16 августа.

Прошла еще одна ночь. Тревожная. Мины немецкие то и дело противно свистели и ложились рядом. Паршивый район выбрали для стоянки: кругом дороги, оттого и бомбят.

Но сегодня как будто предвидится наступление. Немец остановился на реке Пилица, и оттуда его нужно выбивать. Огнем и сталью.

Ночью снился хороший сон. Как будто бы я приехал на побывку в Хойники, туда, где провел детство, зашел к Иоффе и там рассказывал о своей жизни, о больших дорогах, пройденных за эти годы. А дорог было много, больших и малых. Хороших и плохих. Всяких. До своего дома в Хойниках не дошел: проснулся.

Возле котла нашей импровизированной кухни уже собрались солдаты. Сегодня завтракаем рано.

24 августа.

Сменили Красную Армию, и вот теперь воюем сами. За это время столько раз был на передовой. Проходит она в лесу. Днем как будто спокойно, а ночью начинается «концерт». Беспрерывные ракеты, огонь пулеметов, минометов и проклятый «фердинанд». Дает и «ванюша». За одну ночь вместе с ротой Загорулько отбивали две контратаки немцев. Сукины сыны, лезли прямо на наш передний край. Но и наша «катюша» молодец. Бьет где-то на левом фланге.

Подчистую немцев косит,
Подчистую гадов бьет,
И фамилию не спросит,
И поплакать не дает.
У красавицы «катюши»
Все выходит в аккурат,
«Словно рыбу, немцев глушит,—
Про «катюшу» говорят.
Говорят, что после смерти
Слышат немцы грозный шквал,
И что даже на том свете
Лезут прятаться в подвал.

2 сентября.

Все эти дни думал: и зачем было надо писать дневник? Ведь все пропало, и концов не найдешь. Дело в том, что кто-то украл мои вещи и вместе с ними — все девять тетрадей дневника. Больше всего было жаль мне их. Трудов многих лет!.. Рядом с нами стояли артиллеристы Красной Армии. Пошел к старшине и попросил его: поговори со своими по душам, скажи, пускай все оставят, но дневники отдадут. Подбросят.

Прошло несколько дней, но о дневниках ничего не было слышно.

Но счастье, видимо, не покидает меня. На передовую Ярузельский принес записку: «Тов. Бунда. Явитесь в 240-й полк за своими трудами. В зенитную роту». Я отправил к зенитчикам Новаковского, и мне привезли мои дневники. Какая радость!..

Все эти дни искали «языка». Жизни без него не было! Несколько попыток не увенчались успехом. Горькое разочарование.

Но вчера все-таки фрица привели. Утречком наши артиллеристы дали «концерт». Били на всем участке. А затем наша поисковая группа ринулась на траншею у Грабув-Залесьного. Противник встретил разведчиков огнем. Но бросок был стремительный. Швырнули гранату — и раненый ефрейтор Кин уже в наших траншеях. Вот он, только что вытащенный нашими бойцами. Раненый, огромный, черный. Только что он бил по нам из своего окопа, а сейчас его ведут по нашей траншее. Кин — с 1922 года. По май 1944 года он — ефрейтор германской армии, 4-й роты 167-го полка 86-й дивизии. Воевал под Сталинградом, караулил русских пленных в Германии. А сейчас сам идет в плен. Живой «язык». Хоть раненый, но «язык».

В кармане находим документ — *Зольдатенбух,* солдатскую книжку с многочисленными пометками (служит ведь с 1941 года), а еще портмоне и польские деньги. Час тому назад нас разделяли 70 метров нейтральной земли, а теперь он у нас, в плену. Что он чувствовал, этот убийца?

Горе им всем! Ведь уже к границам Германии подошли наши части. И подошли не только они — перед живыми мстителями движутся тени погибших. Кто стучится в ворота Пруссии? Мертвецы: убитые, задушенные газом, сожженные старики из Тростянца, дети из Бабьего Яра, мученики Славуты, прах и пепел из тех печей, в которых немцы сожгли миллионы беззащитных. Куда идут эти тени? В Кенигсберг. В Берлин. И за мертвыми идут живые. Горе земле злодеев! Горе Германии!

12 сентября.

Снова холодно по утрам. Наконец-то я ночевал «в тылу», не на передовой. Но все равно рядом стояли батареи и били по немцам. Ах, как крепко били — землянка содрогалась.

Собираемся уходить. Куда? И кто его знает. Пойду еще раз на передний край — и прощай, Грабув-Залесьны, прощай, Варка. Хотелось бы когда-нибудь приехать сюда, на эти берега, в этот бор, где знакомы каждый куст, каждая сосна, походить по этим траншеям. Здесь смерть не раз мне глядела в глаза!.. Здесь вот, на южной окраине Грабув-Залесьного, вчера утром вышел снайперить Войтенко. Оказалось, в последний раз. Немецкий снайпер подкараулил его... Погиб парень. А сколько их таких...

Получил письмо от Иры из Томска и от Самотес Анны Захаровны из Малой Татариновки. Вот где сейчас житуха!

Ночью ранило Завадского. Заработал «17» — недобор. Хороший ленинградский парень. Сорви-голова.

Сижу на реке Висле. Только что искупался. По мосту движется артиллерия, идут пехотинцы. Туда и обратно. Когда мог думать, что буду купаться в Висле.

Вот она серебрится на солнце. На берегу сосновые бревна: саперы строили мост. Стоят с неизменными флажками регулировщики. На бревне — оставленный кем-то шлем. Плещет волнами Висла. Белеют песчаные берега, шумят моторы самоходок. Едем дальше.

16 сентября.

Пишу в Таргувке. Это рядом с Прагой, предместьем Варшавы. Вчера только приехали сюда. Встретили нас очень хорошо. Повсюду следы разрушения. Досталось селению и от наших, и от немцев во время боев. Впрочем, бои и сейчас идут. Из Утраты и Козьей Гурки бьет наша артиллерия по Варшаве, а оттуда по нам «ванюши» дают жизни.

Впереди, через 4 километра,— Висла, а за ней Варшава, еще не освобожденная. Но город накануне освобождения! Ночью там пылают пожары, бомбят кварталы наши и английские самолеты.

Я и разведчики «оккупировали» целый дом. Правда, в двух моих комнатах разбиты окна, ночью холодно спать, но зато комнаты «меблированные». Живу с комфортом. Вчера вечером этажом пониже гостеприимные поляки устроили званый ужин, чествовали нас, как дорогих гостей.

Вздрагивает от разрывов дом, и звенят оставшиеся стекла. Паненок здесь уже много. Впрочем, они оставались здесь и во время оккупации.

На выстрелы люди как-то уже не обращают внимания. В раскрытые окна доносятся польские, украинские и русские песни. Наши артиллеристы «нащупали» в одном наполовину разбитом доме (напротив меня) пианино, нашелся «специалист» и наигрывает «Сулико».

Достали где-то патефон, принесли ко мне и устроили концерт. Хлопцы веселятся. И пускай себе.

Снова летят самолеты. Чьи? Молчат зенитки — значит, наши. Когда прилетают немцы, поднимается отчаянная стрельба. Как было часа два тому назад.

Из окна моего второго этажа видны громады домов. Посередине одного зияет огромная дыра, оставленная бомбой. Другой, как ножом, тоже разрезан посередине «катюшей». Под развалинами в подвале погибли 15 человек. Сегодня их останки откапывали. Вот и война. Моя хозяйка, вернее, хозяйка квартиры, в которой живу, погибла пару дней тому назад. Остались все ее пожитки. Не возвратится сюда их владелица...

Судьба привела меня сюда из далекого Ташкента. Приведет ли только обратно? Если да, то когда? Сколько будем здесь блаженствовать? Подольше бы!

Впереди ждут уличные бои за Варшаву. Тяжелые бои. За каждую улицу, за каждый дом.

18 сентября.

Все еще живем в Таргувке. Вчера вечером в поисках штаба 3-й дивизии объездил Прагу, Каменек и Грохов. Некоторые участки приходилось проскакивать галопом: их методически обстреливали немцы из-за Вислы. Возвращались вечером. На улицах ни души. Только изредка проскочит военная машина. За Вислой пылали пожары, гулко отдавалось эхо орудийных разрывов. Приехали вечером и устроили на своей квартире вечер, пригласили на ужин двух полячек, выпили по чарке *«на тенюткей нужце»* [тоненькой ножке], как сказал Сковрон. На сене хорошо устроились спать, но ночью пришлось сматываться в подвал. Фрицы начали обстреливать наш район из тяжелой артиллерии. Уж больно близко над крышей свистели снаряды.

Позавчера вечером и ночью допрашивал пленных фрицев и венгров. Остались во время боя на восточной стороне Вислы и попались в плен. Впрочем, и Ерих Накус и Ервин Пепель, солдаты 170-го полка 73-й пехотной дивизии, очень довольны своей участью. Теперь хоть не будут страдать от «сталинских органов» (так они называют «катюшу»). Дал им по куску хлеба со шмальцем, набросились на него с жадностью страшной. Не ели вот уже три дня. Охотно, наперебой рассказывали о своих «делах», о том, что «Гитлер — капут».

Венгр-русин из Закарпатской Украины Андрей Кошко пришел, сбросил шапку и сказал: «Добри вечер, добродию». Допрашивал его без переводчика, сам, по-украински. Сукин сын! Притворился невинным агнцем. Спрашиваю: «Сколько убил русских?» — «Ни одного, пане добродию, били наши достойники (командиры, значит), а я все вверх стрелял»,— отвечает так. Холера ясна! Все они такие — курвины сыны!..

Днем снова артналет. На этот раз совсем рядом. Ранило крепко в ноги нашего *освятовего*. Война!.. Но зато и наша артиллерия не дает спуска. Временами кажется, что вылетают из переплетов оставшиеся стекла. Они дребезжат, ноют. Как будто в глухую осеннюю ночь за окном поднялся сильнейший буран. Именно так тогда бывает.

Днем с балкона нашего дома хорошо было наблюдать, как из-за облаков на пылающую Варшаву полетело много парашютистов. В бинокль отчетливо видны черные точки — люди. Наши бросили парашютный десант. На голову к фрицам свалились «гости с неба». Не дает фриц переправляться через Вис-

лу, так с неба, но все равно возьмут. Возьмут непобедимая Красная Армия и, при ее помощи, Польская. Недаром издавна живет в польском народе такая мудрость: «Если ты слаб, но (взорвался рядом снаряд, вздрогнул дом, и «о» поехало черт знает куда) ищешь победы, опирайся на плечо друга-богатыря, и враг будет у твоих ног». Правильно это!

От Брони из Ташкента и от Раи из Акмолинска получил письма. Рая теперь переезжает в г. Константиновку Сталинской области, ул. Первомайская.

Познакомился с одной полькой. Приходит часто к нам. Совсем «ручная».

19 сентября.

Разбудили рано, перед рассветом. Говорят, идем на *вымарш*. Куда? Неизвестно пока. Может быть, к Висле. Кончилось «мирное» время. Снова бои. За Вислой. Суждено ли мне когда-нибудь возвратиться снова в эти края?

Предместье Прага скоро станет пройденным этапом. Все течет. Незаметно прошли эти четыре дня жизни среди людей, жизни по-мирному, со стульями, с крышей, со столами. А там снова, как придется. Плохо, что эти дни не писал писем. А надо было. Теперь когда-то придет такой удобный момент.

Двинулись в путь только к вечеру. Переехали на новое место. Встали в обороне. Немцы еще обороняются на этом берегу Вислы. Заняли заранее подготовленные позиции за каким-то каналом.

Днем ездил в штаб 76-й дивизии, в штаб 207-го полка, узнавал обстановку. В штадиве попался мировой капитан, приветливо встретил и все хорошо объяснил.

А вечером вызвал меня Таран. Ехал в Удачу и гнал почти галопом. Окаянные немцы сажают минометом по самой дороге.

Наши помаленьку переправляются за Вислу, в Варшаву. Сегодня днем была отчаянная артподготовка. Дали немцу, поиграли «катюши».

22 сентября.

Был Макар Самсонович Глинников, и нет его больше. Вчера собрались мы, несколько его друзей, взвод солдат и проводили его в последний путь. Возле костела в Брудно выкопали яму, и туда навсегда сошел наш Глинников. Убили его проклятые немцы. Жаль, до боли жаль капитана, открытого, простец-

кого белоруса. Больше не будет шутить он по телефону, рассказывать «байки». Все. Здесь, на этом кладбище окончил он свой жизненный путь. Мести!.. Мести проклятым фашистам. Над гробом товарища дали прощальный залп-салют. И поклялись отомстить фрицам. Будь они трижды прокляты!..

Жили вместе с Самсоновичем в Сельцах, в Холме, виделись каждый день под Варкой, а теперь его больше нет. Ластович и ксендз сказали надгробные речи, но разве утешительными речами поможешь горю?!

Мы все стоим возле Праги, в Новом Брудно, в районе костела. В доме ксендза мебель прекрасная. Жили люди здесь с комфортом.

Днем сегодня занимались у командира полка. Готовимся к форсированию Вислы. Трудное будет это дело! Приехал к нам новый командир дивизии. Долго смотрел на меня и узнал. Оказывается, он когда-то был в Ташкенте, в штабе САВО и знает меня еще по Ташкенту.

23 сентября.

Снова выходили на передовую. Начинается веселая жизнь.

Закачивать теперь нужно уже 25 сентября. В намеченный день не пришлось. Выехали ночью в новый район, искали там помещения, и возвратился я назад. Отставили перевод штаба. Одна только шумиха.

Работы по горло. Целый день мечешься во все стороны. А скоро понадобится «язык». Уже сегодня получил распоряжение насчет этого дела. Начинаются дни золотые... Самое паршивое дело, эти «языки». Да тут еще Висла. Попробуй, переправься!..

Вчера у меня были «гости» с той стороны Вислы. Два разведчика из 3-й дивизии и один партизан. На той стороне пробыли они 10 дней, дрались с немцами в районе Черняховской, Солеца. Те отчаянно цеплялись за каждую улицу, за каждый дом. Немцы в нужный район на танках и транспортерах подбрасывали десанты, и те блокировали дома. На том берегу Вислы разгорались жаркие уличные бои. О них рассказали перешедшие с той стороны.

Снова живу на старом месте. От Тамары из Москвы получил письмо. А мое ведь письмо возвратилось обратно. Почему так?!

Сегодня разрешил послать на НП своего ординарца Юзика: пускай понюхает пороху. Не все же время сидеть дома. Поближе к немцу надо выдвигаться. По очереди нужно будет

«проветрить» и шефов — одного и другого. А то тоже ведь засиделись. Пускай обстреляются. Нужное это дело.

26 сентября.

Жаль, до боли жаль Белецкого. Вчера тепло простился Иосиф Никитович и уехал. Полетит в Москву, в Академию. Казалось бы, радоваться нужно счастью человека, но он уехал, и его больше не будет с нами, и оттого жалко. Когда теперь увидим его?

В Москве заедет к Тамаре, как тогда, зимой. Увидит Тамару. Наверное, напишет мне. На прощанье сказал: «Мне можешь доверять». Замечательный он человек, культурный. Теперь такого у нас не будет. А работяга какой!

7 октября.

Дни идут быстро-быстро. Работы много. Несколько дней кряду все сидели на НП, шли операции за операциями. Может быть, для людей бывалых они и пустяковые, а для нас, новичков, все это «сложные» операции. «Языка» все хотим достать, но его, черта, никак не поймаешь. Мало у нас решительности, геройства, я бы сказал, готовности к самопожертвованию. А здесь оно нужно. Или пан, или пропал. Другого выхода не дано. Можно, правда, слазить по одному участку, но толку-то от того? Только убийственная злость и на самого себя, и на окружающих.

После того, когда с нетерпением прождешь ночь, а возвращается поисковая группа ни с чем, то поднимается в душе горькая обида. Мучаются и ребята. Им тоже надоедает «игра вхолостую».

Несколько человек уже выбыли из строя. Ранены Фуршпан (нет теперь у нас своего портного), Шварц и, наконец, последним — Гирш. Самый наш заядлый певец. Правда, всем им повезло, ранило легко. Но мы ощущаем большой недобор!..

Все стоим над Вислой. Внимательно следили за боями между фрицами и повстанцами в Желибоже. Но теперь закончились там бои. Армия Крайова, благодаря измене и предательству головки, капитулировала. Мы в бинокль видели, как немцы вели по улицам к Цитадели и дальше толпы цивильных людей. Куда? Неужели ироды и здесь откроют новый Майданек?.. Не может быть! Но от этого зверя можно ожидать всего, чего хочешь.

Недавно ночью мы переправляли повстанцев, пробившихся к Висле с тем, чтобы затем соединиться с нами. Наши ночью ездили на лодках через Вислу и с того берега поодиночке, по нескольку человек перевозили их сюда, к свободе, к жизни. Из лап фашистов мы вырвали 28 свободолюбивых поляков, не сложивших оружия перед фашистской нечистью, боровшихся до конца и победивших.

Я сам на командном пункте командира 5-й роты, ставшем в ту ночь своеобразным штабом по переправе, видел этих исстрадавшихся юношей, девушек и пожилых людей. Построили мы всех, кроме нескольких раненых, и отправили в штаб, а оттуда на машине дальше.

Вот она борющаяся, не сдающаяся врагу, смелая, дерзкая Варшава!

Ежедневно, особенно ночами, пылают дома за Вислой. Каждый день немцы все больше и больше терзают этот красавец-город. Я никогда в нем не был, но за это время хорошо присмотрелся из амбразуры наблюдательного пункта к громадам домов, к садам, почерневшим от дыма. В доме, где НП, раньше жил архитектор. Теперь он, говорят, где-то в Англии.

Убийственно давно не писал писем. Срам! Какой только «элегантской» бумаги нет для писем! Все не соберусь. А надо ведь!

Сейчас как бы дома. В «тылах» ночую. А на рассвете снова работа. Война за Варшаву, за полную победу.

Прага, предместье Варшавы

Тетрадь XII

**Начата
в октябре 1944 года
в предместьях г. Варшавы,
Польша**

12 октября.

Итак, в *дню дисейшим зачинам* [сегодня начинаю] двенадцатую тетрадь своего дневника. (Так дано в авторских записях. Однако последняя запись тетради IX датируется 7 октября 1944 года, следовательно, следующая тетрадь должна быть десятой. Но ни десятой, ни одиннадцатой тетради в подшивке нет. Судя по датам, автор просто ошибся в нумерации тетрадей.— *Ред.*) Первую начинал в Ташкенте, в Узбекистане, а вот эту — в сердце Польши, в Праге, под Варшавой. Как далеко занесла меня судьба за эти четыре года! Кто мог думать?

Первую тетрадь начинал тоже в темную ночь, сразу после Нового года. И не думал, не допускал, что буду когда-то в Польше, буду сидеть здесь, в Праге, на Радзиминской. Только что вернулся с Вислы. Предполагалась операция, но произошли заминки. Из-за них пришлось отложить: не стоит рисковать напрасно жизнью людей, ведь она каждому дается всего один раз, и уж если суждено ее израсходовать, то только тогда, когда создастся в этом необходимость, с умом!

Вчера рядом с НП упал наш подбитый самолет. Разбились летчики. Оба молодые и, видимо, хорошие ребята. Один сибиряк, из Омска, другой — казах. Вот где их встретила смерть. На далекой Висле. А ведь им бы еще жить и только жить. Но снаряд вражеской зенитки оборвал их жизни. И мы, их товарищи по оружию, скорбим по ним. Вечная им память! У меня остался пистолет одного из летчиков, лейтенанта Ильясова.

Их товарищи-летчики отомстили за их гибель, не одну бомбу сбросили над вражеской территорией, не один фриц дрожал в смертельном страхе. А фрицы боятся, ой, как боятся бомбардировщиков.

Вчера вечером был на участке, где началось наступление. Красная Армия пошла вперед. Немца надо сбросить в Вислу.

В полуразбитой школе — НП. Десятки стереотруб, телефонов. Отсюда осуществляется управление боем, отсюда десятки глаз артиллеристов, пехотных командиров, минометчиков внимательно следят за полем боя. Телефонисты сообщают информацию туда — на НП, на ОП, командирам. И там принимаются решения, отдаются приказы, все приводится в движение, запускаются сложнейшие механизмы войск.

Вот по траншее движутся вперед пехотинцы, за ними пошли санитары. Вперед, вперед!.. Немцы выбиты из траншей, но сопротивляются. Каждый метр приходится брать с бою, потом и кровью. Пленный немецкий офицер с разбитой головой говорит, что последний приказ был — ликвидировать прорыв. Пускай попробуют! Мало каши ели! Отошла коту масленица! Не те времена! Не похожи на старые, как пряник на мельницу!

Прага, предместье Варшавы

7 ноября.

Знаменательная дата! Весь далекий теперь Советский Союз сегодня празднует, и в каких хороших условиях. Ведь теперь на нашей улице праздник. Мысленно я в далекой Москве, в далеком Ташкенте. В родных, таких близких сердцу местах!

А я теперь в Вавере, недалеко от Варшавы. Неделя, как отошли от переднего края на отдых. Впрочем, передний край совсем недалеко. Пулеметные очереди оттуда хорошо слышны. Это не дает забывать, что ты на войне. А то мы устроились совсем по-мирному. Чистые, хорошо обставленные квартиры, кровати. Теплые, теплые печи. И все это после того, что пережито там, на Висле.

А пережито многое. Из моих старых разведчиков многие давно в госпитале, некоторых нет на свете. Особенно жаль капрала Фридмана. Человек был рожден специально для военной деятельности (такой аккуратный, исполнительный), но судьбе захотелось решить иначе. Погиб замечательный парень. Помню и ту темную, дождливую ночь, когда переправлялись через Вислу на вражеский берег. Ветреная погода увеличила волну, и нас снесло. На небольшом островке окопались и по группам постепенно продвигались вперед. До немцев оставалось 25—30 метров. Отчетливо слышали, как они забивали колья в землю, ругались. Сильные эмоции! За час можно пережить значительно больше, чем где-нибудь за месяц.

Висла! Висла! Сколько из-за тебя горести, сколько глаз наблюдателей впиваются сейчас в твои берега, стараясь уловить малейшее движение и затем лаконичной, военной записью занести в журнал наблюдения: «В 10.00 между мостами Кербедзя и Северным ж.-д. (квадрат 89о2) немцы окапывают пушку и заложили спираль Бруно». И так далее. Все это пойдет в штадив, затем в штаарм, войдет в разведбюллетени, будет суммироваться, анализироваться. А затем командиры примут решения.

Помню и ту ночь, когда спускали возле моста Кербедзя лодку и отправляли на ней семерых разведчиков за «языком». Внимательно, не спуская глаз, следили за безмолвной рекой, ждали возвращения своих товарищей с вражеского берега. И не дождались... Только через четыре дня пришел оттуда один Иван Пискарь. Такова воля войны! Ничего не попишешь. Бывает поразному. Все это пережито. А теперь мы на отдыхе. Приводим себя в порядок, [а на Вислу] ушло новое пополнение.

Вечерами усиленно танцую. Одна замечательная варшавянка Эрна (во многом похожа на ленинградскую Лялю) танцует исключительно. И у меня с ней разительные успехи. Говорит, что вот-де когда-нибудь будете рассказывать, что варшавянки научили *танчить*. Возможно!..

Варшавянки, впрочем, не только танцам могут научить, они могут также научить любить красиво, с форсом. Эти восточные парижанки!

На Праге бываю редко. Чего туда ездить? Разве только из-за черненькой «потихутку-помалютку». Тоже хороша, бестия!

Погода стоит прекрасная. Ясные, солнечные дни. Изредка только проходят дожди, но ненадолго. Одним словом, все идет своим чередом. Таково мое Седьмое ноября в этом году. Каково-то будет в следующем? Кто может сказать?

Вавер, предместье Варшавы

8 ноября.

Прошел праздник. Устроили общий обед, выпили «добавку» праздничную, вспомянули добрым словом своих русских друзей.

Хорошо бы написать статью в мой бывший «Фрунзевец», газету САВО. Интересно было бы им получить из-под Варшавы от своего бывшего корреспондента такую, скажем, заметку: «На подступах к Варшаве» или «На берегу Вислы». Сенсация!

Скоро большой польский национальный праздник. Многих, видимо, отметят наградами.

Ночью шел дождь, а утром снова солнышко. Благодаря песчаной почве, грязи нет. Это хорошо.

В «Красной звезде» есть статья о том, что редакция фронтовой газеты посылает письма родным фронтовиков, в которых рассказывает об их делах. Толковое это дело. Нужно будет написать письма родным и наших бойцов. Как приятно будет матери получить письмо от командира своего сына!

Илья Эренбург выступил с ответом леди Гибб, которая выступила как защитник немцев, настаивая на «прощении». Сумасшедшая! Госпожа Гибб не видела войны, не видела моря слез, страдания. Она не знает, что значит сожженные деревни, убитые, растерзанные дети и старики. Сердобольная леди пусть лучше воздержится от своих советов. О прощении не может быть и речи. Мы хотим наказать фашистов, и наказать по-настоящему. Как смеет леди взывать к прощению? Кого прощать? Разбойников, детоубийц, изобретателей душегубок? Простить немцев, которые залили кровью Европу?! Нет! Русские отходчивы. Но память у нас крепкая. В Кенигсберге мы вспомним о Майданеке, о сотнях замученных. Судьи идут!

Вавер

14 ноября.

Странно тоскливо. Вот уже пятый день лежу в постели. Прицепилась ко мне эта паршивая болезнь. Врач сегодня настаивал на отъезде в медсанчасть, но я не хочу. Что там сделают? Не все ли равно, где лежать.

На днях выпал первый снег, и на улице стало совсем позимнему. Заморозки. Целый день уныло — скрипит порою окно, черные тучи заволакивают небо. И тоска...

Снова читаю «Огнем и мечом» [исторический роман Г. Сенкевича] (уже в оригинале, а не в переводе) и «Поединок» Куприна. С изумительной точностью описывает картинки солдатского учения, встречи корпусного командира. Хорошо описана сцена на пруду — беседа Ромашова с Назанским.

...Прекрасна жизнь! Сколько радости дает нам одно только зрение! А есть еще музыка, запах цветов, сладкая женская любовь! И есть безмернейшее наслаждение, золотое солнце жизни — человеческая мысль! С ней можно всегда испытать счастье и радость, восторг жизни. Но люди сами опоганивают все

это своим эгоизмом, презрением к другим. Есть еще много швали, шантрапы, которая позорит всех нас, людей. Сколько пьяниц, которые в мутном угаре теряют свой облик, творят непоправимые глупости. И это не мешает им получать звания, благодарности, лезть твердо и неуклонно в «большое начальство». А какие только сделки не делаются за водку, какие только дела (большие и малые!) не решаются «по-семейному», в «тесном кругу». Все это дребедень! Низко и пошло. Но так было и, видимо, так долго еще будет.

В лице Эрны нашел хорошего умного собеседника. Ее, привыкшую жить в шуме, в сутолоке житейской, всегда быть в компании, теперешнее одиночество тяготит. И она рада случаю «отвести душу». На многие вещи у нас разные взгляды (сказывается воспитание «двух миров»), но во многом я с ней согласен. Она умная, хорошая женщина. С большим жаром, с темпераментом. Она еще требует любви, ласки, а я вот вынужден околачиваться в постели. Страшно обидно!

Вавер

16 ноября.

Все еще лежу. Не видно конца этому. Так безрадостно проходит отдых! Уже поговаривают о новом передвижении. Куда только?

Каждый вечер приходят гости. Все веселее. Вчера были Живно, Задамский, Бася, Эрна и свои. Сидели, шутили. Как здесь принято говорить, *былись мы в хуможе* [были мы в настроении].

Ночи стоят темные, темные. Не такие, как тогда, когда мы были на Висле. Помню, выйду с НП, гляну на небо — эвон вызвездило, окаянное! А луна лезет и лезет с этакой глупой блестящей мордой. Может, для влюбленных звезды и луна — дело подходящее. Но для нас, разведчиков, солистов, так сказать,— это самая противная штука. После войны, вероятно, еще долго будет тошнить при виде этого, с позволения сказать, светила. Никакой от него пользы! Одна помеха.

Дело идет на поправку, но очень медленно.

17 ноября.

Такая наша доля: как паршивая-паршивая погода, так нас и передвигают. На дворе дождь со снегом, ветер, а здесь —

рекогносцировки. Значит, кончился отдых, и снова бои. А как хорошо было здесь. Ни тебе сводок, ни бюллетеней, ни языков. А теперь начинаются дни золотые...

Говорили, что должны были бросить нас под Краков. Это было бы очень хорошо.

Сегодня приказал окончательно завершить все хозяйственные недоделы, отремонтировать солдатам обувь. После не будет времени для этих дел.

Судя по некоторым признакам, рядом готовятся какие-то крупные операции. Возможно, решили овладеть Варшавой. Хватит здесь стоять. Не зимовать же, в конце концов, на Висле!

Будем видеть. Ближайшие дни покажут.

19 ноября.

Тревога оказалась преждевременной. Пока остаемся здесь. Я немного поправился, но ходить все равно еще нельзя. Пропадает даром время.

Злые языки, от нечего делать, натрепались на Ярузельского, и теперь на беднягу насели. Без стыда и без зазрения совести. А ведь он такой замечательный парень! Немного застенчив, но работяга, честный. Ничего, скоро научится жить, поймет, что жизнь далеко не такова, как изображается в патетических романах, в проповедях о любви к ближнему, о товариществе. Пишется одно, а выговаривается иное! Хитрая механика.

Рядом — разваленный до основания дом. Осталась только замечательная кафельная печь. Да и земля тоже в следах войны. В круглых желтых язвах орудийных окопов, в глубоких, извилистых прорезях траншей, в темных шрамах противотанковых рвов, в густой сыпи воронок от мин, бомб и снарядов. Страшное видение, от которого сжимается сердце. А сколько еще человеческого страдания, которого не увидишь глазом, было на этой земле, где прошел немец-палач, убийца и разрушитель. Может ли быть мера возмездия за все это?

А возмездие идет. Часто слышны густой бас тяжелых орудий и оглушающие хлопки штурмовой артиллерии, яростная скороговорка минометов, ураганный вой стремительных «Илов» и высокое гудение бомбардировщиков. Гроза разразилась над немцами — гроза гнева, расплаты, возмездия.

Вавер

22 ноября.

Приехал как-то Дроздов и вытащил к себе, в штаб армии. Ну, и житуха там у них. Замечательно. Весело! Какой-то особенный мир. Смотрел и завидовал всем этим штабникам, которые живут особой, красивой жизнью. Так подпоручик Ромашов смотрел на штабных офицеров, сопровождавших генерала на смотре. Очень похоже! Два дня у нас были штабные учения по форсированию водной преграды... на бумагах. Исписали ее кучи. К выезду «война» закончилась...

Наконец-то отозвалась Тамара из Москвы. Ночью гонец принес письмо от нее. Пишет, что майор Белецкий там ее осаждает. Ну и жук! Удружил мне. Не по-товарищески все это.

Немец обстреливает наши тылы. Пускает какими-то тяжеловесными снарядами. Тамара пишет: «Хочется пожелать тебе встретить следующий по порядку праздник (если я не ошибаюсь в подсчете, это будет Новый год) в Москве. Если бы я не боялась быть обвиненной в эгоизме, я пожелала бы тебе быть в эти дни вместе со мной». И дальше: «...и можно будет гулять в новогоднюю ночь по заснеженной Москве. Снег будет блестеть в свете фонарей, скрипеть под ногами прохожих. В тихом воздухе отчетливо будет слышен каждый звук: гудки машин, чей-нибудь радостный смех. Ты себе не представляешь, как хорошо бывает в Москве под Новый год...».

Представлять-то я представляю. Но и только! Не суждено мне праздновать Новый год в любимой Москве. Не суждено. Что же поделаешь. Многие наши желания не исполняются.

24 ноября.

Вечером снова были у Эрны Модельской. Немного потанцевали. «Целую вашу ладонь, мадам» и пару фокстротов. Эрна и Бася рассказывали о довоенной жизни в Польше, о балах в Люблине, об огненной мазурке и куявяке. Говорят, очень фигурный национальный танец.

С Дроздовым (вчера снова был у него) вели переговоры о переводе в заградбригаду. Возможно, что-нибудь и выйдет. Ведь «блат выше Совнаркома», такая есть пословица. Дроздов — замечательный парень. Хорошо, что Саша Савченко (теперь бедняга крепко ранен) в свое время устроил его в штаб армии.

В медсанбате решили положить меня на операцию. Шут его знает, может, и нужно так. Им ведь виднее. На то они и медики.

Маршал Жуков, теперешний наш командующий 1-м Белорусским фронтом, видимо, решил наступать. Идет большое сосредоточение артиллерии и «катюш». Начнется наступление. А когда наступление, на душе как-то иначе становится. Сапог жмет — наплевать! Холодно — черт с ним! Полевая кухня запаздывает — леший с ней! В такие дни хочется всех расцеловать. Так думаю, что в эти дни в Москве, наверное, граждане совсем не ссорятся в трамваях, а вежливо обращаются друг с другом.

За последние дни поднажал на письма. Написал: Тамаре — в Москву, Ире — в Томск, Рае — в Константиновку, Осипченковой — в Холм, Копаевой — в Редьчино, Конoревой — в Фергану, хозяйке — в Нагорное, Броне — в Ташкент, Людмиле — в Ташкент, председателю сельсовета — в Федорки. А вдруг найду еще своего отца. Через полмесяца начну получать ответы. То-то будет радость: из «далеких земель» получить письмо.

С каждой нашею победой,
С бою взятой у врагов,
Письма дальше, дальше едут
От родимых очагов.

Начал много курить. Иной раз куришь одну за другой. Этому уже научился на войне.

Днем видел, как мальчишки играли в войну. Заняли окопы и начали «акцию по *знищеню* [истреблению] живой силы». И охота еще им играть в это паскудное дело. Им кажется, что война — это интересно. Чудаки! Сколько слез, печали, горя и тоски из-за нее. И кто ее только придумал?!

Адрес Раи: Константиновка Сталинской обл., улица Первомайская, № 95, Рае Ф. Олейниковой.

26 ноября.

Случайно нашел в книгах старую карту. На ней красным карандашом нанесена линия нашей обороны от Зосин до отметки 108.0, что юго-восточнее Грабув-Залесьны. Нанесены границы нашего предполагаемого наступления, исключая пивоваренный завод на восточной окраине Варки и включая Нелювице за рекой Пилица. На карте все эти линии, кружочки, квадратная дамба для меня сейчас приобретают особый смысл. Ведь еще совсем недавно мы здесь оборонялись, тысячу раз упоминали все эти Цихры-Стары, Виняры, Вихрадз, шоссейные дороги в своих журналах наблюдений, в донесениях, бюллетенях.

Вот возле шоссейной дороги на Варку расположился Грабув-Залесны. Координаты его 35-15 или, уже по-нашему, шифрованному, 35-75. Он чуть-чуть обозначен на карте прямоугольничком, а сколько здесь погибло людей! Сколько раз ночью пытались мы пробраться сюда за немцем! Выйти к вот этой злопамятной разбитой трубе на восточной окраине или к разбитому танку на поле... Смотришь на лес, на просеки, на тропинки, и воскресают в памяти десятки воспоминаний, картин.

Пришел Розеберг. Он случайно попал в одну компанию, и вот теперь рассказывает о своей жизни там. Странные там порядки.

Вечером, вернее, перед вечером пришлось идти в медсанбат Ляхоцкого. Юзик меня отвел, и остался я там. Майор Таран лежит со мной рядом, на соседней койке. Встретил ташкентского врача Пинчевскую. Принесла какой-то престарый журнал. Хоть есть чего почитать.

28 ноября — 1 декабря.

Пролежал пять дней — и хватит. Болячка моя потихоньку проходит, а долежать можно и дома.

Майора Тарана тоже выписывают.

Вот где увидел, что значит война. Рядом на койке два дня мучился раненый. Потом умер. Продержали его на койке еще два часа и затем отнесли в морг.

Вечером на носилках из операционной принесли одного лейтенанта, сапера. От него пахло наркозом. Молодому парню ампутировали ногу. В полусознательном состоянии он бредил:

— Сейчас я танцевать гопака не буду, о, а как я хорошо танцевал!.. Я не боялся «ванюш», я не трусливый. Ходил где угодно и вот наскочил на мину — и кончен бой... Я ничего не вижу, наверное, ослепну...

Вот он, молодой и, видимо, жизнерадостный парень (не переставал шутить!) — и покалечен на всю жизнь войной. Паршивое дело!

Оперировала его молодой врач Сеньковская. Майор Таран рассказал, что и его она тоже оперировала. А еще до этого он писал ей нежные письма. Интересный сюжет для рассказа.

Раненый майор шутит (какая выдержка, самообладание!) и называет нам десять солдатских заповедей:

1. Не жондай жоны поручника, бо понесешь кара – достанешься на паку [Не желай жены старшего лентейнанта, потому что понесешь наказание – попадешь в каталажку].

2. Не крадни, кеды видишь жандарма [Не воруй, когда видишь жандарма].

3. Не беж ниц з плецака — опруч вудки и тытуню [Не бери ничего с вещмешка, кроме водки и табака].

Остальные забыл.

Читал рассказы Михаила Арцыбашева. Интересные у него есть рассуждения. Миллионы людей читали Шекспира, и только один Пушкин обмолвился: «Отелло не ревнив, он доверчив». Сотни тысяч прочих прочли Пушкина, и только один Достоевский вспомнил и подчеркнул эту обмолвку. Итак, Отелло — не прототип всех ревнивцев. Он доверчив. Бедному Яго пришлось немало сил потратить, чтобы раскачать его голубиную кротость. Отелло убил Дездемону потому, что так сложились обстоятельства и к тому же улики были слишком подавляющими. Он не приревновал. Он поверил уликам.

Арцыбашев пишет так.

Ревнивец, прежде всего, женщину не обожает. Не видит он в ней ни чистоты, ни святости!.. Напротив, женщина для него есть нечто до того греховное, подлое, развратное, лживое, похотливое, грязное, что ей ни на минуту нельзя поверить, нельзя ее ни на секунду выпустить из глаз, а иначе — изменит, надругается, в грязь шлепнется, как последняя тварь!.. В том-то и ужас ревнивца, что ни одной минуточки не может он быть спокоен.

И вот что странно: если все так, если женщина — воплощенная похоть, грязь, ложь и подлость, то зачем же ревность, из-за чего так мучиться, из-за кого?..

Отелло убил Дездемону... Так ведь он боготворил ее, эта женщина была для него всем!.. А чего страдать — что подлое, грязное животное подло и грязно?.. Отойди от нее, вот и все...

Женщины кокетничают. Это тоже женская подлая черта: мужчина, если ухаживает, то с определенной целью обладания... значит, женщина ему нравится... женщина же кокетничает, дразнит воображение, разжигает чувственность мужчины даже тогда, когда ей вовсе этого и не нужно. Ей просто нравится, что ее «охотят»!..

...Женщина, когда подходит мужчине, то звучит, как арфа, подчиняется его мыслям, чувствует его чувствами, с ловкостью хамелеона перенимает все, что ему кажется святым и дорогим, и, когда таким образом вопьется в его душу, станет частью его

сердца, тогда сбрасывает свою маску и обнаруживается во всей своей узости, ушлости и злости... Бойтесь женской любви!

4 декабря.

Вот уже и дома. В штаб пока не иду, еще освобожден. С болезнью никаких улучшений. Все почти по-старому.

Дома ничего не изменилось. По-старому все. От Ивана Пискаря из госпиталя получил письмо. Пишет, что скоро вернется. Завтра нужно к нему послать делегацию, чтоб проведали, послать подарок. И еще заставить солдат, чтобы написали письма. Пискарь ведь молодец. Сам пробыл четыре дня за Вислой. Голодал, днем через мост буквально приполз обратно, но не сдался. И в этом есть геройство. Отвага! А сейчас ребят немного распустили, нужно их подтягивать.

Своим рассказал новую песенку, им нравится. Вот она:

С обидой пишешь письма мне,
Что я забыл тебя.
Но ты пойми — я на войне,
Моя любимая.
Как много их — не перечесть!—
Ждут писем от меня:
И в Омске есть, и в Праге есть
Моя любимая.
И ждет меня еще давно
Законная жена.
Тебя забыть мне суждено,
Моя любимая.
Еще ты пишешь: дочь растет,
Похожа на меня.
Ну, что ж! Растет — и я не прочь,
Моя любимая!
За шутку ты меня прости:
Идет сейчас война.
И больше ты меня не жди,
Моя любимая.
«А где отец, мамочка, мой» —
Дочь спросит у тебя.
Скажи: «Погиб на фронте он»,
Моя любимая.
Хоть и тобой горжуся я,
Но ждет меня семья.
К тебе я больше не вернусь,
Моя любимая.

Эрна ко мне привязалась. Страшно темпераментная. С мужем уже год как разошлась. Умеет ласкаться, умеет привлечь к себе. Она совсем не красавица, но умеет вести себя, умеет понравиться. Большая патриотка, и поэтому у нас часто происходят горячие споры. Я всячески расхваливаю Москву, а она — Варшаву. Здесь ведь жила, да еще как (судя по рассказам) жила.

5 декабря.

Вчера были именины: сначала у маленькой Эрниной Боли, а затем у большой Пясецкой Боли. Хорошо был сервирован стол, как тут, так и там. У Эрны собрались хорошие гости: музыкантша, профессор Опалкова, Мида и еще кто-то. Приехали с баянистом Дроздов и Новаковский. Гуляли сначала в одном доме, а затем перешли в другое место. Танцевали в полном смысле до упаду. Дроздов обещал прислать машину и пригласить на вечер к себе. Говорит — много шампанского.

Все еще лежу. Не проходит опухоль. Из-за нее и жалкое «безделие» досадное.

Рая Олейникова прислала письмо. Пишет холодно. Не так, как прежде, с душу охватывающим пылом. Остыла немного. А вообще-то — вечный нытик!

9 декабря.

Целое утро вместе с Живно (он теперь уже хорунжий) занимались отбором людей в батальонные взводы разведчиков. Командиры безответственно отнеслись к этому важнейшему делу, механически подобрали взводы. Не понимают, что командир без разведки подобен слепому и глухому человеку. Какой может быть разведчик из человека, родившегося в 1901 году? Стар он для этого, конечно.

С Эрной живем совсем по-семейному. Она страшно темперамента, как бес. Ее брата устроили к Дроздову, в армию.

Прошел слух, что должны выезжать. Неужели? Так и не придется справлять *вигилии* рождественской [*вигилия* — Сочельник, вечер накануне Рождества]. А не мешало бы еще встретить Новый год здесь. С елкой праздничной.

Начальник штаба давно обещал навестить меня, но никак «не выберет время». Тоже, называется — «внимание к человеку»! Как часто у нас говорят о заботе, о внимании. И как мало их проявляют в действительности... Одни разговоры!

На Висле ночью шла большая перестрелка. Фронт дает о себе знать. Изредка методическим огнем обстреливается шоссе возле нас. Видимо, немецкие наблюдатели замечают движение автомашин, людей, вот и стреляют.

Наши готовятся к смотру, который должен состояться послезавтра. Началась горячка. Теперь особенно ревностно и суетливо вбивают в голову солдат всевозможные наставления и уставы, ружейные приемы и т. п. Как все это напоминает картины, описанные Куприным в «Поединке», когда там полк готовится к смотру 15 мая.

12 декабря.

На позицию девушка провожала бойца.
Темной ночью простилися на ступеньках крыльца.
И пока за туманами видеть мог паренек,
На окошке у девушки все горел огонек.
Парня весело встретила фронтовая семья,
Всюду были товарищи — боевые друзья,
Но знакомую девушку позабыть он не мог.
— Где же ты, моя девушка, где родной огонек!
И подруга далекая парню весточку шлет,
Что любовь ее нежная никогда не умрет.
Все, что было загадано, в свой исполнится срок —
Не погаснет без времени золотой огонек.
И становится радостно на душе у бойца
От такого хорошего от ее письмеца.
И врага ненавистного крепко бьет паренек
За советскую Родину, за родной огонек.

Проезжал Гирш и пел эту песенку. Вот ее и переписал. Гирш уже выздоровел, но все еще ходит по комиссиям.

15 декабря.

Как-то вечером Дроздов прислал машину, и мы «всей братией» поехали к нему. Там было много офицеров. Выпивали и танцевали. Дроздов очень хороший парень, выдержанный, ведет себя корректно. А танцует польку замечательно!..

Эрна говорит, что они, польки, привыкли к ласкам, привыкли, чтобы им мужчины всегда говорили ласки, короче — флиртовали. Вроде такого:

«Небо было небеске, ани еднэй хмурки, вятр рушал листя важыв на огрудках, когут пиал слоньце светило...

...Пани юш давно ту не былась, а я пшеходзонц пшес том ленкем бэндэ завше слышал тэ слова: "то власьне не целоване, то дотык..." Яки вспанялы усьмех. Очы пани то власьтивэ мильчене, вычекиване...»

[Небо было голубое, ни одной тучки, ветер шевелил листья овощей на огородах, петух пел, солнце светило...

...Вы давно уже здесь не были, а я, проходя через эту поляну буду всегда слышать эти слова: "это собственно не поцелуй, это прикосновение..." Какая прекрасная улыбка. Глаза ваши, это настоящее молчание, выжидание].

Скоро *Boże narodzenie* [Рождество] — большой здесь праздник. Думаем компанией отпраздновать *вигилийны вечор* [Сочельник Рождества]. Сейчас уже идут приготовления. Надо полагать, что отпразднуем еще здесь, на Вавере, у Модельской на Галицкого, 19. Хочется, чтобы так и было.

На занятия еще не хожу. Имею освобождение. Писем ни от кого нет. Писал, писал, а ответов нет. Видимо, ответят к Новому году. Все сразу.

17 декабря.

Выдали материал на костюмы, а пошить негде. Пришлось разыскивать портного. Неужели нельзя было нашим начальникам все это продумать и организовать по-человечески? Впрочем, у кого болит голова о других!.. Каждый здесь стремится — только для себя. Эгоизм страшный.

Последние дни — резкое похолодание. Вчера мороз был — минус 12°С. Говорят, что здесь это много. И сильные ветры, холодные. Снега нет.

Из госпиталя забрали Пискаря, и сейчас он на излечении у нас. Пускай. Так ему лучше. Находится среди своих товарищей. Привыкают люди к своему подразделению, к своему взводу, своей роте. Как к семье.

К Эрне приехал брат, Войтек. Тип, видавший виды. Прошедший многое. Он был в лагере возле Берлина и удрал оттуда. Взгляды на жизнь у него не похожи на взгляды «тутошних», скорее, на наши, советские. Сама жизнь суровая научила его правильно подходить к вещам. Не взглядом нежного белоручки, а строго, так, как оно есть в действительности.

С новыми солдатами надо много толковать о самых простых, элементарных вещах. Нажимать на то, чтобы мылись по-

чаще, вели себя корректно среди населения. Ведь мы — армейский народ. К нам особенно присматриваются окружающие люди. И тут — держи фасон, не падай лицом в грязь. Вчера один боец оправился в неположенном месте. Пришлось его наказать, а с солдатами побеседовать по этому поводу. Было очень неприятно слушать едкие замечания по адресу капитана Карачуна, когда он без спросу ввалился в один дом, не поздоровался с хозяйкой, сел, развалившись, в кресле. Не подобает так вести себя офицеру. Многому еще нужно учиться нашим офицерам, многому!

Скоро Новый год. Постарею еще на один год. 1942 год встречал в Ташкенте, 1943-й — во Фрунзе, в училище, 1944-й — в далекой деревушке Бобры Кардымовского района Смоленской области. А где буду встречать 1945 год? Видимо, в Вавере, под Варшавой. Узбекистан — Киргизская республика — Центр России — Смоленская область — и сердце Польши. Таковы-то мои Новые годы.

В «Комсомольской правде» напечатано письмо в стихах «Слово великому Сталину от украинского народа». Замечательное.

День третьего июля. Весь народ
Внимал словам Вождя и Полководца.
Как звук трубы, зовущий нас в поход,
Речь Сталина звала страну: — Бороться!
И это слово Друга и Отца
Наполнило нас мужеством и силой,
И окрылило души и сердца,
И на святую битву вдохновило.

Далее, говоря о битве под Сталинградом:

Воды из Волги зачерпнув, солдат
Вдруг чувствовал — вода сжигает душу:
— Умри, а выстой. Нет пути назад!
— Я выстою. Я клятвы не нарушу.
Победила наша страна.
Пусть крепнет республика наша родная,
Пусть вновь расцветает, навеки вольна,
Советских народов сестра дорогая,
В созвучии струн — золотая струна.

Украина родная навеки свободна. Перед ней прекрасные дни, сверкающая будущность!

19 декабря.

Из госпиталя от своего старого бойца Шварца получил письмо. Он пишет: «Сегодняшний день я считаю для себя радостным, ведь от своего командира я получил письмо. Действительно, возможно, с моей стороны большая ошибка, что я лично Вам ничего не написал. Очень извиняюсь. Всегда и везде буду Вас помнить, как хорошего командира, несмотря на то, что мы должны были тяжелые задачи выполнять...». Приятно и для меня было получить от него письмо. Ведь не знают бойцы, что, если я и ругаю их, а иногда и «гоняю», то все это потому, что хочу сделать из них хороших, настоящих солдат, способных попасть в сложную обстановку и выйти из нее победителем.

Мне очень бы хотелось, и я считал бы это самым лучшим для себя событием, если бы удалось выполнить задание и сохранить людей. Ведь им так же, как и мне, хочется жить, хочется увидеть нашу окончательную победу и пожить еще «в мирное время».

Не без гордости могу признаться: если в других полках разведвзвода пополнялись по нескольку раз, то у меня — всего раз, и то частично. Если бы не глупый Сковороян, то не было бы ни одного убитого. Впрочем, этого никто не ценит. Не ценят также и того, что у меня половина взвода еще из Селец, с начала формирования полка. Ведь герой — тот, кто сражался и, если нужно, геройски умер, но **дважды** герой тот, кто победил врага, а сам при этом остался жив! Так ведь? Результаты дивизионного смотра плохие. Впрочем, кто смотрел? Разве Шейхтман, человек, не служивший в армии, может определить степень подготовки разведчиков? Да еще с одного взгляда. Недостатки в подготовке, безусловно, есть, и серьезные, но совсем не те, которые названы в приказе. Соль подготовки вовсе не в конной езде, в которой, мне кажется, и сам Шейхтман столько же понимает, сколько в какой-нибудь хиромантии. Но что сделаешь! Стену лбом не прошибешь. Ярузельский, даже и тот (всегда все близко принимающий к сердцу) перестал возмущаться. Стоит ли!..

Был у Дроздова и окончательно договорился насчет празднования Нового года и Рождественского сочельника.

20 декабря.

Напрасно сержанта Куциковича мы несколько приблизили к себе, дали пару раз поблажку. А он уже чувствует себя паном. По вечерам ходит куда-то без спросу. Правильно гласит кир-

гизская пословица: «Если тигр приблизит к себе собаку, то она будет лаять и на тигра». Мудрая пословица!

Сейчас вот на моем «Arbor» ровно 24.00. Только что пришел от Эрны. Войтек, ее брат, уехал в Люблин, на призывную комиссию. После «генерального *спшонтаня* [уборки]» у нее в доме отдает свежестью, постель идеально чистая, такая, какая у меня была в Ташкенте.

Пришел домой. Все уже спят. Только часовой ходит возле крыльца, а вот сейчас слышны его шаги в коридоре первого этажа. На улице мороз и ветер, и поэтому он (часовой) в коридоре обогревается. Все остальные спят. Тишина!.. Прерываемая то одиночными выстрелами, то автоматными очередями. Басисто, с большими паузами отзывается немецкий пулемет с того берега Вислы, торопливой скороговоркой вторит ему «максим» с нашей стороны. Фронт живет своей боевой жизнью.

В нашей комнатушке на верхотуре убийственно натопили. Вынужден открыть дверь, пускай хоть немного проветрится. На кровати безмятежно раскинулся, сбросив с себя покрывало (жарко — нет спасу!), спит Ричард Кулеша. Какие сны снятся ему? Такие минуты полночной тишины особенно торжественны. Помню такую же ночь в казарме Фрунзенского училища. Что-то подобное и сегодня. Как все это далеко осталось — и по времени, и по пространству.

Такая вот наша жизнь солдатская. Спокойно было только до 2 часов ночи, а там заявился гонец из штаба с приказом, чтобы к 4.00 быть готовыми на *вымарш* [выступление]. Пришлось народу нашему собираться, и на рассвете куда-то ушли. Я остался дома, т. к. много ходить мне нельзя. «Болесть» моя не прошла, плохо, что тогда в медсанбате не сделали операции. Все равно без нее, видимо, не обойтись. После праздников снова поеду в медсанбат.

Днем ходил в портняжную мастерскую на примерку: шьют костюм. К Рождеству должны сшить. Правда, «за быстроту» пришлось подмазать. Но что поделаешь: «Не подмажешь — не поедешь». Прошел и день, а наших с *вымарша* все еще нет. Куда это они пошли?

22 декабря.

Вчера ходил в полковую *«светлицу»* [клуб]. Была *академия* [торжественное заседание], посвященная 65-летию рождения великого Сталина. А затем подписали декларацию о том, что

будем честно выполнять свой офицерский долг, служить Отчизне и ее правительству.

Сегодня день прошел в генеральной уборке. Готовимся *до свента* [к празднику]. Солдаты чистили, мыли помещения. Приводят себя в порядок. Хозяева говорят, что наши — это не виданные доселе солдаты: сами убирают и следят за чистотой. Так и нужно. Привить у них вкус к чистоте, показать, что можно жить без грязи. Сначала силой, принуждением, а потом само войдет в привычку.

Читал на польском книжку «Крылья над Китаем». Без переводчика — и почти все понял. Быстро прочел. Это уже достижение.

25 декабря.

Три дня уже, как празднуем. Начали с субботы. Вечером у Эрны была елка, на которую заявилась «наша братия», пригласили и начальника штаба. Стол хорошо сервирован. Зажгли на елке свечи. Вечер прошел замечательно. Профессор Опалкова на пианино сыграла несколько русских и польских вещей. Особенно хорошо — Шопена.

Елка — замечательная традиция. Здесь она в особенном почете.

Вчера вечером — елка у солдат. Собрались тоже все вместе, съели скромный солдатский ужин, зажгли елку, попели песни. Это роднит людей, делает их более близкими.

После елки — ужин у Пясецких, а сегодня утром — завтрак у Бжезицких. Надо отдать должное: народ чем богат, тем и угощает нас, военных. Патриотизм большой, любовь к армии — тоже.

Вечером пошел смотреть, где и как забавляются наши солдаты. В доме, где они собираются на танцы,— дымная (накуренная) комната, еле-еле горит лампа без стекла, по углам стоят пары. Собрались наши бойцы и девушки-зенитчицы. Баянист не приехал, тогда нашли какого-то скрипача, и тот после долгих упрашиваний «благоволит» сыграть один танец. Танцуют сразу все, повернуться буквально негде. Все похоже на колхозные вечерницы. Вот куда нужно было заглянуть нашим *освятовым* [деятелям просвещения], приложить немного силенки, энергии, чтобы все это привести в человеческий, культурный вид. А то они отсиживаются, «занимаются мировыми проблемами», а «мелочами» не интересуются. Молодые же люди не

могут сидеть без действия и устраиваются так, как «их же понятия им и подсказывают».

С Эрной постепенно назревает конфликт. Дело в том, что она привыкла, чтобы все ей повиновались, чтобы ей никто не прекословил. А я тоже не хочу уступать. И потом, она хочет сидеть сразу на двух стульях: улыбаться одному, заигрывать с другим, интриговать третьего. К черту такое дело! *Ниц* [ничего] не выйдет. Нужно отойти. К тому же известна истина: если хочешь женщину приблизить к себе, то убегай от нее. Кажется, так!

Вчера один молодой врач, Юра, гадал мне и предсказал, что предстоит небольшая *подруж* [поездка], а перед этим — большое веселье и ссора. Чепуха все это! Хиромантия!

Писем нет. Не особенно-то торопятся отвечать. Больше писать не буду до тех пор, пока не получу ответа.

27 декабря.

Праздники продолжаются. Народ гостеприимный. Солдаты вторично получили подарки. Достался и мне: пачка гильз и табак. В гильзе письмо: «Stalowa Wola. Dnia 7.XII.44. Kochany żołnierzu Polski, który walczy na froncie za naszą, ojczyzną, zycze ci wielkiego zwycienstwa nad wrogiem i zycze ci szczenśliwego powrotu do domu rodzinnego. Zkreślam ci te pare słów. Do widzenia. Basiński Bolesław, kl II gimnazium» [Сталёва Воля. Дня 7.XII.44. Дорогой польский солдат, который воюет на фронте за нашу Отчизну, желаю тебе большой победы над врагом и счастливого возвращения в родительский дом. Вот эти несколько строк для тебя. Басиньский Болеслав, 2 кл. гимназии].

Большое спасибо ему за подарок, и не столько за подарок, как за память и за хорошее пожелание. Мне это напомнило ту маленькую девочку из Фрунзе, которая на посту подарила мне табак. Патриотизм — большое дело! Он помогает воинам переносить лишения боевой жизни, помогает легче переносить одиночество.

Доктор Юра, который бывает у Пясецких,— *здольны* [способный] парень. Знает массу математических задач-шуток, много головоломок, начитанный.

К Эрне не хожу. Зато взялся посещать ее дом Кулеша. И это вызывает мои законные возмущения. Раз он посещает так по-хамски. Иного склада Ярузельский! Истинный джентльмен.

Воспитанный, замечательный парень. Поведение же Кулеши может вызвать к себе только вражду, неприязнь. А этого совсем не нужно. Из-за какой-то продажной (и нашим и вашим!) бабы нельзя потерять дружбу, ссориться, а тем паче — в какой-либо степени переносить это на службу. Если Кулеша способен это понять — значит, все будет хорошо.

От Веры Дундар получил письмо. На первый взгляд, казалась простой деревенской дивчиной, а как хорошо, грамотно пишет. Видно, что где-то много училась.

28 декабря.

Сегодня получил письмо от Тамары Немцовой из Москвы. Хорошее письмо, написанное с чувством. Так как она в известной степени является знакомой и моих товарищей, не удержался, чтобы не прочитать им письмо. Вот оно:

«Мой дорогой! Уже бесконечно давно получила твои письма; первые — рассердившие меня, последние — обрадовавшие, но заставившие волноваться. Как ты себя чувствуешь? Надеюсь, что ты уже не в госпитале. Ты просишь написать об Иосифе Николаевиче. Он бывает у меня довольно часто, несмотря на очень ограниченное количество имеющегося у нас свободного времени. Просил передать тебе привет.

В последнюю субботу он также был и проскучал весь вечер. У меня были два моих старых приятеля и Мара Файнер, помнишь? У всех было очень поэтическое настроение, и мы читали Есенина и Блока. Мама сейчас в Киеве, и уже две недели я живу одна. Сначала мне такая жизнь самостоятельная очень нравилась, а теперь я бесконечно устала от нее и с великим нетерпением ожидаю мамашиного возвращения. Выписки из твоего дневника ввергли меня в уныние. Почему «осиновая кора»? Уж не потому ли, что она, моя душа, обладает способностью очень быстро воспламеняться? Тогда, конечно, это выражение имеет резон.

Вот уже опять скоро Новый год, а, кажется, так недавно встречали предыдущий. Волновались, ожидали чего-то хорошего. Радостного, чего-то большого, но вот он прошел, этот год, и не принес с собой ничего такого, что отличало бы его от всех предыдущих.

И, хотя умом знаешь, что и этот год будет таким же, сердцем надеешься на что-то очень радостное. Так уж глупо устроен человек. Как бы мне хотелось встретить Новый год с тобой, с Иринкой...

И ведь будет когда-нибудь Новый год, который мы будем встречать вместе. Будем встречать его в Салтыковке, на нашей старой даче, которая свято хранит все самые хорошие воспоминания.

В комнатах будет ярко гореть свет, дрова будут весело трещать в печке, а за окном, как в старой детской сказке, будут слышны шаги Новогоднего Мороза, ветер будет хлопать крыльями, осыпая снег с дремлющих деревьев в саду, луна будет путаться в облаках, и Снежная Королева заглянет в комнату, оставляя на стекле следы своего дыхания, и тому, кто увидит ее промелькнувший в метели профиль, будет дано большое счастье в тот год. И мы непременно увидим ее.

Напиши обязательно, какое у тебя было настроение в новогоднюю ночь. Мне очень хочется, чтобы тебе не было грустно, чтобы там, у вас, на переднем крае, тоже звучала радостная музыка, и чтобы у вас у всех была твердая уверенность в том, что каждого ждут в далеком родном городе и в Москве. Ждут с великим нетерпением и с великой тоской. И думают о вас, слушая бой Кремлевских курантов, предвещающих наступление Нового года, который будет, обязательно будет счастливым годом, годом победы, годом возвращения к тем, которые ждут вас. Пусть сбудется в этот год все, о чем ты мечтал, чего ты хотел все эти самые тяжелые годы, и пусть этот год будет последним тяжелым годом для нас и последним годом существования для наших врагов. Пусть и они услышат спокойный и торжественный бой Кремлевских курантов и подумают о своем последнем часе.

Так хотелось пожелать вам всем счастья, пожать руки и увидеть, как праздничная улыбка сотрет с ваших лиц выражение суровости и озабоченности.

Передай всем своим приятелям привет и пожелание счастья. Я думаю, что сумею тебе написать 31-го, во всяком случае, я буду думать о тебе весь вечер, и это поможет не так больно ощущать твое отсутствие. Как мне хочется погладить твои волосы, увидеть спокойное выражение твоих глаз...

Крепко, крепко целую. Тамара».

И разве можно такое письмо не переписать? Я его нарочно переписал, И, если что-либо со мной случится, то пускай его прочтут мои друзья и узнают, какая у меня была замечательная Тамара. Пускай узнают, что и меня любила девушка в далекой Москве, думала обо мне, желала счастья.

Написал письмо своему новому знакомому, приславшему мне посылку из Железной Воли. Вот это письмо:

«Сталёва Воля, Басиньскому Болеславу. Так случилось, что посылку, отправленную солдату на Рождество, получил я. От чистого сердца благодарю тебя за подарок, а также за любовь и память о нас – о польских солдатах. Твоя посылка и поздравление доставили мне большое удовольствие. Еще раз напомнили мне и моим сотоварищам по оружию, что мы не одиноки, что с нами целый польский народ, достойный и свободный, который готов каждую минуту оказать нам помощь, отдать все для достижения уверенной победы над ненавистным врагом, готов всегда воевать за счастье, процветание горячо любимой нами всеми Отчизны».

И так далее. Обрадуется парень, получив такое письмо. Наверное, ответит.

30 декабря.

Об отце ничего не знал в течение всей войны. Написал письмо председателю Федорковского сельсовета, а получил ответное письмо от двоюродной сестры Жени. Пишет, что «...папа живет в Федорках, работает на старом месте. Хата наша сгорела во время отступления немцев. Папа тоже попадал им в руки, и еще тридцать два колхозника. Но папе как-то удалось сбежать, а тех немцы расстреляли». Пишет о том, что немцы расстреляли и ее первого, и ее второго мужа и что теперь она осталась вдовой с двумя детьми. Второго ее мужа, Гладишевского Юзика, я хорошо знал. Еще когда-то, в 1929 году, в селе Федорки мы были в одной комсомольской ячейке. Хороший он был парень, а теперь убит и похоронен в селе Славницы Жарочаевского района Станиславской [ныне Ивано-Франковской] области.

Итак, разыскалась хоть одна — двоюродная сестра Женя. Очень хорошо. А то ведь был на свете один-одинешенек. Адрес ее: село Федорки Волочиского района Каменец-Подольской области, Гладишевской Евгении Власьевне.

Проклятые немцы принесли страдания и моим родственникам. Черти проклятые!

На дворе выпал снег, начались морозы. Стоят изумительно лунные ночи. Когда ночами налетает фриц, мы выходим на балкон и наблюдаем, как все небо прорезывают следы от пуль и зенитных снарядов, вспыхивают красные, зеленые ракеты.

В звонкий треск пулеметов вмешивается солидный бас крупнокалиберных зениток. А при лунном свете удивительно выглядит притаившийся Вавер, его дома, сараи, ограды... Красивое зрелище.

Вечером ездили в Прагу. Приятно было после долгого перерыва снова проехать верхом по морозной Праге. Заехали к этой замечательной девушке с черными косами.

По дороге на контрольном пункте видел Кулешу и, что больше всего удивило, Эрну. Приехал домой и узнал, что она тоже поехала с ним в Бжест. Вот еще! Бросили — так и поперлась черт знает куда. И зачем? Судя по тому, что говорит Войтек, это, так сказать, в отместку за то, что я поехал в Прагу. Одно из двух: либо она сильно любит Ричарда и не могла его бросить, или любит меня так, что даже решила поехать, терпеть лишения, но только бы мне отомстить.

31 декабря.

Как бы там ни было, но заканчивается и этот 1944 год. Суждено мне было прожить и его. Вот как будет с 1945 годом? Проживу ли его? Хочется верить в лучшее.

Этот Новый год встречаю в Польше, совсем близко от Варшавы. У Пясецких собрались на встречу Нового года, выпили за Старый и за Новый. Праздновал два раза, сначала по-русски, т. е. когда здесь еще было 10 часов, а затем по-местному, т. е. когда в Москве уже было 2 часа нового 1945 года. Что-то сейчас происходит в Москве? Как там празднуют?

Было неприятно, тоскливо, что нет Эрны. А ведь всему виною я. Стоило только вчера подойти к ней, поговорить, помириться — и все было бы в порядке, не было бы этой тоски. Кому нужна была эта ссора! Так на Вавере встретил Новый 1945 год.

Вавер, предместье Варшавы

1945 год.
2 января.

Прошло два дня нового года. Все по-прежнему. Был занят подготовкой к сборам разведчиков, таким, как когда-то проводили в Эльжбетине. Да, оттуда получил письмо.

С Ярузельским все больше дружим. Какой он замечательный, исполнительный офицер, много мне помогает. Только вот любит одиночество, не занимается «женскими делами». Кажется, что мы в этом отношении очень похожи, по крайней мере,

эта черта так была мне свойственна в годы Ярузельского. Хороша ли она? Черт его знает! Кажется, что не особенно. Ведь пройдут годы, а счастья-то и не увидишь.

Все подготовили, завтра начинаем сборы. Снова начнутся страдные дни. Как в жнивье. Особенный упор делается на ночные занятия!

4 января.

Ночами регулярные занятия на сборах. Только их устроили, но снова, как будто, все расстраивается. Командир из 1-го батальона пришел известить, что их батальон выходит к Яблонной. Кончился отдых, идем на фронт. Хватит тут блаженствовать.

Эрны все нет. А хотелось бы с ней поговорить хоть последний раз. По душам. От Люды Соколовской из Ташкента получил письмо. Между прочим, поздравляет меня с Новым годом и пьет «за ваше здоровье, счастье, веселье и за вашу хорошую жену!». Откуда она это взяла? Почему «за хорошую жену»? Почему Люда так решила?

Бронислава тоже пишет, что все мои вещи в Ташкенте «полетели», Тамара их продала.

Ярузельский выехал на рекогносцировку. А днем пришло приказание свернуть занятия на курсах. Предполагается выход. Самая теперь зима, особенно этот месяц. Постепенно сворачиваюсь. Юзик Пашковский собирает вещи. Минуло счастье. А хорошо нам было здесь, на Вавере. Приехал Ярузельский и сказал, что завтра утром уходим сменять другой полк. Свершилось!

Вечером с Юрой поменялись одеждой. Давно я уже не ходил в штатском. Даже забыл, как нужно галстук повязать. Вечером пани Пясецкая, что на Галицкого, 15, устроила что-то вроде проводов. Грустно было, но что поделаешь. Народ мы военный. А уходить никому не хочется, привыкли. Здесь хорошо, тепло. Последний раз мылся в теплой бане.

Эрна и Кулеша не приехали. А мне так хотелось поговорить с Эрной...

5 января.

Через полчаса должен прийти Ярузельский, и пойдем с ним получать задание.

Итак, Вавер остается позади. Мой хозяин Иван Теофилович Бжезицкий дал адрес: Вавер-под-Варшавой, улица Сейма, 22. Просил ему писать. Напишу. Ведь он так хорошо относился ко мне, старался всегда угодить.

Вообще здесь мы чувствовали себя хорошо, как дома. Не скоро так снова будет. А мне-то выпало двойное счастье, только я не сумел его взять. Сторонился его. И вот теперь страшно жалко. Жалко Эрну, жалко ее дочери Баси, Войтека и даже маленькой Альфы. И частично виноват во всем я сам. Но что теперь сделаешь!

Последний день на Вавере!.. Жалко!..

Вавер

9 января.

Уже с 6-го числа на новом месте. Пятого все ушли рано, а я оставался до трех часов ночи еще в Вавере, все ожидал возвращения Кулеша. А главное — Эрны. Хотелось поговорить с ней по душам. Но не дождался. На рассвете, вернее, в 3 часа ночи, выехал. По дороге заезжал в Прагу к «потихутку-помалютку» (к Андре) и потом, обогревшись, двинулся дальше. К 10.00 добрался до Бжезины Новы. Здесь, в землянках, расположен штаб. Пришлось разместиться в одной из землянок. Дома все разбиты.

Снова началась фронтовая жизнь. Сразу же получил задание на разведку, и теперь все время занят подготовкой к его выполнению.

Возле Яблонной побывал на КП одного из подразделений. Расположен он в бывшем замке графа Потоцкого. Видно разрушенную богатейшую библиотеку.

Приехал Юзик с Вавера и привез письмо от Эрны. Она пишет, что, «учитывая отход на фронт и мое доброе отношение к ее дому, склонна простить все мои желчности, которые я систематически проявлял к ней...» и т. д. и просит не обижаться на Ричарда. Интересная ситуация.

Получил письмо от Ляли Богдановой из Ташкента. Ее адрес: г. Ташкент, ул. Ленинградская, дом 25, ЦС Осоавиахима, Е. И. Богдановой. Пишет, что в Ташкенте холодно.

Готовим одну важную операцию.

Бжезины Новы
(близ варшавского предместья Праги)

12 января.

Ночь с 10-го на 11-е — знаменательная ночь. Наши разведчики на острове поймали двух «языков». Причем, сами понесли мизерные потери. Все мы переживали незабываемые минуты. Разведчики бесшумно по льду приближались к траншеям противника и затем после трехминутного огневого налета (только одних мин положили на остров 1800 штук!) ворвались в траншеи. Операция продолжалась 21 минуту.

Наш бенефис! До нас здесь четыре месяца не могли взять языка, а мы с первого раза взяли. Повезло. Назавтра днем возле штаба полка нас всех выстроили, и министр обороны, *начельны рудзь* [главнокомандующий] Войска Польского генерал Роля-Жимерский поздравил с успешной операцией, поблагодарил нас. Всех, в том числе и меня, представили к награждению.

Наши акции повышаются! Хорошо иметь боевую удачу. Одиннадцатого вечером в большом зале в деревне Плудре разведчикам был дан большой ужин. Собрались все участвовавшие в операции. Начальство. Одним словом, разведчики сейчас пошли в гору.

Ездил в Прагу и в Вавер. В Праге (здесь говорят: на Праге, на Вавере) очень хорошо встретили у «потихутку-помалютку». Спрятала шинель и не хотела отпускать до тех пор, пока не пообедаю. Ну, а на Вавере-то — триумф! Эрна встретила, как родного. С ней теперь мир. Оказывается, она меня крепко любит. Рассказала мне про свою неудачную жизнь, плакала. Жалко мне ее стало. Уезжать утром мне страшно не хотелось, а еще больше не хотела отпускать меня Эрна. Так-то сложились обстоятельства! Оригинально. Хоть в конце, но поняли мы друг друга. Тоскливо было, когда снова встретил старые места, недавно брошенные. Наши ваверские хозяева скучают по нам, там теперь пусто, тоскливо.

Сегодня ночью наши снова напали на остров и захватили в плен одиннадцать немцев. Часть из них только что ушла из моей землянки. На столе еще осталась газета «*Front und Heimat*» [Фронт и Родина]. Отобрали у одного солдата. Да, начало у нас здесь хорошее. Но, говорят, сегодня ночью сменяемся. Куда уходим? Ничего не известно. Попаду ли еще на Вавер? А хотелось бы крепко. Да и не хочется уходить отсюда. Так уже обосновались крепко. Землянка у меня отличная. А теперь снова — что-то ждет впереди? Такова она, наша солдатская жизнь!

Бжезины Новы

14 января.

Теперь мы — модные люди. Вчера специально приезжал ко мне корреспондент армейской газеты *«Zwyciężymy»* [«Победим»], писал материал о Пискаре, а в сегодняшнем номере есть о встрече нашей с генералом Роля-Жимерским.

Да, разведка — это большое дело. Высокий род военного искусства, которое начинается с ночного дерзкого поиска лазутчиков и завершается ночным анализом обстановки. Великое дело — научиться вникать в детали, уметь отобрать из всей суммы самое ценное и важное, распознать решающее, строить правильные, точные и ясные выводы. И самое главное — разведчик должен всегда чувствовать противника, кропотливо изучать его поведение.

Не случайно еще в давние времена генерал М. Драгомиров сказал: «Если бы можно было всегда знать, что собирается делать неприятель и в каком он находится состоянии, плохих начальников было бы весьма мало»...

Начали нас сменять, но все еще не сменили. Такое половинчатое состояние хуже всего. Сегодня ночью, видимо, куда-то едем. Но вот куда? Одни говорят — на Люблин, другие — на Варку, третьи — на Краков. Черт его знает, кто прав!..

Одним словом, едем. Воевать едем, наступать. А хотелось бы еще недели две постоять здесь, на этом счастливом для нас, разведчиков, месте.

Ну что ж, наступать так наступать. Сегодня на правом фланге целое утро била артиллерия. Красная Армия поднажала там. А мы что же, должны отставать?.. Итак — в наступление!

17 января, 16 час. 20 мин.

Далеко не пошли. Вышли только в Яблонную. Вчера пережидали здесь наше артнаступление. Сосед справа, Красная Армия, пошла вперед. К вечеру немцев сбросили за Вислу. А вечером я уже был в немецких траншеях. Интересно. Только-только здесь был враг, сопротивлялся, а вот сейчас уже здесь мы. В одной из землянок, видимо, офицерской, на столе неубранные письма, газеты, одеколон, трубка, коробка с табаком — посылка из Нюрнберга. Ребята нашли валенки, одеяла, фотоаппарат.

Сегодня утром Кулеша ходил в соседнюю дивизию, ее бойцы уже там, за Вислой. Мы будем наступать на Варшаву. Итак, в наступление!.. В наступление!.. Сидим как на иголках. Все ждем приказа выступать. У всех какое-то особенное настрое-

ние. Кому из нас суждено дойти до Варшавы, а кому нет? Каждому хочется заглянуть чуть вперед, но, увы,— это тайна.

Далеко слышны оружейные залпы... На правом фланге идет бой. Освобождается земля, стонавшая в немецком ярме.

Философ лежит на кровати и говорит, что сегодня будем ночевать в немецких окопах. Все может быть. Мирная жизнь окончилась, начинаются настоящие бои. К Эрне с письмами послали гонца. Вечером привезет ответ. Хотелось еще побывать там разок, но не удалось.

Все чаще и чаще ведут пленных. Вот они, «арийские» вояки!..

Яблонная

20 января.

За эти дни много событий произошло. 16-го перед вечером вышли из Яблонной и переправились по льду через Вислу. Немец ушел дальше. Это был незабываемый момент. Ясный, морозный вечер. И по льду нескончаемым потоком идут пехотинцы, едут артиллеристы со своими пушками, двигаются обозники на фурманках. У всех радостное, приподнятое настроение. Ведь сегодня — праздник, день, которого многие ждали. Только вчера на этой дамбе сидел немец, и не было здесь нам ходу. А вот сегодня наши пошли. Прямо на льду — немецкое проволочное заграждение. Укрепился, сукин сын!

Ночью остановились в какой-то деревушке, ночевали в немецкой землянке. Все готовились к бою, но немец стремительно уходил на Запад. Перед утром 17-го двинулись дальше, на Варшаву.

С разведчиками догнал авангардный 4-й полк. Все ближе и ближе Варшава. Вот часам к 10 утра подошли к Повонзкам — предместью Варшавы. На всякой случай 4-й полк развернул в боевой порядок головной батальон.

Без боя вошли в Варшаву. На окраине нас радушно встретили одинокие жители, угощали горячим кофе. Шесть лет они жили под немецким оккупантом. Шесть лет ждали нас, ждали освобождения Варшавы. И оно пришло!..

Догнал нас гонец из Вавера, тот, которого посылал я с письмом к Эрне. Интересное дело! Оказывается, меня там уже похоронили. Приехал туда Новаковский и рассказал, что меня убили и похоронили в Рембертуве. В связи с этим получил интересные письма от Эрны и Пясецких. Они пишут, что были

очень огорчены моей смертью и несказанно обрадовались, когда приехал мой гонец и оказалось, что *«бендо с Бундо»* [будут с Бундой]. Пишут, что мне суждено долго жить, т. к. существует поверье, что, если кого заживо хоронят, то человек будет долго жить. Хорошо! Нет худа без добра!

Итак, 17 января 1945 года мы вступили в Варшаву. С разведчиками вышли к центру города. Жалкий вид! Одни развалины, одни груды камня. Уцелели только незначительные здания. *Огруд Саски* [Саксонский парк] разрушен. В одном доме оказался какой-то склад, ребята его обнаружили и набрали трофеи. На улице встретили только двух цивильных, и то они пробрались из Праги, чтобы посмотреть на красавицу Варшаву, вернее, на то, что некогда было красивейшим городом в Европе. Есть ли мера мести, чтобы как следует отплатить немцам, этим варварам, извергам, так надругавшимся над гордыней польского народа, над городом-страдальцем Варшавой?! Вот так же нужно разрушить их проклятый Берлин, логово зверя!

Эти дни стояли в Варшаве. Был парад. Напротив *двожца Глувнего* [центрального вокзала] на импровизированной трибуне — президент Берут, премьер-министр Осубка-Моравский, маршал Советского Союза Жуков, главнокомандующий Войском Польским Роля-Жимерский и огромная толпа народа. Проходят войска. Прошли вместе с ними мы, наш полк. На первом параде в освобожденной Варшаве. Народ нас приветствовал с великим энтузиазмом, несмолкаемыми «Нех жие!» (в честь великой Красной Армии, Правительства польского, в честь Маршала Сталина.

За это время побывал в Вавере. Радостно приветствовали меня там, из «мертвых вставшего». Через Вислу переезжают по понтонному мосту — уже навели наши саперы. Знакомые места. Вот бывший командный пункт 3-го батальона, оттуда мы не раз выходили к мосту Кербедзя. Раньше здесь нельзя было ходить без риска для жизни. А вот сейчас война ушла далеко на Запад. Поговаривали о том, что переходим и мы в наступление, но потом решили оставить нас в Варшавском гарнизоне. Итак, пока остаемся в Варшаве. Надолго ли? Неизвестно.

Варшава

23 января.

Несколько раз говорили, что мы едем, потом — что остаемся. А сегодня вот снова готовимся к отъезду. Пошел снег, морозно. И надо выезжать. Только устроились хорошо, давай сно-

ва – в путь-дорожку дальнюю. Куда? Вперед — а больше ничего и неизвестно. Устроились здесь мы шикарно. У меня комната презамечательная. Но что сделаешь, такова наша жизнь солдатская!..

Вот скоро закончится война, и тогда заживем. А закончится война скоро! Уж который день Москва пятикратно салютует нашим доблестным войскам, перешедшим на всех фронтах (буквально на всех!) в стремительное наступление. Войска генерала Черняховского заняли много населенных пунктов в Восточной Пруссии, войска маршала Рокоссовского — в двенадцати километрах от границы Германии. У немцев дела совсем говенные. Наступил на нашей улице праздник, да еще какой праздник!..

Фронт теперь далеко от Варшавы. Она сейчас — глубокий тыл. И все это — всего за несколько дней. Русские действительно научились воевать, да еще как воевать!!!

В Варшаве постепенно оживает жизнь. Появилось много людей. Вчера ночью мы были на Вольском шоссе, так там такое автодвижение, как будто здесь огромный, давно оживший город.

Итак, готовимся к отъезду на Запад, на новые освобожденные, а может быть, еще и не освобожденные (надо их освобождать!) земли.

Варшава, район Воля

24 января.

Еще на один день остались в Варшаве. Вчера к нам в гости приходили Эрна и пани Станислава. Устроили обед, вспомнили ваверскую жизнь, пожалели о том, что она так скоро закончилась и больше, видимо, не возвратится.

Эпштейн, один из старых разведчиков, свалился с велосипеда и повредил ногу. Отвели его в медсанбат. Жалко старого солдата, тем более такого веселого человека.

Узнал, что наших хлопцев, и в том числе меня, наградили. Меня — серебряной медалью *«Заслужоным на полю хвалы»* [Заслуженным на поле Славы]. Таким образом, начало есть. Поздравляли меня вчера.

Получил письмо от Людмилы из Ташкента, от Веры. Вера теперь выехала из Залужья. Ее адрес: Смоленская область, Смоленский район, Дивосовский сельсовет, ДЭУ № 802, Вере Дундар.

Прислал письмо из госпиталя раненый Высоцкий. Полевая почта его 83762. Надо бы к нему послать солдата, отвезти подарков, но вся беда в том, что выезжаем. Если бы стояли здесь, то обязательно послал бы. А так приходится только сожалеть.

Неожиданная вещь. Вечером получил письмо-открытку — и от кого? Совсем не думал! — от Стебловцева Миши. Мой старый друг по Середина-Буде. Теперь его адрес: полевая почта 22351г. Я запрашивал С.-Будский райком о своих старых друзьях. Узнала об этом его жена и вот сообщила ему, Стебловцеву. Пишет, что мои старые друзья погибли. Шатный погиб в 1942 году, если только не в 1941-м. «Бенюх где — не знаю...». Такова-то война! Унесла много друзей, многих теперь не увидим. Проклятый немец!..

Варшава

25 января.

Прощай, Варшава! Сколько дней мы стояли перед ней и мечтали о том дне, когда будем в городе. Это сбылось. А вот теперь приходится прощаться. Едем на Торунь, к немецким границам, навстречу новым боям, новым испытаниям, новым победам.

Вчера вечером Живно прочел перед строем приказ *начального довудцы* [главнокомандующего] Войска Польского № 141 от 27.12.1944 года о награждении нас орденами и медалями. Там написано: «За умелое выполнение боевых заданий на фронте, боев с немецкими захватчиками и проявленную при этом отвагу и мужество...».

Получил новое пополнение. Ребята хуже моих прежних, но ничего, обобьются. Через месяц не узнать их будет, так же, как теперь не узнать Садового и много иных.

Жалко бросать Прагу. Привык я к ней, привык к улицам, домам, с которыми связано много воспоминаний.

Увидим новых людей, новые населенные пункты, новые города, только-только освобожденные от немецкой оккупации.

Варшава

30 января. 23 час. 15 мин.

Теперь уже мы далеко от Варшавы. Около 200 километров отделяют от Праги, от Вавера. Все эти дни маршем шли вперед, на запад. Прошли Олтажев, Блоне, Сохачев, Санники,

Гомблин, Гостынин, Коваль и, наконец, Бжест-Куявский. *Кавал дроги!* [Немало – букв.: 'Отрезок пути'].

Погода, как назло, испортилась. За последние дни намело сугробы снега, свирепствует холодный ветер. Настоящая зима. Вообще уже такая у нас судьба. Как только тактические занятия или марш, так обязательно ветер, буран, дождь. Все время так!

Сегодня дневка. Устроились на каком-то фольварке. Богато здесь жили люди. Нечего сказать. А ветер не перестает завывать. Со страхом думаю о том, что завтра снова в дорогу, с этим ветром и вьюгой.

Устроились на прекрасном месте. Хозяин богатый, и у него есть чем нас угостить. Вот бы постоять здесь хотя бы несколько дней, но не удастся. Завтра уходим дальше на Быдгощ, или, по-немецки, Бромберг. Там сейчас войска 1-го Белорусского фронта ведут ожесточенные бои. Впереди Познань.

Завтра снова дорога, скованная морозом, покрытая снегом и бесконечным потоком наших войск, растянувшихся на десятки километров. Снова замелькают голые, обдутые ветром холмы, между ними — бесконечная россыпь хуторов и хуторков, маленьких деревянных костелов...

1 февраля.

Прошли еще два перехода. Не особенно большие. Погода резко изменилась, оттепель, так что не проехать ни на санях, ни на бричке. Распутица. Сегодня зашли на ночевку в небольшой хороший городок. Только 22 января сюда впервые пришла Красная Армия и освободила его из-под немцев. В городе много *фольксдойче* [лиц, принявших немецкое подданство]. С каким отвращением относятся теперь поляки к некоторым таким «немцам». Они пытались убежать в Германию, но Красная Армия перекрыла все дороги, и пришлось немчуре возвращаться обратно.

Устроились в одном хорошем домике. Приготовили нам всяких кушаний, поужинали славно. Затем Чубацкий нам поиграл на гармошке, и легли спать. Народ наш вместе с хозяином хорошо натопил печь, в комнате тепло-тепло, на полу постелили сена, матрацы и легли покатом. Меня устроили на диванчике. Завтра рано вставать — и в дальнюю дорогу. Осталось два перехода, и затем Быдгощ. Большой город. Куда пойдем оттуда? Вечером был в доме, в котором жил немецкий генерал.

Какое богатство, какая обстановка, какая посуда! Крепко жили! У хозяина в клетке канарейка, замечательно поет. Ей и война нипочем, и ветер, и снег.

Иноврoцлав
(до Познани 101 км,
до Торуня — 36 км)

4 февраля. 23 час. 15 мин.

Прошли еще 90 километров. Ночью были в Быдгоще. Ночью не рассмотрел города, тем паче шел дождь. Утром проезжали через него. Большой город. Кругом немецкие надписи, немецкие названия улиц. Из Быдгоща следующий город — Накло. И вот сегодня дневка в небольшом городишке Мроча. До немецкой границы осталось 45 километров. Завтра снова марш, и эти оставшиеся 45 километров пройдем. А там — немецкая земля. Проклятая немецкая земля!

Через день перешагнем рубеж, за которым начинается Германия, страна грабителей и палачей. Как долго мы ждали этого дня. О нем думал каждый из нас.

Уже и сейчас по дороге встречаем немецкие фольварки, деревушки. Ехал я и думал: отсюда, из ворот вот этих островерхих домов, из поместий и усадеб колбасники и колбасницы, мечтавшие покорить мир, послали своих гаденышей на Восточный фронт. Здесь, под крышами этих зданий, вырастали те, кто держал в голодной блокаде Ленинград, предавал огню Минск и Киев, создавал лагеря смерти, строил виселицы.

Где сейчас они, эти клейменные человечеством твари? Сотни тысяч их гниют в нашей земле, как и те, которых мы видели дорогой на полях, в кюветах у шоссе. Сколько их, покинув эти дома, трясется сейчас в вагонах поездов, на машинах, на подводах? Они бегут тысячами в животном страхе перед Красной Армией.

«Вперед, на Берлин!» — вот слова, которые владеют в эти дни мыслями и чувствами воинов.

Было время, когда путь до Берлина мы исчисляли тысячами километров. В прошлом году мы начали считать сотнями. Нынче мы считаем десятками.

Он близок, он совсем близок, этот разбойничий притон. Здесь мы найдем тех, кто изобретал душегубки для Краснодара и Харькова. Здесь мы отыщем палачей Бабьего Яра, Холодной Горы, Майданека и Освенцима.

Святой час возмездия пробил. И каждого из нас окрыляет мысль: на Берлин! На Берлин!..

Страшно хотелось бы дожить до этого дня. Прошел из конца в конец Польшу, а теперь побывать бы в Германии.

Теперь надо будет держаться особенно начеку. Все больше и больше враждебных нам людей. Сегодня специально собирал разведчиков и предупредил их об этом. Бдительность! Это большевистское правило здесь приобретает особенное значение.

Впереди бои! Бои в Германии.

Вспоминаю Варшаву, Прагу. Там была хорошая жизнь. Там мы учились воевать, а вот теперь, видимо, будет настоящая война.

Мроча

6 февраля.

Уже второй день в Германии. Вчера днем прошли небольшой мостик через речушку — и вступили на германскую землю. Вот она, фашистская земля!..

Небольшой островерхий дом, усадьба. Это первый дом в Германии. В одной из деревень много поляков. Правда, и они онемеченные. Вчерашний марш в Тарновку прошел по обезлюдевшим деревням. Ни одной души. По дворам, по улицам бродят брошенные коровы, гуси, индюки. Сколько добра. А какие огромные свиньи. В домах тоже все брошено. На столах даже недоеденные кушанья. Вот когда фрицы со своими фрау узнают, что значит война. До этих дней они не знали, что значит война, что значит бросить свой дом и вести бродячую жизнь без крова, без ничего.

Деревня здесь — как город. Есть электрическое освещение, богатые дома, дворы с множеством скота. Все благоустроено. Да, фрицы, сукины сыны, умели жить. Правда, ведь все это награбленное, все это с кровью других. Обобрали ведь всю Европу. Теперь наступил час возмездия.

12 февраля. 9 час.

Все воюем. Вот теперь настоящее наступление. Каждый день идем вперед. Вчера с боями прошли 14 километров немецкой земли. Немцы цепляются за каждый населенный пункт. Вчера на рассвете вышли к шоссе и к вечеру вместе с танкистами овладели городом Меркиш-Фридлянд.

Город пустой. На улицах баррикады, брошенные немецкие орудия. Немцы надеялись сопротивляться, но ничего не вышло, откатились назад.

Днем под деревней Танненхоф попали под бомбежку. Меня как раз застукало в лесу. Сукины сыны наделали много шуму. Пользы, правда, им от их налета очень мало, но все же сидеть под бомбежкой довольно неприятное дело.

Ночью привели пленного майора. Несколько дней тому назад он был комендантом города Дойч-кроне. И не думал, что так скоро будет сидеть за столом у нас и отвечать на вопросы. Немцы потеряли еще одного майора. А сколько еще потеряют!

Итак, наступаем по вражеской земле. Жители бегут без памяти. Оставляют все свои пожитки, все имущество. Вчера, когда пришли в дом, то еще печи были теплые. Только-только удрали. Пришлось расстаться с добром. Узнают цену войны!

Меркиш-Фридлянд

17 февраля. 20 час.

С боями продвинулись немного вперед. На шесть километров. Боем взяли аэродром, целый военный городок. Немцы крепко сопротивлялись, но были все же выбиты.

Дальше мы должны были занимать деревню Шенфельд, но ничего не вышло. Как узнали от пленных (а их было много), немцы сюда подбросили 5-ю гренадерскую дивизию и решили любой ценой удержаться. Два дня подряд брали мы деревню, уже были в ней, но потом снова пришлось отступить. Во время этих боев с наблюдательного пункта через стереотрубу я видел картины замечательного мужества и самопожертвования на поле боя, видел, как до последнего дрались артиллеристы 1-го полка, как один оставшийся в живых продолжал вести огонь из своего уцелевшего орудия. За эти бои много погибло знакомых. До боли жаль майора Логинова и капитана Бориса Хеймана. С последним мы жили вместе в Холме, он был такой замечательный товарищ, такой хороший. Позавчера бронебойный снаряд-«болванка» прострочил барак и прямым попаданием снес Борису голову. До боли жаль его!.. Вчера стоял я долго возле свеженасыпанной могилы, возле заботливо сделанной оградки и думал о том, что стоит наша жизнь, о том, что вот Борис никогда и не думал, что найдет свой конец здесь, на немецкой земле, возле аэродрома, при шоссе, никогда не знакомом ему, далеком-далеком.

Жаль Хеймана... Жаль других, которые вчера жили, радовались скорой нашей победе и не увидят ее. Глупо все устроено. Чего человеку надо? Сам себе укорачивает и так недолгий свой век!

Получил от многих письма, в том числе от Тамары. Хорошее, теплое. Она пишет: «Теперь письма будут идти очень долго, но все же они будут приходить, и всякий раз радость будет охватывать меня при виде желтого конверта с неторопливым почерком. Пиши только чаще. Если бы только знал, с какой тревогой мы с мамой следим каждый вечер по карте за передвижениями фронта, с какой тревогой думаем о тебе и с каким нетерпением ждем письма, в котором будет написано: "Еду в Москву". А ведь такое письмо обязательно придет, и теперь уже скоро...».

Да! А как бы мне хотелось иметь возможность написать такое письмо! И как радостно было бы чувствовать, что еду в родную Москву, в родные, близкие сердцу, разуму, всему существу моему места. Но суждено ли только этому сбыться?.. Ведь и бедный Борис Хейман тоже не раз мечтал о том, как он поедет к своей жене (которая каждый день писала ему письма), мечтал о домашнем уюте... Так часто не сбывается то, о чем мы мечтаем, чего ждем, на что надеемся.

Судя по всему, нас ждут суровые, жестокие бои. На своей территории враг отчаянно сопротивляется.

Теперь мы перешли к обороне. Для всех это более спокойное, стабильное дело. Но для нас, разведчиков, это беда. Снова давай «языка», а теперь их брать довольно сложно. «Языков» было так много в наступлении и так мало в обороне. Вот, может быть, скоро переведут во второй эшелон. Тогда бы пожили! Сбудется ли это только?

Устроились мы неплохо здесь на аэродроме, но вот снова нужно куда-то переходить в лес. Такая цыганская жизнь у солдата. Нынче здесь, а завтра там!

Только мало-мало устроишься, снова переходи в другое место. Снова начинай оборудоваться, создавай нормальные человеческие условия. Когда только закончится эта проклятая война, возвратимся мы снова к своим родным берегам и будем вспоминать об этих днях, об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах...

Сегодня ночью наши снова пойдут за «языком». Поведет их Куцикович. Поймают ли «языка»? Эх, если бы поймали! Тогда

снова бы несколько дней имели бы передышку, отдохнули бы. Завтра будет известно. Тем более хорошо, что сегодня темная ночь.

Близ деревни Шенфельд

18 февраля.

Какой сегодня день недели, ей-богу, не знаю. Знаю, что сумрачный, немного замерзший. Написал не совсем по-русски (Горький бы раздраконил!), но ничего.

Ночью переходили на новое место. С лошадьми проходили по самому что ни на есть переднему краю. Изредка немец освещал ракетами да немножко обстреливал. Утром нашли в лесочке штаб. Роскошный фольварк. Зеркальные двери, всюду кафель, богатство. Даже в глуши, и то жили с комфортом, чертовы фрицы.

Ночью мои «языка» не поймали. В наказание послал их копать наблюдательный пункт. Завтра ведь предстоит наступление, и для командира полка нужно подготовить НП. Только произвели половину работ, как пришло изменение: наступаем не на левом, а на правом фланге. Все теперь надо переделывать сызнова. Сейчас пойду звонить в артполк. Нужно будет делать НП вместе с ними. Карусель получается!

Получил от Раи Олейниковой письмо, очень холодное. Пишет, что ее муж из Куйбышева. Видимо, снова сошлись, а наша вся любовь, так сказать, побоку. Судя по ее письму, дело обстоит именно так, а не иначе.

Итак, завтра снова все наступаем. Вперед — на какой-то немецкий городишко. Когда его возьмем? И что это за городок? Фрицы лишатся еще одного своего логовища, еще будут плакать об одном насиженном месте. Черт с ними, пускай плачут! Пришло время и им плакать.

Нёйляйпциг

25 февраля.

За эти дни снова наступали. Неудачно. Отошли на позиционную оборону. Теперь роемся, как кроты. Такая наша пехотная жизнь. Дождь, снег, ветер, грязь — все равно окапывайся, строй пулеметные гнезда, наблюдательные пункты, прорывай траншеи.

Отпраздновал День Красной Армии. 27-ю годовщину встретили в Германии, на передовой. Где-то отпраздную 28-ю?

У меня теперь тоже большие изменения. Видимо, по настоянию Фомина (все чем-то он был недоволен) меня перевели на иную работу. Теперь уже не ПНШ-2 [помощник начальника штаба 2-го батальона], а начальником штаба 1-го батальона. Сюда сам захотел потому, что все командование здесь — молодые ребята, не зазнаются, и с ними будет работать куда легче. Сегодня на новом месте уже третий день. Начинаю обвыкаться. А то первое время было очень тоскливо. Жалко было расставаться со своими разведчиками. Ведь я с ними жил, воспитывал их с самых Селец, а вот теперь пришлось уйти. Теперь вроде бы я «маленький начальник», но зато работа более самостоятельная и, главное, спокойная. «Языки» сошли с моей души, не надо теперь беспокоиться о них. Стоим во втором эшелоне. Бывшие мои разведчики все равно лазят за «языком», а у меня спокойно.

На моем месте остался Ярузельский, мой же воспитанник, он все время рос, как разведчик, при мне и возле меня.

Разрешили в СССР послать отсюда посылки. Правильно совершенно. Ведь сколько посылок прислали в свое время сюда фрицы из Украины, Белоруссии, из России, из Франции и многих других уголков Европы. Теперь стоит послать и отсюда. Все равно ведь тут много чего чужого, награбленного.

Погода началась убийственно паршивая. Дожди и ветры. Грязь, болото. Погода такая же дрянная, как и фрицы, жившие здесь, под этим небом. Вся беда только в том, что от этакой погоды достается и нам, грешным. Богуну улыбнулось счастье (недаром он подлиза): он едет в Варшаву, в командировку. Снова встретится со старыми знакомыми, со старыми местами. Как это приятно!

26 февраля.

Закончился только-только и этот день. Несмотря на то, что целый день лил препаршивый дождь, ездил в город Меркиш-Фридлянд. Там все уже растаскано, переброшено, перекатано. Одним словом, «трофеев» не видно. Осталась самая ерунда, и на посылку нечего собирать. Хорошо, что было кое-что из старого, и таким образом сегодня вечером подготовил две посылки Тамаре в Москву. Вторую мне послать нельзя, так попросил поручика Котвицкого послать от его имени Фаине Ильиничне. Вот, видимо, удивится, получив посылку от совершенно незнакомого человека. Объясню ей все письмом.

Вещи послал не особенно ценные, но кто же знал, что можно будет посылать посылки. Не приготовили!

На новой работе куда спокойней, чем на прежней, с разведчиками. Вот и сегодня перед рассветом они ходили за «языком», наделали много артиллерийского шума, прорывались с боем, потеряли людей — и никакого толку. Не повезло. После моего ухода сразу же потери, причем безвозвратные. Это первые потери во взводах разведки нашего полка.

Хорошо, что я теперь не причастен к этим делам. А то как бы болезненно я переносил эту утрату. Тем более что ранены мои старые, еще селецкие разведчики.

Здесь спокойно. Не знаю, как будет дальше, но сейчас — как на отдыхе. Работы больше, зато дергания, суматохи куда меньше. Комбат Журавский — замечательный парень, компанейский, толковый. С таким и хорошо.

27 февраля.

Сейчас глубокая ночь. Сижу в жарко натопленной комнате с хорошей, под белым абажуром (достал в Меркиш-Фридлянде), лампой и пишу письма. Надо же, наконец, снова написать письма своим друзьям. А то ведь как написал на Вавере, так больше и не брался за письма. Кто знает... Через пару дней должно начаться наступление (довольно тщательно готовятся тут, в обороне) и тогда — когда напишешь? Будет ли время...

За дверьми — штаб батальона. Телефонисты отвечают: «Да, я — "рыба"...». Оказывается, вопреки законам заговорила и рыба.

Снова кончается хорошая, спокойная житуха, и начинается наступление. Сегодня мне сказали, что убит Дидовец. Последний «старичок», помначштаба по разведке. Мы ведь с ним еще из Селец. И вот сегодня где-то на развилке дорог его подкараулил немецкий снаряд. Чтобы ему сдохнуть, фрицу проклятому!

К нам сюда часто заходит «в гости» замечательный капитан-танкист. Нас поддерживает со своими «братками» во время наступления на Шенфельд и собирается нас, «стару пехоту» (его любимое выражение), поддерживать и дальше. Ну, и хорошо! Побольше бы только танков. Фронт роднит людей, делает их давнишними *другами*, товарищами. А здесь дружба особенно нужна. Здесь каждый чувствует себя членом великого коллектива, перед каждым общая цель, общие задачи. И это роднит всех нас. Делает близкими.

д. Рихтерсхоф

1 марта. 00 час. 30 мин.

Только-только началось 1 марта. Всего 50 минут прошло нового дня, первого весеннего дня 1945 года. Закончилась зима, начинается самая интересная, хорошая пора года, воскресает жизнь, природа. Для влюбленных весна — самая лучшая пора года.

Сегодня был замечательный солнечный день, такой, каких давно уже не было.

У нас он прошел в подготовке к завтрашнему наступлению. Завтра наступаем на Шенфельд. Должны мы взять эту деревню, в конце концов!

Вечером приехал с исходного положения, которое должны занять сегодня ночью. Через час подразделения выходят туда, на железную дорогу. А завтра на рассвете заговорит наша артиллерия, оживут минометы, и пехота пойдет в наступление. Для многих из нас завтрашний день будет последним днем жизни. Кому какая судьба!..

Ночь перед боем. Только тот, кто сам пережил эти минуты, может понять, что переживает человек в ночь перед боем. Эти чувства трудно описать, трудно передать. Гонишь от себя всякие мысли, но они настойчиво лезут в голову... Ведь война остается войной, бой — боем.

Снова жаль расставаться с насиженным, теплым помещением, со светом, с уютом. Но что сделаешь! Такова наша судьба, судьба линейных командиров, которые должны активно участвовать в бою, ковать, зарабатывать победу.

Надо отдохнуть хотя бы пару часов, ведь завтра, вернее, через несколько часов — бой.

...Начали с Шенфельда, затем взяли Гросс-Забин, Клайн-Забин, Вирхов, Вийцих и, наконец, сегодня — город Фридрихсхау. Думали все, что будет большой бой за город, тем более что он — важный железнодорожный узел. Но немцы почти не сопротивлялись.

Вот эти дни так действительно настоящая фронтовая жизнь, настоящее наступление и преследование отходящего противника. После долго боя, в котором нам помогали авиация и танки (закодированно говорим «коробки»), овладели деревней Шенфельд. Той самой, за которую дрались уже несколько раз. Когда мы зашли по пятам своих войск в деревню, она пылала в огне, наши танки, вышедшие на противоположную окраину, прямой наводкой расстреливали отходящего противника. Непередавае-

мые чувства испытываешь, когда заходишь по пятам противника на территорию, только-только принадлежавшую ему, а теперь уже нашу. Возле шоссе нашли труп майора Логинова, убитого здесь во время первого наступления, 14 дней тому назад.

Спим очень мало. Прикорнешь маленько где-нибудь *в пивницы* [подвал], в комнатушке, а то и просто, как прошедшую ночь, в поле на соломке, и дальше. Наши, видимо, решили жать немца, не давая ему нигде зацепиться. И правильно решили.

С нетерпением ждали боя за Фалькенберг, готовились к нему. Но сегодня перед вечером после танков вступили и мы сюда. Это уже более-менее приличный городишко. Барахла здесь уйма. Каких только вещей нет.

Штаб батальона развернули в доме городского бургомистра, в солидном, большом доме. Ночью в огороде и за рекой (за которой еще до сих пор сидят фрицы и отстреливаются) возникли пожары. Ночью весь город в огне.

Фалькенберг

...Только что закончил работу и решил черкнуть в дневник. Правда, сосредоточиться мешают телефонисты, бесконечный зуммер (кого-то все время вызывают).

А завтра снова в наступление, снова в бой.

Есть хорошая польская песенка:

Отвуж окенко, слична паненко,
Миле усмехни се,
Утешь ми сэрце свое пёосенко
И дай ми уста свэ.
Венц, чему вахаш се?
Поцалуй пшетеш ми ютро исть в буй...
[*Отвори окошко, прелесная девушка*
Улыбнись приветливо,
Утешь мое сердце песенкой
И дай мне уста свои.
Почему сомневаешься?
Поцелуй, ведь мне завтра идти в бой...]

Хорошая и «сезонная» (для нас) песенка.

9 марта.

Все идем и идем дальше. И не просто идем, а с боем. Немцы остались мелкими группами в лесах, в деревушках, и мы их доколачиваем. Это обходится нам тоже дорого, но немцу достается значительно и значительно больше.

Целые дни проходят или на марше, или в бою. Только к ночи добираемся до ночлега, устраиваемся, топим печки, и «блаженство» тянется так мало. Почему это ночные часы нельзя растянуть?!

Деревни немецкие тянутся часто, а чаще всего встречаем мы фольварки. Крупные, богатые фольварки. Если раньше обитателей в них мы заставали редко, то теперь они попадаются все чаще и больше. Некуда им больше бежать. Куда побежишь, когда кругом «котлы», русские отрезали дороги, и вся эта «свистобратия» вынуждена – «цурюк!» – обратно. Вот когда узнают цену войне, вот когда будут знать, что значит великий русский народ и на что он способен.

Сейчас все эти фрау да гансы принарядились по-бедняцки, нас встречают учтиво, приглашают выпить молока, до раболепия почтительны. Вот до чего дошла «высшая раса»! А ведь еще не так давно эти «сверхчеловеки» и разговаривать с нами бы не захотели. Научим их кое-чему, всю жизнь теперь должны благодарить за науку и десятому поколению закажут не лезть в Россию. И закажут!..

Вчера вечером нам дали карты, на которых половину листа занимает Балтийское море. До него оставалось совсем пустяки. Но через пару часов изменилось все. Снова куда-то ушли за день в другом направлении. Куда идем? Кто его знает. Может, на Одер. Он близок, а потом Штеттин [Щецин], важный город, который, безусловно, стоит на очереди наступательных наших операций.

Одним словом, *цось воно буде* [как-то оно будет – польско-украинское].

Погода стоит убийственная. Не похоже на март. Снег, ветер, холод. Простудился основательно и теперь приходится бедствовать. Скорее бы приходила весна, солнце, тепло! Нашему брату все бы легче было.

Надо ложиться. До рассвета осталось немного, а потом снова уходим.

12 марта.

«Желудочная» болезнь меня окончательно доконала, и пришлось слечь в санитарную часть. Здесь после всяких манипуляций стало легче. Сейчас вот жду бричку, чтобы ехать обратно в батальон. Только что из штаба вернулся врач и сообщил, что сегодня все наши пошли в наступление. Здесь, в санчасти, готовятся к приему

раненых. Вчера принимали тоже. Окружили здесь около восьми немецких дивизий, рассекли их пополам и сейчас молотят. Прижали к Балтийскому морю. Наш батальон, например, остановился в двух – двух с половиной километрах от Балтики.

Ездили разведчики от нас и видели море, широкое море. На рейде стоят немецкие корабли и ведут огонь по нам, по частям Красной Армии, наступающим впереди нас.

Итак, мы вышли к Балтийскому морю. Дыхание моря, леденящий ветер чувствуются уже очень хорошо. Теперь только остается отвоевать у фрицев крейсер и прямым сообщением дуть в Ленинград. Самый короткий путь.

В доме, где находится санчасть, живут беженцы. Есть из-под Львова, есть из Черниговщины. Мои земляки. Немцы три года тому назад насильно увезли их сюда, в Германию, а теперь они возвращаются на Родину, домой. Очень довольны, что наконец-то кончилась неволя и скоро снова будут в родимых краях. Когда-то и я попаду в свои родимые края? В доме нашел Lebenslauf, автобиографию некоего Йохана, пост-штурмбанфюрера. Между прочим, он, как свою доблесть, как момент, положительно характеризующий его, приводит тот факт, что убил коммуниста и за это был присужден к тюремному заключению (это произошло еще до войны). Этот ярый фриц знает, чем похвалиться, чем сыскать уважение к себе у гитлеровских головорезов.

Где сейчас этот бандитствующий Йохан? Почему сейчас он не хвалится своими «боевыми подвигами»?

Деревни здесь очень благоустроены. Мало разницы между городом и деревней. Хозяйство поставлено хорошо. И чего только надо было этим прохвостам? Чего им не хватало?

Теперь будет им тяжело отвыкать от всех этих удобств, от этой роскоши. А надо научить их жить, показать им горе, настоящее горе, которого они, эти откормленные, сытые твари, еще, видимо, не знают. Теперь только вот начинают чувствовать. Вот им куш! Получайте! Сами ведь хотели!

Климат здесь паршивый. Сырой. Правильно кто-то заметил – похож на ленинградский. Простудишься в два счета. Всему причиной море.

А ландшафт похож на белорусский. Когда ехали сюда, то мы с одним белорусом говорили, что здесь совсем как на Полесье, где-нибудь в Гомельской или Полесской области. Приехал Юзик. Нужно собираться к своим. Проститься с врачами – и ехать воевать.

13 марта.

Наших на месте уже не было. Ушли дальше. Пересел на «попутную» кухню — и начал догонять своих. Они только-только заняли новую деревню. Совсем недалеко от моря. Вчера в этой деревне разыгралась трагедия. Только заняли ее русские — и вдруг нахлынули на них немцы. Несмотря на то что косили их, как снопы, немцы, пьяные, шли волна за волной, напролом. Красноармейцы отстреливались до последнего патрона, вступили в рукопашную схватку, дрались лопатами, но ничего не могли сделать с противником, во много раз превосходившим по численности. И начали уже драпать. На счастье, подоспела наша пехота. Минометы открыли очень меткий чувствительный огонь, и волна была остановлена. А затем (стоило только остановить!) и рассеяна.

Фрицы побежали. Положение снова восстановилось.

Сегодня получил зарплату за январь. Почти все отослал Тамаре Немцовой, в Москву. Ну, а что мне делать с деньгами? Не носить же их в кармане. А потратить здесь не на что.

Дивное время настало. Прямо полный коммунизм. Надо тебе, скажем, корову,— иди, бери, надо костюм — пожалуйста, надо нижнее белье первейшей категории — и искать долго не нужно... Чего только нет! Вчера на кухне Фурман, этот бесхитростный, простой, рабочий человек, видавший в своей жизни много горя, тоже «философствовал»: «И чего это,— говорит,— немцу понадобилось, чему ему не хватало при такой жизни, надо было ему еще войны...». Старик по-своему прав. Чего немцу не хватало? Вот и сейчас темная-темная ночь наложила ему, сукиному сыну, по десятое число. Так нет же — еще вот огрызнулся огневой налетчик, сыпанул где-то близко. Видать, ему еще мало сотен деревень, отданных нам, гор трупов, набитых нашими славными артиллеристами. Хочет еще. Ну, что ж получит и еще!

Мы совсем вышли к морю. Маховиков сегодня уже со своим батальоном занял оборону по берегу моря. Не так давно здесь отдыхали, предавались веселью сытые фрицы и фрау, курортничали здесь, набирались жиру, а вот сегодня и «отныне и навеки» наши солдаты зарылись в землю, хозяйничают здесь, поперли отсюда фрица.

Ночуем мы совсем по-барски. Забираемся в фрицевский *майентек* [имение], производим уборку, натапливаем, доста-

ем себе перины и живем на славу. Не хуже, чем где-нибудь дома.

д. Раддак
близ г. Каммин, устье р. Одер

14 марта. 21 час. 30 мин.

Совсем хмурое, тоскливое утро. Мелкий, паршивый дождик моросит. В Германии плохой климат...

Впрочем, может быть (и наверняка!), были и исключения. Вот фотография какой-то девушки. Молодая, в спортивной форме. Стройная, стоит под развесистым древом, среди низко клонящихся зрелых колосьев. И улыбается. Кому улыбается? Может быть, какому-то фрицу, который «храбро сражается» на Востоке, добывает для нее, этой сытой немки, «жизненные пространства»? Здесь же им было тесно! А вот и они сами — откормленные фрицы, нарядившиеся в мундиры. Расставили ноги, заложили руки за спину. С «непобедимым» видом стоят возле казармы и думают о покорении Вселенной. Так было несколько лет тому назад. Хотелось бы увидеть эти морды сейчас, в 1945 году. Как-то они выглядят сейчас?

Целую ночь через нашу деревушку Раддак ехали союзники. На море встали твердо и бесповоротно. Не скоро немцы вернутся сюда, если вообще когда-нибудь вернутся. Вчера ночью приехали наши разведчики, говорят, что кругом и везде — русские. Читал донесение, подписанное лейтенантом Зозулей. Попал и он, братишка, сюда. Наш украинский Зозуля дошел в Германию и теперь здесь хозяин. И где только еще ни побывает Зозуля? Кругом пройдет. На то он и наш человек!

Недолго, видимо, протянется эта война. Стихнут залпы, и снова начнется мирная, хорошая жизнь. Дожить бы только до нее!

Сейчас вот, перед самым вечером, началась свистопляска. Оставшиеся на полуострове (между заливом Дивенов и озером Фридцовер-зее) немцы вздумали идти в контратаку. Совсем недалеко, в каком-нибудь километре, идет жаркий бой. А наши 120-мм «самовары-самопалы» во дворе лупят так, что последние остатки стекла в раме звенят и грозят вот-вот вывалиться. Майор говорит, что в контратаку идут власовцы. Сукины сыны!

Но ничего, все равно море наше!

— Что с бою взято, то свято! — говаривают наши бойцы и командиры. Они знают цену земли, отвоеванной у врага.

Артиллеристы сказали свое слово. Замолкли. Теперь слово за пехотой. Море надо удержать. Ведь недаром мы шли сюда столько дней и ночей, шли по раскисшей от дождей, изуродованной земле. Шли сюда, на север, где в белесой «пелене тумана» лежат берега Балтийского моря. Укрепления врага обходили. Немцы оставались у нас и справа, и слева, но все же основная задача выполнялась. Шли на север, шли к Балтийскому морю. Шли танки, шли артиллеристы со своими грязными, но грозными пушками, шли и пехотинцы, подоткнув полы шинелей за ремешок, шагали труженики-солдаты к туманному морю, оставляя позади Померанский вал. И дошли! Дошли!..

Наступление продолжается. И коридор, пробитый к морю, с каждым днем расширяется. Ветер победы бьет нам в лицо, ветер победы развевает наши знамена.

В «Известиях» есть хорошая статья Т. Тэсс «Рядом с нами». Там фронтовик пишет своей любимой: «Прости меня, но ты прислала такое хорошее письмо, что я прочел его вслух товарищам. Мне было совестно оставить только для себя эти умные, добрые и дорогие слова, я хотел, чтобы и товарищи узнали о том, какой ты настоящий человек — быть может, у них нет никого, кто писал бы им такие письма. Не сердись, мы прочли его вместе, я разделил эту радость с товарищами, как делятся хлебом...».

То же самое, что и я мог бы написать Тамаре, когда она прислала мне перед Новым годом такое же письмо.

д. Раддак

15 марта.

Сегодня хороший весенний день. Тепло, ярко, светит солнце. Во дворе важно расхаживают петухи, телята резвятся. Чудные! Они и не знают, что кто-нибудь в это время стоит и облюбовывает, кого бы из них первым отправить в котел.

Все разъехались. Мы с Юзиком готовим посылки. Посылаю в Москву, Тамаре. На этот раз, если только получит, то будет рада. Богатые посылки. В такое время получить богатую посылку! Пускай и наши в далекой России поносят эти платья, блузочки, шлафроки из Германии.

Приезжали Фомин и Ярузельский. Сегодня Фомин, видимо, в хорошем расположении духа. Приехали с моря. Говорят, что на берегу много разбитых машин, немцы побросали. Так стремительно удирали.

Оставшихся цивильных фрицев собирают на сборные пункты, будут куда-то отправлять в глубь. Очень правильно и хорошо. В Сибирь их отправить на лесозаготовки или в Кара-Калпакию на обработку хлопка! Пускай поработают, пускай узнают, какова жизнь настоящая, трудовая! Всех их, чертей, туда, чтобы восстанавливали то, что их живоглоты разрушили, сожгли, поломали. Пускай восстанавливают и проклинают день, когда они родились немцами.

Командир полка собрал всех портных, поваров, конюхов и поставил в строй, в стрелковые роты. Очень хорошо. Пускай, хоть под конец, но повоюют эти тыловики, пускай отведают передовой. Каково-то им сейчас после кухонь, после тишины и спокойствия тыловых деревень, после тыловых повозок!

Как себя чувствуют теперь вот немцы, эти представители «высшей расы»? Теперь, когда их хваленая армия сотнями сдается в плен и умоляюще выпрашивает кусок хлеба, когда взорванные немецкие доты, сожженные танки, разбитые орудия, брошенные впопыхах лимузины, папки с секретнейшими документами, личные вещи давно уже стали неотъемлемой частью, будничной деталью немецкого пейзажа. Вот когда они вспоминают о тех днях, когда они мечтали стать «властителями мира», гулять по Москве. А сейчас все повернулось вспять. Сейчас над многим можно подумать немцам. Есть над чем призадуматься.

д. Раддак

16 марта.

Такая уж наша жизнь цыганская. Перед вечером — приказ: со всем хозяйством перебазироваться дальше в тыл. За 15 минут собрали все свои пожитки — и бьем челом! Кто-то шутит: «Если потребуют партия и правительство, то мы и в Ташкент можем поехать...».

Ну, нет! Нам надо дальше, вперед и дальше. Наше наступление закончится в тот самый день, когда закончится война, а война закончится в тот самый день, когда кончится Германия, когда кончится последний немец. Правда, эти балаганные шуты прикидываются невинными овечками. Они вывешивают наши флаги, они нам низко кланяются. Пусть гады заискивают, мы знаем цену всему этому. Презренные комедианты, они забыли 22 июня, они забыли развалины Чернигова, кровь Сталинграда. Но мы-то ничего не забыли! И не забудем.

Разве можно простить то, что еще и теперь, здесь, в Раддаке, когда к ним в плен попали русские раненые бойцы, эти профессиональные убийцы отрезали им уши, выкалывали глаза. Такого не прощают. Не человек тот, кто жалеет убийцу! Можно отойти от вспышки гнева, но нельзя отойти от ненависти к палачам. Прав Илья Эренбург, когда пишет так.

Наша дорога — дальше, на Штеттин, на Германию. Разворотить всю берлогу!

К нам в батальон пришел подпоручик Погожельский. Наш старый служака, еще из Бердичевщины. Хорошо встретить старого знакомого, теперь будем вместе.

На новом месте устроились тоже неплохо, с комфортом. Так еще можно воевать! Со всеми удобствами. За эти дни написал много писем.

д. Рамсберг

17 марта.

Прожили еще один день в тишине и спокойствии. На положении отдыхающих. Так хорошо жить. Сколько еще побудем здесь — неизвестно!

В эти дни написал много писем. Надо разделаться со всеми долгами, а то начнутся бои, и не будет времени.

«Нынче у нас передышка, завтра вернемся к боям!» — так поется в одной песенке.

Многих оформляют к награждению. Говорят, что к награждению русским орденом представили и меня. Выйдет ли только что-нибудь? Уже сколько раз отправляли документы, и все напрасно. Начальство не очень-то торопится с награждением. Зато оно «самонаграждается» без стыда и зазрения совести. Где-то в «начальствующем» тыле в десять раз скорее получают ордена, чем мы здесь, непосредственно на фронте. Так было и так, видимо, будет!

Войска маршала Жукова подошли вплотную к Штеттину. Недалеко от нас. Видимо, вот-вот возьмут. Готовятся к броску и собираются с духом, а тогда Штеттину «капут».

На восстановление Варшавы собирают деньги. Народ наш солдатский дает много денег. Патриоты большие.

Сегодня в кустах поймали одного фрица. Шесть дней сидел там, прятался и ждал, когда его заберут в плен. Дождался!

Надо еще написать письма и ложиться спать. Теперь хоть отдохнуть.

д. Рамсберг

20 марта.

Несколько раз вечерами хотелось взяться за дневник, но потом откладывал на следующий день, а потом уже снова не было времени. И так тянулось. Живем мы теперь хоть и «без войны», но работы уйма. Недаром солдаты тоже говорят: «Скорее бы начинался бой!». Надоедают всевозможные комиссии-перекомиссии, адмпровы [административные проверки], совещания, бесконечное подметание и насыпание дорожек. Одним словом, вся эта тыловая дребедень. Вот у союзников как-то мало занимаются этой чисткой, *спшонтанием* [уборкой].

Погода стоит исключительно мерзкая. Дожди и ветер, ветер и дожди. Конец марта, а весны совсем и не видать. Ночью летают фрицы. Все еще никак не могут успокоиться.

О чем думают в эти последние ночи зимы, в эти последние ночи Германии вчерашние «покорители мира»? Они ведь знают, что дело закономерно идет к концу. Фашистская Германия осуждена за неслыханные преступления. И приговор теперь приводится в исполнение. Наши цели просты и ясны, как воздух, как вода, как весна. Мы пришли в Германию, чтобы ее укротить. Мы пришли в Германию, чтобы наказать тюремщиков и чтобы освободить заключенных. Мы пришли в Германию, чтобы с фашистами покончить. Развязка созрела, развязка наступает.

От Тамары Немцовой из Москвы получил письмо. Хорошее, чувственное письмо, способное заставить волноваться. Между прочим, она пишет: «...теперь, когда я думаю о тебе и вспоминаю краткую историю нашего знакомства и наших встреч, я все больше и больше прихожу к убеждению, что, в сущности, мы были совсем чужими и совсем не знали друг друга. И наша близость, факт существования которой мы, конечно, не станем отрицать, родилась из писем редких, кратких, но всегда искренних. И я знаю, что, окажись ты в тяжелом положении и потребуется тебе моя помощь, нет такой вещи, которой бы я для тебя не сделала.

Иногда мне бывает страшно, что из тупой, эгоистической и мелкой гордости скроешь от меня, если с тобой что-нибудь случится. А я хочу, чтобы ты поверил в искренность моей дружбы и моего желания быть тебе полезной. Я хочу, чтобы ты знал: куда бы ни лежала твоя дорога, а все они идут теперь через Москву, ты всегда можешь задержаться в Москве, и всегда тебе будут очень рады.

Мне кажется, что душа человека — это многогранник, и в каждой есть подобные стороны. И очень важно при встрече соприкоснуться этими подобными сторонами, тогда наступает понимание и близость. Я же всегда натыкалась на всех углами и поэтому так редко схожусь с людьми. Так было и в отношениях с тобой, но, мне кажется, было достаточно повернуться нужной стороной (несмотря на мои слабые знания геометрии)...».

Собирался ей ответить сразу, но ответить как-то много, чтобы и она поняла все то, что волнует мою душу. Но это трудно описать, непосильный труд. Тянул два дня — оказалось, не под силу. Придется сегодня все же написать, что удастся и что выйдет. Собрался с духом.

22 марта.

Живем совсем как на даче. Прошедшей ночью сменили часть Красной Армии и заняли оборону в лесу, на берегу Балтийского моря. Кругом нашего КП красивый лес, с лесными тропинками, ярами, лощинами. Пройдешь метров триста — и берег. Высокий берег, а внизу, беспрерывно шумя, бьются о берег волны. Можно часами сидеть на берегу, среди зеленых деревьев, и любоваться на море, на волны, набегающие на берег одна за другой.

Ночью светила яркая луна. Я специально вышел полюбоваться морем. Красивое зрелище. Под лунным светом море переливалось непередаваемыми оттенками. Днем специально ходил с товарищами посидеть над морем. Стреляли по морю. Изредка на горизонте виднеются трубы проходящих крейсеров. Куда они плывут, в какие дали?

Домик наш затерялся в густом лесу. Таком темном, как только что посаженная мною в дневник клякса. Подсунули вместо чернил какую-то мастику. Ну, и писаря пошли! На упаковке большими буквами написано «Kalkberg-Förstrei». Говорят, что здесь для «пляжившейся» буржуазии было что-то вроде ресторана. Огромные комнаты с террасой.

Вечером вчера при приеме участка наши «продавцы» устроили нам вечер-ужин. Хорошая фронтовая товарищеская обстановка. Такая, какая может быть только в Красной Армии. По-пролетарски, дружно и весело выпили, спели песню, а затем с жалью разошлись: мы остались, а они — на Берлинский плацдарм.

Фрицевские самолеты обнаглели: летают почти над самыми макушками деревьев, стервецы.

На чердаке наши нашли фотоснимки домика, где мы находимся, виды моря, и вот сегодня шлют домой. Нате-ка, мол, полюбуйтесь!

Завтра «рано, чуть светочек» надо ехать на семинар в дивизию, на три дня. Вот взялись нам вколачивать в головы всевозможные науки.

д. Калькберг

2 апреля.

Свои «ученые дни» в дивизии давно уже закончил. Ну, и живут там — как в глубочайшем тылу. Так можно «воевать» еще десяток лет. Устроились в каком-то палаццо немецкого генерала — и благоденствуют. За три дня, которые побыл там, жил какой-то особой, «тыловой» жизнью.

Приехал обратно в свой Калькберг, снова к морю, к выстрелам, к передовой.

На этих днях присвоили звание капитана. Итак, стадию поручика уже пережил. Первое время кое-кто называет капитаном, кто-то — еще по-старому. Народ тоже не привык. Когда теперь получу майора? Черт его знает. И где это будет?

Мы все еще сидим на старом месте, в обороне. И, судя по некоторым признакам, засели здесь основательно.

Вчера праздновали Пасху. Днем приехал к нам театр. В кои веки увидели живых девушек. В кои веки потанцевали с ними. Но, увы! Они были весьма недолго, покрутились-повертелись — и уехали, а мы остались снова одни, со своими планами, схемами, контролями и беспрерывными комиссиями.

От Тамары получил письмо. Такое же, как всегда, хорошее, прочувственное.

Вечером ездил к разведчикам, поговорил с ними об их житье-бытье, вспомнили Прагу и Вавер — золотые денечки. С Ярузельским говорили, что...

...Мы с тобою писем ждем крылатых,
Вспоминаем девушек знакомых.
Это ничего, что мы, солдаты,
Далеко теперь ушли от дома.
Тишины в сраженьях мы не ищем
И не просим отдыха на марше.
Это ничего, что мы, дружище,
За войну с тобою стали старше.

Наши ясноглазые подруги
Над письмом не спят сегодня тоже,
Это ничего, что мы в разлуке,
Будет встреча нам еще дороже.
Будет снова небо голубое,
Будут снова в парках карусели.
Это ничего, что мы с тобою
До войны жениться не успели.

У нас теперь организовалось что-то вроде оркестра, и вечерами устраиваем нечто похожее на концерты. Все веселее.

Ночи темные, темные. И идет дождь. В такие ночи гляди в оба. Немец недалеко. То и дело постреливает на левом фланге: дает о себе знать.

В деревне Люхентин нашел в домике тетрадку, видимо, оставленную русским солдатом или офицером. В ней много стихов и текстов песен, в том числе и фронтовых, сочиненных наспех, но имеющих хорошие слова, отражающих хорошие мысли.

Там записана и «Ночь светла»:

Ночь светла, над рекой ярко светит луна,
И блестит серебром голубая волна.
Темный лес, а в тиши изумрудных ветвей
Звонких песен своих не поет соловей.
Под луной расцвели голубые цветы,
Они в сердце моем разбудили мечты.
Через горы лечу, твое имя шепчу,
В эту ночь о тебе все, мой милый, грущу.
Милый друг, нежный друг, ты, как прежде, любя,
В эту ночь при луне вспоминай обо мне.

Помню, как эту песню пела в Ташкенте Черкасова. Давно это было, еще в начале войны.

4 апреля.

Дождь немного утих, но ветер не прекращается. Волнуется море. Видимо, скоро придется с ним прощаться. Так чувствуется. Куда дальше? Кто может сказать? Здесь ли на какую-нибудь частную операцию или в общее наступление на Берлин? Жалко будет расставаться с морем.

Хорошо ночью при луне выйти в лес, на берег, думать без дум, разговаривать без слов. А иногда приходит мысль отгадать свое туманное грядущее. Для этой цели, как матрос Рыбаков

из «Кремлевских курантов», выбрать себе звезду по своему вкусу, звезду военную, то есть Марс, и решить так: « Если без труда найду Марс, значит — да; если не найду — то нет».

И тогда с тоской и истинным волнением хладеющего сердца искать на склоне неба звезду Марс — и не найти... Потому что иногда кажется, что и самый Млечный Путь переменил свое местоположение относительно той точки земного шара, в которой ты находишься.

Броня из Ташкента прислала письмо. Между прочим, пишет: «...Я думаю, у вас там все сравнительно дешевле, чем у нас». Да, действительно. Жизнь у нас даже очень дешевая: надо корову — бери, надо поросенка — бери. Сколько добра ходит по полям, по лесам. Сюда бы прислали хороших хозяев, привели бы, двинули в *рух* [движение] все это огромное хозяйство, извлекли бы колоссальную пользу.

Жизнь у нас идет своим чередом: занимаемся, планируем, чертим схемы, планы, ждем чего-то нового, проверочных комиссий. Улучшилась немного погода. И все.

Кто-то сказал, что будем скоро сеять. У нас шутят — организуем колхоз, начнем хозяйничать. Уже и распределили должности: мне — быть главным бухгалтером, а Журавскому — председателем колхоза.

Начал дружить с Погожельским. Хороший, культурный парень. Люди познаются по огромным историческим событиям, которые они совершают; но люди познаются и гораздо проще — по их личной, единственной жизни со всеми ее делами, и часто может оказаться, что в маленькой судьбе одного человека отражается судьба великого множества людей, хотя каждый из них, из этих людей, будет не похож один на другого.

Убит Гурняк. У него нашли тетрадку с песнями. Среди них много хороших. Вот:

С далекой я заставы,
Где в землянке и дом и скала,
Где парень пел кудрявый,
Ту песню запомнил я.
Играй, мой баян,
И скажи всем друзьям,
Отважным и смелым в бою,
Что, как подругу,
Мы Родину любим свою.

Таких, как наши песни,
В других я местах не слыхал
И девушек чудесней,
Чем наши, не встречал.
Играй, мой баян... и т.д.

Или вот другая:

Вечерами темными и ночами лунными,
Под тенистой липою в парке над рекой
С девушкой чудесною шел с гитарой звонкою,
Песни пел хорошие парень молодой.
Там, в лесу, у озера, вдалеке от Родины
Он ночами лунными мирится с судьбой,
А любимой девушке больше он не нравится,
Ей теперь понравился немец пожилой.
Девушки хорошие даже и не думают,
Что, когда за Родину вспыхнул жаркий бой,
Что за них, за девушек, в первом же сражении
Кровь прольет горячую парень молодой.
Есть такие девушки — скромные и милые.
Встретишь эту девушку, сердце заболит.
Как такую девушку, друга и товарища,
Как такую девушку крепко не любить?
Знаю я, любимая, ты шинельку серую
На плечи накинешь мне, провожая в бой.
Скажешь: «До свидания, жду тебя с победою,
Возвращайся, милый мой, парень молодой».
Там, на том на береге, за широкой Волгою,
Где погиб за Родину молодой герой,
Только ветры буйные развевают волосы,
Будто бы любимая теребит рукой.

д. Калькберг

5 апреля.

Только-только начался сей день. Недавно перевалило за 24 часа. Штаб наш в Калькберге. На диванах, на полу спят наши. На одном столе пишет письма старший гонец Павловский, на другом, обставившись тремя лампами, — я. Письмо только что закончил. Конечно, Тамаре. Письмо от души, письмо о моих сомнениях относительно Гриши. Брат он ей или муж? Неужели и Тамара не для меня? Приехал Гриша — и все. Все — Грише.

Оперативный в другой комнате дотошно расспрашивает по телефону у НП о том, как «ведут себя» на море подошедшие еще с вечера корабли. Ночь темная-темная, ветреная.

Только что к телефону меня вызвал капитан Фещенко и предупредил, что днем должна быть армейская комиссия, нужно готовиться. Нужно, а то из-за какой-то ерунды, из-за не пришитой пуговицы получим разнос. Они, армейские штабисты, отсиделись в тылу, а теперь, когда все спокойно, вылезают сюда и проявляют «кипучую энергию». Приехали бы тогда, когда наступали на Шенфельд или Клайн-Забин. Тогда небось не было никого!

Нашел альбом какой-то «благородной» немецкой семьи. Сытые, откормленные (на чужих хлебах) над морем, на пляже, на дачах.

Вот замечательная, в готичном стиле, ратуша в Штеттине. Посередине куполообразная башня, вся в деревьях, с элегантными перилами, сходами. Скоро, скоро на этих сходах, у этих стен будут наши войска, войска-победители. Это будет наш город! Рано или поздно, но будет наш.

Из Каммина Юзик привез много трофеев, все в посылку. Богатые вещи. Не одним только фрицам их носить. Пусть и наши «фрау» поносят. Не хуже их.

Приезжал Малиновский, полковой инженер. Хороший он человек, компанейский. Рассказывал, что послал жене золотые часы (как еще раньше у них было условлено), в залог за будущего сына. Побалагурил, рассказал о своей житухе и поехал в Мюхентин. Красивая деревушка, дачная, с большим рестораном.

Днем написал немножко писем. Снова написал в Москву Тамаре. Вот когда получит от меня много писем!

Все поговаривают, что к маю кончится война. Дожить бы до этого счастливого дня. Увидеть нашу окончательную победу. Сколько людей мечтало об этом же и столько не дожило до осуществления этой мечты!

Ходим на море и долго смотрим в бинокли на медленно ползущие корабли. Они идут на запад один за другим. Тройка. В одном месте выпорхнула какая-то «птичка», правдоподобно — труба перископа подводной лодки. Тем более что несколько раз эта труба сигнализировала идущим кораблям. Пролетел над морем также наш самолет, зашел два раза над косой. Немцы открыли пальбу из пулеметов. Бодрствуют, черти. Медленно-медленно корабли скрылись за горизонтом. Куда они держат путь? Где они пристанут? И откуда они? Откуда — и куда?

Кулеша рассказал, что Эрна прислала ему два письма. А вот мне-то и не напишет. Кулеша, оказывается, для нее более свой человек. Ну, и пускай. Черт с ним! А он ей даже не ответил. Парень он забывчивый, молодой. Разлюбляется так же скоро, как и влюбляется.

д. Калькберг

6 апреля.

Все ждем-ждем комиссии «*с самэй гуры*» [с самого верха] и никак не дождемся. Хуже всего такое ожидание. Приехали бы, отругали бы (все равно никогда не похвалят!), и на этом конец.

Многие говорят, что скоро отправимся в Варшаву, даже говорят, на сколько дней рассчитан марш. Варшавянки тоже пишут, что каждый день ходят к поезду встречать нас. Раз говорят, то что-то должно быть. Куда-то поедем. Не верится мне, что в Варшаву, скорее, на Берлин. Куда же все-таки? В ближайшие дни станет известно. А пока ждем. Чего-нибудь дождемся. Так ведь всегда бывает.

Кухарчик и Погожельский устроили «актуальную передачу». На второй этаж вытащили граммофонную трубу, вставили ее в окно и передают «Последние известия». Вчера передавали: «Капитана Гуневича просят зайти в комнату матери и ребенка». Совсем как на Рязанском вокзале. Остроумный также получился «Бюллетень рольный», посвященный *пшебегу* [началу] посевной кампании. А вечером был «большой концерт» тоже своими силами. Читали коллективно статью Ильи Эренбурга «Весна». Да, для нас идет настоящая весна. Хорошая весна. Для немцев — последняя весна. Берлин и сам фюрер попали в «котел», который, рано или поздно, но выкипятят.

Это дописываю уже далеко от Калькберга. Думал, еще что-то напишу там, но не вышло. А мы — вышли в путь.

10 апреля.

Всё идем и идем. «Мы стремились на юг и на юг». Наш милый Калькберг постепенно бросили. Ночью шли в одном направлении, а затем повернули назад и теперь каждую ночь движемся строго на юг. Совершенно очевидно, что Варшавы нам не видать. Все эти разговоры — буйда. Терялись в догадках: не на Штеттин ли? Но сегодня видно, что нет, так как после сегодняшнего марша Штеттин остался вправо. Значит, идем на Берлин. Это несомненно. Впереди — Берлин! Кто-то пра-

вильно заметил, что наш путь в Варшаву лежит через Берлин. Это сказано, как видно, не без основания.

Как бы оно там ни было, но начали движение по немецким городкам и селам, а днем отдыхаем в лесу.

Сейчас вот стоим в лощине в лесу недалеко от деревни Колов. А ночью снова марш, только что на карте прочертил маршрут: Глин, Кортенхаген, Зинулов, Гарден, Клайн, Шенфельд, Борен — и к 4.00 завтра сосредоточиться в районе Розенфельде. Проходить нужно по лесам, через много речушек, минуя озера Глин-зее и Гроссен-Вольтинер-зее. Надо предполагать, что скоро будем форсировать Одру, или Одер, как называют немцы.

Скоро ли доберемся до Берлина? Вот вопрос! То, что происходит сейчас здесь с Германией, знаменует собой торжество справедливости. Немцы посеяли ветер — они пожинают бурю!

11 апреля.

Марш продолжается. Ночью снова пришли и остановились в каком-то лесу. Очень хотелось спать. Под сосной расстелили соломы, постелили кожухи, накрылись одеялами — и спали до полудня. А затем пригрело солнышко, стало тепло и радостно на душе.

По дороге, что возле нас, все время шумят красноармейцы, движутся военные повозки. Часть 2-го Белорусского фронта освободилась от Данцига и теперь соединилась вместе с нашим 1-м Белорусским фронтом. Рокоссовский пришел на помощь Жукову. Будем вместе двигаться на Берлин.

Днем на велосипедах с группой офицеров проскочил в соседнюю деревушку Розенфельде. Там стоят русские подразделения. Два дня назад пришли из Данцига на небольшой отдых. Мы взяли своих музыкантов и в деревне, на площади возле кирхи, устроили танцы. Я танцевал с какой-то лейтенантом медицинской службы. Замечательно танцует. Пойдем через два часа дальше. Штенов, Гросс-Шенфельд, Зельхов, Едерсдорф предстоит нам проехать.

У каждого русского бойца, не говоря уже о командирах, много орденов, медалей. А у нас — ни хера. Наше начальство не особенно-то беспокоится о награждении. А если и дают, то дают бумажку. Многие об этом говорят. Скверно это! Сами получают ордена, а нам — хрен. Как будто мы и не воюем! Нам просто неудобно появляться среди русских офицеров.

Лес, 1 км севернее д. Розенфельде

13 апреля.

Снова вперед. Прошли Веддель (заброшенную деревню в красивой лощине), Подикендорф, Вольтерсдорф, Гудон, Мюгенбург. Остановились в лесу возле речушки Шлиббе. Всего три километра осталось до Одера. Слышно, как там идет бой. Все время над нами кружат самолеты. Благо, наши. Хорошо, что сейчас уже весна. А вот если бы пришлось по этим лесам сидеть зимой...

У нас все же обстановка может характеризоваться лаконичной оперсводкой: «На фронте существенных изменений не произошло». Но это так называемое затишье много значит — то затишье перед грозой. Именно в период сравнительного затишья на фронте будущего прорыва исподволь накапливаются силы, аккумулируются воля и энергия наступающих войск, неуклонно и верно подводится к переднему краю и заносится над головами врагов гигантский молот прорыва. Грандиозный размах предстоящего наступления, который хорошо ощущается всеми нами в наступающей армии, повышает чувство ответственности.

Столько дум и размышлений связывается с предстоящей битвой! Ведь мы идем в логово врага, мы начинаем завершающую битву. Немцы долго не выдержат. Мне кажется, что развязка наступит значительно раньше, чем многие из нас предполагают.

«Гневное дыхание наших орудий доходит до Берлина,— пишет Илья Эренбург,— и зондерфюреры Нежина, коменданты Мозыря или Бобруйска, печные мастера Майданека и Тремблинки говорят: “Кого угодно, только бы не русских!”». Немцы кончаются, как воришки, попавшие в облаву. Будет вскоре и Берлин. И май в этом году будет действительно наш!

От Жени из Федорков получил письмо. Пишет, что папа сильно постарел, обижается на меня за то, что мало пишу. Это правильно! Оля живет в Киеве, имеет ребят. Ее адрес: г. Киев, ул. Саксогонская, 44, кв. 31, Ольга Васильевна Варварецкая. Нужно ей написать.

Прислала письмо также Эрна из Варшавы. Пишет, что сидят за праздничным столом, вспоминают и очень жалеют, что меня нет. А я разве не жалею! Но куда денешься. Такова уж наша судьба. Теперь, по всему, все дороги ведут только через Берлин. Сначала Берлин, а потом все остальное. Вот форсируем последнюю реку Одер — и тогда пойдем. До Берлина ведь от нас сейчас всего 60 километров.

Лес, 0,5 км ю.-з. Мюггенбурга
(недалеко от г. Цеден).

14 апреля.

К концу вчерашнего дня приказ: сменить русских и занять оборону над Одрой в деревне Альт-Мицегерих. После рекогносцировки приступили к «купле» участка. Устроили в квартирах. Наконец-то снова поживем хоть пару дней под крышей.

Но вечером новый приказ: приостановить прием и выходить в лес, еще ближе к Одре. Жалко, но что поделаешь. «Продаем» оборону старым хозяевам, а сами собираем свои манатки и едем дальше. Купля-продажа не состоялась. В деревне симпатичный комендант — русский старший лейтенант. Успели быстро с ним подружиться. На фронте быстро знакомятся. Фронтовая семья — хорошая, дружная семья.

По дороге обстреляли из-за Одры немцы. Услыхали по шоссе движение обоза. Пришлось пару раз залечь в канаву, в кювет возле шоссе.

До Одры совсем-совсем близко. Видно, как на той стороне с имеющегося плацдарма подразделение Красной Армии и нашей 3-й дивизии начали наступление и поперли немцев. Дальше, к Берлину. Вечером, видимо, перейдем Одру и мы. Похоже на это.

Кольцо вокруг Берлина сжимается.

Гудит под ногами
Чужая земля.
Шумят под ветрами
Чужие поля.
Трещит черепица
От наших сапог,
Пылают зарницы
У черных дорог.
Лежат на дорогах
Чужие тела.
И ночь на дорогах
От света бела.
Нам мало осталось —
Мы много прошли.
Мы всякую жалость
В огне погребли.
Днепровские травы,
Руины Ельца,
И пепел Полтавы
Стучит нам в сердца.

Распятый Крещатик,
Чернигов в огне...
Нет немцам пощады
На их стороне!
Здесь запахи тленья
Над лесом дрожат,
Немецких селений
Руины лежат.
Товарищ, ты слышишь,
Как ветер поет,
Как пламя от крыши
Летит в небосвод?!
В лесах под Смоленском
Дубы шелестят;
В земле деревенской
Товарищи спят.
На тихом погосте,
Над сонной рекой
Их белые кости
Стучат под землей.
Кто клятву забудет?
Кто мертвых предаст?
Кто память о людях
Забвенью отдаст?
Святую расплату
И праведный суд
К Берлину солдаты,
Как знамя, несут!
...Шумят под ветрами
Чужие поля,
Горит под ногами
Чужая земля!

20 апреля.

Эти дни — самые интересные. Как рванули немцев из-под Одры, так идем и идем. Только не простой прогулкой, а с боями. Да еще с какими боями! Под одной станцией дрались три дня. Там 18 марта погиб Кулеша, мой бывший командир разведвзвода. Пошел среди белого дня на задание, и немец из пушки прямой наводки тяжело ранил его в плечи, в ногу. Кулеша потерял сознание, а, когда к нему подполз Ромца и хотел перевязать, то Кулеша ему ответил: «Побереги бинты для себя, а мне уже не нужно». Затем вынул часы, посмотрел на них, сказал: «Передай Ярузельскому, что я умираю в 5 часов 20 минут по-

полудни...» — и скончался. Когда мне Ярузельский говорил об этом, он плакал, и мне хотелось плакать. Нет больше Кулеши... Хороший был парень. Ранило и Журавского. Теперь у нас новый комбат. Сколько за эти дни переживаний. Идем днем, идем ночью. Спим в окопах. За ночь убийственно замерзаешь. Когда, наконец, закончится эта проклятущая война?

До Берлина осталось 40 километров. Немцы цепляются за отдельные рубежи, но все же нет уже прежнего сопротивления. Вчера вот засели в лесу, было их (как потом показал пленный) человек четыреста. Но при первом же нашем нажиме удрали. Немцы бегут!.. Позавчера, перед решающим штурмом на дамбу возле реки Альт-Одер, в окопе получил письмо от Тамариной мамы. В небе кружили наши самолеты, била артиллерия, готовилось наступление, а я сидел в окопе возле канала и читал это дорогое письмо. Фаина Ильинична писала о том, что любит меня больше своего самого любимого племянника. Хорошее письмо написала Фаина Ильинична.

21 апреля.

Какие знаменательные дни переживаю. Безудержно движемся вперед, на Берлин. Ночью прочесывали леса, в одном месте угробили немцев. Гоняем их, как затравленных волков. Германия доживает последние дни. В деревнях все чаще и чаще попадаются роскошные замки буржуа. Ночью были в одном из таких.

Местность удивительно красивая. Леса, асфальтированные дороги, озера, живописные домики — все это оставляет замечательное, неизгладимое впечатление.

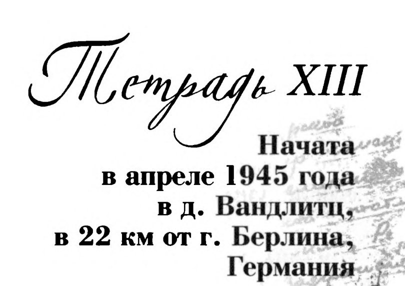
Скоро, скоро конец войне! Мне выпала честь штурмовать последнее логово зверя — фашистский Берлин.

Вот сейчас, в настоящий момент, пишу в деревне Вандлитц. До Берлина осталось 22 километра. На карте видны берлинские предместья Глинике, Любарс, Витснау, Хермсдорф, Вейсензи, Симансштадт и ряд других.

Скоро будем на параде в Берлине. А оттуда? Впрочем, пока надо мыслить о том, как — туда, а оттуда-то, вероятно, куда будет легче.

Итак, заканчиваю свою двенадцатую тетрадь дневников. Заканчиваю в Германии, у стен Берлина, на пороге нашей окончательной Победы.

д. Вандлитц,
22 км севернее Берлина



Тетрадь XIII

**Начата
в апреле 1945 года
в д. Вандлитц,
в 22 км от г. Берлина,
Германия**

21 апреля.

Начинаю вот эту, тринадцатую тетрадь своего дневника в германской деревне Вандлитц, что в 22 километрах севернее Берлина. Скоро будет и Берлин! Сколько времени мы стремились сюда, стремились к нашей окончательной Победе. И она близка, совсем рядом.

Враг будет сопротивляться. Берлин даром не дастся, но все это — жалкие потуги. Грозный рев наших пушек уже слышен здесь. Говорят, что Красная армия и союзники уже дерутся в предместьях Берлина.

Перед вечером вышли дальше. По Шоссе полно войск. Польские, русские. Все движутся в одну сторону — на Берлин. *Нах Берлин!* «Мессера» обстреляли нас дорогой, но все обошлось благополучно. Ночью приехали в деревушку над озером Ленитц. Устроились в домике, среди леса. Здесь богатые трофеи.

д. Вандлитц, Германия

25 апреля.

Двинулись дальше. На Берлин пока не вышли, завернули северо-западнее. Проехали городок Ораниенбург и остановились в деревне Гермендорф. Почему не идем на Берлин? Там сейчас жестокие уличные бои. Но ненадолго это. Вот-вот он падет, несмотря на то, что сам Гитлер принял командование обороной Берлина.

В Гермендорфе мы вторые сутки. Здесь много русских пленных, особенно девушек. А еще завел меня один разведчик в лагеря, где находились свезенные в Германию девушки, мужчины из Польши, России. Это недалеко от нашей деревни. Зашел в бараки. Девушек было много. Из Чернигова, из Минеральных

Вод, из Харькова. Когда я предложил им написать домой письма, то они охотно согласились. Вот одна из них пишет: «Милая мамочка! Дорогие незабываемые друзья! Я жива, здорова. Красная Армия освободила нас! Счастье близко. Жду встречи с вами. Целую. Нина Литвиненко». Это письмо в г. Пятигорск. Сама Нина — милая девушка, хорошо поет и аккомпанирует на гитаре.

А вот второе письмо, в г. Харьков, на Холодную Гору, Кладбищенская улица, Антиповой Елене Семеновне: «Милая мамочка! Я нахожусь еще на старом месте вместе с Верой. Вчера к нам пришли, и теперь мы освобождены. В скором времени едем домой. Твоя дочь Тамара».

Все они хорошие, милые, веселые девушки. Нас принимают, как дорогих гостей. Расспрашивают о своей, не виданной три года Родине. Мы их расспрашиваем о днях, проведенных в Германии. Все они красивые девушки (немцы знали, кого забирать!).

Вечером у командира 3-й роты собрались на вечер, позвали из лагерей девушек, в том числе Тамару, потанцевали с ними и выпили за скорейшее наше и их возвращение на Родину.

Девушки благодарны нам за свое освобождение.

Сегодня днем на велосипеде поехали в лагерь, но он оказался пустым: все уже уехали. Через месяц, может быть, и больше, все они вернутся домой. Вот обрадуются дома!

Из Москвы теперь каждый день получаю письма. От Тамары, от ее мамы, а сегодня даже от Белецкого. Он пишет, что на «отлично» закончил академию и теперь едет куда-то командиром полка. Советует и мне тоже добиваться поездки в Академию. Но разве это от меня зависит? Я бы рад, с дорогой душой.

Тамара совсем пишет, как своя, родная: «Я не стану говорить о том, что и я, и мама будем очень рады твоему приезду, ты сам прекрасно это знаешь...» и дальше: «О моем бывшем муже. Я знаю, что этот вопрос был задан не из простого любопытства, и еще по форме его я почувствовала, что ты ощущал некоторую неловкость, задавая его. Неловкость здесь явно лишняя, наша дружба дает тебе право ставить подобные вопросы, а откровенность в наших отношениях всегда будет гарантировать честный и прямой ответ на них». А еще раньше в своем письме она писала: «Уже очень поздно. В доме все тихо-тихо, только на улице слышатся чьи-то торопливые гулкие шаги, и причудливые тени пробегают по комнате, когда сквозь шторы

проникает свет проезжающей мимо машины. Наверное, у вас там уже весна и солнце, которое ты так ждал, а скоро наступит конец войны и тот день, когда ты сможешь поехать в Москву. Обязательно наступит, и очень скоро. Как радостно будет мне сидеть и заниматься в такой же тихий вечер, когда ты будешь спать, усталый с дороги, в соседней комнате, будешь спать спокойно и знать, что тебя ничто и никто не разбудит».

д. Гермендорф,
Германия

8 мая 1945 года.

Счастливый день переживает теперь каждый из нас. Официально объявлен конец войне. Сколько каждый ждал этого счастливого дня! И сколько не дождались его... За эти майские дни у нас случилось много событий. Очень жалко, что столько не записывал этих дней.

Первомайские дни встречал в лесу. Даже не удалось попраздновать: все время сидели в боевой готовности. А дальше — все марши и марши. До самой синей Эльбы. 4 мая встретились на Эльбе с союзниками — американскими войсками. Тоже значительное событие.

Затем жили над Эльбой, в замечательной немецкой деревушке Шенфельд (в переводе на русский — хорошая, красивая). Жили в домике, в лесу, возле железной дороги. Там держали оборону. И 7 мая внезапно приказ: немедленно выступать. Радостно было на душе: ведь идти-то домой. На Восток! Раньше все время стремились на Запад, а теперь вот наконец-то дождались того дня, когда идем обратно.

Выходит, счастье не покинуло меня до самого последнего дня. Дожил до этого счастливого дня — дня окончания войны. Окончание войны! Только подумать!..

Германия капут! Гитлер капут! Берлин капут! И мы с победой возвращаемся. Домой возвращаемся. Снова к мирной, созидательной жизни. О ней мы так долго мечтали, за нее бились и наконец-то добились. Кончились ратные дела.

Форсированными маршами идем пока к Берлину, а затем, говорят,— в Варшаву. Хорошо это. Прекрасно.

В скором времени Варшава снова будет встречать своих героев, свою Варшавскую, теперь уже Краснознаменную 2-ю дивизию им. Домбровского. Нас ведь теперь наградили. Из старых офицеров нас осталось считанные единицы. А так все новые.

Сейчас вот на велосипедах мы вырвались вперед батальона. Сижу в какой-то немецкой деревушке на крыльце крайнего домика и пишу. Рядом по шоссе идут нескончаемым потоком машины, люди. Все на войну. А на Запад тоже идут колонны французов, бельгийцев, китайцев. Они тоже возвращаются домой. Давно ведь не были дома.

Вот проходит с песнями батальон, идут домой. Сейчас должны подойти и наши.

9 мая.

Остановились на отдых в лесу. Тепло. Постелили под развесистым дубом. Погоржельский принес патефон. Заиграла музыка.

Говорили, что вот скоро придем в город.

Станем гарнизоном — и будет скучно по вольной, полной переживаний фронтовой жизни. И сейчас мало верится, что закончилась война, что не надо рыть ячейки, маскироваться от немецких солдат. Не верится, становится как-то дико оттого, что тихо, нет выстрелов, нет того приподнятого настроения, какое появлялось всегда перед наступлением. По шоссе ведут колонну пленных фрицев. Наши шутят: «Вот они, чистокровные арийцы, завоеватели мира». Тишина! Не верится, что закончилась война, закончилась великая битва народов. А мы идем *нах хаузен*, домой идем с победой!

В Берлине, видимо, нам не суждено побывать. Изменили маршрут, и теперь обходим Берлин с северной стороны. Чертовски жалко, что так получается. От Эрны получил письмо. Пишет, что в Люблине была в кино, видела на экране меня и разведчиков, снятых во время торжеств в Яблонной. Возможно. Все возможно! Надо собираться в дорогу. Через пару часов двигаемся дальше на Восток. Куда-то к польской границе...

11 мая.

Больше пушки не стреляют. Победа! Окончательная победа. Человечество вздохнуло свободно.

Гитлеровская Германия поставлена на колени.

Война окончена!

Победа!

Что может быть сильнее, проще и человечнее этих слов!

Шли мы к этому дню долгой дорогой. Дорогой борьбы, крови и побед. Мы ничего не жалели. И вот он, этот день Победы. Девятое мая! Никогда не забудет никто из нас этого дня!

Мы стояли в одной немецкой деревушке. В лесу разбили лагерь и зажили мирной жизнью. Нет больше ни атак, ни наступлений. Наконец-то не надо маскировать больше окон. Кончилась война. Великая Отечественная война.

Нам говорят, что мы здесь немного отдохнем, а затем пойдем на парад в Берлин. Там должен быть большущий парад, парад победителей.

Сегодня и для меня памятный день. На большом поле, украшенном польскими и русскими флагами, выстроилась вся наша 2-я Варшавская Краснознаменная дивизия. Приехал Командующий 1-й Армией генерал-полковник Поплавский вручать правительственные награды. Получил и я орден Красной Звезды за № 1265646 по приказу войскам 1-го Белорусского фронта за № 557 от 4 мая 1945 года. Вручил мне его представитель Генерального штаба РКА при 1-й Польской армии генерал-майор Молотков. Так получил я свой первый орден.

Вот сейчас зазвонили телефоны. Значит — собирайтесь куда-то дальше. Куда? Неизвестно.

Шляхтенхаген

13 мая.

Неудержимо движемся вперед. На парад в Берлин не попадем. Это бесспорно. Стоим сейчас близко от Одры. Говорят, готовимся к посадке на поезд. Скоро должны ехать в Польшу.

Ведь сейчас уже свершилось, то чего так долго ждали. Вот она, перед нами,— не слово, не мрамор, а горячая, живая, в гимнастерке, полинявшей от солнца и дождей, седая от пыли походов, с ленточками ранений на груди, самая прекрасная и самая любимая наша Победа!

Отгремели последние залпы.
Умолкают боевые грозы,
И у светлой грани новых дней
Люди улыбаются сквозь слезы
Выстраданной радости своей.

Еще лучше звучат стихи С. Щипачева, напечатанные в «Правде» в номере за 10 мая. Они так правильно отражают наше настроение:

Он там, на Эльбе, далеко от дома.
Дойдя до края самого войны,
Он в стольких битвах не оглох от грома,
А вот сейчас оглох от тишины.

Вот он стоит на смолкшем поле боя,
Поднявшись в полный рост, глядит кругом
На черный лес, на небо голубое
И пот со лба стирает рукавом.
Не раз и смерть глаза его видали,
Но он сумел и смерть столкнуть с пути...
Суровые солдатские медали
Блестят от солнца на его груди.
Он, улыбаясь, жмурится от света,
Еще пропахший дымом, весь в пыли.
Так, значит, вот каков он день победы,
Так вот когда мы до нее дошли!
Ведь это он из Эльбы черпал воду,
Своим помятым котелком звеня...
И вспомнил он товарищей по взводу,
Что не дошли до праздничного дня,
И вспомнил он о Родине далекой —
Не к ней ли уплывают облака?
Хоть ни в какие не видать бинокли,
Сейчас, как никогда, она близка.

Лес при озере Гольгезее

16 мая

Все еще стоим в лесу, живем лагерной жизнью. Каждую минуту ждем отъезда. Говорят, поедем поездом на Варшаву. Теперь у нас только и разговоров о том, какая жизнь нас ждет впереди, где будем находиться, как жить (неужели в казармах?). Что будет с нами, русскими офицерами? Каждый строит планы на будущее, мечтает о том, когда, где и как встретится со своими родными, близкими. Какая радостная (после стольких лет разлуки!) будет эта встреча. А теперь ведь она реальна, эта встреча. Она будет, обязательно будет!

Тамара написала мне маленькое письмо: «Поздравляю моего родного с Победой! Жду скорой встречи. Целую, твоя Тамара. 9 мая, 2 час. ночи».

Коротенькое, но такое теплое письмо. Скоро ли удастся встретиться?

По вечерам наши солдаты собираются вокруг костров (теперь их можно жечь!) и рассказывают о своих боевых эпизодах. Прислушиваешься внимательно к каждому и видишь, как много пришлось пережить, как много сделали эти простые, на первый взгляд, обыкновенные, ратные труженики. Каждому из

них есть что рассказать дома, научить военному искусству молодых новичков, только что пришедших в великую армейскую семью.

Мне кажется: вот приедем мы в гарнизон, будем жить, веселиться и с сожалением вспоминать об этих трудных, суровых днях, когда мы жили дружной, единой семьей. Неповторимые времена!

Последние дни в Германии. Сейчас она лежит, поверженная нами, у наших же ног. Сейчас наше время ликовать, сейчас наш народ празднует победу, вспоминает с любовью о нас, а мы — о них. Приятно сознавать, что и ты вложил долю своего труда в это общее великое дело, являлся участником великих сражений, и теперь ты — тоже частица объекта всеобщего восхищения. Велика слава нашего оружия, наших дел!

Началась регулярная «довоенная» учеба. Сначала как-то все эти смотры, комиссии, построения были не по нутру. Отвыкли мы от всего этого. Снова надо привыкать!

Лес при озере Гольгезее

19 мая.

Скоро закончится май, а мы все стоим на одном месте, в лесу. Надоело. Уже отдохнули, и такое безделье тяготит. Скорее хочется выбраться из этой Германии. Не случайно ведь еще Флобер писал своей приятельнице, проживавшей в Германии и приглашавшей навестить ее: «О том, чтобы я навестил Вас в Германии, не может быть и речи. Это страна, куда добровольно я не ступлю ногой. Я достаточно нагляделся на немцев в этом году и не желаю встречаться ни с одним их них. Я даже не допускаю, чтобы уважающий себя француз пожелал побыть хоть минуту с одним из этих господ... У них наши часы, наши деньги, наши земли. Пусть это у них останется, но мы не хотим о них больше слышать».

Флобер совершенно прав. Надоели все эти немцы. Ну их к чертям!

Каждый день все читаем о награждениях, и в списках все больше начальство. А когда же начнут награждать солдат?

20 мая.

Воскресенье. Ровно 9 часов утра. Сижу на мраморной плите у памятника Победы на Гросс-Штерне в Берлине. Замечательный памятник! Мозаика изображает старинные битвы нем-

цев. Рядом статуя Мольтке. Площадь называется «Плац Гросс-Штерн» (по-русски — Большая Звезда), потому что из нее расходятся в разные стороны улицы.

По винтовой лестнице взбираюсь вверх на площадку памятника Победы. С высоты 40–50 метров весь Берлин виден. Рядом с памятником лес Шарлоттенбурга. И прямо, как стрела, уходит Шарлоттенбургштрассе. Видны рядом с Рейхстагом Бранденбургские ворота. Здесь всегда проходили военные парады, шагали гитлеровские молодчики. На площади под статуей «Ангел победы» стоит советский часовой. Сам он — старичок из Курска, и с волнением говорит о том, что вот-де и не думал никогда, что придется побывать на старости лет в Берлине, да еще нести караул у памятника Победы.

Возле памятника огороженная свежая могилка с красным столбиком. Подхожу и читаю надпись: «Похоронен четырежды орденоносец майор Ярушников Константин, погибший геройски за Родину 1 мая 1945 года». Дошел этот майор до самого центра Берлина...

По первоклассной асфальтированной широкой улице идем к Рейхстагу.

По дороге слева стоит сделанная нашими войсками трибуна. Здесь пройдет парад Союзных войск. В центре трибуны — огромные портреты Сталина, Черчилля и Трумэна. По бокам гербы почти всех государств, принимавших участие в разгроме Германии: Франции, Польши, Голландии, Люксембурга и др.

Рейхстаг — огромное, красивое снаружи здание, но все разбитое. Надо отдать должное союзникам: бомбили они Рейхстаг основательно. Стены Рейхстага все испещрены надписями, вроде этой: «Мы защищали Одессу, Сталинград, пришли в Берлин». А сколько здесь разнообразными почерками написаны фамилии тех, кто имел счастье побывать здесь и расписаться на стенах Рейхстага. Так вот он, Рейхстаг. Здесь вызревали планы нападения на Советский Союз, планы «покорения вселенной». Здесь, в этих стенах, вынашивались злодейские замыслы. А теперь это — разрушенная громада камней. Наверху, над фасадом, замерли две статуи конных рыцарей. У одного из них поломано копье. Окна Рейхстага зацементированы, из амбразур торчат трубы «буржуек». Видимо, холодно было фрицам, обогревались.

Бомбы прямым попаданием разломали во многих местах крышу, пробили два этажа и разорвались внизу. Так что сейчас

можно через дыры сверху увидеть низ. Правда, во многих местах опасно ходить.

Едем на машине дальше. Ищем Александерплац. Вот и переезжаем через Шпрее. Широкая мутная река, зашитая в бетон набережных, легла перед нами. Много мостков. Дома подходят вплотную к Шпрее. Впрочем, не дома, а, вернее, разрушенные остовы домов, т. к. трудно назвать домами коробки из полуразвалившихся стен да груды щебня и камней.

Вот и просторный Александерплац. Посередине стоит на подмостке девушка в красноармейской форме и регулирует движение. Наша русская девушка в белых перчатках командует движением в одной из огромнейших столиц Европы, в Берлине. На плацу работают немки. Их много здесь. Очищают от развалин улицы. Они выстроились в ряд и «конвейером» отбрасывают кирпичи. После некоторого блуждания попадаем на Унтер-ден-Линден. Это одна из лучших улиц Берлина. В переводе на русский — «Под липами». Лип тут не очень-то видно, но название все же сохранилось. Машину оставляем в сторонке возле берега Шпрее, а сами идем смотреть музей пушек. Есть здесь и русские орудия. Вот стоит кирха. Узнаем, что она построена в 1667 году. Архитектура замечательная. Бомба угодила точно в центральный купол, пробила потолок и разнесла пол. Повредила гробы-саркофаги каких-то важных сановников, давно уже погребенных здесь.

Рядом старинный дворец Фридриха Великого. Здесь была его резиденция. Остался один только скелет здания. Напротив — огромный монументальный памятник Вильгельму I. На высоком пьедестале — всадник в рыцарском облачении на скачущем коне. По четырем углам — огромные львы, а внизу фигуры воинов. Все это из бронзы. Солидно сделано. Сейчас здесь на площадку поднимаются десятки офицеров, бойцов Красной Армии и Войска Польского, фотографируются, смотрят на поверженный Берлин.

Едем домой. Еще раз проезжаем Шпрее, район Луккенвальде, канал в районе Тельтова и едем домой.

Берлин

1 июня.

С выездом пока что ничего не получается. Начальство решило, что наш лагерь стоит в неудобном месте, и мы отошли на 8 километров в сторону. Тоже в лес. Только с той разницей,

что уже в лиственный. Развернули большое строительство. И теперь живем в хорошем домике лагерного типа, а солдаты в прекрасных землянках. У нас, правда, шутят: «Раз закончили обустраиваться, то, значит, скоро поедем...». Так оно было с нами каждый раз, такое у нас счастье. Имеем наконец-то возможность нормально выспаться, нормально пожить. А жизнь теперь наступила «развеселая»: вечерние поверки, осмотры и смотры, строевые, уйма писанины. Отвыкли мы за время войны от мирных порядков, а теперь вот возвращаются они. Нам это не особенно-то нравится.

В лесу скучно. Скучаем по людям, по городским улицам, по паркам, по театрам. Скучно и обидно, что вот мы воевали, одержали победу, а нас все по-прежнему держат в лесу, держат вдалеке от родного неба, от знакомых, далеко от веселья, от радости. Почему так?

Забрали у нас некоторых офицеров, и уехал вместе с ними Калински. Хотя мы с ним и не друзья, но страшно жалею о нем. За войну привыкли друг к другу, сделались родными, и теперь как будто из семьи уехал кто-то родной, кого-то не хватает.

За границей польская эмигрантская клика ведет себя довольно вызывающе. Так уже повелось: чем меньше у пана амуниций, тем больше у него амбиций.

В эти дни писали историю нашей части. Поднимали материалы о первых боях, о нашем боевом крещении — в Пулавах над Вислой. Если вдуматься глубоко, то наша часть прошла большой боевой путь. И теперь не хочется уходить из нее. Ведь в этих боях — слава нашей части, наша слава.

Тамара из Москвы, видимо, обиделась и не пишет. А теперь мне особенно хочется получать от нее письма. Так часто думаю о ней, вспоминаю детали наших отдельных встреч, разговоров. Когда мы встретимся снова? Я вижу, что до этой встречи и теперь так же далеко, как и в начале войны. Держат нас в этой распроклятой Германии, и сборов домой не видать. Строимся здесь так, как будто собираемся еще зимовать.

А, может быть, теперь, когда кончилась война, Тамара и не будет так часто писать? Ведь только во время войны есть «мода» переписываться с фронтовиками. Но не такая она! Или, может быть, я ее хорошо и не знаю. Человека так трудно понять.

Нойхарденберг

2 июня.

Чертовски скучно в этом лесу. Однообразие заедает. Читать нечего. Вся жизнь проходит в «слонянии» из одного места в другое. Все нажимают на муштру. На черта все это! Ведь мы же воевали, неплохо воевали, выиграли войну, так когда же нам дадут немного отдохнуть.

Сидим и с нетерпеньем ждем того дня, когда поедем в родные края, увидим своих знакомых, они нас будут встречать как победителей. Но всему этому, кажись, не суждено свершиться. Начальство решило оставить нас как оккупационное войско. На долгое, долгое время в этой проклятой Германии. По всему видно, что намечено это не без основания, и что именно так будет. Может быть, только чудо спасет нас от такой горькой участи. Но чудо бывает так редко.

Сама мысль о том, что придется здесь сидеть, не видеть знакомых улиц, знакомых людей, не слышать родной речи, приводит в уныние. Ничего не хочется делать. Глупое состояние! Часто я слышал от старых людей, часто читал о тоске по Родине. И вот теперь сам начинаю понимать всю правдивость их рассказов, понимаю, что значит она, эта тоска по любимой девушке, по родным полям, по милым сердцу улицам. Была бы война еще год, два года и даже больше — ничего бы не сказал, так было бы нужно. Но теперь, когда война закончена, когда так близки к осуществлению наши заветные мечты, когда, кажется, сбудутся вот-вот наши чудесные сны,— больно, невозможно свыкнуться с мыслью, что всему этому не бывать. Не бывать!..

Легко это написать, но как это пережить, как выстрадать. Многие сейчас так же думают и так же настроены.

6 июня.

Тандрик уехал на учебу, и мне приходится комбатствовать. Подсудное это дело. Особенно с нашими молодыми командирами. За каждым смотри, иначе начудят. Бесконечные комиссии, смотры и парады надоели хуже горькой редьки.

Думаю написать Роле-Жимерскому письмо с жалобой на то, что не дают медали. Приказ был еще в январе месяце. Так почему же до сих пор не удосужатся выдать? А вот приезжают машинистки из штаба дивизии — они имеют медали. Что же за подвиги свершили они? Всяких задриг, которые и близко к фронту не бывали, награждают, а нам, линейным командирам,

которые непосредственно были на фронте, и после приказа ничего не вручили. Это возмущает меня, да и многих других офицеров и солдат, которые в аналогичном положении. Нужно написать по этому поводу горькое письмо на имя начальника Главного штаба Войска Польского. Это же ведь абсурд. За шесть месяцев умудриться не выдать людям медали!

16 июня.

В нашем положении абсолютно ничего не изменилось. Живем по-прежнему в лесу. Теперь даже перестали верить в возможный наш отъезд. Надоело нам здесь убийственно. Вот так закончили войну! Специально, чтобы сидеть в лесу. И каждый день что-то строить для «усовершенствования красоты» лагеря.

В эти дни на аэродроме, что напротив нас, состоялся парад нашего полка, и мне вручили *Кшиж валечны* [Боевой крест]. Получил вторую награду.

Дел очень много. Вся беда в том, что каждый хочет только «руководить», но отнюдь не заниматься черновой работой. А последнее куда труднее и, кроме того, не столь приятно, как первое.

Все последние дни даже разговоры о нашем отъезде прекратились. Толковал-толковал народ, и перестал. Все равно теперь все наши толкования и предположения не сбываются.

С Погоржельским у нас большая дружба. Хороший он парень. Немножко безответственный. Но в молодые годы это бывает так со многими. Такое «ветрогонистое» состояние.

Вчера вечером Юзик запряг лошадей, и решили немножко прогуляться на бричке. Так здесь у нас устроили целый *алярм* [тревога], как будто мы совершили огромное преступление. Интересный все-таки тип наш доктор Попроцкий. Как ребенок.

Нойхарденберг

19 июня.

Пятнадцатого июня вышли из Нойхарденберга и двинулись на юг. Три дня форсированным маршем прошли много деревень и городишек (здесь, впрочем, и разницы в них нет), прошли Франкфурт-на-Одере и вот пришли в лагерь. Здесь была немецкая военная школа связи. В трех километрах от нас город Котбус. Большой город.

Наш военный городок имеет большие казармы, много вспомогательных бараков.

Рядом станция. Каждый день видим много проходящих воинских эшелонов. Все они идут на Родину. А вот мы снова сидим здесь, снова строимся, снова начнется эта нудная учебная работенка. Нудная до отупения, до тошноты.

Ну, и судьба у нашего полка. Во время наступления — всегда на первой линии, во время отдыха — на проклятой германской земле, да еще в самой что ни на есть паршивой дыре. На казарменном положении! И это после боев, после войны. А когда же все-таки попадем мы в город? В Польшу или в Россию? Скажем, в Москву?

Писем не получаю. И сам не пишу. Просто не хочется, хоть убейся!

Хороший был друг Погоржельский Мечислав, да и тот завтра выезжает. Вызывают куда-то на учебу. Слыхал, что в Варшаву. Написал с ним письмо генерал-майору Раткевичу. Он теперь начштаба Войска Польского. Большое начальство. Как быстро человек вырос.

Котбус

27 июня.

Все еще живем в лагере. Теперь его, правда, оборудовали, дали электрический свет. Устроили театр. И в нем даже были пару раз выступления дивизионного театра.

Но все равно — безысходная тоска. Тоска по Родине, по людям, близким сердцу, по знакомым местам. Тамара перестала писать. Хотел было ей написать словами С. Щипачева:

Любовь пронес я через все разлуки
И счастлив тем, что от тебя вдали
Ее не расхватали воровски чужие руки,
Чужие губы по ветру не разнесли.

Или вот так еще:

Своей любви перебирая даты,
Я не могу представить одного,
Что ты чужою мне была когда-то
И о тебе не знал я ничего.
Какие бы ни миновали сроки
И сколько б я не исходил земли,
Мне вновь и вновь благословлять дороги,
Что нас с тобою к встрече привели.

Но не стоит! Раз она не пишет, так, может, наступило разочарование. Потеряю ее так, как и Раю. И тогда снова ищи! Но не в этом дело, чтобы найти.

Немки красиво одеваются. Пару раз был в Котбусе, в ресторане. Там в огромном театральном зале собираются «на кружку пива» немцы и немки. Странный обычай: когда заиграет оркестр, то все присутствующие в зале начинают петь. У них здесь так заведено. Что ни край, то свой обычай.

Погоржельский уехал, и от него ничего еще нет. Отдаст ли он мое письмо генералу Раткевичу, и обратит ли тот внимание на него? Вряд ли! Люди, поднявшиеся высоко, забывают, не видят тех, кто остался внизу.

Казармы Диссенхайн (близ Котбуса)

28 июня.

Ветер... Целый день – свирепый ветер! Страшно свистит. И дождь. То перестает, то снова начинает.

Сегодня утром, когда был на занятиях, зашел в один немецкий дом. Дом, что дача. Прекрасно отделан. Замечательно меблирован. Хозяйка умеет разговаривать по-русски, правда, на ломаном. Оказывается, до 1920 года она жила в Днепропетровске. У дочери муж убит в Глухове. И хорошо! Одним немцем меньше.

У нас была святая служба полевая и митинг по случаю награждения полка крестом «*Виртути милитари*» (орденом Воинской доблести). Наш полк теперь знаменит. Что и говорить. Мы, конечно, *бардзо думни з тэго* [очень горды этим], но все же хотели бы поскорее заехать домой.

Казармы Диссенхайн
(близ Котбуса)

30 июня.

В дивизионном театре познакомился с замечательными поручиком и подпоручиком. Они журналисты, замечательные ребята. Один из них – тоже русский поляк. По ночам сидим и рассуждаем, вспоминаем гражданскую жизнь.

Но пришел приказ куда-то выезжать. А куда? Неужели снова не в Польшу? Надоело тут скитаться.

На совещании командира полка получили маршрут: Хазов, Нойдорф, Форст, Клайн-Баданельзен, Триббель, Зорац, Морс-

дорф. Говорят, в последнем будем грузиться на поезд. Кончилось все с Германией. Мы вышли из подчинения 1-го Белорусского фронта.

Казармы Диссенхайн (близ Котбуса)

2 июля.

Хорошее, настоящее летнее утро. Солдаты уже встали, позавтракали и ждут приказа на дальнейший марш. Он начнется через 40 минут.

Вчера попрощались с Котбусом и отошли от него 35 километров на восток.

Распростился со своими друзьями из дивизионного театра. Они записали свой адрес: п/п 38750а, поручик Липецкий Эдмунд и подпоручик Оболевич Вячеслав. Теперь уже не скоро, видимо, случится нам побыть вместе. На привале провели митинг, на котором зачитали прощальное письмо маршалу Жукову. Простились с маршалом, с которым были так долго, воевали под его командой.

Постановлением Верховного Совета СССР тов. Сталину присвоено звание генералиссимуса. Весь народ встретил это известие с большим ликованием.

По дороге нам все время встречаются обозы с переселенцами. Это своеобразные обозы. Ни одной лошади. Все на «своем паре». Везут свои огромные пожитки. Стариков и старух. На Запад, в свою разбитую Германию. Наши солдаты-победители смеются: «Вот вам и “Дойчлянд, дойчлянд юбер аллесс”». («Германия превыше всего!») Достукались. Хотели войны — вы ее получили!

Перед вечером проехали разбитую войной деревню. Польская граница. Тут уже сейчас есть граница. Но теперь уже на территории Польши.

Триббель

5 июля.

Третий день стоим в одной деревушке. Ждем дальнейшего маршрута. Говорят, что теперь он будет довольно продолжительным, до 15 дней. Идем куда-то на чешскую границу. Там будем пограничниками. Так-таки нам в Польшу и не попасть. Черт знает, что за судьба. Наша дивизия какая-то несчастливая: все-то ее бросают с места на место. Хоть несколько дней

тешились мыслью, что едем в Польшу, к Варшаве. А теперь все снова отпадает. Снова скитания по чужим краям, по незнакомым людям. Сегодня ночью мне снился сон, что приехал Белецкий и, между прочим, говорит, якобы вопрос обо мне решается в *Глувным Довудстве* [Главным Командованием] и скоро решится в положительную сторону. Вот это так сон!

Живу в доме какого-то богатого немца. Видимо, был каким-то небольшим литературным деятелем. Много книг, журналов, большая переписка. В альбомчике поэзии записаны стихи еще в 1901 году. Много фундаментальных книг в прекрасном издании. Альбомы с фотографиями гор, дач и прочими снимками «буржуазного довольства и хорошей жизни». Да! Видимо, герр Е. Шульц из деревни Кунцендорф жил неплохо. Где это теперь он? Небось, «благодарит» Гитлера за войну, за свою теперешнюю жизнь. Какова-то она сейчас?

Вчера из города Зорац, что совсем недалеко от нас, приезжали два младших командира Красной Армии. С ним сделали «гешефт»: выменяли радиоприемник, совсем такой же, какие в последнее время у нас были — «6-НГ». Нет только электросети, а то бы попробовали поймать какую-нибудь станцию.

Писем последнее время не получаю. Ведь и сам-то никому уже сколько времени не пишу. Тамара, как видно, обиделась и ничего не пишет. А жаль очень. Ведь для меня она так много значит. За два послевоенных месяца я получил от нее всего одно письмо. И больше — ни слова. Справедливость требует отметить, что, безусловно, обижаться на меня за долгое молчание у нее есть основания.

Приедет ли она ко мне? Пишет, чтобы я предпринимал все необходимое, чтобы оформить документы для ее приезда. Но что она будет здесь делать? Боюсь, что ей быстро здесь надоест. Затоскует она. Ведь женского общества здесь нет, пойти повеселиться некуда, работать здесь тоже негде. Хорошо сюда приехать только на экскурсию. И не больше! А так, чтобы жить, то, пожалуй, и москвичке особенно, трудно будет.

Вопрос этот довольно существенный и требует серьезного подхода. Тем более что ехать сюда куда сложнее, чем, скажем, из Москвы в Салтыковку.

Капитан Тандрик умеет подойти к солдату, задеть его больную струнку. Как он сам говорит, «одной рукой держать его за морду, а другой — за сердце». Правильно Богун заметил, что Тандрику надо бы быть политруком.

Погода исключительно мерзкая. В день сотня изменений. Ветер и дождь, солнце и снова дождь.

Кунцендорф

8 июля.

Уже третий день идем маршем. Причем, марши довольно-таки форсированные. За три дня прошли 150 километров. Еще осталось 200, а там — служба на границе. Теперь нас переделали на пограничные войска. Новое дело! Немножко, правда, помню пограничную жизнь в Волочиске. Давно это было, но все же помню. Помню свои поездки на Ожиговскую заставу к Муратову, ночные облавы, встречу Нового года в «блужданиях» по границе в поисках за селом Яхновцы.

Все время идем по автостраде. Прекрасная дорога. Действительно, автострада.

Убийственно мешает и изводит погода. В течение дня по нескольку раз проходят дожди. Чем объяснить такое непостоянство в погоде? Исключительное непостоянство.

В деревнях жителей очень и очень мало. Всех переселили. Часто видим, как они движутся по дорогам со своим скарбом.

1 августа.

Уже 15 дней, как заняли границу и несем пограничную службу. Находимся на польско-чешской границе. В Судетах, в Верхнем Шлензке, или, по-русски, Верхней Силезии. Живет здесь подавляющее большинство немцев, ну и, кроме того, польские репатрианты из разных концов Польши. Недавно даже возле нашей деревни Крайцендорф на железной дороге жил целый табор переселенцев из Рожища, Эльжбетина и Киверц, т. е. оттуда, где мы были на Волыни. Больше того, одна женщина даже узнала меня. Правильно говорят, что гора с горой не сходится, а человек с человеком — сойдется.

Пришли в городок Леобшютц, если по-немецки, а по-польски — Гломбчицы. Затем заняли свой участок на границе чешско-польской. Сами живем в красивой деревушке Крейцендорф. Устроились очень хорошо, в смысле быта. У меня прекрасная квартира, замечательная мебель. Для «обеспечения хозяйственных дел» взял одну немецкую девушку. Называется Трудель, а по-польски — Агнесс. Лучше как-то звучит.

Времени свободного уйма. Особенной работы не было. Занимаемся уборочной. Теперь уже добраться до взвода (сейчас — *стражницы*) довольно далековато получается.

Мазур где-то в Комайзе, Перельмутер — в Альт-Виндорфе, а Кухарчик — в Робене. Но зато хорошо проехаться, особенно на велосипеде, к Хмелю. Дорога там проходит через лес по замечательному асфальту. Однажды ночью мы решили проехать туда. Получилась прекрасная прогулка.

Крейцендорф

12 августа.

Видимо, так разленился, что даже не брался за дневник. Этими днями был «озабочен» проводкой электричества в нашу деревню. И провели. Наконец-то имеем в доме электрический свет. Устроил и радио. Теперь по вечерам просиживаю у стола и слушаю эфир. Как когда-то в Ташкенте. Вчера слушал далекую Москву. Москву!!. Слушал о наступлении наших войск в Маньчжурии. Снова война. Война с Японией. За эти дни в мире произошли крупные события. Советский Союз объявил Японии войну и ведет ее.

Я тоже здесь последние дни. Нас, русских офицеров, отзывают на старые места, туда, откуда и пришли, в распоряжение ГУК НКО. Снова Москва. Специальная длительная командировка закончилась, мы теперь здесь не нужны и должны возвращаться на Родину, в родную Красную Армию.

Доволен ли я таким исходом? И да, и нет. Доволен, потому что возвращаюсь на Родину, на свое старое место, снова увижу Москву, а там и Тамару. И нет, потому что снова начинай устраиваться. Пугает также неизвестность: что, да как там все сложится. Но нас, слава богу, не спрашивают. Есть приказ, и все.

Одним словом, поворачивай оглобли назад.

А уже мы неплохо устроились и здесь. Хорошо с квартирой, с питанием. На новом месте нескоро так будет.

Тандрик Андрей тоже уезжает. Ему, видимо, не особенно это и хочется. За последнее время он сделался мировым человеком.

Сейчас вот уже почти совсем темно. Вечер. Только что перестал дождь. Сижу в огромном кресле (кто-то пошутил, что оно из Рейхстага), из Праги передают музыку. Да и когда разговаривают, то тоже можно понять. Похоже на польский язык. Позвонил Тандрик и сказал, что уезжает немного проехаться. Видимо, отправился куда-то организовывать «трофеи».

В воскресенье вечером *в светлицы ужондзили забава* [в клубе устроили танцы]. Играл гармонист, пришли девчата и танцевали. Хорошо танцуют немки. Первое время они вовсе не приходили, но теперь освоились и приходят. Возмущаются тем, что наши польские тетки приходят на танцы вместе со своими детишками. Пожалуй, это возмущение справедливое. Зачем таскать с собой всюду ребятишек?

Крейцендорф

14 августа.

Время отъезда все приближается. Сейчас уже выехали Дзенцис, Соколовский, и еще многие собираются. Настроение совсем нерабочее. Трудно работать, когда знаешь, что через пару дней должен оставить все.

Писать пришлось прекратить. Прервала немка. Прибежала и рассказала, что кто-то забирает ее вещи. Выехал на место и выяснял, что происходит. Барахолить никому не разрешено. А то начинают самоправничать, кому ни лень. Произвол целый. Милиция тоже — вместо того, чтобы навести порядок, сама не прочь нагреть руки. А они у них и так уже не особо чистые.

На всякий случай нужно записать адрес моих старых солдат. По старой памяти напишу им письмо.

Первый: Павловский Юльян Францевич, воеводство Познанское, повят Зерков, Глизна и почта Дубенщизна, дом № 72. Хороший он парень, старательный.

А вот адрес моего старого ординарца: Пашковский Юзеф Михайлович. Он даже своего адреса еще и не знает. Где остановится?

Сейчас вот имею возможность слушать монтаж из Москвы. Передают:

... Лишь любовь горит звездою,
Лишь к тебе лечу мечтою...

Передают «Сильву». Хорошая оперетка. Скоро буду там, в Москве. Скоро. А Тамара в последнем письме написала: «Если бы ты мог понять, как я жду ее, нашу встречу». Так ли это на самом деле? А я вот уже не пишу ей два месяца. Бессовестный. Даже больше, чем бессовестный.

Жизнь — очень сложная штука. Это не мюзик-холл! Хорошо сказал один герой в «Сильве»: «Жизнь — это не мюзик-холл». Действительно, так!

Наш доктор Попроцкий напрасно хвалился, что вот-де он один из русских остается. Только что мне позвонил Коркаш и попросил прислать характеристику и на Попроцкого. Уезжает и он. Напрасно только настроил он радиоприемник.

Крейцендорф, Крайс Леобшютц

18 августа.

Суббота. Вчера вечером представитель Главного политуправления проводил совещание. Подняты были очень актуальные вопросы. Наконец-то взялись трубить тревогу по поводу слабого общего образования многих офицеров. Давно пора заняться учебой, командирской учебой. Беда вот только в том, что, по-моему, дальше разговоров дело не пойдет.

Товарищи справедливо возмущались тем, что у нас награды дают «по блату», а не действительно тем, кто их заслужил своим ратным трудом. Так оно есть. Печально, но факт.

Все еще не уезжаю. Думаю, что скоро уже буду в Москве, но, однако, не всегда так бывает, как намечаешь. Не всегда жизнь и долг идут по расписанию. Короче говоря, все осталось пока без изменений.

Вот только что привезли приглашение на танцы сегодня вечером в Леобшютц. Эта «секретарка» С. Беккер просит, чтобы обязательно приехал, пишет: «Явка обязательна». Ну, а мне, признаться по совести, совсем не хочется ее видеть. Никакого желания нет. Лучше послушать радио. Вот оно только что пело мои любимые:

Помнишь ли ты, как счастье нам улыбалось,
Лишь для тебя сердце пылало, любя,
Помнишь ли ты, как мы с тобой расставались,
Помнишь ли ты наши мечты?
Пусть это был только сон,
Только лишь сон.

Или вот из «Баядерки»:

О, Баядерка, ты чаруешь меня,
О, Баядерка, жизнь в тебе вся моя,
Волшебной силой ты сковала все мечты,
Я весь во власти чудной красоты,
О, Баядерка, весь я полон мечтой,
О, Баядерка, о тебе лишь одной.
Затмила красотой весь вечер золотой,
О, Баядерка, весь я твой.

А где это теперь моя Баядерка? Родная Тамара пишет, что ждала меня, ждала в Москве, и, не дождавшись, уехала в «турне» по Украине. «Я не могу больше сидеть в Москве, мне нужно отдохнуть, напитаться новыми впечатлениями, поглотить как можно больше красоты мира, обновить мой иссякающий запас оптимизма и радости, чтобы всего этого хватило до следующего лета. Через два дня я буду купаться в Днепре, слушать украинские песни, кокетничать с украинскими парубками».

Итак, опять в который раз рухнули мои воздушные замки, рухнули и похоронили под развалинами часть моего оптимизма.

...Почему-то вспоминается Байрон: «Прощай, и, если мы расстались навсегда, то навсегда прощай...».

«Я не хочу,— пишет дальше Тамара,— ассоциировать эти строки с нашими отношениями, но ассоциация напрашивается сама собой. Родной мой, неужели действительность возведет эту ассоциацию в степень свершившегося факта?»

Да! Неужели такому суждено быть? Неужели для того я так много страдал, так много выносил, так много ожидал — и все это рухнет? Не может этого быть.

Приезжал из госпиталя Журовский. Вечером у Тандрика встретили его. Снова готовится после госпиталя вернуться сюда, в наш полк. Вот она, сила привычки. Ничего не поделаешь. Таковы дела!

На Дальнем Востоке все еще идут бои. Япония хотя и капитулировала, но японское войско все еще продолжает сопротивляться. Видимо, продолжаться так долго не будет. Скоро закончится и там война. Кто тогда на очереди? Будет ли, в конце концов, мир прочный и во всем мире? Хватит уже войны. Хватит горя и страдания, хватит этих жертв и разрушения!

Крейцендорф

19 августа.

Воскресенье. Вчера вечером в Леобшютце *забавы* [танцев] не было: говорят, что староста напился пьяным и запретил забаву. Вместо этого инженер у себя дома устроил что-то вроде забавы. Вернулся домой глубокой ночью.

Сегодня пришел мой сменщик. До среды побудем вместе, а затем я сдаю дела и уезжаю. Пока оформят, то, видимо, подойдет и первое число. Жалко оставлять свой «тихий дом» и снова выбираться в дальнюю дорогу. Никак не дадут пожить хоть

немного спокойной, сидячей жизнью. Переезды эти только изматывают.

Вечером в светлице установили адаптер и устроили танцы. Теперь к нам приходят на них даже из соседних деревень. У Ольчика есть хорошие пластинки, привез из отпуска. Вот одна из них:

Встретились недавно в ресторане,
Как мне знакомы твои черты.
Помнишь ли меня, моя Татьяна,
Мою любовь и наши прежние мечты?
Вижу губ накрашенных страданье,
В глазах твоих молчанье пустоты.
Где же, мне скажи, моя Татьяна,
Моя любовь и наши прежние мечты?
Татьяна, помнишь дни золотые,
Кусты сирени и луну в тиши аллей?
Татьяна, помнишь грезы былые?
Тебя любил я, не вернуть нам юных дней.
Упали косы, пушистые, густые,
Свою головку ты склонила мне на грудь.
Татьяна, помнишь дни золотые?
Весны прошедшей мы не в силах вернуть.

Крейцендорф

20 августа.

Убийственная скука. Барометр тоже резко идет вниз, и на дворе сумрачно, дождливо. Так же, как у меня на душе.

Несколько дней кряду понуждал себя писать письма, но ничего не выходит. Абсолютно нет настроения.

Отправил Юзика на бричке в Леобшютц, может быть, привезет Блеха. Он в телефонном разговоре обещался приехать. Веселый парень, шутник большой. Один из тех, кто «прошел огонь, воду и медные трубы». В полку нашем с самых Селец. А нас, селецких, совсем мало осталось. Жалко. Привыкаешь к однополчанам. Особенно жалко тех, с кем прошел войну, которая роднит людей, вносит между ними что-то общее.

Писем не пишу. Ну, и что мне скажет при встрече Тамара? Как я буду объяснять свое беспричинное молчание? Положение трагикомическое.

Как назло, тускло горит свет. И не работает радио: не хватает напряжения.

Но скоро, скоро уже все это будет далеко. А жалко и обидно. Когда была война, то мы нужны были Войску Польскому.

А вот теперь война закончилась, началась мирная жизнь, и нас можно спровадить из Польши. А ведь самую тяжесть перенесли на своих плечах мы, русские офицеры. Скажут ли теперь нам в Варшаве спасибо? Додумаются ли до этого?

Крейцендорф

28 августа.

Позавчера приехал из Варшавы. Сюда к нам приехала Пясецкая с Галицкой, 15. Собралось нас целая компания, и мы поехали в Варшаву. Нужно было отвезти туда вещи.

Немножко «проветрился», в дороге встречал новых людей, получил новые впечатления. Особенно приятно было снова встретиться с Варшавой и с Прагой, на которой знакомы почти каждая улица, каждый дом. С ними связано так много воспоминаний, так много переживаний.

Из старых друзей уже многих нет ни на Вавре, ни в Гоцловке. Моего хозяина тоже нет. Хозяйка умерла, а хозяин уехал. Эрна Модальская тоже уехала. Теперь там, в ее доме, живут другие люди. Смотрел я на старые знакомые стулья, на столик, за которым мы часто сидели: я, покойный Кулеша, Войтек, Бася. Сколько приятных минут познал я в этом доме, за этим столом. Совершенно права была Эрна, когда писала, что не стоило нам ругаться. Права была и в том, что: «Скажи, кому стоило ли? Смерть Ричарда доказала что такое жизнь – еще раз спрашиваю: время, проведенное на земле, стоит ли тратить на гнев».

Пожалуй, она права, что *не варто* [не стоит].

Варшава отстраивается медленно. Пожалуй, мало чем отличается от той Варшавы, какую мы застали в первые дни освобождения. По иному совсем выглядит Прага. Появились трамваи, везде электрический свет. А главное—торговцы. *Хандлюё* [торгуют] кругом и всюду, старые и молодые. Может быть, поэтому-то не хватает времени им заниматься строительством. Возможно, что так.

Вещи свои оставил пока у «помалютку-потихутку». Думаю, что останутся целы.

Хотел, было, оформиться быстро и уезжать, но не тут-то было. Наш «сильно *валечны* [боевой]» Фомин решил потребовать с меня пистолет, который он мне когда-то выдал. А я его не отдаю. И вот теперь держат меня. Ну, и пускай. Мне-то что.

Буду себе сидеть. Завтра вот поеду в Козель за фотографиями и за медалью. Авось, получу.

Из нашей деревни сегодня выселяли немцев. Всех собрали с манатками на площадь возле кирхи. Ну, и положение теперь у них! Даже немного жалко. Правильно кто-то заметил: «Выходит хлеб за хлеб».

Крейцендорф

29 августа.

Встал рано-рано. Будильник разбудил в 4.30 утра. Юзик готовит завтрак, а Вежин пошел за лошадьми. Еду на станцию, а оттуда на Козель. Поезд отходит в 6 часов. Во дворе еще темно, светит луна. Деревня спит.

Снился сон. Интересный сон. Будто бы я устраивался на работу спецкором. И вот зашел спор, куда идти: в «Пионерскую» или в «Комсомольскую правду». Одним словом, профессиональный сон.

В Козеле забрал фотокарточки и получил медаль. Очень удачно успел на обратный поезд. Народу едет уйма. Все торгаши. Поезд буквально облеплен людьми. Люди не сидят на месте. Говорят, что надо как-то жить.

Заметил, что немцы — работящие люди. Все время копаются по хозяйству. Работают они хорошо, надо отдать справедливость.

Крейцендорф

31 августа.

С награждениями выходит тоже «круговая» и блат. Майор Фомин все еще продолжает получать награды. И спрашивается, за что? За то, что почти всю войну просидел *в пивници* [в погребе]? Все же об этом знают. Но он сам на себя пишет «сильно *валечнэ* [боевые]» материалы и загребает ордена. А, между тем, сколько раз полковник Щабельский во время боев ругал его за плохую работу. Где же она, правда? Где она вообще есть и была ли когда-нибудь?

Тем более обидно, что такая несправедливость живет еще у нас, у русских людей. Людей, о которых Лев Толстой написал в «Войне и мире» такие проникновенные строки: «И благо тому народу, который, не как французы в 1813 году, отсалютовав по всем правилам искусства и перевернув шпагу эфесом, грациозно и учтиво передают ее великодушному победителю,

а благо тому народу, который в минуту испытания, не спрашивая о том, как по правилам поступали другие в подобных случаях, с простотою и легкостью поднимает первую попавшуюся дубину и гвоздит ею до тех пор, пока в душе его чувство оскорбления и мести не заменяется презрением и жалостью».

Вчера ночью с одним немцем (он хорошо разговаривает по-польски) исправляли приемник. Даже его наново отлакировали. Ремесленный народ, эти немцы. Смотришь, какой-нибудь малыш, а может исправить радиоприемник. Такая «приученность» к технике похвальна. Заслуживает всяческого одобрения. Было бы очень хорошо, если бы каждый из нас имел необходимые технические (я бы сказал, хозяйственные) навыки.

Наш полк скоро должен смениться. Уходит куда-то в город, в гарнизон. С точки зрения материального положения, это проигрыш. Там будет куда хуже. Здесь живется более «сытно и вольготно». Часто, видимо, потом многие будут вспоминать «сию счастливую годину, когда не токмо хозяин, но и всякий наймит ел хлеб настоящий, а не в редкость бывали и шти с приварком». Так жилось, как глуповцам во времена административного поприща градоначальника Прыща. Но вся беда в том, что по мере того, как развивается свобода, нарождается и исконный враг ее — анализ. С увеличением материального благосостояния приобретается досуг, а с приобретением досуга является способность исследовать и испытывать природу вещей. Так подрубается сук, на котором сидишь.

Вот только скучно тут живется. Так можно привыкнуть к «ничегонеделанию», к праздному времяпрепровождению. А потом будет плохо, страшно плохо!..

Крейцендорф

1 сентября.

Суббота. Первый осенний день. Значит, кончилось лето. Тоскливо становится, что приближаются дожди, холода, слякоть. Тем более что впереди все еще так неопределенно с выездом в Россию, а, значит, снова устраивайся, снова создавай все сызнова. Сколько раз я уже так начинал создавать этот уют, «благосостояние».

Приехали из Варшавы Бася Пясецкая, а с ней какая-то родственница. Все это «ими двигают» *хандлевэ* [торговые] интере-

сы. Покупают, продают и снова покупают. Мастера на этот счет. У Тандрика они «зробили интерес».

Свет не горит, и нельзя слушать радио. В здешних условиях это большое горе. Здесь радио — единственное развлечение. И вот его нет. Говорят, что не хватает *пронту* [тока]: слабая машина. Медленно восстанавливается здесь хозяйство. Все требуют электроэнергии, света, а никто не хочет беспокоиться о машине, проводах.

Ездили в Козель. Там был парад по случаю 2-й годовщины существования нашей дивизии. Там вручали также медали «Мы победили». Еще прибавилась одна медаль. А вечером у Тандрика был бал.

Крейцендорф

4 сентября.

К одному нашему солдату приехала в часть сестра Миля со своей подругой. Где им было разместиться? В казармах нельзя. Пригласил их к себе. Оказалось, они — старшие медсестры из Быдгощского госпиталя. Замечательные веселые девушки. За два дня стали с ними лучшими друзьями. Вчера на велосипедах ездили на границу. Были на заставах и, кроме того, подходили к самым пограничным столбам. А я с командирами ходил на чехословацкую заставу. Познакомился с одним чешским пограничным капитаном. Так что можно записать, что был вчера за границей, на чешской стороне. Живут там, на заставе, хорошо.

Сегодня утречком девушки уехали домой. Оставили свой адрес: г. Быдгощ, улица 1-го Мая, дом 10, кв. 9а. Янина Яцкевич и Комаровская Миля. А госпиталь — гарнизонный, полевая почта 57085. Кто знает, может быть, когда-нибудь и случится там побывать. А Миля — хорошая девушка.

С отъездом ничего не вышло. Начфин задержался, а полк послезавтра должен уходить. Сейчас все приостановили. Придется ехать вместе с полком на место. Только думаю выезжать отдельно, поездом. Стоит ли трястись мне со всеми. К их приходу в Ченстохову там уже буду и я. Как раз получится хорошо. Все равно теперь я не у дел. Зачем же со всеми путаться!

Крейцендорф

5 сентября, 22 часа.

Итак, осталось мне быть в Крейцендорфе не больше часа. Только что отужинали. Уже подъехала фурманка, и сейчас выезжаю в Козель, а оттуда в Варшаву. Сейчас вечер, укладываем последние вещи. Попрощался со знакомыми. И — в дорогу.

Снова дорога. Привык к насиженному месту так, что не хочется выезжать. Нам и тут неплохо было. Совсем неплохо. Но что сделаешь, такая наша солдатская жизнь.

Итак, прощай, Крейцендорф!

Крейцендорф

10 сентября.

Понедельник. Вот уже сколько дней в Варшаве. Доехал без всяких приключений, если не считать приятного знакомства с одной русской девушкой, которая научила меня «Офицерскому вальсу»:

Ночь коротка, спят облака,
И лежит у меня на погоне
Незнакомая чья-то рука.
После тревог спит городок,
Я услышал мелодию вальса
И решил заглянуть на часок.
Хоть я с вами совсем не знаком,
И далеко отсюда мой дом,
Я как будто бы снова
Возле дома родного,
В этом зале пустом
Мы танцуем вдвоем,
Так скажите мне слово,
Сам не знаю, о чем.
Будем дружить, петь и кружить
Танцевать я совсем разучился
И прошу вас меня извинить.
Снова в поход утро зовет.
Покидая ваш маленький город,
Я пройду мимо ваших ворот.
Хоть я с вами совсем не знаком,
И далеко отсюда мой дом,
Я как будто бы снова,
Возле дома родного и т. д.

За время своего пребывания здесь побывал над Вислой, на месте наших прежних боев. Как это хорошо — побывать на старых местах! Уйма воспоминаний!

Послал Тамаре телеграмму. Был у Пясецких и на ул. Ремишевской у Святоховских. Был и на данцинге, и в цирке. Одним словом, приобщился к столичной жизни. А сегодня уезжаю в Ченстохов [Ченстохова] и в Быдгощ. Там, в Ченстохове, буду ждать своих.

Варшава – Прага

19 сентября.

Эти прошедшие дни были особенно насыщены событиями. По приезде из Варшавы в Ченстохову нашего полка здесь еще не застал и поехал в Быдгощ проведать знакомых. Туда еле добрался. По дороге имел всевозможные приключения, вроде того, что моя шайка поехала в одном поезде на Лодзь, а я — в другом поезде на Катовицы. И пришлось затем своих догонять.

В Быдгоще девушки меня встретили сердечно: чем проще и беднее народ, тем чистосердечнее он принимает. Это уже не раз замечал. Когда вернулся, то наши уже были здесь, но в общем «переполохе» не особенно-то заметили мое отсутствие. Впрочем, Фомина-то все равно нет, а Котвицкий — мировой парень. Свойский!

В Ченстохове (сверх ожидания!) нашел прекрасную квартиру. В центре города, у одной симпатичнейшей женщины, врача по детским болезням. Врач — замечательнейший человек и рассуждает (а любит страшно дискуссировать!) совсем по-нашему, по-советски. У нее и мировоззрение правильное, умное, рассудительное. По вечерам часто с ней подолгу рассуждаем. И, должен признаться, что такие беседы могут даже кое-чему полезному научить.

Когда возвращался из Варшавы, то по дороге познакомился с одной паненкой из Бельска. По этому поводу ездил в Бельск в гости. Разыскал ее квартиру и гостил там день. Она, в свою очередь, обещала мне приехать ко мне в Ченстохов. Ее тетка, между прочим, к моему приезду отнеслась весьма снисходительно.

Наконец-то получили разрешение на откомандирование меня. Вчера окончил всякое оформление, а сегодня вот только приехал из штаба дивизии, из Кельца. Там тоже закончил все процедуры. Осталось только съездить завтра в Катовицы, в штаб Армии, там утвердить в политотделе партхарактеристи-

ку — и все. Можно ехать в Варшаву, в персональный отдел Войска Польского. Куда направят оттуда? Вот вопрос, который меня сейчас волнует.

Ченстохов, Келецкое воеводство

23 сентября, 8 часов.

Уезжаю. Вот адрес моей хозяйки: Ченстохова, аллея Костюшки, дом 7, кв. 6, Мускала.

Через несколько часов уезжаю в Варшаву. А там — куда скажут в Войске Польском. Может быть, направят в Москву, а, может быть, и во Вторую Армию. Пока трудно сказать.

Утром был сильный дождь. Пасмурно и сейчас. Одним словом, хмурое утро. Вчера еще был на футбольном матче и вечером — на концерте. Последний раз в Ченстохове.

«Итак, все кончено! Судьбой неумолимой...» А жалко бросать Ченстохову. Привык я уже здесь ко всему. Но что сделаешь!..

Ченстохов

17 октября, 21 час.

Почти месяц не заглядывал в дневник. Все эти переезды, отъезды, приезды... Из Ченстоховы поехал в Варшаву с намерением, что оттуда направлюсь в Москву. Но меня забрали в Департамент пограничных войск, а там направили помначштаба отряда в Сокулку за Белосток. Я не был согласен и решил прибегнуть к помощи старого (еще ташкентского) знакомого — генерала Раткевича. Он ведь теперь и. о. начальника Генерального штаба. Знакомство помогло. Одним словом, после долгих мытарств по Варшаве и Влохам получил направление в Краковский военный округ на должность помощника начальника оперативного отдела. 2 октября приступил к работе.

Пару дней пришлось походить в поисках квартиры. Помогла русская настойчивость. В условиях Кракова (здесь большое перенаселение!) нашел довольно-таки приличное помещение на Ленартовича, 11, кв. 2. *Милэ товажиство* [приятное общество]. Хозяйка когда-то училась в русской гимназии и хорошо говорит по-русски. Кроме нас еще есть в доме милая старушка. Комнату хорошо обустроили, не хватает только «паненки». Радио тоже наладили, и теперь играет. Только вот холодно в доме. Наряд на уголь получил, но угля пока на складе нет.

Итак, теперь я на новой работе. Некоторые говорят, что я сделал большой скачок. Возможно! Все возможно! Недаром же говорят, что «блат выше Совнаркома».

Каждый день хочу написать Тамаре письмо, но ничего не выходит. Писать письма совсем разучился.

Пришел капитан Балтрукевич. Работает вместе со мной в одном отделе. Интересный он парень. Все сочиняет, все тоскует. Спрашивает как-то у меня, есть ли в моем дневнике страница о тоске, о муках — телесных, душевных...

Краков

22 октября.

Понедельник. Недавно только возвратился с работы. Теперь ухожу ранним утром и прихожу поздним вечером. А еще в последние дни командующий нас принимает с докладом после работы, и, таким образом, мы уходим позже всех. Говорят, что на то мы и оперативники. В субботу целую ночь был на танцах в офицерской школе. Хорошо, что в воскресенье оперативное донесение за меня написал Балтрукевич. А была моя очередь. Он вообще часто у меня ночует. Немножко со странностями парень. Все декламирует с экспромта. Думает, видимо, попасть в Пушкины. Может быть!

Тоскую по Москве. Если бы только знала Тамара, как мне недостает ее. Но увы! Она, наверное, решила, что раз я столько времени не пишу, значит, я забыл. На самом деле совсем не так. О, нет! Часто мои мысли в Москве, в их доме, в котором я ни разу и не был. Плохо, страшно плохо одинокому. Вот сегодня обещали прийти ко мне один капитан со своими знакомыми. Ждал я их, ждал, но скоро 9 часов, а их нет. И, видимо, уже не будет. А жаль.

Позавчера случайно после ужина ходил в кино. Смотрел «Гальку». Хороший польский фильм о трагической любви одной крестьянской девушки к паничу. Он ее обманул, бросил, женился на другой *шляхтянце* [дворянке], и Галька бросилась с обрыва. Трогательный фильм.

Все больше убеждаюсь, что наш начальник, подполковник Хилинский — благороднейший человек. Интеллигентный, сдержанный, исключительно спокойный. Он умеет подойти к человеку, покорить своей выдержкой.

Что-то теперь там поделывает Ярузельский? Мой хороший, прекрасный друг. По правилам-то, я должен был бы написать

ему письмо. Написать нужно бы и Юзику. Ведь, как бы там ни было, он много сделал для меня. Хороший был ординарец. Теперь вот самому нужно беспокоиться о «своем хозяйстве»: о подворотничках, о стирке, о вешалках и прочей такой дребедени. А раньше все это как-то и не замечалось. Все было сделано Юзиком. И теперь, небось, он получил отделение и *помалютку* [помаленьку] действует там с ним в компании. И куда бы это удрать от этого одиночества?

Плохо, что закончилась война! На ней куда веселее было. И время не замечалось. И жить было куда легче. А теперь вот все купи. Даже пуговицу – и ту купи. А тогда этих забот не было. И было много переживаний, новых людей, событий, впечатлений – хоть отбавляй. Все прошло. Каждый день теперешний, как капля воды, похож на другой. Все это так нудно. Брр...р!

Теперь я понимаю Тамарино настроение, о котором она когда-то мне писала.

Краков

23 октября.

Сегодня из Ченстоховы приехал и зашел ко мне батальонный фельдшер. «Свой человек». Как будто вместе с ним приехал ко мне кусочек нашего Кольбергского полка. Поговорили о старых друзьях. Через фельдшера передал Ярузельскому и Ольчику письма. Кроме того, сегодня «разошелся» и написал письма также майору Фомину, Юзику. Просил майора Фомина, чтобы он устроил Юзику на несколько дней отпуск. Пускай бы приехал ко мне.

Почему мы не едем в часть? Плохо это, сидеть на месте. Разве можно только из шифровок, из донесений, на карте узнать то, что узнал бы, общаясь с людьми, разговаривал с бойцами и командирами?! Но наш начальник штаба настойчиво нас держит и никуда не пускает. Ну, и пускай себе. Говорят, что начальству всегда виднее: оно газеты читает и по телефону разговаривает.

В комнате у меня теперь тепло, хозяйка заботливо все убрала. Уютно сегодня.

29 октября.

Вчера был выходной. После ночной *забавы* (целоношных танцев)...

1 ноября

Сегодня четверг, но у меня был выходной. Вернее, еще есть, т. к. день не кончился. Праздник *«Вшистких свентых»* [Всех святых]. Целый день мгла. Противный, противный дождишко. В такие дни особенно остро чувствуется «taedium vitae», о котором говорили еще римляне, т. е. «отвращение к жизни». Будь немного помоложе, то, наверняка, заплакал бы от тоски, от скуки, от раздражения. Что-то неотвязчиво-постылое, противно-тяжкое со всех сторон обступает, как осенняя темная ночь.

Размышляешь о суете, ненужности, о пошлой фальши людей. Везде все то же вечное переливание из пустого в порожнее, все то же толчение воды, а там нагрянет, как снег на голову старость — и бух в бездну. Придет день урочный, перевернется лодка.

Тамару почти потерял. Тамара когда-то в письме написала мне о сказках Гофмана: «Это все для детей писано». Но есть у него одна повесть (забыл, как ее заглавие), у которой хорошее начало. Рассказ об одном человеке, который однажды встречает девушку исключительной красоты, гречанку, которую сопровождает злой старик. Молодой человек с первого взгляда влюбляется в девушку; но он удаляется на мгновенье и, возвратившись в кондитерскую, уже не находит ни девушки, ни старика. Бросается ее отыскивать, беспрестанно натыкается на самые свежие их следы, гоняется за ними — и никаким образом, нигде, никогда не может их достигнуть. Красавица на веки веков исчезает для него, а он не в силах забыть ее умоляющий взгляд и терзается мыслью, что, может быть, все счастье его жизни ускользнуло из его рук...

Может быть, так случилось, или случится, по крайней мере, со мной. Смахивает на это!

Вечером, после ужина, заехал к своим знакомым, и там обсуждали дела «колхозные». Дело в том, что там живет целое «братство», и они назвали свою коммунку «колхозом», избрали председателя, счетовода. *Бавёнсе* [развлекаются] люди!..

По городу вечером было большое шествие с факелами. Это в честь погибших воинов. Возлагают венки на Гроб Незнакомого Солдата, посещают кладбища, могилы убираются цветами. Все это хорошо. Традиция хорошая, что и говорить! Нужно чтить память тех, кто, сражаясь, погиб за Родину, за свой народ, его счастье, его будущее.

Возле бывшего помещения гестапо открыли памятник погибшим, ночью зажгли огни и поставили почетный караул. Красиво это!

В «Военном вестнике» прочитал хорошую статью «О воспитании волевых качеств и активности у молодых офицеров». Автор утверждает, что для воспитания твердого характера нужны: ясность цели, твердость решений (во всей линии поведения командира бойца), активность, смелость и инициатива («Я привык быть действующим непрестанно,— говорил Суворов,— тем и питается мой дух»). Надо не бояться ошибок, которые, безусловно, будут в творческих исканиях («Не бояться ошибок! – указывал Драгомиров.— Кто их боится, тот никогда не выучится. Хуже нет ошибки, как нерешительность»).

Решение неустанно работать над собой должно быть твердым и бесповоротным. «Вовсе не гений внезапно и таинственно открывает мне, что именно мне должно говорить и делать при обстоятельствах, кажущихся безысходными для других, но мне открывает это мое размышление. Я работаю всегда, работаю во время обеда, работаю, когда я в театре, я просыпаюсь ночью, чтобы работать» (Наполеон).

Краков

5 ноября.

Понедельник. Днем за работой не замечаешь этой скуки, убийственного одиночества. Но вечером... Вечером особенно чувствуется. Да, жизнь наша не особенно веселая. Какая-то тайная, неизлечимая и незаслуженная печаль постоянно подтачивает корень существования. Это трудно объяснить, трудно описать. И вот в такие минуты чуждаешься людей.

Больше хочется сидеть одному — и мечтать, мечтать! О чем мечтать – сказать трудно. Иногда чудится, что стоишь перед полузакрытой дверью, за которой скрываются неведомые тайны, стоишь и ждешь, и млеешь, и не переступаешь порога — и все размышляешь: а что там находится, впереди? О, если бы я чувствовал наклонность к набожности, быть может, пошел бы в монахи. Но таковых наклонностей нет. Разочарование только!.. И все выглядит так ординарно, так бессмысленно!..

Впрочем, много бессмысленного я видел и на войне. И в самом деле: с детства меня учили не мучить даже животных,

быть жалостливым; тому же учили и книги, которые читал. Но на войне я видел столько смертей, страданий, крови. Миллионы людей, собравшись в одно место и стараясь придать правильность своим действиям, убивали друг друга, и всем им было одинаково больно, и все одинаково страдали, а в то же время воевали, убивали, уничтожали то, что долгие годы в поте лица своего сами же создавали. И после этого — можно ли толковать о каком-то смысле?

Сегодня после доклада прокурора о преступлениях, совершенных отдельными офицерами, кто-то правильно затронул вопрос о морали, об этике офицера. Правильно затронул. Некоторые наши, а особенно польские офицеры, по-моему, мало смыслят в этом вопросе. И это очень сказывается на воспитании солдат. Думают, что на одной муштре далеко уедут. Нет, глубоко ошибаются. «Притупляя энергию подчиненного, офицер не развивает и своей,— говорил Драгомиров,— и чем больше муштруют солдат, тем слабее бывают начальники, как только выходят из комфортабельной мирной обстановки».

Устав, конечно, уставом, но, кроме него, нужна своя смекалка, своя инициатива. Достаточно вспомнить Петра Первого, который в дополнительном пункте к воинскому уставу написал: «Правда, может офицер, якобы к оправданию своему, ответствовать, когда в том спрошен будет, что я то чинил по уставу воинскому, однако же, то его оправдать не может, хотя то и написано, ибо там порядки писаны, а времен и случаев нет, того ради ему подлежит рассуждение иметь».

Устав не «слепая стена». Драгомиров писал, что «тот, кто отступает от буквы устава с очевидной выгодой для войск, тот не нарушает его, а, напротив, исполняет и притом в высшем и благородном смысле, т. е. в духе, а не в форме».

Интересный тип капитан Балтрукевич, или, как он сам себя называет,— Собакевич. Он вечно недоволен, ругает людскую несправедливость, мечтает о том, чтобы «на Краков сбросить две атомные бомбы». Гений разрушения. В то же время увлекается Наполеоном, говорит, что последний был почти такого же роста, как и он, Собакевич. На танцы его не вытащишь, нелюдимый. Зато читает страшно много, говорит почти что стихами — словом, странностей уйма. И в то же время — хороший парень!

Краков

7 ноября.

Сегодня праздник. 28-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Вчера и мы далеко от Родины на торжественной академии в кино «Скаля» встречали этот великий праздник. А ночью настроился на Москву и слушал «Большую землю». Слушал голос Москвы, и виделась мне вся наша, бесконечно милая сердцу, огромная советская страна. Первый праздник, отмеченный высокой радостью Победы.

Вспоминаю холодный вечер кануна Седьмого ноября 1941 года в Ташкенте, возле кинотеатра «Хива». Словно сейчас вижу, как толпа в глубочайшем молчании слушала каждое слово Сталина. Он зарядил нас энергией, вселил уверенность в победе, гордость за свой народ. Он сказал нам, что мы победим, и мы верили в это.

Мужая на глазах, орлиными очами глядела вперед наша страна, и новые поколения мужали вместе с ней.

Легче пересчитать золотые россыпи в недрах земли, чем рассказать о всех героических делах наших людей за эти годы тягчайших испытаний. Наш стойкий, сильный, свободный, могучий духом советский народ, обливаясь кровью на горящей, испоганенной врагом родной земле, день ото дня удесятерял усилия, все вернее шел к победе. И пришел к ней.

А теперь моя Родина празднует Победу. Мы гордимся ею, гордимся своим великим народом-победителем. Всеми мыслями, всей душой мы сегодня в Москве со своими согражданами, в родной стране.

Ночью написал Тамаре большое письмо. Такое теплое, чувственное, какие когда-то посылал ей с фронта. Она писала, что любит такие теплые, откровенные письма. Писем ответных нет. Отозвалась одна только Миля из Быдгоща. Сегодня получил от нее письмо. Адрес ее: Bydgoszcz, Ul. Aleje 1-go Maja, № 10, m. 9a, Emilia Komorowska.

Нужно не переставать ей писать. Она — скромная, нераспущенная (как многие в наши дни!) девушка. Интересное же у нас произошло знакомство тогда в Крайцендорфе.

Краков

14 ноября.

Совсем не думал, что столько дней уже ничего не записывал. Все дело в том, что все эти дни провел в разъездах. Никак не может решиться вопрос о дислокации дивизии и танковой

бригады, и командующий постоянно высылает нас на разведку. Вот сегодня только часа два, как приехали с начальником АБТ из Тарнова и Ланудта. За сутки проделали около 500 километров. Обследовали все возможные варианты расквартирования. Завтра доложим.

Поездка немного проветрила, а то ведь засиделся. А при моей привычке всегда быть в движении, всегда ездить, встречаться с новыми людьми, получать новые впечатления более чем полуторамесячное сидение в Кракове надоело уже.

Хорошо бы проехать, посмотреть свет. Ведь он так широк и громаден!.. И вместе с тем так красив... Особенно красиво, когда возвращаешься вечером к большому городу, и за 15–20 километров он уже встречает тебя сотнями сверкающих огней. Огни большого города!.. Помнится, когда-то давно-давно, чуть ли не в Белоруссии, видел чаплинский фильм «Огни большого города» — о том, как юный скрипач из деревни мечтает попасть в большой город; мечта его сбылась, но впоследствии городская жизнь захлестнула его, испортила, и он погиб.

Командующий АБТ — хороший, компанейский человек. Как уже узнал от него, он, оказывается, учился в Ташкентском училище имени Ленина; вспомнили с ним об Иване Петрове. С какой любовью он говорит об этом большом воспитателе, прекрасном командире. Иван Ефимович оставил в нем любовь к себе на всю жизнь. И такое же впечатление о Петрове всегда было и у меня. Хороший человек надолго запоминается, долго живет в умах и сердцах своих воспитанников.

Дома оставлял письмо, надеялся, придет та блондинка, с которой познакомился последний раз на танцах. Но, увы! Она приходила в воскресенье, не застала меня дома (я не дождался ее каких-нибудь 10–15 минут и ушел в кино), а теперь, видимо, рассердилась на меня и не приходит. Жаль, конечно, но что поделаешь. Снова приходится сидеть одному. Скучно, черт возьми! А теперь еще такие тоскливые дождливые осенние вечера. Дожди и дожди бесконечные. Видать, Краков стоит на дождливом месте.

Краков

17 ноября.

Вечер. Собрались на танцы в офицерскую школу. Сегодня целую ночь там танцы. Сейчас уже 9.30, но нужно подождать еще с полчасика. Рано приходить вроде и неприлично, лучше

немножко попозже. Так, вроде, полагается. По радио передают из ресторана «Цигангрей» прекрасный концерт. Танго прекрасные, в хорошем исполнении.

На улице — предпраздничный вечер. Сине-сизая мгла, пронизанная желтыми огнями. Освещенные окна. Множество окон большого города. Множество людей, идущих или едущих, спешащих, нетерпеливых, торопящихся со своими хлопотами. Долго будут протекать черные реки пешеходов, долго будут тесниться покупатели в огромных и малых магазинах. Потом настанет час, когда суета спадет, пешеходные реки разобьются на ручейки, машины все пройдут куда-то по своим маршрутам, и настанет тихая, мирная, чуть морозная ночь.

В такие ночи обычно лучше думается. Воспоминания теснятся в памяти, обрывки их, как сны, проходят в памяти. Каждый может вспомнить свое и такое...

И от того, что все испытания уже прошли, еще лучше на душе делается. Смотришь на воображаемый экран времени, и на этом экране являются какие-то новые очертания прожитых событий, пейзажи не виданные тобою, лица неведомых героев, картины, полные жизненной правды, но на сегодня еще только предвкушаемые, только задуманные в планах, в огромных свертках чертежей нашего великого мастера — советского человека.

Краков

18 ноября.

Поздно встал, потому что поздно пришел с забавы. Хотя стрелка барометра стоит на «Normal», но погода какая-то сумрачная, не праздничная. Впрочем, сегодня с утра все еще сидят дома, пьют чай в кругу своей семьи и, может быть, знакомых. Моя бабушка тоже собирается куда-то к своим родственникам на воскресный обед. А мне пора собираться в штаб. Сидеть там в ожидании шифровок из дивизий, а затем писать боевое донесение в Генеральный штаб. С Балтрукевичем на сегодня не договорились, и придется в штаб идти самому. Половина праздничного дня «накроется».

Меня возмущает поведение некоторых русских офицеров в Польше, именно здесь, в другом государстве. По своему недомыслию они говорят подчас несуразные вещи, возмущаются теми порядками, которые здесь существуют. Говорят вслух именно так, чтобы слышали окружающие поляки. И тем самым,

кроме вреда, ничего не приносят нашему Советскому государству. Зачем восстанавливать против себя поляков? Зачем играть на их национальных чувствах?! Глупое, политически вредное поведение, и больше ничего. Надо учитывать, что Польша такой, какой она хочет стать сейчас, никогда не была, что многие вещи для нее внове, что многое они вынуждены делать наощупь. Она — как ребенок, только начинающий ходить, и смеяться над ним в это время, возмущаться, если он иногда делает неверные или неуверенные шаги, по меньшей мере, неразумно.

Мы, русские офицеры, присланы партией, Родиной не для того, чтобы смеяться, не для осуждения, а для того, чтобы свой политический опыт, свои знания использовать в помощь возрождающемуся Польскому государству, которое хочет стать подлинно демократическим, народным государством. Такова задача!

В отделении «Международные книги» выписал себе русские газеты и журналы: «Знамя», «Новый мир», «Огонек» и «Крокодил». Все вспоминают свою Родину, свои обычаи и порядки, свою родную речь, которые милее всех сердцу.

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить (Ф. И. Тютчев).

Отчизне кубок сей, друзья!
Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки.
Что вашу прелесть заменит?
О, Родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?.. (В. И. Жуковский. Из «Певец во стане русских воинов»).

Родные русские картины!
Заснул и видел я во сне
Знакомый дом, леса, долины,
И братья сказывали мне,

Что сон их уносил с чужбины
К забытой милой стороне.
Летишь мечтой к отчизне дальней,
И на душе светлей, теплей... (Н. А. Некрасов.
Из поэмы «Несчастные»).

Краков

23 ноября.

Вчера ночью приехал из Тарнова. Снова по вопросу размещения штаба. С представителями 8-й дивизии ездил в Жешув и Тарнов. Там встретился с полковником Гражевичем. Замечательный из него хозяин, вникает во все детали, все мелочи, когда размещает свои подразделения. Приятное впечатление оставляет и начальник штаба подполковник Раевский. Сделал все, чтобы штабдив остался в Тарнове.

По дороге из Жешува в Тарнов на нашу машину налетел «Студебеккер», наш, русский. Крепко нас стукнуло. Благодаря только тому, что лежали на дне кузова, на соломе, и это значительно амортизировало удар, все обошлось ушибом головы и болью в шее. Могло быть значительно хуже! Все предпосылки к этому были. Только чудо нас спасло.

Пешком шли ночью 20 километров до Тарнова. Зато как хорошо было после улечься в постели гостиницы «Империаль»!

КЭЧовцы слабо ремонтируют казармы. С такими темпами, да еще с исключительной неповоротливостью они, пожалуй, долго еще не обеспечат частям зимних помещений. И все потому, что начальство не руководит этими делами по существу, конкретно, отделываются суетной болтологией. А что от слов толку?

Дорога не прошла даром: снова чувствую, что основательно простудился и хвораю. Нужно беречь себя.

Краков

24 ноября.

Наша катастрофа, похоже, не прошла для меня даром: голова все еще болит. Доктор сегодня определил, что это контузия, и рекомендовал посидеть дома, никуда не ходить. Но разве можно? Сегодня ведь опять «целоночная забава», танцы до утра. Причем, говорят, что это последнее воскресенье, т. к. далее начинается пост, и танцевать будет нельзя аж до Рождества. Народ здесь верующий. Наш парикмахер, например, у себя в парикмахерской даже повесил икону.

По дороге видел заросшие траншеи. Лишь опытный глаз может расшифровать, как иероглиф, картину разыгрывавшейся здесь жестокой битвы. Ржавчиной покрылись осколки мин, позеленели гильзы... Заросли буйными травами поля битв, но судьбы людей, картины сражений долго еще будут раскрываться и после войны.

Наш полк выехал из Ченстохова. Безобразники, даже ничего не напишут, не сообщат своего нового адреса. Особенно Ярузельский. Не думал, что он может не ответить. Я уж на что туговат на письма, но не забываю своих друзей, а они вот как!

Краков

28 ноября.

Как-то вечером пришел ко мне капитан из погранотдела. Устроили ужин и погуляли. Осталась одна девушка, но такая чудачка, каких трудно сыскать. По-моему, немножко не при своих. Доволен был, что утром выпроводил ее.

От Ольчика получил письмо. Оказывается, наш полк выдвинулся из Ченстохова за Люблин. Живут теперь в какой-то «яме» (как он пишет) — Друбешове. Ответил ему. А от Ярузельского так ничего и нет. Что бы это могло значить? Отчего он мог рассердиться?

Бабушка моя, когда услышала, что я могу скоро вообще уехать, то была крайне огорчена. Ей не хочется, чтобы я уезжал.

Краков

4 декабря.

В прошлую субботу везде были последние забавы, т. к. затем начинается пост (*адвент*). Ко мне пришли знакомые, и мы вместе пошли на данцинг. Гуляли, без малого, целую ночь. А затем все братство завалилось ко мне спать. Разместил, где только кого мог.

Вчера вместе с подполковником Скорняковым ездил в Тарнов. Ремонт кошар идет чрезвычайно медленно. Совершенно очевидно, что КЭЧ поворачивается плохо. Сегодня об этом доложу начальнику штаба и буду просить о принятии экстраординарных мер к тому, чтобы заставить КЭЧ поворачиваться.

В «Крокодиле» есть хорошие отрывки из ненаписанного:

Сам лысый, а пишет, ох, как кудряво!

Никем недоволен. Говорит о людях так, точно весь мир перед ним на скамье подсудимых.

Деликатный заказчик художнику:
— До чего я, однако, не похож на свой портрет!

Она содрала с него семь каракулевых шкурок.

В пресловутом Нюрнберге начался суд над главными немецкими атаманами, палачами Европы. Пришел суд!.. Сколько лет мы все ждали этого дня. Он наступил этот день, такой долгожданный и выстраданный. Немецкий фашизм поставлен перед судом народа!

Наконец-то из Москвы получил письмо от Тамариной мамы. Сердится на меня за мое долгое молчание, передает письмо через Оболевича. Оказывается, он был во время отпуска у них в Москве. Ведь еще в Котбусе я ему дал московский адрес Тамары. Сегодня получил также и телеграмму: «Послала письмо Славой Оболевичем, Тамара напишет, когда получит от вас письмо, пришлите фотографию, желаю удачи, Фаина».

А у меня-то и нет фотографии: я не любитель фотографироваться. Не в моем это вкусе.

Страшно неудобно у нас теперь с ужином — в 9 часов вечера нужно ездить в столовую. Поздно. Вечер как-то ломается. Надеюсь, скоро сообразят, что так нельзя, и изменят время.

Погода по-прежнему сугубо осенняя. С самого рассвета на улицах стоит странный неподвижный туман. Он легок и прозрачен, он не закрывает предметов, но все, что проходит сквозь него, окрашивается в темно-желтый цвет; и даже румянец женских щек, яркие пятна их нарядов проглядывают сквозь туман, как сквозь черную вуаль. И клумбы в саду взрыты и истоптаны грубыми ногами. И сколько бы ни было людей на улицах, все торопятся и все сумрачны и молчаливы.

Каждое утро на столе мой будильник звонит, я встаю (а не хочется утром вставать), быстро одеваюсь, спешу на трамвай, к этому времени набитый до отказа, и еду в столовую. Оттуда на работу.

Так каждый день. Скучная жизнь! Неделю тому назад выпал первый непрочный снег, растаял, и с тех пор на мостовой серая грязь. Местами мокрые камни отражают черное небо и блестят косым и темным блеском.

Грохота, такого обычного для больших городов, не слышно,— он замирает в тумане, бессильный подняться над землею, над темными, промокшими домами. Серо все!

По улице ходит много женщин. Они вносят оживление в общую картину. Иной раз на трамвайной остановке случайно наткнешься взором на хорошенькое женское личико, прикажешь глазами, чтобы она обернулась, взглянула. Но она не оборачивается, и опять становится пусто, темно и одиноко, как в вымершем доме.

Краков

5 декабря.

Сегодня начальник штаба поручил мне организовать учебу штабных офицеров. Не моя это функция, но что сделаешь с начальством. Тем более с нашим Дашкевичем. Ему вот так: что ни стрельнет, ну, то и давай. С полковником Груда договорились, как будем разбивать на группы и какие выбрать темы занятий. Завтра свои соображения доложим начальнику.

Поругал замначальника штаба дивизии за плохое оформление боевых донесений. Кому-кому, а уж начальнику штаба дивизии документы нужно оформлять в полном соответствии с требованиями НПСШ. Война ведь давно закончилась. Пора переходить к требованиям мирной жизни.

Заместитель начальника отдела связи предупредил, что ко мне придет радист исправить приемник. Жду, но его все нет. Только что в дверь позвонили. Думал, что он, но оказалось — Зося.

Несколько слов о ней. Живет она у хозяйки, учится здесь в школе. Аляповатая, неповоротливая. Как видно, природа не особенно-то задумывалась над ее созданием. У Гоголя в «Мертвых душах» есть такая мысль об одном из своих персонажей.

Удалось дозвониться в Быдгощ. Мили там не было, но просил передать ей, чтобы приехала в Краков. С начальником Санитарного управления уже все договорено в отношении ее устройства. Но она пишет только, что ее оттуда не отпускают. Видимо, после моего телефонного разговора еще больше будут не пускать из-за боязни, что она к ним больше не вернется.

Фаине Ильиничне письмо все никак не соберусь написать. Бессовестный я! Она даже прислала телеграмму. Видимо, правда, что меня она любит. Она как-то писала мне об этом. Какая замечательная была бы мать. А какая заманчивая перспектива для меня — иметь мать.

Девушки, которые были в ночь на воскресенье, не приходят. Может быть, потому, что я их не особенно-то и прошу. Они,

пожалуй, и не заслуживают этого. Уж больно они «приветливо» встречаются со всеми. Такое легкое, слишком развязное поведение мне не нравится. Это говорит не в пользу женщины, тем более девушки.

Все эти женщины, их тела, лишенные души, отвратительны, как липкая грязь задних дворов. Противно целовать продажную женщину. Целовать можно только тех, кого любишь и уважаешь, но не эту дрянь. А ведь я знаю таких, которые проводят вечера в разгуле и получают громадное удовольствие, целуя этих женщин, раскрашенных, пахнущих духами и пивом. А потом заражаются от них и болеют постыдной и грязной болезнью, о которой люди говорят глумливым шепотом, болезнью, о которой нельзя подумать без ужаса и отвращения к самому себе.

Помню, как на фронте однажды переживал большие душевные муки, когда однажды думал, что и я тоже нарвался. Но опасения оказались напрасны! Но на фронте это еще вроде простительно, но сейчас – нет. На фронте нам было все равно, лишь бы прожить очередной день. Каждый не знал, что с ним случится через час. Но сейчас — другое дело!

Погода по-прежнему скучная. Подойдешь к окну — что-то темное, жуткое, как осеннее небо, глядит с улицы, и, кажется, нет ему конца, нет нигде света и радости. Иногда берешь свои дневники, осторожно перелистываешь их страницы. И от этих страниц веет прошлым, давно прошедшими встречами, забытыми запахами, веселыми днями, боевыми страдными делами.

Темно уже на улице. Окутанная туманом, неслышно вырастает долгая ночь. Сблизились дома и люди. Бледным равнодушным светом загорелись уличные фонари, вспыхнули огнями окна домов, точно озарились они приветливой и ласковой улыбкой, как старые друзья. Пушистый снег падает, растаивает на шоссе, длинном и прямом, как сама жизнь.

Завтра праздник Николая. Здесь, в Польше, его особенно празднуют. Детишкам, по старым традициям, святой Николай приносит подарки. По улицам давно уже висят рекламы, которые крикливо извещают, что и где можно купить, как подарок. В витринах выставлены красочные фигуры Николая (из ваты) с сумкой, щедро раздающего подарки.

Краков

6 декабря.

Неужели это признаки старости? Когда после обеда прихожу домой, то на час-полтора укладываюсь на кушетке спать. Иначе чувствую себя очень усталым. Никогда ранее со мной ничего подобного не происходило. Плохо, что человечество не нашло такой чудодейственный элексир, способный продлить жизнь человека. Найти бы такое средство, которое бы предупредило развитие холестериновой болезни, являющейся причиной преждевременного старения людей и преждевременной их смерти.

Х. Гуфсланд когда-то писал: «Из всех телесных движений, потрясающих тело и душу вместе, смех есть самое здоровое». Так ли это на самом деле? Говорят ведь и другое. Говорят, что главный элексир жизни — любовь, как нечто спасительное и целебное. И Одетта, и Жизель, и Джульетта, и Мария из «Бахчисарайского фонтана» охвачены любовью, и она их облагораживает, возвеличивает, дает им мужество и волю к жизни. Это любовь, которая «сильнее смерти и страха смерти» (И. Тургенев).

Говорят, что все влюбленные мечтательны и грустны. Если искать аналогии в художественной литературе, то можно привести слова Лермонтова, говорившего, что «сердце, которое много любит, много грустит...» Поэтому-то не каждая грусть — мрачна.

Такова, например, Жизель. Она гибнет от разочарования, от отчаяния, но она поколеблена не в любви, а в доверчивости. Право на любовь ею выстрадано, и оттого с ним тяжело и невозможно расстаться. Истоки «Жизели» в славянской мифологии. Генрих Гейне записал старинную славянскую легенду о *вилах* — невестах, умерших накануне свадьбы. Что может сравниться с подобным несчастьем!

В столовой немного поругался со своими новыми знакомыми. Несколько раз приглашал, но они не приходят. Это свинство! Приглашать их еще — слишком большая для них честь, которой они совсем не стоят. Я им сказал, что я не 15-летний мальчик, чтобы ходить и упрашивать. Черт с ними!

Краков

7 декабря.

Утром, как всегда, на столе зазвонил будильник. Немного еще я поспал, а затем снова, как всегда, как каждый день, — умывание, недолгие сборы, и на работу.

На улице морозец, запорошило снегом тротуары, дома. Морозец щиплет за уши, за нос... Дает чувствовать старое отморожение. Трамвая совсем не ждал, наоборот, пришлось чуть ли не догонять его. В трамвае полно людей, все спешат на работу. В городе начинается жизнь!.. В столовую приехал рано, еще мало посетителей. После вчерашнего Николая многие еще спят. Гуляли, а теперь спится им.

В свою канцелярию пришел первым. Уборщица с чувством гордости показывает, как хорошо она навощила полы в наших комнатах. Теперь только остается, уважая ее труд, следить, чтобы они сохранились такими. Когда благодарим старушку, она отвечает: «*Прошэ бардзо*!» [Пожалуйста!].

На работе закончить не удалось. Вызвал начальник штаба насчет занятий с офицерским составом на следующую неделю. Опять нужно составлять приказание. *Не мяла баба клопоту!..* [Не имела баба заботы!..]

Затем Хилинский послал в картографическое управление насчет дорожных карт.

Здесь, в Польше, поражает вежливость, с которой в любом учреждении тебя принимают. Директор управления любезно принял, пригласил сесть, в подарок дал какой-то дамский журнал (в подарок моей дочке на Николая!), подарил карту Польши (административную) и приглашал обязательно прийти, когда будут готовы атласы с дорогами.

Вежливость здесь, между прочим, чувствуется во многих случаях и часто.

Сегодня немного повздорили с Балтрукевичем. Дело в том, что он считает, что мы, направленцы, не должны заниматься помощью дивизиям в получении обмундирования, бензина и прочими хозяйственными вопросами. Я же придерживаюсь другого мнения, и поэтому хожу по КЭО, по квартирмейстерам, добиваюсь для своих дивизий нарядов, отпуска вещей, удовлетворения их нужд. Что же здесь плохого? Ведь я знаю, как трудно добиваться всего этого у начальства, особенно когда находишься от него далеко. Так почему же не побеспокоиться о дивизии, не порешать их вопросов. По-моему, это и есть правильный, большевистский подход к делу, а не формальный, бюрократический, узковедомственный.

Сегодня на обед шел с одной симпатичной женщиной из финансового управления. Я давно замечал, что ведет себя она очень солидно, толково рассуждает. Такую женщину можно уважать.

О чем писать в дневнике? Иной раз и не находишь, о чем. Каждый день похож на другой. А, может быть, я просто перестал замечать то новое, что происходит вокруг и около? Все дни не могут быть похожими, каждый день чем-то да разнится от другого.

В Кракове следовало бы познакомиться с историческими местами. На площади, через которую мы каждый день проходим на обед, когда-то польский национальный герой Тадеуш Костюшко давал присягу народу. Еще и сейчас сохранилась плита на том месте, где он стоял.

На этой же площади, говорят, поляки казнили сына Тараса Бульбы — Остапа. Найти бы такого человека, который сумеет поводить по этим местам и рассказать «преданья старины глубокой».

Краков

8 декабря.

Ночью долго ворочался и не мог заснуть. Всякое желание сна исчезло, и я лежал с раскрытыми глазами да думал. Бог знает, о чем, о самых бессмысленных пустяках — как это всегда бывает во время бессонницы. Переворачивался с боку на бок...

А утром, проснувшись, страшно удивлялся, почему же не звонит будильник. Потом только вспомнил, что сегодня праздник — выходной день. Можно еще немного поспать. Перешел на диван, поближе к радио, и начал странствовать в эфире. Утром всегда бывает хорошая музыка. Так вот и сегодня — «Кармен», Брамс и другие классические вещи, давно знакомые мелодии, которые способны возбудить старые переживания, воспоминания.

Установилась зима. Лежит большой настоящий снег. Дует холодный, пронизывающий ветер, подоконники замело снегом. Жители чистят тротуары.

Хоть сегодня и выходной, но после обеда ездил в штаб, писал боевое донесение. Раньше все выходные дни писал Балтрукевич (или как его называют шифровальщики, Балтрушайтис-Собакевич), но последнее время, после того как он начал перезваниваться по телефону с какой-то паненкой, он в выходные в штаб ездить не желает, и мне приходится отбывать свою очередь. Ничего не поделаешь.

Приехал мастер и взялся за починку чемоданов. Нужно их привести в порядок, а то вдруг приказ куда-нибудь ехать, раз-

ве тогда будешь заниматься поисками? Все нужно подготовить заблаговременно.

Вечером прибежал один поручик извиняться, что сегодня не придут ко мне, т.к. одна паненка разругалась с компанией и убежала. Пришли с ним к такому выводу, что не стоит волноваться из-за чепухи: не придут — и черт с ними. Велика беда!..

Через полчаса пришла одна «паненка» ко мне, злая-презлая. Посидела немного, затем сказала, что сходит к какому-то кузину и через 10 минут вернется. Проходит час, а ее все нет. *Заврущене гловы* [Дурят голову]. Но со мной-то у нее ничего не выйдет. Другой раз, если, как сегодня, повертит хвостом и не исполнит своего обещания, то, когда придет, просто выставлю, как когда-то еще в Ташкенте выставил из комнаты Тамару Коваль. Я не десятилетний мальчик, чтобы разрешать всякой девчонке водить себя за нос и устраивать передо мной демонстрации. Отчитал по-нашему, по-русски,— и *до видзеня*!.. [до свиданья]. Уж коль скоро все это панство, кичащееся своей благовоспитанностью, требует корректного к себе отношения, то пускай и само его проявляет. А то, ведь, и мы тоже не лыком шиты. Тоже коечему учились. Да, пожалуй, больше, чем они!

Свистит ветер. Зима взялась сразу. Основательно! Крепко стало холодать, причем сразу, так сказать, без раскачки. Русскими темпами и с русской хваткой.

Русская зима!.. Что может сравниться с нею. Вспоминаю сейчас, как ходили с разведчиками в снег, в пургу в Смоленской области за 60 километров в Бритово на занятия. Да! Тогда был поход! Как искали места, чтобы переправиться через Сож, как ночью блуждали в заснеженной степи, как растерялись тогда даже наши проводники из местных крестьян, не могли найти дороги. Долго кружили под самой деревней, и наконец-то случайно нашли. Забрались в дом и отогревались после долгого и трудного пути.

Краков

10 декабря.

Вчера после ужина знакомые пригласили в *кавярню* [кафе] «Феникс». Пошли. Если я хожу, то больше для того, чтобы понаблюдать гулящую жизнь польской «аристократии». Все столики заняты панством. Они, видимо, привыкли отсиживаться в кавярнях, в ресторанах, пить вина и кокетничать. Джаз старается во всю (авось, и ему перепадет от кого-нибудь куш!).

Посередине зала, в полумраке (свет выключается) танцуют пары. Их там столько, что яблоку упасть негде, но панство, видимо, испытывает большое удовольствие в таких танцах, вернее, в этой толкотне.

Нам, русским, надо сказать, многие вещи здесь кажутся странными. Например, это бесконечное целование ручек женщинам, общий поклон после обеда и т. п.

У нас ведь такие вещи не приняты. Но что край, то и обычай. Во всяком случае, надо признать, что здесь многое есть хорошего. Бесспорно!

Моя хозяйка Мяновская – благороднейшая женщина. Несмотря на такие тяжелые условия жизни, держит на своем иждивении старушку и еще помогает совершенно, в общем-то, чужой (знакомой ее знакомой) девушке Зосе. И безо всякой на то пользы для себя!

Совсем неожиданно получил письмо от Славы Оболевича. Того самого, с которым подружились в Котбусе, автора драмы «Варшава в огне». Он теперь в Варшаве и пишет, что недавно был в Москве, гостил там у Тамары и ее мамы. Между прочим, пишет: «Если Вас будут интересовать подробности, напишу после!.. Понял одно: Тамара Вас ждет...». Его адрес: Warszawa 1, S/p 84215, (do CDZ – Włochy) Obolewicz W.

Счастливый он: был в Москве, видел Тамару, разговаривал с ней.

Достал польский роман, криминальный – «*Rekiny*». Что-то похожее на «Шерлока Холмса» Конан Дойла. Читаю. Так скорее проходит время. А сегодня после обеда проводили антенну, ремонтировали радио. Сейчас вот передают из Праги замечательное танго. Я очень люблю эти танцевальные мелодии...

Трудно становится жить. Все страшно дорожает. Как будет дальше? Как удовлетворять свои даже минимальные расходы? Тяжелое дело.

Хозяйке прочитал письмо. Она тоже всячески советовала скорее мне ехать к Тамаре! Она там, видимо, изождалась.

Краков

13 декабря.

Эти дни было много работы. Балтрукевич заболел, Хилинский выехал, и остались мы с майором вдвоем. Кроме того, начальник штаба чувствует ко мне особую симпатию и назначает

во всевозможные комиссии. Вот теперь назначил в комиссию по расследованию причин срыва заготовок продовольственного фуража. Была телеграмма от самого Роли-Жимерского. Ясно для меня одно: наши хозяйственники не хотят по-хозяйски хозяйничать. Не болеют душой за хозяйство, относятся по-казенному к делу. Видимо, придется ехать в 6-ю дивизию. *Кватермитновний* [квартерьер] производит хорошее впечатление, видать, башковитый парень.

Сегодня видел кинофильм, наш, советский — «Веселые ребята», или, по-здешнему, «*Свят се смее*» [«Мир смеется»]. Картина имела большой успех. Зрителям понравилось. Зал реагировал на фильм хорошо, здорово смеялся.

По приказу Главкома нам будут предоставлены праздничные отпуска, чтобы встретить Рождество и Новый год в лоне семьи. А где я его встречу? Где моя семья? Праздничные дни особенно тоскливо встречать одному, без никого. В рабочие дни не особенно-то чувствуется одиночество, а вот в праздничные дни значительно хуже. В прошлом году на Вавере мы встречали праздники хорошо. Безусловно хорошо. Весело! А вот сейчас худо будет. Несмотря даже на то, что война прошла и, казалось бы, должно быть лучше. Ведь это первый повоенный праздник!..

Эрна Модельская умела все это устроить. А теперь она где-то в Грабовне под Вроцлавом (Гросс-Грабен). Разве поехать в Быдгощ? Далековато немного. В Россию же не пускают.

В «Известиях» есть хорошая заметка о Тахире и Зухре, которые были верны друг другу в своей любви, как Лейла и Меджнун. В день предполагаемой свадьбы Зухры и Кара-Батыря (за которого Бобохан, отец Зухры, хотел силой выдать свою дочь) Тахир проникает во дворец Бобохана. Он убивает на поединке своего соперника. Бобохан, видя, что все его надежды рухнули, в слепой ярости умерщвляет свою дочь. Тогда Тахир пронзает себя кинжалом... Поэтический восточный мир... Вспоминаю Ташкент, Узбекистан, годы, прожитые там. Фергану. Даже автор этой статьи, ташкентский журналист,— мой хороший знакомый. Вот они, дела-то!

Стало холодно! Ветры сильные дуют. Морозы ничтожные, но ветра паршивые.

Краков

16 декабря.

Теперь по ночам поздно засиживаюсь: по радио передают музыку. Вчера что-то особенное из Мюнхена... Немцы теперь «наступления не готовят», и им есть время заняться музыкой. Правда, им-то самим теперь и не до музыки.

Ночевал у меня капитан из Пограничного управления. Парень, компанейский, большой шутник. Сегодня он должен приехать после обеда, и поедем с ним куда-то в гости. Говорил, что хорошая там семья.

Из Кросно комдив сообщил, что там большие заносы, занесло даже где-то человека. По утрам здесь заведено передавать костельную музыку и *казаня ксендзов* [проповеди священников]. Таковы порядки!..

Все готовятся к праздникам, стаскивают домой елки, игрушки. Хотелось бы и мне устроить елку, пригласить гостей. Но деньги... Стало трудно жить, нужно уйму денег.

Дашкевич получил звание генерал-майора. Вчера поздравил его с этим. Заикнулся и насчет себя. Он ответил что-то неопределенное.

И в выходной нет покоя. Через час нужно ехать на комиссию, а затем писать шифровки. Так, пожалуй, протянется до 4 часов. Ни одного выходного не используешь целиком, обязательно какое-нибудь дело да подвернется. А теперь еще, к тому же, даже перспектив на выздоровление Балтрукевича не видно. Приходится все мне самому.

Краков

18 декабря

Наконец-то прислал письмо Ярузельский. Сейчас он вместе с полком в Хрубешове Люблинского воеводства. Пишет, что вспоминает прошлые дни. Да, в прошлом году в эту пору мы хорошо, весело жили на Вавере. Веселее, чем теперь здесь я в Кракове. От Тамары нет ответа. Чем объяснить? Не пишет совсем. А мне бы тоже надо было написать!

Балтрукевич по-прежнему болеет. Теперь, видимо, ничего не выйдет с моим праздничным отпуском. А люди многие уже уходят в отпуска. Но мне всегда особенное счастье!.. Так уж везет. Генерал Дашкевич просто не дает житья. Вызывает по нескольку раз на день. То одно, то другое... Страшно неспокойный он человек.

Подходят праздники. Мечтал встретить их в Закопане. Выйдет ли что-нибудь из этой мечты? Сомневаюсь.

Краков

19 декабря.

Чем сегодняшний день отличается от вчерашнего? Ничем. Возможно, что за сегодняшний день произошло много событий, но у меня он — такой же обычный, как и раньше. К тому же, как только прихожу домой, сразу открываю почтовый ящик. Но всегда разочарование: писем нет. Правда, и сам тоже не пишу. Слыхал, что до Москвы письма идут страшно долго. Оказывается, во время войны мы куда быстрее получали письма, чем сейчас. Интересное явление.

Подполковник Хилинский уходит в отпуск, а мы с Кирхмаером снова остаемся. Вот тебе и праздничный фуршет. Ничего из него не выходит! А многие уже уехали. Нам обещают в январе. *Обецанка-цацанка* [обещание-обещание].

В АХЧ достал кое-что из обмундирования. Вообще-то теперь только одного мне не хватает — жениться. Невесту нужно заказать в УНРА. Тут так наши шутят.

Краков

21 декабря.

От *дозорчини* [дворничихи] узнал, что та женщина, которую я однажды грубо завернул и заставил закрыть за собою дверь, недавно потеряла мужа и живет теперь очень тяжело. Ей-богу, мне стало стыдно за себя. Нужно было бы сходить и извиниться. Ведь женщине и без того тяжело. Не мешало бы ей помочь чем-нибудь, чтобы облегчить ее участь.

Сегодня написал много писем, поздравил с Новым годом. Как раз придет послание к Новому году. Интересно, а от кого я получу новогодние поздравления? Завтра думаю написать еще Пясецкой, чтобы она сообщила Эрне мой адрес и попросила ее приехать ко мне. Интересно бы с ней встретиться... Что ни говори, но у нее в прошлом году мы хорошо проводили время. И на нее мне не стоит обижаться.

Плохо только, что я в свое время не отвечал на ее письма. Теперь вот приходится сожалеть. Никогда не надо попирать чью-либо дружбу. Это неразумно!

В «Крокодиле» есть хорошие кусочки юмора:

– Величайшее наслаждение доставляет мне музыка, когда я прислушиваюсь, закрыв глаза.

– Если бы еще вы только не храпели так при этом!

Или:

– О чем нужно говорить с женщиной?

– О ее красоте.

– А если она некрасива?

– О безобразии других женщин.

Краков

23 декабря.

Этот день только что начался: сейчас вот 2 часа. Поздно засиживаюсь, потому что генерал дал задание написать назавтра маршалу Роле-Жимерскому доклад о состоянии борьбы с бандитизмом в районе Перемышля и о соображениях по усилению этой борьбы. Вот сейчас и думай за командующего округом. Начерно уже отработал. Завтра только окончательно подредактирую, и все. Политическая оценка, по-моему, хорошо получилась. Немного слабее с оценкой действий дивизии. Тут хуже!

Сегодня многим написал поздравительные письма. Скоро ведь праздник. Все уже готовятся к вечерам. А у меня что? Плохо одному.

Краков

25 декабря.

Праздник!.. *Боже народзене* [Рождество]. В Польше еще живы старые традиции. Вчера вечером — традиционная кутья, елки. По радио с поздравлением выступил Президент пан Берут. Полагается *«вечор спендить в родзинным гроне»* [вечер провести в кругу семьи]. Вот почему и у нас бабушка приготовила ужин, и мы встретили праздник дома. На столе поставили маленькую нарядную елку, зажгли свечи. Хорошо!..

В такие вечера, в праздничные дни особенно остро чувствуется одиночество, отсутствие семьи. И правильно по радио передают слова привета особенно одиноким, тем, кто остался без семьи, в одиночестве.

Мне в почтовый ящик какая-то девушка бросила открытку с надписью : «Самое сердечное праздничное пожелание, исполнение всех мечтаний и пожеланий, крепкого здоровья, счастья и благополучия. Шлет доброжелательная и искренняя Мария Кравец».

Кто эта девушка? Понятия не имею. Но адрес все же пишет: ул. Kraszewskiego 14|6 (ул. Крашевского, 14/6).

Интересно! Нужно будет ей ответить благодарностью за поздравление. По правилам, так ведь должно быть. День скучный. По-прежнему сумрачный, пасмурный, туманный. Вспоминаю прошлогодний праздник под Варшавой. Вот тогда было веселее. После обеда снова нужно ехать в штаб, писать шифровку. Так пройдет день. А завтра все повторится точно так же!.. Интересно знать, где суждено праздновать следующие праздники, в будущем году? Вероятно, уже в России! На Родине!

Было бы очень хорошо, если бы люди могли научиться угадывать свою будущность. Это было бы *досконале* [отлично]!

Краков

27 декабря.

Вчера у соседей была свадьба. Гуляли целую ночь. Танцевали. Наша *дозорчиня* [дворничиха] заметила, что она довольна тем, что я пришел к ним, к простым людям. Чудачка!.. А к кому же мне ходить, как не к простым людям?.. Разве к панству, к этой хорохорящейся интеллигенции? Нет уж! Простые люди меня вскормили, воспитали, и им я останусь верен до конца дней своих. Все простые люди — более честные, отзывчивые, а, главное, не оставят товарища в беде. Уж сколько раз в жизни в этом убеждался.

Вот и сейчас пример. Живу у обычных трудовых людей, и они смотрят за мной, как за родным, делятся со мной, чем только могут. А сколько людей, сытых, откормленных, приятно улыбались, но, имея большие квартиры, всегда советовали мне «идти к соседу». Нет! Люди, не знавшие нужды и горя, не отведавшие тяжелой жизни, никогда не будут хорошими для других людей. Они хороши только для себя!

Сейчас только что в кино видел фильм «Валерий Чкалов», или по-здешнему, «*Шалёны лётник*» [Шальной летчик]. Действительно, какой могучий русский народ! Гордишься за него, гордишься тем, что тоже русский человек. Теперь понятно, почему всегда гордились Некрасов, Пушкин, Горький и сотни других своим русским происхождением. Мы — русский народ! Народ, который всегда и всех побеждал! И побеждать будет впредь!

Командующему понравился мой материал о Перемышленском районе. Он поблагодарил за его составление и приказал

передать персональному отделу, чтобы они оформили материалы на меня на присвоение звания майора. Не без лести могу заметить, что командующий сказал при этом по моему адресу: «Толковых людей надо выдвигать!».

Из скромности, может быть, этого и не следовало бы писать. Но дневник-то я пишу только для себя. Так что можно и написать. Мне такое услышать от командующего очень лестно...

Генерал Дашкевич при этом заметил, улыбаясь: «Видите, хорошо иногда угодить начальству».

Сказано, конечно, не без основания!

Праздники прошли. Теперь осталось ждать нового года! А он уже и не за горами!

Краков

28 декабря.

Командующий округом снова сегодня спрашивал, почему на меня еще не готовы документы на очередное звание.

Из Москвы получил телеграмму: «Каникулы начинаются 25 января Срочно оформляй вызов приеду подтверди получение телеграммы привет от мамы Тамара».

Хорошо, если бы удалось вовремя оформить визу. Завтра же начну действовать. Кажется, в Москву едет генерал Дашкевич, нужно будет его попросить, чтобы отдал мое письмо польскому послу в Москве. Может быть, что-то и выйдет. Приехала бы Тамара, и мы окончательно бы с ней договорились обо всем. И как было бы прекрасно. Лучшей девушки мне и желать не нужно. Разве ее можно сравнить со всеми этими паненками, которые только и думают о перманентной прическе и туфлях, сделанных по последней моде на пробковой подошве, и мечтают только «*о моксусах*» [о туфлях], об «целую ручку». И только!.. Все это так пошло! Не нравится мне.

Краков

31 декабря.

Вот дождался *законченя* [конца] еще одного года. А помню, как думал, задумывался над тем, доживу ли до Нового года, где его буду встречать. Но снова интересует другой вопрос: а где же буду я встречать этот новый год, в какой обстановке? Доживу ли до него? Плохо, что человек не знает своей судьбы, своей будущности.

В городе большое оживление, все готовятся к встрече Нового года, или, как здесь говорят, *к Сильвестру* [к кануну Нового года].

Днем ко мне на службе зашел полковник Скорняков и пригласил к себе на встречу Нового года. Решил его гостеприимностью воспользоваться, пригласил одну девушку, и в 10 часов мы были у Скорнякова. Там было немного гостей, но обставлено все было хорошо, и мы отпраздновали Новый год весело. В 3 часа ночи пошли в офицерский клуб на танцы, на бал-маскарад. Пожалуй, в этом году Новый год отпраздновал наиболее «шумно». Плохо только, что не было близких друзей, родных. Без них тоскливо.

Итак, прощаюсь с этим суровым, полным неожиданностей, последним военным годом. Стоим на пороге Нового года, на пороге новых событий, новых радостей и новых печалей. Чего будет больше? Первого или второго?

Трудно сказать, ничего сейчас не известно. Ясно только одно: закончилась еще одна веха в жизни. Правильно заметил Скорняков, что еще подвинулись к рубежу своего конца, еще ближе подвинулись к смерти. Но стоит ли думать сейчас о ней. Стоит ли омрачать чем-нибудь тоскливым эти радостные дни. Нет, не стоит. Лучше надеяться на лучшее, на счастье и радость, на благополучие.

Краков

Тетрадь XIV

Начата в январе 1946 года в г. Кракове, Польша

2 января.

Праздники прошли хорошо. Весело. Итак, начался Новый год, 1946 год. Первый послевоенный!.. Начал его в Польше, в Кракове — старинной резиденции польских *крулей* [королей]. Где придется заканчивать? Ничего, доживем до конца, тогда и запишу.

Ясно одно, что следующий Новый год буду встречать уже в России, на Родине. А это — самое лучшее. Недаром говорят: «В гостях хорошо, но дома лучше». Это — так! Тамара проявляет настойчивость и решила приехать ко мне. Сегодня председатель Окружного суда Раковский передал от нее письмо. Привезла письмо его жена, Людмила Викторовна Раковская, которая только что приехала из Москвы. Тамара пишет: «Целую, и пусть это будет последний поцелуй “по почте”. После двух с половиной лет переписки нужно встретиться, даже если эта встреча принесет обоюдное разочарование». Неужели так может случиться? Неужели после двух с половиной лет наступит разочарование? Не должно так случиться. На мой взгляд — нет!

Перед Новым годом многим послал поздравления, а ответов не получил. Что бы это значило?

Генерал Дашкевич говорил, что, будь на работе Балтрукевич, то мне можно было бы самому поехать в Москву. Но вся беда в том, что Балтрукевича нет, он хворает. И неизвестно, когда приступит к работе. Черт его знает.

Теперь по радио стали передавать замечательную музыку, поэтому всегда поздно ложусь, а утром не хочется вставать.

Краков

4 января.

Уже пятница. Как быстро летит время! Не успеваешь оглянуться.

Сегодня наши подразделения под *Перемышлем* [ныне Пшемысль] имели успех в борьбе с бандитами. При докладе предложил командующему округом представить к награждению командира отряда и его начальника штаба. Эта мысль командующему понравилась, и он приказал это сделать. Раз люди стараются, то нужно их всячески поощрять. Тогда у них будет еще больше желания работать. Аксиома! Плохо, что не пишет Ярузельский. Как мог забыть он военные дни, проведенные вместе.

...Друзья, соратники, солдаты,
Не забывайте этих дней!
Ни песен, грустных временами,
Ни славы взвода своего,
Ни рек, форсированных нами, —
Не забывайте ничего.
Ни то, как, слыша каждый шорох,
Переходили вброд разлив,
Ни то, как спали в лисьих норах,
Под бок палатки подстелив.
Ни тех, кто пал на поле чести,
Оставив в сердце вечный след,
Ни тех, кто с нами нынче вместе,
Ни тех, кого сегодня нет...

Невольно вспоминаю о Кулеше, который так трагически погиб возле реки Альт-Одер. Такой молодой, только начинавший жизнь человек. Его незримая тень тоже, видимо, присутствует на Нюрнбергском процессе и с негодованием смотрит на убийц, отнявших его молодую, так много обещавшую жизнь.

Кстати, о предчувствиях. Он, бедняга, предчувствовал свою смерть и как-то раз темным вечером, в доме над Балтийским морем, говорил, что не доживет до победы. А связист, так хорошо игравший на баяне? Перед началом наступления, накануне форсирования Одры, он плакал и прятался в блиндажах. И погиб в тот же день от шальной мины — нашей мины, которая накрыла беднягу связиста в его же блиндаже...

Нет, все же человеку дано хоть немного предчувствовать неумолимо надвигающиеся на него события, чувствовать свой рок, приговор, который приготовила ему судьба.

В частях стало много ЧП. Почему так? Видимо, потому, что командиры мало занимаются солдатами, не беседуют с ними, не заостряют их внимание на случившихся фактах, не осуждают проступков, совершаемых их товарищами. События предоставлены на самотек, ну, и текут себе по ненужному руслу.

Краков

6 января.

Сегодня воскресенье, выходной. Только перед утром пришли с танцев. *Цалоноцна танечна забава!* [Танцы всю ночь!] У меня ночевал шифровальщик Яковлев. Только что встали и собираемся на обед.

Ночные забавы здесь пользуются большой популярностью. Приходят паненки в *балевых сукнях* [бальных платьях], которые тянутся по самому полу. И начинается «охота». Одни охотятся на *«сличных паненек»* [прелестных барышень], а паненки, в свою очередь,— на достойных кавалеров. И, судя по тому, как танцевальный зал к утру заметно пустеет, многие доходят *«до скутку»* – находят общий язык. Дичь убита!..

Передают оперную музыку. Хозяйка очень довольна, натирает пол и вспоминает «давно прошедшую славу», вспоминает о том, как когда-то и она пела. Теперь остались только воспоминания! Впрочем, так уж ведется, что от всего остается только воспоминание, как от хорошего сна.

Командующий остался доволен «разносным» письмом, которое я составил командиру 8-й дивизии. Сказал, что хорошо написано. Замечаю, что в последнее время командующий ко мне относится особенно хорошо. Сегодня из шифровального отдела уезжает человек в Варшаву и отвезет мои письма в Генштаб и Министерство иностранных дел — насчет вызова для Тамары. Авось чего-нибудь да выйдет из этой затеи.

Играют старинный вальс. Почему старинная добрая музыка, знакомая мелодия способна хватать за сердце? Совсем как тех бойцов, перед которыми, собравшимися в лесу, играет гармонист старинный вальс «Осенний сон».

...Под этот вальс ловили мы
Очей любимых свет,
Под этот вальс грустили мы,
Когда подруги нет.

И вот он снова прозвучал
В лесу прифронтовом,
И каждый слушал и молчал
О чем-то дорогом.

Можно ли представить что-либо более избитое и затрепанное, чем грусть под звуки старинного вальса, исполняемого вдобавок на гармонике! Но вот поди же — нравится людям.

Вчера один капитан был очень многословен, все время чудил, допускал всевозможные остроты насчет любви, девушек и прочего. Хорошо ли это? Всем, конечно, нравятся словоохотливые люди, но мне кажется, что все же лучше некоторая сдержанность. Я совсем не поддерживаю и тех, кто постоянно твердит о своей безумной любви, скажем, к девушке. Мне кажется, что бесспорно прав совершеннейший из художников Чехов, некогда написав: «Высшим выражением счастья или несчастья является чаще всего безмолвие; влюбленные понимают друг друга лучше, когда молчат, а горячая, страстная речь, сказанная на могиле, трогает только посторонних, вдове же и детям умершего кажется она холодной и ничтожной». Это правильно! Именно в целомудрии сдержанности кроется значимость, величина. Взять хотя бы то, что пословицы, поговорки, загадки явно построены на намеке. А беспредельно богатая символика обрядов и обычаев, связанная с важнейшими моментами жизни народа, разве не есть творчество «намеками»?

Краков

8 января.

Что это за жизнь пошла такая? Когда отказываешь себе в самом необходимом. Кто-то правильно заметил, что на нашу зарплату при современных ценах можно только пару раз сходить в кавярню. Страшная дороговизна. В кино, например, билеты стали стоить 60 злотых. Невероятно, но факт!

Интересно, а как живут семейные? Я — холостяк и вообще-то человек весьма расчетливый, и то мне хватает только-только свести концы с концами. А как же людям, имеющим детей, имеющим кого-нибудь на своем иждивении? Вот теперь и подумаешь: как жениться-то? Казалось бы, над этим задумываться не стоит: обывательщиной несет от таких рассуждений. Но, с другой стороны, и не думать тоже нельзя! Тем более, я размышляю над тем, чтобы связать свою судьбу с Тамарой, а, значит, и с ее матерью, Фаиной Ильиничной. Может быть,

я ошибаюсь, но мне кажется, что, по тем наблюдениям, которые я вынес из Ферганы, Фаина Ильинична — страшно расчетливый человек. И теперь я опасаюсь, что, возможно, когда она во мне увидит не богатого жениха, а только «польского офицера» (у нас так и говорят: «беден, как польский офицер)», то вся ее любовь ко мне примет несколько иную окраску. Кстати говоря, эта мысль возникала у меня не только сегодня.

Совершенно по-другому все было, пока шла война! Тогда мы не задумывались над «житейскими мелочами», которые сейчас так навязчиво напрашиваются. И никак от них не укроешься, они неотступно следуют за тобой и требуют разрешения.

Краков

9 января.

В новогоднем номере «Правды» есть хорошая карикатура Кукрыниксов. Она изображает фашистских палачей, которые сидят на скамье подсудимых и с ужасом взирают на цифру «1946», у которой...

...И чудится злодеям, что шестерка
Искусно сплетена из конопли
И, ежели в нее вглядеться зорко,
Имеет вид затянутой петли!

Да, тоскливый год этот для фашистских головорезов. Злодеям поздравлять друг друга не с чем. Это их последний Новый год! Зато какой он радостный для освобожденного человечества, этот новый год мирной эпохи. На страницы славы ушел в историю 1945 год.

Отшумели пожарами,
Отгремели набатом,
Отсверкали салютами
Годы грозных боев...
Изучать будут правнуки,
Как в году сорок пятом
На Востоке и Западе
Мы разбили врагов!

Как хорошо праздновали Новый год там, в Москве. Как плохо всем быть не на Родине. В Польше тоже неплохо. Я не хочу уподобиться обывателю, о котором в свое время писал Горький: мол, обыватель — это человек, который может восхищаться дикой красотой Кавказа, но достаточно ему споткнуться один раз, чтобы горы превратились для него в безобразную

груду камней. Ведь сильные люди должны уметь вспомнить добром даже большое испытание, если оно в какой-то степени возвысило, приподняло их дух, обогатило их душевный мир. Через утрату они могут что-то приобрести.

Но все ж таки, несмотря на все эти рассуждения, без Родины, или, вернее, не на Родине тоскливо. На чужбине Родина ощущается во всей ее пленительной силе, а родной человек, с родной стороны — прекрасным. Я убежден, человек до последнего доходит в тоске по родной стороне, по Родине.

Черт его знает что! Но я как-то особенно чувствую свое одиночество, больше, чем другие. В этом отношении, пожалуй, похож на Михаила Пришвина, у которого мотив преодоления одиночества — один из доминирующих. Он пишет: «Я боролся еще в ранней молодости с этим одиночеством, обращаясь в дневниках своих с призывом к неведомому другу...».

Краков

10 января.

Вечером ждал Стефу. Еще в воскресенье она обещала, что придет сегодня, но обманула. Вот уж где-где, а на любовном фронте мне таки не везет. *Мувите же трудно, але кохате далей!* [Говорите что трудно, но любите дальше!] Такая есть польская пословица.

Сегодня разговаривали с командующим 9-й дивизии об обстановке в его районе. Совершенно очевидно, что создание подвижных маневренных отрядов себя оправдывает. Условия борьбы с бандитизмом требуют именно таких подвижных, пускай даже и не очень сильных групп. Успех борьбы с бандитизмом решается быстротой, смелостью, способностью командира немедленно принимать правильные решения в условиях мало известной, а зачастую и совсем не выясненной обстановки. Так же, как и разведчику.

Звонил начальнику воеводского отдела пропаганды пану Полевке и сказал, что мы приветствуем его ответ по радио ксендзам, которые выступили с галиматьей, с резкими выпадами против правительственного постановления о гражданских браках. Ксендзы пугали верующих отрешением от костела, если они будут регистрировать брак не в костеле, а гражданским путем, так, как у нас в СССР — в загсах. Какая чушь. Полевка остался очень доволен тем, что я ему высказал свою солидарность, даже приглашал меня к себе.

Сегодня от генерала Раткевича из Генерального штаба Войска Польского пришла к начштаба округа шифровка, в которой написано: «Если есть возможность, отпустите капитана Бунда в месячный отпуск, т. к. вызов его жены из Москвы затянется надолго». Как скоро пришел ответ на мой рапорт! Значил, генерал Раткевич не забыл меня, своего старого ташкентского знакомого. Если бы у нас в отделе были еще люди, то я бы поехал в Москву. Но вся беда в том, что сейчас такое положение, что некому оставаться. Итак, счастье снова улыбнулось, но только улыбнулось. Что еще можно сделать для того, чтобы приехала Тамара? Хорошо, что послали рапорт также польскому послу в Москве. Может быть, там чего-нибудь выйдет. Все возможно!

Во всяком случае, мне очень лестно, что начальник Генерального штаба заботится обо мне, чему свидетельством сегодняшняя его шифровка.

Наш Балтрукевич-Собакевич – свинтус. Знает, что от его выхода на работу зависит мой отпуск, и все же решил ехать в санаторий «Кривница». И мне из-за него – скандал. Но ничего! Перенесем и это.

Ровно год тому назад под Яблонной в ночь с 10 на 11 января мы ловили языка на «острове Мадагаскар». То была знаменательная ночь. Такие ночи не забыть никогда. Вот сейчас об этом эпизоде рассказал хозяйке, прочитал запись в дневнике и вспомнил прошлое. Вспоминаю тот торжественный вечер 11 января в незаметной деревушке Плудре. Хорошие все-таки были то дни!..

Краков

15 января.

Вчера вечером достал у генерала ложу, забрал своих «домочадцев» и отправился с ними в театр им. Словацкого. Комедия «Толстые рыбы» по своему сюжету очень пустая, но, вместе с тем, занимательная. С душой, с большим чувством показаны взаимоотношения между стариками и их внучкой.

Дни идут по-прежнему однообразные, какие-то серые. Вспоминаю, как ровно год тому назад в сегодняшнюю ночь мы шли в Варшаву, ночевали в немецком блиндаже, на кладбище какой-то деревушки. Кругом блистали зарева пожарищ. Пылала Варшава. А затем – как заспали и догоняли ушедший вперед наш 4-й полк, как встретили первых *цивильных* [штатских], увиден-

ных нами на только-только переставшей быть немецкой земле. Мог ли я думать тогда, в то морозное утро, что доживу до конца войны, что вот теперь, ровно через год, буду в Кракове, бывшем когда-то столицей Польши, среди «кичливых», гонористых краковян. Здесь страшно бросается в глаза одна черта — стремление многих к внешнему эффекту. Совершенно это не по нутру нам, русским. Русский человек выше этого, он пренебрегает эффектом. Мы ценим людей не по словам или манерам, а по результатам их деятельности. Это суровый суд, жестокая оценка, но мы не хотим знать иной.

Наши люди круты в выполнении решений. Частенько приходится замечать поляков, испуганных быстротой и радикальностью наших мероприятий, прямотой суждений. Извиваться, затоплять потоками красноречья, обвораживать улыбками и комплиментами — такой культуры нет в наших людях. Мы — народ простой. Правда, эта простота не помешала нам побить немцев, славившихся своей организационной способностью.

Краков

18 января.

Сейчас по радио играют куявяк. Это особо любимый в Польше танец, так же, как и полька. Чудесно играет скрипка! А вот сейчас звучит вальс Шопена. Не знаю, что там есть такого, в этих замечательных звуках, но как будто каким-то ударом весла отчалил я от твердой земли, и помчало меня — то ли по воде, то ли по воздуху. Во всяком случае, уже нет ничего вокруг, кроме этих чудных звуков...

Странно получается: скоро мне нужно будет заниматься всяческими делами. Сегодня вызвал командующий и приказал проследить, чтобы отдел артснабжения отправил для 8-й [дивизии] боеприпасы. И пришлось не только следить, а самому буквально вмешаться в это дело, брать в свои руки, производить расчеты, нажимать на выделение машин, конвоя. Завтра снова нужно будет проследить за ходом погрузки, а то может случиться так, что еще и завтра не выедут. Страшно медленно разворачиваются наши начальники! Все потому, что никто не хочет заниматься черновой работой. А на одних только «общих указаниях» далеко не уедешь.

На завтра командующий тоже задал работу. Нужно подготовить все к выезду комиссии по проверке дивизий. Завтра с начальником штаба решим вопрос о председателе комиссии.

Нужен хороший, опытный полковник. Предложенная кандидатура подполковника Груда, конечно, не подходит. Уж больно он «мямлеватый». Он хорош как человек, но как председатель комиссии — тут у него мало огонька, зубастости. Вообще-то у польских офицеров не хватает нашей русской напористости, нашей «мертвой хватки», нашей оперативности, организационной способности. Они больше приспособлены, если так можно сказать, к «академической» деятельности, к тихой, спокойной, обеспеченной жизни. А теперь, в послевоенный период, это не так-то и дается. Теперь условия совсем иные!

Краков

20 января.

Странное явление. Народ наш не хочет заниматься черновой работой. Все хотят командовать, давать *зажондзеня* [распоряжения], но выполнять их некому. В этом-то вся беда! Другой раз посмотришь — во всех отделах сидит много канцеляристов, больших и малых начальников, все что-то ревностно пишут, думают, что творят большое дело. Но, на самом деле, оперативно работать, руководить по существу, настойчиво добиваться выполнения своих же собственных решений люди не хотят. И от этого дело не движется.

Странно также, что, когда я посмотрел, кого же выделили отделы на проверку дивизий, то убедился, что это второстепенные работники. А почему бы не ехать самим начальникам отделов? Пошел и доложил об этом командующему. И он заставил «начальство» сняться с места. Так и должно быть! Проверять — так проверять солидно, всесторонне. Так, чтобы на месте дать практические указания, причем реальные и дельные, именно дельные. А гастролерство никому не нужно!

Почему местные власти не берутся сами наводить общественный порядок? Жешувский воевода, к примеру, по всякому малейшему происшествию просит в помощь воинские подразделения. А где же его милиция и беспеченство [органы безопасности]? Мы не можем везде и всюду толкать воинские подразделения. Это пагубно скажется на дисциплине, на организационной сплоченности подразделений. Если часть страшно разбросана, то командиру трудно, а подчас и совсем невозможно следить, наводить порядок, сколачивать подразделения, создавать хорошо слаженный организм.

...Приедет или не приедет Тамара? Трудно решить этот вопрос. Смущает тот факт, что Хилинскому, например, пришлось снова ехать во Львов, чтобы выручать жену, так как через границу ее не пропустили. Во всяком случае, мне бы очень хотелось, чтобы Тамара приехала. Может быть, мне улыбнется счастье, ведь пока оно мне, до некоторой степени, сопутствует.

Краков

23 января.

Уже вот третий день едем с командующим округом по инспекции. Были в Тарнове у танкистов. Теперь там навели некоторый порядок, и в городке, и в казармах.

Затем остановились в Жешуве. Вчера вечером командующий проводил совещание с вице-воеводой, начальниками воеводского беспеченства и милиции в отношении состояния *беспеченства* [безопасности] в воеводстве. Они обижаются на чрезвычайную пассивность в борьбе с бандитизмом 8-й пд [пехотной дивизии]. Генерал Угожевич плохо организует все эти мероприятия.

Вечером все пошли в театр на премьеру, а затем у начальника воеводского беспеченства (по нашему — начальник областного НКВД) был ужин. Живут они, надо сказать, неплохо.

Едем дальше в Перемышль. Совсем на советскую границу. В Кракове, видимо, будем числа 25—26-го. Кусок земли проедем. Во всяком случае, хорошо, что увидим своим глазами состояние частей. Ни одно донесение, ни одна информация не может сравниться с тем, что увидишь своими глазами.

Жешув

25 января.

Третий день в Перемышле. За это время командующий пересмотрел все полки в Ярославе и в Перемышле. Вчера вечером в штабе дивизии провели совещание, на котором выступали председатели проверяющих подкомиссий.

О положении в частях можно было бы писать много интересного. Ясно одно: везде еще далеко до настоящего воинского порядка, скажем, такого, как был у нас когда-то в 8-м учебном полку.

Жили вместе с генералом у командира дивизии Попко. Живет он просто по-барски. Замечательные комнаты, очень хороший стол. Его жена, симпатичная ленинградка, вчера как раз отмечала день своего рождения. Пришлось ее поздравить и

преподнести подарки. Комдив — счастливый человек. В самом деле: ему только вчера (так же, как и жене!) исполнилось 29 лет, а он уже полковник и командир дивизии. Живет, как барин. Везет, одним словом, людям. Что и говорить!

Сегодня уезжаем в Кросно. Сейчас вот 7 часов. Рядом станция, беспрерывно гудят паровозы. Через час уезжаем.

Мне кажется, что в 8-й дивизии у генерала Гражевича не так все благоустроено. Но... Одним словом, посмотрим. Сегодня там будем.

Перемышль

31 января.

После Перемышля поехали целой комиссией в Кросно. Там жили у генерала Гражевича. Это совершенно иного порядка человек, и порядки в дивизии у него несколько иные. Там были недолго. Мы с командующим были на проверке в Бжезове у Хибнера. Мне лично он очень понравился, считаю, что и порядок у него лучше, чем в других полках.

На совещании встретил своего сослуживца Лонцмана. Когда-то в Смоленской области были с ним в 36-м полку. Хорошо было встретить старого знакомого.

Ночью возвращались домой. Спешили, потому что полковника Снегирева срочно вызвали в Варшаву на совещание.

Дома старики-хозяева очень обрадовались моему возвращению. Снова началась работа. Командующий заболел, и мне теперь приходится днем ездить к нему для доклада. Вчера писали с ним доклад *Маршалку* Роле-Жимерскому о результатах нашей поездки по дивизиям.

Ходил в кино, смотрел «Принц и Нищий». Когда-то читал эту книгу.

Русских офицеров представили к награждению. Меня тоже представили к награждению орденом Отечественной войны. Может быть, к годовщине Дня Красной Армии и получим. Так обещают.

Краков

1 февраля

Теперь мне работы еще прибавилось: заболел Крихмаер. А начальник штаба поручает нашему отделу (теперь он в единственном числе) очень много работы. И если ее выполнять с душой, а не по-казенному (иначе я не могу!), то нужно много

волноваться. Тем более что везде натыкаешься на какой-то непонятный бюрократизм, желание отписаться, столкнуть свою непосредственную работу на другой отдел, а самому ничего не делать. Прихожу к убеждению, тем более после поездки по частям, что наши начальники не хотят (это очень трагично!) заниматься делами с душой, по существу. Все как-нибудь.

Вот и получается так: танковая бригада отправила на операции бронетранспортеры, совершенно технически не исправные, не боеспособные. Разве это не возмутительное безобразие, граничащее с преступлением! Ну, я сегодня и постарался через командующего подсунуть командиру бригады выговор.

Уезжает, и насовсем, полковник Антишин. Очень и очень жалко. Хороший он человек, и работник хороший. Приехал уже из отпуска генерал Дашкевич.

Из Министерства иностранных дел получил извещение, что мое письмо с просьбой выдать Тамаре пропуск на въезд в Польшу отправлено польскому послу в Москве. Может быть, чего-нибудь да выйдет. Пока из Москвы нет никакого ответа. У Тамары уже начался отпуск каникулярный, и никаких реальных перспектив на ее приезд. Снова ее воздушный замок, который она, видимо, построила, рушится самым безжалостным образом.

Завтра выходной по случаю праздника. Имею приглашение из 1-й офицерской школы на *забава танечна с котыльёнэм*. Сие означает, что какая-нибудь паненка по своему выбору прицепит мне кокарду с лентой, и я должен с ней танцевать целый вечер, ну, и конечно, угощать ее в буфете. Последнее не особенно приятно. Особенно, если учесть наше теперь «экономическое» состояние. Но таков порядок!

Краков

5 февраля.

В воскресенье ко мне пришли Зося и Миша Григорьев, Марыся и две Стефы. И, так как у меня была ложа в театр Словацкого, то мы все пошли на «Балядыну». Постановка по старым народным мотивам. Похоже на легенду из жизни древних королей и духов. Не особенно понравилось.

После театра отправились на танцы, но клуб был закрыт, и мы всей братией завернули ко мне. На скорую руку соорудили ужин, пришлось вытащить все старые водочные запасы. Ну и погуляли. До утра. Отдали дань Бахусу!..

Скоро в Советском Союзе будут выборы в Верховный Совет. А мы, видимо, так и не будем участвовать во всенародном голосовании. Очень жаль! Неужели не придумают что-нибудь, чтобы и мы имели возможность голосовать?

Полковник Скорняков обижается на меня за то, что я «устроил» командиру танковой бригады выговор от командующего. Но ничего! Говорят же: дружба — дружбой, а служба — службой!

Плохо писать, когда играет радио. Нельзя никак собраться с мыслями. Уж больно хорош концерт из Моравской Остравы. Вообще, оттуда всегда хорошие концерты. Когда-то, помню, в Чернигове я слушал концерты из Будапешта или из Варшавы. А теперь, кстати, из Варшавы не передают хорошей музыки. Или передают очень редко!

Краков

13 февраля.

Давно не писал не потому, что не было времени, нет. Просто было какое-то убийственное настроение. Приходил домой, укладывался спать, затем вставал на ужин — и снова спать. Чувствовал себя как-то плохо. Кроме того, все эти дни были страшно дождливые. Только вчера и сегодня держится снег. Эти дни в Кракове гостит маршал Роля-Жимерский. Сегодня я был в кабинете командующего, когда ему докладывали обстановку. До конца он так-таки и не дослушал, потому что ему надобно было ехать на прием к *бискупу* [католическому епископу]. К «святому отцу» неудобно опаздывать даже и *маршалку*. Он тоже знает, что с ксендзами нужно жить в мире. Здесь они решают многое. Сильные мира сего!

Это была моя вторая встреча с маршалом. Первый раз встречались на фронте под Варшавой. Было это больше года тому назад.

В «Крокодиле» напечатаны интересные «Отрывки из ненаписанного». Вот удачные:

Он встречал Новый год по обоим стилям. Это как бы удваивало продолжительность жизни.

Их роман был так короток, что правильней было бы назвать его новеллой.

Когда вагоновожатый ищет новые пути, вагон сходит с рельсов.

Ивы бывают только плакучие, смешливых ив не бывает.

Море его не поразило. Оно было, как увеличенная копия с картины Айвазовского.

Не отставай от времени, но и не очень приставай к нему.

А вот из записной книжки Марка Твена:

Лучше заслужить почет и не иметь его, нежели иметь его, не заслужив.

Хорошо рано вставать старикам: за свою жизнь они натворили столько плохих дел, что все равно не могут спать.

Человек никогда не достигнет той головокружительно высокой мудрости, когда его больше не смогут водить за нос.

Каждый человек — луна и имеет свою темную сторону, которую никогда никому не показывает.

В Польше создалась интересная политическая ситуация. Имеют место убийства по политическим мотивам, антисемитские акты. Все это организует подпольная организация «Националистические вооруженные силы» («Народовэ силы збройнэ», или НСЗ), организуемая и вдохновляемая ярым реакционером Андерсом. Сам он со своим корпусом находится в Италии и там тоже выступает в весьма незавидной роли душителя и вешателя всего демократического и передового. Они, эти прихвостни Андерса, даже замышляли террористические акты против нас, русских офицеров. Сволочи! Вот они нас благодарят за помощь им в создании Войска Польского, за освобождение их страны от немецких захватчиков. Хорошо, что здесь есть русские войска, на них надежда, что не дадут нас в обиду. Наше Советское правительство очень мудро действует. Молодцы! Научились теперь уму-разуму. И эта прозорливость, умение дельно, практически подходить к решению вопросов заметны в очень многих делах. Не случайно нас, русских офицеров, не хотят отпускать отсюда, из Войска Польского. Мы им здесь нужны даже больше, чем свои. На нас они в большой степени могут положиться и надеяться. Мы ведь — русские!..

Краков

15 февраля.

Не знаю, как и в какие времена была выдумана (или придумана) ванна. Только еще в детстве читал, что древние римские патриции нежились в ваннах. Но, во всяком случае, изобретение прекрасное. Сегодня мой «плановый ванный день». Только что вылез из воды, чувствую себя очень хорошо.

Думал на днях (а конкретнее — послезавтра) выехать в Освенцим, проконтролировать выезд полка. А главное, мне интересно посмотреть на знаменитый Освенцимский лагерь смерти. Пожалуй, во всем мире слышали о его существовании. А сколько людей прошло через его ужасы!.. У меня-то положение теперь будет значительно лучше. Не хотел бы я попасть туда этак годика полтора тому назад...

Сегодня целый день прошел в подготовке вопросов, связанных с предстоящим выездом полка на операцию по ликвидации банд в южных районах. Совершенно ясно, что оставшееся до весны время должно быть максимально использовано для уничтожения банд, ибо в условиях весны трудности борьбы во сто крат возрастут. Уже сколько раз втолковываем эту истину командующим дивизий.

Маршалек улетел в Варшаву, и жизнь у нас приняла обычный характер. Мне кажется, что всегда приезд начальства или всевозможных комиссий нервозно влияет на течение работы, нарушается ее порядок, а отсюда она страдает. Комиссия тогда уже не может видеть работу такой, какой она есть на самом деле, каждодневно. Составляется несколько извращенное представление. Дирекция железной дороги все время настаивает на высылке сильных подразделений для охраны важнейших ж.-д. объектов, мостов, складов. Бесспорно, что железная дорога в общей системе народного хозяйства имеет колоссальное, первостепенное значение. Но откуда же взять столько войск? Гражданские власти не представляют себе отчетливо положения, которое сейчас переживает войско. Его дергают во все стороны. Завтра вызову кого-нибудь из дирекции ж. д. и растолкую ему положение с охраной. Нужно больше нажимать на войска и органы беспеченства. Это их святая обязанность.

Говорят, что Белецкий сейчас командиром 1-го полка и стоит в Варшаве. Возможно. Хотелось бы его увидеть, вспомнить о Варке, о Пулавах. Незабываемые то были времена. Как приятно теперь вспоминать о тех прошедших боевых днях. Как хотелось бы сейчас увидеть Ярузельского, поговорить с ним. Он сейчас воюет с бандами возле Хрубешова. Разведчикам и сейчас работенки хватает. Так же, как и на войне!..

Краков

20 февраля.

Выезжали на отправку, пока в Освенцим. Интересное место. Этот городишко теперь известен всему миру. Вечером, когда совсем уже стемнело и падал снег, попал в лагерь смерти. Там, где когда-то (впрочем, совсем недавно) был штаб лагеря, сейчас разместился штаб полка. В доме, где жил последний комендант лагеря и по чьему решению предавались смерти десятки, сотни ни в чем не повинных людей, живет командир полка. Я был в этом доме. Утром специально ходил осматривать лагерь. Ходил и думал: вот по этим самым цементным дорожкам ходили прощавшиеся с жизнью французы, бельгийцы, поляки, украинцы, русские... О чем они здесь думали? На краю лагеря стоит знаменитый 11-й блок — место казней и пыток. В закрытом от посторонних глаз дворе возле каменной стены расстреливали пленников. Чтобы скрыть следы своих гнусных преступлений, гитлеровцы подкладывали специальную пробковую стенку. В подвале этого блока есть одиночные камеры с небольшой щелкой для света. На стенах и на двери надписи на различных языках. Прочел и такую надпись: «Вася Шувалов, Москва, Арбат, 22.05.1944 года, за час до смерти...».

Жуткая вещь. Согнать бы сюда, в этот лагерь, всю Германию, показать фашистскую дьявольскую выдумку, их сатанинскую работу. Мир никогда не забудет и не простит им этих агрегатов смерти, этих печей-крематориев, этих проволочных заграждений с током высокого напряжения. Для кого все это строилось? Для людей, которые хотели жить, хотели счастья. И не дождались его!..

Привезти бы сюда некоторых «сердобольных» англичан и американцев, которые сейчас проповедуют «прощение всех грехов» немцам. Или, еще лучше,— уругвайскую делегацию, пытавшуюся на Генеральной Ассамблее Объединенных Наций поставить вопрос о неприменении смертной казни к гитлеровским преступникам, судимым в Нюрнберге. Молодец тов. Мануильский, крепко разложил делегацию за такую, прямо преступную, попытку спасти гитлеровских главарей.

В эти дни особенно приятно сознавать величие нашей Родины. Ведь это моя Родина спасла мир от тысяч новых освенцимов, которые готовили гитлеровцы в своих новых «планах Барбаросса».

Краков

25 февраля.

День Красной Армии у нас был отмечен товарищеским ужином накануне и затем, назавтра, общим построением. Нам вручили специальный приказ маршалка, в котором он благодарит русских офицеров за создание и деятельное участие в обучении Войска Польского.

А так все по-старому. Бабушка дважды «пыталась отойти» из нашего мира, ксендз ее даже причастил, но бабушка снова возвращалась к жизни.

У меня всерьез, по-моему, болит сердце. Думаю основательно заняться лечением. Иначе будет поздно. Откладывать дальше нельзя. «Промедление смерти подобно!»

Выпал снег, и возвратилась настоящая зима. Самая настоящая!

Краков

27 февраля.

Вместе с командующим был на совещании в воеводстве. Комиссия, составленная из представителей различных партий, докладывала результаты проверки политической ситуации в *повяте* (уезде) Новы-Тарг. Характерно, что этот повят славится как «крамольный» испокон веков. И сейчас, «верный своим традициям», он — носитель всяких антигосударственных настроений. Такое мнение высказали, например, представители комиссий.

Сидел я и думал: какое все-таки огромное достижение СССР, что там существует одна партия, а не несколько, как это имеет место здесь, в Польше. Такая ситуация, особенно сейчас, в трудной послевоенной обстановке, только осложняет управление, наведение твердого порядка в стране, а она так нуждается в этом. Межпартийные разногласия, борьба, которые ни при каких обстоятельствах совершенно не могут быть устранены, разъединяют силы, не способствуют улучшению дела. Мне кажется, что демократию здесь кое-кто начинает понимать превратно, утрированно, и от этого получается большой вред, ущерб государству, а, стало быть, и всему народу, всей нации. Резюме: я сторонник одной партии. Это полезнее со всех точек зрения.

За хорошую работу получил премию: 1000 злотых. Завтра обещают посылку УНРА. Посмотрим, что там за посылка.

Вообще должен сказать, что материальное состояние командного состава армии не на высоте положения. Этот вопрос в высших инстанциях со всей серьезностью не продуман. Отсюда и настроения среди офицеров подчас не совсем хорошие. Правильна философская формула, что бытие определяет сознание...

Среди современных поляков много таких, кто, прежде всего, смотрит на свою личную выгоду, стремится на всем сделать «интерес», выгодный для себя, а уж потом мыслит (и то в меру некоторой необходимости!) о государственных интересах. Это пагубная линия. С такими «коммерческими» настроениями разрушенное войной (причем основательно разрушенное) государство не отстроишь. А надеяться на «дядю Ваню» — дело весьма бесперспективное, я бы сказал, безнадежное. Нужно строить государство своей собственной рукой, своим горбом, своим потом и кровью.

Краков

1 марта.

Первый весенний день. Он и выдался на славу! Ярко светило солнце и было тепло. С наступлением весны все как будто веселее. Это первая послевоенная весна. Летом, видимо, буду уже на родной земле. Видеть над собой родное небо, слышать вокруг родную знакомую речь, жить среди своих, русских людей.

А только и прежде, и ныне
Милей мне моя сторона
По той по одной лишь причине,
Что жизнь достается одна.

Сегодня получил посылку УНРА. Вечером устроили дома «американский» ужин. Хорошие там вещи! Богатая страна. Недаром ее называли «золотым мешком». Им она остается и сейчас. Живут люди в роскоши и благополучии. Впрочем, можно жить в роскоши и не быть счастливым. Не только в богатстве счастье!..

Ситуация в округе по-прежнему остается серьезной и напряженной. Бандиты из лагеря НСЗ и УПА активизировались. Нужны решительные и кардинальные меры. Не булавочные уколы, а строгие, чрезвычайные действия. Нужно силой задушить эту заразу. Все иные средства не будут иметь успеха, ни к чему не приведут. Жестокие, может быть, подчас драконовские

меры, безусловно, нужны. Это не совсем приятное дело, но ничего, зато необходимое. Правильное!

Последнее время я не работаю над собой. Это скверно! Этак можно совсем отстать от жизни, забыть даже то, что когда-то знал, выпасть из общей тележки. Над этим стоит серьезно задуматься. Балтрукевич сейчас отрабатывает учебные материалы для предстоящих занятий с начальниками отделов. Это требует большой работы, но зато дает ему много пользы: он сам растет. А я? Жизненно необходимо приняться за учебу. Ведь жизнь идет вперед, и с каждым днем растут и будут расти требования к командирам, особенно к штабным. Ведь не случайно в «Наставлении по полевой службе штабов Красной Армии» сказано, что «командиры штаба должны быть образцом для остального командного и начальствующего состава; отлично знать характер и природу совершенного боя и уметь культурно и с высоким тактом вести штабную работу». Тем более это касается работников оперативного отдела, ведущего в штабе.

Краков

4 марта.

Сегодня были штабные занятия на тему «Наступление армии и взаимодействие родов войск». Первое занятие прошло в виде лекций начальника штаба округа и начальников АБТВ и артиллерии. Как много мы еще не знаем! Прав философ, сказавший однажды: «Я знаю, что ничего не знаю». Чем больше человек учится, тем больше убеждается, что он многое не знает. А взять какого-нибудь Полещука, то он находится в значительно лучшем положении. Весь мир для него — это его деревня, поле, в лучшем случае — районный городишко, вроде Середина-Буды.

Уже март. Время идет быстро. Прошло два месяца нового года. Между прочим, до 1343 года на Руси Новый год отмечался с марта. Потом был перенесен на 1 сентября. Так продолжалось до Петра I, при котором в 1700 году начало года было перенесено на январь. Интересно, что первый месяц был посвящен богу луны Янусу, который позже стал богом границ. Следующий месяц, февраль, назван по древнеримскому богу подземного царства Фебрусу, в честь которого проводили праздники очищения. Март назван в честь бога войны Марса. Апрель — от латинского «аперире» — вскрывать, т. к. после зимы вскрываются реки.

Врач написал мне направление в госпиталь на просвечивание. Не мешало бы заняться всерьез лечением, пока сижу на одном месте и есть возможность. Выбирался несколько дней туда, но никак не нашел времени. Завтра снова задержусь с отчетом. Обязательно нужно написать. Из дивизий уже отчеты пришли, теперь моя очередь.

В Польше большой популярностью пользуется песенка о Варшаве. Надо отдать должное — хорошая песня *«Як усьмех дзевчыны коханэй, як вёсны будзонцей се зэв...»* [«Как улыбка любимой девушки, как зов пробуждающейся весны...]

Завтра последняя танцевальная ночь, а там «повесят селедку», что значит наступление Великого поста. До самой Пасхи уже нельзя будет *бавитьсе* [развлекаться]. Народ здесь, в Польше, придерживается старых традиций и верен им. Недаром, когда едешь в трамвае, то можно наблюдать, что возле костелов многие крестятся.

Краков

7 марта.

Позавчера приехала к нам Марысина сестра. Ко мне пришли Миша Григорьев и его товарищ. Собирались на забаву, но как-то само собой вышло, что забава уложилась у нас. Получилось хорошо. Если иметь деньги, то можно хорошо проводить время и дома. После полуночи пошли «шататься» (иначе как еще назвать хождение по городу в поисках забав!). Нашли забаву у академиков и зашли туда. *Народ бависе* [развлекается]! Здесь больше ни о чем ином и не думают. А, между тем, ситуация, переживаемая страной, тяжелая, особенно в глубинных районах. Не знаю, как они справятся с предвыборной кампанией. Все видят это положение, но толку что-то мало получается. Смотрят все, да видят немногие. Панство то ли не хочет, то ли не может навести соответствующего порядка. Вот если бы взялись за дело наши, русские «паны». Вспомнилось мне то название в связи с одним, тоже вспомнившимся, случаем.

Однажды в Варшаве наместнику Царства Польского Константину Романову была представлена местная знать:

— Пан Радзивилл!.. Пан Залесский!.. Пан Потоцкий!..

После представления польских магнатов явились русские дворяне:

— Пантелеев, Панфилов, Панкратьев...

— А зачем же русских людей в панов превратили?! — закричал наместник. — Пан Телеев, пан Кратьев... Впредь приказываю именовать их как положено: господин Телеев, господин Кратьев, господин Филов.

Вспоминаю еще, как в Праге однажды при нас русский шофер-фронтовик назвал польского парнишку так просто — паненок...

Сколько времени мы еще пробудем здесь? Нужно было бы уже уезжать. Прав был сегодня Григорьев, когда говорил, что мы свое задание выполнили, а теперь бы пора домой. Оставаться здесь дольше — это значит жить в неопределенном состоянии, жить без ясных перспектив. Я ему, конечно, ответил, напомнил о необходимости выполнить долг перед Родиной, но в душе был с ним согласен. Нужно бы и нам побыстрее приставать к берегу, определяться более основательно. Как только получу звание, то буду упорнее нажимать на отъезд или, в крайнем случае, настаивать на отпуске в Москву. Мне, к тому же, крайне необходимо разрешить это «неопределенное» положение с Тамарой. Она тоже во вчерашнем письме пишет: «Я была в посольстве, но ничего не могу сделать, потому что мне неудобно требовать визы для себя, тем более что я даже не могу особенно напирать на тот факт, что я твоя жена, ты меня понимаешь». Дальше она пишет: «Иногда заходит Гриша, еще реже — Арнольд. Он теперь в Москве, хотя еще не демобилизовался. И, странно, я ни с кем так не люблю говорить о тебе, как с ним. Он утверждает, что любит меня и желает мне счастья и потому очень хорошо относится к тебе, зная мою к тебе привязанность...». Признаться по совести, мне-то не особенно нравится такое положение вещей, особенно этот Арнольд. Может случиться так, что я снова останусь сам по себе. Тамара возвратится к своему прежнему Арнольду. Сколько же может она меня ожидать? Долго не подождет. Война давно закончилась, а меня все нет.

Краков

9 марта.

Суббота. Раннее утро. Нет даже семи часов. Только что пришел домой и одеваюсь по-зимнему. Сегодня в 9.00 вылетаю в Грибув, для вручения приказа командиру 18-го пехотного полка. Он получает новое задание и будет работать в другом направлении. Вчера командующий принял решение, и моя обя-

занность сегодня — вручить это решение. Летим с каким-то русским старшиной (так, по крайней мере, мне сказал дежурный истребительной бригады). Погода как будто должна разгуляться, да и барометр ползет вверх. Плохо только, что ветер сильный.

Из Праги передают замечательный концерт. Каждое утро оттуда замечательная музыка. ...Оказывается, это не из Праги, а из Моравской Остравы. Но не все ли равно.

Краков

11 марта.

Снова дома. Сегодня прилетел из Грибува. Летчик, старшина Кузьмин, опытный «воздушный извозчик». И это хорошо. Иначе пришлось бы мне, в лучшем случае, находиться в госпитале.

До Грибува 9 марта дошли благополучно. Наш старенький «По-2» за 40 минут дотащился до места. Перевалил через горы, покрытые снегом. Так как площадку посадочную выбрали где-то среди высот, то мы ее, конечно, не заметили. После долгих виражей над Грибувом пилот посадил машину на каких-то буграх, возле самого шоссе. Отделались только сильным толчком и поломкой шасси. Нас встречала уйма народа. Наш прилет нарушил спокойную, тихую обывательскую жизнь этого захолустного городка. Любопытных зевак нашлось много.

В тот же день с полковником Зярковским на машине поехали в Новы- Сонч, в 9-й погранотряд и беспеченство. Попутно со станции пришлось позвонить на квартиру к директору железной дороги и добиться его разрешения прицепить вагоны.

На выделенной нам квартире хозяйка оказалась шустрой девчонкой, была очень довольна тем обстоятельством, что именно им «выпало счастье» иметь на квартире «летчиков». Мы ее все уговаривали пролететь с нами на самолете. Но не решилась: боялась, что завезем в Краков. Наивный народ!

Скучно живет народ в этом провинциальном, захолустном городишке. Ни кино, ни театра, ни электричества. Вечером на улицах ни души.

Провели совещание с командным составом, отдельно — с политсоставом полка, и 11-го утром подразделения вышли по своим маршрутам на выполнение заданий.

Погода была абсолютно нелетная, над горами висел туман, но ничего иного не оставалось, как лететь. И мы полетели. Наш

«По-2» сделал круг над Грибувом, захватил в своем прощальном пологом вираже костел, дом, в котором ночевали, похожий теперь на спичечную коробку, поставленную ребром, и пошел на Краков. В горах пробирались по ущельям. Под Величкой нас встретила сплошная стена тумана. Ничего абсолютно не было видно. Самое благоразумное решение, которое мы и приняли,— сесть возле какой-то деревушки. Через два часа, когда туман рассеялся, прибыли в Краков.

О результатах доложил полковнику Хилинскому, а затем пошел отдыхать.

Одним словом, мои дни, которые шли раньше без новых событий, немножко нарушились некоторым разнообразием.

Краков

15 марта.

Сегодня получил от Тамары из Москвы письмо. Она пишет «Мой хороший». А я совсем не хороший. Уже столько времени не пишу. В самом деле — девушка ждет писем, вспоминает обо мне, а я этакий *лайдак* [лентяй], как сегодня назвала меня моя хозяйка (когда я ей прочитал письмо), не отвечаю. Стыдно тебе, Николай Власович! Ой, как стыдно! Единственное утешение, что и в лучшем бублике есть дырка!

Тамара пишет: «Уже прошло девять месяцев после окончания войны, а мне раньше всегда казалось, что на следующий день после Победы мы уже будем вместе. Мне не только казалось, но я верила в это. Но действительность всегда разочаровывает. Кажется, уже пора привыкнуть к этому и смириться, но мой непокорный характер бунтует против всяких несправедливостей жизни, и особенно против несправедливостей, мешающих счастью...».

Бунтарка! Разве только ты одна бунтуешь против этого. Столько прошло веков, и всегда, во все времена и во всех народах находились (и сколько их!) такие «смятенные» души. Вся беда только в том, что от этого ничего не получается. Законы жизни по-прежнему идут своим чередом, безжалостно расправляются с нашими мечтами и надеждами, рушат все наши воздушные замки, которые так часто строит наше радужное воображение.

А дальше она сообщает мне, что вместе со своими учениками делит их мечты о будущем, старается не разочаровывать их в том, что в жизни многому не суждено сбыться. Она права!

Зачем ребятам портить настроение. Зачем разубеждать Колю Седлинек в том, что, может быть, его судьбе совсем не угодно будет сделать его полярным исследователем (и непременно знаменитым), а Ваню Миронова — архитектором. Права Тамара, когда в беседах старается укрепить их веру в сияющее будущее, хотя сама (как она пишет) в глубине души очень сильно сомневается, хватит ли у них сил для борьбы с жизнью и с собою. Интересная мысль — «для борьбы с собою». Выходит, что человек должен также бороться с собою. Это правильно! И это сложная, большая борьба! Она требует больших напряжений и усилий. Оказывается, Тамара — золотых слов мастер.

Последние дни общественное мнение «разгорячено» отповедью тов. Сталина на речь Черчилля в американском парламенте. И не случайно. По существу, Черчилль скатился к продолжению политики такой же, какую проводил Гитлер. Даже не скатился, а возвратился на свою старую дорожку. Все мы хорошо помним, как не кто иной, как Черчилль (тот же самый!) организовывал поход Антанты против нашей страны, неоднократно выступал в защиту Муссолини и фашистских порядков. Старая песня! Только немного на новый лад. Мотив тот же самый!

Мир снова стоит перед серьезными событиями. Чем только все это закончится? Неужели снова войной? Снова неисчислимые бедствия, страдания, жертвы? И так было всего этого вдоволь. Хватит!

Краков

17 марта.

Народ усиленно поговаривает о войне. Возможно, что все это болтология. Хорошо, если именно так. А если по-иному? Так уже водится: если люди начинают о чем-то «энергично», на всех перекрестках говорить, то, рано или поздно, но это оправдывается. Сбывается!

Могут затеять еще войну. Ну, уж ее-то вряд ли переживешь: нельзя весь час выходить сухим из воды. И так, когда подумаешь, чего только ни пришлось пережить на прошлой войне, то просто не хочется верить, что можно было уцелеть, что все это прошло, осталось позади.

Никак не верится!

Неужели не суждено мне увидеть Москву, увидеть Тамару, попасть на Большую Коммунистическую, 34, кв. 4?

Снова переезды, военные лишения!..

Наше правительство, Сталин должны сделать все, чтобы предотвратить войну. Здесь «на углах» даже уже предусмотрели такую деталь, что война должны начаться ... с Персии.

Только что с моей хозяйкой Мяновской был в кино: «Процесс в Нюрнберге». Видел город, который некогда славился застенками и палачами, город, в котором при Гитлере устраивались пышные съезды извергов. И, наконец, теперь — на экране двадцать знаменитых убийц. Это по их приказам захлопывались дверцы душегубок, дымили печи Освенцима, горели города и села. Вот маршал, самый тучный из всех людоедов, Геринг, вот бывший коммивояжер Риббентроп, вот «теоретик» фашизма Розенберг, вот бывший завоеватель фон Кейтель... Вся эта мокрая сволочь, дрянь ждет своей справедливой участи.

Краков

22 марта.

Только что перевалило за полночь. В моей комнате тепло; недавно понежился в ванне, долго беседовал с Мяновской, а теперь вот уселся в шлафроке к письменному столу, к своей любимой «зеленой» лампе. Есть особенный простодушный уют в таких комнатах с зеленым, «томным» светом, оленьими рогами над картиной, изображающей девушку, собирающую цветы на зеленом лугу... Такие комнаты вызывают особенную какую-то теплоту. Это ощущение устойчивости жизни. И вызывают желание жить, так, как жили обитатели этого старенького дома — неторопливо, в чередовании труда и отдыха, зим, вёсен, дождливых и солнечных дней.

Кстати, пару слов о них. Здесь их чертовски мало. Больше дождей. Вот и сейчас смотрю с тревогой на стрелку барометра, которая катастрофически падает к «74», на дождь. А ведь мне завтра нужно лететь в Новы-Тарг. Ситуация в районе Яслиски осложнилась, бандиты значительно активизировали свою деятельность. Ждем только решения Роли-Жимерского на одно наше предложение. Как только будет его санкция на проведение одного предприятия, придется лететь в Новы-Тарг.

Полковника Зярковского переводят в Люблин, начальником штаба 3-й дивизии. Сегодня приходил ко мне, попрощались. Жалко, что уезжает от нас. Толковый был командир, а их ведь так мало. Молодежь должна многому учиться, а главное — многое пережить, чтобы были на высоте положения, руководили войсками.

Интересно!.. Слушаю радио из Берлина. И вдруг среди немецких музыкальных вещей звучит замечательнейшее русское танго. Поет Петр Лещенко, что-то о Сингапуре. Могли ли когда-нибудь думать немецкие заправилы о том, что из Берлина будут передавать русские песни!

Еще интересно: в английских газетах проскользнули такие слова: «Русский народ уважает силу, так покажем ему, что мы сильны». Нет, до сих пор те, кто пытался «показать силу» нашему народу, всегда, без исключения, проигрывали на этом предприятии. Господин Черчилль и его собратья проиграют и на этот раз. Его «пророческие» восклицания, бряцание новейшим «однотипным или разнотипным» оружием ни к чему не приведут. Даже, несмотря на всю их маскировку, несмотря на всех их изящные благочестивые формы.

Чем больше присматриваюсь к Марысе, тем больше мне нравятся ее взгляды на жизнь. Она не подходит так легкомысленно к жизненным вопросам, как это присуще многим (я бы сказал, большинству) полек. Впрочем, все ли я знаю о ней? В чужой жизни, что ночью в чужом дому, полно тайн и догадок. Эта жизнь лежит, как книга, забытая на столе, на какой-нибудь девяностой странице. Заглядываешь на эту страницу и стараешься угадать, о чем написана книга, что в ней. Тургеневский ли это роман с его трепетной девичьей любовью и солнцем за облетающими липами? Или это Чехов, Лесков, Толстой? А, может быть, роман о горькой судьбе Катюши Масловой?

Краков

24 марта.

Воскресенье. Вчера был в летной дивизии, договорился с майором сегодня лететь в Новы-Тарг. Погода препаршивая. Жду вот машину. В 10.00 подполковник Хилинский заедет за мной, и вместе с майором отправимся на аэродром. Но небо все же сумрачное. Может быть, и не удастся полететь из-за «нелетной погоды». Потемнело на дворе, поднялся ветер. Не везет мне с погодой. Видимо, какая-то злая фурия преследует.

Фурии — богини мщения из римской мифологии. Беспощадно и неотступно преследовали они свои жертвы, куда бы те ни скрывались, и не давали им покоя. Поэтому фуриями называют также сварливых, злых женщин. Фурий было три: Тизифона — убивающая мстительница, Алекто — неотступная преследовательница и Мегера — обуянная завистью.

Из Мариацкого костела передают проповедь какого-то важного ксендза. Он призывает верующих к почитанию столицы апостольской — Рима — и Папы. Говорит, что Папа через кардинала Сапегу передал полякам привет и слова любви. Закончил свою проповедь словами Сенкевича: «Прошел Нерон, прошел террор, но крест и Павел владели и будут владеть миром».

Краков

26 марта.

Сегодня только возвратился из Новы-Тарга. Захудаленький городишко с гуралями. В интересное облачение одеваются они. Белые с вышитыми узорами брюки, кожушок и шляпа с пером. Гурали!..

Живут люди там не бедно. Имеют свое хозяйство, в домах канарейки и прочие такие «мещанские атрибуты», женятся, рожают детей, немножко, для приличия, говорят «о политике», делают свои «интересы» — и все. Был у *керовника беспеченства публичнэго* [руководителя общественной безопасности]. Хотел с ним поговорить о ситуации в повяте, но увидал, что это бесполезная трата времени. Все равно он ничего не поймет. Такое большое и важное дело, как беспеченство, доверено зеленому сопляку. Разве он может правильно оценить обстановку в районе, правильно влиять на ход событий. Ничего он, конечно, не сделает, ничего он и не способен сделать. Прихожу к такому заключению: своими бестолковыми действиями они не только не укрепляют авторитет государственных органов в лице населения, а еще больше его дискредитируют, заваливают.

Как будет дальше? Что будет дальше? Трудно с такими работниками навести порядок.

Позвонил, чтобы из-за плохой погоды самолет за мною не присылали, а сам выехал поездом. Ехать поездом — убийственное дело! Полно людей, так что и сидеть негде. Одним словом — приятно ездить поездом. А все потому, опять-таки, что нет *попшеднего пожондку* [былого порядка]. Карусель, и только! Балаган.

Краков

1 апреля.

Эти прошедшие дни был в командировке в Саноке. Возил туда нового командира дивизии. Погода выдалась хорошая,

и наша поездка ничем особенно не отличалась, протекала «в нормальных условиях».

В Санокском уезде развернулись большие события. Бандиты УПА и НСЗ активизировались. Войскам приходится решительно действовать, чтобы навести соответствующий порядок. В штабе дивизии такое движение, как будто бы они где-то на фронте, в боях. В Саноке долго не задерживался, там, по существу, делать нечего было, и вернулся назад.

Поездка закончилась благополучно, хотя в этих районах можно было надеяться на некоторые «сюрпризы». Как это случилось, например, с одним из наших офицеров. Еле выскочил!

Итак, сегодня впервые надел майорские знаки. Пришел приказ о присвоении звания. Вот он: *«Вытёнг з ухвалы № 13. Президиум Краёвэй Рады Народовэй на поседзеню в дню 22 марца 1946 року постановило – надае за выбитнэ заслуги и взурова служба з дня першего кветня 1946 року стопень войсковы майора капитану Бунда Миколаю. Пом. Шефа выдзялу Опер. штабу арм. 5»*. [Выписка из приказа № 13. Президиум краевой Рады Народовой на заседании 22 марта 1946 года постановил – за большие заслуги и образцовую службу с 1 апреля 1946 года присвоить звание майора капитану Николаю Бунда, помощнику начальника оперативного отдела штаба 5 армии]. *Подписали: Презыдент Краевэй рады народовэй Болеслав Берут, застемпца презыдента Грабски, Начальны довудца Войска Польскего, Министр Оброны народовэй Михай Жимерски, Маршалек Польски.*

Сегодня день прошел в поздравлениях. Все поздравляли!

В краковской газетке «Эхо Кракова» есть интереснейшие объявления:

1. Кто даст свою фамилию матери и ребенку? Спешно сообщите в редакцию газеты «Эхо Кракова» на номер «93».

2. Шатенка, высокая ростом, молодая, 18 лет, кажется, довольна мила, окончила среднюю школу, желает познакомиться с господином самостоятельным, брюнетом, с голубыми глазами, милым и добрым, до 24 лет. Согласных вместе с фотографией направить ответ в ред. «Эхо Кракова» по девизу «Дорога за счастьем».

3. Две интеллигентные, молодые, довольно пригожие особы ищут двух очень культурных, веселых господ для общих прогулок и т. д. Сообщить в «Эхо Кракова» по девизу «Здоровый смех».

4. Девушка, культурная, добрая, с представительной внешностью, ищет занятие. Сообщить в «Эхо Кракова» по номеру «97».

5. Отдам девочку в собственность — блондинка, шестинедельная, хорошо развитая, еще не крещена. Врубель Станислава, Пачкув, уезд Нисса, ул. Понятовского, 2.

6. Кто из господ, на должности, до 45 лет, с невеселой жизнью в одиночестве, хочет сойтись с молодой приличной в поведении особой, блондинкой, имеющей собственную квартиру в Кракове. Только с серьезными намерениями. Обратиться в редакцию «Эхо Кракова» по номеру «13».

Краков

8 апреля.

Понедельник. Вот и прошла еще одна неделя... На этих днях хоронили капитана Лукина, убитого бандитами под Грибувом. В душе моей это оставило крепкий след еще и потому, что с комиссией, в которую был включен Лукин, должен был ехать и я. Только благодаря тому, что поезд с Орликом опоздал, то я отправился в Санок вместо Орлика и поэтому не поехал с комиссией. Случайность!..

Вообще, должен признать, что судьба меня бережет. Недаром моя хозяйка все время меня «выгоняет» в костел, отблагодарить бога за его благосклонное, покровительственное отношение ко мне.

Положение в Польше создалось довольно обостренное. Реакционные элементы поднимают голову. Материальное благосостояние людей не такое уж и плохое, но им же еще чего-то не хватает, все недовольны. Привыкли когда-то к беспечной, веселой жизни, вот теперь им все кажется плохо.

Нужны крепкие ежовые рукавицы!

С отпуском вопрос еще в стадии рассмотрения. Подполковнику Хилинскому, видимо, не очень-то хочется оставаться одному (тем более что сейчас дел привалило!), вот он меня и держит. Пока что согласился на 10 апреля. Нужно самому будет поехать в Варшаву для оформления визы на выезд. Иначе еще и там будут оформлять черт знает сколько времени. Вроде того, как отвечают на мое письмо из Министерства иностранных дел. Панству там некогда заниматься людьми. У них там, видимо, «более важные дела».

Краков

16 апреля.

Уже четвертый день в Варшаве. Приехал сюда в основном за визой, ну и Хилинский попутно дал целый ряд поручений в Генштаб. Приехал в субботу. Отправился к знакомым, а затем в трамвае встретил подпоручика Грабовского. Он, уже при прощании, сказал, где находится Иосиф Никитович Белецкий. Недолго думая, поехал на улицу 11-го Листопада, разыскал кошары 1-го полка, ну и там, конечно, Белецкого. Он теперь командир 1-го Пражского полка 1-й дивизии.

Живет хорошо, имеет премилую жену. Исключительно приветливая и общительная женщина. Эти четыре дня чувствую себя совсем как дома.

Сегодня с утра договорился с Иосифом Никитовичем, чтобы написал Тамаре письмо. Ведь он там, в Москве, бывал у них.

Страшно доволен тем, что здесь наконец-то снова увидел настоящее войско, подтянутое, с утренними строевыми занятиями, вечерними прогулками с песнями. Как когда-то у нас в 8-м учебном, в Фергане.

Был у Пясецких. Как раз собрались у них все: Бася приехала из Лодзи, Ванда — из Кракова (она, оказывается, там), ее отец — из Франкфурта-на-Майне. Одним словом — семья в сборе. Это очень хорошо.

Вчера был у консула. Там большая очередь. Визу обещал только сегодня на 18.00. Уже теряю два дня отпуска. Жалко, но ничего не поделаешь.

В Генеральном штабе познакомился с полковником Кожухом и Спиюнским. Они — хорошие друзья нашего Хилинского.

Звонил своему командующему в Краков. Он немножко поворчал за то, что я к нему не пришел попрощаться. Замечательный он все-таки старик. Такого редко найдешь!

В Варшаве встретил подполковника Тарана. Он выезжает в Россию. Здесь нигде не определился. Как видно, ему не особенно-то хочется уезжать. Впрочем, собираются возвращаться домой многие. В офицерском отеле над Вислой много отъезжающих в Россию. Все это братство страшно гуляет.

Консул запросил с меня русские документы. А где они? Я же все отослал в Константиновку. Придется ехать еще и туда за документами.

Варшава почти не отстроилась. *Грузы и грузы* [сплошные развалины]... Много, чересчур много *склепов* [магазинов], склепиков, будок. Торговля идет во всю. Все «делают интересы». На

улицах большое движение, гам, шум. Никогда бы Краков не сменял на Варшаву. У нас там куда лучше!

Побывал на ул. Винцентего, где мы когда-то жили с разведчиками, и там случайно встретил Медведского. Он после госпиталя вернулся сюда, собирается жениться. Как приятно встретить своего бывшего солдата!

Теперешний адрес Белецкого: г. Прага–Варшава, ул. 11-го Листопада, кошары, 1-й полк, Белецкому.

Сегодня надо бы пойти на Вислу и попытаться проехать пароходом на Яблонную, на места старых боев.

Прага, предместье Варшавы

18 апреля.

Правильней было бы написать 19 апреля, потому что уже 2 часа ночи. С самого вечера вместе с Мяновской, хозяйкой, собирался в дорогу. Утром еду на Перемышль. Сегодня, вернее, уже вчера, звонил майору Гинальскому и договорился, чтобы на вокзале встречали. Праздновать Пасху придется где-то в пути. Все это не так важно. Важно то, что еду в Москву, увижу там Тамару...

Эти несколько дней по приезду из Варшавы прошли в оформлении недостающих документов. Теперь как будто бы все. Даже, на всякий случай, взял документы на проезд в Константиновку. Это если придется ехать за своими документами.

Итак, прощай, Краков! Интересное самочувствие в этакие минуты расставания — с домом, с комнатой, к которой привык, с которой сроднился.

Со всеми попрощался. Кое-кто дал мне всевозможные поручения к своим родственникам, знакомым. Командующий на прощание пожелал мне жениться, привезти сюда жену, а главное — приезжать обратно. Замечательный он у нас старикан. Самый человечный человек!

Итак, в дорогу! Скоро сбудется то, о чем так долго мечтал, чего так долго хотел.

...Интересные отрывки из ненаписанного:

Говорил так тихо, словно слова его были обуты в валенки.

В оптическом магазине:

— У Вас, гражданин, глаза не подходят к этим стеклам.

От акробата не требуется простоты, его дело — ломаться.

В ваши годы Гоголь сжег уже вторую часть «Мертвых душ», а вы еще и первой не написали!

Краков

19 апреля.

Чуть-чуть было не проспал. Будильник звенел, но хотелось еще спать. Благо, бабушка разбудила. На скорую руку состряпали завтрак. Собрался, было, подвезти шофер, но запоздал с машиной. Приехали за несколько минут до отхода поезда. Быстрая погрузка — и поехали. Целый день ехали до Перемышля. В вагоне познакомился (как вообще знакомятся в вагоне!) с русской женщиной, военврачом. И задавали друг другу вопросы из «Викторины». Она — женщина начитанная и сильна в литературе. Вечером приехали в Перемышль. На станции меня ждали люди из штаба дивизии, провели в подготовленную комнату, на ужин. В штабе встретился с комдивом. Он пригласил к себе на ужин. У него на вилле хорошо провели вечер. Полковник — хороший, не заносчивый человек. Старательный. Был только огорчен полученной телеграммой от генерала. Напрасно все-таки генерал на него наседает.

Ночью возвратился в штаб. До отхода поезда на Львов оставалась пара часов. Позвонил по телефону в Жешув. Там как раз был полковник Евченко. Попросил меня зайти к его знакомым в Москве и передать привет. Балтрукевича вытащили из ванной, и с ним тоже по телефону попрощался. Он просил писать ему по адресу: Жешув, ул. Гетманская, 1, кв. 3. Напишу ему обязательно. Напишу и Попко в Перемышль.

Все. Надо хотя бы с часок поспать.

20 апреля.

Помню, когда с боем прошли через Буг, я мысленно прощался с Россией и спрашивал себя: когда же я снова вернусь сюда, увижу русскую землю. Никто бы тогда не ответил на этот вопрос. Сама жизнь ответила: сегодня, в ночь на 20 апреля. Из Перемышля (уже в мягком вагоне, а не в «телячьем») подъехали к незаметной станции. Чуть-чуть брезжил рассвет, шел дождь. В вагон зашли советские пограничники. Вежливо попросили зарегистрировать свой переезд, поставили штемпель «Выезд — Кий, СССР — Медыка». Поезд постоял с час, а затем пошел уже по советской земле. Привет тебе, моя Родина! Сколько людей мечтает о таком счастливом дне! Сколько его не дождалось на чужбине!..

Эти дни систематически не досыпал, поэтому пристроился себе в вагоне, и только под самым Львовом проводник разбудил меня.

Вокзал — огромный, но судить о его архитектурных качествах трудно, так как весь покрыт лесами. Идет усиленный ремонт.

Первым делом в банке обменял деньги, или, как здесь говорят, «иностранную валюту». Характерно, что в трамваях, на улице оставшиеся поляки приветливо встречают меня. Это и понятно: им просто приятно встретить здесь своего соотечественника, человека из Польши. Львов большой, красивый город. Большое движение.

Что меня еще здесь поразило — это дешевизна. Даже странно, что за телеграмму пришлось заплатить 4 рубля 30 копеек, в то время когда у нас приходится платить сотни злотых. Все здесь значительно дешевле. Это разительно бросается в глаза. За билет в кино заплатил 7 рублей, а у нас нужно — 60. Устроился в гостинице «Интурист». Меня здесь принимают как иностранца, больше того, сначала повели, было, к переводчице. С трудом растолковал, что по-русски разговариваю не хуже их и в переводчике отнюдь не нуждаюсь.

Чудеса!.. Совсем выходит, что в своей стране я словно иностранец.

Сегодня пасхальная ночь. Торжественная ночь!.. (Начинаю писать «совсем, как у Гоголя»!). Жалко, что встречаю этот праздник не в кругу знакомых и родных. Скоро буду в Москве! Скоро, совсем скоро!

Львов

25 апреля.

Сегодня уже шестой день в Федорках. Из Львова поездом доехал до Подволочиска, а затем на товарном поезде до Волочиска. Станцию не узнал. Ведь не был здесь шестнадцать лет. За это время все так изменилось.

Нужно было добираться до Федорок. В старую свою деревню. Каким способом? Начальник райотдела НКВД выручил. Дал автомашину и даже сам с женою взялся меня проводить. В Федорки приехали во втором часу ночи. Отец узнал меня по голосу и был страшно рад моему приезду. Устроили встречу. Гости появились только утром. Впрочем, только уехали одни — начали приходить другие. Каждому было интересно посмотреть на сына Власа. Тем более что меня здесь все хорошо помнят. Припоминают мне, когда и с кем возил снопы, как погнал на выгон малых курчат и побил их, спустив с обрыва. Наша хата во время боев в Федорках сгорела, ничего, кроме груды пепла

да погреба не осталось. Отец держится еще молодцом. Хотя и стар, но еще крепок.

Пешком ходил через Немеренцы в Копачивку. Припоминал себе, как вот этой же самой дорогой семнадцать лет тому назад вместе с Олей ходил в школу, «в науку». С учителями (старых никого уже нет) поговорил, осмотрел класс, в котором когда-то стояла и моя парта. Интересна встреча со знакомыми стенами, со знакомыми деревьями.

А вчера был в Волочиске. Каким большим городом казался мне он когда-то и какой глухой дырой увиделся теперь. Как только могут в такой глуши жить люди?

Мой старый знакомый Номесите учительствовал в Яхновцах. Левченко теперь — секретарь райисполкома. Большой начальник! Побывал у него. Долго беседовали о Польше, о порядках, существующих «за границей». Левченко обещал заехать за мной и вместе поехать в Яхновцы. Сдержит ли он свое слово?

Кто мог бы раньше предположить, что мы с ним встретимся, да еще в такой обстановке.

Дни идут. Пора выбираться в дорогу. Мне еще предстоит много и далеко ехать.

с. Федорки, Волочиский район

26 апреля.

Кончается месяц. Нужно бы на Первое мая попасть в Москву.

...Закончить запись не удалось, так как приехал из Волочиска приятель, врач, и забрал меня с собой в Волочиск, а там на поезд. Сердечно простился с отцом и с мачехой и уехал. По дороге нас встретила Женя: она тоже шла к нам проститься со мной. Станция Волочиск разрушена до основания.

Итак, до свидания, родные места! Когда судьба снова занесет меня сюда?

Волочиск

29 апреля.

В Киев приехал поздним вечером. Собирался зайти к Оле, но удалось получить место на московском поезде, который вскоре отходил,— и я уехал. К Оле зайду на обратном пути. Сейчас нужно спешить в Москву.

По дороге сильно было искушение заехать в Середина-Буду. Здесь я работал в райкоме комсомола в 1936 году, отсюда же и

ушел в Красную Армию — в училище, в Ташкент. Долго колебался, а потом все-таки решился и сошел на старой, знакомой станции Зерново. Остался ли там кто-либо из моих старых знакомых в живых? Этот вопрос волновал меня всю дорогу от станции до парикмахерской. И оказалось, что есть, живы! Даже один из парикмахеров узнал меня. В райпотребсоюзе дождался Михаила Емельяновича Стебловцева. Миша воевал в партизанском отряде, был в Японии. Очень обрадовался моему приезду. Его жена Вера Даниловна тоже мало изменилась. Только дети уже большие и выдают нас всех (в том числе и меня), напоминают о том, что время идет, а мы все старимся.

В Середина-Буде был у знакомых в редакции, заходил в тот дом, где когда-то жил... Все это так приятно, интересно. Был в райкоме комсомола, беседовал там с работниками. Встретил Козлова, вспомнили наши поездки на матчи в Глухов, Новгород-Северский, Конотоп. Вспомнили о старых товарищах. Многих уже из них нет в живых.

Через час еду в Хутор Михайловский, а затем в Москву. Завтра буду там.

Середина-Буда Сумской области,
УССР

15 мая.

Эти дни было столько впечатлений, что надо бы писать каждый день. Но так уж случилось, что этого не сделал. Теперь даже немного жалею. Столько дней прожить в Москве и не писать!..

Накануне Первого мая, перед вечером, прибыл на Киевский вокзал. Прежде всего привел себя в порядок, а затем на такси отправился на Большую Коммунистическую. Дома застал Тамару и Фаину Ильиничну. Они уже давно ожидали моего приезда: я ведь несколько раз предупреждал их с дороги телеграммами. Благо, здесь депеши стоят неизмеримо дешевле, нежели у нас.

Первого мая имел возможность слушать по радио парад и демонстрацию на Красной площади. А вечером с Тамарой пошли бродить по праздничному городу.

Красива Москва в праздничные вечера. Улицы освещены миллионами электрических лампочек, наполнены вертящимися и прыгающими рекламами. Здесь электричество низведено до уровня дрессированного животного. Его заставили кривляться, прыгать через препятствия, подмигивать. Огни реклам

вспыхивают, вращаются и гаснут, чтобы сейчас же снова засверкать. Десятки тысяч людей движутся по тротуарам. Подъезды кинотеатров и отдельные здания освещены до предела. Величественно иллюминировано здание МосГЭСа на берегу Москва-реки. Молчаливым потоком несутся автомашины самых разнообразных систем и окрасок. На улицах морской прибой! Признаться по совести, в таком водовороте можно так завертеться, что совсем потеряешь ориентацию. Благо, моей спутницей была Тамара.

Из Центрального телеграфа отправил поздравительные телеграммы всем своим знакомым в Польшу и СССР. Адресатов набралось много.

А затем пошли дни отпуска. Отдыхал, ездил по магазинам и старался как можно больше увидеть всевозможных зрелищ. Попасть в театр или в кино здесь не так-то просто: большие очереди и, как правило, билетов не бывает. Пришлось ехать на Спиридоновку в польское посольство, брать от них специальные отношения к директорам театров. И только тогда, уже как «иностранцу», можно было получить билет. За это время был: в театра ЦДКА на постановках «День рождения», «Полководец», в Малом театре на «Волки и овцы» с участием Игоря Ильинского, в филиале Большого театра на «Факир на час» с участием Хенкина, в филиале МХАТа на «Офицер флота». В кинотеатрах был на картинах: «Каменный цветок», «Небесный тихоход», «Беспокойное хозяйство».

Зрелищ не так уж и много. Но все это в замечательном исполнении, с замечательными декорациями.

Познакомился с Гришей. Хороший парень, такой сердечный. Оказалось, он двоюродный брат Тамары. Часто заходит к нам. Фаина Ильинична ко мне относится с исключительным вниманием, с материнской нежностью. Вообще, об этих днях пребывания в Москве никогда не пожалею!

С душевной тревогой думаю о том, что приближается день отъезда, что снова будет Краков, что начнется обычная, скучная жизнь с обязательным вставанием в семь утра, со служебными волнениями и заботами.

Предполагал поехать в Константиновку за документами, но Фаина Ильинична отсоветовала. И она права, конечно! Телеграфом снесся с отцом Раи, попросил его выслать документы в Москву, что он (судя по телеграмме) и сделал 14 мая. Теперь жду документы здесь. Так, пожалуй, будет лучше. Впрочем, это

можно будет определить только тогда, когда получу их. Думаю, что к моему отъезду они уже придут. Прочел интересную книгу из серии «Жизнь замечательных людей» — М. Мейерович «Шлиман». Книга о знаменитом археологе, жизненный путь которого богат приключениями.

Живем совсем по-аристократически. Встаем поздно, ложимся не раньше часа. Как приятно быть деловитым, когда нет никаких дел.

Московский транспорт никак не может похвалиться хорошим сервисом. В трамваях большая давка, в автобусах — не меньшая. Зато метро — замечательное. Оно вызывает чувство гордости за людей науки и труда, построивших эти великолепные станции, запустивших поезда и эскалаторы. Я видел метро в Берлине, но наше московское метро несравненно лучше. Несравненно!

В Москве очень много приезжих людей. Их, между прочим, можно быстро отличить от москвича. По внешнему виду, по манере держать себя. Провинциалы, оказывается, везде заметны. Так и нашего брата быстро опознают в Польше.

Итак, отпуск подходит к концу. А там снова начинается «бизнес», деловые дни. Всему, оказывается, приходит конец.

Москва,
Большая Коммунистическая, 34/4.

20 мая.

Прошло еще пять дней пребывания в Москве. Теперь уже немного привык разбираться в лабиринтах московских улиц, названий. Ориентируюсь, во всяком случае, в тех районах, которые мне жизненно необходимы.

За эти дни побывал в Политехническом музее на выступлении джаза Эдди Рознера, а вчера попал на футбольный матч московских команд «Динамо» и «Спартак». Между прочим, динамовцы выступали в том же составе, которым играли в Англии. Стадион «Динамо» на меня произвел большое впечатление, но игра — не особенное. Динамовцы играли несравненно лучше и закончили матч со счетом 4 : 0 в свою пользу.

Но самое интересное все-таки — это московские болельщики. Сколько их!.. В поезда метро почти невозможно было попасть: так много было болельщиков.

Сегодня с Фаиной Ильиничной были на Новодевичьем кладбище. Интересен сам монастырь. С большим почтением

посетил могилу А. П. Чехова, побывал на могилах жены Сталина — Надежды Аллилуевой, многих известных мне писателей, ученых, знаменитых артистов.

Тамара познакомила меня со своими подругами, Идой и Женей. Хорошие девушки.

Получил ценным письмом документы из Константиновки. Интересно было просмотреть свои старые удостоверения, перечитать характеристики.

Во Львове находятся новые знакомые. Их адреса: Львов, ул. Здоровья, дом 3, кв. 5, Шапиро. Там нужно будет сослаться на Семена Михайловича Дзекседа.

Москва

25 мая.

За эти дни встретил много своих знакомых. В метро, например,— Антишина. Он приехал сюда в госпиталь, а вообще-то устроился жить во Львове. Дал свой адрес: г. Львов, ул. Поморская, 43. Его сын Олег уже туда уехал.

В филиале Малого театра на Б. Ордынке случайно встретил Наума Рокленко. Сына той самой бабушки, у которой я в 1935 году жил в Чернигове. Наум сейчас под Москвой, директором завода. Адрес: ст. Правда Ярославской ж. д., ул. Лесная, 12, Наум Ефремович Рокленко. А самое интересное то, что от Наума я узнал о месте пребывания в Москве его мамы, которая когда-то была и мне как родная мать: Серпуховская площадь, Коровий вал, дом 1/2, кв. 6. Сразу же после спектакля мы с Фаиной Ильиничной поехали к бабушке. Сначала она меня не узнала (прошло ведь 10 лет!), а потом очень обрадовалась, наговорила обо мне множество самых приятных вещей. Какие иногда могут быть неожиданные встречи!..

Дома — сюрприз. Слава Оболевич проездом в Ленинград остановился у нас. Он теперь возвращается из Польши насовсем, думает устроить свою семью и жить здесь. Дал адрес (авось, когда-то будет суждено свидеться): Ленинград, Конюшенная площадь, 2, кв. 118, Вячеславу Борисовичу Оболевичу. Неплохой он парень, но жить не умеет.

В посольстве, куда ходил заказывать билет на поезд, встретил Ефимова (бывшего командира 4-го полка) и от него узнал, что здесь, под Москвой, находится полковник Ласкин. Мой бывший начальник училища, а затем зам. командира дивизии.

Живет он: г. Клязьма, ул. Тургеневская, 42. Ехать нужно с Ярославского вокзала.

В банке случайно встретился и познакомился с женой полковника Щабельского, нашего бывшего командира полка. Он теперь учится в Солнечногорске. Одним словом, уйма встреч.

За это время побывал в театрах: в филиале Малого — на спектакле «Инженер Сергеев», а в Большом — на опере «Евгений Онегин».

Взаимоотношения с Тамарой уже совсем определились. Все произошло так, как и следовало предполагать.

До отъезда осталось три дня. Чем ближе этот день, тем тоскливее настроение! Кончается московская жизнь!.. Еще несколько дней — и снова начнется служба, обычные служебные дни. Все скоропроходящее. Кончился и отпуск. А жалко, все-таки.

Москва

26 мая.

Сегодня воскресенье, хороший солнечный день. За время моего пребывания в Москве погода не особенно меня баловала: дожди шли систематически.

Уже осталось мне совсем мало времени быть на родимой земле. Вчера в «Интуристе» специально справлялся насчет билета. Завтра его получу и послезавтра — в путь. Бабушке в Краков дал телеграмму, в которой сообщил о дне своего выезда.

В Волочиск уже заехать не придется. Слишком мало времени осталось. И так опаздываю на работу.

Жаль оставлять Фаину Ильиничну и Тамару. Пока еще не уехал, это не так остро ощущается, а вот когда уеду, тогда, действительно, почувствую, что значит разлука с любимыми людьми.

Заходил к знакомым полковника Евченко. Они живут по 1-й Мещанской, 48, кв. 11, Ольга Ивановна Неверова. Я умышленно *записуе* [записываю] все эти адреса специально для того, что, может быть, когда-нибудь они пригодятся. Мало ли что может быть в жизни! Они обижаются на Евченко за то, что он им давно ничего не пишет.

Много раз фотографировался и сегодня получил фотографии. Пусть напоминают о пребывании в Москве. Нужно также послать снимки своим многочисленным знакомым.

В Москву приехала польская правительственная делегация. Об этом сегодня «пропечатано» во всех московских газетах. Видимо, будут принимать какие-то серьезные решения. Какие?

Москва

27 мая.

Последний день в Москве. Завтра уезжаю. Сегодня в «Интуристе» получил билет до Львова. Дал телеграммы Ольге и Стебловцеву, чтобы встречали возле поезда. Авось, чего-нибудь и выйдет из этой затеи.

В посольстве встретил одного варшавского майора. Сообщил неприятные новости. У нас там везде сокращения штатов, и поэтому многим приходится возвращаться домой. Мне это испортило настроение в том отношении, что не успеешь приехать, как могут сказать: «Заворачивай оглобли». Совсем не приятное это дело — ездить туда-сюда.

Кстати, этот майор теперь работает здесь, в отделе кадров штаба Московского военного округа (ул. Осипенко, 621, майор Ешлевский).

Тамара огорчена моим отъездом. Вообще-то я убедился, что она меня любит крепко, также как и я — ее. А Фаина Ильинична — так это уж настоящий друг.

Жаль уезжать. Очень жаль этого маленького домика, тихой улицы, а самое главное — жаль Тамары и Фаины Ильиничны! Но что же поделаешь. Все хорошее так быстро и безвозвратно проходит. Совсем незаметно пролетел месяц. Не успел оглянуться.

И вот теперь грустно. До боли в душе грустно. Жалко даже этого грохота большого города. Грохота, который производится здесь в огромном количестве. Что ожидает впереди? Вот это чувство неизвестного, чувство тревоги за будущее не дает покоя, выводит из равновесия.

Принес много фотографий. Останутся на память о Москве. В следующий раз уже буду здесь как в своем городе. За это время изъездил здесь много-много дорог и улиц. Уже теперь не такой «провинциал», каким был вначале.

Москва

30 мая.

Сейчас 11 часов ночи. Сижу у себя в 78-м номере гостиницы «Интурист» во Львове. Днем приехал сюда скорым поездом. А ведь, кажется, только что, 28 мая днем, Фаина Ильинична и

Маришка посадили меня в купе и долго махали вслед уходящему поезду. Мои попутчики по купе — Герой Советского Союза с женой — оказались симпатичнейшими людьми. В дороге снова знакомые места. На рассвете 29-го промелькнула Середина-Буда, а в 5 часов приехали в Киев. Для Оли купил букет цветов, но — увы! — напрасно ждал ее у вагона. Она не пришла: то ли не получила телеграммы, то ли не было ее дома... Мои ожидания оказались напрасными.

А сейчас только что вылез из ванны, которая (о, благо!) находится в моем же номере.

Полдня бродил по Львову. Ходил в кинотеатр им. Леси Украинки в «Спартак» на «Пятнадцатилетнего капитана». Еще в Москве хотел посмотреть этот фильм.

В гостинице не нахожу себе места. Все здесь напоминает о том дне, когда я ехал в Москву. А теперь вот не возвратить прошлого. Все скоропреходящее. Предметы (даже ручка, которой пишу) напоминают о Тамаре, о Москве, о прошедшем счастье. Как все-таки дороги мне Тамара и Фаина Ильинична. На месте как-то этого не чувствуешь так остро.

Когда увидимся снова? Мне кажется, что скоро. Такое предчувствие.

Завтра нужно разыскать знакомых, а в 4.30 выезжать. Кончился, незаметно прошел отпуск, все 45 дней. Одни только воспоминания остались да тоска о прошедшем.

Львов

10 июня.

Медыку проехал благополучно. Если не считать того, что мытники [здесь: таможенники] взяли все деньги и оставили меня без копейки. Таков у них порядок: советскую валюту нельзя перевозить сюда.

Утром приехал в Краков. Хилинский, а особенно генерал Венцковский встретили хорошо. Оказывается, все разговоры о переводе Хилинского не оправдались. И очень хорошо. Здесь изменили штаты. Мы с Бовтрукевичем-Балтрукевичем оказались вне штатов. Но генерал сказал мне, что никуда из Кракова не отпустит. Что-то они с Карандышевским комбинируют.

Хилинский уехал в Россию на пару дней — и до сих пор его нет. Приходится мне самому действовать.

Чертовски грустно. Все время вспоминаю Тамару и Фаину Ильиничну. Как хорошо было у них в Москве. Когда повторят-

ся снова эти счастливые дни? Теперь стали дороги вещи, которые привез от них. Вот пишу ручкой, которую подарила Тамара, и как дорога мне она, эта ручка!..

Скучно! Чертовски скучно! Особенно еще и потому, что все русские друзья повыехали кто куда. При мне еще покинули Краков последние из шифровального отдела. Совсем теперь скучно. То хоть они были, можно было поговорить с ними по-русски. Свидание с Родиной еще больше усилило тоску по ней.

12 июня.

Жизнь идет своим чередом. В работе немного рассеялся от тоски по Тамаре, по Москве. Сегодня из Киева приехал полковник Хилинский. Обещает дней на пять отпустить меня во Львов.

Нужно начать оформлять вызов для Тамары. Начал бы это и раньше, но вся беда в том, что вся эта неизвестность, это мое неопределенное положение... Чем все это закончится? Хилинский утверждает, что он послал в Варшаву протест против сокращения работников в оперативном отделе. В самом деле, кто-то сделал очень необдуманно. Уж что-что, а оперативные отделы сокращать никак нельзя, особенно в условиях, в которых находится сейчас, в настоящий момент, Польша. Может быть, что-нибудь и выйдет из этого опротестования. Сомневаюсь!..

Насчет оформления вызова, видимо, придется ехать в Варшаву. Так будет скорее. Когда только удастся это дело? На мои две телеграммы из Москвы нет ответа. Что бы это значило? Справлялся на почте, говорят, что послали. Подожду еще. Авось, завтра что-нибудь получу.

Сегодня, вот сейчас, нужно написать письмо Тамаре. Обязательно! Итак, она, видимо, на меня в крепкой обиде за такое длительное молчание.

Краков

13 июня.

Медленно, но все же возвращается ко мне рабочее настроение. О Москве остались воспоминания. Хорошие, как принято говорить, милые воспоминания. И надежды на приезд Тамары-Мары сюда. Мы с Ядвигой Казимировной даже прикидываем, как и чем будем ее кормить, строим планы. Но не останутся ли эти планы воздушными замками?.. Кто знает! Но нужно действовать: само ничто не придет. Ничего, абсолютно ничего.

Идут большие приготовления к всенародному референдуму. Политические партии здесь слабы, и поэтому много работы, которую должны бы, по существу, делать они, приходится тянуть нам, войску. Здесь не так, как у нас в СССР. Политическое сознание масс, их организационная сплоченность, а главное — желание участвовать в государственной жизни далеко не таковы, как у нашего самого рядового гражданина. Органы беспеченства тоже еще организационно слабы, работают на ощупь, робко. Все это здесь молодо, ищет путей. Хорошо, что во многом они стараются подражать нам, нашим порядкам. Реакционным элементам, пээсельевцам, господам типа Миколайчика это не по душе. Они стараются своротить демократические элементы на вредную, пагубную дорогу. Задача наша лежит в том, чтобы не допустить этого.

Моих хороших приятелей нет, поразъехались, и поэтому страшно скучно. Время теперь такое хорошее, тепло, сейчас бы с хорошей компанией съездить в лес, на озеро; достать лодку или байдарку и выехать на Вислу. Как когда-то на Десну в Чернигове...

В Краков приехал ансамбль народной песни и пляски Игоря Моисеева. Нужно пойти обязательно. Увидеть кусочек своей России. Легче станет на душе.

Краков

14 июня.

Ура!.. Наконец-то!..

Сегодня получил такую долгожданную телеграмму из Москвы. Вот она: «Только сегодня получили первую телеграмму счастливы были узнать твое здоровье три экзамена сдала адрес Ани Тверской бульвар дом 6, квартира 36 Виленская Анна Семеновна целуем Тамара Фаина».

Долго шла моя телеграмма. А вторую они еще не получили. Почта долго ворочается. Все-таки мои опасения насчет отправки телеграммы отсюда не оправдались. Народ на почтамте честный.

Из Жешува приезжал Евченко. Отдал ему письмо из Москвы, передал привет Балтрукевичу-Политрукевичу, и он снова улетел обратно.

Попросил своих приятелей, чтобы перевели деньги в Москву. Полковник Константин Владимирович Грановский перевел Тамаре 5000, а Владимир Аржинович Политрукевич Фаине

Ильиничне — 3000. Это записываю на всякий случай, чтобы потом можно было навести справки. Завтра нужно еще договориться с полковником Новаковским. Он — мой старый знакомый по 2-й дивизии. Когда-то у нас был начальником артиллерии.

Полковник Снегирев разрешил у меня дома поставить телефон. Теперь уже и здесь это стало нелегким делом — получить разрешение.

В кино видел хороший фильм «Тахид и Зухра», на узбекские мотивы. Хороший фильм, особенно хорошо смотрится (Фаины Ильиничны выражение), когда так близки все картины, изображаемые на экране. Ведь недаром я прожил пять лет среди узбеков, воочию, так сказать, видел их быт и нравы. Песню, пляски, народные музыкальные инструменты — все это после фильма перенесло меня в недавно виденные края.

И как будто бы снова... в Узбекистане побывал!..

Погода стала похожей на московскую. Дожди и ветер. Сегодня даже похолодало.

Краков

21 июня.

За эти дни было много праздников. Впрочем, праздников здесь хватает. В Польше в этом отношении неплохо!.. Больше гуляют, чем работают. И все еще недовольны.

Ездил проверять, как готовятся к проведению референдума в Тарнове, в Домброве-Тофковской, в Бжеско и в Бохне. С подготовкой весьма слабо обстоит дело. Прав, тысячу раз прав тов. Сталин, когда говорил, что кадры решают все. Здесь это видно наглядно. Народ, руководящие работники рады бы сделать все. Но вся беда в том, что не умеют. Нет еще у них опыта работы. Который, кстати, приобретается не так уж скоро.

В воскресенье приехал из Тарново и сразу попал на футбольный матч. Англия — Краков. Была интересная игра. Причем не так интересная сама игра, как то, что англичане крепко грубили, а зрители свирепо на них рычали, награждали их весьма нелестными эпитетами.

Дома установили телефон. Теперь удобно. Только что разговаривал с нашим «Политрукевичем» из Жешува. Он сообщил весьма неприятное известие. Его вызывают в Варшаву, и он выезжает к нам. А кто же поедет в Жешув? Похоже, что теперь придется ехать мне. Это страшно неприятная штука. Тем более,

сейчас, когда я хочу привезти сюда Тамару. Неужели все-таки придется мне выезжать? А, может быть, судьба, мое счастье и теперь мне не изменит? Все может быть!

Краков

27 июня, 1 час ночи.

Три дня у меня гостил Балтрукевич. Из Жешува он приехал сюда и сегодня автобусом уехал в Катовицы, затем едет в Варшаву: его перевели в Генеральный штаб. Пошел вверх!..

При всех его странностях, он хороший парень, и теперь мне его жалко. Он замечательный работник, но мало заботится о себе, не умеет устраивать свое благополучие. Это скверно, особенно в наш век. Нельзя ждать, чтобы кто-нибудь к нам пришел и, тем более, сделал для нас что-либо хорошее.

Получил от Тамары ответ на мою вторую телеграмму: «Получили вторую телеграмму сданы два последних экзамена телеграфируй возможен ли мой приезд Краков предполагаешь ли ты быть во Львове привет всех особенно Григория Львовича целуем Тамара мама».

Теперь она мне все дороже и дороже становится. С мыслью о ней я и засыпаю. Вся беда только в том, что я как-то не могу выражать своих чувств. В самом деле, в те дни, когда был в Москве, Тамара не раз справедливо жаловалась на то, что она не чувствует моей любви к ней, не находит, по существу, ее проявления. В этом, пожалуй, она и права! Безусловно!

В воскресенье собирался в Варшаву за визой, но вот сейчас звонил Хилинский: завтра в 6 часов утра предстоит ехать на аэродром и следить, чтобы бюллетени для голосования рассылались по повятам своевременно. Хилинский обещает отпустить в Варшаву сразу же после окончания референдума. Боюсь, что после окончания референдума мне придется вообще уезжать в Варшаву. Уже третий раз вызывали туда. Спасибо, что генерал Венцковский меня выручает, снова приказал не отсылать никуда. Авось что-нибудь да выйдет! Будем видеть, как дальше пойдут дела.

С Балтрукевичем были на стадионе, на матче между краковской командой и югославским «Партизаном». Хорошая игра! Впечатление портил только дождь. Какая-то, вообще, убийственная погода. Дожди и дожди!

Краков

1 июля.

Приехал на аэродром рано, и сразу пришлось поднажать на то, чтобы организовать летчиков на вылет по повятам. Приехали представители ППР – Польской рабочей партии, и вместе с ними мы занимались отправкой бюллетеней для голосования по повятовым комиссиям. В Вадовицы, Бжеско и Бохню летал я также. Благо, погода была хорошая. На обратном пути Кузьмин (молодость берет свое!) решил попугать народ, снизился до 70–80 метров и на бреющем начал пикировать на людей, которые работали на полях. Было отчетливо видно, как отдельные крестьянки ложились на землю, прятались от самолета. Чудачки!..

В день выборов дежурил в штабе. С подполковником Жосаном звонили по повятам, справлялись, как обстоят дела у оперативных дежурных дивизий, беспеченства и милиции. Голосование прошло без особых эксцессов и антиправительственных выступлений, если не считать нападений бандитов на избирательные участки, например, возле Новы-Сонча.

Подробных результатов голосования еще нет, но по предварительным данным все же видно, что краковское воеводство голосовало плохо. На первый вопрос, в отношении отмены второй палаты сената, большинство ответило: «Нет». Правильно нас предупреждали, что Краков издавна был колыбелью антиправительственных настроений.

В Варшаву за визой нельзя было ехать из-за референдума. А вчера по телефону из Варшавы передали, что нужно указать год и место рождения Тамары. А я этого не знаю. Послал телеграмму, чтобы немедленно сообщили. Теперь вот жду ответа. Когда он только придет?

Тоже, хорош муж, который не знает, когда и где родилась его жена!..

Сегодня от Тамары получил телеграмму: «Аттестат справку получила спасибо все экзамены сдала жду писем сердечный привет от мамы целую Тамара».

Краков

9 июля.

Что особенного произошло за эти дни? Много чего, конечно. Из Жешува приезжал Балтрукевич и уехал в Варшаву. Его перевели в Генеральный штаб. Он доволен. Хотели и меня тоже

забрать, но не отпустил командующий, да и я сам тоже не особенно-то хотел. Уже привык в Кракове. Обжился!.. Только-только начал ремонт квартиры. Все это к приезду Тамары.

Для оформления визы понадобилось знать ее год и место рождения. А я этого и не знал... Пришлось запросить телеграфом. Ответили, даже, на всякий случай, два раза. Итак, родилась Тамара 25 января 1922 года в г. Короп Черниговской области. Теперь запомню.

Командир 9-й дивизии полковник Попко выезжал в отпуск в Ленинград. Здесь в Кракове у консула оформлял визу, ну, и мы вместе с ним ездили везде. Вечером ходили в кино, у меня ужинали. Моей хозяйке он исключительно понравился за свою простоту.

Целый вечер ему читал отрывки Есенина. Так он и уснул.

С майором Кнопитским начинаем жить по-свойски. Парень он довольно дружелюбный.

Вот Орлик — этот вредный. Хитрый, каверзный, продажный характер. В глаза рассыпается бисером, а за глаза готов продать.

Сегодня только приехал из Варшавы, оформлял вызов для Тамары. Сначала нужно было получить отношение из Департамента персонального, затем идти за резолюцией к военному атташе СССР в Польше, генерал-майору Маслову. Он принял очень хорошо. Поинтересовался, почему у меня одна фамилия, а у Мары — другая, пожурил за то, что нет детей. Интересно!

Затем все это я занес в Министерство иностранных дел с просьбой переслать дипкурьером в посольство в Москву для вручения Тамаре. Там она должна получить пропуск у генерал-лейтенанта Славина. Это на Арбате, в Генштабе. Из Варшавы дал телеграмму, разъясняющую всю эту премудрость. Теперь все зависящее от себя сделал. Думаю, что к числу 20-му Тамара приедет.

Так как в Варшаве был всего лишь один день, то ни у кого побывать не успел. Даже у Белецкого, и то нет. Был только на Вавере у своей старой хозяйки — Стаси Пясецкой.

Вавер! Как много хороших, приятных воспоминаний связано с этим предместьем. Как хотелось бы снова воскресить те прошедшие, милые времена!

В Кракове видел генерала Раткевича. Он приехал из Жешува, заезжал ко мне. Очень приятно было встретить старого

знакомого. Он, кажется, выезжает в Поморский округ. Хилинский остается у нас начальником штаба. А меня назначили начальником оперативного отдела.

Краков

22 июля.

Эти дни был занят ремонтом. После приезда из Варшавы сразу же договорился с Кнопитским, он прислал пленных немцев, и те приводили в порядок помещение. Некрасиво же встречать Тамару «в таком виде». Побелка — страшно неудобная штука для окружающих жильцов. Вели мы жизнь просто-таки «репатриантскую». Благо все закончилось! От Тамары нет никаких вестей о визе. Все более и более тягостно переживаю ее отсутствие. Единственное утешение — авось, подкачала почта. Судя по письму Фаины Ильиничны, которое позавчера получил, телеграммы идут страшно долго.

Шиманский тоже, оказывается, в Москву не поехал. А у меня на него были такие большие надежды. Думал, что он уже давно в Москве — и случайно встретил в кинотеатре «Вольность». Из Варшавы приезжал Балтрукевич. Ходит теперь там в большом начальстве. А вчера даже звонил и сообщил, что Моссер хочет назначить его начальником штаба дивизии. Смех-смехом, а вот так, чего доброго, наш Балтрукевич-Собакевич через пару лет выбьется в большое начальство. Чем черт не шутит! Судьбе будет угодно так — и *проше бардзо* [пожалуйста]!

Из Киева прислала письмо Оля. Она сожалеет (по крайней мере, так пишет!), что не смогла меня встретить у поезда: лежала в больнице. Хвалится тем, что имеет двух сыновей, старшего Юру (10-й год) и маленького Сашу (в декабре будет 5 лет). Сашеньку очень хвалит. Еще похвалилась тем, что Юра с похвальной грамотой закончил 2-й класс. Я ее понимаю — мать!..

Ведь и Фаина Ильинична с гордостью пишет, что Тамара все сдала на «хорошо» и «отлично», а политэкономию и английскую литературу — блестяще. Молодец Тамара! Вообще, я еще в Москве заметил (вернее, лишний раз убедился) в ее способностях. Никогда не занималась зубрежкой, а всегда хорошо сдавала зачеты. Значит, есть способности.

Марыся тоже сдала свои зачеты и выехала к себе домой. Теперь мы остались с бабушками.

Я после работы все больше отсиживаюсь дома: некуда идти, да и прихварываю. Пасмурное настроение! Погода также располагает к этому. Право, не было еще ни одного ясного, хорошего дня. Беспрерывные дожди. Вчера ходил на экскурсию в *крулевски* замок на Вавеле. Старина. Много исторических ценностей (так сказала экскурсовод) похитили немцы, в частности Франк. Он сам жил на Вавеле. В *крулевскей* резиденции. Силен!..

Сегодня — праздник. Большой национальный праздник — *День Неподлеглости* [Независимости]. На Вавеле были большие празднества. Имел пригласительный билет, но не пошел. А надо было бы сходить.

Сейчас нам предстоит большая работа. Будем готовиться к выборам. Референдум — это только прелюдия. Кстати говоря, референдум прошел неплохо. Можно было ожидать значительно худших результатов, более резких антиправительственных выступлений. В Округовом Доме офицерском сегодня большая танцевальная *забава*. Обещала зайти за мной Стефа, и мы с ней хотели отправиться на вечеринку вместе. Придет ли? Впрочем, не появится, так один пойду.

В «Огоньке» есть интересные юмористические шутки.

Первый доктор — коллеге:

— Вы прикладывали зеркало к ее губам, чтобы определить, дышит она или нет?

Второй доктор:

— Да. И она тотчас открыла один глаз и потянулась за пуховкой.

— Мой муж — ужасный человек! Вчера он притворился, что верит мне, между тем он прекрасно знал, что я лгу.

Талантливый дипломат, человек небольшого роста, так отзывался о своих более высоких коллегах:

— Очень высокие люди напоминают мне шестнадцатиэтажные дома, в которых чердачное помещение скуднее всего обставлено.

А вот прекрасные мысли о дружбе:

«Дружба должна быть прочной штукой, способной пережить все перемены температуры и все толчки той ухабистой дороги, по которой совершают свое жизненное путешествие дельные и порядочные люди» (Д. И. Писарев. «Промахи незрелой мысли»).

«Что значит иметь друга, это я знаю; что значит ошибиться в человеке — и это знаю: это кусок мяса, оторванный от своего сердца, горячий и кровавый» (А. И. Герцен. Письмо к Н. А. Захарьиной).

«Лучше явный враг, нежели подлый льстец и лицемер; такой безобразит человечество» (Петр Первый).

«Всякое чувство, чтобы быть истинным, должно быть прежде всего естественно и просто. Дружба иногда завязывается от сходства, а иногда от противоположности натур; но, во всяком случае, она чувство невольное, именно потому, что свободное; им управляет сердце, а не ум и воля. Друга нельзя искать, как подрядчика на работу, друга нельзя выбрать, друзьями делаются случайно и незаметно; привычки и обстоятельства жизни скрепляют дружбу» (В. Г. Белинский «Взгляд на русскую литературу 1847 года»).

«На языке легка и ласка и услуга. /Но в нужде лишь узнать / Прямого можно друга» (И. А. Крылов).

Вот все эти мысли и афоризмы не мешало бы усвоить многим полякам. А то я все больше и больше прихожу к убеждению, что здесь очень много льстецов, но настоящей подлинной дружбы у них здесь нет. Прав Н. В. Гоголь, когда говорит: «Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей». Браво! Истинные слова!

Краков

23 июля.

И чего только им надо? Просто поражает, насколько ограничена фантазия клеветников, подвизающихся в реакционной англо-саксонской прессе. Как только пишут что-либо о Советском Союзе, все эти господа, словно жевательную резинку, уныло повторяют давно избитый штамп о «красной опасности», гадают о «засилии» большевистских порядков, несут несусветную белиберду. Сегодня в «Правде» читал такую болтовню международного оракула о «коварстве русских спортсменов», которое выражается, оказывается, в том, что советские спортсмены «имеют привычку (слушайте только!) играть на выигрыш»! Вот уж, действительно, открытие. А вообще-то вся эта возня мне не особенно-то нравится. Как бы из всей этой «невинной» болтовни не вышло снова больших, потрясающих мир событий! Люди с нечистой совестью приветствуют новую войну и усиленно готовят общественное мнение к ней. Ведь не случайно и польские реакционисты тоже делают ставку на столкновение Советского Союза с англо-саксонскими странами. Все это — звенья одной цепи.

Все больше начинаю подумывать над тем, чтобы переехать куда-либо из Кракова. Работать здесь нужно много, а обеспе-

чивают плохо. Это скверно! Тем более, нас, работающих в чужой стране, выполняющих правительственные задания, следовало бы обеспечивать значитсльно лучше.

Ведь мы, уехав сюда, в Польшу, и находясь здесь, многое потеряли, многим жертвуем, и все для того, чтобы помогать Советскому Союзу получить в лице Польши хорошего друга. Так неужели после этого мы не заслужили большее внимание к себе! Хотелось бы, чтобы приехали к нам представители ЦК ВКП(б), и поговорить бы с ними по душам. Обещали нам когда-то, что такие представители приедут, но время идет, а их все нет. Видимо, все еще едут!..

Звонил в Перемышль Шнальскому и просил помочь в случае приезда Тамары добраться ей сюда. Мне так кажется, что Тамара скорее сама приедет сюда, чем дойдет от нее телеграмма. А может быть, она вообще захочет сделать мне сюрприз. Всякое может случиться. Даже вот Янина Казимировна отгадала, в котором ухе у меня звенит. А я задумал: если отгадает, то, значит, завтра приедет Тамара. А ну, как задуманное оправдается! Вот тогда буду верить в предчувствия. Балтрукевич передал, что Белецкий — уже заместитель командира 1-й дивизии. Оказывается, подхалимам хорошо жить на свсте. Так было и так, видимо, будет!

Краков

24 июля.

В мире происходят интересные события. Вечером, просматривая газеты, диву даешься, какая дипломатическая возня идет вокруг, казалось бы, совершенно бесспорных вопросов.

Плачевный итог обсуждения испанской проблемы в Совете Безопасности, попытки реакционных кругов США преследовать председателя Совета советско-американской дружбы, а также законопроект об ассигновании на нужды ЮНРРА, поддержка Михайловича и его сообщников, наконец, вмешательство английского посла в дело Греции, а также попытки отторгнуть от Югославии Триест и Юлийскую Крайну — все эти, прикрытые омутом юридической казуистики, факты говорят о плохом. В то же время, когда английский дипломаты изнуряют свои мозги, чтобы доказать недоказуемое, враги мира и безопасности не дремлют. Все это чревато плохими последствиями. Снова вызывал представителей почты, милиции и беспеченства, накручивал их на сво-

евременное и правильное составление отчетных документов. Интересный народ все-таки там, в этих учреждениях. Никак не хотят работать упорно, настойчиво, всерьез. Кто же тогда должен восстанавливать, организовывать порядок в их же собственном дому, в собственном государстве? Тетя УНРА, что ли? Так и норовят, чтобы кто-то за них делал, кто-то за них думал, планировал, осуществлял. Вредная пагубная традиция. Старшие начальники тоже не хотят вникать в «мелочи» (на их взгляд!), все перекладывают на второстепенных, малоопытных работников, а отсюда и промахи, недоделки, «скольжение по поверхности» вопросов. Люди бесконечно куда-то торопятся; спешат, суетятся, а от этого только вред делу. Начальник воевудский считает для себя излишним подписывать документы, идущие к командующему округом. Этакое барское, пренебрежительное отношение к делу, к серьезным вещам никуда не годится.

Краков

25 июля.

Сегодня на заседании Воевудского Комитета совершенно справедливо поднят вопрос о ненормальности взаимоотношений между работниками уездных управлений беспеченства и командирами отдельных воинских подразделений. Эти взаимоотношения вообще неплохие, но в отдельных местах, главным образом там, где попадаются молодые (да к тому же еще жуликоватые, страдающие «головокружением от успехов») работники, получаются шероховатости, отсутствует слаженность в работе. Эта на руку только реакционным элементам.

Поступают сведения, что в отдельных местах чешские воинские власти дают приют бандитам, переходящим в районе Санока границу. Это никуда не годится! Сообщили сегодня же в Генеральный штаб.

За день страшно устаю. Никогда еще так остро не ощущал этого. Видимо, серьезно пошаливает здоровье. Много раз давал себе обещание заняться всерьез лечением, но его не сдерживаю. Днем как-то за работой забываешь об этом и не чувствуешь слабости.

Нетерпеливо ожидаю телеграммы от Тамары. Что случилось с визой? Прошли уже все возможные и невозможные сроки, а известий никаких. Меня это крайне беспокоит. Когда же будет хоть какое-нибудь известие?

Вечером пришла Ядя, и как-то само собой завязался разговор о прошедшей войне. Нахлынули воспоминания. Встали перед глазами фронтовые дороги, друзья-товарищи. Где-то они теперь? Какие все-таки были замечательные дни. Неповторимые дни! Кто их пережил, тому их забыть не дано! А кто не пережил, тот никогда и не поймет всей прелести, особенностей фронтовой жизни, боевой спайки, дружбы.

Краков

27 июля.

Снова суббота. Дни идут с исключительной быстротой. Потому что много работы. Вчера подготавливали, например, материалы для командующего. Он выехал в Варшаву на совещание. Сегодня ездил в Управление к Белецкому. Они не особенно торопятся с развертыванием предвыборной кампании. Вообще-то не привыкли они к большим темпам работы. Обратил их внимание, что секретные материалы оформлены неправильно, так они еще и кочевряжиться стали. Полковник Белецкий, видимо, не особенно любит, когда ему делают замечания. Но, как бы там ни было, после моего отъезда он через час позвонил мне и попросил проинструктировать своего работника о правилах ведения секретных документов.

Молчание Тамары меня крайне поражает. Что там могло случиться? Все мои планы, пожалуй, порушатся таким течением обстоятельств.

Только что приезжал полковник Хилинский, забрал грампластинки, пригласил на 9 часов к себе. У него сегодня прием. По какому поводу? Не знаю. Но, во всяком случае, надо ехать.

Краков

28 июля.

Прием у полковника Хилинского был хороший. В числе гостей были советский консул, командир дивизии полковник Синицкий, секретарь ППР и другие. Такая милая семейная обстановка. И, когда побываешь на таком семейном вечере, както особенно сильно ощущаешь свое одиночество.

Тамару ждал сегодня — и снова напрасно. Пока был дома, то с каждым стуком в дверь мне казалось, что вот-вот войдет почтальон с телеграммой или, еще лучше, приедет сама Тамара... Увы, ничего не осуществилось.

Чтобы рассеяться и загореть, днем пошел к Висле. Благо, был исключительно солнечный день. Здесь в диковинку такие солнечные дни. На берегу было полно людей, по реке сновали байдарки.

Вспомнились черниговские дни, катания на лодках, коллективные прогулки по Десне за город, на сенокосы. Хорошие то были времена!.. Как скверно, что время нельзя вернуть обратно. Была бы и здесь хорошая компания, можно было бы устроить прогулку, особенно ночью по реке.

Сегодня ровно два месяца, как выехал я из Москвы. Ровно два месяца тому назад вот в это самое время где-то подъезжал к Брянску, к своим старым знакомым лесам. А теперь вот в центре Польши. Идет время.

Заканчиваю свою очередную тетрадь дневника. Начну новую. Вот только интересно, а где ее закончу? И как сложится дальнейшая жизнь? Трудно сказать!..

Краков,
ул. Ленартовича, 11, кв. 2.
Польша

3 августа

Итак, начинаю свою пятнадцатую тетрадь. Наконец-то от Тамары пришла телеграмма, сообщает, что пропуск она получила. Отсюда вытекает, что скоро приедет. Теперь каждый день ее жду. Никак не могу только дождаться. Все сроки, которые я высчитывал, давно прошли.

Хилинский уезжает в отпуск. Сегодня вылетел в Варшаву за визой, только что звонил к нему на квартиру, думал — не вернулся ли, но его пока нет.

В связи с его отъездом у меня намного прибавится работы. Это уже чувствуется. Вчера, например, закончили работу в 2 часа ночи. Чувствую, что предстоят горячие денечки. Трудно!..

Сегодня выяснилось, что полковник Драгин все же конвоя на поездах не послал, и возле Закопане бандиты снова напали на пассажиров. Генерал был страшно возмущен таким поведением Драгина. В самом деле: откуда безответственность? Люди все делают из-под палки, а не на совесть. От такой работы бесполезно ждать хороших результатов.

Машинистка тоже хороша: никого не спросясь, уехала в Варшаву. Здесь люди как-то легкомысленно относятся к своим служебным обязанностям. Личные интересы ставят превыше всего. Государственные интересы их мало волнуют. Привыкли, чтобы за них кто-то работал. Трудно с таким народом. Завтра надо ехать в Тарнов. Там, кстати, праздник полковой. Должно быть интересно.

Краков

7 августа.

Окончательно определилось с приездом Тамары: получил телеграмму о том, что она выезжает 6-го. Сегодня послал по-

ручика в Перемышль встретить ее. Думаю, что все обойдется благополучно.

Читаю советские газеты и искренне радуюсь тому, что наши делегаты нигде не «ударяют лицом в грязь», а, наоборот, дают достойную отповедь всем клеветникам, тем, кто, вроде представителя Австралии Эватт на Парижской мирной конференции, пытается неуклюжей игрой повредить общему делу мира. Главный прокурор на Нюрнбергском процессе тов. Руденко в своем заключительном обвинении тоже достойно ответил адвокатам, пытающимся оправдать фашистских главарей.

Положение с безопасностью в Краковском воеводстве в последнее время значительно ухудшилось. Реакция, потерпев поражение во время референдума, решила взять реванш, накопив для этого новые силы. Здесь, в воеводстве, наиболее подходящая почва для реакционеров. Не случайно во время явки членов АК больше всего их явилось в Краковском воеводстве.

Среди работников *беспеченства* мало подготовленных к агентурной работе, и это в то время, когда бандиты располагают кадрами конспираторов, прошедших школу во время немецкой оккупации, а теперь их подготавливают за границей. Мы им можем противопоставить только слабеньких работников.

Местные административные власти стоят в стороне от борьбы с бандитизмом, не реагируют на антиправительственные выступления своих представителей. Политические партии немощны и работают слабо. Особенно плохо, что никто не работает среди молодежи. Студенчество предоставлено самому себе. Все эти вопросы должны быть решены, должны быть осуществлены через Варшаву. Но этого, к сожалению, нет! Все это отражается, естественно, на политическом положении воеводства. Одним словом, положение довольно серьезное, требующее особых мер.

Краков

16 августа.

Все произошло совсем не так, как предполагалось. Мой посланец искал Тамару в Перемышле, а она приехала в Краков сама. Сегодня ровно неделя от того счастливого дня. Вчера ездил с ней и с капитаном Орликом в Тарнов. Там гостили у советника местного ПУБП и вечером приехали домой. Дорогой не особенно везло, т. к. неоднократно происходила задержка из-за машины.

Сегодняшний день прошел в тревогах, связанных со встречей начальника Главного управления кадров Красной Армии генерал-полковника Голикова. Он сообщил нам, что Советское правительство, идя навстречу Польскому правительству, согласилось оставить нас и в дальнейшем в Войске Польском и даже рекомендует нам принять польское гражданство. Это уже слишком! Я не соглашусь на это ни за какие деньги. Даже понимая, что это диктуется условиями дня, что это вызвано необходимостью. Но для меня это немыслимо!

Краков

20 сентября.

Кончились счастливые дни. 15 сентября, т.е. в прошлое воскресенье, уехала Тамара. Снова я остался один. Точнее, вдвоем с бабушкой, т. к. хозяйка Мяновская тоже отсутствует: вот уже больше месяца, как лежит в госпитале на операции. Счастливым был для меня прошедший месяц. С Тамарой вместе ходили на стадионы, ездили в Варшаву к Белецкому, заезжали в Петркув к своим старым друзьям в 5-й полк. Там хорошо встретили нас. Познакомил Тамару с Ярузельским. Сколько раз на фронте мы толковали с Ярузельским о Тамаре, и вот когда и при каких обстоятельствах им суждено было встретиться.

Тамара всем моим знакомым понравилась. Бабушкам моим тоже. Хорошо! Она таки молодец!

Первые дни после ее отъезда было страшно скучно, одиноко. Из Перемышля (она там остановилась по дороге у полковника Попко) дважды звонила мне по телефону. И затем уехала. Когда теперь только ее увижу? Когда? А хотелось бы как можно скорее.

Прошедший месяц пришлось много работать, т. к. полковник Хилинский был в отпуске в Киеве.

В Петркуве ночью Тамара призналась, что беременна. Пришлось ей делать операцию, т. к. ребенок сейчас помешал бы ей закончить институт. А как мне хотелось иметь наследника! Кажется, и ей то же. Но ничего не поделаешь. Остался год, нужно закончить институт.

Начинается осень! Идут дожди. Тоскливо, одинокому особенно!

Краков

22 сентября.

Сегодня ровно неделя, как уехала Тамара. Теперь она уже дома и ничего не пишет. Забыла! Впрочем, и я, такой дурень, не особенно-то внимательно относился к ней, когда была здесь. У нее все основания обижаться на меня. Довольно интересно получается: когда Тамара далеко, я скучаю, тоскую, а когда рядом, то понемножку ругаемся...

Написал ей письмо и послал фотографию. Фотографию свою и Тамары послал также и отцу в Федорки. Пускай там потешится. Небось, будет всем показывать и хвалиться.

Только что приехал из больницы, навещал там Мяновскую. Она придет домой, видимо, не скоро. У меня в связи с этим плохая перспектива – сидеть с бабушкой. Хуже будет совсем, если и она заболеет. У нас по-прежнему много работы. Приходится очень много писать. А здесь очень большая любовь к бумагомаранию. Сидят так два *«ужендника»* [чиновника] рядом, в соседних комнатах, и все дела *«залатвяё»* [решают] только посредством писем друг к другу. Бюрократизм, и только!

Был дома у Долгополова. Он собирается выезжать в Россию. Теперь на зиму, пожалуй, и не стоит никуда срываться с насиженного места. Куда зимой поедешь?

Только что вернулся с футбольного матча. Играли сборные Краков – Познань. Болельщиков, как всегда, было много: футбол здесь любят. Краков выиграл. И народ неистовствовал. Слишком бурно выражал свою радость.

Фаина Ильинична прислала открытку. Очень обеспокоена нашим молчанием. Кстати, сообщает, что задолжалась там, в Черновцах, и просит выслать денег по адресу: Черновцы, ул. Папанина, дом 10, кв. 5. Павлу Клементьевичу Кумполову.

Краков

14 октября.

Последнее время много ездил. Проверяли полки 6-й дивизии, и поэтому были в Вадовицах, Новы-Сонче, Кринице, ну, и в Бельско-Бяла. Немного рассеялся. Если бы эти поездки не были сопряжены с опасностью попасть где-нибудь в бандитскую засаду, то было бы все хорошо. А так-то можно влететь крепко.

Фаина Ильинична прислала телеграмму, что Тамара заболела и находится в больнице. Это меня очень обеспокоило, послал телеграмму с просьбой сообщить мне состояние ее здоро-

вья, но ответа пока не получил. Не знаю, какое известие получу. Тамара плохо сделала, что уехала, окончательно не выздоровев. Но разве можно было ее удержать! Надеюсь, что все закончится благополучно.

Так как Фаине Ильиничне не выдали аттестаты, то завтра посылаю справки, что на основании приказа НКО № 2 §4 ей разрешено получать аттестат. Как все это все-таки сложно. Казалось бы, чего проще, так нет же. Нужны еще какие-то справки!

Жалко, что из 9-й дивизии ушел полковник Попко. Теперь принял ее новый командир. С Попко мы уже как-то сдружились, и было так хорошо. Но что же сделаешь! А главное то, что Попко был лучший комдив. Зачем его было менять?

Беспеченство в воеводстве по-прежнему остается тревожным. Мне кажется, что объясняется это главным образом отсутствием хороших, высоко квалифицированных кадров, пассивностью административных властей, плохой работой партий и органов информации и пропаганды среди населения, особенно сельского. Так я вчера и рассказал представителю военного совета Северной группы войск. Пускай поднимет эти вопросы где следует. Может быть, хоть это поможет.

Из Варшавы только что позвонил Шершень. Он теперь в личной охране *Маршалка* Роли-Жимерского. Похвалился, что только вернулся из поездки в Киев и Одессу. Разъезжает. Этак парень далеко пойдет! Везет людям.

Но еще говорят и так: «Всякий подъем имеет свой спуск».

Или вот еще:

Надеющийся на соседа уснет без ужина.
Кто сядет на чужую лошадь, тот скоро останется пешим.
Вещь хороша, когда новая, а друг — когда старый.
Покупает иголку, а спрашивает, почем пуд железа.
Намеревающийся ударить не спросит про дядю.

17 октября.

Вчера в Нюрнберге повесили главных военных преступников. Слава богу! Наконец-то свершилось правосудие. Давно пора. Могли ли когда-нибудь думать Геринг, Риббентроп и иже с ними о том, что окажутся на виселице?.. Впрочем, в мире все так неожиданно.

Чем объяснить, что мои три телеграммы остались без ответа? Что там случилось, в Москве? Меня это крайне тревожит. Особенно эта неизвестность. Завтра же нужно запросить снова

телеграммой. А когда она дойдет? Тамара однажды в шутку сказала, что, может быть, уже и не приедет сюда снова. Шутка ли это?.. Если бы даже так и случилось, то во многом я виноват сам. Разве можно было так невнимательно относиться к Тамаре. Конечно, нет! Она вправе на меня обижаться. Еще как вправе!

По телефону вчера звонил Шершень (он теперь порученец у *Маршалка*) и сообщил, что к нам в 8-ю дивизию приезжает полковник Белецкий. Иосиф Никитович теперь будет служить у нас. Интересное это дело. Мне все же кажется, что из Белецкого получится неважный комдив. Больно он уж нервозный в работе. Для его подчиненных это страшное дело. Помню, как под Варкой он сам никогда не спал и нам тоже не давал спать. Слишком много от него напрасного шуму!

Сегодня уехал Попко. Пока в Варшаву, а потом — в Россию. Скоро, видимо, нам всем придется выезжать домой. Не век же вековать здесь. Пожили немного, и хватит. Пора собираться восвояси.

Квартирные дела приносят много хлопот. Все оттого, что старушки мои уж больно дряхлые. Никакого от них нет толку. Наоборот, только забот с ними много. Днем время не тянется, а вечером дома — тоска. Некуда себя деть. Буквально так! Бабушка все время спит, и как будто никого и нет дома — пусто и тихо.

Марцюк из *воевудскего беспеченства* подарил мне ружье. И вот теперь хлопоты: сегодня возил его в артмастерские исправлять. Обещали через неделю отремонтировать так, чтобы было как новое. Посмотрим!

С оперативными группами Внутренних Войск не все в порядке. Живут они в деревнях, разбаловались там. Вместо того чтобы показать себя с хорошей стороны, наоборот, безобразничают, пьянствуют. Все это не в их положительный баланс. Предложил обследовать эти группы так же, как мы обследовали наши полковые. Как видно, придется мне ехать на обследование, наломать им там как следует бока. Еще раз убеждаюсь, что контроль — это великое дело! Проверка и еще раз проверка.

Краков

18 октября.

Утречком, когда был еще в постели, разбудил звонок. Первое время я даже не разобрал, кто это мог так рано звонить. Установил: майор, попутчик Тамарин в Москву. Теперь он, возвращаясь из отпуска, заехал ко мне. Послал на станцию, и при-

везли майора вместе с его другом. От Тамары и Фаины Ильиничны письма. Тамара сильно скучает по Кракову, мама озабочена, взволнована из-за болезни Тамары, ну, и конечно, жалуется на большие расходы, просит прислать денег.

Деньги и снова деньги!.. Где их только брать, проклятые!

Еще по дороге домой Тамара с майором заезжали в Киеве к Ольге. Очень хорошо, что Тамара познакомилась с Ольгой. Теперь, небось, напишет отцу в Федорки, ну, а тот пойдет там «по деревне» рассказывать всем чудеса... Пускай потешатся старики!

Интересно! Фаина Ильинична мне пишет, что майор Сергей Дмитриевич (это наш новый знакомый) взял при отъезде у Тамары 1000 злотых, а он сам здесь об этом ни слова. Мне тоже неудобно было ему об этом говорить. Народ все же есть такой нечестный.

Майор рассказывает, что у нас там жизнь довольно тяжелая. Это плохо. Когда же все наладится снова? Война отбросила нас на много лет назад.

Черт возьми! Плохо, что никто не приходит. Совсем скучно одному. Нет ни товарища, ни друга. Есенинские настроения. Черт знает, что такое. Обещал прийти Аппельштейн, но его почему-то нет.

Краков

21 октября.

Вчера командующий разрешил взять свой самолет, и мы летали в Петркув-Трибунальский. Так как с утра был большой туман, то вылететь удалось только в 11 часов. В 12 часов был уже в Петркуве у своих друзей фронтовых. Ярузельский, Котвицкий, да и другие хорошо встретили.

Был всего там три с половиной часа: нужно было вылетать, чтобы еще засветло быть в Кракове. Провожали Котовицкий и Ярузельский. Сделали над ними прощальный круг и затем взяли курс на юг, на Краков... Вот тут и случилось несчастье, заело мотор (не было каких-то зазоров), пришлось возле леса садиться. Паршивое дело сидеть среди поля. Благо, остановили какую-то машину, шоферы притащили ключи, и вместе кое-как отремонтировали. Не будь этой машины, так бы и сидели ночью среди поля. Темным вечером прилетели в Краков. Сейчас вот утро. Сегодня в 10 часов выезжаю в Закопане, Живец и Новы-Тарг.

31 октября.

Снова выезжал, на этот раз с комиссией уже для проверки работы оперативных групп войск *беспеченства*. У них беспорядок больший, чем у нас. Составил разносный материал, Кнапинскому и Драгику это не понравилось. Но что же сделаешь: дружба — дружбой, а служба — службой. Главное — была бы только польза для общего дела.

Приезжал к нам Иосиф Никитович Белецкий. Теперь он едет принимать 8-ю дивизию. Будет в нашем округе. Встретил его по-дружески, были с ним в театре на опере «Полька», ездили к Кнапинскому. Одним словом, друзья встречаются вновь.

Генерал вылетел в Варшаву на совещание командующих, а мне придется, видимо, через пару дней везти ему туда же материалы. Не особенно это приятное дело, т. к. там он начнет «крушить светом»: то ему одно не понравится, то другое.

Из повятов секретари ППР продолжают писать жалобы на Войско. По-моему, они сами не знают, чего хотят. Беда состоит в том, что слишком молодые люди (по возрасту, а главное — по уму) оказались на больших командных должностях, вот у них и получается «головокружение от успехов». Нужно их все время одергивать, ставить на свое место, опускать на землю.

Только что заходила Вера с какой-то дамой. Видимо, расположены были у меня посидеть. Но я дал им понять, чтобы они сматывались (непрошеный гость хуже татарина!), что они не замедлили сделать. Вообще-то получается довольно оригинально: у Веры муж недавно выехал к новому месту службы, а она, как видно, не прочь флиртовать с другими. Все они, видимо, одним миром мазаны. Вот и женись!..

Вчера видел фильм «Великий перелом». Замечательный, правдивый фильм о героической обороне Сталинграда. Кстати, за несколько дней перед этим закончил читать «Дни и ночи» К. Симонова.

Только что звонил домой полковник Снегирев, приглашал завтра утром ехать на охоту. Предложение заманчивое (что и говорить), но в связи с моим гриппозным состоянием, кажется, будет благоразумней все же отказаться от предложения. Так и не придется испробовать свое новое ружье.

...Лемешев поет «Соловьем залетным юность пролетела...». Появилась новая радиостанция «Волга» и передает замечательные концерты.

Краков

5 ноября.

Из Варшавы звонил Балтрукевич. Он теперь в Штеттине начальник штаба дивизии. Ждет скоро подполковника. Парень пошел теперь в гору. Адрес сообщил: Штеттин, аллея Войска Польского, 193, Владимиру Балтрукевичу. Хороший он парень, жаль, что уехал. Большая будущность у него, несмотря на все его странности.

От Оли из Киева получил письмо. Благодарит за перевод. Обещает своим сыновьям Юре и Сашеньке купить от меня подарок. Очень хорошо, что доставил им удовольствие. Жалуется, что папа ничего не пишет. А кому вообще из своих детей он пишет или когда-либо писал? Никому. Такой уж у него «беззаботный» характер. Ничего не поделаешь. Сами, своими силами мы все вышли в люди, так теперь уже не пропадем. А ему, как говорят, пускай бог простит!

Завтра нужно лететь в Варшаву, везти материалы генералу на совещание. Если удастся, то снова побываю в Петркуве.

Из России приходят тревожные вести. Те, кто приезжают из отпуска, рассказывают о больших продовольственных затруднениях. Так ли это на самом деле?

Интересно, что когда Леониду Спартанскому (V век до нашей эры) заметили, будто персы так многочисленны, что пущенные ими стрелы помрачают солнце, он сказал: «И прекрасно! Нам будет еще приятнее сражаться в тени!» Он же на восклицание одного полководца: «Неприятель приближается к нам!» — ответил: «И мы приближаемся к неприятелю».

Краков

10 ноября.

Эти дни провел в Варшаве. Туда прилетел в пятницу. Целые сутки ждал командующего — нужно было отдать ему материалы для совещания. А он приехал только 7-го к вечеру. По тревоге собрался на прием к советскому послу тов. Лебедеву. Подъехал с ним к посольству и я. Какая уйма там разнообразнейших автомашин. Целая улица запружена ими.

Вечером бродил по улицам Варшавы. Теперь уже она неузнаваема — открылись магазины, рестораны, *кавярни*. Не то было год тому назад.

Жил в генеральном отеле, во дворе Генерального Штаба, возле виллы президента и *Маршалка*. Виталий Шершень теперь старшим адъютантом у *Маршалка*, ну, и, по старой краковской

дружбе, пригласил меня к себе. Собирается в понедельник ехать в Москву. Дал ему адрес, пускай заедет к нашим.

Вообще мне надо написать в Москву письмо, иначе будет большой скандал. Фаина Ильинична, видимо, вообще потеряла всякую надежду снова увидеть меня. А Тамара? Почему она не пишет? Тоже характерец — вроде моего.

В связи с тем, что погода была скверная (так объявили синоптики на метео), самолет не выпустили, и пришлось ехать поездом. Хотелось заехать в Петркув, увидеть своих друзей. Наконец-то на этот раз уже застал и «гвардии Фомина».

Да! В Варшаве заезжал на квартиру к Иосифу Никитовичу. Был крайне удивлен тем, что там уже другая жена и куча деточек. А Иосиф Никитович, когда был у меня, то умолчал о такой перемене в доме. Ах, он какой! Интересные дела!

Возвратился генерал Раткевич. Как теперь будет с нами? Что случится?

12 ноября.

Был крайне удивлен телефонным звонком. Звонила Мария Кравич. Она безнадежно в меня влюблена. Уже целый год. Ходит, страдает, а мне она совсем не нравится. Я вижу, да мне и рассказывают, что она в столовой специально сидит до того времени, пока я там. Несколько раз присылала мне праздничные поздравления. И вот теперь даже решилась позвонить под предлогом — спросить, не могу ли я достать пару билетов в театр. Могу-то я, конечно, могу, но стоит ли обнадеживать девушку. Отказался я от этого дела.

Снова был днем на футбольном матче. Видимо, это уже последний матч в этом сезоне. На этот раз выиграла краковская команда. Ликованиям болельщиков не было конца. Поляки — большие патриоты, и успехи своих переживают крайне остро.

Генерал рассказал мне, что *Маршалек* оставляет его в Кракове. Это будет очень хорошо. Для меня, конечно. А как же будет с Раткевичем? Оставаться начальником штаба — этого для него мало. Еще на фронте он был начальником штаба 1-й армии. Видимо, после отпуска постарается куда-нибудь уйти в другое место. Ему следует идти на выдвижение. Человек он знающий и энергичный.

В 6-й дивизии — дрянной штаб. Документацию оформляют плохо, небрежно. Полковник Левицкий не особенно-то то-

ропится, всегда все у него с промахами. У них то ли все нужно выколачивать с большим трудом, так же, как от *ужендов беспеченства* [отделов безопасности]. Последние проводят большую работу, но вот насчет того, чтобы оформить как следует документацию, то этого нет. Некому нормально работать — там молодые, неопытные кадры. Но хорошо в них самое главное — они преданы Правительству. Здесь таких людей не так уж и много.

Приезжал Гинальский. Он, по слухам, скоро переходит работать к нам.

По радио из Москвы передавали русские народные песни. Эх! Хороши наши русские, раздольные песни. Вот и сейчас ее слышу: «Липа вековая...». Завтра в дирекции ж. д. совещание по вопросам охраны ж.-д. объектов от грабежей (которых, кстати, теперь так много!). Наш генерал, напутствуя меня на совещание, дал задание крепко нажать на совещании на ж.-д. начальство, потребовать от него решительных и энергичных мер ко всем, кто без сопротивления отдает даже малочисленным бандам, а то и просто одиночкам, крупные суммы денег. Судя по многим признакам, видно, что многие кассиры на ж.-д. станциях, видимо, в контакте с бандами. Иначе — откуда бандиты узнают, когда в кассах большие суммы, и тогда нападают? Необходимо по каждому случаю производить тщательное расследование и виновных привлекать к строжайшей ответственности. Иначе — *шкода мувить* [жалко говорить]!

Краков

13 ноября.

Сегодня на совещании в дирекции ж. д. со всей очевидностью открылась гнилая практика работы некоторых (правильнее сказать, большинства) довольно больших *ужендников* [чиновников]. Они привыкли много говорить, извиняться, но только — ради бога! — не критиковать один другого, не требовать и не настаивать. *Залатвять справы — конечне потихутку* [Обстряпывать дела - обязательно потихоньку]. Чудаки! Так ничего не выйдет. На блюдечке ничего само не придет. Нужно все сделать, с трудом, с умением. При этом, конечно, кое-кого стоит разнести, всыпать ему, но дело сделать. Не знаю, как здесь было раньше, *в часы пшедвоенне* [перед войной], но сейчас большинство, подавляющее большинство *ужендников* не приспособлено к новым условиям работы, когда из ничего нужно (жиз-

ненно необходимо!) сделать все. Нет у них настроения, и не умеют они «брать быка за рога». В этом вся трагедия, все существо работы.

Я немного их руганул, ну и это, конечно, вызвало реакцию. Посыпались возражения, каждый начал оправдываться. Это и хорошо. Значит, задел за живое, хоть немного достиг своей цели. То, что поспорили,— тоже хорошо: в спорах рождается истина. Хуже всего, что со стороны *беспеченства* и милиции тоже проявляется такая «мирная» тенденция. Пагубная тенденция. Мы, русские, по-иному подходим к разрешению всех этих вопросов. Мне кажется, более жизненно. Ведь в большинстве случаев в жизни обстановка выглядит во многом иначе, чем, скажем, представляется нам теоретически.

Орлик много работает. Надо ему отдать должное. Представил его до *одзначеня* [награждения] крестом. Он вполне заслужил. Больше, чем, скажем, многие другие, которые понацепили орденов, а достали их не честным трудом, а больше по блату. И сколько их, таких!..

Из Москвы даже не прислали поздравительной телеграммы по случаю праздника. Они только могут обижаться на мое молчание, требовать, так сказать, исполнения долга с моей стороны. А сами!.. Не торопятся.

Газеты начали писать о процессах над бандитами. Раньше этого не замечалось, а теперь мы повернули их в этом направлении. Характерная вещь: газеты здесь бьют на сенсацию, падки на всякие «мелочи жизни», которые не имеют общего интереса. Причем какой-нибудь обыкновенный футбольный матч расписывают в самых радужных красках, все представляют в каких-то сверхъестественных условиях. Выходит, не футболисты в Кракове, а какие-то чудо-богатыри. Слишком уж!

Краков

15 ноября.

Утром впервые в этом году увидел снег. Пролежал он совсем недолго. Но все-таки выпадал.

Целый день было заседание комитета беспеченства. Началась подготовка к выборам. День выборов уже назначен на 19 января. Развернулась в стране предвыборная борьба. Не знаю, как выйдет из нее ППР. В нашем воеводстве она не имеет большого влияния. Здесь глубоко пустила свои корни ПСЛ, реакционная партия, стремящаяся возвратить Польшу к време-

нам до 1939 года. Скоро реакционеры, бандиты из НСЗ поднимут свою голову. Теперь они, стервецы, ушли в подполье. И дали инструкции своим *подлеглым* [подчиненным] организациям разлагать демократические организации и элементы изнутри, сеять между ними вражду и недоверие. Коварная и подлая работа!..

Краков

18 ноября.

Работники не справились со сбором *свядчень жечовых* [вещественных доказательств], и теперь нам приходится помогать им. А здесь «помогать» — значит, практически работать за них. Где это было видно, чтобы войска занимались таким делом? Но куда денешься!.. И все равно идет слабо. Сегодня настоял на том, чтобы генерал позвонил воеводе, обратил его внимание, что с такими темпами мы план к концу месяца не выполним. Провожу аналогию с тем, как когда-то мы собирали данные по хлебозаготовкам. Были мобилизованы все силы, все средства. Здесь же все делается спустя рукава. Установили нелепую очередность в сборе. Хилинский поехал в Варшаву. После его приезда должны произойти какие-то изменения в расстановке наших сил. Он не хочет оставаться начальником отдела. Хитер он больно! А вот позаботиться о своих работниках, сделать для нас что-либо — это не особенно. Для себя он потихоньку старается, а для нас — ничего. Это плохо.

Из Москвы обиделись и ничего мне не присылают. Даже не догадались поздравить меня с праздником. А я ведь из Варшавы послал поздравление. Из Москвы уже должен приехать Шершень. Нужно ему позвонить в Варшаву, авось, и приехал, что-либо новое скажет.

Звонил. Шершня на месте не было. Ответил адъютант *Маршалка*. Рассказал, что сегодня он ездил на охоту. Тоже, «заняты государственными делами»!

Вообще-то заметно, что мы, русские, больше болеем за восстановление порядка в Польше, чем многие-многие поляки. Они торгуют, делают «свой интерес», затем гуляют. Стоит ли за них работать? Но нужно. Таков приказ нашего правительства. И недаром наше пребывание здесь — это правительственная командировка. Как и когда она закончится? Главное — как? Особенно этот вопрос актуален в связи с предстоящими 19 января выборами в парламент.

Вообще есть много вопросов. Время покажет, как они будут решены. На заседание Комитета беспеченства нужно вынести вопрос о нападениях на почты и объекты железной дороги. Дальше такое положение нетерпимо.

Краков

19 ноября.

Генералу Раткевичу, видимо, нравится наша работа. Все наши приказы и распоряжения он подписывает, не исправляя. Значит, бьем в точку. Письмо к воеводе ему тоже понравилось. Дипломатически составили. Нужно на администрацию нажимать, в противном разе они завалят все на свете. Не могут практически работать, очень плохие организаторы. Привыкли жить на всем готовом.

Дома составляю план на завтрашний день. Выглядеть его рабочая часть должна (по моим предположениям) примерно так: окончить оформление материалов и рассылку их командирам групп по сбору *свядчень жечовых* [вещественных доказательств], составить и разослать повестку дня заседания Комитета беспеченства; оформить, завезти и вручить ордена работникам воеводского беспеченства; послать денежные переводы, у Кнапинского стянуть Устав; съездить в офицерскую школу к Коту насчет русской литературы (у них как будто есть); со 2-м отделом обсудить форму декадного разведбюллетеня для частей; наконец, выписать уголь; послать телеграмму Балтрукевичу, чтобы приехал за «Крестом Грюнвальда» и т. д. Одним словом, день пройдет — и не оглянешься.

До чего пустые радиопередачи для войска. Ведь можно о многом рассказать. О боевой учебе, жизни в отдельных частях. О передовиках в дисциплине и учебе, об инициативе солдат и офицеров, наконец, об учебе нового поколения. О борьбе с бандитизмом, в котором так много героизма и отваги проявляют наши солдаты. О подготовке к выборам, которая проходит в подразделениях. Наконец, о лучших младших командирах, хорошо воспитывающих солдат, своих подчиненных... А вместо этого нам преподносят давно избитую песенку о влюбленном сердце, песенку о тюльпанах, которую очень к месту услышать где-нибудь в кавярне, на танцах, подчас хорошей выпивки. В заключение ведущий напомнил слушателям, чтобы и завтра «не забывали о сердушку, с которым тайно везде». Прослушал я передачу, и чувство глубокого неудовлетворения осталось на

душе. Неужели редакция, готовящая передачи, такого низкого мнения о морали нашего солдата, если она считает, что его можно удовлетворить тремя-четырьмя песенками кафешантанного репертуара. Мой совет: почаще редакции бывать в частях и подразделениях, побольше общаться с солдатами и офицерами, беседовать с ними, вникать в их жизнь. И, поверьте мне, у них найдется куда больше новых тем, жизненных тем, волнующих, отвечающих запросам наших солдат и офицеров. Следует написать об этом письмо в редакцию. Или вот еще: разве нельзя пригласить к микрофону передовика боевой и политической учебы, помочь ему подготовиться, чтобы он поделился со своими слушателями тем, как он достиг успехов. Секретов здесь военных нет. Даже напротив, пускай слушают все, как польский солдат создает в труде и борьбе свою новую армию. Как он стремится наилучшим образом оправдать великое доверие народа стать его достойным защитником. Тем — больших, благородных, нужных — много, стоит только редакции приложить немного труда и старания.

Неужели в Главном Политуправлении никто до этого не допирает? Как много им нужно для того, чтобы они по-настоящему заработали.

Краков

21 ноября.

Собственно, по моему настоянию этой ночью во многих подразделениях гарнизона специально выделенными комиссиями были произведены учебные тревоги. Прошлые были в конце августа. За это время люди уже успели «размагнититься» (впрочем, если они вообще когда-нибудь были намагничены), и учебная тревога стала необходимой. Сам я вместе с полковником Кромаренко ездил в офицерскую школу.

Еще раз получили возможность убедиться, как далеко еще нашим воинским частям до настоящей боевой готовности. Можно было бы описывать десятки анекдотических случаев, но ясно одно: нужно еще много и упорно работать, чтобы привести войско в хотя бы в мало-мальски боевой порядок. Поражает меня (и одновременно чертовски злит) отсутствие у командиров должной, жизненно необходимой заинтересованности, здравого смысла над такими, казалось бы, обычными и понятными вопросами. Большие начальники не допирают (или не хотят понимать) таких вещей, которые должны быть понятны

командиру роты, вообще всякому здравомыслящему командиру. Что это — неумение, нежелание или саботаж?

Орлика отпустил в отпуск. Даже порекомендовал ему завтра же выехать из Кракова. Иначе приедет Хилинский из Варшавы и снова его задержит. Трудно будет в отделе без Орлика, но ничего не сделаешь, рано или поздно должен человек пойти в отпуск. Несколько дней не решают судьбы дела.

Днем ездили с Кромаренко по *самоходовым варштатам* [ремонтным автомобильным мастерским]: все договаривались насчет ремонта мотора моей автомашины. Раздобыли поршни, нужно растачивать цилиндры, подгонять новые поршни. Это с нашей-то материальной обеспеченностью. Если не станем где-то промышлять, то ремонт может затянуться надолго.

После долгих ожиданий получил из Москвы телеграмму, довольно длинную. В ней опять мне дано понять: нужны деньги. Фаина Ильинична, видимо, считает, что я создан специально только для того, чтобы присылать деньги. Не рассматривает ли она мою женитьбу тоже только как коммерческую сделку? Слишком уж у нее преобладает коммерческая жилка.

Эдит Розенбаум нужно больше загружать работой, иначе она отучится вообще что-либо делать. Сегодня ей поручил пустяковое дело, и то до конца его не довела.

Белецкий передавал по телефону, что когда-нибудь при случае расскажет, почему разошелся со своей молодой женой. Интересно. Интимная сторона, так сказать, жизни полковника Белецкого.

Нужно уговорить генерала Раткевича провести основательную проверку организации работы в штабе 6-й дивизии. Мне кажется, что до сего времени она выглядит весьма неприглядно. Судя по рассказам Орлика о тревоге, мои предположения еще больше углубляются. Нет необходимых учебников для занятий над повышением своей командирской квалификации. С тревогой иногда думаешь о том, что отстаешь в военном деле. Этих маленьких знаний, которыми обладаешь, далеко не достаточно. Ведь передо мной стоят большие задачи. Начальник оперативного отдела штаба округа — значит, сколько знаний нужно, чтобы хорошо справляться со своими задачами. Да и вообще, каждый командир должен помнить указания Устава внутренней службы: «Начальник обязан непосредственно руководить боевой и политической подготовкой во вверенной ему части, всестороннее изучать личный состав и знать способно-

сти каждого подчиненного, повседневно заботиться о воспитании личного состава и непрерывно совершенствовать его боевое мастерство». Великая по объему задача. Ясно, чтобы ее решить, нужно непрерывно пополнять свои знания, расширять кругозор. И как опасно и гибельно — самоуспокоиться, зазнаться. Нужно найти преподавателя и учиться всерьез польскому языку. Главное — писать. Это необходимо.

Краков

22 ноября.

Сегодня с утра решил не пользоваться трамваем. Куда лучше (и полезнее) встать пораньше и пройтись пешком. Всего 25 минут, но зато хоть немножко побыть на свежем воздухе. Ведь в течение суток все время вынужден проводить в помещении. А сегодня, например, целый день — на совещании. Скоро о нас тоже можно будет написать: «прозаседавшиеся».

Проштудировал приказ *Начальнэго Довудцы о выписках вышколеня бойовэго за рок 1945/46 и дотычонце вышколеня на окрес зимовы року школьнего 1946/47* [Проштудировал приказ Главного Командира о выписках боевого обучения за гг. 1945/46 и касательно обучения на зимний период школьного года 1946/47]. В нем большое внимание обращено на подготовку штатов. Чтобы достичь результатов, надо идти по линии отработки:

а) умения организовать и претворить в жизнь взаимодействие всех родов оружия на основе приказа и боевых задач;

б) умения отрабатывать приказы и все остальные боевые документы;

в) сыгранности всех звеньев штаба, а также отработки взаимозаменяемости штабных работников.

Для этой цели необходимо:

1. Организовывать и проводить военные игры на местности и на картах.

2. Обсуждать наиболее поучительные операции из периода Отечественной войны, разыгранные, главным образом, на территории Польши.

3. Организовать раздачу отдельных индивидуальных разработок для офицеров, начальников службы, инспекторов.

4. Организовать лекции по сопредельным специальным темам.

5. Наладить стратегическое изучение территории Округа, дивизии под углом зрения военного использования (возмож-

ные направления оперативных ударов, оборонные позиции и т. д.).

Большая и серьезная работа! А тут еще нет абсолютно никаких учебников. Завтра же нужно у Груды взять все (какие только есть) номера военного журнала «Bellona» и «Przegląd wojskowy» [«Обзор военный»].

...Как сообщает сегодняшней телеграммой Фаина Ильинична из Москвы, Шершень не зашел за письмом и посылкой. Свинтус этакий! От него этого можно было ожидать. Он не особенно-то отличается желанием помочь, удружить кому-либо. Эгоист страшный. Но ничего. Бывает.

В бандах заметна деморализация. Сегодня полковник Драгин демонстрировал копии приказов «Огня» к «Грозному», которые ясно иллюстрируют истерику первого. Начал нервничать, пороть горячку. Это не от хорошей жизни. Вообще, последняя декада принесла нам некоторое затишье в Воеводстве. Банды притихли. Может быть, это штиль перед бурей? Готовятся к активным выступлениям в период выборов в сейм?

Краков

23 ноября.

Снова получил телеграмму. Мои в Москве активизировались. Все время теперь получаю известия. Это хорошо.

Приехал из Варшавы Хилинский и привез интересные известия. Во-первых, скоро нужно собираться восвояси, в свои края. Во-вторых, в декабре прекращается прием переводов в Россию. Плохо это. Ведь нужно помогать своим, живущим там. Да и если сам приедешь, то не будет денег. А теперь еще к тому же прекратили замену денег по справкам. Отошла коту масленица!

Фаина Ильинична сообщила свой год рождения — для оформления визы. Родилась в 1900 году в г. Коропе Черниговской области. Теперь эти сведения уже напрасны. Как утверждает Хилинский, в посольстве не дают разрешения на въезд тещи. Считают, что тещам незачем ездить, должны сидеть дома. Так решило большое начальство. На меня Фаина Ильинична не должна обижаться. Я не причем!

В Москве сейчас уже третий час, но передают концерт легкой музыки. Неужели московские радиостанции работают целую ночь? Народная артистка Латвийской ССР поет песенку «Я влюблена». Теперь, когда в эфире немного успокоилось,

Москва отчетливо слышна, без помех. А теперь вот — американская мелодия в исполнении джаза Всесоюзного радиокомитета.

Хилинский привез мне от 3-го вице-министра *Обороны народовэй* разрешение на покупку автомашины. У нас теперь многие купили автомашины. Из демобилизованной техники можно выбрать и сравнительно дешево приобрести автомашину.

Сегодня состоялось партийное собрание. Давно его уже не было. Решили заниматься изучением «Истории ВКП(б)», заслушать несколько политических докладов. Чтобы хоть немного освежить политические знания. Небось, отстали мы от этого. Генералу Раткевичу предложил программу семинара штабов оперативных групп дополнить практическими занятиями по отработке действий мелких групп в засаде, при прочесывании населенных пунктов, *разлодованю* [разгрузке] автомашин; провести со всеми практические стрельбы из личного оружия по появляющимся целям,— т. е. все то, что так необходимо при борьбе с бандами. Успех в борьбе с бандитами решается именно в короткой схватке, в ближнем бою. Нужно всячески ориентироваться, учить мелкие группы. А у нас, к сожалению, еще увлекаются большими планами, тренируются в составе больших подразделений. Ненужное это дело!

Расписался в том, что завтра поеду на охоту. После долгих колебаний решил все же не ехать. Завтра — футбольный матч, может быть, последний в этом сезоне. Не стоит пропускать. А там проходишь целый день по полю, и не будет «ни пуха, ни пера». Да и больно рано нужно вставать. Одним словом, я отказался.

Краков

25 ноября.

Вчера на охоту так-таки и не поехал. Зато днем был на футбольном матче. Был он абсолютно неинтересный, играли плохо. Хотя сегодня «Эхо Кракова» и уделило ему большую половину страницы, но это, видимо, просто корреспондент «выжимал гонорар». Развез до невозможности.

Вечером у Долгополова были проводы. Еще одна семья выехала в Россию. Выпили мы и за отъезжающих, и за остающихся. Хорошая все-таки была семья. Оставили адрес: гор. Харьков, Черноглазовская, 8, кв. 3. Евгению Васильевичу Солодкию (для Долгополовых). А мы еще остаемся. Надолго ли?

В «Bellona» читал статью *полковника Кирхмаера «...мендзы Дублинем и Пулавами»* [«...между Дублином и Пулавами»]. Интересно было ее читать потому, что ведь там мы принимали боевое крещение. Тогда операция по форсированию Вислы фактически и не удалось нам, но все же основная задача была выполнена: неприятель не только остался связанным перед фронтом нашей Армии, но даже вынужден был ввести на этот участок свежие силы. Этим самым облегчены были наступательные действия Красной Армии на участке южнее Пулав.

Наш полк выполнял там во время форсирования главную задачу: форсировать 31 июля 1944 года Вислу, овладеть высотой 117,8, удержать ее до переправы пополнения, а затем продолжить наступление на высоте 153,7 и 158,7. Помню, что первой переправлялась рота Бидзана. Помню, как я готовил разведданные о русле реки, о противоположном, вражеском, береге. И ничего тогда у нас не получилось. Часть не была готова к решению такой трудной задачи, к форсированию такой серьезной водной преграды. Солдаты проявили героизм, но этого оказалось мало. Нужны были опыт и умение. Этого-то и не было. Пулавы все мы будем помнить. Они вошли в историю Войска Польского.

Днем с генералом Раткевичем ездили на совещание в *Беспеченство*. Мне кажется, что беспеченцы слишком все облекают «великой тайной». Вешают замки там, где они совершенно неуместны и не нужны. Чудачество.

Завтра буду заниматься подготовкой к сборам штабов оперативных групп. Их нужно провести хорошо, так, чтобы для людей время не прошло даром, получили бы теоретическую подготовку, в которой они так нуждаются.

В Якутске было сегодня минус 32°С. А у нас еще нет даже снега. Сравнительно тепло. Только туман большой, днем нужно ездить с зажженными фарами.

На Мирной конференции усиленно поговаривают о том, чтобы немцам... облегчить участь. Если дальше так пойдет, то Германия быстро восстановит утраченную мощь, и тогда снова потребует реванша за потерянную войну. Это игра со свечкой возле открытой пороховой бочки. Опасная игра!

Краков

27 ноября.

Звонил сегодня из Перемышля Дзога, передавал привет, сообщил, что и там нашел *«слонечны покуй»* на ул. Дворского,

27. И *«атомову бомбу»* свою тоже забрал туда. Вот уж где удивит перемышлянцев!

Из Федорок от Жени получил письмо, полное обид и сетований на меня за то, что ей тяжело, а я не помогаю. Причем так пишет, как будто бы я обязан был помогать. Они, видимо, считают меня «богатым братцем», который-де должен всем высылать. Она пишет: «Мне кажется, что помочь мне ты можешь, у тебя, по-моему, хватает зарплаты...». Здравствуйте! Сюрприз: без меня начали считать мою зарплату. Почему-то я их заработков не считаю.

А мне так в жизни мало кто помогал. Почти никто. И сейчас не от кого ожидать помощи.

...И нет за гробом
Ни жены, ни друга.

Отцовский дом! Что там было и что там теперь осталось? В мае был я там, в селе Федорки.

Я посетил родимые места,
Ту сельщину,
Где жил мальчишкой...

А колокольни уже там нет. Немцы сожгли церковь.

...Как много изменилось там,
В их бедном, неприглядном быте!
Какое множество открытий
За мною следовало по пятам!

От отцовского дома тоже осталось только пепелище: немцы сожгли.

Когда еще мне суждено побывать в Федорках? В городе всетаки лучше жить. Не знаю, что было бы, если бы мне пришлось теперь жить в деревне. Скажем, в колхозе.

Не вернусь я в отчий дом,
Вечно странствующий странник,
Об ушедшем над прудом
Пусть тоскует коноплянник.
...Но на склоне наших лет
В отчий дом ведут дороги.
Ведь недаром с давних пор
Поговорка есть в народе:
Даже пес в хозяйский двор
Издыхать всегда приходит.

К чему эта грусть, уныние, есенинщина? К чему это memento mori (помни о смерти)!

В пушкинской драматической поэме «Моцарт и Сальери» смерть посылает Моцарту таинственного и мрачного незнакомца («Человек, одетый в черном, учтиво поклонившись, заказал мне Requiem и скрылся»). Но всем ли она посылает вестника?

Краков

28 ноября.

У Хилинского в Киеве что-то не все в порядке с квартирой у родных. Выселяют их. Мы обратились к нашему представителю Военного Совета группы войск и разыскали постановление СНК СССР от 10.09.45 г. № 2311-595, в котором есть такое:

«§ 7. Установить, что жилплощадь, занимаемая семьями генералов, адмиралов и офицеров ко дню выезда за границу для совместного проживания с главой семьи, сохраняется за семьей на весь период ее пребывания на иностранной территории.

§ 8. Действие настоящего постановления распространить соответственно на генералов, офицеров, находящихся в составе Войска Польского».

Центральные власти идут нам навстречу, но вот на местах не всегда все хорошо получается. Сидит какой-нибудь бюрократ в жилкоопе и не хочет признавать, что где-то есть такое Войско Польске. Так в свое время было и с некоторыми председателями сельсоветов. Подобно глуповским градоначальникам, они взывали: «Закрыть Америку».

Погода исключительно дрянная. Туман и сырость. Действует отвратительно на здоровье. Лучше бы хороший, сухой мороз, настоящая зима. А то в такую дрянную погоду только спать без конца, без просыпу.

Идти после работы некуда. Русских семей осталось очень мало. Те, которые есть,— это «солидные» семьи. Сидят они себе дома, в «тихом семейном уюте» коротают дни. Скука адская!

Скоро Новый год! И его, видимо, придется встречать в Кракове. Прошлый год встречал у полковника Скорнякова, а этот, интересно, где? Что-то мне судьба подскажет? Погадать бы на блюдечках или на башмачках, как в старину под Крещение...

Под Новый год не мешало бы выбраться в Москву. Вот это было бы хорошо.

Завтра заседание. Мне нужно делать обзор всех случаев нападения за прошедшую неделю, а также доложить о состоянии беспеченства на ж.-д. станциях. Директор совета обратил-

ся с просьбой о выделении специальных охранных групп на наибольших станциях. *Тшеба* [надо] его поддержать. Это нужное дело. Одновременно необходимо усилить деятельность, а главное — ответственность среди СОК (Страж Охроны Колеёвэй [представителей железнодорожной охраны]).

На днях встретил одну журналистку. Страшно крикливая женщина. Неужели такой вздорный характер — это наша типичная журналистская черта? Журналисты — неспокойные люди.

Краков

3 декабря.

Сижу дома. Получил освобождение у врача. Хилинскому, видимо, это не понравилось: он собирался выезжать в Киев. Из-за меня теперь происходит задержка.

Но раз есть освобождение, то стоит ли идти на службу? Все равно кресты получит начальство, а не мы. Пришел к такому убеждению: сколько ни старайся, все равно никто не оценит. После этого и нет желания стараться. Каждый прежде всего заботится о себе. Так устроено начальство. В ВБВ (воевудским беспеченстве) был большой прием по случаю вручения гражданскими организациями Кракова знамени. Здесь это выливается в большое торжество. Представители разных демократических партий произносили высокопарные речи о своей любви к войску, о готовности к жертвам во имя высоких идей... Невольно вспомнилось стихотворение Саши Безыменского на съезде Комсомола Украины — о заверениях полтавской делегации и о плохом ремонте паровозов: «Чудны слова твои, Полтава, а паровозы... никуда». Соловьем малиновым разливаются все эти представители, а вот на деле-то, на деле не видно их желания помогать войску в наведении порядка и беспеченства. А соловья баснями не кормят!..

Сегодня годовщина дня рождения великого «певца скорби народной» — Некрасова. Из Москвы (по этому поводу) передают отрывки из «Кому на Руси жить хорошо» и других его произведений.

Из Москвы получил два письма от Тамары и телеграмму от мамы. В телеграмме, как всегда, намеки на деньги. Фаина Ильинична, видимо, мою женитьбу рассматривает как своего рода бизнес, хорошую коммерческую сделку.

Да и с женитьбой мне, видимо, не особенно повезло. Что это за жизнь? Тамара один раз в год на месяц приехала — так и то теперь целых полгода будет болеть, а мамаша по этому поводу все время требует денег. Видимо, считая, что у меня их здесь неисчерпаемый кладезь. Деньги и еще раз деньги!

Полковник Груда проводил с нами командирские занятия. Основная тема была: «Метод выработки решения». Он много и пространно говорил об этом, но конкретно, четко не определил тех требований, которым должен удовлетворять метод выработки решения.

Главный метод выработки решения командира — это единое целое двух процессов, друг с другом тесно связанных и оказывающих взаимовлияние: это уяснение задачи и оценка обстановки.

Краков

5 декабря.

Вчера послал немного ругательное письмо Тамаре. «Разнес» мамашу за «коммерческую» нотку в ее телеграммах. Кстати говоря, долго не решался его высылать: стоит ли обострять отношения, стоит ли огорчать им жизнь, которая, может быть, и так у них не очень радостная. В связи с болезнью Тамары представляю, сколько волнений пережила Фаина Ильинична. Ведь она до безумия любит Тамару, свою единственную дочь.

Сегодня получил от Фаины Ильиничны письмо. И оно еще больше усугубило мои опасения. Даже немного стыдно стало за свое письмо. Не стоило его писать, а тем более посылать. Но, увы! После драки кулаками не машут. Письмо-то ведь ушло и, надо полагать, дойдет до адресата.

Между прочим, Фаина Ильинична пишет: «Ведь у меня ничего и никого нет, кроме Марышечки и Вас...». И далее: «...если при этих обстоятельствах (жизни врозь.— *Прим. Н. Бунды*) не обмениваться частыми и подробными письмами, то получится полная отчужденность. При этих обстоятельствах весь комплекс понятий и чувств, связывающих мужа и жену, даже крепко любимых друг другом, может превратиться в отвлеченное понятие. Я, кажется, очень путано выразила свою мысль. Но, надеюсь, Вы, как всегда, поймете меня, а, поняв, согласитесь со мной...». Яснее ясного. И путанного здесь ничего нет. Одним словом, олух я, преподнес Фаине Ильиничне праздничную пилюлю. Она такого не заслужила. Нужно немедленно

послать другое письмо вдогонку и им исправить свою ошибку. Говорят, что, по закону диалектики, каждая ошибка стремится к самоисправлению, но лучше ее исправить, как у нас здесь говорят, *«з гуры»* (сверху).

Вечером звонил Шершень, сообщил, что вторично в Москву не едет. Просил меня пригласить для разговоров его мать и отца. Пришлось исполнить его просьбу.

Майор Ольховский воспротивился проведению сборов штабов опергрупп. Неслыханное дело. Как показали практика и анализ операций — малые успехи, а зачастую и полный провал операций, проводимых опергруппами против банд, главным образом, происходят вследствие слабой подготовки, отсутствию необходимого боевого опыта командиров опергрупп, с одной стороны, и, с другой стороны, неумению молодых работников *беспеченства*, входящих в состав штабов групп, организовать агентурную разведку, обобщить, правильно оценить даже те скудные сведения, которыми они подчас располагают. В связи с этим — жизненно необходимо проводить учебные сборы.

Нельзя не согласиться с правильностью утверждений Ольховского в том, что сборы нужно было провести значительно раньше. Это была ошибка. Но зачем же ее не исправлять, а, наоборот, еще более усугублять? Это уже ничем не оправдывается.

Генерал Раткевич поручил мне составить по этому поводу «разносное» письмо в Генеральный штаб. Написал проект письма, нужно предложить его на обсуждение.

В офицерской школе дал задание на подготовку показных тактических занятий по действию мелких групп в засаде, в наступлении на банду в малом населенном пункте и на способах *заладованя и разладованя* [загрузки и разгрузки] грузовых автомашин. Эти элементы очень важны для войск, действующих против банд. С ними нужны особая тактика, особая сноровка. Наши войска понемножку начинают постигать ее. Это уже выигрыш!

Совсем стал «полуночником»: раньше трех часов не могу заснуть. Даже если и ложусь спать вовремя. Так нельзя.

Из Москвы по радио передают песенку «Хорошо, когда ты любишь, и любимая с тобой». Хуже, когда ее нет. Здесь, пожалуй, права Фаина Ильинична (сколько раз уже признавал это ее качество!) со своим *«пунктэм видзеня в тэй справе»* [взглядом на это дело].

Сегодня канун Миколая. Здесь это традиционный праздник. По улице ходил «Миколай» (что-то вроде Деда Мороза), а за ним бежала толпа ребятишек. И всем было весело. Может быть, завтра мои именины? Дело в том, что Николай есть зимний, 6 декабря, и вешний, 9 мая. Вот который в самом деле мой, я и запутался. Но, поскольку в майский день теплее, то я и решил выбрать его. Так и пошло — именинник в мае. Беды великой нет, если и перепутал. Ведь все под луной условно, все относительно.

Краков

6 декабря.

Что будем делать дальше? Уже и теперь у нас в отделе очень много работы. Вся тяжесть подготовки и проведения выборов ложится на войско. Приходится крутиться как белка в колесе. Из Варшавы все время поступают приказы, распоряжения, зачастую с требованием организации и проведения таких мероприятий, которые, я бы сказал, нам просто не под силу. Ведь одно дело написать приказ, а другое — реально его исполнить. Реальная обстановка далека от тех «розовых» планов, которые представляются далеко от реального дела, в «центре». Своеобразные ножницы.

...Первым делом, первым делом самолеты.
Ну, а девушки? А девушки потом...

Снова смотрел кинокартину «Воздушный извозчик». Вспомнил, как первый раз мы смотрели ее в Москве, вместе с Фаиной Ильиничной. Посмотришь второй раз — и как будто встретился со старым другом. Судя по тому, как во время сеанса реагировал зал, картина понравилась зрителям. Еще бы! Ведь там есть про любовь, есть картинки бала, танцев. А что еще нужно польскому зрителю? *Бардзо интэресуёнцэ* [очень интересно]! В южной части воеводства отмечается оживление банд. Это вступительный аккорд вражеских, реакционных элементов в предвыборную кампанию. А что следует ожидать еще дальше? Дальше в лес — больше дров.

Совершенно очевидно, что мне нужно всерьез заняться своим здоровьем. Но вот когда? Целый день некогда вверх глянуть. Не могу я бросить работу и «*залатвять*» [решать] свои личные дела. Но и так дальше продолжаться не может.

Краков

9 декабря.

Занимался важным для меня делом: оформлением покупки автомашины. Наконец-то сегодня все оформил, осталось только немного ее отремонтировать, а затем найти купца. Таким образом что-то заработать. Нужно как-то приспосабливаться. В Польше ведь модно «делать интересы» (в Америке сказали бы так: «Делать бизнес»). В самом деле, а как иначе устраиваться? Оклады наши не выдерживают все возрастающих с каждым днем цен. И нет никаких регулирующих органов, которые бы образумили спекулянтов. На рынке — они хозяева. Наводнили его и свирепствуют.

Тамара прислала телеграмму: «Здорова волнует твое молчание привет мамы целую Тамара» Сегодня же получил от Фаины Ильиничны письмо. Интересные мысли есть в нем. Такие, на которых следовало бы остановиться: «Надеюсь, к приезду сына дочка будет в полной спортивной форме. А когда сынок думает приехать?.. По поводу веры в Вашу привязанность к Марышке поговорим лично. Эта тема слишком серьезная и глубокая. От этого зависит счастье всех нас. Смешно было бы сомневаться в Вашей привязанности. Почему же Вы стали мужем Тамары? Из-за ее богатства, которого нет? Из-за отца-генерала, которого тоже нет? И т. д., и т. п. — и все будет «нет». В силе чувства с обеих сторон сомневаться не приходится. Богатство и прочее относится в равной мере и к Вам. Но о форме проявления привязанности будем говорить, и говорить крепко. Буду говорить, как мать единственной дочери. Буду говорить, как мать, безумно любящая Вас. Буду говорить, как женщина, прожившая большую жизнь. Буду говорить, как человек, не лишенный остроты ума, наблюдательности и знания жизни».

Что и говорить, Фаина Ильинична — женщина с умом.

В Варшаве произошел скандал. Солдаты английского военного патруля, напившись, застрелили милиционера и приставали на станции к полькам. Вызванное подразделение забрало их. Толпа кричала: «Тут вам не Греция! Марш командовать в Берлин, а не здесь!». Очень хорошо, что это произошло, причем именно с англичанами. Реакционеры польские делают ставку на Англию. Вот им их лицо! Они, еще не завоевав страны, начинают чувствовать себя сверхчеловеками, хозяевами. Немцы тоже так вели себя, но чем это закончилось — все знают. Кто высоко летает, тот низко садится. Факт.

Радио раструбило этот скандал на весь мир. Для англичан — конфуз!

Вчера, после долгого перерыва, вытащил Янину Казимировну в кино на «Бесприданницу». Ей понравилось. Типы старых русских купцов, чиновников переданы бесподобно. Лариса Дмитриевна не могла выпутаться из мещанского омута, и развязки другой не следовало и ожидать. Недаром фильм заканчивается символическими цепями, замкнутыми со всех сторон.

В городе комендантская служба организована скверно. Нужно будет этот вопрос вынести на обсуждение Комитета беспеченства. Нужно также настоять на том, чтобы в ближайшее время выслать бригады в повяты для проверки на месте хода подготовки к выборам. Иначе ничего не выйдет. Все наши благие намерения останутся втуне. Так здесь привыкли. Все время нужно подстегивать. Иначе местное начальство будет сидеть сложа руки и ждать у моря погоды.

Скоро Рождество. Нужно думать что-то насчет организации елки. В прошлом году у меня была.

Краков

10 декабря.

С командующим нельзя было разрешить несколько важных дел. Приехал Министр коммуникаций и устраивал прием. Здесь такой порядок, что все начинается с приема, с пышного обеда, с тостов. С этого ли нужно начинать? Тем более в стране, которой многое и многое нужно сделать, чтобы встать на собственные ноги. И не на глиняные, а прочные.

Не слишком ли я ударяюсь в пессимизм? Не слишком ли много у меня брюзжания («окисления») в натуре? Иногда мне кажется, что перехлестываю в этом деле. Может быть, это зависит от непоседливого характера. Однообразие, медлительность никак не уживаются со мной. Нужно ездить, двигаться, видеть жизнь такой, какая она есть, а не по донесениям, не по сводкам. Как часто из частей доносят, что сделали то-то и такто, а вот пошлешь проверку — и, оказывается, на месте совсем иная картина. Как далека действительность от донесений и рапортов!

Эти ошибки как-то остро видишь, ощущаешь. Может быть, это и хорошо! Раз видишь ошибки — значит, растешь. Если это качество утратить, то, по-моему, будет очень печально. Ошибка многих наших товарищей именно и заключается в утрате

этого чувства, так необходимого каждому руководителю, будь он большой или маленький.

Настоял на том, чтобы солдат и офицеров ВБВ, наиболее отличившихся в последней операции по разбитию банды «Рыська», наградили орденами и дали отпуска домой. Поощрение хороших людей необходимо, чтобы подстегнуть остальных. Нужно, чтобы люди видели, что их замечают, их работу видят и оценивают. Без этого нельзя. Плохо только, что наши политработники стоят в стороне от этих дел. А ведь не кто иной, как они, должны быть застрельщиками таких мероприятий. Но, увы! Они пишут длинные реляции, что-то планируют, сочиняют, а действительной жизни, самого солдата не замечают. Это крупная, кардинальная ошибка. Это значит, что они на 9/10 не на своей правильной дороге. Почему не исправят этого положения? И «кто прервет сей дивный сон, когда настанет пробуждение?»

Заезжал Белецкий. Он едет к Маршалу, представить ему положение в своем районе и просить о положительном разрешении ряда вопросов. Выйдет ли что-либо у него? Помогай Бог! Многие вопросы, которые должны и могут быть разрешены только в центральном порядке, по-серьезному, до сих пор Варшавой не разрешаются. Время идет. А, не разрешив главного, основного, не подложив хорошего фундамента, нельзя строить дом. Строить-то, может быть, и можно, но вот что из этого получится. Долго ли такой дом простоит? Вот вопрос, над которым нужно серьезно думать. И думать не после того, как дом построен, а значительно раньше.

Краков

12 декабря.

Занимался железнодорожными делами. Дело в том, что в последнее время увеличилось хищение угля с поездов, идущих в СССР. За одну только неделю, по грубым подсчетам, растащили 175 тонн. Это колоссальный убыток для государства. Железнодорожное начальство, как ни кивает с сокрушенным видом по этому поводу, но мер надлежащих не принимает. Никто даже не додумается наглухо закрепить борта вагонов, что в значительной степени затруднит кражу угля. Такая мелочь, но ее не замечают.

Все дело в том, что нет действенного контроля, что все инстанции не работают с полным напряжением сил, мирятся с

недостатками, часто к разрешению важных вопросов подходят формально, а не политически, не по-государственному.

Написал письма Министру коммуникации, начальнику Главной милиции. Генерал представил материалы расследования Ново-Сопрецкого дела о разоружении поезда. Оказалось — совсем иная картина, не та, как это представляло беспеченство. Они, видимо, не вникали в существо дела, не подходили критически к тому, что им сообщают с периферии. Еще раз прав был Кузьма Прутков: «Не все стриги, что растет».

В кино смотрел фильм «Тринадцать». Припомнил, что первый раз видел эту картину еще в 1937 году в Новосибирске. Похоже, наш Комитет по делам кинематографии вытащил на свет старые картины и на них зарабатывает.

Тамара прислала письмо. Видимо, лозунг, выброшенный в последнем письме Фаиной Ильиничной, — «Не дадим места отчужденности!» (совсем как на митинге) — дошел и до Тамары. Пожаловаться на ее молчание теперь нет никаких оснований. Заверяет меня, что непременно закончит институт в этом году. Посмотрим. Вот чтобы дать ей возможность к этому, видимо, лучше не вызывать в Краков Фаину Ильиничну. Не стоит!

14 декабря.

Польша переживает предвыборные дни. В стране идет большая внутренняя борьба. Много еще здесь людей, которые не хотят подниматься выше слащавых мещанских идиллий. Они были оптимистами, когда им уютно, но легко превратились в пессимистов и упадочников, когда оказалось, что хорошо человеку на земле не может быть без борьбы, без преодоления трудностей.

Они до сих пор придерживаются такого принципа: когда можно делать все что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли теперь государство каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все что угодно, а тот, с которым делают все что угодно.

Буржуазная действительность: либо ты давишь людей, либо они раздавят тебя. В романе Бальзака «Отец Горио» многоопытная виконтесса Босеан поучает юного студента Растиньяка: «Чем хладнокровнее вы будете рассчитывать, тем дальше продвинетесь вперед. Разите, не давая пощады. Вас будут бояться. Смотрите на мужчин и женщин, как на перекладных лошадей, которым вы предоставите издыхать на очередной станции... Но

если вас захватит истинное чувство, прячьте его, как сокровище; пусть никто не догадывается о нем, иначе вы погибнете. Из палача вы превратитесь в жертву».

Быть палачом или жертвой, рабовладельцем или рабом — вот трагический «выбор», открывающийся перед героем Бальзака и других. Это было и главной темой творчества Достоевского, герои которого мучительно выбирают одну из двух возможностей: деспотически властвовать, стать вторым Наполеоном, вторым Ротшильдом или смиренно подчиняться власти, целуя руку (проповедь Алеши Карамазова, князя Мышкина, различных «старцев»).

И многим здесь трудно. Невозможно жить без «интереса», без торгашества, без того, чтобы не делать миллионы. А так как ситуация теперь не такая, как перед 1939, *«пшедвоенным»*, годом, вот и получается конфликт.

Ночью из Москвы передают (после боя Кремлевских курантов) прекрасную музыку. Слушаю с большим наслаждением. Поэтому приучился засыпать в 3 часа ночи. Такой образ жизни никуда не годится. Нужно изменить.

Из Праги недавно передавали песенку из «Небесного тихохода»:

...Пускай судьба забросит нас далеко,
Пускай,
Ты к сердцу только никого не допускай.

Или:

Мы выпьем раз, мы выпьем два
За наши славные дела!

Это уже совсем новогоднее.

Вот уж где-где, а здесь по случаю Нового года будет произнесено много речей. Здесь это в моде, много краснобаев. Потоками пышных фраз велеречивые докладчики расписывают свои *«поглёнды»* [взгляды], свои точки зрения. Это не важно, что эти красноречивые излияния зачастую не подтверждаются конкретными делами.

Краков

15 декабря.

В одном из писем Фаина Ильинична между прочим писала: «С бабушками у Вас хлопот много. Но ведь есть же люди, с которыми их связывают и родственные узы, и старая дружба,

и прожитые вместе долгие годы и т. д.». Конечно, есть. Но вся беда в том, что все эти друзья только говорят приятно, а вот помочь — палец о палец не ударят.

Тамара обижается, что в моих письмах мало чувственности, мало души. Где выход? Может быть, мне, подобно чеховскому коллежскому секретарю Перекладникову, нужно подумать, что мало ставлю восклицательных знаков? Он сам себе не верил: неужто за 40 лет своей службы не написал ни одной бумаги с чувством (да неужто в бумагах нужны чувства?).

А вот сегодня в кино встретился со слишком большим проявлением чувства. Билетерша продала билет мне рядом с какой-то красивой паненкой (не виноват же я в этом!). Во время сеанса я что-то ей заметил, но сидевший сзади типчик со злостью сказал мне, чтобы я смотрел на экран. Будь я тоже горячим человеком, вышел бы скандал, инцидент. Из-за глупости. Вот до чего может довести ревность!

Прошедшую ночь читал, «не переводя дыхания», роман Виктора Некрасова «Сталинград». Знает хорошо фронтовую жизнь, удачно схватил ее, так сказать, «интимную» сторону. Правильно, правдиво показана жизнь обыкновенного русского солдата. Ни одного фальшивого звука, ни одной лишней строчки. Так мне кажется. Может быть, критики нашли бы это неправильным. У каждого свои суждения. Считал же Толстой Шекспира плохим драматургом, Щедрин презрительно говорил об «Анне Карениной», Тургенев считал неудачным «Обрыв» Гончарова и «Преступление и наказание» Достоевского, а «Войну и мир» в письме к помещику Борисову объявил романом, в котором исторического воспроизведения эпохи и в помине нет. Толстой, мол, залез не в свой монастырь.

Краков

17 декабря.

Из Перемышля приехал Дзога со своей толстой подругой жизни и ночевал у меня. До чего все-таки недалекая эта супружеская чета. Два сапога — пара. Один другому — чета.

Сегодня генерал Венцковский позвал меня к себе и в знак признания «моих стараний в предвыборной работе» наградил, вручил 5000 злотых. Причем сказал, что это должно быть по секрету. Оригинальный старик! Замечательный! Я даже расчувствовался немного.

Вечером достал праздничные открытки и написал аж 12 штук. Нужно отправить их всем знакомым, поздравить с праздниками, пожелать счастья и успехов в Новом году. Пришлет ли мне кто-либо? Друзья так скоро забывают.

В *«Dzienniku Ludowym»* случайно встретил статью *«Вызволене Варшавы»* [«Освобождение Варшавы»], в которой описывается эпизод взятия нашими разведчиками «языков» в районе Яблонной. Оказывается, наших пленных называли так: немца — Йохан Меер, а фольксдойча — Генрих Дыиас. А я уже и забыл. Как сейчас, помню их физиономии, а вот как звали — забыл. Корреспондент напомнил. Немного перепутал подробности операции, но это газетчикам свойственно. Стоит ли удивляться.

Тамара прислала телеграмму: «Каникулы начинаются двадцатого января очень хочу приехать торопись оформлением пропуска привет мамы крепко целую Тамара».

Мне бы тоже хотелось, чтобы она приехала, но тогда ведь будет безнадежно сорван учебный год. Стоит ли соглашаться? Больше доводов за то, что пропуск посылать не стоит.

Фаина Ильинична пишет, что одно письмо не показала Тамаре. Значит, она предварительно сама читает все письма. Это уже не есть хорошо! Но опять же — стоит ли из-за этого поднимать кутерьму? Видимо, не стоит. Все равно бесполезно.

А *propos* [кстати], еще насчет приезда Тамары. Прежде всего, ей все усилия нужно направить на то, чтобы окончить институт. Уместно вспомнить, что героиня романа Чернышевского «Что делать?» Вера Павловна была счастлива с любимым человеком, и все же она считала, что ей нужно дело, от которого зависела бы вся жизнь, такое дело, которое для нее, для всей ее судьбы было бы важнее всех увлечений. Это верно, только такое дело может служить опорой, только оно дает силу и настоящее счастье. Люди без такого дела кажутся лишенными самого важного — той «душевной искры», о которой говорит у Горького Коновалов. Той страсти, которая подымает человека выше сытости и презренной праздности, устремляет его мысли, чувство, энергию к единой цели, делает его жизнь осмысленной и нужной.

Нужно взять себя в руки, не позволять себе ныть и хныкать, даже столкнувшись с большим и неподдельным горем.

Все мы помним биографию многих замечательных людей — суровую, полную лишений и препятствий жизнь Ломоносова, Горького... Они вышли победителями, они сами построили свою судьбу.

Краков

18 декабря.

Это уже совсем оригинально. Генерал Венцковский меня крайне удивил. Он уезжает в отпуск. И вот сегодня вызывал меня к себе и возвратил мне... папиросы, которые я ему подарил, приехав из Москвы. При этом очень извинялся и просил, чтобы я не обижался. Говорил, что у него такой принцип — от своих подчиненных не брать подарков. Добавил при этом: «Я сам себе наивысший судья». Редко можно встретить такого благородного человека.

По дороге из Варшавы заезжал на несколько минут Иосиф Никитович Белецкий. Сделаю приписку на праздничной открытке Тамаре, что и он поздравляет с праздником.

Вечером заходил капитан Мусол. Рассказывал о своих «похождениях» с Ведой. Очень хорошо. Умно сделал ее муж, забрав Веду отсюда. Таковы-то жены!

Послезавтра заседание. Нужно готовиться к нему.

Письмо все никак не напишу, собираюсь-собираюсь, но не соберусь. Никуда не годится такое дело!

По радио слушал хороший концерт «Музыкальный Ленинград».

Краков

19 декабря.

Это уже совсем никуда не годится. В трамвае, когда ехал на работу, стало так плохо, что вышел, еле-еле добрался до скамейки в скверике, умышленно промерз на морозе и, только отсидевшись, добрался до ДОВу. Необходимо всерьез заняться лечением, но когда? Вот и сегодня ездил в Воеводский комитет по выборам, в ППР, готовился к завтрашнему заседанию — и не было времени. Но с этим нужно закончить.

Из Москвы передают произведения узбекских поэтов. Знакомые имена, фамилии, знакомые темы. А со Светланой Сомовой мы даже лично знакомы. Помню, как в первый год войны заходил к ней в Союз писателей и давал задание сделать в газету «На страже» очерк о Денисе из Ташкентского аэроклуба.

Хилинский из Киева все еще не приезжает. Засиделся там. Генерал Венцковский пошел в отпуск, сегодня об этом был отдан приказ.

После долгих мук родил письмо Тамаре и сегодня отправил с полевой почтой. Через нее значительно быстрее доходят письма.

Краков

21 декабря.

Установил точную дату приема полевой почтой перевода для Кумполова и разослал «гончие» листы по всем линиям. Авось найдется перевод.

Приехал полковник Хилинский. Рассказывает, что после упорных хождений все же добился разрешения квартирного вопроса для своих родственников в Киеве. Говорил, что для этого понадобилось много труда.

Из Варшавы приезжал представитель партуполномоченного ЦК ВКП(б). На собрании он, по существу, ничего нам нового и не рассказал. Нажимают на теоретическую учебу, на идеологическое воспитание. Выступавшие товарищи справедливо жаловались на слабое руководство со стороны представителя ЦК, на плохую сработанность между коммунистами и местными организациями ППР, наиболее близко стоящей к нашей партии.

Назавтра назначена охота где-то в районе Бжеско. Обязательно думаю ехать. Нужно побывать на воздухе. После долгих сидений в кабинете нужно походить, подышать свежим воздухом. Воздух и движение необходимы для организма.

Поскольку завтра рано вставать, значит, сегодня нужно пораньше ложиться. Вот только прочитать Тамарины письма на сон грядущий.

Краков

22 декабря.

В 5 часов утра, когда еще совсем было темно и морозно, выехали за Бжеско на охоту. На машине дорогой так промерз, что единственным желанием было — хоть бы машина скорее остановилась. В Бжеско нас ожидал полковник Новаковский (заранее выехавший туда для подготовки) и загонщики — солдаты местного гарнизона. Из Бжеско поехали еще километров за 15 в лес.

В Лесничувке обогрелись, тянули жребий, кому на каком месте стоять. Вот мой талончик.

Соседями моими были капитан Итрингер и поручик Кондрусик. Первого зайца убил генерал Раткевич. Стал королем охоты.

Хорошо в лесу в морозный день. Вспомнилось стихотворение, которое учили еще в детстве, в школе:

...Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Охоту организовали по всем правилам: с загонщиками, с собаками и с охотничьими рогами. Как в «Графе Нулине» — «трубят рога»...

Кое-кому подвернулось счастье: шли на него и зайцы, и лисицы. А вот у меня — ни пуха, ни пера. Один раз стрелял по зайцу, но промазал. Второй раз лисицу, идущую прямехонько на меня, спугнул Шпрингер, и она шарахнулась в сторону.

В лесу, у горящих поленьев, устроили завтрак. Лесничий с огромными усами угощал нас колбасой, которую тут же вынимал из ведра с кипятком.

Хотя я никакого трофея не добыл, но был рад тому, что целый день пробыл на воздухе, в лесу, вдали от этих телефонных звонков, от канцелярской сутолоки.

Поздним вечером возвратились домой, иззябшие, уставшие, но довольные.

Когда еще поедем? Видимо, в следующее воскресенье.

Краков

23 декабря.

Приближаются праздники. Везде идет деятельная подготовка. Готовят елки, делают в магазинах закупки. У нас вот только никаких приготовлений. Мяновская лежит в постели: вчера ошпарилась. Теперь дома совсем, как в госпитале. Одним словом, похоже, что нас ждет весьма сумрачное празднование. Впрочем, мне к этому не привыкать. Всегда проводил праздники в одиночестве, сумрачно.

Орлик пошел в отпуск. Теперь у меня уже окончательно нет времени пойти к врачу.

Вечером заходила старая моя знакомая «пани с бухгалтерии». Она около трех месяцев была на Западе и только вот вернулась. Зачем была на Западе? Может быть, там проводила

«свои интересы», зарабатывала деньги. Запад манит любителей легкой наживы, как когда-то американцев манила Аляска или Калифорния. Последнее время их прыть немного подсократили жесткими мерами. Но все равно *спритяжи* [ловкачи] приспосабливаются.

24 декабря.

Работа в штабе сегодня закончилась пораньше: канун Рождества. Все наши собрались в зале, делились, по старому обычаю, облаткой, поздравляли друг друга с праздником. Затем состоялся *стольный* [праздничный] обед. По традиции, он должен бы состоять из 12 блюд, но теперь он намного скромнее: не те времена!

Произносили тосты, после которых все кричали: «*Нех жие!*» [«Да здравствует!»]. Один до того разошелся, что даже за одного прогрессивного ксендза, который умер 30 лет тому назад, тоже кричал: «*Нех жие!*». Поляки — большие охотники до всевозможных празднеств, лишь бы была оказия «*Як юж попить, то юж попить...*» [«Если уж выпить, так выпить...»]. Недаром поется в популярной песенке, что «*найлепей як в глове шуми*» [хорошо в голове шумит]. Вечером в каждом доме семейная кутья. Меня настойчиво приглашал к себе подполковник Будзек, но я не поехал — там, в основном, соберутся не знакомые мне люди. Встретил праздник со своими бабушками. Позвонил всем знакомым, поздравил их с праздником.

Только что кто-то мне позвонил. Поднял трубку, но никто не отозвался. Неужели кто-то так подшучивает?

Краков

25 декабря.

День прошел спокойно. Целый день провел дома, никуда не выходил. Куда пойдешь? Не волновался, не нервничал, как это бывает не раз на службе. Впрочем, стоит ли этому удивляться. Еще Николай Алексеевич Некрасов писал: «Кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны своей». Тот, кто ничего не делает или делает все по-казенному, тот никогда не будет волноваться, переживать. У меня не такая натура!

Писем ни от кого нет. Фаина Ильинична тоже не написала. Ограничилась телеграммой, и только.

Выпал снег, установились морозы.

26 декабря.

Второй день празднуем. Съездил на завтрак, а затем на станцию, побриться.

Дома теперь прибавилась у меня новая функция — топить печь. На старости лет может и пригодиться, авось хоть истопником где-нибудь устроюсь. Все может быть. В жизни человека так много неожиданностей.

Англия обратилась к Польскому правительству с нотой о праве контроля с ее стороны на предстоящих выборах — и получила достойный ответ. Англичанам никак не сидится спокойно. Силы реакции на всем пространстве земного шара (опять-таки при поддержке Англии) снова начинают различные провокации.

К Новому году многие получили аванс. Кое-кому это далось по блату, по знакомству, а отнюдь не по заслугам, не за их труд и полезные дела, сотворенные ими. Так-то получается.

Из Москвы по радио передавали рассказы Чехова «Осенью» и «В море». В одном — о барине, пропившем даже медальон с портретом любимой женщины, а в другом — о пасторе, продавшем англичанину за пачку денег свою брачную ночь. Чехов — большой писатель. Его произведения никогда не утратят своих мыслей, всегда будут актуальны. И только потому, что он писал правду. А не так, как иные — по принципу: «Молчи, скрывайся и таи и чувства и мечты твои...»

Это, кажется, из тютчевского «Silentium». Кстати, знаменательна трагедия Тютчева. Он сохранился, но дорогой ценой. Потому что отрекся от собственной личности и отказался от призвания пророка. Что может быть мучительнее роли псевдопоборника теории «искусства для искусства», который, в сущности, был заживо погребен в могиле своего молчания!

Оратор римский говорил:

Средь бурь гражданских и тревоги
Я поздно встал и на дороге
Застигнут ночью Рима был...

Впрочем, может быть, и Тютчев мог бы быть счастливым.

Счастливый человек — не тот, кому всю жизнь «везет» и кто, уронивши в лунку голый крюк, вытаскивает золотую рыбку. Постоянная удача, мне кажется, далека от счастья: она размягчает в человеке волю, делает его рабом наслаждения, а отсюда — один шаг до беспринципности и приспособленчества. Счастливый человек тот, кто пронес через страдания и муки

свою правду чистой и незапятнанной и увидел ее, наконец, признанной теми, кто дорог сердцу и для кого, в сущности, он ее нес.

30 декабря.

В прошлое воскресенье «отчаянно» охотились. Старые охотники говорили, что такое обилие зайцев редко бывает. Было их поистине много. Этот раз ухлопал одного и я. Это мой первый заяц, т. е. мое охотничье крещение.

На этот раз охотились в поле, загоняя зайцев в «котлы». Жалко было смотреть, как метались они там, беззащитные. А люди безжалостно их истребляли. Теперь появились новые заботы: нужно доставать патроны, порох, дробь. Снарядил специально за этим в Варшаву поручика Гуню. Ружье часто давало осечки. Вчера ездил в мастерскую и оставил его там — пусть приведут в порядок.

Из Москвы получил поздравительную телеграмму. Приклеил ее сюда в дневник, на память.

Сам разослал в Кракове всем знакомым поздравительные открытки. Так здесь принято, и это, между прочим, хорошо. Почему людям не сделать приятное?

31 декабря.

Проходит и этот, 1946-й, год. Сегодня пасмурный день. Завтра начнется Новый год, новая дата.

Еще постарел на год, еще ближе к смерти. Стоит ли о ней думать? Ведь чертовски хочется жить! Жить!..

Сегодня генерал Раткевич вручил мне «*Злоты Кшиж Заслуги*» [«Золотой Крест Заслуги»]. Еще прибавилась одна награда.

Вспоминаются слова Николая Алексеевича Островского:

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

Такой вопрос уместно ставить перед собой каждый раз, когда заканчиваешь очередной год — еще одну веху в твоей жизни.

В штабе у нас сегодня вечер, встреча Нового года. Будем его встречать своим коллективом. Где буду встречать следующий Новый год, если вообще буду его встречать? Наверняка, уже на Родине, в Советском Союзе. Так мне хочется.

Закрывая эту тетрадку, хочется попрощаться с уходящим 1946 годом.

Да здравствует Новый 1947 год!

Шагает Новый год! Он приближается сейчас к нам. Часы отсчитывают последние минуты старого славного года. Золотой страницей уходит в историю этот год, год 1946-й.

Краков, Польша

Тетрадь XVI

Начата в январе 1947 года в г. Кракове, Польша

1 января.

Вот и пришел этот Новый год — 1947-й! Вдалеке «от родных очагов» (так даже по радио из Москвы передали) встречал я этот год. В штабе был праздничный вечер, но после 12 часов мы небольшой компанией уехали к Мутьеву на квартиру и там доканчивали встречу до... 8 час. 30 мин.

Пришел домой и целый день проспал. Оригинально провел первый день Нового года.

Скоро пройдет и этот первый день. Вечером из Москвы передавали замечательный радиоконцерт по заявкам тех, кто в дальнем плаванье, вдалеке от родины. Чувствовал, что это относится и ко мне, пребывающему, так сказать, тоже в «дальнем плаванье». По доброй старой традиции, как поется в песне моряков, место отсутствующих всегда за столом ожидает. Может быть, и мое место где-то меня ожидает?

Истекший год меня не баловал, но не такой уж был плохой. Напрасно нарекать не стоит, будет несправедливо.

В прошедшем году многие люди говорили о будущей войне: послевоенный год они пытались выдать за предвоенный. Эти люди хотят, чтобы мы все забыли о пережитой трагедии. Весь мир сейчас пуще всего дорожит миром.

«А все-таки она вертится»,— воскликнул Галилей, когда его заставили отступиться от истины. Так можно сказать и о тех, кто все же разжигает новую войну, продолжает творить козни против мира. Но правду не укроешь, она выйдет наружу.

15 января.

В крещенские праздники два дня кряду были на охоте. Как назло, в те дни стояли сильные морозы. Несмотря на то, что был очень тепло одет, все же основательно промерз. Как было

приятно потом, возвратясь домой, усесться в качалку возле натопленной печки! Все эти дни заняты работой. Развернулась предвыборная подготовка, по линии войска проводим расстановку сил, резервов, проверку боевой готовности. Всем фашистским выступлениям реакционных элементов должны быть противопоставлены наши бдительность, настороженность, боевая готовность. Иначе сражения не выиграть! А здесь ведь хуже, чем на войне! Противником может оказаться самый лучший «друг». В этом вот и заключается вся сложность ситуации.

Как-то там мои в Москве? Марышечка прислала письмо. Поругивает меня за мое последнее «высоко моральное» письмо. Между прочим пишет: «А за мои занятия ты не беспокойся, я уже сдала все зачеты и, конечно, сдам и экзамены, без троек, как всегда. Это только ты не умеешь ценить меня по заслугам, а наши преподаватели знают, какая умница твоя жена».

Чудачка! А разве я не такого же мнения о ней? Даже горжусь этим. Горжусь, что мне, такому «рядовому» обывателю, посчастливилось «войти в доверие», сыскать любовь хорошей, умной девушки и даже связать свою судьбу с ней.

Нехорошо вот только, что она берет под сомнение, хочу ли я в этом году быть вместе. Странно. Конечно, хочу! Да еще как! А то так и пройдет вся жизнь в «одиночестве безмолвном». Скучное это дело! На чужбине, без родных людей. Такая вот у меня жизнь — одинокая.

17 января.

Вся Польша живет предвыборными днями. Послезавтра выборы. Скорее бы они прошли: нам будет легче. Впрочем, кто его знает. Может быть, после выборов положение еще больше обострится. Ведь еще Владимир Ильич говорил, что легче завоевать власть, нежели ее удержать. Надо полагать, что реакционные элементы, которых здесь хоть отбавляй, после своего поражения на выборах захотят (обязательно захотят!) дать реванш.

Страх! Когда-то один мудрец вывел мысль о том, что страх правит миром. Он, конечно, перегнул. Но все же некоторая доля правды в этом есть. Именно здесь встречаются еще элементы, которые еще долго не поймут смысла тех преобразований, которые проводит демократическое правительство, их, чтобы обезвредить, нужно держать в страхе. Правительство по отношению

к ним должно предпринять драконовские меры, не стесняясь в выборах средств для этой цели.

Завтра вторая годовщина освобождения Кракова. По этому поводу состоится парад и демонстрация, торжественное возложение венков на гроб Неизвестного Солдата в мавзолее Красной Армии. С комендантом города составили план демонстрации, построение колонны и выработали маршрут. Планируем такое шествие, которое еще не видал Краков. Тем более что эта парад-демонстрация должна заодно послужить грозным предостережением всем тем, кто в день выборов захочет попробовать свои силы и помешать нам. Не выйдет этого!

Из Москвы бьют Кремлевские куранты. Слышна сирена проехавшего по Красной площади автомобиля. Каждую ночь теперь слушаю Красную площадь. И как будто бы снова я у дома родного!..

Афоризмы:

1. В колодце его знаний не было свежей воды.

2. Храпеть — то есть спать вслух.

3. Старость приходит внезапно, как снег. Утром вы встаете и видите, что все бело.

4. Очень известный в прошлом году писатель.

5. Морщины должны быть только следами прошлых улыбок (М. Твен).

Краков

23 января.

Мы победили. Триумф полный! Блок демократических организаций (ППР, ППС, СЛ, СД, *«Звёнски Заводове»* [«Профсоюзы»]) победил, да еще как солидно. Партия Миколайчика понесла крупное поражение. Есть такие округа избирательные, где не прошел в сейм ни один член ПСП. У нас в Кракове (казалось бы, уж здесь-то Миколайчик мог рассчитывать на успех), и то успехи демократического блока превзошли всякие ожидания. Большинство голосовало по листу № 3. «Тройка» в единоборстве с «четверкой» победила.

Наши многомесячные труды не пропали даром. Советский Союз, кровно заинтересованный в победе демократических элементов в Польше, должен быть доволен нами. Свой долг мы выполнили.

В дни выборов наша жизнь напоминала фронтовую. Жили в штабе, все в боевой готовности. И не напрасно. Реакционное

подполье кое-где пыталось сорвать нормальный ход событий, террором и угрозами заставить население голосовать по «четверке», за ПСЛ. Приходилось вмешиваться немедленно и исправлять дело.

Попытки Англии и США вмешаться и повлиять на ход выборов в Польше не имели успеха. Оказывается, «дельцы» из Лондона просчитались. Польшей руководить из Польши оказалось куда лучше, чем руководить поляками из Лондона.

Денег послать в Москву не удалось. Теперь ввели ряд ограничений, и перешагнуть их невозможно. Там, видимо, Фаина Ильинична обижается, но я бессилен что-то сделать.

В доме по-прежнему лазарет. Неприятно, но, по существу, мне не так уж и мешает. Говоря по-польски, *цо то ми обходи* [меня это не касается].

Вчера заходил Блех. Однополчанин еще из 5-го полка. Вспомнили «дела давно минувших дней, преданья старины далекой». Пожалели о прошедшей фронтовой жизни. Хорошие были то дни! В проведении выборов, несомненно, огромную роль сыграло войско. Бесспорным остается тот факт, что гражданские власти не справились с теми огромными задачами политического и организационного порядка, которые встали в связи с выборами. Только хорошо организованная, сильная организация могла возглавить эту большую работу. И такой организацией могла быть армия. Прав был Ленин, говоря о войске: «Вот один из хороших образчиков организаций. И хороша эта организация только потому, что она — гибка, умея вместе с тем миллионам людей давать единую волю». Энергия, твердость, настойчивость большого количества людей проявляется, как единая воля.

«Пани из бухгалтерии» давно уже меня не посещала. Жаль. Она производит впечатление серьезной девушки, что здесь является редкостью. С ней можно серьезно разговаривать, и она умеет как-то правильно, критически подходить к разрешению вопросов, обладает врожденным юмором.

Краков

24 января.

— «Товарищ» я буду дома, а здесь я тоже «пан».

Так в магазине говорил один красноармеец, когда к нему обратился поляк. Случай рассказывают здесь, как анекдот.

Что делать с таким ростом расходов? Нужно иметь уйму денег, а где их брать? Цены по-прежнему катастрофически растут. И снижения их что-то не видно. Этак черт знает до чего можно дойти. А самое главное — мне очень интересно, откуда дельцы от «мягких и твердых» могут получать такое количество *пенендзы* [денег].

Дома застала Тамарина телеграмма: «Последнее письмо получили первого, сильно беспокоимся телеграфируй здоровье благополучие. Целую Тамара».

Ни тем, ни другим, кажись, похвалиться не могу. Но и жаловаться тоже нельзя. Одним словом, все посредственно. Днем ходил в госпиталь. Начальник госпиталя отвел меня к начальнику «внутреннего» отдела, и там начали меня вертеть. Просвечивали на рентгене, выстукивали и выслушивали и велели еще явиться завтра, сделать кардиограмму, сдать на анализ кровь.

На правом легком, оказывается, образовались рубцы (последствия плеврита). Это повлекло к сокращению легкого, что, в свою очередь, вызвало расширение левого желудочка сердца. С желудком тоже не все в порядке. Одним словом, диагноз требует месячного отдыха и лечения в санатории. В субботу будет врачебная комиссия, она и вынесет свое заключение.

А пока что мне заказаны: быстрая ходьба и резкие движения, воздержание от всего соленого и острого (какой ужас!), не курить совершенно и вообще много таких вещей.

Одним словом, связался теперь с врачами. Но — назвался грибом, полезай в кошелку!

От Оли получил письмо. Ее адрес: г. Киев, Саксаганского, 44, кв. 31. Ольге Власовне Варварецкой (Бунда).

Теперь восстановилась крепкая связь. Очень хорошо, что они переписываются с Тамарой.

Краков

25 января.

Все газеты еще наполнены материалами о прошедших выборах, о той крупной победе, одержанной «блоком демократичным», в который объединились все подлинные демократические, прогрессивные партии страны, выступая против реакционных сил. А те, в свою очередь, объединились под знаменем *Польске Строництво Людове* [Польская Народная партия], или ПСЛ. Эта организация представляет реакционнейшие эмигрантские круги и опирается внутри страны на помещиков и арис-

тократов, оставшихся без земли в результате реформы, на банкиров, крупных заводчиков, фабрикантов, лишенных предприятий и капитала, на крупное кулачество, она втянула в себя остатки пресловутой «санации» и реакционное офицерство. Вот ПСЛ и развернула большую предвыборную борьбу. И мы эту борьбу выиграли! Выиграли назло лондонским заправилам, назло прижимистым краковским спекулянтам, бойко торгующим чем только возможно, лишь бы составить капитал да потрафить дрянненьким и пошлым вкусам «элегантских» пани и паненок.

Последние вечера сижу за учебными материалами. Нужна разработка для командно-штабного выхода штаба дивизии со штабами полков со средствами связи на тему: «Наступление усиленной стрелковой дивизии».

Уже дана обстановка, есть частный боевой приказ штаба армии, приказание на разведку, справка о группировке и характере действий полка перед фронтом дивизии, боевой приказ штаба артиллерии, приказание по разведке штаба артиллерии одной из «играющих» армий, приказание по организации кодированной связи в частях дивизии на период боевых действий, приказание по связи, распоряжение по радиосвязи, выписка из директивы по тылу армии, телеграфно-телефонные позывные станций; есть таблица распределения сетей, направлений, постоянных номеров радиостанций, волн, позывных сигналов проверки времени; таблица паролей радиостанций армейской связи; выписка из графика артнаступления второй армии; выписка из плана артнаступления; телеграфно-телефонные позывные станций; таблица распределения волн и листов таблицы ТПР-43; ключи к таблице дежурного радиста ПТ-43-Н.

Интересное дело — составление боевых документов. Вот только все более и более чувствуется отсутствие должной теоретической подготовки. Счастливы те, кому удалось поучиться в академии, кто имел счастье постичь военную науку и теперь чувствует под своими ногами почву. Хорошо бы и мне поучиться пару лет, набраться ума-разума.

Сегодня врачебная комиссия вынесла окончательное решение: меня посылают подлечиться в санаторий Кудова-Здруй. Это, говорят, санаторий с европейской славой, расположен в Судетах на границе с Чехословакией. Если только поеду, займусь там всерьез ремонтом здоровья. А к тому же наберу книг и пополню немного свои знания.

26 января.

Воскресенье. Зося сегодня сказала, что жизнь — борьба, а земля — поле боя. Хорошо сказала, только одно плоховато: уж больно много этой борьбы. Слишком много выпадает на нашу долю неприятностей, разочарований, огорчений. А счастья так мало... И бывает оно так редко.. А если даже и приходит, то за минуту счастья потом приходится платить горьким разочарованием, долгим несчастьем. Правда, есть такая категория людей, которые умеют извиваться, изворачиваться в жизни. Есть такие мудрецы, «ловкачи», которым ничего не стоит вокруг пальца обвести целую Академию наук, но не всякого хватит на это. А вот что ждет меня в ближайшем будущем? Командировка подходит к концу. Скоро, видимо, очень скоро нужно будет уезжать восвояси, а как там, куда меня определят? Снова начинай жить, снова начинай устраиваться. И так всю жизнь. Только тем и занимаешься. Начинаешь что-нибудь и знаешь, что каждое начало уже содержит в себе свой конец. И стоит ли для этого начинать?

Снова надвинулась полоса морозов.

Краков

2 февраля.

Уже снова воскресенье.

Как уже записывал, комиссия врачебная определила (иначе она и не могла определить!), что я нуждаюсь в санаторном лечении, наши здравотдельцы достали мне из Варшавы путевку на месяц в офицерский санаторий в Кудова-Здруй. Один из лучших санаториев в Польше. В Судетских горах, на самой границе с Чехословакией.

Были сборы недолги. Оставил у себя дома солдата-караульщика и ранним морозным утром погрузился на «виллис», поехал в Катовицы, а оттуда поездом в Кудову.

По дороге встретил нашего начальника 5-го отдела с женой: они тоже ехали в санаторий. В компании — веселей. В вагоне было холодно, а мороз еще крепчал. Проехали через «старого знакомого» — Козель. Когда-то здесь стоял наш штаб дивизии, отсюда я не раз выезжал в Варшаву. Глухой ночью приехали в Кудову. Захолустная станция. Сидеть до утра на станции было весьма неинтересно, пошли на розыски санатория. После долгих блужданий все же разыскали его. Сонная сестра (носят черти этих санаторников по ночам!) записала в книгу наши «де-

мографические данные», взвесила на весах (у меня 60 килограммов — мало!), затем отвела в ванную. Хорошо с мороза, после холодного поезда влезть в ванную! Затем повела в покои. Мои — № 40. Там уже был один жилец — майор, судя по петлицам, саперных войск.

Так началась санаторная жизнь. Врач освидетельствовал меня, изрек, что «положение у меня не такое уж серьезное» (сам тоже знаю это) и прописал мне в *«Здроёвэй карте лечничей»* [«Санаторной книжке»] ванные четырехкамерные и кварцевую лампу. Дважды, после завтрака и обеда, нужно пить минеральную воду Синядецкого. Это для лучшего пищеварения.

Пять раз в день нужно кушать, да еще как кушать. Обед, например, сегодня, был из четырех блюд с приложениями. Первый завтрак приносят прямо в постель. Одним словом, весь день состоит из кушанья и спанья. В свободное время от этих основных занятий можно читать (что я и делаю с великим остервенением), ходить на прогулки в прекраснейшие околицы небольшого сугубо курортного местечка Кудова (кстати, одна из лучших улиц — аллея Сталина), лазить по горам на лыжах, бродить по лескам с ружьишком за плечами в расчете на какого-нибудь годного зайчишку. А сегодня, например, устроили *кулиг* [санный поезд]: запрягли в санки лошадей, собрались отдыхающие (те, которые помоложе) и поехали до обеда кататься.

Здесь встретил знакомых — полковника Раковского, жену полковника Шпаковского. Офицерских жен здесь много. И мне кажется, что большинство из них вовсе не больны, достали путевки по блату, по телефонным звонкам. И сидят они здесь по несколько месяцев кряду. Жить хорошо. За месяц, видимо, крепко поправлюсь, прибавлю в весе.

Кудова-Здруй,
военный санаторий.
Судеты

3 февраля.

Как выглядит Кудова? Типичный курортный городок, затерянный в лощине меж Судетскими горами. Прекрасные виллы различной архитектуры. Многочисленные магазины, главным образом съестные и парфюмерные.

Сегодня в писчебумажном магазине купил открытки с видами Кудовы, еще с немецкими надписями, и послал их в Москву и в Киев. Пускай там посмотрят.

На улице «шатаются» курортники, ездят лыжники, заботливые мамаши (или няни) в нарядных фургончиках возят «на прогулку» сынов и дочерей, собственных или каких-то знатных господ.

Чертовски жаль, что нет Тамары. Ей лечение здесь очень бы пригодилось. Тем более при ее слабом состоянии здоровья. Если только летом еще буду здесь, то обязательно нужно устроить поездку Тамары если не в Кудову, то в Закопане. Это равноценно.

Вчера были в ресторане «Полония». Сытые дельцы «*бавилисе*» [развлекались], расшаркивались перед дамами. После каждого танца кавалер отвешивает своей даме такие изысканнейшие поклоны, о которых в наших краях и не имеют понятия, каждый поклон сопровождается тихой, приветливой улыбкой. Такова напускная «аристократическая» культура, которая зачастую не идет дальше внешних эффектов, внешних форм и привычек. А по существу — какой же маленький и ограниченный мирок всех этих почитателей власти «золотого тельца»!

4 февраля.

Сегодня с начальником кабинета министра обороны на его машине поехали на охоту. Здесь водятся в горах лисицы, архары, козы, дикие кабаны. Узкая горная дорога серпантином взвивалась вверх. На 12-м километре остановились и пошли в лес.

Какая красота зимой в заснеженном лесу. Куда ни ступишь, по колено проваливаешься в снег, так что и углубиться далеко нельзя. Изредка то ли от ветра, то ли от крыла пролетевшей птицы с дерева сыплется снег. И тишина, тишина. Причудливым узором петляют следы какого-то зверька. Вдалеке видел дикую козочку, она не спеша карабкалась в горы. Стрелять было далеко.

Да и жалко было — уж больно красива козочка, даже не очень-то проявляла признака страха.

Свеж и чист воздух в горах! Легко дышится, полной грудью. Легко и счастливо. Человек чувствует себя моложе! Правильно говорят, что человек молод или стар в зависимости только от того, каким он себя чувствует... А если чего-нибудь хорошего в жизни, того, о чем долго мечтаешь, удается добиться только с трудом и слишком поздно, то оно приходит, окруженное тысячами досадных мелочей, покрытое пылью жизни, загрязненное такими подробностями, которых человек в своих

мечтах не предвидел... И все это раздражает... раздражает до бесконечности.

Счастье! Но ведь чисто внешние, видимые, так сказать, осязаемые знаки и символы счастья и успеха появляются в жизни уже тогда, когда в действительности человек начинает сходить на нет. Для появления этих признаков счастья требуется время, как требуется определенное время для прохождения к нам света от какой-нибудь далекой звезды из тех, которые мы часто видим на небе и которые, быть может, уже угасли.

Чертовски хорошо вечером выйти и постоять на балконе. Спит городок после дневных забот. Не совсем еще спит. Там и тут, выше и ниже, светляками, разбросанными в горах, мерцают огоньки. Далеко слышны веселые голоса: поздний любитель еще съезжает на салазках с горки, стоят не шелохнутся ели, в бликах света, бросаемого нашим домом, промелькнет фигура медленно расхаживающего часового. На костеле зазвонили к вечерне. Повторили на соседнем. Вспомнились слова старинной песни:

Вечерний звон, вечерний звон,
Как много дум наводит он!..

А внизу лежит городок. Он различим отсюда, с третьего этажа, по своим огням. Вот так лежит перед нами наша прошедшая жизнь, светится своими огоньками — наиболее памятными событиями. У каждого в жизни есть свои огоньки прошлые и будущие. О них ведь, когда-то и писал Короленко.

Кудова-Здруй

5 февраля.

Грубым кощунством казалось в первые дни думать, а тем более говорить о том, что наступит когда-нибудь конец этим счастливым дням и снова нужно возвращаться к бесчисленным однообразным и тягучим дням.

В таких мыслях начался сегодняшний день. Пятый из двадцати восьми счастливых дней, казавшихся вначале целой вечностью. И так быстро и безжалостно уходивших в прошлое.

Вся жизнь здесь протекает легко и свободно, а главное, без всяких забот.

А горы! Они кажутся такими далекими и недосягаемыми. Иной раз кажется, что испытываешь перед ними страх и стыд... Да, да, чувствуешь себя слабым перед этими великанами. Мно-

гообразие горных вершин хорошо для тех, кто с радостной самоуверенностью хочет испробовать свои еще не растраченные силы. А кто хочет покоя, тот найдет его скорее в простоте и однообразии морской шири.

Сегодня одна *«милютка»* [милая] сестра похвалилась тем, что завтра у нее именины, и радовалась этому событию, как дитя.

Человек до ста лет — дитя. Да живи он и до пятисот лет, все равно одной стороной своего бытия был бы дитя. И жаль, если бы утратил эту сторону — она полна поэзии.

Теперь — что такое именины? Почему в этот день ярче чувствуются горечи и радости, нежели накануне или после этого дня? Не знаю почему, а оно так. Не только именины, а всякая годовщина потрясает душу. Каждый из нас испытывал эти чувства, вспоминал первое свидание или разлуку, говорил: «Ровно столько-то лет назад!» И каждый боялся осквернить этот день. И ни к кому при этом не приходит мысль, что каждый день — своего рода годовщина.

У многих отдыхающих здесь дети. Прекрасные ребятишки! Особенно одна девчурка поражает своей расторопностью, развитостью. Впрочем, кто не знает старинной приметы, что дети, слишком много обещающие, редко много исполняют. Отчего так? Неужели силы у человека развиваются в строго определенном количестве, и если они потратятся в молодости, так совершенно ничего не остается на зрелую жизнь?

Теперь мы, молодое поколение, значительно быстрее изнашиваемся. Может быть, это случается оттого, что живем вдвое скорее, чем нужно, не жалея колес и не смазывая их, а так долго ехать нельзя.

Сегодня снова был у врача. Он прописал еще какие-то процедуры, лекарство. А поможет ли это? Чувствую, что приходит старость. Какое неприятное это чувство. И никакая жертва не отодвинет ее. Да и, по существу, зачем она, долгая жизнь? Это, должно быть, очень скучно. Байрон справедливо сказал, что порядочному человеку нельзя жить больше тридцати пяти лет.

Кудова-Здруй

7 февраля.

Переполз еще два дня. Именно так можно назвать здешнюю жизнь: без движения, в одном состоянии, однообразно. Совсем, как в обломовские времена. Этак можно разлениться до основания.

Те, кто у нас здесь помоложе, заводят флирты с дамочками. Их праздная фантазия бросила в сферу чувств, во все виды и фазы любви. Эти упражнения в чувствах и особенно в любви, кажется, тоже занимали тихий уголок старой обломовщины.

Я вот ни в кого не влюбляюсь. Ни в юную красавицу, ни в пожилую, видавшую виды дамочку, двусмысленно уединившуюся в уголку какой-нибудь комнаты, ни в какую-нибудь краснощекую и белокурую санитарку, готовую всегда любить по Шиллеру и поклясться в вечной любви здесь и там, или в огненную, размалеванную варшавянку, готовую к наслажденью и разгулу... Ну их всех!

Я верю своей Маришке и буду верен ей. Много думаю о ней, лелею самые лучшие виды на нашу будущую жизнь. Она даже не знает о том, какое место занимает в моей жизни. А я как-то не даю ей понять всего, что чувствую. За свою жизнь я вынес столько холода и безучастия со стороны людей, что этот холод вошел в мою натуру. Если бы умел хорошо, очень хорошо играть на фортепьяно, то, наверное, извлек бы такие звуки из души, которые не умею высказать. Тамара поняла бы меня, поняла бы, что внутри меня все чисто.

Как много странного и перепутанного в людских понятиях!

Мой сосед по комнате оказался толковым, рассудительным человеком. Мы с ним много беседуем об общеполитических темах, о положении в армии. Он согласен, что еще много и много нужно сделать в войске, чтобы был порядок, чтобы искоренить безобразия, чтобы из офицеров, которые обеспокоены больше тем, чтобы быть львами, франтами, сделать подлинных работяг, заботящихся о своих подчиненных, о деле.

Нужно сделать еще много и много шагов вперед на пути создания хороших офицерских кадров.

Жены наших некоторых начальников выдают себя за больших барынь, а в голове даже предпосылок к оным не имеют. Смешно глядеть на их потуги. Смешно и жалко. Получается, как у Гоголя: «Смеясь, невидимо плачешь».

Прибавились новые жильцы. Приехали какие-то моряки и держатся с особенным достоинством. Чего задаются? Уж флот-то не ахти какой! Но чем меньше амуниции, тем больше амбиции! Так уж водится.

Стоят прекрасные солнечные дни. Часто с балкона можно наблюдать, как за горы заходит солнце, заливая кармином окрестные дома, леса и долы.

Звонил домой в Краков. Зося ответила, что с бабушкой плохо, а в остальном ... все хорошо.

Кудова-Здруй

8 февраля.

Сегодня – неделя жизни в Кудове. За это время написал только одно письмо Тамаре. Как назвать такое невнимание к ней, к женщине, которая ждет не дождется весточек от меня?

Теперь, когда есть время многое проанализировать в наших отношениях, я соглашаюсь с ее обидами. Да, я не высказываю своих чувств к ней, как это нужно было бы. Я внутренне согласен с ней, что чувство без всякого проявления как-то подозрительно, что можно усомниться, а есть таковое вообще – может быть, его и нет? Ведь если бы оно было, то все равно прорвалось бы наружу. Мои отношения к ней немного напоминают отношения дяденьки Петра Ивановича Адуева к своей жене в «Обыкновенной истории». Он тоже никогда не говорил своей жене о любви и у нее об этом не спрашивал, а на ее вопросы отделывался шуткой, остротой или дремотой. Вскоре после знакомства с ней он заговорил о свадьбе, как бы давая знать, что любовь тут сама собою разумеется и что о ней толковать много нечего.

Я не люблю искренних проявлений сердца, не верю этой потребности и в других. Может быть, ревность заставила бы активизироваться чувству любви. Но все равно: никогда перед женщиной не нужно обнаруживать своего чувства во всей силе: она (женщина) охлаждается, когда мужчина выскажется весь...

Довольно! К чему бы это меня на старость лет потянуло к таким сентиментальным рассуждениям?! Не от хорошей ли жизни – от скуки.

Вечером после ужина собрались в читальне возле радиолы, слушали радиозапись выступлений депутатов Сейма. Усиленно поговаривают об амнистии для всех «заблудших», т. е. тех, кто по своему недопониманию оказался в обозе реакционеров. Затем играли в шахматы. Давно я уже не играл, и это сказалось на результатах игры. Проигрывал. То ли мне одни ботвинники попались? Скорее всего, я сам плохо играю. А, может быть, просто счастья нет?

Мудреная это вещь – счастье. Часто в момент достижения желаемого судьба вырвет из рук счастье и предложит совсем другое, что вовсе не хочешь – так, дрянь какую-нибудь; а если

наконец и даст желаемое, то прежде унизит, измучит и потом бросит, как подачку, заставив переползти длинную дорогу.

Вот с горем дело куда проще. Его много и впереди, его не избежишь. Всем оно отпущено судьбой. Горе реально. Болезни, утраты, старость, нужда... Все эти удары рока так и подстерегают нас.

Сложная штука жизнь, трудно ее понять. Какова она и зачем она? Одному удается устроиться, обосноваться и жить спокойной, хорошей жизнью, а другому вот не особенно удается. А время уходит. И помрет человек, и «струны вещие баянов не будут говорить о нем», и потомки не узнают, не вспомнят, что вот когда-то жил такой-то.

Многие собираются на забаву ночную. Это и не мудрено. Большинство поляков, особенно молодых людей, страстные любители всяких забав, церемоний, веселых и печальных; они страшно любят также присутствовать при всяких экстраординарных происшествиях: драках, несчастных случаях и т. п. Описание подобных случаев, особенно со смертельным исходом занимает немало места в газетах и читается с особым наслаждением.

На жизнь здесь смотрят, как на хорошую вещь, особенно когда есть деньги, и наоборот. Но больше, все же, предпочитают срывать розы, шипы оставляя другим, «своим ближним».

Кудова-Здруй

9 февраля.

Хотя сегодня и выходной, но он мало чем рознится от обыкновенных дней. Разве только тем, что нет ныне никаких процедур (забегов), обед имеет дополнительные блюда (мороженое и торт) и после него сестра не гонит на «мертвый час». Можно играть в шахматы, в бридж или еще кто во что горазд.

Падал бесшумно мягкий снег. Мы небольшой компанией бродили по огромному парку, побывали на границе с Чехословакией (она совсем рядом, разделяет Кудову чуть ли не пополам), ходили на экскурсию в Капличку (католическую часовенку), всю собранную из черепов и иных костей 22 000 воинов, в разные времена погибших в этом районе, и затем в 1740-х годах собранные здесь в одно место каким-то заботливым ксендзом. Вот он, апофеоз войны. Как у Верещагина. Черепа монголов или черепа чехов, большие и малые, со следами ударов клинком или пулевых ранений. Памятник из людских костей.

Грозное напоминание каждому о нашей будущности. Ничего себе перспектива!

Такое посещение еще больше способно усугубить мрачное настроение. Завтра выезжает домой мой сосед по комнате. Жалко. За это время привык к нему, человек он симпатичный. Едет в Варшаву, снова в сутолоку житейскую. Как устаешь там и зато как отдыхаешь душой здесь, в этой простой, немудреной санаторной жизни. Не над чем задумываться. Беззаботно, со спокойным умом и сердцем смотришь на эти рощи, бездонную синеву неба...

Там, в большом городе, на каждом шагу встречаешь в людях, в обстановке невыгодные для себя сравнения. Там, как в зеркале, можешь видеть свои слабости. Там мир и куча людей, между которыми теряешься. А вот здесь, в лесу, на лоне природы, человек полностью ощущает свое величие, свое превосходство.

Кудова-Здруй

10 февраля.

Приснилось мне, что в каком-то полку мы построили новую модель самолета и испробовали ее в полете. И вот за это сам Сталин благодарил и награждал нас. Но на меня он немного ругался, а вот за что — так и не помню. Я будто бы что-то объяснял ему, рассказывал... К чему бы это такое приснилось?

Утречком взвесился. Теперь уже 62 кило 200 граммов. Прибавил в весе 2 кило, но все равно это очень мало.

Вечером ходил в «гости» к Шпаковским. Она училась в Чернигове, вроде как бы землячка. Сам он — очень приятный человек. Исключительно выдержанный, корректный. Есть категория людей, которые как-то сразу, с одного взгляда вызывают чувство глубокой симпатии, и наоборот.

Послал письма в Москву, Стебловцеву и отцу. Отослал также открытки с видами Кудовы.

Вечером проиграл в шахматы коменданту госпиталя. И все из-за невнимательности, горячности. Оказывается, в шахматах можно проверить свою выдержанность, внимательность. Я вот прихожу к такому печальному выводу: мне нужно больше выдержки, больше хладнокровия, нужно тренировать, вырабатывать в себе эти качества. Тогда можно надеяться на выигрыш, и не только в шахматах. Мудра русская пословица: «Поспешишь — людей насмешишь».

11 февраля.

Чем больше досужего времени, тем больше чувствуешь свое одиночество. Только что пришел от Кальтенбаумов. Посмотрел на их «семейное счастье», и грустно мне стало. Когда и я так буду жить вместе с женой, а не «в одиночестве безмолвном».

Теперь больше, чем в иное время, с такой очевидностью чувствую, что были в моей жизни и труд, и горе, и скитания, и нечеловеческая борьба, но не было этой внутренней силы, которая вернее всего бережет человека,– не было любви.

И вот теперь, когда сказывается возраст, невольно отмериваешь жизнь всеми прожитыми годами, пропускаешь самого себя за всеми делами и недосугом. Смотришь на вечереющее небо, на поле, на взгорья, похожие на наши, русские, и грусть, которой раньше и не чувствовал (некогда было) приходит сама по себе. Тоскую по Тамаре, по родной стороне, которых так люблю, особенно отсюда, издалека.

Но вот вся-то беда, что «издалека». Уже сколько лет — и все «издалека». Когда же исчезнет это проклятое расстояние! Тамара, я знаю, не верит в эту мою любовь, в мою тоску, относится к ней с «подозрением». Напрасно! Впрочем, я очень мало сделал для того, чтобы разубедить ее, доказать ее неправоту.

С севера пришел мороз, начались ветры. Прохожие теперь поднимают воротники и трут себе замерзающие уши. Чтобы не упасть, мужчины держат под руку дам. Жители, возвращающиеся по своим домам, зябнут и поскорее спешат к теплу. Даже в магазины не заходят. У нас по-прежнему отдыхающие по утрам толпятся возле ванн, возле физаппаратов, ходят в полосатых пижамах. Молодежь флиртует, а кто постарше — играют в карты и кушают. Кушают утром, кушают днем, кушают вечером.

После обеда тишина, все эти именитые и неименитые курортники отдыхают и переваривают пищу.

Звонил в Краков. Эдит Розенбаум пожелал много здоровья и *помысльности* [благополучия]. К полковнику Хилинскому тоже звонил. Он сообщил, что генерал Венцковский хворает. Очень жаль. Такой хороший человек. Нужно завтра позвонить ему, справиться о здоровье.

Народ заинтересован сенсационным сообщением газет о том, что обсерватория в Калифорнии приняла какие-то сигналы с Марса, свидетельствующие о наличии там разумных существ. Кто знает, может быть, наши внуки будут свои отпуска

проводить не на грешной старушке Земле, а на лучших курортах Марса, любоваться прекрасными ландшафтами Озера прекрасных видов, залива Семи звезд, гор Ожидания, долин Сладких, Ушедших вод? Интересно будет. Год там длится 668 дней (оборот Марса вокруг Солнца) — вот где благодать для женщин: какие бы они все были молодые! А вот груз в 100 килограммов там весит 37 кг (убийство для купцов и спекулянтов!)

Вот где поле для использования атомной энергии! Для полетов на Марс.

Кудова-Здруй

12 февраля.

Нет, мне абсолютно нельзя пить водку. Сегодня вот, после охотничьих блужданий в близлежащих (совсем по-канцелярски пишу!) лесах, перед обедом у полковника Шпаковского стукнули по манехонькой, а теперь болит голова, и чувствую себя препаскудно.

Очень хорошо, что не пью водки, не приучился к этой гадости, которая так многих людей свела с ума-разума. Испортила им всю жизнь...

В лесу, на высокой горе забрались в беседку. Из нее, как на ладони, видна вся Кудова со своими чудными отелями, пансионатами, санаториями, с холмами, трубами, черными квадратами рощ. Хорошо видна также чешская сторона, заграница. В дымке был прекрасен городок — весь тихий, разбросанный, бело-оранжевый, обветренный *Бад Кудова*.

И люди здесь какие-то тихие, особенные. Война не особенно коснулась этого уголка. Он не видел страшных героических дней, годов смертей, войн, крови и нечеловеческого труда. Он не имеет представления о подмосковных снегах, на которых штабелями лежали замерзшие люди, о днях, когда все казалось потерянным, когда спали не раздеваясь, когда земля словно скрежетала от звериной лютости людей...

А здесь зеленели деревья, цвели цветы, беззаботно отдыхали люди, да бродила рыба вот в том, застывшем сейчас в зимнем сне, озере.

Какой простор, какое великолепное счастье — жить! Жить, жить, дважды жить!

У Шпаковских — замечательный сынишка. Отец, видимо, его сильно любит. Как хорошо быть отцом!.. Суждено ли мне изведать отцовское чувство? Ведь годы-то, годы проходят без-

возвратно. Если б была, если нашлась бы такая сила, которая бы остановила их неумолимый бег!.. Но нет такой силы, не найти шагреневой кожи... Сколько ни ищи.

Люди часто клянут эту удивительную жизнь — и в то же время всем своим существом, всей силой движения, безраздельно хотят жить.

Теперь, в эти вот дни, когда можешь прислушаться к самому себе, проверить себя, остаться наедине с самим собой, познаешь с особой силой красоту жизни. До сих пор я был в работе, в труде, и там, где прежде всего — дело, не замечаешь этого так остро.

13 февраля.

В *«Głos ludu»* [«Глас Народа»] напечатаны смешные вещи.

1. К знаменитому итальянскому писателю и ученому обратилась молодая мать с вопросом, с какого времени должно начаться воспитание детей.

— Сколько лет вашему ребенку? — спросили ее.

— О, ему только три дня,— сказала мать.

— В таком случае,— последовал ответ,— вы опоздали уже на два дня.

2. Знаменитого баснописца Крылова однажды спросили, почему он, имея такой огромный талант, пишет так мало басен.

— Мне кажется,— ответил Крылов,— лучше пускай меня упрекают, что пишу мало, нежели писать столько, чтобы меня упрекали и спрашивали, для чего я вообще пишу.

3. Иностранец, знакомясь с жизнью в Нью-Йорке, в темной улице встретил бандитов.

— Деньги, или разобьем тебе голову!

— Прошу, разбивайте,— ответил иностранец,— в вашем Нью-Йорке жить без головы можно, но без денег — никак нельзя.

В Европе свирепствуют страшные морозы. Как сообщают в Англии, результаты холодов довольно-таки чувствительные. Даже в Италии, отличающейся своим теплым климатом, выпал снег и замерзли реки. У нас здесь, под защитой гор, мороза както и не чувствуется.

Сегодня днем снова ходили на охоту, и снова безрезультатно. Но зато проветрились, прогулялись.

В санаторий приехал на отдых полковник Римша, уполномоченный ЦК ВКП(б). Съезжаются «крупные рыбы».

Кудова-Здруй

14 февраля.

Что еще написать в дневник? Как будто за день много передумаешь, много сделаешь наблюдений — над природой, над окружающими людьми, а вот записать нечего. Все как обычно, а анализировать или синтезировать все эти мелочные события столь же хлопотливо и утомительно, как есть суп ножом.

Начал читать книгу английского писателя Лиддела Гарта «Полковник Лоуренс», где достаточно подробно описывается деятельность прожженного британского разведчика, организатора «восстания арабов». Автор приписывает Лоуренсу слишком много, он даже называет его творцом новой оперативной доктрины, построенной на принципе использования наименьших сил в кратчайший срок и на обширной территории. Автор утверждает, что это более глубокий принцип, чем принцип сосредоточения наибольших сил на решающем направлении. Здесь нет ничего нового, партизанские методы ведения войны давно были известны. Но все их действия никогда не могут являться решающим фактором и носят только вспомогательный характер. Принцип применения «неуловимых масс» без определенных операционных направлений, конечно, наносит вред противнику, но не является главным, решающим.

Дни тянутся страшно медленно, кажется, что я уже давно-давно здесь. Спокойно, монотонно. Кинокартины меняются раз в неделю, так что человек лишен возможности пойти в кино. А больше — никаких зрелищ. Люди проводят вечера на танцах в ресторане «Полония». Там джаз из закопанского «Морского ока», вино... Но увы! Меня не влечет все это. Да и денег жалко. Тратить их на какую-то пани, которую только увидел, и снова она уедет черт знает куда. *Нема дурных* [без дураков]! Лучше посидеть да почитать. Больше пользы и больше удовольствия. Правда, мой новый сосед, поручик, придерживается другого мнения. Хотя он и старше меня, но одеколонится в день раз десять, крутится перед зеркалом и все обхаживает какую-то пани из Варшавы, которая, странно, имеет там мужа, что нисколько не мешает ей флиртовать здесь. Непонятная фантасмагория происходит на нашей грешной земле. Так-то семейное счастье (в котором мы уверены авансом) выглядит на самом деле, черно, если ежедневно все более и более к нему присматриваться.

В газете «*Dziennik Zachodni*» [«Новости Запада»] по-прежнему печатают матримониальные объявления, вроде:

1. Одинокий 50-летний, добрый, женится на милой, веселой девушке. Обращаться под номером «4521».

2. Молодая, красивая, компанейская, 20 лет, желает познакомиться с матримониальной целью с господином с подобными качествами до 30 лет, с должностью. Серьезные предложения с фотографией направлять для «Лидка».

3. Который из господ от 30 лет до 44 захочет познакомиться с девушкой симпатичной, уравновешенной, собственная квартира, будущее возможно, цель матримониальная. Катовице, читатель под «Лидия». [Перевод с польского].

15 февраля.

Наконец-то и я получил телеграмму из Москвы. «Бунда Миколаю Военный санаторий Сленск Долны Кудова Здруй Судеты Письмо послала желаю отлично отдохнуть поправиться жди приезда крепко целую Тамара». Был безгранично рад этой весточке.

Ночью удалось дозвониться в Краков. Бялек, солдат оставшийся у меня дома, сказал, что Гуня уехал на учебу: теперь нас в отделе еще уменьшилось. Живецкого вообще не стоит брать в расчет: он — ни рыба, ни мясо.

Советские биологи открыли в овощах наличие лечебных веществ — фитонцидов, которые, подобно пенициллину, убивают все возможные микробы, тем самым помогая нашему организму бороться с болезнями. Наибольшее количество фитонцидов имеется в чесноке, затем — в луке, сахарной свекле, хрене. Интересно, что во время мора в 1612 году люди натирались чесноком. В банке, наполненной парами чеснока, гибнут жабы: так сильно его действие. Достаточно пожевать лук 1–5 минут, чтобы рот очистить от микробов. Если ватой, смоченной соком лука, смазать нос, то это прекрасно лечит от насморка. Интересно!..

Идти ли сегодня в «Полонию» на танцы? Что-то нет охоты. Лучше напишу письма. Сегодня, *a propos*, послал письма в Москву и в Киев. Получили ли они мои самые первые письма? Я их вбросил просто в почтовый ящик.

Кудова-Здруй

16 февраля.

После завтрака была экскурсия. В большие санки впрягли огромных немецких лошадей (таких видел только у них!) и

прицепили несколько маленьких, на каких обычно ездят ребятишки. На весь этот транспорт уселись дяди и тети и поехали в деревню Червонку. Эти шесть-семь километров пути — дорога смеха. На *закрентах* [поворотах] люди, которых набралось полным-полнехонько, вылетали из санок, отряхивались от снега, догоняли под общий хохот уехавшие вперед сани. Это и называется — *кулиг* [санный поезд].

Цель нашей поездки — экскурсия в *шопку*. Так называется домик одного старого чеха под горой. В течение двадцати лет он вырезал из дерева замок со всеми прилегающими к нему вспомогательными зданиями, фигурки стародавних людей, ремесленников, охранников, апостолов, пришедших поклониться новорожденному Христу, овец и т. п. Самое интересное то, что, благодаря электричеству, деревянные звонари звонят, молотобойцы с остервенением куют, утки плавают, кукушка кукует, овцы медленно расхаживают на лугу...

Для детей вся эта премудрость представляет истинное удовольствие. Да и для взрослых тоже не безынтересно.

Старик играл на органах, тоже своей работы.

Я позвонил в Краков к генералу, узнать о состоянии его здоровья, но, к сожалению, его не оказалось дома.

Теперь в своей 40-й комнате я один, и скучно. Сегодня утречком выехал и летчик, последний раз *вытанчился на забаве* [натанцевался на вечеринке] и уехал. Целую ночь гулял, а ведь ему 38 лет, имеет жену.

Как водится, и здесь заместитель по политработе работает очень скверно. Разве нельзя вечерком в читальне организовать лекцию на какую-либо политическую тему. Здесь же не сильно больные люди. От нечего делать все равно сидят они в читальне, вот заодно и поучить бы их уму-разуму. Пригодилось бы.

Или, скажем, выпустить фотогазету, ознакомить людей с трехлетним планом восстановления Польши. Тем очень много, нужно только приложить руки.

Народ здесь располагает свободным временем, и, безусловно, пошел бы на такие интересные лекции, беседы.

Политработники не умеют здесь работать, это факт. Печальный факт. Один прусский король сказал в конце XVII века: «Если бы наши солдаты понимали, ради чего мы воюем, не удалось бы устроить ни одной войны». Старый король был не дурак. Правда, в Советском Союзе это не применимо.

«Мы можем воевать именно потому, что массы знают, за что они воюют, и хотят бороться, несмотря на неслыханные жертвы, потому что они знают, что приносят эти несказанно тяжелые жертвы, чтобы защитить свое социалистическое дело — в борьбе рядом с теми рабочими других стран, которые начинают понимать наше положение» (В. Ленин).

В газете «Польска Збройна» напечатано интересное сообщение о людских потерях на главнейших участках войны. Так, на каждую тысячу жителей утратили: Норвегия — 3 человек, Бельгия — 7, Англия — 8, Франция и Чехословакия — по 15, Голландия — 22, СССР — 40, Греция — 70, Югославия — 108, Польша — 220 человек. В абсолютных цифрах: Польша — 6 098 000 человек, СССР — около 7 000 000, Югославия — 1 706 000, Франция — 653 000, Греция — 558 000, Англия — 368 000, Чехословакия — 250 000, Голландия — 200 000, а США — 187 000 человек убитыми.

Итак, наибольший процент потерял народ польский.

Кудова-Здруй

18 февраля.

Познакомился с одним командором. Он не так давно был военно-морским атташе в Лондоне и Париже. Играем в шахматы, беседуем о всевозможных «заморских чудах». Интересное дело, командор — человек, видавший виды, но в политических вопросах он не весьма силен. Сказывается то, что польские *«пшедвоеннэ»* офицеры не вдавались в политику. Им хорошо материально жилось, и больше их ничего не волновало. Все остальное де трын-трава.

Мой новый сосед по комнате, флотский капитан, первую же ночь прогулял в городе, а утром сестра вызвала его к коменданту санатория на объяснения. Парень был удивлен:

— Я же не больной и не арестованный, чтобы сидеть здесь взаперти!..

Но ничего не поделаешь. В санатории, тем более военном, свои законы.

Сегодня все любители танцев огорчены: последняя карнавальная ночь. А завтра в 12 часов ночи на балу «повесят селедку», и наступит Великий пост. До самой Пасхи танцевать уже нельзя. Рестораны потеряют большой доход, любители танцев — возможность отличиться, а тоскующие кокетки — возможность выбрать себе женихов или просто ловеласов. Трудно!..

Движение поездов из-за морозов прекратилось, сегодня, например, не вышел состав на Катовицы. Американские паровозы не приспособлены к морозам и сдают. Вот тебе и хваленая Америка!.. У нас, небось, и не такие морозы, а наши русские паровозы ходят себе — и хоть бы что. Но все равно люди сделали из Америки идола и преклоняются ей. Не так ей, как ее презренному металлу, долларам.

Вечером смотрел фильм «Новое поколение». Надо отдать должное (с этим согласны, пожалуй, и все поляки): фильмы у нас в России могут делать лучше, чем фильмы английские или французские. Наши более содержательные. Правда, некоторые «знатоки» обижают наши фильмы в том, что де в них много... пропаганды. Они хотели бы, чтобы там были одни забавы, ухаживание за кокетками, зубоскальство, одним словом — беззаботное, веселое житье, ничегонеделание, приятное времяпровождение. Это отсталые, мещанские взгляды.

Кудова-Здруй

19 февраля.

Лечат меня совсем не от того, что надо. Желудок по-прежнему пошаливает. Прихожу к убеждению, что мне с ним еще будет много хлопот. Нарушились его нормальные функции, и никак не может он прийти к порядку. Выйдет так, что по приезду из санатория нужно сразу же идти в госпиталь. Анализ желудочного сока здесь произвести не могут.

Начальник выгнал из санатория поручика-летчика за моральное разложение. Так ему и надо, пускай не водит к себе в комнату баб. Да и она хороша тоже! *Закохаласе* [влюбилась]! Молодые офицеры в моральном отношении стоят чрезвычайно низко, падки на подлые вещи. Им нужно, как малым детям, растолковывать, что такое хорошо и что такое плохо. А растолковывать-то и некому. Политсостав малоопытный, состоит в подавляющем своем большинстве из людей, не имеющих жизненного опыта. Много воды уйдет, пока они наберутся ума. Да и от кого им его набираться? Но все равно, много есть людей, которые стоят высоко в моральном отношении. Это воспитывается, вырабатывается очень долгим и кропотливым трудом.

Беседовал с начальником санатория, выразил ему свое удовлетворение его твердой политикой по отношению к этаким разгильдяям, развратникам.

Мой сосед — политработник из Маринарки, т. е. с флота, но он никогда не читает, не занимается, только вырывает куда-нибудь на *спацер* [прогулка], на гулянье. Вот вам и воспитатель, политработник.

Низок моральный уровень и работников информации. Отсюда в их среде — тоже пьянство, разгул, отсутствие ответственности за работу. Это вынужден был, впрочем, признать и их начальник Итековский. Много ему придется поработать, чтобы навести порядок сначала в собственном доме, а затем и в войске.

22 февраля.

Количество процедур всяких увеличилось: беспокоит желудок. Сразу по приезде в Краков нужно будет заняться им всерьез. Боюсь, не было бы чего-нибудь серьезного, а то потом возись всю жизнь с ним. Желудок — важнейшая деталь, так же, как и сердце.

Кстати, сердце — наилучший мотор. Ударяет 100 000 раз в сутки, около 40 миллион раз в год. А за 70 лет жизни ударит около 3 миллиардов раз. При каждом ударе через сердце проходит около 0,1 литра крови, это значит: в течение минуты — 7 литров, в час — 400, в сутки — 10 000 литров. Сила одного удара сердца (сокращения мышцы) в состоянии поднять 1 фунт на 1 метр.

Вот и немного физиологии.

Каждый день играем с командором (по-нашему — капитан 1-го ранга) уйму партий в шахматы. Большинство из них выигрываю я, и это его немного злит. Причем у него это выходит очень оригинально. А вообще он — очень культурный, симпатичный моряк.

За эти дни еще некоторых наших курортников комендант санатория отправил домой, и все за любовные похождения. Интересно и смешно смотреть, как утром возле дверей коменданта дожидаются своей очереди «солидные пани», чтобы оправдаться перед ним за свое вчерашнее опоздание. О, женщины! Где ваша нравственность?

У кого она еще осталась? Не у этой же, что сегодня в газете «Dziennik Zachodni» объявляет:

«Культурная, образованная пани 47 лет, милой наружности на частной, независимой должности выйдет замуж за любого культурного пана не сегодняшних взглядов. Катовице. «Одинокая» [перевод с польского].

И этакий абсурд печатают. Она жаждет пана с *«недисейшими»*. А интересно, с какими же? Если с несовременными взглядами, то с реакционными, значит? Или вот дальше: *«Двое парней, брюнеты, 35 лет, на должностях, соблюдут уважение в целях матримониальных к девушкам до 30 лет»* [перевод с польского].

О, боже, боже! Что только бумага терпит!

25 февраля.

Завтра утром выезжаю домой. Сегодня последний день в Кудове. Снова начинается трудовая жизнь.

День Красной Армии праздновали в санатории. Начальник санатория у себя, в вилле Маршала, устроил небольшой прием. Пригласил меня, уполномоченного ЦК ВКП(б) в Войске Польском, полковника Римшу, полковников Раковского, Дубровского, Варкевича, Зайцева с женой и прокурора подполковника Карлинеда. В тесном кругу хорошо отпраздновали годовщину. Очень хороша вилла, прекрасно обставлена.

Вечером в санатории был дан общий ужин. Ясно одно: среди польских офицеров и передовой части общества есть уже люди, которые безусловно понимают огромную заслугу Красной Армии и искренне признают необходимость, жизненную потребность союза между Польшей и Россией. Это — большое достижение, т. к. раньше здесь годами культивировалась вражда и ненависть к русскому народу. Римша очень культурный и симпатичнейший человек. Вчера был у него вечером и беседовал о нашей будущности здесь. Ясно одно, что нужно готовиться к отъезду, остались считанные дни. Его сообщение о прекращении выплаты денег по аттестату меня крайне обескуражило и взволновало. Это совсем плохо. Можно согласиться с отменой переводов, но вот с отменой аттестатов — это нас, конечно, обидело.

Один артиллерист, подполковник, оказался отчаянный анекдотист. Сколько их помнит! Вот один:

В комнате доктора. Возмущенный доктор больному:

— Я вас два месяца лечу от желтухи, а вы не предупредили меня, что вы китаец.

Завтра выезжают очень многие. На всякий случай записал номер телефона.

Кудова-Здруй

1 марта.

Второй день уже в Кракове. Все же, несмотря на большой снег, а значит, на перспективу застрять где-нибудь в дороге, в тот день выехал в Краков — и не ошибся. Ночью добрался до Плашова, а оттуда машиной домой. Был страшный мороз. По бокам улиц — сугробы снега. Здесь вижу такое впервые.

Дома экономили уголь, и поэтому стоял холод. Получил одно письмо. Только одно! Тамара не очень-то балует меня письмами. Меня это чертовски злит. А Фаина Ильинична вообще не пишет. К чему бы это?

У нас сокращение. Меня, правда, оно пока не коснулось. Вообще, наш генерал сказал, что он запроектировал меня передвинуть на начальника разведотдела и настаивает, чтобы оставался здесь. До глубины был тронут его поистине отцовским вниманием ко мне. Хилинский, по всему видать, остается начальником штаба. Евченко выезжает в СССР. Предвидятся большие изменения и перемены. Насколько только они коснутся меня?

Был в госпитале на проверке желудка. Сделали анализ желудочного сока, а теперь в понедельник нужно идти на рентген. И нужно. Откладывать нечего.

Соседи, посетившие Янину Казимировну в госпитале, передали, что положение ее почти безнадежное, рак уже так распустился, что врачи не хотят больше оперировать. А жаль ее очень!.. Такая жизнерадостная, ко всем внимательная, хорошая. Дни ее сочтены. Так уходят люди из жизни!..

В Беспеченстве у Ольховского узнал подробности поимки «Огня». Так долго его ловили, он прослыл неуловимым. Но нитка оборвалась, и правосудие свершилось.

Снова надвинулись хозяйственные заботы. Дома ведь, кроме меня, некому этим заниматься. Доставал уголь, ездил к портному. Никогда, наверно, не выпутаюсь из этих хозяйственных забот.

Началась оттепель. Жуткое дело, что творится во дворе. Не ходим, а плаваем. Сегодня днем было только –2°С. Резкая перемена.

Жизнь в Кудове была куда спокойнее, питание лучше. Забот никаких. Еще бы так месяц, и можно поправиться. Одним словом, вошел во вкус. Увы, теперь это невозможно.

Краков

4 марта.

Чего только стоит наша жизнь после всего этого? Месяц сидел в санатории — и снова нужно ходить по госпиталям. В результате анализов и просвечиваний вывели диагноз: катар желудка. Доктор утешает тем, что могло быть и хуже! Он прав, конечно. Но для меня это весьма малое утешение. Особенно, учитывая большие трудности для холостяка при соблюдении предписанной диеты. (А я — холостяк при живой жене, так же, как Мара — вдова при живом муже.) Противопоказаны мне такие вещи, которые мы больше всего любим. Как можно, к примеру, жить без селедки или хрена, горчицы?

Сегодня — *Казимира* [именины], и наш генерал Венцковский именинник. Ему засвидетельствовали свои поздравления и сердечные пожелания. Старик был взволнован до глубины души.

Цены на все предметы снова взвинчены, растут. Что будет дальше? Исчисления скоро будут производиться астрономическими цифрами.

Тоскливо самому. Если раньше хотя бы было больше русских, то теперь большинство из них выехали. Тамара занята учебой. Вот она вместе с Фаиной Ильиничной ругают меня за недостаток чувств по отношению к Тамаре. А разве сам тот факт, что я после войны, после долгой разлуки и жизни в одиночестве снова обрек себя на это одиночество, но жду терпеливо, когда она закончит учебу,— разве это не говорит в мою пользу, не свидетельствует о моей бескорыстности?

Белецкий вызывал по телеграфу и просил устроить ему разрешение на поездку в Варшаву к больной дочери. Просился на один день, а я устроил ему поездку на шесть дней. Остался очень доволен и благодарил. И я тоже доволен, что смог ему хоть чем-нибудь ответить на его внимание в свое время ко мне. Долг платежом красен!

У нас в Кракове в 1913-м и 1914 году жили Владимир Ильич Ленин и Крупская. Летом они жили в деревушке Поронино, в 7 километрах от Закопане — курортного местечка. 8 августа 1914 года Владимир Ильич был арестован австрийской полицией и посажен в тюрьму в Новы-Тарге. В Поронино до сих пор живут зав. почтой Тадеуш Рядкевич, его жена Мечислава, крестьянин Станислав Дзюба, жена писателя Каспровича. Они лично знали Ленина.

Здесь же, в Поронино, накануне империалистической войны проходило так называемое Поронинское совещание членов ЦК РСДРП(б) и ответственных работников партии, на котором председательствовал Ленин.

Краков

14 марта.

Из Варшавы прислали документ: утверждение меня в должности начальника разведотдела. Радует ли это меня? Трудно сказать. Выходит, вроде, повышение. Больше возможностей и шансов на получение очередного звания. Ну, и вообще-то в разведотделе куда меньше этой нудной писанины, составления этих всевозможных приказов, распоряжений.

Тошнит просто от этой бумажной работы. Сейчас вот состоится командно-штабная игра по теме: «Организация проведения наступательной операции армии с форсированием реки». Готовили уйму документов. Прошлую ночь писал справку — доклад о группировке и характере действий полка перед фронтом 2-й армии.

Никогда прежде документов на такое большое подразделение не оформлял, и пришлось туговато.

Сегодняшнюю ночь предстоит посвятить составлению разведсводки. Полковник Евченко уже составил эти все документы, но Хилинский не дает их мне: хочет, чтобы сам я поработал. И он прав, конечно! Эти занятия (пока еще только подготовка) воочию убеждают, как много ты не знаешь, как жизненно необходимо «учиться, учиться и еще раз учиться». Надо сказать, что вопросами подготовки офицерского состава здесь всерьез еще никто не занимался и не занимается. Есть некоторые начинания, и только.

В Варшаве начался громкий процесс коменданта «обоза смерти» (Освенцим) оберштурмбанфюрера Хесса. Еще один палач человечества предстал перед судом справедливости.

Радиоприемник нужно уничтожить. Мешает работать. Так и зудят руки накручивать рычажки, полазить в эфире. И это в то время, как нужно работать. Полковник Скорняков дал на день свой блокнот, нужно оттуда переписать важные определения, таблицы. Учебников ведь нет, все нужно доставать из шпаргалок.

Краков

15 марта.

Несмотря на то что был теплый весенний день, никуда не ходил: все готовимся к предстоящей штабной игре.

Усиленно поговаривают о девальвации. Это было бы катастрофой. Даже те небольшие сбережения, которые имею, полетели бы вверх тормашками. Нужно купить такие вещи, которые при любых обстоятельствах не потеряли бы в цене.

Все больше и больше ругаю себя за излишнюю нервозность; не могу сосредоточиться на одном деле, а шарахаюсь от одного к другому. Нет необходимой выдержки и терпения. Надо больше играть в шахматы, там терпение тренируется.

От Тамары ничего нет. В голову даже лезут глупые мысли: не изменила ли она мне? Права Фаина Ильинична, что при такой любви « на расстоянии» все отношения, все понятия супружеской жизни теряются. Где же выход? Бросить все и возвращаться? Этого нельзя — во-первых, потому, что нужно Тамаре дать закончить спокойно институт, а, во-вторых, у меня здесь больше шансов продвинуться по службе, завоевать более-менее прочное жизненное положение. Ведь это тоже необходимое условие счастливой семейной жизни. Но ее молчание беспокоит и одновременно злит. Что случилось? Задаю часто этот вопрос моему задушевному собеседнику — бабушке, но она бессильна мне помочь или угадать причину.

Ждать!.. Единственное, что остается. Завтра пошлю телеграмму. Запрошу, что случилось.

Превратился в истопника. Вынужден сам заниматься топкой печей. Теперь научился это делать — и успешно. Тоже достижение!

Некоторые по своему недомыслию полагают, что офицерская служба — дело не есть сложное. А вот когда вникнешь во все детали, когда начинаешь работать над боевыми документами, видишь огромный объем, разносторонность этой работы, тонкости военного искусства... Большая, сложная, точная наука. Много нужно труда, чтобы вникнуть в ее тайны, постичь ее.

Краков

17 марта.

Сегодня начались занятия на командно-штабных учениях. Целый день был «прием на слух» (хорошо определил полковник Тимофей Снегирев), т. к. целый день шли лекции по авиации, артиллерии и инженерному делу. Это как бы вступление.

Освежили многое в памяти, а многое вообще узнали впервые. Например, я узнал о двойном и нарастающем огневом вале и т. д. Как хочется знать побольше! Хорошо тому, кто учится, скажем, в Академии! Завидую таким счастливчикам.

Из Ташкента возвратился из отпуска генерал Раткевич. Рассказывал о наших общих знакомых, которые после войны возвратились к старым местам и по-прежнему работают в штабе Туркестанского военного округа. Наш Иван Ефимович (незабываемый Иван Ефимович!) теперь — командующий округом. А ведь там когда-то он начинал свою службу командиром эскадрона. Вот это — рост! Но он и заслуживает! Впрочем, что далеко ходить за примером. Только-только звонил из Варшавы... Балтрукевич (или, по нашему прозвищу, Собакевич). Признаться, я был удивлен этому звонку. Так давно о человеке ничего не было слышно. Как всегда, острил и сообщил, что теперь он — начальник штаба 15-й дивизии в Ольштыне и уже подполковник. Далеко пойдет парень.

Вечером вместе с Иосифом Никитовичем Белецким и полковником Величко (оба — командиры дивизии) были в театре на комедии Мольера «Больной по внушению» [«Мнимый больной»]. Замечательная сатира. А главное — актуальная и по сей день. Будучи на месте врачей, я бы запротестовал против такого «разоблачения» их брата.

Вот где высмеивается порок многих людей, еще раз утверждается, что человек зол, что он сосуд дьявола, вместилище пороков. И что в этом основной виновник не он, сам человек, а среда, в которой он живет. «Природа создала человека счастливым и добрым, а общество его развратило и сделало несчастным» (Руссо). Зло сказывается не в человеке, а в обществе. Измените среду, и изменится человек, а не наоборот.

Это — важная проблема. Если не ошибаюсь, ей посвятил свои произведения Достоевский. Мысль о ценности человека и, наоборот, о вреде его среды занимала писателя-психолога.

26 марта.

За эти прошедшие дни у нас состоялась большая военная игра. Полковник Белецкий жил у меня. Выручил его с приказом: дал образец, и благодаря ему он кое-как справился с отдачей приказа. Я-то считал, что после учебы в Академии он стал «корифеем» воинских наук, но на занятиях этого совсем не было заметно.

Мне пришлось играть за начальника разведотдела армии. Как будто справился с этой ролью. А вообще-то приходилось трудновато.

С Белецким ходили в театры и на другие «зрелища». Он там в своем Саноке их не имеет, истосковался.

От Тамары получил письмо, полное нареканий на мою холодность и нежелание писать. Она хвалится тем, что позирует какому-то Сергею и получает от него цветы.

Где правда? Я написал восемь писем, а получил в ответ одно, и после этого меня же еще объезжают! Написал ответ довольно резкий, достойный ее письма ко мне. Пускай позлится!

Выехали три дня тому из Кракова в Жешув проводить курсы-сборы офицеров разведчиков. Четыре дня уже не был в Кракове. Звонила мне Крутович и сообщила весьма печальное известие: Янины Казимировны Мяновской уже нет на этом свете. Окончилась ее жизнь. Рак доконал ее. А хорошая, доброй души была женщина, справедливая и честная. Хорошие люди долго не живут! Так уж устроено в этом мире. Теперь остались мы с бабушкой одни.

Кадры офицеров-разведчиков весьма слабые. Пришли новые люди, не имеющие ни знаний, ни опыта. И ими никто не занимался до этого времени. Печально, но факт. Предстоит большая работа.

Жешув

28 марта.

Забыл написать — в Кракове ко мне заезжал Погоржельский. Тот самый, который был на фронте моим помощником. Помню, пришел к нам тогда на море. После войны долго о нем ничего не слыхал, а вот теперь он появился. Направили его в дивизию к Белецкому. Вспомнили с ним старую фронтовую жизнь, наиболее памятные эпизоды.

Случилось огромное горе. В Жешуве вместе с Венцковским был на инспекции 2-й вице-министр Обороны Народовой, один из старейших генералов в Польше, генерал-полковник Кароль Сверчевский. Обстоятельный человек, командовавший в 1936 году международной интернациональной бригадой в Испании. На совещании в дивизии он выступал, рассказывал о своих впечатлениях, привезенных из Франции, благодарил за службу с ним (он был командующим 2-й армии на фронте), и уехал

домой на инспекцию. А 28 марта из Беспеченства получили весть, что Сверчевский убит под Саноком. Не хотелось верить. Немедленно собрались и выехали в Санок. Здесь нам подтвердили, что все — правда. Едем в Леско и по дороге встречаем «додж» с генералом Венцковским и Белецким. Они везут прах генерала Сверчевского. В кабинете Белецкого уложили прах, покрыли флагами, поставили почетный караул. В соседней комнате — гробы убитых в этой же акции подпоручика и шофера.

Белецкий рассказал, как они выехали из Болигруда в Дисну. Сверчевскому говорили, что там ездить опасно, но старик хотел лично посмотреть, «как живут его солдаты на границе». В лесу попали в засаду бандеровцев. После 2,5-часового боя смогли выскочить, но Сверчевский, трижды раненный, умер. Так нелепо погиб человек, прошедший многие бои и фронты.

Что стоит после всего этого наша бренная жизнь?

Прилетела из Варшавы комиссия, проводят расследование. Но этим уже не поднимешь Сверчевского. Меня все время вызывают на телеграф. Краков требует все новых подробностей о происшествии в лесу. Отдал Хилинскому приказание о высылке истребителей и резерва. Так распорядился Венцковский.

Белецкий подавлен. Пережил много во время боя, неудобно ему, что убийство произошло в его районе. Но чем он виноват?

Целую ночь не спал. Разве можно спать в такую ночь...

Санок,
Жешувское воеводство

29 марта.

Из Санока выехали в 6 часов утра. Впереди нас едет «додж» с гробом Сверчевского. В Кросно печальный кортеж встречал народ. Оркестр играл траурные марши, выли сирены и гудки заводов, звонили колокола костелов. После короткого митинга поехали дальше. В селах, местечках то же самое. Народ прощался, провожал в последний путь своего генерала, тридцать лет отдавшего армии. В Жешуве встречала кортеж огромная процессия. *Бискуп* [епископ] отслужил молебен, и пошли на аэродром, где ожидал самолет в Варшаву. Так закончилась жизнь этого большого человека...

Курсы закончились, народ уже разъехался. Привел себя в порядок и думал собираться домой, но звонил генерал Ратке-

вич и предложил еще одно дело. Придется задержаться на пару дней. Нужно организовать мщение за Сверчевского. Все его страшно жалеют. Войско понесло непоправимую утрату.

Жешув

1 апреля.

Из долгих странствий возвратясь, дома застал письма. Зоя благодарит за посланные ей деньги (как жаль, что теперь уже больше нельзя послать), пишет, мол, лучше бы я их не посылал, т. к. отрываю от себя. Но это позерство. Зачем оно? Зачем этот фальшивый, неверно взятый тон?

Ну и, наконец, письмо от Тамары. Она расхваливает жизнь, вспоминает о «давно ушедшей молодости». Все письмо такое. Одни красивости. Изрядная доза густого эротизма. Вроде того, как у Натана Рыбака: «Она дышит, пьет трепещущими ноздрями воздух, как драгоценный эликсир вечной юности, а молодость уходит, исчезает за горизонтом, словно морской корабль, прячась за высокими гребнями беспокойных волн». Набор выспренних красивостей!

Имею много хлопот. Многочисленные, только теперь объявившиеся родственники Янины Казимировны осаждают нас в своей жажде захватить хоть что-нибудь из оставшегося «*маентка*» [имущества]. Во всем люди стараются сделать «интерес». Вышла же когда-то польская помещица Эвелина Ганская замуж за Оноре де Бальзака за несколько месяцев до его смерти (2 марта 1850 года). Я так полагаю — исключительно из-за посягательства на мировую славу и литературное наследство крупнейшего романиста. Интерес во всем!

Начальство выехало в Варшаву на похороны Сверчевского. А у нас сегодня в кинотеатре была *урочиста жалобна академия* [торжественное траурное заседание]. Говорили о жизненном пути и заслугах генерала.

3 апреля.

И что это ко мне всякие болезни прицепились! Снова дает знать себя прошедший плеврит. Катар желудка — тоже, видимо, следствие нарушения диеты за время пребывания в командировке — расшалился. Этак можно долго и не протянуть.

Сегодня послал письмо Тамаре. На почте не хотели принимать в запечатанном виде. Тоже свои порядки.

Завтра с Хилинским летим в Санок. Все по тому же самому вопросу, связанному с убийством генерала Сверчевского. На пасхальные праздники буду у Белецкого. А в прошлом году праздновали их в Федорках, у отца. Когда теперь попаду к нему в отпуск?

Убийственно скучно одному. Вечерами некуда себя деть. Одиночество...

Печальна участь одинокого,
А нелюдимого — вдвойне,
Во время странствия далекого,
В дни испытаний,
На войне.
Как без любви и дружбы жить!?

Краков

5 апреля.

С Хилинским вчера вылетели в Жешув. Там пробыли несколько часов, а затем полетели в Кросно. Нужно нам в Санок, но там на аэродроме узкая полоса, и при сильном ветре рискованно совершать посадку. Поэтому сели в Кросно, а затем поехали машинами в Санок. По дороге к нам еще присоединились вице-министр Беспеченства, Герой Советского Союза, герой боев под с. Ленино в Белоруссии полковник Юлиуш Хибнер (Гюбнер).

Поздним вечером приехали в Санок, и сразу же у Белецкого состоялось совещание, на котором обсуждались вопросы приемов и методов борьбы с бандами УПА. Эти банды разрослись, приняли организованные формы, и пренебрегать ими нельзя.

Ознакомился во 2-м отделе с захваченными у бандитов документами и убедился, что они (банды) имеют общее руководство, имеют свои уставы, проходят боевую подготовку и представляют серьезную опасность. Поддерживаемые населением, они используют труднодоступную горно-лесистую местность и потому трудно уязвимы.

Иосиф Никитович нервничает. Его измотали всевозможные бесчисленные комиссии. Теперь даже не так заметен его обычный гусарский налет, погоня за подхалимажем. Он даже допускает резкость по отношению к начальству — неслыханная доселе вещь. Вывели человека из себя. Ах, эти комиссии!

Санок

6 апреля.

Сегодня Пасха. Праздник. В штабе все работают. Такова наша военная доля, таков наш труд. Да и скучно праздновать праздники вдали от родных, на чужой стороне. Даже бабушка моя осталась в Кракове.

Идет дождь!.. Погода испортилась, ветер хлещет. Жильцы этого небольшого захолустного городишка позакрывались в домах и предаются празднованию. Видимо, едят куличи, пьют вина.

С Евченко ходили на братское русское кладбище. Оно в центре города, среди красивых деревьев. Здесь скромные памятники с русскими надписями. Вот похоронен полковник, вот Герой Советского Союза, а вот в сторонке — подполковник Раевский, погибший здесь от пули бандеровцев. Молча стояли мы и как будто слышали: «Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!» Вспомнил, как последний раз в прошлом году, в эту же пору, был здесь в штабе, разговаривал с Раевским, а теперь вот стою у его могилы, и скорбь разъедает душу...

Но не надо горевать. Когда на фронте хоронили боевых товарищей и звучал последний салют, скорбь звала в бой, печаль приподымала дух. Когда скорбят о гибели храбрых, не должно быть места малодушию.

Сегодня наши выехали обратно. За мной завтра пришлют самолет. Уже хочется домой. Знаю, что и там нет ничего радостного, но все-таки тянет к насиженному месту.

Белецкий доволен тем, что наконец-то уехали комиссии. Надолго ли только?

Надо отдать должное — офицеры штаба много и тяжело работают. Условия у них здесь трудные. Обстановка равносильна фронтовой. С этим нельзя не согласиться. Вечерами — скука, и, если не работать, то буквально некуда деть себя. Один-единственный кинотеатр, в котором целую неделю вертят один и тот же фильм. Вот она, провинция, Пошехония.

Санок

8 апреля.

Вчера целый день потратил на переезд. Утром летчик мой покрутился, но садиться в Саноке не решился. Пришлось мне под дождем ехать в Кросно. С большим трудом, при сильном ветре продрались мы через горы в Жешув. Там долго ожидали

разрешения на дополнительный бензин. И только в 4.30 вылетели в Краков. Нам советовали не лететь, т. к. был сильный ветер. Но все же рискнули. И дорогой я раскаивался. Порывы ветра бросали «кукурузник» из стороны в сторону, как легкую щепку. Но везение нам не изменило, и вечером благополучно сели в Кракове.

Не всегда можно рисковать, теперь при ветре больше не соглашусь летать. Нельзя часто испытывать судьбу.

Дома все благополучно. Бабушка заскучала. Хилинский предложил мне снова ехать в Санок, теперь уже на более продолжительный срок. Что ж поделаешь, ехать так ехать. Служба.

Днем ругался за то, что мало интересуются снабжением дивизии. Из кабинетов в Кракове трудно увидеть все нужды и запросы в Саноке.

От Тамары и Фаины Ильиничны получил письма. Последняя снова жалуется на материальные трудности и просит денег. А где я их возьму? Пускай сокращают расходы и «по одежке протягивают ножки». Теперь бессилен чем-либо им помочь. Трудно! Всем теперь трудно.

Краков

9 апреля.

Сегодня должен был выезжать, но понадобилось еще остаться на день. Нужно сходить к врачу — мой катар желудка не унимается, и перед отъездом необходимо запастись лекарствами. Хоть Фаина Ильинична и пишет, что после случая с Малиновским не доверяет нашим врачам, но это, конечно, нападки. Так нельзя огульно охаивать наших медиков. Есть среди них и порядочные люди, знатоки своего дела. А насчет Малиновского — то виноват ли он? Кто его знает. Трудно сейчас об этом судить.

В солдатских разговорах подчас много юмора. В «Огоньке» очень метко приводятся некоторые из солдатских разговоров. Например:

«Когда весь фронт состоит из отдельных мест и каждое место надлежит кому ни на есть захватить, а начальство прикажет, то на своем месте стой — и ни с места! Потому так и называется: бой местного значения».

А вот интересный афоризм:

«Каждый день следует прослушать хоть одну песенку, посмотреть на хорошую картину и, если возможно, прочитать хоть какое-нибудь мудрое изречение» (Гёте).

«Изучай разум и мысли мудрых. Смотри, чего они избегают и к чему стремятся» (Марк Аврелий. «К самому себе»).

«Часто слышишь, что молодежь говорит: я не хочу жить чужим умом, я сам обдумаю. Это совершенно справедливо — мысль своя и правильная дороже всех чужих мыслей. Но зачем же тебе обдумывать обдуманное? Бери готовое и иди дальше. В том, что можно пользоваться чужими мыслями и идти дальше,— сила человечества» (Л. Н. Толстой. «На каждый день»).

Краков

9 апреля.

Хотел было закончить записи этого дня, но захотелось еще дописать.

Итак, снова об афоризмах.

«Мысли — это почки, слова — цветы, питательный плод — лишь в толковом деле» (Гёте).

«Поговорки и пословицы, сохранившиеся в древних памятниках, суть не иное что, как лучшие, избраннейшие отрывки речи наших предков» (Ф. И. Буслаев).

Евченко в Жешуве проводит сборы разведчиков. Это нужное дело. В мирное время нужно совершенствовать искусство войсковой разведки. Главное здесь, как и во всей системе боевой подготовки войск, состоит в том, чтобы учить разведчиков тому, что необходимо на войне. Именно боем, самыми решительными, активными действиями добиваются наиболее полные и достоверные сведения о противнике.

Почетная служба разведчика является, вместе с тем, одной из самых тяжелых и сложных. Разведчик часто вынужден действовать в полном отрыве от своей группы или подразделения, самостоятельно принимать смелые решения и настойчиво проводить их в жизнь.

Разведка — глаза и уши армии, она обеспечивает командиру принятие правильного решения на организацию и ведение боя.

Снова был у своего врача. Он констатировал, что катар попрежнему остается, снова нужно соблюдать диету и пить лекарство. Запасся рецептом. В Саноке придется «доделывать» повторную порцию.

Пригласил врача с женой на сегодняшний спектакль («Фауст») в театр имени Ю. Словацкого. Генерал дал места в своей ложе.

Для меня генерал делает очень многое, век ему буду благодарен за его заботу и чуткое отношение ко мне. Сегодня он расспрашивал о здоровье Тамары, посоветовал привезти ее сюда обязательно, обещал послать ее в санаторий в Закопане. Замечательнейший старик. И не только лишь потому, что он так хорошо относится ко мне, а вообще, во всех отношениях. А жешувские подлецы хотели подложить ему свинью. Предупредил его об этом. Он крайне был возмущен. Так уж на свете заведено, что подлецов больше, чем честных людей.

Командировочное предписание выписал для себя на 12 дней, но Михаил Платонович Хилинский переправил конечную дату на 29 апреля. Это значит, что в Саноке придется быть до майских праздников.

Я даже доволен. Там ведь живое дело, — армия, а не канцелярское бумагокоптение. Там – жизнь, войска, люди. Это куда интереснее, чем сидеть в штабе.

Завтра выезжаю.

Как со званием? Мне кажется, что Хилинский не очень-то хочет давать распоряжение об оформлении. Почему так? В других отделах начальники стараются продвигать своих людей, а вот он в этом отношении — скряга. Это давно заметил, так было во многих случаях.

Для дивизии Белецкого многие хозяйственные требования удовлетворены. Нажали здесь на своих снабженцев. Так и должно. Без материального обеспечения трудно что-либо сделать.

Краков

10 апреля.

Вчера был на «Фаусте». Исполнение весьма посредственное. Один только Мефистофель хорош. Но и то для Кракова — достижение. Ведь опера здесь только-только организовалась. Еще младенец.

Заходила жена Дзоги. Она еще не утратила надежды на то, что он пришлет ей вызов в Россию. Зачем она ему нужна там? Он, видимо, очень рад тому, что вырвался от нее. А вообще-то он — парень несамостоятельный. Зачем ей было крутить голову?

Моя «цыпочка» не звонила. Видимо, еще не приехала из *«свентечней»* [праздничной] поездки. Жаль, что не увижу ее перед своим отъездом.

Сегодня собираюсь в дорогу дальнюю-дальнюю.

Кончаю шестнадцатую тетрадь дневника. Суждено было его закончить в Кракове. В Саноке начну новую, а вот где ее закончу? Плохо, что человек не может знать своего будущего. Очень скверно!

Буду надеяться, что и очередную тетрадь дневника закончу благополучно. Моя фортуна не изменит!

Краков, Польша

Тетрадь XVII

**Начата
в апреле 1947 года
в г. Саноке,
Жешувское воеводство,
Польша**

25 апреля.

События идут своим чередом!..

Вот уже скоро месяц, как живу в Саноке. Теперь здесь происходят большие дела. После убийства генерала Сверчевского возле Болигруда правительство предприняло решительные меры, чтобы навести здесь порядок.

Сначала я побывал здесь как представитель командующего при Белецком. Затем, видя, что надвигаются мероприятия более широкого масштаба, выехал с Ильницким за инструментами в Краков. Там побыл несколько часов, т. к. пришлось ехать на аэродром, а откуда «дугласом» — снова в Санок.

Создана оперативная группа «Висла» во главе с генералом Моссором, в задачу которой входит ликвидация банд УПА и выселение украинского населения из Ряшевского воеводства. Нам дали много сил и средств для выполнения этой задачи.

Санок превратился в большой город: так увеличилось здесь движение. Работы чертовски много. Несколько ночей спали по нескольку считанных часов. Фронтовая обстановка!.. Часто в разъездах, в движении. Белецкий выехал в другое место — его передислоцировали.

Стоят прекрасные летние дни. Очень жаль, что они проходят здесь, в Саноке. Неужели так, в оперативной группе, пройдут лучшие месяцы? Похоже на это.

В прошлом году в эту пору был в отпуске, жил у отца на Украине, мечтал о скором приезде в Москву. А теперь? Впрочем, мечтать и теперь можно.

В Кракове получил от Тамары два письма. Одно такое, каких уже давно не получал. Хорошее, настоящее «семейное». И до сего времени не было времени написать ответ.

Только вчера послал телеграмму. Вот уж она будет обижаться за мое молчание.

С Краковом теперь мало связан. Только вчера удалось «вызвонить» бабушку и узнать, что дома благополучие.

Санок

27 апреля.

Вчера пришлось мне выступать в роли дипломата. Утром бронедрезиной (сопровождаемой бронепоездом) с делегацией выехали в Команьчу, оттуда автомашинами до Радошице и дальше — на границу. Был ясный солнечный день. Из-за поезда, в котором должны были привезти водку, задержались и опоздали на несколько минут. Пришлось мне позже извиняться и свалить все на дефект машин.

Подъезжая к пограничному столбу в лесу, издалека увидели на дороге кавалькаду машин и большую группу людей. Чехи ожидали нас. Их делегация «ослепила» нас золотом своих парадных мундиров. С чешской стороны были генерал (как впоследствии узнали, Петко), два полковника, три майора и много младших офицеров. Они ожидали, что с нашей стороны приедет вице-министр.

Сначала нам стало не по себе. Но обратно не поедешь! Пришлось браться за переговоры и не ударить лицом в грязь. На чешской стороне были расстелены на земле покрывала. По приглашению генерала уселись по-полевому, и я изложил ситуацию на нашем участке, одновременно предъявив ряд требований к ним. Они сводились к необходимости усиления охраны границы; договорились еще по ряду вопросов, связанных с тем, чтобы во время наших операций по борьбе с бандитами чехи как можно эффективнее воспрепятствовали их удиранию на свою территорию.

Беседа протекала в дружественной обстановке, и мы достигли согласованности по целому ряду кардинальных вопросов. Должен признаться, что в конце переговоров — куда и девалось наше первоначальное смущение!

Чешская делегация была очень внимательна к нам. Разговаривали на русском, польском и чешском языках. Понимали друг друга вполне.

После официальной части генерал предложил убрать карту и присесть к импровизированному столу, что и незамедлительно было сделано, кажется, к великому всеобщему удоволь-

ствию. Пили за польско-чешскую дружбу, за славянский народ, за генерала. Они нас угощали чешской водкой, сыром и колбасой, мы их — польскими питием и закуской...

Должен признать, что вторая часть нашей встречи протекала куда оживленнее и, я бы сказал, интереснее.

В чехах мне понравились простота, славянское хлебосольство, искренность и некоторая наивность, подчас граничащая даже с ребячеством. Подкупающая простота явно говорила в их пользу. Не ручаюсь, конечно, что это искренне.

Тем более, что они несколько раз обещали плотно закрыть границу, но, как нам известно, практически этого не сделали.

Вечером вернулись в Санок. Расспросам не было конца. Нас произвели в ранг «дипломатических посланников». Результаты переговоров доложили генералу Моссору, он остался доволен. Свою миссию мы выполнили.

1 мая.

Началось массовое выселение украинцев. Как водится, в первый день много напутали, натворили неразберихи. В 8-й дивизии на сборных пунктах сосредоточили огромное количество людей, не подумав о том, как всех обеспечить ж.-д. транспортом. Переселенцев много, а подвижного состава мало. Нужно находить выход.

Генерал снова послал меня в 8-ю дивизию. Целыми днями ездим с Белецким по сборным пунктам, ругаем головотяпов, принимаем меры, чтобы разумно, по-людски подходили комиссии к тому, чтобы разрешить оставить здесь некоторую часть населения.

Трудности усугубляются слабой подготовкой, низкой культурой работников беспеченства. Разве может правильно разобраться в зачастую весьма перепутанной родственной ситуации многих семейств молодой человек, не имеющий ни жизненного, ни профессионального опыта? Судьба многих людей часто решается необдуманно, поверхностно. Это — трагедия!..

Солдаты 10-го полка в одной из деревень под колодцем обнаружили бандеровский бункер. После короткого сопротивления бандиты, находившиеся там, подорвали себя. Найдено много ценных документов. В одном из них описано убийство генерала Сверчевского. Теперь ясно, что убили его бандиты из сотни Хория и Стаха. Сейчас, после выселения украинцев, экономическая база бандеровцев уходит из-под их ног. Сейчас они

рыщут по лесам, прячутся от войск. Сегодня днем в Леско состоялась первомайская демонстрация, организованная местным комитетом ППР. На улицах флаги.

Сегодня ровно год, как я был в Москве. Первомай в этом году встречаю в далеком уголке Польши, на ее «задворках», в так называемом «аппендиците». (Этот район на карте имеет форму отростка.)

Вечером был в глухой, затерянной в горах станции Залуж. Станция разрушена до того, что нет даже дежурного. В единственном уцелевшем домике, занятом теперь комендантом загрузочного пункта и работниками ПУР (оформляют документы на переселенцев), собралось уйма народу. Машина моя, наш ГАЗ-67, сломалась, и я должен был задержаться здесь в ожидании другой машины. Лес. Теплая, лунная ночь. Кое-где разожгли костры. По шоссе изредка проезжают огромные автомашины и снова теряются в горах и в темноте ночи.

На террасе собрались девушки (канцеляристки) и мы с работником ПУРа. Рассказываем анекдоты. В полночь за мной пришла машина, и я поехал в Леско.

Леско-
над-Саном

5 мая.

Эти дни прошли в разъездах, с одного *заладовчего* [погрузочного] пункта на другой. Очень много кругом беспорядка. И все из-за того, что каждый хочет только командовать из кабинета, а не заниматься черновой практической работой. Ругаюсь, подстегиваю людей, нажимаю, как только можно, но, видимо, стоит уехать, и снова все идет по старинке. Деловые качества, чувство глубокой ответственности воспитываются у людей не за день, не за два.

Приехал из отпуска Погоржельский, но его отзывают в другой полк. Белецкий не соглашается с этим и просит позвонить генералу Венцковскому, разрешить ситуацию. Звонил, но генерала не было дома. Наши персональщики плохо разбираются в делах, формалисты, которые дальше буквы закона не идут.

На днях должны всем штабом переехать в Жешув. Нас выделили в «квартирьерскую» комиссию и послали подготовить площадку для переезда. Несмотря на май, было страшно холодно, и дорогой промерз. Вот так и май, последний месяц весны!

В Жешуве с подполковником Фликерским объехали все дома, предлагаемые под штаб, и составили приблизительный проект размещения. Под штаб наметили штаб местной дивизии. Местное начальство, особенно капитан, сильно недовольны тем, что занимаем у них помещение. Кстати, этот капитан — этакий «парадный» офицер, который умно, толково не может решить ни одного вопроса. О, какое большое несчастье быть его подчиненным. А ведь есть же такие несчастливцы.

Несколько раз звонил домой в Краков. Отсюда это сравнительно легко сделать. Разговаривал также и с «пани» из бухгалтерии. Все расспрашивала, когда я вернусь в Краков. Ждет моего приезда.

Жешув

25 мая.

После Жешува — снова Санок. Снова бесконечные переезды из одного места в другое, бессонные ночи, контроли и проверки...

В конце первой фазы нашей деятельности генерал решил провести большую операцию с целью прочесывания большого лесного массива на юге от Болигруда.

Четыре дня и ночи лазили в горах и лесах в погоне за «Хорием» и «Стахом». В одном месте наткнулись на «Стаха», но бандеровцы, хорошо зная лес, ускользнули от преследования, потеряв только несколько человек убитыми и пленными. Жалкий вид представляют последние. Оборванные, изнуренные, слабо развитые, апатичные ко всему — таковы «рыцари Соборной Украины». На что они надеются? Какие имеют перед собой перспективы?

Все больше и больше в последних письмах бандеровцев, захватываемых нами в разное время, замечается моральное сломление, отчаяние, безнадежность. Особенно в низшем звене. Верхушка же, всякие там «краевые и надкраевые предводители» намерены сопротивляться до конца, не сдавать своих позиций. Впрочем, им ничего иного и не остается.

Приезжал партуполномоченный ЦК ВКП(б) полковник Римша, и у нас состоялось партийное собрание. Обсуждались вопросы авангардной роли коммунистов при выполнении боевых задач. Некоторые резонно замечали, что условия здесь хуже и сложнее, чем на войне. Товарищи обратили также внимание на недостаточную работу организации ППР на мобилизацию своих членов (у нас в оперативной группе «Висла»).

И, наконец, в пункте «Оргвопросы» разбирался вопрос о моральном облике... полковника Белецкого Иосифа Никитовича. Оказывается, тот факт, что он имел в России жену, но жил здесь с другой женщиной, получил широкую огласку, ну, ему и попало надлежащим образом. И поделом! Я не оправдываю его поведения.

А мне попало за то, что не знал ответа тов. Сталина на одно письмо. Читать-то я его читал, но забыл, а Римша как раз и спросил о нем. Вывод: нужно больше читать.

18 мая выехал в Жешув, а оттуда удалось выскочить на два дня в Краков. Послал Тамаре справку, заготовил еще некоторые свои дела — и снова в Жешув. Теперь уже штаб оперативной группы переехал сюда, и приступили к реализации второй фазы нашего оперативного плана: «Обработка северных районов Жешувского воеводства: повятов Перемышленского, Ярославского и Любачувского».

По приезду из Кракова сразу же получил задание и выехал в Перемышль и Бирчу. Ту самую, которая не раз упоминалась при мне в рассказах о бандеровцах. Это за Бирчу три раза шли жестокие бои между войском и бандеровцами. Бирча затеряна в лесах и горах, разрушена наполовину войной и бандеровцами. Важный узловой дорожный пункт, и поэтому мы ее сохраняем в своих руках.

Жешув

27 мая.

Снова в Саноке. Русские пограничники написали жалобу: якобы наши солдаты зашли в приграничный хутор и там набедокурили. Меня с комиссией послали на встречу с русскими пограничниками для урегулирования этого конфликта. Никогда не думал, что придется ехать на встречу с русскими в качестве... польского представителя.

Машиной из Жешува приехали в Санок. День был чудный, и дорога не наскучила. Сколько раз ездил этой дорогой! Изучил уже все повороты. К ним, к дороге, к мостам и даже к указателям дорожным тоже можно привыкнуть. И встречаться с ними, как с давнишними приятелями.

С пленными бандеровцами получается раскардаж: каждый (управление беспеченства, информация и войско) тащит их к себе. Тем самым вносится путаница и неразбериха, как вот получилось с документами, захваченными ВОПом. Нужно, что-

бы пленные концентрировались в разведотделах войсковых, а затем распределялись по *властивых* [соответствующих] инстанциях. Этим бы внесена была ясность и стройность.

Иосиф Никитович, как всегда, матушится. И, как всегда, безоговорочно воспринимает все замечания начальства. Никогда, даже когда это нужно, не возражает. Это плохо! Нужно иметь свое личное мнение и его отстаивать, если чувствуешь правоту свою. В его районах теперь стало сравнительно спокойно. Банды, по всей вероятности, передвинулись на запад, туда ближе к Новы-Сончу.

Кстати, слыхал от Хилинского, что там наши дела идут не весьма хорошо. Майор Шиманский из «ВБВ-Краков» не дает там результатов. Я давно был такого мнения, что ему не потянуть такого ответственного участка, не под силу ему.

Итак, завтра едем в Волковым, а оттуда — на границу.

Санок

27 мая.

Встал очень рано. Когда мне предстоит какая-либо работа, то не могу спать. Проверил, встали ли наши солдаты, подготовили ли шоферы машины, и в 6.30 уже был возле штаба. К 7.00 собрались все наши и выехали на границу.

Как и было условлено, за Леско нас ожидали представители дивизии КПВ. Свернули с большака и выехали в горы.

Ну, и дорога! Шоссе закончилось, пошла полевая. Наши машины с трудом преодолевают все эти закрутасы и подъемы. После тряски, миновав Среднюю Весь, Персеку и еще какие-то села с одинокими жителями (большинство выселено на Запад), добрались до Волковны. Здесь погранзастава. Село лежит над Саном, в лощине. Единственно приличный дом занят теперь под заставу. На высотках что-то вроде блиндажей для наблюдения. Отсюда хорошо просматривается вся околица. Над рекой стоит еще вилла «Янинка». Рассказывают, что здесь когда-то, в спокойные времена, было шумно, приезжали дачники. А сейчас пусто.

На бугорке под сенью деревьев обсуждали, как вести переговоры с пограничниками советскими. Начальник нашего погранотряда, который нас ожидал в Волковне, докладывает, что о пограничном инциденте 37.5 в районе хутора Облазы уже знают в Москве и в Варшаве. Дело принимает серьезный оборот.

Из Волковны едем к Облазам. Расстояние всего 12 километров, но каких убийственно трудных. Все время в горах и по бездорожью. Лес и лес!..

По этим дорогам, видимо, давно никто не ездил машинами. И жили же люди в такой глуши, оторванные от мира. В деревушках совершенно пусто, ни души. Вместо многих домов — пепелища: дома сожгли бандеровцы.

Вот и Райское. Остатки некогда большой деревни, на самом Сане, на самой границе. Шутим: вот когда-то жил себе хозяин и из окна дома наблюдал за заграницей. Пограничные столбы — и ни души.

Возле хутора Облазы (координаты 6006) на той стороне ждали нас советские пограничники. Дают нам коней, и мы с нашим начальником погранотряда вброд перебираемся на советскую сторону. Хотелось хоть одной ногой побывать на родной земле. Здороваемся и приглашаем русских — подполковника Дунина (начштаба погранотряда) и майора Овчаренко (комендант участка) на нашу сторону. Едем. На берегу, между каких-то заборов (дома сгорели), ведем переговоры. Я — переводчиком. Дунин плохо понимает по-польски, и мне нужно ему переводить.

«Переговоры велись в дружественной обстановке и при взаимопонимании с обеих сторон». Сначала русская сторона немножко нажимала, но потом подполковник Дунин понял, что и в наших интересах разрешить этот вопрос справедливо и разумно, и стал значительно сговорчивей.

Остановились на том, что нападение и ограбление хутора произвела украинская банда, а не войсковая часть и не группа наших солдат.

Сердечно распрощавшись, разъехались по своим пунктам. Где-то в Москве будет записано в сводках об этом пограничном *спотканю* [встрече], на котором был и я, как представитель Польского государства.

К ночи приехали в Санок. Остановились до утра.

Санок

1 июня.

Оказывается, уже окончился и май. Самый красивый! Просто не хочется верить, что так быстро отмахали этот месяц.

Впрочем, удивляться нечему: за эти дни ни на минуту не присел, все время в разъездах да в разъездах. Вот времени и не увидел. Хуже, чем в бою.

А разве у нас не бой? Разве у нас нет врага, разве не караулит нас смерть? Все это есть. И скорее бы закончилось.

Генерал Венцковский звонил нашему Моссору, просил его отпустить меня в район Криницы [известный санаторий]. Теперь там начали появляться банды. Вероятно, те, которых мы поперли из Санокского повята. В Кринице создали оперативную группу, назначили там уже двух командиров. Но ни у одного из них дело не идет. Вот и послали меня туда. А что я, бог что ли? Ловить бандитов — дело очень сложное и большое. Нужно время, хорошая подготовка, агентурные сведения. Их должны обеспечивать органы УП, но вся беда в том, что они-то работают в этом направлении слабо, а главное — не имеют своей агентуры в бандах.

Хотят меня назначить командиром группы. А что будет делать майор Шиманский? Как жить по-барски, оборудовать шикарные кабинеты, ездить в персональной машине — так это может он, а если руководить группой — так это должен я. Так не пойдет.

Вчера из Жешува приехал в Краков. Здесь нужно получить материалы, ознакомиться с ситуацией, а затем ехать в Криницу. На завтра генерал назначил совещание по вопросам криницких дел. Там окончательно договоримся о своих действиях.

В Кракове люди живут, «ни забот, ни горя не зная». Гуляют, отдыхают, пьянствуют по ресторанам. Не все, конечно, но большая часть. Хорошо, что наконец-то Польское правительство взялось за этих трутней — спекулянтов, барышников. Сейм принял ряд декретов о применении санкций и строгих мер по отношению к спекулянтам и *хандляжам* [торгашам]. Иначе они черт знает до чего бы подняли цены. Может быть, теперь хотя бы станет легче.

Попалась под руку книга с номерами телефонных абонентов на первой странице — выписал когда-то своих знакомых. А теперь вот некому позвонить. Почти все уже уехали. Осталось нас здесь очень и очень мало. И то, говорят, приехали представители Главного управления кадров Красной Армии — решают вопрос о нашем дальнейшем пребывании здесь. Вот-вот придется сматываться восвояси. Дождаться бы только присвоения очередного звания, а там можно и ехать. Дома у меня — тоска. Бабушка лежит, собирается умирать. Последний эпилептический приступ подкосил ее совсем, и она теперь еле-еле живет. Печальное зрелище. Страшно дожить до глубокой ста-

рости. Наглядно вижу. Где-то читал, что эпилепсия наносит ущерб нервным клеткам. Они разрушаются, не все, но многие, и не целиком, но в достаточно заметной степени.

Письма! Ох, эти письма. За мной большие долги. Тамаре не писал давно-давно. Не знаю даже, как теперь буду оправдывать такое долгое свое молчание. А после ее последнего письма обязательно нужно было ответить. Она пишет, между прочим:

«...И зря ты нападаешь на Сергея. И, вообще, зря считаешь, что я не должна была писать о нем. Я пишу тебе абсолютно искренне обо всем, что меня занимает, а с Сергеем мы — большие приятели. Почему бы мне не написать об этом в письмах к тебе? Искренность — одно из основных условий в отношениях между мужем и женой. Мало ли кто за мной ухаживает, ведь не стану же я во всех них влюбляться. Ты уже наверняка не сомневаешься в моих чувствах к тебе и, наверное, не думаешь, что я вышла замуж за тебя только для того, чтобы просто выйти замуж. Такие возможности у меня были, и не одна. А если я ждала тебя все эти долгие годы и жду теперь, значит, я верю в то, что ты — лучший из всех мужчин, с которыми мне приходилось и приходится встречаться. Но из этого не следует, что я должна сидеть взаперти и никого не видеть.

...Я же не подвергаю сомнению твою честность в этом отношении и верю, что ты не станешь доставлять мне неприятностей...

Ну, все равно, скоро кончится твоя холостяцкая жизнь! А насчет цветов — ты в корне не прав, это совсем не «мещанский предрассудок», выше которого нужно стоять. Внимание всякое, выражается ли оно в цветах, или красивых словах, или в простой хорошей заботе, одинаково приятно. И напрасно ты думаешь, что одно исключает другое. Всякому человеку приятно чувствовать, что его любят, и, чтобы доказать это, есть тысячи случаев ежедневно. Не следует ими пренебрегать; и то, что ты как-то назвал «телячьими нежностями»,— тоже очень хорошая и нужная вещь. Разве не делается сразу теплей на душе, когда, возвращаясь в скверную погоду домой, знаешь, что тебя ждут, что дома все приготовлено к твоему приходу, что тебя встретят лаской?

Как часто мне хотелось просто подойти к тебе, сесть рядом, о чем-нибудь спросить, но я всегда помнила, что тебе это может показаться «телячьими нежностями», и сдерживала себя, была с тобой холодней и суше, чем я могла бы быть, проявля-

ла меньше заботы, только потому что и ты был сух и никогда не старался стать ближе ко мне, узнать, чем я живу, что я думаю. И поэтому я часто не верила в твою любовь...

...Ты очень ошибаешься, считая, что все само собою разумеется; ничего никогда не разумеется само собою, тем более в отношениях между людьми. Да и, как мне кажется, очень приятно доставлять удовольствие любимому человеку...».

Молодец, хорошо написала письмо. Правильно она разбирается во всех этих тонких жизненных вопросах. Победа на ее стороне.

Краков

1 июля.

Прошел целый месяц. И какой богатый событиями. Теперь, пожалуй, и не соберешь все в памяти, чтобы восстановить на бумаге.

Долгое время был в оперативной группе «Криница», почти целую неделю потратил на «урегулирование» взаимоотношений с офицерами КБВ. Дело в том, что они привыкли к балагану и, когда я их начал подтягивать, полезли в бутылку, начали всякими способами оправдываться. Это стоило мне много нервов и волнений.

В самой Кринице был очень мало. Там делать нечего. Штаб перенесли в деревню Флоринку и оттуда рыскали в поисках банды «Романа».

Выезжал 13-го в Варшаву. В *Департаменте Персональном* дали разрешение на оформление визы для Тамары. Но генерал-майор Маслов выехал в Москву, и пришлось мне возвратиться восвояси.

Теперь уже поехал в Писничную: группа передислоцировалась туда. Жили на пограничной заставе возле реки Попрад, у самой границы с Чехословакией. И здесь 19, 20, 21-го и 22-го произошло самое интересное. Банда решила скрыться на чешской стороне, и мы с войсками стали ее преследовать.

Три дня жили на чехословацкой стороне, действовали совместно с чехословацкими военными. Полковник Нощак, штабс-капитан Бушта — замечательнейшие люди. Особенно симпатичен начальник штаба капитан Балаш. Он хорошо разговаривает по-русски. Мы звали его — Николай Михайлович. Дал свой адрес: г. Левице, Чехословакия, просил писать ему письма. Вот и заграничное знакомство!

Был там во многих деревнях: Мнишек, Каменка, Гранастов, Любомля и другие. С начальником погранзаставы были однажды километров на 40 в глубине Чехословакии. Народ живет в большом достатке, гостеприимен, прямолинеен, простодушен.

После окончания операции сердечно расстались с чехами и вечером вернулись на свою сторону.

Был снова в Кракове. Добился новой квартиры для себя, комфортабельной. Капитан Мутьев уехал в Россию, и я в его прежнюю квартиру. Много хлопот имел с мебелью, с приведением всего в порядок. Хорошо, что Бялик помогает.

Снова ездил в Варшаву. Маслова опять не оказалось на месте. Пришлось оформить бумаги у его заместителя. Это уже не то. Полуоформил и отослал в Москву. По моим расчетам, Тамара получит разрешение на визу 10–15 июля.

Снова отправился в Жешув. Когда только закончится эта группа «Висла»?

Жешув

14 июля.

Ай-ай! Который день собирался я браться за дневник, и все ничего не выходило.

По-прежнему все езжу. Одну неделю вообще выезжал каждую ночь. Просто выбился уже из сил. Из Жешува полетел в Люблин, оттуда в Варшаву, и из Варшавы – в Краков, далее снова в Жешув. Там получил новое задание: объехать воеводства Щецинское, Гданьское и Ольштынское и ознакомиться, как поселились и разместились выселенные наши украинцы. Сначала не особенно-то охотно узнал об этой новой миссии, но затем перспектива объехать неведомые доселе края показалась не такой уж плохой. Впрочем, моего мнения никто и не спрашивал.

Быстро собрался, увиделся со своим спутником, представителем Министерства беспеченства поручиком Янкуном – и уехали. В Кракове Бялику дал указания насчет оборудования квартиры – и сразу же на Щецинский поезд.

В Щецин приехали только через сутки. Оказалось, что дорога не такая уж и близкая. Начались хождения в дивизию, в Беспеченство, в ПУР, в рефераты всевозможные. А дальше – на машине утречком, по прекрасным немецким шоссе на Грайфенберг, на Кошалин и в Щецин. Уйма впечатлений, уйма встреч с людьми, разговоры, записи.

В Щецине были три дня. Это очень даже много. Заодно заварил дело с получением немецкой мебели. Это оказалось не так уж просто. Завтра едем в Гданьск.

Щецин

10 августа.

Пожалуй, трудно было бы восстановить все события прошлого месяца. Постараюсь, хотя бы в основном.

Из Щецина мы поездом поехали в Гданьск. Там после очередных *«ужендовых розмув»* [должностных разговоров] ночевали в дивизии и затем на следующий день неизменным «виллисом» поехали на Ольштын. Третье по счету воеводство. По дороге заезжали и бегло ознакомились с состоянием дел в повятах Мальборкском и Эльблонгском. Мальборк — старинный город с развалинами замка крестоносцев. Были также в одной гмине. Она интересна тем, что лежит среди болот. Здесь уровень земной поверхности ниже уровня моря. В Эльблонге ночевали. В *повятовым уженде беспеченства* [повятский отдел безопасности]— прекрасная вилла для приезжих, и мы, конечно, ей воспользовались.

Дальше поехали на Ольштын, оттуда вместе с начальником 3-го отдела ВУБП поехали в повят Оструду и в одну из гмин. Поездка на открытой автомашине через лес по прекрасной асфальтированной дороге, в компании симпатичного майора Вишневского и *вуйта* [сельское должностное лицо] (захватили его в Старославе) представляла истинное удовольствие. На ночь возвратились обратно в Ольштын, а затем поехали в Илаву. Это наш последний этап. Надоело уже ездить чертовски. Через Краков 23 июля вернулся в Жешув. Собрал уйму материалов. Ни одна бы комиссия не собрала столько. Генерал Моссор остался доволен результатами моей поездки. С майором Китой хорошо обработали материалы, так что мой доклад пошел во многие министерства, а мне генерал Моссор дал премию — 5000 злотых.

Очень жалею, что не было Тамары, а то бы я ее взял с собой. Она любит путешествовать (так сама писала). Больше такого случая не представится.

Дали мне на несколько дней отпуск, и снова поехал в Быдгощ. Там был у командующего Поморским округом генерала Раткевича. Живет он в прекрасной вилле. Вот это житуха!

Оттуда снова в Щецин. Там окончательно оформил покупку мебели. Раткевич прислал мне автомашину, и на следующий

день я снова поехал в Быдгощ. Там у Раткевича жил три дня, ровно столько понадобилось, чтобы оформить вагон для перевозки мебели.

Домой в Краков вернулся «после долгих странствий» 4 августа. Со дня на день жду Тамару. Даже крепко сержусь за то, что так долго не едет. Каждый день ходил на старую квартиру в надежде застать телеграмму из Москвы. Наконец, только вчера пришла она, долгожданная. Сегодня Тамара выезжает из Москвы. Рассчитал, что здесь должна быть в среду утром. В Перемышль на встречу поедет Юзик, у самого в связи с военной игрой нет времени. Будет обижаться, но что поделаешь! Это военные учения как раз некстати. Эти дни мы с Юзиком занимались приведением в порядок квартиры. И, надо признаться, оборудовали ее неплохо. Думаю, что Тамаре понравится. Не сравнить со старой квартирой. Уютно и хорошо.

Краков

11 августа.

Юзик только что уехал в Перемышль. Встречать Тамару. Сам не имею возможности: у нас будут учения. Начало 18-го. Осталось совсем мало дней. Плохо, что Тамара не приехала раньше, можно было бы поехать с ней в отпуск. А так нужно ждать конца занятий. Как они пройдут? Вот вопрос. Во всяком случае, нужно стараться, чтобы вышло как можно лучше. Страшно хочу, чтобы скорее шло время и скорее приезжала Тамара. Когда это счастье придет! Заждался его до боли. Вот будет праздник для меня!

А сейчас привожу в порядок помещение. Хочу, чтобы Тамаре было уютно и хорошо. Звонил в Перемышль к Гинальскому и просил побеспокоиться насчет ее устройства. Обещал сделать. Авось, все пройдет хорошо и благополучно. Надеюсь на свою судьбу и счастье. Авось, они не изменят.

Ворох чувств и переживаний!

Я бесконечно рад, что наконец-то будем вместе после такой долгой разлуки, после беспрерывного «холостяцтва».

Краков

12 августа.

Началась горячка. Сегодня из Варшавы привезли *заложене* [установки] к военной игре. Сразу же пошла подготовка. Осталось три дня до начала игры. У нас теперь, как в каком-

нибудь институте перед госэкзаменами. Приедет завтра Тамара, а я эти несколько дней буду от нее оторван, не смогу целиком посвятить ей время, уделить внимание за все прошедшие долгие годы.

Сейчас вот сижу и жду, как наэлектризованный, звонка из Перемышля. Условились с Бяликом, что, если не успеют на поезд, то будут ночевать в Перемышле, а мне вечером позвонят. Только что звонил Орлик, но из Перемышля ничего не слышно. Молчит телефон. Значит, выехали на ночь и завтра на рассвете будут здесь. А я утречком еду...

На военную игру приехали наши из Жешува. Командующий тоже говорил мне, что завтра садится дома за подготовку. Посоветовал взять ему себе в помощь Хилинского. Он крепко ориентируется во всех этих делах. Силен человек! Вот что значит — готовился в школе, учился. А вот у польских офицеров чувствуется недостаток подготовки. Видимо, раньше уровень подготовки был чрезвычайно низок.

Краков

13 августа.

Чуть свет приехала машина генерала, и мы поехали на станцию Плашов встречать Тамару. Но, увы! Горькое разочарование. Просмотрели два раза весь поезд от головы до хвоста, но ничего не высмотрели. Ни с чем пришлось возвращаться домой. Что случилось?

В штабе горячка. Особенно — у нас и в оперативном отделе. Готовили документы. У меня отдел не собрался все еще, соберу его только послезавтра. И останется еще два дня до начала игры. Сегодня у командующего предварительно обсуждали, где наносить главный удар. Решено — в центре. Следовательно, и мне нужно будет в основном на центральном участке спланировать все свои действия.

Вечером, когда пришел домой, получил телеграмму: «Десятого не получила билет выезжаю двенадцатого непременно подтверди ответа нет беспокоимся целуем мама Тамара».

Вот тебе и номер! К чему относится «непременно»? Хотя бы не вернулся обратно Бялик, а то получится вакханалия. Но в ней не я виновник. Что можно было еще сделать? Почему меня поздно поставили в известность, что так меняется ситуация? Впрочем, приедет из Перемышля сама. Что же еще сделаешь.

Краков

4 октября.

С чего начать? Самое верное — бегло восстановить наиболее важные события прошедших дней.

Итак, 16 августа она все же приехала. Дорогая Тамара. Встретил ее на маленькой станции за Краковом.

У нас с 19-го по 24-е проходили тактические занятия, которые проводил Генеральный штаб. Так что почти неделю даже дома не ночевал. Из игры вышел не очень-то хорошо. Чувствуется все-таки недостаток соответствующей академической подготовки. Не сколочен совершенно отдел. Пентек совершенно слаб и работает медленно, без огонька.

Начал подумывать об отпуске, тем более что Тамара соскучилась по Москве и все время подзуживала, подбивала меня к выезду. Генерал Венцковский согласился дать отпуск, и я получил его с 12 сентября до 28 октября.

С Тамарой вместе ездили в Варшаву за визами. Жили там у Балтрукевича. Визы оформили без труда, вернулись в Краков и начали собираться к выезду. Выехали из Кракова 16 сентября утром машиной до Перемышля, куда добрались поздним вечером. Отдыхали на квартире у Вигнанского и утречком 17-го переехали границу. Во Львове повезло, пересели с поезда на поезд. В Москву приехали 19 сентября днем. На Киевском вокзале встречала нас Фаина Ильинична.

Началась московская жизнь. Посещали театры, футбольные матчи. Решили ехать на курорт. Хотели, было, ехать вместе с Тамарой в Сочи, но туда невозможно достать путевку. Наконец, мне удалось достать для себя путевку в Ессентуки. То, что надо мне при моих «болестях». В посольстве военный атташе написал свое согласие на мой заезд в Ессентуки, в бюро обслуживания иностранцев достал билет на самолет Москва — Минеральные Воды, и утречком 29 сентября с аэродрома Быково наш самолет стартовал. В Сталинграде сделали посадку, заправились бензином и полетели дальше. С большим интересом рассматривал места недавних боев. Кругом следы войны. Последнее прости городу-герою — и мы летим на Кавказ. Вечером опустились в Минеральных Водах. Отсюда электричкой до Ессентуков. Заночевал в гостинице Курортного бюро. Утром машиной завезли меня в санаторий № 5.

Началась курортная жизнь. Каждый день посещаю источник, где пью ессентуки № 17, хожу на нарзанные и грязевые ванны и прочие процедуры. Очень хорошо, что поехал сюда.

Развлечений здесь не весьма много. Изредка у нас состоятся вечера самодеятельности, да в городском театре смотрел эстрадный концерт и «Модницу».

Живем в комнате № 10 вместе с подполковником войск МВД из Риги. Он очень компанейский человек, и мы с ним крепко подружились. Начались дожди, они отравляют все существование. Холодно. Осень дает знать.

Даже всего через несколько дней почувствовал, что крепко поправился. Говорят, что так хорошо действует водичка. Возможно, что так!

Сегодня — выходной. Не принимаем никаких процедур. Скучно!

Ессентуки,
Ставропольский край

7 октября.

Сегодня встали рано. Нас перевели в другую палату. Она значительно больше, но зато не на солнечной стороне, холодно в ней.

С самого утра начались процедуры, грязевые ванны. Облепят тебя какой-то черной-черной и липкой, как смола, грязью, и лежи в ней не шелохнувшись 15 минут. После нее начинает болеть сердце. Мой компаньон успокаивает, что сердце можно подправить нарзанными ваннами.

Одно лечишь — так другое, наоборот, расстраиваешь. Так-то получается. Вчера вечером после ужина у нас в санатории был кинофильм «Глинка». Нудный и длинный фильм. Познакомился с очень симпатичным полковником и его женой. Он — военный прокурор Одесского округа. В Ессентуках отдыхает много людей, и кого только нет здесь. Люди самых разнообразных профессий, национальностей и возрастов. Женщин интересных, между прочим, почти нет. Все какие-то толстые, весьма не элегантные. В Польше все-таки женщины куда интереснее.

На повторном медицинском освидетельствовании врачи признали, что у меня нет никакого катара желудка, кислотность, по анализам желудочного сока, тоже нормальная. Что-то неладное с печенью: видимо, результат ташкентского заболевания малярией.

Одним словом, что врач, то и диагноз. Главное, хорошо то, что количество болезней сокращается. Баба с возу — коням

легче. В Москву послал телеграмму, но ответа не получил. Перед своим отъездом немного повздорил с Тамарой. Вообще, она капризный человек. Неужели это начало нашего расхождения? Совсем, как в «Крейцеровой сонате».

Газеты пестрят важными сообщениями. С Америкой и Англией у нас явный разлад. Неужели снова война? Разве мало человечество исстрадалось, принесло жертв?!

Сегодня на редкость хороший день. Небо голубое-голубое, светит яркое кавказское солнце.

Хотелось ехать в Пятигорск, но уже поздно. Завтра нет процедур, вот и поеду. А сегодня надо написать письмо.

Ессентуки

12 октября.

В 1837 году М. Ю. Лермонтов писал из Пятигорска Лопухиной: «Я теперь на водах, пью и купаюсь, словом, веду жизнь настоящей утки».

Так мог написать и я. Каждый день — ванны. До конца пребывания здесь осталось мало времени: нужно торопиться с процедурами. Помогают ли они мне? Ей-богу, затрудняюсь сказать. Надо полагать, помогают или помогут. Заболеть легко, а вылечиться — куда сложнее.

Ездил в Пятигорск, место, связанное с последними днями жизни великого поэта Лермонтова. Был в домике-музее Лермонтова. В 1841 году, в пятый и последний свой приезд в Пятигорск, Лермонтов прожил в этом домике с 24 мая по день своей смерти — 15 июля. В домике было четыре комнаты. Две комнаты, выходящие окнами во двор, назывались столыпинскими (по фамилии занимавшего помещения офицера А. А. Столыпина), а комнаты, выходящие в сад,— лермонтовской половиной. Здесь поэт провел свои последние дни, сюда было привезено его тело после дуэли.

Наружность домика непривлекательная — одноэтажный, низенький. С правой стороны пристроены деревянные сени с небольшим, о двух ступенях, крылечком. Стены снаружи обмазаны глиной и выбелены известкой. Низкие, приземистые комнаты. Из мебели остались подлинные лермонтовские письменный стол и кресло. Вот за этим письменным столом написаны «Маскарад», «Казначейша», «Мцыри» и «Демон». За этим же столом созданы «Герой нашего времени» и масса стихотворений. Из подлинных вещей в музее имеется еще картина Лер-

монтова «Штурм Варшавы». Видел также и дом Верзилиных. На нем мемориальная доска с надписью: «Дом, в котором произошла преддуэльная ссора М. Ю. Лермонтова с Мартыновым». Здесь 13 июля 1841 года вечером в доме бывшего наказного атамана Кавказского казачьего войска генерала Верзилина поссорился Лермонтов с товарищем, что и привело его к гибели.

Она совсем рядом, гора Машук, у подножья которой прозвучал этот роковой выстрел, когда, как писал сам Лермонтов в стихах на смерть Пушкина, «Его убийца хладнокровно Навел удар ... спасенья нет»...

Не вернулся более поэт к своему любимому Кавказу, не сказал более:

Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой:
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили.
И долго мне мечталось с этих пор
Всё небо юга да утесы гор.
Прекрасен твой суровый край свободы.

Все лермонтовские места не удалось объездить. Думаю еще побывать в Кисловодске.

Дни стали холодными. Не хочется выходить на улицу. Дома тоже холодно (отопительный сезон еще не начался), и этот холод омрачает здешнее пребывание.

Что сейчас происходит в Кракове? Благополучно ли там все? Немного беспокоюсь. Беспокоит меня также отсутствие письма из Москвы. Ничего не пишут. Неужели это разрыв? Так скоро?.. Тамара не раз намекала, что в Краков она больше не вернется и что вторая, по ее выражению, «проба пера» тоже оказалась отрицательной. Шутила она или говорила искренне? Неужели снова одиночество? Приеду в Москву, и там все выяснится. Вчера уже взял билет на самолет. Осталось быть здесь еще ровно неделю.

Из Пятигорска послал телеграммы Венцковскому, Балтрукевичу, врачу и Хилинскому.

В санатории встретил даму из Ташкента. Разговорились с ней, и оказалось, что у нас много общих знакомых. Между прочим, она рассказала, что Сергеева (та, которая была директором нашей подшефной школы) теперь работает в ЦК партии, в отделе пропаганды. Что, если ей написать письмо? Ведь мы же с ней были почти друзьями. Ответит ли теперь она? Попробую.

Ессентуки

14 октября.

Сегодня я поспорил со своим лечащим врачом Норой Леонтьевной. Просил ее назначить мне еще несколько нарзанных ванн (темпы нужно ускорить: до отъезда осталось так мало времени), но она отказалась. «Вам,—- говорит,— нужен отдых от процедур». Зачем? Отдых будет дома!.. Но ничего не мог сделать. Авторитет врача! «С больными,— говорит,— мы не советуемся». По-моему, напрасно. Но вообще-то она неплохой человек.

С Михаилом из Риги (сожитель по комнате) играем в волейбол. Со стороны, вероятно, это очень оригинально выглядит: два «старпера» в пижамах гоняются по комнате за мячом!

Получил письмо и деньги от Фаины Ильиничны из Москвы. Она — молодец! Предприимчивая и хорошая женщина. Имеет огромный жизненный опыт. Все больше убеждаюсь в том, что ее советы правильные и дальновидные. К примеру, как хорошо, что она меня «спровоцировала» поехать в Ессентуки. А ведь я, дурак этакий, противился, не хотел ехать. А когда еще представится такая возможность?!

У источников встретил знакомого из Ташкента — заместителя редактора «Правда Востока» Черняка. Он мне рассказал, что Анатолий Стажило работает у них, что Лева Сигомов — директор областной газеты в Андижане. Сколько лет уже с ними не виделся! А ведь вместе работали в «Комсомольце Узбекистана».

Полковник, прокурор из Одессы, рассказал анекдот. Генерал с генеральшей сидели в театре на «Анне Карениной». Прослезившаяся генеральша просит мужа:

— Дорогой, вызовем после спектакля автора на сцену!

— Но Толстой умер!

— Нет, нет! Откуда тебе знать?

— Чудачка, так я же сам стоял у гроба в почетном карауле!

В общем, спутал Льва с Алексеем. Подумаешь, велика беда!

Вчера в театре-парке смотрел постановку Ростовского театра «Глубокие корни». Содержательная пьеса. Злободневная. Раскрывает дискриминацию негров в «цивилизованной» Америке, низость и подлость заокеанских янки.

С полковником-прокурором Павлом Константиновичем, его женой Галиной (тоже Константиновной) сдружились. Хорошие они люди. Нужно взять адрес и писать им письма.

Адрес Михаила Самойловича Зельвинского: Рига, Латвийская ССР, воинская часть 7515.

Трижды в день нужно ходить к источнику. Там целое паломничество. Собираются больные со всех многочисленных санаториев Ессентуков. Их здесь много. Ессентукская водичка очень знаменита. Целебные ее свойства велики. Только вот время не очень-то «сезонное», глубокая осень. Хорошо, надо полагать, здесь было летом, в теплынь.

Ессентуки

15 октября.

Сегодня «контрабандой» принял одну грязевую ванну. Помимо врача. Достал талончик — и принял девятую ванну. Отдыхать от процедур буду дома, а не здесь.

У многих в санатории отмечается какой-то своеобразный «спортивный азарт», старание принять наибольшее количество процедур. Это вполне объяснимо. Каждый думает: когда еще суждено снова приехать сюда?!

Вчера написал письмо Сергеевой и Стожило. Интересно, ответят ли. Некоторые (как Стебловцев, к примеру), видимо, не пишут из-за боязни быть обвиненными в «связях с заграницей». Чудачество, да и только! Чего же бояться, ведь теперь иные времена, иные и отношения. Так сказать, международная конъюнктура изменилась.

А все-таки уезжать отсюда не хочется. Только-только организм начал хорошо реагировать на все эти процедуры; теперь именно все бы максимально шло впрок... Но всему приходит конец, а тем более хорошему. Ведь его, этого самого хорошего, так мало. Мы с Михаилом ведем очень скромный образ жизни. Вот о нашем соседе, толстяке из Молотова, никак этого нельзя сказать. Целыми ночами он в бегах, покоряет ессентуковских дульциней.

Мне можно пробыть еще четыре дня, но тогда я не смогу заехать к отцу. Что же сделать? Вот дилемма! Все же лучше заехать к отцу. Жребий брошен!

Погода все еще держится. Солнечные дни. Счастье мне улыбается (как всегда). От Марышки получил из Москвы письмо. Оказывается, у них там был Белецкий. Ну, и хитер мужик! Где он только ни пристроится, везде найдет лазейку. И ко всему, как правильно пишет Тамара, очень ограниченный человек. Между тем, это не мешает ему быстро идти в гору, добиваться чинов и всего прочего, связанного с этим. Таковы факты.

Ессентуки

16 октября.

Снова день прошел в процедурах. Начал новую — тампоны. Про них здесь рассказывают чудеса. Хорошо действуют на какие-то там железы.

Вечером выехали из санатория наши друзья Павел и Галина Константиновичи Чебаненки. Дали мне свой адрес: Одесса, ул. Дерибасовская, 9, кв. 31. Обещали писать. Может быть, это только так, для приличия. Всегда ведь так при расставании.

Михаил встретил какую-то молотовчанку и начал за ней «погоню». Мятежная душа.

Вечером после ужина врач читала лекцию о лечебном питании. Оказывается, это обширная наука. Впервые, например, узнал, что печеночникам нельзя кушать шоколад, желток, жиры.

Но где и как можно соблюдать всю эту премудрость? Для этого нужны идеальные условия.

Если завтра удастся обменять билет, то нужно задержаться на пару дней еще. Необходимо принять еще несколько нарзанных ванн. Безусловно, нужны они мне.

А еще нужно готовиться к новой роли. Тамара забеременела. В мае стану отцом. Фаина Ильинична по каким-то особым, только ей известным, приметам даже предсказала, что должна быть девочка. Интересно — а ну, как это оправдается? Тогда начну верить в «бабские приметы». А какая ответственность теперь ложится на нас с Тамарой! Когда задумываюсь над этим, начинаю понимать всю серьезность новой своей роли. Обошлось бы только все благополучно. Вот одно, что тревожит меня крепко. Будем надеяться на фортуну и на счастье. Ну, и на врачей.

Ессентуки

18 октября.

Один курортник послал жене телеграмму с единственным словом: «Казбек». Жена долго не могла додуматься, что сие означает, но после догадалась, что нужно читать так: «Кончился аккредитив заложил брюки еду кальсонах». Как бы и у меня так не вышло.

Сегодня обменял билет на самолет с 20-го на 22-е. И, оказывается, за это с меня вычли 76 рублей. За что? Никак не могу понять. Понял только, что это — большое свинство.

Получил письмо от Фаины Ильиничны. Она в восторге (так, например, пишет) от перспективы стать бабушкой. А я?

Страшновато от одного осознания тех обязанностей, которые возникают. Пока еще только вырисовываются в воображении.

Нашему врачу Норе Леоновне Генжицян подарил цветы. От чистого сердца, в знак уважения и памяти. Вечером случайно услышал ее рассуждение по этому поводу с одним больным, и меня взяла оторопь.

Итак, остаюсь еще на два дня. Еще две нарзанные ванны, два гальванических воротника и два грязевых тампона. А еще — шесть стаканов воды «Ессентуки № 17».

Фаина Ильинична в своем сегодняшнем письме настаивает, чтобы я задержался еще на несколько дней. Она беспокоится о том, чтобы у будущего сына или дочери был здоровый папаша. Нет, эта забота прямо-таки трогательна!

Сегодня пошел дождь. Тоскливо становится от приближающейся осени, с ее бесконечной слякотью.

Итак, если верить врачам, Маришка забеременела в конце августа 1947 года. Отсюда и нужно строить все последующие расчеты. Впрочем, Фаина Ильинична, наверняка, высчитала все с точностью до одного дня!

Через полчаса с Мишей идем в театр, слушать исполнительницу старинных цыганских романсов Тамару Церетели. Помню, как ее впервые слышал еще в Ташкенте, в Узбекской филармонии. Давно это было, еще до Отечественной войны.

Ессентуки

20 октября.

Если бы полетел сегодня, то уже был бы в Москве и обнимал бы дорогую Марышеньку. Чертовски соскучился! Хочется скорее увидеться с ней, поговорить.

А день какой сегодня изумительный! Просто чудо. Ясный и теплый. Вот была бы такая погода 22-го, когда мне лететь нужно.

И, как не откладывай, а завтра последний здесь денек. Разъезжаемся во все стороны. Прошли золотые денечки!..

Сегодня в нарзанных ваннах встретил Рейзина. Поговорили с ним о Чернигове, вспомнили своих старых знакомых. Вчера смотрел «Баядерку». Музыка хороша, но исполнители — никуда. Убогие.

А Миша все придумывает новые болезни. По-моему, он страдает особой болезнью — так называемой психостенией, когда человек не может думать ни о чем, кроме своих заболеваний,

иногда действительных, иногда мнимых, и старается говорить о них со знакомыми и незнакомыми. Он посвящает много времени горьким думам о своих «болестях».

Среди врачей распространено выражение: «Веселые больные быстрее выздоравливают, чем мрачные». Какая-то доля истины в этом, конечно, есть. Ведь «веселость», т. е. хорошее, приподнятое настроение духа, связана с повышением тонуса работы всей коры головного мозга, а головной мозг с помощью условных рефлексов воздействует и на все низшие центры, регулирующие обмен веществ в организме, в том числе и на органы внутренней секреции.

Отцу нужно написать письмо с большим извинением за то, что не приеду к нему. Он будет, конечно, огорчен. Авось, еще удастся приехать иной раз. Не будем терять надежды.

В «Баядерке» мне понравилось, когда один из персонажей сравнил семейных людей (вернее, замужних) с пассажирами, едущими в купе. Их двое, но они все время ждут, что войдет кто-то третий. Такова-то супружеская верность.

Ессентуки

21 октября.

Последний день в Ессентуках. Только что обошел все процедурные кабинеты, остался только заключительный осмотр врача. И все! Прощайте, Минеральные Воды!

Для памяти. Знаменитый курортный район, известный под именем Кавказских Минеральных Вод, объединяет здравницы Кисловодска, Пятигорска, Железноводска и Ессентуков. Каждый из этих городов Северного Кавказа стал курортом мирового значения. Для отдыха и лечения сюда ежегодно прибывают тысячи курортников. Целебные свойства кавказских минеральных вод были известны очень давно. У многих источников сохранились остатки старинных сооружений для купанья. Этот замечательный район располагает исключительным богатством и разнообразием целебных вод. В районе сосредоточены бурлящие воды кисловодского Нарзана, горячие ключи Пятигорска и Железноводска, соляно-щелочная вода Ессентуков. Тут же — Баталинский источник с его горькой водой, серно-щелочный Кумагорский ключ и Тамбуканское озеро — богатейший резервуар лечебной грязи.

Редчайшие достоинства бальнеологического курорта и горно-климатической станции сочетает Кисловодск, расположенный на высоте 813—950 метров над уровнем моря.

Город построен в глубокой горной долине. Он окружен безлесными горами, защищающими его зимой от северных и восточных ветров. В зимние месяцы по числу часов солнечного сияния Кисловодск считается одним из первых в мире, превосходящим даже известный курорт Давос в Альпах. Город славится своими парками. Здесь восстановлены великолепные здания нарзанных ванн, разрушенные немецкими оккупантами.

Большие восстановительные работы произведены и в Пятигорске. Имя городу дала гора Бештау, возвышающаяся в центре курортного района. «Бештау» в переводе на русский означает «Пять гор». Пятигорск — живописный город с дачами и санаториями.

В 15 километрах от Пятигорска на высоте 6 603 метра находятся наши Ессентуки. Город получил название от реки Ессентук, на берегу которой 100 лет назад был построен редут, охранявший южные границы России, и основана казачья станица. После освобождения от немцев город перепланирован.

Живописная железнодорожная ветка ведет в Железноводск. Окружающие ее горы покрыты густыми лиственными лесами, придающими городу особое очарование.

Из городов-курортов можно совершить десять экскурсий. Например, посетить Лермонтовскую скалу, дорога к которой идет берегом реки Ольховки. Интересен путь к Храму воздуха. Шестикилометровая дорога пролегает в Замку Коварства и Любви.

Многие места Пятигорска связаны с памятью Лермонтова. Между Минеральными Водами и Кисловодском курсируют электрические поезда. На Москву, Ленинград, Киев, Свердловск, Ростов-на-Дону, Сталино, Сталинград, Куйбышев, Воронеж и Курск каждый день с площадки Минеральные Воды стартуют многоместные комфортабельные самолеты.

С ужасом наблюдаю за погодой. Она совсем испортилась. Как бы завтра удалось вылететь. Сегодня вечером уезжаю в Минеральные Воды. Последний день в Ессентуках.

Ессентуки

1 ноября.

Итак, все по порядку. 22-го утречком распростился с Ессентуками. Электричкой доехал до Минеральных Вод. Дорогой все прикидывал: улетим — не улетим? Никто не мог ответить на этот вопрос и на аэродроме. Погода изменчива. Шел дождь,

небо заволокло тучами. Наконец, когда разъяснилось у нас, то не принимали на трассе Ростов и Воронеж. Одним словом, 22-е прошло в ожидании. Правильно говорили даже летчики: «Если спешишь, то езжай поездом».

Моя трагедия усугубляется сроком пропуска через границу.

Переночевали в гостинице аэропорта. 23-го встали пораньше. Опять ожидания. Но — полетели. Какое счастье! Вечером был в Москве.

Еще подлетая к Москве, увидели: снег и снег. Зима. Даже что-то вроде метелицы и гололедицы. Помню, когда ехали с Тамарой на спектакль «Пигмалион», то автобус так заносило, что казалось — вот-вот будет авария. И холодно!

Два дня в Москве прошли в подготовке к выезду. Ходили за билетом и по магазинам за покупками.

И 25-го в 20.30 выехал из Москвы.

Когда-то еще суждено быть здесь? Когда еще приведет сюда судьба? Ведь так круты склоны всяческих вершин людских мечтаний, такие рвы выкопала судьба вокруг престолов личного благополучия...

Марышенька осталась в Москве. Ей нездоровится, и врачи запретили ей ехать. Во всяком случае, так сказали мне. Обещала приехать через две недели. Мне почему-то кажется, что здесь тоже маневр Фаины Ильиничны. Она хочет, чтобы Тамара при ней переждала сроки, когда еще можно делать аборт. Не хочет, не доверяет нам. Не уверен я в этом, но иногда склонен думать именно так. Фаина Ильинична (тоже мне кажется) больше нашего заинтересована в том, чтобы Тамара имела ребенка. Она, впрочем, однажды и сама это высказала. Она хочет, чтобы скорее появилось звено, связывающее нас крепче. И этим звеном видит ребенка. Она, пожалуй, права.

Всю дорогу до Львова читал «Угрюм-реку» Вячеслава Шишкова. Во Львове на станции встретил семейство полковника Шпаковского. Они тоже возвращались из отпуска домой, в Краков. Вместе днем отсидели в гостинице Интуриста, а в 4.30 дня выехали в Перемышль.

Счастливое предзнаменование. В день моего приезда впервые из Перемышля до Кракова пошел пассажирский поезд (вместо товарного, ходившего до этого времени).

29-го вечером приехал в Краков. Дома все в порядке. Все так, как оставил полтора месяца назад. Отпуска как и не бывало. А ведь прошло полтора месяца жизни! Незаметно проходит

время, уходят годы. Безвозвратно. Так скоро придет час, когда можно будет вспомнить слова Шекспира: «Ничего не осталось, кроме воспоминаний о том, чем ты был, чтобы усиливать твою муку о том, что ты теперь».

Тоскливо и пусто. Скучно без Тамары. Снова одиночество. Все как-то противно и мерзко. Не хочется ни к чему прикладывать руки. А тут еще эти длинные осенние вечера. Внутренне злюсь на Тамару за то, что осталась в Москве.

Краков

3 ноября.

При переезде границы произошел такой случай: жена возвращалась к мужу в Польшу. У нее пограничники забрали все деньги. Женщина осталась без копейки, в Перемышле было не на что купить билет, чтобы доехать к мужу. Как не прийти на помощь человеку в таком положении? Дал ей 800 злотых. Обещала прислать. Теперь вот интересно: действительно пришлет или нет?

Готовимся к празднованию Октябрьской революции. Сегодня ходил к консулу тов. Овсеенко, пригласил его к нам на вечер. Беседовали с ним о разных делах. Рассказал о том, что скоро нашим семьям придется выехать в Россию и жить там. И как будто это должно произойти весной. Впрочем, мне в это не совсем верится. До весны еще может произойти уйма изменений.

Вечером у Ольховского договорились, чтобы Тамару устроить на работу в воеводском *уженде беспеченства* [отделе безопасности]. Ольховский — мировой, сговорчивый, наш человек. Вот было бы хорошо. А то без Марышеньки — скучная жизнь. Теперь вот перебираю ее вещички, и они мне приятны, как молитва монаху. Сегодня днем отправил поздравительные телеграммы. Сам пока не получил никаких писем. Чем это объяснить? Еще прошло мало времени. Только-только, видимо, дошли мои письма.

Краков

15 ноября.

Днем работаю, а вечером не знаю, куда деваться. Одолевают одиночество и какая-то гнетущая тоска. Надоела мне такая одинокая жизнь, отсутствие человска, который бы успокоил, помог разобраться во всех сложных жизненных вопросах, понимал бы меня искренне, без фальши, притворства. Ей богу,

становится тяжело, невыносимо тяжело от всего этого, устаешь от жизни. А тут еще моя впечатлительность, реагирую на все чрезмерно раздраженно, не в меру экспансивно. Места себе не нахожу!

Работы много, нужно учиться. Нужно как следует направить работу в отделе — за мое долгое отсутствие она сильно запущена. Нужно изучать английский язык. Но... Руки не поднимаются...

Несколько дней у меня пробыл представитель 2-го отдела Генерального штаба майор Беренгаут. Много говорили о недостатках в подборе кадров и в подготовке офицеров-разведчиков. Разве я сам не знаю этих недостатков? Они видны. Но что можно сделать, когда не с кем делать? Нет подготовленных людей, на которых можно было бы опереться. Как был прав тов. Сталин, говоря: «Кадры решают всё!» И вся беда в том, что воспитать, подготовить их — дело длительное и кропотливое.

Начальник штаба ведет хитрую, бесстыдную политику, направленную на то, чтобы дискредитировать меня. Буквально занимается «ловлей блох», раздуванием фактов, не стоящих выеденного яйца. Я это и чувствую, и вижу, хотя игра ведется тонко и осмысленно. Что ему от меня надо? Подхалимничать, петь ему хвалу, отступать от принципиальных вещей во имя своих личных интересов все равно ни при каких обстоятельствах я не буду. Будь что будет! Неприятно только жить, ожидая все время удара откуда-то со стороны, в спину, исподтишка. Подлые люди, разменивающиеся на мелочи! А сколько их еще на нашей земле, вокруг нас. И вот вместо того, чтобы свои силы, энергию, ум направить на полезное дело, растрачиваешь их на парирование этих ударов, на разгадывание всевозможных кляуз и подвохов. Кому от этого польза?

Хорошо сделал, что перетащил сюда Погоржельского. Парень, может быть, станет на ноги. Перемена жизни, оказанное ему доверие, отрыв от баламутных «друзей», которые раньше его окружали, как свежий ветер, должны освежить его.

Меня крайне раздражает отсутствие каких бы то ни было известий от Тамары. Обещанные две недели давно прошли, а она все еще не едет. Как это совместить с ее заверениями в горячей любви ко мне? Иной раз я просто сомневаюсь в искренности ее — кстати, редких — признаний. Прав ли я в этом? Сомнения борются во мне. И как их рассеять?

Хотел послать телеграмму с требованием приехать немедленно. Но разве это поможет? В лучшем случае ответят, что нельзя достать пропуск или что больна... Черт знает что! Как будто все сговорились против меня. Кто в этом виноват? Может быть, я сам?

Как много в жизни больших и сложных вопросов. И все время их нужно решать и решать. А мне еще — все самому и самому.

Отец мой жив. Но что толку обращаться к нему за какимнибудь советом, когда он мне даже в детские годы ничем не помогал, палец о палец не ударил, чтобы помочь, например, приобрести квалификацию, профессию. А как теперь тяжело без всего этого, как мучительно сознание своей неполноценности в обществе. Еще страшнее перспективы старости. Да, да! На повестку дня надвигается и этот вопрос. Идет-то жизнь к финалу, к развязке. Страшно становится. Отгоняешь эти мысли прочь от себя. Но они настойчиво надвигаются и не хотят исчезать. Все это так закономерно.

Мементо мори! Душевный разлад, смятенные психологические переживания. Может быть, это и смешно? В пушкинской драматической поэме «Моцарт и Сальери» смерть послала Моцарту таинственного и мрачного вестника («Человек, одетый в черном, учтиво поклонившись, заказал мне Requiem и скрылся»). Неужели этот черный посланец является не только Моцарту?

Почему нет Тамары? Что это за семейная жизнь? Увидимся с ней, как в театре, и снова я один, сам по себе. Если с самого начала наша жизнь так не клеится, то что же будет дальше? Ведь это только начало, так сказать, пролог.

Томительны, до изнурения томительны эти ожидания. Не так давно ждал ее — и снова жди. Но и жизнь без нее я себе не представляю. Это, в конце концов, становится выше моих сил. Этак можно достучаться до психического расстройства. Во всяком случае, дойти до плохого конца.

Может быть, нужно найти какую-нибудь девушку здесь? Но ведь это низко, подло. Брр...р. Нет, на это я не пойду. Это не выход из положения!

Дать ей категорическую телеграмму, вроде: «Срок Тамариного возвращения давно прошел ждать дальше выше моих сил где выход?» А вдруг она больна? Сорвется с места, приедет, а потом чего-нибудь плохое случится. Тогда это убьет Фаину Ильиничну. И вся вина будет на мне. Где выход?

Пока что на все многочисленные письма ответ получил только из Ташкента от Брониславы Мацинской. Пишет, что думала и считала меня погибшим на фронте. Воскрес я снова. Это, кажется, уже второй раз со мной так случается. Знаменательно! Борис Маркович Стрельцов, тоже оказывается, жив-здоров. Уцелел в войну. И хорошо!

Краков

17 ноября.

Из Тарнова приехал Погоржельский. Вечером спросил разрешения прочесть ему фронтовой дневник. Согласился. Читали и вспоминали фронтовые дни, припоминали отдельные детали, эпизоды, людей и события.

Пришли к обоюдному заключению, что те дни были куда интересней нынешних. Та дружба была куда сильнее настоящей. Теперь вот у нас люди только и норовят кого-нибудь подкузьмить, а тогда мы действительно дружили. С кем теперь работать? В отделе есть только один Шпрингер. Но он шумит много, а толку-то от него мало. Да и на фронте-то он только адъютантом был, пристраивался поближе к тылам.

Готовим сборы разведчиков, и в связи с этим уйма работы. Прихожу домой, чертовски уставший и расстроенный. Особенно изматывают безалаберность, никчемное «штопанье дыр», которые царят вокруг. А дома — пустые комнаты. Некому излить свою душу, нет поддержки. Полковник Евченко тоже ведет какую-то «примиренческую», безразличную позицию. Или он прикидывается, хитрит, или действительно невероятно спокойный, безразличный ко всему человек?

С кем же тогда говорить откровенно, по душам? Тамары нет. Ни звука, ни слова от нее. Меня крайне возмущает такое поведение. Неужели это конец? Так скоро?! Не хочется верить.

Люся мне нагадала, что меня ожидает перевод по службе. Мне бы этого крайне не хотелось. Сейчас, зимой! Нет, нужно обязательно перезимовать, а весной можно и ехать. К теплу! Срываться с места зимой — скверное дело!

Краков

10 декабря.

Прошедшие дни заполнены были горячей работой. Проводил десятидневные курсы офицеров-разведчиков. Нужно было подготовить уйму материалов. Еще больше убедился, что мой

помощник, капитан Понтек, никуда не годится. Даже по своему флегматическому характеру он не подходит к разведывательной службе. Говоря по-польски — *не надаесе* [не подходит]. Так ему и написал в служебной характеристике. Что правильно — то не грех!

Курсы прошли на хорошем уровне. Это был вынужден признать представитель 2-го отдела Генштаба майор Якубовский. Мы еще раз убедились, как низка подготовка наших офицеров и как велико у молодежи желание учиться. Стоит только разбудить это желание, направить в нужное русло, доказать человеку (чтобы он сам убедился!), как мало он знает. Ясно одно: такие курсы нужно организовывать чаще. Большую пользу от них получили и мы сами. Волей-неволей пришлось прочесть много материалов, восстановить в памяти давно забытые истины. Все это так нужно!

Из Варшавы приезжал представитель партуполномоченного. Устраивал нам политпроверку. На вопросах по международной и текущей внутренней политике меня не засыпал, но хуже оказалось, когда коснулся вопросов истории партии. Давно уже не занимался, и это сразу же сказалось. Впрочем, это наша общая слабость. В Жешуве оказалось еще хуже. Дивизионный инженер даже не знал, кто такой Николай II. Вот это да! Силен!..

На семейном фронте все по-прежнему. Числа 20-го немного успокоился: от Тамары получил телеграмму, извещающую о получении ею пропуска. Обрадовался: наконец-то дождался ее приезда. Но не тут-то было. Нашлась еще тысяча причин (болезни всевозможные!), и она все не едет. Часто мне кажется, что все это выдумки, что просто не может решиться расстаться с матерью. Мне становится чертовски горько. Дал телеграмму: «Категорически настаиваю на немедленном приезде» — на нее вообще нет ответа. Несколько раз хотел дать телеграмму такую, после которой бы она уже никогда не приехала. Но это только сказать легко!

Проходит два месяца после обещанных двух недель, но она не спешит ко мне. Как все это не вяжется с ее письмом: «Мой родной! Ты, наверно, обиделся вчера, что я не дождалась отправления поезда, да? Но я не могла больше, иначе бы я разревелась на весь Киевский вокзал. Какая тоска без тебя, радость моя! Может быть, не стоило мне оставаться, я не представляю, как я выдержу еще две недели. Может быть, я не всегда достаточно проявляю свои чувства, но ты ведь знаешь, как я к тебе отношусь и как тоскую, когда тебя нет со мной.

Была Мара, вспомнили ферганские времена, и стало еще тоскливей. Теперь все наши, кроме «японцев», закончили учебу, и их разметало по всему свету. Что в Кракове? Все ли в порядке дома? Тоскливо тебе одному? Ну, потерпи еще немножечко...

И не сердись на меня, никогда не сердись, что бы я ни сказала, что бы я ни сделала. Это может быть сделано сгоряча, не подумав, из упрямства, из-за любой причины, но только не потому, что я не люблю тебя!»

Чему же все-таки верить! Неужели все это — липа, и это письмо — тоже липа?! Пишет одно, а делает другое!

Умерла и бабушка Кличевская. Теперь на улице Ленартовича у меня никого не осталось. В лице бабушки потерял большого и искреннего друга. Она-таки меня от души любила. Рассказывают, что перед смертью часто вспоминала обо мне. Как жаль! Опустел дом, ушел еще один друг. Безвозвратно. 72 года прожила она, еще мечтала о том, как встанет. Увидит снова Краков... Смерть оборвала все мечты. Как все это ужасно. Какой жестокий конец нам приготовлен судьбой. Страшно подумать, что так нелепо все закончится. И как страшен этот конец. А ведь каждый день приближает нас к нему. Неумолимо! Рок!

Из Одессы получил письмо. Галина Константиновна просит писать не Павлу Константиновичу, а ей, Макозовой. Что это за перемены? Адрес: Одесса, ул. Дерибасовская, 9, кв. 31. Умная все-таки она женщина. Это сразу было видно. Напрасно тогда не согласился со мной мой приятель по палате. Вот он-то почему-то не ответил на мое письмо. С чего бы это? Видимо, боялся, чтобы не всыпали за... «связь с заграницей». Перестраховщик. «Как бы чего не вышло»!..

Краков

12 декабря.

Опять у меня новая работа. Генерал назначил председателем комиссии по проверке подсобного хозяйства «Корневице». Как будто у меня мало своей работы. Бесспорно, что крадут там отчаянно, но как их поймаешь с поличным? Вот загвоздка! Сегодня был у секретаря воеводского комитета ППР Стшелецкого, просил особо заполучить от них в нашу комиссию агронома. Проверяем сельское хозяйство — значит, нужен агроном.

Как много все-таки на свете крадут. И, главное, большинству это сходит гладко с рук.

В Персональном отделе все заполняют новые личные дела. Уйму требуют материалов. Рылся в приказах, отыскивал свои награждения и поощрения. Некоторые нашел. Так, 2.05.1947 г. приказом № 012 командующий *«за добре выники в службе»* [за хорошие результаты в службе] наградил 4 000 злотых, 27.02. 1946 г. приказом № 19 наградил 1 000 злотых, а 29.08.1946 г. приказом № 195 *«за суменна праца и горливе выпэлнене обовёнскув»* [за добросовестную работу и усердное исполнение долга] — 2 000 злотых. Записываю это для того, что, может быть, когда-нибудь снова понадобятся эти данные. Шут его знает!

Вечером не нахожу себе места. Особенно чувствуется одиночество. Погоржельский ушел жить к Шпрингеру. Это, пожалуй, к лучшему. Зачем мне нужно скандалить с пьяным человеком. Он так втянулся в водку, что она его сгубит. Молодой парень — и растрачивает свои силы, энергию на водку. Это кошмар!

Уже перестал верить, что Тамара вообще когда-нибудь приедет. Часто в приливе гнева думаю над тем, как бы ей отомстить. Например, не поехать встречать ее на вокзал. Наконец, дать телеграмму, чтобы вообще не приезжала. Но, как только утихает буря, здравый рассудок требует иного.

Приедет ли? И если да, то когда? Я специально произвел генеральную уборку, думая о том, чтобы ей сделать приятное. Но дни идут, прошло уже десятое число, а телеграммы нет. Нет, видимо, все-таки она меня не любит! Бесконечная жизнь врозь никак не способствовала нашему сближению. Неужели снова появился кто-нибудь иной, и мне суждено разделить участь Арнольда?

Будь что будет! Я теперь просто жду, как развернутся события дальше. Пассивно жду!

Вот она, на фотографии, что стоит на моем письменном столе. Улыбается. Большие глаза, широкий подбородок, ровные зубы... Когда же она приедет? Когда?

Тамарины платья остались в шкафу. И мне осталось еще это одно наслаждение — открыть шкаф, зарыться в наряды лицом и вдыхать их запах. Над кроватью висит ее большой портрет, и я часто перед сном беседую с ним. Иногда мне кажется это смешным, но что поделаешь.

А теперь вот на душе какой-то смутный осадок, какое-то неясное предчувствие беды... Но, может быть, и эта беда пройдет мимо?

Краков

14 декабря.

Шел крупный снег. Но сохранился только на крышах, во дворе. А на улице — болото. Мокро и сыро. Совсем не похоже на декабрь. Скорее, на осень, глубокую осень. С самого утра ждал телеграммы, казалось, вот-вот прозвенит звонок и войдет почтальон. Но уже вот 12 часов, а никого не было и нет... Шут с ним.

Нужно записать наиболее нужные даты моей службы. Итак:

Звание лейтенанта присвоено приказом САВО от 15.03.1942 г., звание поручика — приказом *Начельнего Довудцы* [Главного командира] Войска Польского № 0224 от 29.07.1944 г.; капитана — приказом Начельнего Довудцы Войска Польского № 125 от 14.03.1945 г.; майора — постановлением Президиума КРН № 13 от 22.03.1946 г. Помощником начштаба 5-го пехотного полка назначен приказом № 5 от 29.01.1944 г., а старшим адъютантом — приказом № 013 от 01.03.1945 г.

Награды: орден Красной Звезды — приказом командующего 1-м Белорусским фронтом за № 557 от 4.05.1945 г.; *«Кшиж Злоты»* — постановлением Президиума КРН за № 25/46 от 20.12.1945 г.; *«Сребрны Кшиж заслуги»* — приказом Главкома Войска Польского за № 109/54 от 23.02.1946 г.; *«Кшиж Валечны»* — приказом Командующего 1-й армией Войска Польского за № 0125 от 18.05.1945 г.; «Серебряной медалью заслужоным на поле хвалы» — приказом командующего 1-й армией Войска Польского за № 02/0012 от 20.01.1945 г.; медалями: *«За Одру, Нисец и Балтик»* — приказом командующего округом № 08 от 01.04.1946 г.; *«За Варшава»* — тоже самое; *«Одзнаку Грундвальску»* — приказом Главкома от 22.07.46 г. Далее, медалями: «За победу над Германией» — Указом Президиума ВС СССР от 9.05.1945 г.; «За освобождение Варшавы» — Указом Президиума ВС СССР от 9.06.1945 г.; «За взятие Берлина» — Указом Президиума ВС ССР от 9.06.1945 г.

Кроме того, 10.08.1945 г. командованием 5-го пехотного полка 2-й Варшавской Краснознаменной дивизии «за добросовестное выполнение заданий командования» награжден фотоаппаратом и радиоприемником (Постановление ГОКО № 9036 от 09.06.1945 г.); 05.10.1946 г. — командующим Краковским военным округом награжден пистолетом бельгийским «Байард» № 117912 — на основании приказа Главкома Войска Польского за № 0223 от 28.09.1945 г.

Часто эти сведения требуют, вот их и записал.

Беседовал со Стшелецким. Он — посол в Сейме, секретарь воеводского Комитета ППР. Много рассказал интересного. Единый фронт серьезно укрепил рабочий класс Польши, выдвинул его во главу народа. Но пока интересы этого класса представлены двумя партиями. Правда, последнее время ППР и ППС предпринимают большие шаги к усилению единого фронта и укреплению сотрудничества.

Было бы неразумно утверждать, что народной власти уже не угрожает никакая опасность, что в стране уже нет условий, способных отбросить Польшу назад. Реакция еще сохранила серьезные позиции, в частности, реакция имеет крепкую экономическую базу. Настроениями реакции еще живет значительная часть польской интеллигенции. Существует еще организационная раздробленность среди молодежи. Хозяйственные трудности, переживаемые страной, также используются реакцией.

В Польше теперь не допустимо существование *пшедвоенных* [довоенных] реакционных партий, и реакционные элементы сосредоточились, в большой мере, в оппозиционной ПСЛ. Оппозиция связана с международной реакцией, главным образом — с реакцией англо-американской. Оппозиционные партии, соскальзывающие в болото национальной измены, прокладывают путь этой реакции для ее вмешательства во внутренние дела страны.

Выступление англо-саксонских реакционных кругов за пересмотр западных границ Польши и одновременно защита этих границ со стороны СССР имеют тот результат, что проанглийские и проамериканские симпатии начали быстро исчезать. Одновременно усилились и растут симпатии к Советскому Союзу.

ППР желает и в дальнейшем базировать власть на блоке демократических партий, на рабоче-крестьянском союзе и на сотрудничестве с прогрессивной мелкой буржуазией. Нынешнее правительство опирается на коалицию пяти партий, т. е. на Польскую рабочую партию, Польскую социалистическую партию, *Строництво людове, Строництво демократычне и Строництво працы* [Народная партия, Демократическая партия, Партия труда]. *Строництво людове*, как партия трудящегося крестьянства, которое составляет большинство польского народа, является важным элементом блока.

В политической системе народной демократии имеются слабые места. Главная причина — недостаток нужных кадров.

ППР много делает для разъяснения народу жизненной необходимости постоянного содружества с Советским Союзом. Престарелые антирусские настроения, существующие с XVIII и XIX веков, выкорчевываются. Вторая основа внешней политики — это славянская солидарность, союз Польши с СССР, Югославией, Чехословакией. Третья основа — это борьба Польши за укрепление мира, основанного на принципах Потсдамского соглашения, борьба за полное уничтожение всех очагов фашизма и прежде всего — за денацификацию, демилитаризацию и демократизацию Германии, против всякой возможности новой немецкой агрессии. Польша заняла отрицательную позицию по вопросу т. н. «плана Маршалла». Использование американских кредитов для «помощи Европе» здесь рассматривают не как «спасательный круг», а как форму экспансии, которая угрожает суверенитету европейских государств со стороны США, опирающихся на восстанавливаемый ими западногерманский бастион.

Польша преобразуется в крепкое звено общей цепи демократических, антиимпериалистических, миролюбивых стран.

Только что из Варшавы звонил майор Якубович. Поговорили с ним о некоторых делах.

Краков

14 декабря.

Продолжим этот день. Оказывается, я рано закрыл дневник.

Вечером уселся слушать «Подвечорек пши микрофоне». Зазвонил звонок. Спрашиваю: «Кто?» Отвечают: «Почта». Наконец-то долгожданная телеграмма: «Выеду четырнадцатого встречай Перемышле целую Тамара». Значит, сегодня, через час выезжает и будет здесь в четверг. Осталось еще ждать четыре дня. Но теперь-то хотя понятно, что четыре дня, а не невесть сколько!.

В Перемышль выехать не удастся: много работы. Нужно позвонить Сцибальскому, чтобы там организовал встречу и проводил Тамару на поезд.

Как с ее болезнью? В последнем письме она писала, что наконец-то установили причину температуры и скверного самочувствия — туберкулез лимфатической железы, находящейся где-то возле селезенки. Спрашивал врача Янкевича; он ска-

зал, что это не так страшно, стоит только не запускать, усиленно питаться и дышать свежим воздухом. Все это хорошо, но деньги... Где достать деньги? Жизнь с каждым днем дорожает.

Краков

15 декабря.

Прошел еще один день. Было совещание, на котором начальник штаба «блеснул» своим острословием. Хитер он до чертиков! Мягко стелет, да твердо спать. По линии СУВ очень много требований, но очень мало делается для того, чтобы появилась возможность выполнить эти требования. И получается — пустословие. Мало потребовать, а нужно создать условия для работы, для выполнения этих требований.

Недостаток кадров — вот наше несчастье. Плохо у нас с людьми, туговато с кадрами. После войны это вполне закономерно. Пройдет время, и все уладится. Вот открылась академия Генштаба. Она тоже многих подготовит.

Тамара едет ко мне... Где-то она теперь? Видимо, подъезжает к Киеву. Завтра будет во Львове. В Перемышль нужно послать человека, чтобы ее встретил. Сам выехать не смогу, занят комиссией. По радио слышал о новых постановлениях об отмене карточной системы и о денежной реформе в СССР. Хорошие мероприятия для поднятия жизненного уровня трудящихся. Давно уже пора это провести. Не мешало бы денежную реформу провести и здесь, в Польше.

Краков

16 декабря.

Полночь. Закончил домашние «хозяйственные» работы, вымылся в ванне, а теперь вот пишу. Какое удобство иметь хорошую квартиру с газом, ванной и прочими такими штуками. Все это скрашивает наш быт, создает удовольствие. Нет, это не мещанские рассуждения, не обывательщина. В этом отношении, безусловно, правы поляки, которые (надо признать) много внимания уделяют комфорту.

Зачем только меня выдвинули в комиссию по проверке подсобного хозяйства? Там балаган, а кривить душой я не буду, все напишу так, как есть. Это будет многим «сильным мира сего» не по нутру, будут обижаться. Обидится и полковник Грановский. Но что можно сделать. Объективность прежде всего!

В этом отношении можно учиться у нашего генерала Венцковского. Он даже сегодня мне сам говорил: уж что-что, а красть никогда не крал. И я ему верю. Сам не раз наблюдал, какой он щепетильный в этом отношении.

Звонил в Жешув полковнику Выгнанскому. Он обещал, что все устроит в отношении встречи Тамары в Перемышле. Буду надеяться. Теперь она уже, наверное, во Львове. Хорошо, если догадается поехать в Интурист и там отдохнуть.

Зима вроде начинает устанавливаться. Выпал снег и не тает.

Краков

17 декабря.

Целый день были на подсобном хозяйстве. Все проверили. Много недостатков. Особенно в проведении учета. Грановский, видимо, на этот участок не особенно-то нажимал. Есть много положительных сторон в ведении хозяйства, но учета нет. А ведь учет — великое дело. Без учета становятся возможными хищения и злоупотребления.

Вечером возвращался домой. Мороз пробрал основательно. Наконец-то установилась рождественская погода.

Тамара, видимо, в этот час подъезжает к Перемышлю. С нетерпением жду телефонного звонка. Зазвонил! С волнением поднял трубку — там какая-то пани просит позвать Эдека. Накрутила не тот номер. Ошибка. Но как бы там ни было, эти два дня ожиданий прошли, и ждать уже недолго. Завтра приедет.

Почему не пишет Ольга? Неужели моя сестра обиделась на то, что не заехал к ней? Если да, то, пожалуй, она права. Нужно поздравить их всех с Новым годом. Авось ответят.

Грановский — очень хитрый человек. Неужели все тыловики такие? Он всегда настороже, готов парировать любой удар. Всегда готов!

Хилинский собирается в отпуск. Кажется, уже выехал. При последней встрече он мне говорил об этом. У Пентка заметно резкое улучшение в работе. Иногда даже начинаю сожалеть, что написал ему плохую характеристику.

К праздникам должны премировать лучших. Из отдела подал на поощрение двоих. Интересно, порадуют ли меня? Кассея наверняка будет комбинировать, чтобы не подавали. Впрочем, в последнее время он начал относиться ко мне значительно лучше. Или, может быть, это только маневр? Он ведь хитер!

Краков

1948 год.
12 февраля.

Огромный перерыв! Даже не остался верен своим старым традициям и не написал в новогоднюю ночь. За эти последние годы это, пожалуй, впервые.

Итак, Тамара приехала 17 декабря на рассвете. Новый год встречали вместе. Второй Новый год. В Фергане — впервые и в Кракове — второй раз.

Семейная жизнь куда краше холостяцкой. Не давит на тебя это проклятущее одиночество. Ах, как оно мне надоело за эти годы!.. 22 января были Маришины именины, у нас собрались знакомые, и мы скромно отпраздновали этот день.

2 февраля Марышка уехала в Криницу, в дом отдыха. Она скоро станет матерью (а я отцом), и ей этот отдых крайне необходим. Фаина Ильинична через день присылает письма с подробными инструкциями, что и как должна Тамара делать. Как все-таки велика сила ее привязанности и любви к Тамаре. Я такой материнской любви не знал, и очень сожалею.

В дивизиях прошли штабные учения с выходом со средствами связи в поле. Было много работы и у меня. Пришлось составлять разведывательную документацию, после учений выступать с разбором действий разведчиков. Со своим заданием как будто справился хорошо.

Несколько дней тому назад с генералом были на инспекции в полках. Контролировал огневую подготовку офицеров и учебу разведчиков. До сих пор еще много в этой области недостатков. Обратили на них внимание командиров полков. Офицеры должны отлично стрелять и знать свое оружие.

Краков

21 февраля.

Краков. Старинный город, древняя столица Польши. Улица *18-го стычня* [января]. В этот день части маршала Конева освободили город, вот почему так была названа улица. Сегодня у нас в округе состоялось собрание русских офицеров с их бывшими подругами в честь 30-й годовщины Красной Армии.

Нас теперь осталась горсточка. Генерал Кушко – начальник Главного политуправления Войска Польского – в своей статье «*Офицерове радзецци в Войску Польским*» [советские офицеры в Войске Польском] указывает, что теперь в рядах Войска осталось только около 5% того количества офицеров, которое было сразу же после окончания войны.

Но не все ушли из Войска Польского. Многие остались навсегда в земле, в многочисленных могилах, рассеянных на всем пути боев за освобождение Польши. 1091 советский офицер-инструктор полегли в рядах Войска Польского. Из них 2 генерала (в т. ч. командир 5-й дивизии, Герой Советского Союза генерал-майор Вашкевич), 7 полковников, 16 подполковников, 40 майоров. Вот вклад советского народа в дело организации Польского Войска. Вот кровь, пролитая в рядах Войска Польского и для польского народа. Вот пример братской дружбы и помощи братских славянских народов.

Сегодня, когда вспоминаю хорошо знакомых, погибших друзей – Хеймана, Гурняка, Германа и других офицеров советских, с особой силой чувствую великую освободительную миссию нашей Красной Армии.

Прав генерал Кушко, когда пишет: «Польша поднялась (восстала «как птица феникс из пепла») благодаря борьбе польского народа. Точно знаем об этом. Но отличительной особенностью нашей истории является то, что Польша не могла восстать только исключительно с этой борьбы, со своей только польской

крови. Но чтобы Польша вернула свободу, нужна была еще кровь российского народа, пролитая за польское дело, за освобождение нашего народа».

Наибольшим достижением польской демократии есть братство польского и русского оружия. Советский Союз в самые тяжелые годы пришел с помощью Польше, дал польскому народу первоклассное оружие, обучил им пользоваться.

Морозы не прекращаются. Холодно. Зима нас раньше баловала, а теперь вот прижала. Сегодня дошло до минус 15°С. В эту зиму — небывалая температура.

Вечером у нас будет праздничный ужин, а после, ночью, думаю выезжать в Криницу. Нужно навестить Марышеньку. Кстати, она целую неделю ничего не пишет. Меня это даже немного обижает. Из Москвы тоже ничего абсолютно нет. Затишье... Может, перед бурей? Кто знает.

По случаю 30-й годовщины Красной Армии получил премию: 4000 злотых. Побольше бы таких праздников!

Краков

27 февраля.

Вчера возвратился из командировки. Начал с Криницы. Провел там в доме отдыха несколько замечательных дней (точнее, два дня). Погода мне благоприятствовала.

В доме отдыха еще раз увидел воочию, до чего есть самодовольный, самовлюбленный народ. *Пшедвоеннэ* [довоенные] польские офицеры (гусеобразные) смотрят сверху вниз. И правильно замечает Тамара: а что они, собственно, сделали, чтобы иметь право так смотреть? Умеют вовремя поцеловать женщине руку и так же вовремя расшаркаться — вот, пожалуй, и все их заслуги перед историей и человечеством. Злы, завистливы и невежественны. Вся их культура пропитана насквозь мещанством. Полное отсутствие какой-либо возвышенной идеи в жизни. Как это похоже на провинциальных офицеров, описанных Куприным.

Из Криницы поехал в Новы-Сонч. Там был на сборах взводов разведки. Заленевский взял правильную линию, и курсы вошли в нормальную рабочую колею. Приказал им, чтобы теперь (используя снег) нажали на лыжную подготовку, а все остальные темы можно будет отработать и потом, без снега. Солдатам очень нравится ходить на лыжах. Многие из них за несколько дней сделали заметные успехи. Видел случай, когда

капрал, дежуривший целую ночь, просился взять его рано утром на лыжные занятия. Это говорит о популярности занятий.

В штабе дивизии днем договорился обо всех курсовых делах. Заодно отругал за плохую подготовку курсов. Два раза звонил в Варшаву. Нужно нажимать, чтобы курсантам дали добавку продуктов, усиленную норму. Люди молодые, набегаются на лыжах, вот и нужно покрепче норму. Обещали устроить. Завтра выяснится.

Получил телеграмму от Тамары. Она приедет сегодня вечером. Так и не досидела до конца положенного срока. Узнала бы Фаина Ильинична, влетело бы нам обоим.

Вечером ездил на вокзал. Поезд пришел пунктуально — в 19.50. Майор, попутчик Тамары, через окно подал ее вещи, распрощались (они все из Криницы), и приехали мы с Марышенькой домой. Снова мы дома. Снова я не один. Надолго ли только? Не надолго. Скоро уезжает в Москву. С тоской думаю об этом дне. А ведь придет и он. Время неумолимо идет, не считаясь с нашими желаниями. Ему нет никакого дела до нас. У него свои законы, свои порядки.

Краков

29 февраля.

Вот и выходной. Встали попозже. Можно себе разрешить такую роскошь. Пришел солдат, и мы с ним занимались топкой печей, уборкой.

Обедать с Тамарой ездили к нам, в столовую штаба. Затем домой — и отдых. Вечером пошел к Якубовичу, сыграли в шахматы. Выиграли и он, и я. Начинаю лучше играть. Что значит тренировка!.. В первой партии прозевал (ах, эти зевки!) ферзя и проиграл. Нужно больше внимательности и терпения. А мне их так недостает. Во всех случаях жизни.

Из Познани передавали по радио «Евгения Онегина». Интересно звучит ария Ленского на польском.

Чайковский! Обессмертил свое имя музыкой. Времена и народы всегда будут наслаждаться его чарующими мелодиями. Его имя будет долго-долго жить в народе.

А наше? Умрет вместе со мной. Наш род ничем не увековечил свою фамилию... все обычные люди. Такие, каких миллионы. Не суждено было прославиться и на войне. Разве вот когда-то будет другая... Но доживем ли до нее? Да и не нужна она! А пока нужно метаться по жизни. Иногда она скучно выгля-

дит, серо! Знаю: не должно быть так. Сознаю умом. Нельзя уподабливаться Евгению Онегину, который всегда все делал с опозданием и не находил места на нашей земле. Жил пустозвоном, небокоптителем.

А как много таких людей, особенно здесь, в Кракове. Жизнь для них — это, прежде всего, забава, развлечение, хорошенькие женщины, вино, карты и деньги. Впрочем, всюду хорошее найдешь, поискавши, а худое само в глаза валит.

Тамара, как видно, решила всерьез одолеть польский язык. Занимается вечерами по тому самому учебнику, по которому мы занимались когда-то еще в Сельцах, в начале моей службы в Войске Польском.

Краков

8 марта.

Вчера приехал из командировки. Был в Красичине. Это небольшая деревушка в горах и лесах, в 12 километрах западнее Перемышля, не доезжая Бирчи. Той самой, которая так недавно была «центром» бандеровцев.

В старинном замке-крепости князя Сапеги разместились сборы разведчиков 9-й дивизии. Я ездил их проверять. В первый день (удался снег) показали мне они свою лыжную подготовку. Надо отдать должное — научились бегать на лыжах прилично. Съезжали с такой горы, с которой и мы с Жорским не рисковали спускаться.

Нажали на огневую подготовку. При мне стреляли и солдаты, и офицеры каждый день. Сам отстрелял пять упражнений из пистолета, винтовки и ППШа. Результаты не особенно утешительные, но лучше, чем раньше.

Огневая подготовка солдат заставляет желать значительно большего. У них нет основной подготовки. Качество учебы очень низкое. Младшие командиры совершенно не подготовлены, и в результате этого подготовка солдат хромает. Жизненно необходима методическая подготовка командиров взводов. На месте приказал организовать вечерами подробный инструктаж комвзводов и комотделений. Ежевечерне! От этого хоть немножко, но улучшится качество обучения солдат.

Начальник сборов Петельчиц производит хорошее впечатление. Старательный, культурный офицер. Демократически настроен. Отпустил его на один день в Лодзь — нужно было ему туда очень.

Ясно одно, что концентрация, безусловно, принесла большую пользу. Прежде всего, люди в течение 20 дней знали только одно — учебу. Кроме того, обмен опытом, заинтересованность, единообразие в обучении — все это плюсы концентрации. Летом нужно сборы повторить. В одном месте и получше обеспечив материально. Сейчас уже нужно подготавливать программу и требования на денежное обеспечение.

Вчера доложил генералу о концентрациях. Остался доволен. Кроме того, сообщил ему о том, что напишу рапорт с просьбой отпустить меня в Советский Союз. Но он объявил, что просьбу мою не удовлетворит и никуда не отпустит.

Он рассказывал о своих впечатлениях после последней поездки в Москву. Был очень доволен приемом и вниманием, оказанным ему маршалом Василевским. Москвой очень доволен, потрясен «великим городом на семи холмах». Похвалился, что даже написал статью о своих впечатлениях о Москве.

Писем нет. Чем объяснить? Разве только тем, что и я никому не пишу.

Краков

14 марта.

Вчера только приехал из Новы-Сонча. Был на окончании курсов. Закончились вчера они и в Новы-Сонче, и в Красичине. Собрал офицеров, и все они высказались за то, чтобы чаще делать концентрации разведчиков, т. к. такие сборы дают очень многое. Мы ставили перед собой основные цели: оторвать разведчиков от полка с тем, чтобы дать возможность им заниматься только учебой; сколотить взводы разведчиков; проверить, как подготовлены офицеры и разведчики. И мы достигли своей цели.

Не повезло только со снегом, а поэтому успели только-только ознакомить разведчиков с основными правилами ходьбы на лыжах, привили им, так сказать, вкус к этому делу, а совершенствовать навыки уже не удалось. Обнаружили, что тактическая подготовка людей — низкая. Главным образом из-за слабой подготовки (методической) офицерского состава. Был на одном занятии, которое проводил подпоручик Овчарик на тему: «Взвод разведчиков в поиске». Все занятие, по существу, он свел к действию разведдозора. Сугубо по-пехотному. Большой недостаток в том, что нет необходимой литературы, особенно методической.

Ночные занятия страдали от недостатка имитационных средств. Все приходилось делать «на сухую».

Старые солдаты тоже мало чем отличаются от молодых. Видимо, сказалось то, что наши части все время были на акциях против УПА и пр. и не имели возможности серьезно учиться.

Слаб офицерский состав. Если даже офицеры и закончили полковую школу, то там они очень мало учились разведке, и сейчас в разведвзводах они мало чем рознятся от обыкновенных *жолнежы* [солдат].

Нам необходимо стремиться к тому, чтобы в разведвзводах стараться заиметь (сверхсрочных) подофицеров — и сохранить эти кадры за собой. Тогда в перспективе мы будем иметь хорошо подготовленных подофицеров, а это очень и очень много значит.

Зеленевский слабее Окорского. Это я увидел на занятиях. Окорский не кончал курсов в Рембертуве, но организатор он, конечно, лучший. Это бесспорно! Ну и, наконец, последнее. Посещал курсы, старался приблизить офицеров к солдатам. Заставлял их проводить беседы, обсуждения занятий, провел собрание с солдатами. Пускай знают, что мы их вводим в курс учебы, советуемся с ними. Старое польское офицерство замыкалось среди своих, отчуждалось от солдата, и в этом его крупнейшая ошибка. Нужно сейчас у молодых офицеров изжить эту черту. «Нравственный» элемент на войне имеет первенствующее значение. Это еще доказал гениальный полководец Суворов.

Главное в армии — рядовой солдат, без которого офицер — ничто. Не случайно в своей инструкции «Наука побеждать» Суворов писал:

«Раздел 2. Словесное поучение солдатам. ...Военный шаг — аршин, в захождении — два аршина; береги интервалы. Береги пулю на три дня, а иногда и на целую кампанию, когда негде взять; стреляй редко, да метко; штыком коли крепко; пуля обмишурится, штык не обмишулится; пуля — дура, штык — молодец...

Три воинские искусства. Первое — глазомер...

Второе — быстрота.

Третье — натиск...»

Основные положения «Науки побеждать» можно свести к следующему:

1. Огромную роль на войне играет моральное состояние войск. Человек — главное оружие. Необходимо, чтобы все бойцы стремились к победе и понимали путь, которым их ведут к этой победе («Каждый воин должен понимать свой маневр».).

2. Победа достигается посредством наступления и разгрома главных сил противника.

3. Одним из важнейших условий победы является быстрота, внезапность удара («Победа зависит от ног, а руки только орудия победы».).

4. Решающую роль в сокрушении врага играет штыковая атака.

5. Обучать солдат следует только тому, что пригодится им на войне. Все прочее, напрасно перегружающее солдата, надо отсечь; зато необходимому солдат должен обучаться в совершенстве («Тяжело в ученье — легко в бою»).

6. Командиры должны внимательно относиться к солдату и его нуждам.

7. Нужно привить войскам внимательное, бережное отношение к пленным и к мирному населению.

Краков

15 марта.

Почему люди такие завистливые? Евченко, видимо, пришлось не по душе то, что я часто езжу («Вот, мол, бездельничает»), и он начинает создавать всевозможные затруднения в моей работе. До минимума сократил штат нашего отдела на время армейской игры. Хочет «доказать», что мы не справимся со своими обязанностями. К чему это? Звонил в Варшаву, во 2-м отделе тоже были удивлены таким крайне мизерным количеством офицеров в нашем отделе, обещали написать письмо, в котором указать конкретно, кто и за кого должен играть.

Другое дело. На игру в 9-й пехотной дивизии хочу забрать всех офицеров-разведчиков 6-й пехотной дивизии, считая, что присутствие там даст им многое в подготовке. Кроме пользы, от этого для них больше ничего не будет. Истина ясна. В интересах командования в дивизии можно использовать этот повод и послать разведчиков на занятие. Так почему же возражает полковник Евченко? Когда он был до меня начальником 2-го отдела, то почти никакой работы с разведчиками не проводил. И теперь, может быть, ему не по нутру то, что мы начали крепко заниматься приведением в порядок этого так запущенного

(им же, Евченко, запущенного) участка? Неужели это так? Но тогда — какая это подлость!

Нажимают на политическую подготовку. Сегодня вызвал меня полковник Блонский и предупредил, чтобы готовился к беседе на тему «Великая Октябрьская социалистическая революция и ее значение в истории нашей родины».

Ходили в библиотеку *Дома Жолнежа* [Дома Солдата], в библиотеку Общества дружбы советско-польской, достал там сочинения Сталина и Ленина и вот теперь настроился на ночь.

«Трудолюбивая душа должна всегда заниматься своим ремеслом»,— говорил Суворов. В этом отношении можно найти сходство между ним и Гете, не учившимся играть в шахматы, чтобы не красть у себя времени, которое можно употребить на работу. Если говорить конкретно обо мне, то последнее время я не замечаю за собой такого трудолюбия. Это весьма печально. Нужно отбросить эту ленцу и приняться всерьез за самоподготовку.

Никак не могу решиться написать рапорт об откомандировании домой. Генерал Венцковский предупредил меня, что все равно ничего не выйдет из этого. А мне нужно, чтобы вышло.

Время уходит, нигде не учусь. Живу в ожидании выезда. Как на вокзале, на пересадке. Теперь, когда вот-вот судьба сделает меня отцом, нужно определиться более основательно. Материальное положение становится все хуже. Подкреплений больше ждать неоткуда. Приходится отказывать себе в самом необходимом.

Тамара не хочет уезжать в Москву. А это необходимо. Кто же за ней будет ухаживать здесь? Ей, видите ли, неохота беспокоить мать. И потом, составила себе какое-то глупое представление, будто бы я хочу ее отпихнуть, не хочу брать на себя беспокойств за ребенка. Нет, конечно! Я считаю, что здесь ей будет гораздо хуже, не будет подлежащего ухода. Нанимать прислугу я не в состоянии материально. Одним словом, все это меня крайне коробит и беспокоит. Но что можно предпринять в создавшейся обстановке? Черт знает что!

Краков

17 марта.

Вчера с Гуней до ночи писали *справоздане* [отчет] о курсах-сборах разведчиков. Пространное и *щегульнэ* [подробное]. Начальнику штаба сегодня оно понравилось. Он, видимо, понял,

что мы не пишем глупостей, а оформляем материалы солидно. И для тех, кто будет работать после меня, это может быть справочником как составлять отчеты. Не слишком ли громко это сказано?

Впрочем, я убедился, что отчеты у нас составляют крайне небрежно и поверхностно, «по Иловайскому», без знания дела. Совсем недавно именно за это ругал помощника начальника 2-го отдела в дивизии. Кстати, он так и не понял своей ошибки, не захотел ее понять.

Днем было совещание всех посредников на будущую игру. Проигрывали весь бой. Это очень хорошо. По крайней мере, все имеют представление о том, что и как будет происходить, все в курсе замыслов руководства учениями.

В польских военных журналах мало своих, «отечественных», статей. С развитием своей военной мысли туговато. Старые офицеры — носители отсталых взглядов, а новые кадры еще не выросли. Поэтому такие журналы, как *«Przegląd wojskowy»* или *«Bellonu»* пестреют статьями, переведенными из «Военного вестника» или «Военной мысли».

А вообще-то ежемесячник «Белонна» (так называлась римская богиня войны) — на верном пути, много уделяет внимания развитию польской и иностранной военной мысли. Нынешнее состояние польского офицерского корпуса ставит перед журналом прежде всего задачу снабжения офицерского состава необходимым военно-теоретическим материалом.

Завтра утром выезжаем в Жешув на штабные учения.

Краков

22 марта.

Приехали с учений. Нам «повезло»: все время шли дожди. Между прочим, так уже повелось: как мы на учение — так дождь.

Вместе с Зеленевским ночевали у учителя местной школы. Страшно мерзли. Чертовски даже. Разбор был в Жешуве. Я «разгромил» своих разведчиков. По сравнению с другими, они действовали не плохо (даже лучше!), но, если брать в целом, то слабо. Лучше сам их поругаю, но затем, на армейской игре, пусть другие похвалят. Тогда они поймут (а теперь пока обиделись), кто для них принес пользу, кто был прав.

На этот раз отрадным было стремление не ограничить разведку только пехотой, а привлекать танкистов, артиллеристов,

саперов и т. д. Хорошо, что пехотинцы-разведчики стараются дать им задание на спецразведку, привлечь их тоже к делу. Пока это только робкие попытки, но дело на верном пути.

Не умеют организовать и поставить конкретных заданий разведорганам на период боя в глубине обороны и преследования противника. Эта фаза боя — слабое место. А ведь это самое трудное. И здесь пасуют все офицеры-разведчики.

Боятся проводить разведку в тылу врага. А ведь для командира важно иметь сведения не только о передней полосе, но и о промежуточных рубежах обороны, и о местах сосредоточения ближайших тактических резервов и, главным образом, танковых частей противника. Не выполняет своей задачи та разведка, которая интересуется только передним краем. А глубину кто узнает? Нужно и в стрелковых частях организовать и вести глубокую разведку, высылать мелкие разведпартии в тыл врага.

На учениях полковник Снегирев поделился со мной «новостью»: меня вызывают в Варшаву для отправки в Советский Союз. И хорошо! Давно уже ожидал этого. Хилинский утверждает, что теперь ехать даже лучше, чем в другое время. Итак, скоро уже пять лет, как я в Войске Польском. Наконец-то закончится эта неопределенность, сиденье одновременно и там, и здесь.

Единственное, чего жаль — того, что не получил здесь очередного звания. Теперь снова нужно долго ожидать на новом месте.

Вечером, по возвращении домой, поделился новостью с Тамарой, и мы долго обсуждали с ней перспективы новой жизни.

Жалко немного и дела, в которое вложил много труда, чуть-чуть только начал поднимать его на ноги — и вот теперь нужно все оставить.

Сегодня наш генерал сильно возмущался моим отзывом, звонил в Варшаву, настаивал на моем оставлении. Не знаю, чем закончилось. Как дальше сложится жизнь? Кто может предвидеть! Факт тот, что в этом году наступит у меня, в моей жизни, важный переломный момент.

Несколько дней тому назад в Старом Театре смотрели «Русский вопрос» Симонова. Должен сказать, что и сама пьеса, и исполнение — на высоте. С силой изобличает он врагов Советского Союза и врагов человечества из стана американского империализма, провокаторов и поджигателей новой войны, для

которых клевета служит излюбленным оружием, а подлость — их естественное состояние.

Мы видим на сцене страну, где правит доллар, «телец златой». Хозяева этой Америки охотно болтают о возможных «свободах». Все это болтовня. В долларовой Америке человек лишен самых элементарных свобод. В Америке отнюдь не в диковинку встретить честного интеллигента, пострадавшего за свои убеждения. А некоторые из них, «положив в карман «сребреники», стряпают грязную, отвратительную клевету, лишь бы только угодить Мак-Ферсону, угодить Уолл-стриту.

Но все больше становится людей, подобных Гарри Смиту, которые все более и более убеждаются (подчас со смятением, с тревогой) в том, что демократию и свободу еще предстоит завоевать, что эта борьба в собственном доме будет нелегкой.

Краков

24 марта.

Утром меня вызывал генерал и сообщил, что Завадский согласился оставить меня в качестве советника. Вроде того, как Грановский. Если бы не надежда получить звание, то плюнул бы на все и уехал скорее. Одно только меня задерживает — звание. На новом месте нужно долго ждать, чтобы получить очередное звание. А здесь генерал обещал быстрее устроить. Выйдет ли только? Признаться по совести, у меня мало надежды на это.

Если только задержусь, то нужно будет использовать время, подучиться немного и подлечить здоровье. Поехать в Кудову. Месяц пребывания в горах много принесет пользы.

Но все это — лишь отсрочка. Все равно нужно готовиться к выезду. Побыл здесь лет пять, помог Войску Польскому, а теперь пора и домой. Слыхал, что к маю поедут очень многие. Останутся только самые «асы». Интересно, как с Белецким?

Шпрингер женится. Пригласил меня на свадьбу во Вроцлав. На Пасху, в воскресенье. Воспользоваться приглашением, конечно, не удастся. Сегодня ездил на стрельбище. Убийственно намазал и из пистолета, и из винтовки. Позорно. Никуда не годится. Нужно будет выбрать время и снова поехать на стрельбище. Если бы не так далеко, ей-богу, ездил бы куда чаще. Вся беда, что далековато.

Полковник Блонский уезжает, это решено окончательно. Уже и закончил все сборы. От Фаины Ильиничны получил письмо.

Краков

25 марта.

Подполковник Балас заменит меня. Он уже знакомится с делами, просматривает материалы. После праздников и занятий у Синицкого сдам ему отдел. Пока у нас «двоевластие».

Евченко спросил, каков будет мой новый начальник. Откуда мне знать? Меня-то здесь не будет. Надо полагать — как и все остальные. Вежливым и любезным с начальством, как гоголевский Манилов, крут и непримирим с подчиненными, как гоголевский Ноздрев. Тяжело ему будет в отделе: разведработы он совершенно не пробовал. А я получил нахлобучку от Снегирева. Он сугубо официальным тоном, приняв выражение, соответствующее моменту, начал распекать меня за то, что я генералу сказал об оставлении меня до получения звания. Он-де в этом усмотрел нескромность. (А жить с другой, имея дома жену,— это как, скромно?) Как будто первый напрашивался на это. Ведь сам же «старый» мне предложил. А мне что? Выходит, нужно было отказываться от звания? Тамара известие о выезде приняла довольно спокойно. Сегодня она ходила к врачу. По ее рассказам, он определил, что роды у нее должны быть в конце мая — начале июня. Посмотрим, так ли будет.

В связи с моим выездом эти роды не особенно кстати. Но что теперь сделаешь! Жребий брошен. Через три дня Пасха. Все здесь интенсивно готовятся. Завтра и послезавтра даже работа в учреждениях закончится на несколько часов раньше.

Интересный образ жизни теперь веду. Утречком, часов в 6–7, выезжаю на работу. В 4 часа дня приезжаю. После некоторых хозяйственных дел ложусь спать. Встаю в 8.00–8.30 и сажусь заниматься. Последние вечера готовлюсь к политбеседе на тему «Великая Октябрьская Социалистическая революция и ее значение в истории нашей родины». Работа тов. Сталина: «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов». Видимо, в первых числах апреля будут занятия.

Интересно, что и в англосакской военной литературе сейчас заметен интенсивный рост интереса к военной немецкой литературе, и в особенности — к ее «первой скрипке» Карлу фон Клаузевицу и его «*Vom Kriege*».

Клаузевица часто цитируют и комментируют наиболее известные военные публицисты Великобритании.

Пожалуй, из всех высказываний Клаузевица его главная мысль о том, что существует неразрывная связь между политикой и войной, заслуживает особого признания. Характерно,

что генерал Людендорф писал в свое время: «Доктрина Клаузевица в этом пункте перестала быть бесспорной». По его утверждению, не война есть следствие политики, а политику нужно приспособить к войне. Какие же основные параграфы доктрины Клаузевица? Их шесть:

1. Война есть только дальнейшее продолжение политики, проводимой иными средствами. Политика пользуется войной для достижения своей цели.

2. Оборона есть сама по себе сильнее, нежели наступление.

3. Уничтожение неприятельских сил — наиважнейшая цель войны. Стратегия зависит от количества и размаха победоносных битв.

4. Ведение войны напоминает сложный механизм, действия которого находятся в связи с целым рядом столкновений, битв. Но чисто с математической точки подходить нельзя: война не есть наука точная.

5. Часто, а на самом деле почти всегда, существует кульминационный пункт войны. Далее этого пункта наступающий не должен двигаться. (Это под впечатлением похода Наполеона. Теперь это — абсурд.)

6. Главная основа есть небольшая концентрация сил и скопление сил. Отсюда огромное значение, придаваемое Клаузевицем линиям коммуникационным и быстрой концентрации сил. В своем «Magnum opus» «О войне» Клаузевиц атаковал немецкого германского деятеля Бюлова за геометрические объяснения, за попытки опереться на математические основы.

Краков

27 марта.

На столе лежит открытка с изображением распустившейся вербы и надписью «Wesołego Alleluja!» [приветственное пасхальное поздравление]. Знакомый посылает поздравление и «*Жичене вэсолых свёнт*» [пожелание веселых праздничных дней]. Завтра — Пасха, праздник весны, пробуждения природы от зимы. В Польше, где, надо сказать, народ религиозный и весьма придерживается традиций, Пасха — большой праздник и отмечается пышно. Давно уже повсюду шли приготовления, многие знакомые еще вчера выехали на праздники к своим родным, приятелям. Мы с Тамарой, конечно, празднуем «*в своим гроне*» [в своем кругу]. Ехать некуда. Скоро действительно уедем домой, на родину. Это — моя последняя Пасха, которую праздную здесь, в Польше.

Фаина Ильинична прислала письмо. Довольна, что мои планы насчет выезда Тамары совпали с ее надеждами. Но вся-то беда в том, что «виновница торжества» не соглашается с нашими планами и упорно не хочет выезжать. Полемизирует насчет моего окончательного приезда в Москву. К чему? Все решено, и жребий брошен. Остались считанные дни. Снова напоминает мне о юридическом оформлении брака. Здесь она права, конечно. Мы все как-то откладываем изо дня на день. И не можем решиться. А давно пора.

О Польше. В результате разгрома Германии территория Польши расширилась на западе и на севере за счет исконных польских земель, захваченных в давние времена немцами (Силезия, Восточная Померания, южная часть Восточной Пруссии). Территория Польши — 323 тыс. кв. км, население — 23,6 млн. человек.

Климат здесь умеренный, переходный от мягкого климата Западной Европы к континентальному в СССР. В Варшаве средняя температура января — минус 3,4°С, средняя июля — около плюс 19°С.

Страна обладает мощными энергетическими ресурсами. Крупнейшее месторождение каменного угля — в Верхней Силезии. В противоположность многонациональной прежней Польше, современная — однородное государство. Поляки составляют огромное большинство.

По экономическому развитию Польшу можно поделить на Юго-Западный промышленный район, или Верхнюю Силезию (Катовице, Ченстохов, Краков — 255 тыс. жителей); преимущественно сельскохозяйственный Северо-Западный район, или Познань и Поморье (Познань, Гданьск, Гдыня, Щецин); Центральный район (Варшавско-Лодзинский) — основное ядро государства; и в основном сельскохозяйственные восточные районы (Люблинский и Белостокский). Белосток к тому же — значительный центр текстильной промышленности.

Краков

29 марта.

Второй день Пасхи. Замечательный солнечный день. На улицах, в скверах полно праздного народа. *Свенткуё* [празднуют].

Вчера с Тамарой, а сегодня один был на футбольном матче Краковия — Шленска-Острова. Это та самая чехословацкая команда, которая в прошлом году выиграла у команды ЦДКа.

А здесь, несмотря на явное преимущество чехов, результат 1:1. Более того, совершив насилие над логикой, краковчане чуть-чуть нс вышли победителями. Чехов преследовал злой рок. В общем, футбольный сезон начался. Через пару часов иду на второй матч, уже на стадион «Висла». Играют команды «Висла» и чешская «Жашна». Интересно, как закончится эта встреча?

Зрители здесь очень темпераментны и сильно переживают. Причем, свои переживания выражают самым энергичным способом: свистят, подбрасывают вверх шляпы, ругаются между собой, кричат на судью *«сендзя Калёш»* [судья Галоша], советуют своим игрокам, где и как им бегать. Одним словом, активно участвуют, с эмоциями.

Впрочем, так, видимо, на всех стадионах мира. Особенно на международных матчах, когда в игру вступают и национальные, патриотические чувства. А у поляков они особенно выражены. У всех славянских народов, кажется, эта черта выпирает, и это роднит нас всех. Американские хищники могут нам завидовать.

Сто лет назад Герцен, например, испытал великое отчаяние. Он страстно любил Европу и страдал, видя ее падение. Он не повернулся к Америке, которая переживала бурную молодость; об американцах он говорил, что они «более деловые, чем умные», что жаждут они только «плотского довольства».

Американский радиокомментатор недавно «публично» признался, что «Америка с завистью смотрит на Москву», и, вместе с тем, из-за этого дядюшка Сэм ненавидит нас. За что?

Хочется сейчас вспомнить те годы, трагические вечера ожидания жен и матерей, огненный ад орудий и минометов, коптилку в землянке... Сколько крови и слез, выдержки, подвигов, оставшихся неизвестными даже близким, сколько отваги в бою и сколько мужества любви к родной земле! В те времена американцы жили беспечно, они жили лучше, чем до войны. Они не знали ни наших голодных, холодных зим, ни наших пепелищ и развалин, ни наших могил. Они ничего не знали: нельзя понять подвиг народа, даже прочитав телеграммы всех этих «Юнайтед» и «Ассошиайтед»...

Краков

4 апреля.

Несколько этих прошедших дней пробыли возле Мехова на штабных занятиях. С чувством глубокого удовлетворения должен признать значительные успехи и улучшение в работе 2-го отдела и офицеров-разведчиков. Выразилось это:

А) в лучшем понимании своих функциональных обязанностей, а отсюда и лучшее выполнение их;

Б) офицеры-разведчики поняли, что их обязанность — добывать сведения о противнике, что сами собой сведения не придут;

В) стремление 2-го отдела объединить в своих руках разведывательные мероприятия не только пехоты, но и других родов войск;

Г) стремление «не мариновать» у себя добытые сведения, а делиться ими с соседями, с подчиненными войсками.

Но это только начало. Отрадно то, что офицеры на правильном пути, но этот путь слишком долог и тернист. И столько нужно еще приложить стараний и трудов, чтобы добиться требуемых результатов. Тем более в такой сложной службе, как разведывательная.

В политической жизни Польши начинается большой сдвиг: органическое единство двух рабочих партий — ППР и ППС.

Еще раньше единство польского народа нашло свое выражение в блоке демократических партий, основой которого является единый фронт рабочих партий ППР и ППС. Выбрасывая из своей среды иностранную агентуру миколайчиков, ведя борьбу с противниками единства рабочего класса и его прочного союза с крестьянством, блок демократических партий сплачивает и объединяет весь польский народ вокруг своей программы строительства новой народной Польши.

А недавно при участии всех демократических организаций молодежи создана новая организация под названием «Служба Польше».

В качестве основной задачи «Служба Польше» ставит приобщение всей польской молодежи к труду по реализации трехлетнего плана, всестороннее развитие профессиональной учебы, физкультуры и спорта, изучение военного дела, воспитание молодежи в духе подлинного демократизма.

«Служба Польше» уже приступила к организации молодежных бригад, которые отработают за лето не менее 11 млн. трудовых часов на восстановление Варшавы, порта в Штецине, в Силезии.

«Служба Польше» приступает к работе в тесном содружестве с учительством, профсоюзными организациями и Союзом крестьянской взаимопомощи. Создание «Службы Польше» должно рассматриваться как важнейший шаг в деле крепкого сбли-

жения и практического содружества всех молодежных демократических организаций в Польше.

В «Крокодиле» напечатаны остроумные «Отрывки из ненаписанного», вроде:

И не будучи собственником, можно иметь собственное мнение.

Часы были верны, но только себе: они всегда отставали.

Критик-заочник: критикует только за глаза.

Телефон-автомат держался гордецом и бессребреником: возвращал гривенники и не удостаивал ответом.

Хороший писатель боится быть непонятным, плохой — опасается, что его поймут.

Вчера был на футбольном матче. Играли «Краковия» с чешской «Нусле». И наши проиграли. Стыд! А сегодня чехи играют с «Вислой». Но идет сильный дождь. Каким будет матч?

Краков

10 апреля.

Начал подготавливаться к отъезду. Договариваюсь о распродаже мебели. С этим, кажись, будет долгая возня. Не так-то легко найти купцов. А те, которые и найдутся, наверняка захотят воспользоваться случаем и купить все задаром.

Приезжал Людвик Погоржельский, отец нашего Мечислава. Долго сокрушался над своим шалопутным, спившимся в доску сыном, и после долгих «родительских» наставлений уехал домой. Помогут ли только эти наставления молодому Погоржельскому? Парень совсем испился, катастрофически. И жалко, не глупый он парень.

Скоро уезжаю из Польши. Осталось еще быть здесь с месяц, не больше. А потом... останется только рассказывать о Польше. Надо сказать, что за прошедшее время здесь произошли большие изменения.

1947 год был первым годом реализации трехлетнего плана. План года выполнен на 103,4%. Промышленная продукция по сравнению с 1946 годом выросла на 135%, а по сравнению с 1938 годом уровень промышленной продукции вырос на 10%. Сельхозпродукция еще отстает от довоенного уровня.

Рост промышленной продукции и производительности труда, уменьшение спекуляции и прекращение взвинчивания цен привели к существенному увеличению зарплаты реальной на 14% по сравнению с 1946 годом. И это в то время, когда в странах, объятых «планом Маршалла», таких как Италия и Франция, уровень

жизни трудящихся снизился, растет безработица (в Италии — до 3 млн. человек). Огромные возможности открываются для Польши с ростом социалистического соревнования на предприятиях.

Крепнет солидарность Польши со славянскими народами, с демократическими странами, с СССР — в противовес желаниям англосаксов. Польша, солидаризуясь с другими демократическими народами, отбросила «план Маршалла» и тем самым затруднила американскую экспансию.

Решительные достижения имеет Польша и в стабилизации политической обстановки, особенно после выборов в Сейм в январе 1947 года.

Во-первых, Миколайчик, который стоял во главе всех реакционных и оппозиционных сил в стране, уже к осени оказался в такой изоляции, что его пребывание в стране считали бесцельным даже его англосакские хозяева.

Во-вторых, упадок Миколайчика означает упадок влияния запада на польское общественное мнение, которое поняло антинародный характер миколайчиковских взглядов.

В-третьих, провалился расчет польской и международной реакции на разбитие огромного единого фронта рабочего класса, на создание в Польше «третьей силы».

В-четвертых, потерпели крах планы реакции найти опору на селе, среди польских крестьян.

Победил рабочий класс, идея рабоче-крестьянского союза, реализованная в ежедневной жизни через органы демократии народной. Окрепла политически деревня, вырастает ее экономическая мощь. Об этом свидетельствует хотя бы большие платежные способности деревни.

В 1947 году крестьяне не только уплатили *податек грунтовы* (земельный налог) в сумме 10 689 млн. злотых (выполнили план на 90,1%), но и уплатили недоимки с 1945 и 1946 года в сумме 4880 млн. злотых. Сдали натурой 392 400 тонн зерна, что составило 88% земельного налога зерном. В 1947 году ППР удвоила свои ряды в деревне. 200 000 пэпээровцев и 100 000 *зетвумовцев сельских* являются солидной политической силой деревни. Характерно, что авторитет ППР среди крестьян растет не только среди сельхозрабочих и *хлопов малопольных* [малоземельных крестьян], но и среди середняков.

Огромно вырос авторитет на селе *Польскего Строництва Людовего*,— теперь это уже массовая партия, успешно ассимилирующая ПСЛовских *хлопов* и всех тех «псевдонародников»,

которые раньше прикрывались лозунгом «самодельности хлопской» и хотели противостоять рабоче-крестьянскому союзу.

Да и ППС тоже, после бегства Миколайчика, все больше и больше порывает с его тенденциями и объединяется вокруг так называемого *ПСЛ-левица*.

Возросла также заинтересованность хлопов *Спулдельностём* [в сотрудничестве], выражением чего стало массовое развитие кооперативов, обществ крестьянской взаимопомощи и машинных станций.

Блок Партий Демократических исполнил свои обещания перед народом. В борьбе с реакцией еще более выросла передовая роль рабочего класса, его авторитет среди народа.

Однако все это не пришло без борьбы. В ППС нашлись такие деятели (Хубка, Драбнер), которые ослабляли единый фронт и пробовали широко открыть двери для остатков разбитой ПСЛ. Только июньское совещание Центральной Рады ППС положило конец шатаниям. Позднее Вроцлавский Конгресс ППС утвердил и расширил основы единого фронта. Конгресс повернул от 55-летних традиций ППС, которые воздвигали стену на пути сближения ППС и ППР. Начали со сближения идеологического, которое приведет к сближению организационному. Обоюдное стремление к нему нашло выражение еще в историческом договоре ППС и ППР в конце 1946 года. Конгресс Вроцлавский в декабре 1947 года ратифицировал этот договор. Единство идеологическое вырабатывалось на объединенных собраниях, курсах.

Сначала ППР неправильно обвинили в том, что она якобы стоит за немедленное объединение организационное.

На Конгрессе Хубка-Моравский выступил с утверждением, смысл которого: в связи с тем, что ППС имеет в мировом движении роль борца, она не может объединиться с ППР, т. к. тогда утратит влияние на другие социалистические партии. Разве не видит Моравский, что на международных соцконференциях решают не ППС, не венгерские социалисты, а Бевин, Шумахер, лейбористы, которые явно помогают прийти к власти *жоржистам* де Голля. Это они готовили конференцию государств западного блока. Не с ними должна идти ППС, если не хочет помогать буржуазии в борьбе с коммунистами, вместе с Блюмом и Шумахером.

В 1948 году перед народом Польши стоят задачи: во втором году трехлетки увеличить рост промышленной продукции

на очередные 23,5%, развернуть соревнование, увеличить площадь посевов по сравнению с 1947 годом на 8%, увеличить урожайность с гектара; поднять к труду молодежь (через «Службу Польше»), вести борьбу с бюрократами, с расхитителями, за экономию, за всеобщее обучение. Еще больше крепить союз с СССР и, надеясь прежде всего на собственные силы и помощь демократических народов, усилить бдительность, вести войну с внутренними врагами, реакционерами, агентами англосаксов, крепить блок демократических партий.

Краков

12 апреля.

Несколько раз я видел, что Тамара получает письма от какого-то Лесниченко из Москвы (ул. Баумана, 29, кв. 7). И не придавал этому никакого значения. Но сегодня увидел ее письмо, написанное ему 14 декабря 1947 года (которое он почему-то прислал ей обратно). Заинтересовался им и, должен сказать,— не напрасно.

Тамара пишет:

«Вовочка, радость моя! Только что прочла твою “писульку”, как ты говоришь, и стало еще тяжелее. Я даже поцеловать не смогла тебя, не только так, как хотелось мне, а даже обычным прощальным поцелуем. Страшно обидно и больно, что даже последний день мы были так мало вместе и были немножко чужие. Не иногда, а очень, очень часто буду писать тебе. Мне кажется, ты бываешь со мной, когда я тебе пишу. И не превращай все в такую шекспировскую трагедию, в жизни все гораздо проще и, если хочешь, легче. Конечно, тебе тяжелее, чем мне, я очень хорошо тебя понимаю. Меня ждет новая жизнь, новые заботы. Все это отвлечет и развлечет меня от мыслей о тебе, от тоски по тебе, но из этого не следует, что мне будет легко, совсем не будет легко, родной мой, и не думай, пожалуйста, что это я неискренне. Теперь мне все равно уже не для чего говорить неправду, да я никогда я не делала этого, хотя ты упорно не веришь мне.

Милый, мне так хочется рассказать, сколько нежности и радости в моем чувстве к тебе, сколько всего хорошего, да теперь вроде и ни к чему.

Так жаль, что мы мало были вместе по моей, да и по твоей вине, а, может быть, это и к лучшему, а то было бы еще тяжелей.

Я очень люблю тебя, мой хороший, и я хочу, чтобы тебе было получше и чтобы ты скорее забыл меня. Но я и эгоистка: вместе с тем, я хочу, чтобы ты меня помнил и любил как можно дольше. Вот видишь, из каких противоречий соткана душа женщины.

Никогда, никогда я не буду жалеть ни о чем, что было. Я благодарна тебе за все хорошее, что мне довелось испытать благодаря тебе. И не грусти, не тоскуй очень. Это пройдет, как проходит в жизни все — и хорошее и дурное.

Я не знаю, будет ли мне хорошо в Кракове, но я не уверена, было ли бы мне хорошо, если бы я осталась в Москве. Я не верю в постоянство чувства, и не только твоего, а вообще. А, кроме чувства, нас ведь ничего не связывает.

Уже 15 декабря. Сегодня еще тоскливей. Каждый час отделяет меня от тебя, и я не тешу себя надеждой, что, если мы встретимся опять, ты так же, как теперь, будешь относиться ко мне. Наверно, эта разлука — уже последняя наша разлука. Нет и нет! Эта мысль просто невыносима. Ведь мы увидимся еще, обязательно увидимся, и опять будет счастье. Пускай короткое, пускай ворованное, но зато трепещущее радостью и страстью. Обязательно напиши мне! Часто пиши — и помни, хотя бы еще полгода помни меня.

Очень крепко целую тебя, мой милый, хоть ненадолго, но мой. Там.».

Вот это да! Что можно сказать по этому поводу?

Обидно мне. И еще больше закрадывается в душу сомнение: неужели я так жестоко ошибся? Не верится, чтобы это писала женщина, которой 27 лет, которая носит под своим сердцем ребенка и готовится стать матерью. Любовь ли это такая сильная, или просто легкомыслие, шалость, желание сознавать, что можешь еще закружить кому-то голову?

Как бы там ни было, но мне это крайне не нравится. Можно подумать, что Тамару силком выдали за меня замуж, и она теперь тайком добывает «ворованное счастье»... с другими.

Примерно такие же письма получал и я от нее из Криницы. Но после такого — стоит ли верить в их искренность?

А, может быть, благоразумнее не обращать на это серьезного внимания. Пожалуй, будет самое верное.

Часто мне кажется, что наш брак с Тамарой (кстати, еще и не оформленный официально) будет недолговечным. И, главным образом, по ее вине. Да и этот самый Вова пишет ей: «Да,

ты никогда не познаешь в домашнем уюте спокойствие и радость, ты вечно будешь жить быстро меняющимися явлениями, резко их приукрашивая. Это не упрек, это горькая правда, и от этого мне грустно». В этом я тоже согласен с ним. И мне, тем более, тоже от этого грустно. Совсем печально!

Были в театре им. Словацкого, слушали «Страшный двор» Монюшки. Старая польская опера. В Старом театре смотрели новую вещь «Домик под Освенцимом». Из всех краковских премьер это, пожалуй, наиболее актуальная и современная, близкая зрителю, особенно польскому. Ведь в Польше из каждых 100 человек 22 погибли в лагерях смерти или в борьбе с немцами. Это огромный процент. Вот почему поляки долго-долго еще будут с ненавистью вспоминать о гитлеровцах. С ними у них связаны ужасы Освенцима, Майданека и Треблинки. Об этом, собственно, и напоминал вчера в своем выступлении по радио В. Гомулка, генеральный секретарь ЦК ППР.

Краков

22 апреля.

Все эти дни прошли под знаком сборов и ликвидации своего хозяйства. Последнее не так-то легко сделать. Все спекулянты хотят воспользоваться случаем и купить вещи за бесценок. Вчера дал в Москву телеграмму, чтобы мама выехала во Львов встречать Тамару. Теперь только дождемся ответа, и сразу же Тамара выедет. Немного рискованно, но гинеколог заверил, что отправляться в поездку пока можно. Впрочем, я уже много раз просил Тамару уехать, но она упорствовала. И вот теперь дождались. Каждый день промедления с отъездом опасен.

Хорошо, если Фаина Ильинична сразу же выедет во Львов. А если она откроет «дебаты» и начнется телеграфная перепалка, что тогда?

Сегодня проводили генерала Венцковского. Он сдал дела Моссору, а сам уехал в Варшаву, а затем в Москву, военным атташе. Очень жаль, что расстались. С другой стороны, можно только радоваться, что он едет в Москву — потому что в случае необходимости я и там буду иметь нужную опору. Ведь старик мне так симпатизировал.

За эти дни в кино видел «*Остатни Этап*» [Последний Этап] (про Освенцим), «Сельская учительница». Ну, и, кроме

того, ездил в Катовицы на футбольный матч между командами Праги (чешской) и Силезии. Шлензаки побили чехов со счетом 2:1; героем дня был их вратарь Янек. Хлопец — мировой.

25 апреля.

Получил от мамы телеграмму: «Выезжаю 27 вторник со Львова буду телеграфировать старайтесь вывезти спальню возьми мыло стиральное крепко целую мама».

Вопрос решен: Тамара окончательно уезжает. У меня опасения, чтобы только не разродилась в дороге. Вот-вот должна разрешиться. Очень хорошо, что будет вместе с мамой и под ее наблюдением.

Нашу «элегентскую» спальню, о которой вспоминает Фаина Ильинична, увы, вывезти нельзя. Слов нет, она хороша, и не скоро такую снова достанешь, но что делать? Впрочем, было бы здоровье, а спальня будет. Стоит ли беспокоиться.

Вчера был у зубного техника, вставил зубы. Перед отъездом решил подлечиться. Лучше все сделать, пока для этого есть возможности и деньги.

Вечером с Тамарой были в *Театше Повшехным Тов. Университету рольничего (TUR)* [Театр сельскохозяйственного университета] на постановке по пьесе Б. Шоу «Ученик дьявола». Между прочим, некоторые утверждают, что это — одно из любимейших произведений самого автора. Имеет законченную драматическую конструкцию, богатую фабулу в романтическом стиле. Действие происходит во время борьбы американцев за свободу, против английской захватнической политики. Последние международные события и колониальная политика англосаксов делают пьесу особенно актуальной, злободневной.

Получил санаторную карточку в Кудову. Может быть, удастся выехать. А погода теперь самая подходящая. Очень бы хорошо поехать туда. Зимой там не так хорошо, как теперь.

Несмотря на дождь и совсем скверную погоду, все же пошел на футбольный матч «Полония» (Бытом) — «Висла» (Краков). Замерз окончательно.

Вечером с Тамарой и Галинкой Кулеша ходили в кино «Апполо» на фильм «Миклухо-Маклай». Великий русский путешественник на островах далекой Новой Гвинеи утверждал передовую роль русской науки, защищал дикарей от произвола работорговцев и плантаторов. Великий русский писатель

Л. Толстой, восхищаясь жизненным подвигом Маклая, писал ему: «Не знаю, какой вклад в науку, ту, которой Вы служите, составляет ваша коллекция, но ваш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу, — в науку о том, как жить людям друг с другом. Напишите эту историю, и вы сослужите большую и хорошую службу человечеству...».

Это был голос России, голос передовой части ее людей.

Краков

26 апреля.

Резко похолодало. Слыхал, что на Украине выпал снег. Возможно ли это теперь, накануне мая?

Получили от мамы телеграмму. Она уже выехала, в среду будет во Львове. Просит телеграфировать ей день выезда Тамары по адресу: Тимирязева, 12, кв. 6, Синицину Якову Никитичу. Не забыла напомнить и о доверенности на посылку. Как будто мы сами не догадались бы!

Фаина Ильинична — умная и предприимчивая женщина. Недаром с таким восхищением отзывался о ней ее давнишний знакомый по Фергане, которого мы встретили здесь недавно. Как хорошо, что у нее есть знакомые во Львове. Теперь это пришлось очень кстати. Единственное, чего сильно боюсь,— это тревога за Марышеньку: не родила бы она в поезде. Рискованное дело — посылать ее теперь поездом. Но иного выхода нет. Сама она дотянула до этого времени, а теперь вот мне страшно.

Сегодня проводил занятия на курсах. Последний раз здесь на таких курсах.

А все-таки жалко, что уезжает Тамара. Теперь, когда этот вопрос уже решен и остались считанные часы, становится не по себе. Пожалуй, теперь я бы не смог сам оставаться так долго в одиночестве, как это было до сего времени.

27 апреля.

В связи с исполнившейся третьей годовщиной со дня подписания договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Польшей и СССР по всей стране прошли специальные собрания и митинги. Президент Берут в своей статье в журнале «Пшиязнь» пишет:

«Договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве, подписанный 21 апреля 1945 года между Польшей и

СССР, является документом, имеющим огромное практическое значение для обоих подписавших его государств. Однако для Польши он имеет особое значение, ибо он залог нашей государственной независимости, гарантия мирного развития нашей страны».

Советско-польский договор, как указал тов. Сталин при его подписании, знаменовал собой коренной поворот в отношениях между СССР и Польшей в сторону дружбы и союза.

Польская общественность постоянно и с чувством глубокой признательности говорит о той помощи, которую на протяжении всех этих трех лет Польша получает от СССР. Она имеет огромное значение для дела восстановления и реконструкции народного хозяйства Польской республики. В частности, это экономические соглашения, заключенные в январе этого года, которыми определены основные контингенты взаимных товарных поставок на 1948—1952 годы общей стоимостью свыше 1 млрд. долларов. Одновременно предусмотрены поставки Польше Советским Союзом промышленного оборудования на 1948—1956 год общей стоимостью до 450 млн. долларов.

Заключая соглашение, СССР и Польша выступили как равные стороны, независимо от их различия и мощи. Естественно, что польская общественность невольно сравнивает условия этих соглашений с теми кабальными условиями, на которых получают так называемую «помощь» страны — клиенты американского «плана Маршалла», которые приобретают лежалые второсортные американские потребительские товары в обмен на свой национальный суверенитет.

Три года братского сотрудничества СССР и Польши принесли огромную пользу для обеих стран.

При всем старании Розенбаума, у нас с продажей мебели ничего не выходит. Нет покупателей, а те, которые и появляются, дают смехотворную цену. Хоть бери и оставляй здесь кому-нибудь.

5 мая.

Дальнейшие события развернулись так. В пятницу днем (30 апреля) отвез Тамару до станции и в Перемышль. На вокзале нас провожали капитан с капитаншей, Люся, а Погоржельский ехал до Тарнова. Дорогой рассказывал забавные историйки и все порывался выпить вино, которое дал нам на дорогу капитан.

В Перемышль приехали вечером. Разыскал начальника погранотряда, достал машину и разрешение переночевать в их госпитальных покоях. Когда приехал за Тамарой, то ее на станции не оказалось — забрал ее к себе на ужин Щибальский. Пришлось поехать на его виллу (там, где когда-то жил Попко). И попал на ужин, который прошел «в сердечной обстановке».

Первого мая рано посадил Марышеньку в поезд, договорился с кондуктором и капитаном-попутчиком о том, чтобы присмотрели за ней. Последние минуты прощания — тяжелые минуты. Снова остаюсь один.

В 9 часов утра скорым выехал в Краков, а львовский поезд еще оставался на станции. Но должен был вот-вот отъехать. По дороге заехал в Тарнов, к Погоржельскому и Зосе. Не хотелось спешить с возвращением в опустевший и осиротевший дом. Первые дни разлуки особенно тяжелы.

В Тарнове этот день прошел не так тоскливо. 2 мая вернулся в Краков. Домой заходил с щемящим сердцем. Казалось, что вот-вот придет Тамара, заговорит. Но, увы!.. Сбежал на футбольный матч, в кино. Лишь бы только не быть дома...

Понедельник весь прошел в приготовлениях к отъезду. Во вторник рано выехал в Катовицы, а оттуда в Кудову. Снова Кудова.

После долгого «страдания в вагоне» (поезд жутко медленно тащится!) вечером приехал в Кудову. В прошлом году здесь был в феврале, при снеге, а теперь совсем иное. Все в цвету. Еще в приемной встретил знакомых — коменданта, сестер.

Начались курортные «страдания». Посещения врача, процедур и прочие такие вещи.

Погода стоит прекрасная. Дни солнечные и ясные. Вчера была у нас забава.

Кудова-Здруй,
Силезия

7 мая.

Ровно неделя со дня отъезда Тамары. Тоскливо без нее. И мучает немного совесть за мою несправедливость по отношению к ней. Теперь она мне кажется такой милой и хорошей. Всегда вот так, после ее отъезда.

В Кудове все по-старому. Вчера на лодке катались по озеру. Оно не велико, но расположено среди деревьев и вилл. Выглядит весьма живописно.

Живу в 37-й комнате с одним стареньким полковником из Варшавы. Когда-то он учился в юнкерском училище, хорошо разговаривает по-русски, знает наизусть Пушкина, любит русскую культуру. Мы с ним даже подружились. Вчера вечером ходили в кино, смотрели «Девушка с характером». Вспомнил, как первый раз смотрел этот фильм в Фергане. Это было, кажется, еще в 1938 году. Как это уже давно.

Учили меня вчера играть в бридж. Понял, как это играется.

Спим при открытом окне, умываемся до пояса холодной водой. Одним словом, ведем людской образ жизни. Тамара была бы совсем довольна.

Из Познани здесь отдыхает полковник с женой, они русские, тоже собираются уезжать домой. Все наше братство собирается на родину.

В санатории в этот раз большинство старичков, поэтому и образ жизни тихий, «старперский».

Кудова-Здруй

8 мая.

Ровно неделю тому назад прощался с Тамарой в Перемышле. Неделя, а кажется — это было так давно. Без нее и время тянется нескончаемо долго.

Погода резко изменилась, пошел дождь, небо заволокло тучами. В такую погоду только спать да спать. Тем более что и врач прописал после минеральной воды спать два часа. Вчера принимал солнечные ванны, а сегодня нельзя.

Вечером в клубе были танцы и игры. Какой-то поручик хорошо играл на фортепьяно, причем, в большинстве — русские мотивы. Нужно признать, что наша музыка, искусство, песня проникли в польский народ. Многие стараются говорить по-русски. Впрочем, в искренность дружбы многих можно и не верить. Она весьма относительна. Все до поры до времени.

Чувствую себя значительно лучше, даже за эти дни отдохнул и подкрепился. Нормальный, спокойный образ жизни много значит.

Теперь вот взялся писать письма. Не люблю очень это дело, но нужно его все-таки делать. Хотя бы периодически. Снова накупил открыток и думаю их рассылать во все концы.

После обеда — спать. Встал — вокруг все просто не узнать. Солнце залило парк, островерхие крыши соседних вилл. Из окна открывается прекрасный вид на Кудову, беспорядочно

разбросанную по склонам гор, среди многочисленных деревень. Подойдешь к окну вот в такой солнечный день, слушаешь веселое щебетание птиц — и отдыхаешь телом и душой, лениво разглядываешь горы, лес... И размышляешь, как, вероятно, делал бы каждый на моем месте, о времени, о вечности, о войнах, бушевавших в этих местах, о людях, посетивших их и еще когда-нибудь приедущих вот в эти места.

Кудова-Здруй

10 мая.

Вчера был мой день рождения. А я и забыл. Вспомнил, только когда получил телеграмму из Москвы: «Горячо поздравляем днем рождения крепко целуем Тамара мама».

Случайно, с оказией, ездил с врачами машиной в Поляница-Здруй. Это тоже курортная местность в 30 километрах от Кудовы. Хорошо в пригожий день проехаться машиной, особенно по асфальту, среди гор и лесов. Приятная прогулка.

Городишко Поляница-Здруй небольшой, но расположен в очень красивом месте. Прекрасные дома, виллы всевозможной архитектуры. А сколько праздного народу! После войны Польша получила прекрасные районы, благоустроенные. И могут ли поляки после этого сетовать, что их обидели. А ведь все это получено благодаря русским, это наш брат отвоевал своей кровью все эти курорты, виллы, благополучие и «люксусова» жизнь для поляков. Многие это хорошо понимают, но многие не хотят понять. Тем хуже для них.

Полковника перевели в другую комнату, и я остался один. Вечерами скучно, кинофильмы меняются раз в неделю. Вообще, культурное обслуживание поставлено слабо. Лекций никаких не было. В Ессентуках в этом отношении все было куда лучше организовано.

Вечером пришли ко мне гости, сыграли в бридж. Я уже немного научился.

13 мая.

Выбился из графика нормальной жизни. Так увлекся «Двумя капитанами», что перестал ходить на забеги. И после обеда не спал, как полагалось бы. Так хорошо написана книга, с такой подкупающей правдивостью. Детские годы, учеба Сани Григорьева мне особенно близки: у меня они тоже примерно так же протекали. И в моей жизни так было, что текла она плавно,

а затем вдруг проделывала «бочки» и «иммельманы». И все-таки детство и юность — хорошие годы.

Что вспомнить, что рассказать об этих годах? Слишком много пришлось бы писать. Понадобилось бы много тетрадок.

Юность кончается не в один день, его не отметить в календаре: «Сегодня окончилась моя юность». Она уходит незаметно, так незаметно, что с нею не успеваешь проститься. Только что ты был молодой, юный — и незаметно стал взрослым. Юность кончилась, а когда, какого числа, в каком часу? Неизвестно. Если сравнить жизнь с дорогой, то можно сказать, что на самых крупных поворотах этой дороги человеку нужен регулировщик, который бы указал нужное направление. Как часто у меня не было такого регулировщика, и это давало знать.

Две недели — не так уж много, но какими долгими они показались мне без Марышеньки. Тоскливо. Как она мне нужна сейчас, хорошая, умная. Чувствую себя одиноким, как никогда. Перебираю в памяти наши беседы, вспоминаю, когда и о чем говорили. Горько вспоминать, что в последние дни я был несправедлив по отношению к ней. Но скоро увидимся, и все будет хорошо.

Иногда мне и теперь кажется, что она только в другой комнате или на своем «камбузе», что вот-вот откроется дверь, и она войдет. Мы пойдем гулять в горы... Как в тот счастливый вечер в Кринице, она снова будет отставать и сердиться на меня, что я спешу. Все-таки — как хороша семейная жизнь и как ее надо ценить.

Кудова-Здруй

15 мая.

Осталось быть здесь полмесяца. А как много еще надо сделать: переписать материалы учебные, законспектировать хотя бы несколько глав из «Истории ВПК(б)». Теперь, видимо, будут спрашивать и в Варшаве и в Москве. И снова будут ругать за то, что мало работал над собой. А стыд-то какой!

После обеда наши курортники высыпают на скамеечки «подышать свежим воздухом» и точат лясы.

Вчера написал письмо в Москву и Балтрукевичу. Его адрес: Варшава, ул. Кошикова, 79а, кв. 28.

Американский посол в Москве обратился с предложением урегулировать отношения с СССР. Ага, наконец-то начинает проясняться у них в мозгу. Наконец-то благоразумие, голос че-

стных представителей начинает торжествовать. Может быть, великая американская нация не погрязнет в трясине мракобесия.

Земля движется. И человек на этой земле идет вперед. И жизнь на земле идет вперед, к новым свободным дням мира. Свыше восьми миллионов итальянцев, голосовавших за коммунистов, не испугались бомб, танков, вооруженной полиции, не позволили соблазнить себя блеском долларов. Эти восемь миллионов — люди действия, люди твердых убеждений, люди будущего.

Силы демократического лагеря растут с каждым днем. Новые и новые победы одерживают наши друзья, борющиеся за свои права, за свободу, за процветание и независимость своих стран против реакции, против иноземной кабалы.

Американцы хотят организовать Соединенные Штаты Европы, в которых бы они играли главенствующую роль. Почему капиталисты заинтересованы в организации уний и федераций в Европе? По-моему, здесь нужно видеть три причины. Первая — экспансия империалистов США, которые, нажившись на войне, стремятся к экономической диктатуре (а вслед за ней — и к политической). Все эти унии и есть форма закабаления иных государств Соединенными Штатами. Вторая — стремление мирового капитализма к изоляции СССР, к созданию и укреплению антисоветской коалиции. Не удалось при помощи Гитлера задушить СССР, так пытаются делать это сейчас. Третья — страх перед растущей мощью рабочего класса в отдельных странах. Сами капиталисты отдельных стран не могут справиться со своим рабочим классом и зовут на помощь военную силу США. Голое, ничем не прикрытое предательство своего народа, лишь бы только удержаться у власти и не потерять материальных благ.

К нам в санаторий приехал генерал, тот самый, который формировал нас в Сельцах. Как он постарел!

Кудова-Здруй

17 мая.

Это совсем плохо: все собираюсь заниматься «Историей партии» и никак не соберусь; то загораю, то играю в шахматы, бридж, и так проходит весь день. А это недопустимо: если тут не стану заниматься, то больше времени не будет. А ведь спросят же обязательно.

Сегодня сидел, ждал, пока разбирали почту. Конечно, мне ничего нет. Это таки свинство большое.

Каждую ночь снятся какие-то глупые сны. То меня обворовали на станции при покупке билета, то не мог слезть с многоэтажного дома... К чему бы все такое чудачество?

Вчера был у нас вечер самодеятельности. Чепуховский, бессодержательный.

Вчера снова проиграл в бридж. Наука, говорят, денег стоит. Раз хочешь научиться — должен проигрывать. Так-то оно!

Полковника Большака трижды обыграл в шахматы, и то «не по правилам». Без теории, с налета.

Кудова-Здруй

19 мая.

Последние два дня дождь и дождь. Почти никуда не выхожу. Законспектировал 2-ю и 3-ю главы «Истории ВКП(б)». А, вообще, как протекает день? Утром в 8 часов встаю. Иду на процедуры (забеги), а в 8.30 — на завтрак. После него снова процедуры или к врачу, а в 13.00 на обед. После обеда в *пияльня* [бювет] пить воду и послушать немного музыки. От 15 до 16 часов «мертвый час», а в 17.00 — *подвечорек* [полдник] в столовой. Легкий ужин. После него играем в шахматы, рассказываем анекдоты.

В 19.00 ужин. После ужина — или в кино, или за бридж, или за шахматы.

Сейчас вот 11 часов ночи. На дворе дождь, только-только из моей комнаты разошлись полковник, майор и одна медсестра из Щецина. Играли в бридж. Майор имел билет в кино, но мы его отговорили, чтобы иметь четвертую руку. С ним мне лучше всего играется.

Помогли ли мне все здешние процедуры? Трудно сказать. По-моему, нет. Но, говорят, это чувствуется через определенное время, а не сразу. Возможно. После Ессентуков сам в этом убедился.

Осталось уже 9 дней. Все ближе и ближе выезд. А там — хлопоты по выезду домой. Снова — пустая комната, больно напоминающая о Тамаре, снова пакование вещей, поезд на Варшаву, хождение, снова чувство нехватки денег. Все эти нудные житейские будничные мелочи, которые всегда стоят на нашем пути.

25 мая.

После врачебной комиссии мне добавили процедур, и теперь целый день проходит «в оных». Даже устаю. А главное, что все это мало помогает. Наоборот, с желудком значительно хуже, чем перед приездом в Кудову. При моем холецистите мне назначили пить воду Мархлевского. Как теперь узнал, это же убийство. А врач? Видимо, тоже прозевал.

Сегодня уже выезжают некоторые курортники. И мне осталось три дня тут быть. Нет ничего вечного. Мир — процесс движения, изменений, преобразований. Приеду домой, будет снова тоскливо — ведь там, в Кракове, все так напоминает Тамару, а теперь ее там нет.

Вчера получил от нее вторую открытку. Пишет, что не получает писем, а ведь я же написал их 9 штук. Что случилось?

Жена Большака сегодня читала нам мораль, как вести себя за столом. Чудачка, разве в этом суть культуры — что с того, что многие здешние шелкоперы очень элегантно выглядят, расшаркиваются, до приторности вежливы. Но как они пусты внутренне! А их щегольство, архивежливость — «любовное самосозерцание тупого мещанства, хрупкой обывательщины». Тошнит от нее. Наш русский человек прост, скромен, но зато и способен на большие дела. В этом его сила, внутренняя красота и культура.

Гордое сознание сил и подвига, совершенного нашей родиной,— вот позиция, с которой мы должны смотреть на Запад.

Еще Пушкин писал о США и их «хваленой» культуре: «...С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей, наиболее мыслящих. Не политическое происшествие тому виною: Америка спокойно совершает свое поприще, доныне безопасная и цветущая, сильная морем, упроченная ее географическим положением, гордая своими учреждениями. Но несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американских, и их наблюдения снова возбудили вопросы, которые полагали давно уже решенными. Уважение к сему народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жалких предрассудках, в ее нетерпимом тиранстве».

Итак, циничная демократия оказывается «плодом новейшего просвещения». Браво, Александр Сергеевич! А до чего дош-

ли теперь эти хвастливые «дяди Сэмы», до какого цинизма и наглости. В сегодняшней ноте очень хорошо об этом написано, крепко, смело, по-нашему, по-русски.

Скоро уезжать отсюда. А я так мало успел в самоподготовке. Удалось проработать (но не изучить основательно) только 5 глав «Истории ВКП(б)». Ей-ей, не хватило времени. Сам ругаю себя за малые плоды трудов, но время-то уже не вернешь. Нужно будет еще взяться за биографию тов. Сталина. Успеть за эти три дня. Много осталось работы еще и по переписыванию учебных военных материалов.

Сегодня вечером была гроза. Блистала молния, и гремел сильный гром. Мы спрятались у Винокуровых, доигрывали с ним партию в шахматы. Стало темно-темно, погас свет. Забарабанили крупные капли дождя. Невольно преклоняешься перед такой стихией.

Пытался загореть, ничего не выходит. Солнце изменяет. Стоит только выйти на улицу с одеялами, книгами, как оно прячется за тучки.

Кудова-Здруй

26 мая.

Получил письмо от полковника Евченко. Он пишет, что проводили Шпановского, и все остальные тоже готовятся к выезду.

Штрингер, действительно, свирепствует — все делает за два часа, и все потом приходится переделывать. Он доволен, что Тамара благополучно приземлилась в своих родных краях, а мне советует: «Не падай духом — скоро ее увидишь, и не только ее, но и плод своего “отчаянного труда”. Завидую тебе и вместе с тем желаю получить здорового, крепкого сына».

Я знаю, как все это будет выглядеть. Пока, например, ничего не известно. У нас некоторых отчислили за плохое поведение — слишком уж любили поухаживать. Особенно досталось одной Крисе. А как она здесь перед этим «гоняла», чего только ни делала, чтобы понравиться некоторым.

Впрочем, стать красивой, быть кокеткой, предметом поклонения — это всегда было наибольшим желанием всех женщин мира, начиная с Евы.

Вот Клеопатра — она пьет вино, в котором растворен жемчуг, чтобы получить серебристый блеск глаз... Вот жена Неро-

на, купающаяся в молоке от пятиста ослиц... Вот знатные китаянки, готовые претерпеть жуткие муки, ходить на специальных каблуках, но иметь маленькую ножку...

Вчера у жены Большака были именины, и мы немного гульнули.

Полковник-старичок дал мне свой адрес: Варшава, аллея Неподлегности, 245, кв. 61. Вацлав Ключинский.

Кудова-Здруй

28 мая.

Пятница. 11 часов ночи. Только что пришел от очередного отъезжающего курортника. Долго с ним рассуждали и о моем предстоящем выезде. Попрощался с его женой. С ним прощусь завтра утречком, когда зайду за своей тетрадкой.

Перед вечером попрощались со многими-многими. Большинство уезжает сегодня, вернее, уже уехали. Теперь от нас остались одиночки. Завтра утречком выезжаю и я на Краков. Всему приходит конец.

Грустно. За этот месяц люди как-то сдружились. Мы с полковником Большаком все резались в шахматы. Сегодня я ему проиграл, а он все пел: «Валенки, валенки, не подшиты, стареньки...». Даже жене его надоело слушать его пение.

Прошел месяц. Сегодня отправил последнее письмо Марышеньке. Больше, видимо, в Кудове мне уже не придется быть.

Собрал свои вещи. Последний раз уселся вот за этот столик. Всегда, когда уезжаешь с насиженного места, как-то становится грустно.

Но стоит ли поддаваться этому чувству? Конечно, нет. Нужно сказать себе, что все прекрасно, все идет нормально, своим чередом.

Кудова-Здруй

31 мая.

Понедельник. Снова я в Кракове. Как только приехал вечером в субботу, так стало жутко тоскливо. Все в доме так напоминает Тамару. Вот к этим дверям она прикасалась, на этом стуле сидела. Со стены по-прежнему смотрит ее портрет. Как будто только вчера мы вышли из этого дома и разбежались: она — в Москву, а я — в Кудову.

Сразу же пошел к Кулешам и там получил два письма из Москвы. Одно даже было напечатано на машинке. С полной инструкцией о том, как паковаться, сколько платить носильщику, как достать билет. Ай, да Фаина Ильинична. Предусмотрительная женщина. А как сильно любит Тамару.

У соседки-капитанши, что живет в квартире под 7-м номером, событие. Вечером зашел к ним и увидел молодого мужчину, которого она мне представила, как своего нового мужа. Но самое интересное было в том, что прежний муж сидел здесь же и вел себя так, как будто бы не он прожил с этой женщиной десять лет и как будто бы это не его жена уходит к другому мужу. Так теперь и живут все вместе. Как это у них все легко происходит... Как самое обыкновенное, пустяшное дело. Что для них десятилетняя (шутка ли сказать!) совместная жизнь. Разошлись, как будто после легкого флирта. Или как после киносеанса расходятся люди.

Ну и, наконец, самое главное. Сегодня, возвратясь из ДОВу после обеда с Евченко и Снегиревым, зашел к Кулешам, и Галинка начала меня поздравлять, потрясая телеграммой. Вот ее содержание: «Сегодня (это значит — 29 мая) 18 часов Тамарочка родила девочку 8 фнт (примерно 3,300 кг) горячо поздравляем крепко целуем отца нашей девочки будем телеграфировать часто мама бабушка». Кто бабушка, это известно, а вот кто теперь мама? Интересно — поменялись ролями. У них тоже повышение в званиях: мама стала бабушкой, а дочь — мамой.

Как бы там ни было, но теперь я уже знаю, что я — отец. А мы с Тамарой даже не условились, как же назовем ребенка. Впрочем, мы-то и не знали, что будет девочка. Но какие это налагает на меня большие обязанности. Быть отцом — это значит воспитать ребенка достойным гражданином нашей Родины, воспитать дочь такой, какими были лучшие дочери нашей страны — Зоя Космодемьянская, Лиза Чайкина...

Сообщил эту радостную весть всем своим знакомым, они меня поздравляли, радовались. Особенно была рада Шершниха. Долго улыбалась поверх очков своей добродушной, старческой улыбкой. Завтра утром дам телеграмму: «Очень рады, горячо поздравляем желаем матери дочери счастья здоровья целуем Николай, Кулеши, Евченко, Люся, Шершни».

Краков

1 июня.

С утра послал Тамаре телеграмму. В ДОВу меня поздравляли с *цуречко* [с дочерью]. Некоторые сочувствовали: почему не сын. А мне все равно. Что судьба дала.

Днем был у консула, долго с ним говорили о том, как оформить визу на мои дневники. Неужели мне суждено с ними расстаться? Это было бы для меня огромным горем. Девять лет, да еще таких богатых событиями, записаны в дневники. Это были самые интересные годы моей сознательной жизни. Я привык разговаривать со своим дневником, делиться мыслями, как с единственным другом. И неужели у меня его заберут на границе? Оставить его здесь? Сжечь? Нет, рука не поднимется.

Повезу собой! Будь что будет, но повезу. Неужели где-нибудь в Главлите не найдется человека, который не понимает, что значит лишить человека его дневников? Консул обещал позвонить в посольство и выяснить у Яковлева, как должно этот вопрос разрешить. Через три дня выяснится.

В Москву написал письмо. Завтра высылаю. Додумаются ли мои сходить к генералу Венцковскому? Вот бы обрадовался старик прибавлению моего семейства.

Скорее бы уже самому выехать. Взял все справки, бегунок и начал уже обходить всякие кабинеты. Уже недолго осталось. Скоро снова в Москву, а там — свои люди, своя жизнь.

Краков

6 июня.

Воскресенье. Живу подготовкой к выезду. Оказалось много дел, связанных с окончательным расчетом. Нужно в двенадцати (!) местах отметиться на обходном. Но скоро придет и этому конец. Скоро, скоро уеду домой, на Родину.

Как назло, стоят исключительно паршивые дни, дожди *без пшестанку* [без перерыва]. Такого обильного осадками мая уже не было, судя по сегодняшней заметке в *«Echo Krakowa»,* уже около 30 лет. Поздно ночами сижу: нужно переписать учебные материалы последних штабных учений. Очень жаль, что раньше этого не сделал. Это ведь богатый учебный материал. А учебников по составлению боевых документов, особенно в армейских масштабах, так мало, и их трудно достать. Сегодня приходил Юзик, мой старый ординарец. Поговорили с ним. Посоветовал хорошо работать, тогда всегда будет человеком.

Кулеша нашел переплетчика, и он мне переплел все дневники. Чтобы он их не читал, пришлось все время присутствовать при этом.

У соседей интересные вещи происходят. Капитаншин «амур» хотел ее обокрасть (вот что значат плоды мимолетного знакомства), но помог случай: сломался замок, и «новый муж» не смог проникнуть в дом. Капитанша его прогнала и снова пошла на мировую со своим старым Альфредом. Я им немного помог примириться. Ведь жалко, чтобы так глупо разбивалась семейная жизнь. А как будет с моей семейной жизнью? Ни открыток, ни писем, ни телеграмм снова нет. Фаина Ильинична успокоилась. Одно время мне даже казалось, что ее больше всего волнует одно: выполню ли я все ее поручения. Это для нее было главным.

В Марышкиной любви ко мне я тоже немного поколебался. И все это проклятое письмо к Вовке. Я все сравниваю: ведь когда она ехала ко мне, то Вовке писала с дороги. А вот когда уехала от меня, то небось ничего мне не написала. И давно уже я не получал таких хороших писем, как она написала своему Вовке. Что это значит? Неужели у нее до сих пор в голове романтика гимназистки, увлечения, так же скоро проходящие, как и появляющиеся?

Сегодня вечером был в театре имени Словацкого на большом концерте нашего хора и балета имени Пятницкого. И хор, и балет — замечательные, буря аплодисментов, вызовы на бис — достойная награда нашим артистам. Концерт состоял из двух частей, одна лучше другой. Все номера, особенно пляски, вызвали огромный восторг зрителей. Овациям не было конца. И действительно! Мы, русские, испытывали огромную радость и гордость, что именно это наши люди, наш народ создал такую замечательную музыку, песню и танец. Есть чем гордиться.

Краков

7 июня.

И июнь-то совсем не похож на июнь. Так, осень какая-то. Дождь с утра, дождь днем, дождь ночью. Сегодня только на несколько минут выглянуло солнце. Погода осенняя. А тут и без нее тоскливо самому, без никого. Сижу долго ночами. Вче-

ра лег уже на рассвете. Пусто в доме, темно во дворе. Барабанит без устали по подоконнику дождь.

Из Москвы ничего не получал. Дал телеграмму: «Как здоровье Марышки доченьки». Я догадываюсь, почему ничего не сообщают. Снова Тамаре и Фаине Ильиничне показалось, что я невнимателен, и они обиделись. Почему так мало нужно для их обиды? Какое-то болезненно раздражительное самолюбие. Все более и более мне почему-то кажется, что все же мы с Тамарой не сошлись характером, что у нас много несовпадающих взглядов на иные вещи. Она, например, может обидеться за то, что я вошел в дверь первым, а я не придаю этому никакого значения. Разве в этом дело? Разве в этом сущность культуры? Да и откуда мне было изучить все эти «тонкости благородного воспитания». Мне пришлось самому с тринадцати лет работать, зарабатывать на жизнь. «Моими университетами» была сама жизнь, строгая, взыскательная. Разве я не хотел бы иметь сейчас блестящее законченное образование и разве в этом моя вина, что его не получил. С какой радостью пошел бы сейчас учиться в военную академию, но как сдать экзамены? Да и возраст уже...

Тамарина жизнь текла в благополучии, помогала мать (она и до сих пор при ней), заботился отец. Как много это значит, как облегчает жизнь.

На этой неделе должен обязательно ехать в Варшаву. Задерживает только то, что не рассчитался с вещевым отделом. Подал рапорт на списание. Шершниха мне подсказала, как лучше уложиться. Вот где замечательная старушка. Вся ее жизнь — в заботе о детях, Виталии и Ире. Есть такие женщины, целиком отдавшие себя материнству. Какой матерью будет Тамара? Трудно ответить. Но мне кажется, что ей скоро надоест эта функция. Ее душа постоянно ищет новых ощущений, то, что вчера для нее было целью, сегодня уже перестает интересовать ее, как пройденный этап. В этом я согласен с Вовой Лесниченко. Он писал ей об этом в письме.

Кулеша поехал в Варшаву, он просится домой. Правильно делает. Давно ему советовал. Дома будет куда лучше.

Хотелось бы скорее попасть в Москву. Нужно будет серьезно и основательно поговорить с Фаиной Ильиничной, рассказать ей о письме Вовочке. Только поймет ли она?.. В своей

материнской любви (Тамара ведь единственная у нее дочь) она подчастую не хочет замечать справедливости и всегда встает на защиту Марышки, держит ее сторону.

И странно, что теперь, когда я вот только-только стал отцом, мне уже нужно задумываться над этим вопросом. Не поздно ли? А, может быть, теперь ребенок все сгладит, увеличит нашу привязанность друг к другу. Во всяком случае, если только Тамара не согласится выехать со мной из Москвы туда, куда меня пошлют, то я должен буду решить окончательно вопрос о наших взаимоотношениях на будущее и расставить все точки над i. Если же она дорожит мною, она поедет везде, разделит мою судьбу. Такой должна быть жена, настоящая подруга жизни.

Краков

8 июня.

Хуже всего неизвестность. Приехал из Варшавы Кулеша и наговорил всяких страхов. Расстроил меня.

Скорее бы определилась дальнейшая судьба. А если демобилизуют? Не могу себе представить жизнь вне армии. За столько лет привык к ней. Полюбил свою профессию. Привык к строгому распорядку. Я был педагогом, был журналистом, однако военная профессия мне больше всего понравилась, особенно служба разведчика. Если бы удалось попасть мне на курсы усовершенствования! Я бы старался, учился бы хорошо и оправдал доверие. Но как туда попасть, как доказать важность этого комиссии, которая будет решать мою судьбу. Крутой поворот. В жизни их много было и много еще будет. Не стоит отчаиваться, падать духом. Главное всегда впереди. Может быть, еще и удастся поехать на учебу. Все возможно. А ну как мне снова улыбнется счастье. Хуже всего, однако, то, что не с кем поделиться, не с кем посоветоваться. Сам один, как сыч. Каждый занят своим делом, своим устройством.

Нужно быстрее ехать в Варшаву и скорее узнать всю обстановку.

Дождь, не переставая, льет. В Закопане прервало ж.-д. сообщение, поразмывало дороги, сорвало мосты. Горные реки вышли из своих берегов и затопили многие деревни. Люди си-

дят на крышах. Это прямо-таки бедствие. А главное — пропадут посевы. Перспектива весьма плохая.

Хорошо, что мы с Тамарой не расписались. Теперь вот и определится ее искреннее отношение ко мне. Если она любит, то не оставит ни при каких обстоятельствах. Нас не связывают официальные узы, и здесь ей вольно сделать выбор. Каков он будет?

9 июня.

Все инстанции прошел. Завтра остался только Персональный отдел — и можно ехать в Варшаву. Думаю быть там в субботу. В воскресенье двину под Варку. Обойду все знакомые места, где воевал, где пережито так много. Не скоро придется снова попасть в эти места. И доведется ли вообще когда-нибудь побывать в Польше? По-видимому, нет. Впрочем, в жизни бывает так много всяких неожиданностей, причем таких совершенно непредвиденных. Не стоит ничему удивляться.

От Блонского получил характеристику. Хорошая. А Снегирев еще добавил кое-чего от себя. Видел свою служебную характеристику. Та, которую писал Венцковский на польском языке — хорошая, даже отличная, а вот перевод на русский далеко не дословный. Я бы сказал, что характеристика проиграла. Но что сделаешь. Был бы здесь Венцковский, все было бы иначе, а так... Сабор торжествует. За то, что я в свое время ругал его за бесшабашное перемещение кадров, за неправильную их расстановку (был такой случай с выпускниками из Рембертува), и он мне отплатил. В Варшаве у полковника Кожуха поставлю этот вопрос, попрошу достать мне предыдущую характеристику. Та еще лучше последней, написанной самим командующим. И некому об этом сейчас говорить. Евченко вообще ведет себя нехорошо. Это его «заслуга» в том, что я не получил очередного звания. После пришлю ему письмо и «поблагодарю».

А как он вел себя сегодня? Сказал ему, что если речь идет о квартире, то я могу ее освободить в два счета. Как-нибудь найду местечко у друзей. Свет не без добрых людей.

Краков

20 июня.

Итак, все по порядку. В прошлую пятницу (это значит, 11 июня) выехал в Варшаву окончательно оформляться. Знал, что в понедельник в Кракове для нас состоятся проводы, но оставаться на них не хотелось: нужно было спешить скорее оформляться. Надоело уже жить, как на вокзале, без дела. Вечером приехал в Варшаву и с трудом нашел Балтрукевича на Кошиковой, 79а, кв. 28. Он принял меня приветливо, по-товарищески. В субботу в управлении кадров сдал личное дело и договорился с Кожухом о характеристике. Мне перевели и выдали на руки все мои характеристики. Должен сказать, что после того, как прочитал их, убедился, что характеристики очень хорошие. Особенно те, которые писал Венцковский. За оперативную группу «Висла» заработал тоже прекрасную оценку. Обнаружил со всей очевидностью, что звания в прошлом году не получил по вине Сабора. Он вопреки приказанию послал представления без подписей. Нарочно забыл их оформить. Теперь ничего нельзя сделать.

За свою проницательность, за то, что не мог примириться с вредной персональной политикой Сабора, мне пришлось пострадать. Но я не жалею: все-таки жертвовать принципиальностью ради личных интересов, шкурнических целей — это подлость, страшно низко. Жизнь нужно прожить честно, так, чтобы не стыдно было перед самим собой, перед своей совестью.

В воскресенье поехал в Варку. Там обошел лес, деревни, все нашел, в т. ч. и бывшие немецкие траншеи. Нашел старую свою землянку. Наблюдательный пункт. Как живые, встали перед глазами картины того памятного лета 1944 года, когда вот здесь, в этих самых лесах, в этих вот окопах мы воевали. Вот дороги, по которым возили раненых, вот остатки блиндажей, где размещался штаб батальона Мастовича. Вот с этой опушки я отправлял своих разведчиков в разведку, а вот в этом месте, напротив Грабув-Залесны (он тогда был в руках немцев) 2 сентября 1944 года мы взяли пленного фрица... Припоминаю даже, как он выглядел. Сейчас окопы разрушены, местами местные жители засыпали их песком. В одной избушке (раньше мы часто наблюдали ее в бинокль) собрались крестьяне, и я им рассказал, как дрались, как умирали за их деревню лучшие сыны

народа. Ведь дважды мы брали с бою эту деревушку и дважды вынуждены были отдать ее врагу...

С одним из жителей обходим линию немецкой обороны. Находим патроны, гильзы, поржавевшие от времени. Так вот как выглядела эта оборона. А ведь сколько раз мы тогда старались ее разгадать, пытались представить себе «начертание переднего края обороны противника». И вот теперь, после четырех лет, я могу проверить свои предположения.

Как изменился лес. Весь побитый, обгорелый, сухой. И весь изрытый траншеями, блиндажами. Теперь они полуобвалились, затекли водой, а ведь помню, как в них прятались люди, мои товарищи... Теперь все выглядит, как заброшенное кладбище. Впрочем, для скольких из наших бойцов этот лес и стал кладбищем. Вспоминаю наше наступление на Зосин. Вспоминаю смерть поручика Германа вот на этом бруствере. Пуля пробила ему череп навылет, и он навсегда остался в этом лесу. Помню Войтовича и то утро, когда он последний раз выдвигался на эту опушку со своей снайперской винтовкой. И здесь остался... Друзья мои!.. Не суждено вам так, как мне вот сейчас, снова увидеть Варку, воды Пилицы, не суждено вам было дожить до светлого дня победы, смеяться и радоваться вместе с нами, вашими боевыми товарищами, оставшимся в живых. Но мы помним о вас, чтим вас, чтим вашу память. Своей смертью вы завоевали себе бессмертие. И я приехал сюда, на место нашей общей брани, отдать вам последний долг, попрощаться.

В лес, где размещался некогда наш штаб, не пошел: далеко, да и не было времени.

Пешком через Варку добрался до станции и вечером был в Варшаве.

С понедельника — снова оформление дел в посольстве, у вице-министра. Попрощался с Кожухом, с генералом Комаром и только в пятницу смог вернуться в Краков.

В субботу оформлял свой выезд. Попрощался с Моссором. Он меня принял очень учтиво, сожалел, что более нам не придется вместе работать, пожелал счастья и успехов в новой жизни. Подарил на память от себя лично и от офицеров округа портсигар с выгравированной благодарностью. Получил я также благодарность от Главкома, маршала Роля-Жимерского.

В ней написано: «От лица службы объявляю Вам благодарность за честный и самоотверженный труд, положенный Вами в Войске Польском. В совместной дружной работе с молодыми боевыми соратниками — польскими офицерами — во время боев, как и во время преодоления организационных трудностей, Вы передали им боевой опыт и высокие военные знания, которыми долго будет пользоваться наша армия. Вы заслужили признательную память, помощь Ваша будет крепить великую дружбу между польским народом и народами СССР. Варшава, 16 июня 1948 г.».

Самое главное, что я не подвел, по мере своих сил старался оправдать возложенную на меня ответственную задачу правительства и нашего народа. И сознание этого — самая большая для меня награда.

Тревожат плохие предчувствия. Как-то меня встретят дома? Как там Тамара? Вчера в откровенном разговоре старушка Шершниха созналась: однажды Тамара ей говорила о том, что в Москве у нее есть «мальчик» и что со мной она жить не будет. Как мне тяжело и больно было это слышать. За что все это? Не я ли писал ей в окопах, на привале, не мечты ли о встрече с ней вселяли в меня силы, не ее ли я ждал долгими месяцами в Кракове, не срывал ее с учебы, чтобы закончила институт, и жил один, сам по себе... И для чего это все? Где ее совесть, рассудок? В последнее время я не видел с ее стороны ни любви, ни привязанности. А, может быть, лучше всему положить конец? Что будет стоить жизнь, полная сомнений в искренности ее чувств?

Вопросы, над которыми есть повод задуматься. Дал телеграмму, чтобы мама выехала во Львов. Дорогой (если, конечно, приедет) переговорим с ней откровенно.

Посмотрю, как Тамара будет вести себя в дальнейшем. Если только не согласится ехать со мной из Москвы, то, значит, нужно со всем кончить. Разве это жена, которая не захочет разделить с мужем его учесть. Нет, это не жена! Это не подруга жизни!

Впрочем, все может оказаться и не так плохо и сложно, как я себе сейчас представляю. На месте сориентируюсь лучше.

Выезжаю из Кракова утром в четверг 24 июня. Сегодня — мое последнее воскресенье в Кракове.

Краков, Польша

Некоторые сокращения, использованные в тексте

АБТВ — автобронетанковые войска

БУП — боевой устав пехоты

ВДП — воздушно-десантная подготовка
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВНОС — воздушное наблюдение, оповещение и связь
ВС-I, ВС-II — курсы «Ворошиловских стрелков», готовящие стрелков по двум категориям

Горнаробраз — городской отдел народного образования
ГТО — «Готов к труду и обороне!», комплекс спортивных норм, основа воспитания массовой физической культуры в СССР
ГУК НКО — Главное управление командования Народного комиссариата обороны

ДКА — Дом Красной Армии

ж.-д. — железнодорожный
жилкооп — жилищный кооператив

КВО — Краковский военный округ
КирТАГ — Киргизское телеграфное агентство
КП — командный пункт
КП(б)К — Коммунистическая партия (большевиков) Киргизии
КП(б)Уз — Коммунистическая партия (большевиков) Узбекистана
КЭЧ — квартирно-эксплуатационная часть

ЛКСМУ — Ленинский Коммунистический союз молодежи Украины

МПВО — местная противовоздушная оборона

НКВД — народный комиссариат внутренних дел
НКС — народный комиссариат связи
НП — наблюдательный пункт
НПСШ — Наставление по полевой службе штабов
НСЗ — *Народове силы збройне (польск.),* Националистические вооруженные силы

ОВС — общевойсковое снабжение
ОП — огневые позиции
Осоавиахим — Общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству в СССР (существовало в 1927—1948 гг.)

ПВХО — противовоздушная и противохимическая оборона
ПНШ-2 — второй помощник начальника штаба
ППР — Польская рабочая партия
ППШ — пистолет-пулемет Шпагина или Шапошникова
ПРП — подвижный разведывательный пост
ПУОКР — политическое управление военного округа
РГД — разрывная граната дистанционного действия
РКА — Российская Красная Армия
РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия

САГУ — Средне-Азиатский государственный университет
САВО — Средне-Азиатский военный округ
СВТ — самозарядная винтовка Токарева
СНК — Совет народных комиссаров

ТАСС — телеграфное агентство Советского Союза

УзССР — Узбекская советская социалистическая республика
УзТАГ — Узбекское телеграфное агентство
УзФАН — Узбекский филиал Академии наук СССР
УНРА — Украинская народно-революционная армия
УПА — Украинская повстанческая армия

ЦДКА — Центральный Дом Красной Армии
ЦК — Центральный Комитет
ЦС - Центральный Совет

ЧП — чрезвычайное происшествие

Штаарм — штаб армии
Штадив — штаб дивизии

ЮННРА — администрации Объединенных Наций для оказания помощи и обновления пострадавших в годы войны стран

Содержание

Мемуарная литература

Николай Власович Бунда
ДНЕВНИКИ (1941–1948 годы)

Материалы подготовили к публикации:

А. В. Черных, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН;

М. В. Старцева, председатель правления Пермского центра польской культуры, член правления «Конгресса поляков в России»;

Т. Г. Голева, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Пермского краевого института повышения квалификации работников образования.

Редактор *М. В. Лебедева*
Корректор *И. Ю. Коптева*
Компьютерный набор *Л. А. Шутова*
Дизайн обложки и верстка *Л. Г. Пенягина*

Б 91 Николай Бунда. Дневники (1941–1948 годы).– СПб.: Издательство «Маматов», 2010.– 624 с.

Дневники Николая Бунды – своеобразная история молодого человека с непростой судьбой. Временной диапазон записей – 1941–1948 годы, географические точки – белорусские и украинские селения, где прошли дтство и ранняя юность, города и поселки Средней Азии, куда забросила профессия спецкора военной газеты, территории Польши, Германии, Чехословакии, где воевал в составе Войска Польского и затем содействовал восстановлению мирной жизни. Дневник сохранил для читателей нового века детали быта конкретного человека, особенности его мировоззрения и характера.

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-91076-036-7

Подписано в печать 14.03.2010. Формат 84x108$^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 32,76. Тираж 1000 экз. Заказ № 606.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс «Звезда».
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34

Издательство «Маматов»
190068, г. Санкт-Петербург, Вознесенский пр., 55а
www.mamatov.ru

Дневник

Николая Бунды

**Предлагаемая вам книга —
не воспоминания.
Это — дневники,
записи ежедневных событий
в режиме реального времени,
а значит — не переосмысленные
и оцененные позже,
с высоты прошедших лет.
Особо важными являются страницы,
связанные с временем
Великой Отечественной войны.
Они хранят мысли и чувства человека
именно тех далеких дней,
каждый из которых мог стать
последним...**